63.3(5К23)
И32

ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА: ИССЛЕДОВАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ

ИЗ ИСТОРИИ КАЗАХОВ

320210

ИЗ ИСТОРИИ КАЗАХОВ

АЛМАТЫ
ТОО «ЖАЛЫН» БАСПАСЫ
1999

ББК 63.3(5Каз)
И 32

**Выпущена по программе
Министерства культуры, информации
и общественного согласия Республики Казахстан**

58010

И 32 **Из истории казахов:** Сборник/Сост.— С. Ешмухамбетов., С. Жекеев — Алматы: ТОО «Жалын» баспасы», 1999.—528 стр.

ISBN 5-610-01406-0

В сборнике «Из истории казахов» представлены малоизвестные широкому кругу читателей материалы, освещающие историю казахов разных времен.

О периоде колонизации Казахстана Россией подробно рассказывают русские историки, аргументируя свое повествование документами, свидетельствами очевидцев и личными наблюдениями. В сборник включены исторические очерки П. П. Семенова-Тяншанского, Свена Гедина, П. Р. Галузо, О. А. Игельстрома, выдержки из «Сборника узаконений о киргизах степных областей», обзоры Семиреченской, Акмолинской областей 1894—1895 гг., подготовленные служащими царской администрации, и другие материалы.

И $\frac{0503020905—02}{408(05)99}$ **7-98**

ББК 63.3 (5Каз)

ISBN 5-610-01406-0

© Составление, 1999

Из книги

МУРАД АДЖИ

«ПОЛЫНЬ ПОЛОВЕЦКОГО ПОЛЯ»

Москва. ТОО «Пик-Контекст»,— 1994 г.

Одним из первых ученых, открывших заново европейскую лингвистику, был датчанин Вильгельм Томсен, его работы, выполненные в прошлом веке, вошли в золотую коллекцию науки. В. Томсен чуть было не взорвал Европу — взрыв грозил отозваться большим пожаром в столь складно написанной истории Старого Света.

«Какие гунны?», «При чем здесь эти варвары?»— вопрошали многие, прочитав безукоризненную работу выдающегося датского ученого, убедительно доказавшего, что история Европы без истории кипчакского народа пуста и несостоятельна.

Вильгельм Людвиг Петер Томсен (1842—1927) родился в семье почтмейстера городка Рандерса, здесь прошло его детство, здесь он начал свою университетскую карьеру. Занятия теологией не принесли молодому человеку удовлетворения, и его увлекли другие науки — филология и ботаника. Томсену повезло: ему встретились выдающиеся преподаватели, которые обратили внимание на его феноменальную память и разглядели в юноше дар филолога.

Он воспитывался в образцовых традициях классической европейской школы, которая предполагает сочетание лабораторных и полевых исследований. В путешествиях перед ученым открывался живой неповторимый мир, а в библиотеках — мир ушедший. Арабский, персидский, японский, китайский, цыганский — десятки языков постиг Томсен, пока наконец не познакомился с экзотическим для Европы тюркским языком. Ученый почувствовал в нем некую тайну, сердцем почувствовал как бы «прародину» некоторых европейских языков, их лингвистический фундамент, но разум его долго противился голосу чувств, до тех пор, пока не представился случай.

В 1887 году Томсена пригласили профессором на кафедру сравнительного языкознания в Копенгагенский

университет. Мировую известность в те годы ему принесла работа о связях Древней Руси со Скандинавией и происхождении Русского государства. (Именно русского, а не славянского!) Надо ли говорить, что исследование датского профессора выразило точку зрения, которая существенно отличалась от принятой в России. Собственно, профессор Томсен был одним из первых ученых, кто писал правдивую — без политики!— историю Руси, такой, каковой она и была.

Неспособность ни опровергнуть, ни принять выводы этого фундаментального исследования, в котором не нашлось места легендам и вымыслам, сделала имя профессора Томсена если не запретным, то по крайней мере не афишируемым среди российских ученых. Жаль! Мир от него узнал правду о Киевской Руси.

Профессор Томсен не раз посещал Россию, он блестяще знал европейские (венедские) корни славянской культуры. Именно этот выдающийся лингвист обнаружил то, что почему-то всегда ускользало от внимания российских ученых,— он выявил кипчакскую основу той культуры, которая ныне ошибочно называется русской.

Хотя, возможно, уважаемый профессор просто научно обосновал давно известное. Говорят же французы: «Поскреби любого русского, будет татарин». Вот Томсен и поскреб Русь.

А началось все с письменных памятников, открытых тогда в России, вернее, в Южной Сибири, на древней родине кипчаков, ведь оттуда же пришли воины Аттилы.

Памятники эти простояли более тысячи лет забытыми. Изучать историю колонизованных народов не входило в сферу интересов российской науки. Наоборот, со времен Петра I эти кипчакские памятники методично уничтожали, как и все, что связано с «малыми народами». Петр так и писал в своем указе: «А басурман зело тихим образом, чтобы не узнали, сколько возможно убавлять». И убавляли. Геноцид — старая традиция доброй России, которая не забывалась ни при какой власти.

Вот почему находки Даниэля Готлиба Мессершмидта остались без внимания. Этот естествоиспытатель из Данцига первым* среди европейцев в 1719—1727 годах путе-

* Есть мнение, что первым все-таки был пленный шведский офицер Ф. Страленберг, он увидел загадочные наскальные знаки в 1713—1722 годах, проживая в Сибири, и назвал их руническими из-за внешнего сходства с германскими рунами.

шествовал по Сибири. В Южной Сибири, неподалеку от Нерчинска, Мессершмидту показали остатки древнего кладбища, где сохранились два причудливых камня, покрытых рельефными изображениями и надписями.

С изображениями все было ясно: сцены охоты и жертвоприношений, животные, лица, орнаменты были выполнены с большим чувством вкуса и гармонии. Письменные же знаки показались немецкому ученому знакомыми, чем-то напоминающими древнегерманские руны. Но он сразу отмел глупую догадку — слишком далеко Сибирь от Германии.

В Петербурге находку Мессершмидта приняли без восторга. На снятые им копии с уникальнейших памятников старины даже не стали смотреть, не говоря уж о том, чтобы публиковать их. Письменность велено было считать скифской и рекомендовано сдать копии в архив за ненадобностью. Никого не смущало, что скифы так далеко на востоке никогда не жили,— впрочем, к чему эти детали?

Позже, с помощью одного из послов Екатерины II, эти копии тайно попали в Европу и там были изданы. Видимо, воровство и подпольная торговля древностями практиковались в России уже тогда. Так или иначе, а мир узнал об одной из забытых страниц своей истории — правда, речь еще шла о древнетюркской культуре.

О сибирских стелах с диковинными рисунками заговорили даже в салонах знати, уж очень все выглядело таинственным и величественным. Особенно после публичных высказываний аббата Бальи о сибирской Атлантиде и об атлантах-сибиряках, которые погибли при загадочных обстоятельствах.

Конечно, публикация о народах Мессершмидта не прошла бесследно. С той поры для многих европейских ученых охота за древностями из Сибири стала страстью. За бесценок скупались редчайшие произведения культуры, на которые щедрыми оказались не только Сибирь, но и вся степная Россия, ее курганы. Сколько же богатств потеряно — но и сколько найдено — в ходе этого откровенного грабежа.

К началу XIX века в Южной Сибири было открыто несколько важнейших памятников, испещренных таинственной письменностью. В степной России явственно проступали следы удивительной и неизвестной в Европе

культуры, которые манили к себе, к сожалению, в первую очередь авантюристов.

В Париже, в мировом центре востоковедения, едва ли не каждый год обсуждали тогда новые и новые находки, привезенные из степной России. Конечно, о многих своих находках владельцы предпочитали молчать, чтобы не вступать в конфликт с законодательством, речь шла о золотых изделиях, на обладание которыми требовались документы.

Наконец, парижским востоковедам показалось, что собрано достаточно материала и можно подумать о дешифровке таинственной письменности. Первыми взяли на себя ответственность А. Ремюза и его вечный противник в научных дискуссиях Ю. Клапрот. Они оба, как титаны, попытались сдвинуть гору. Тщетно. Не удалось даже определить, к какой группе языков могли бы относиться загадочные письмена. Тайна, окутывавшая находки, лишь сгущалась.

А в гипотезах недостатка не было. Экспонаты не давали покоя многим археологам. Кто-то склонялся к версии об их скифских корнях. Придумали даже некий народ «чудь». Однако большинство исследователей сошлись на признании новых письмен древнегерманскими рунами, хотя бы по причине их почти внешнего сходства. Без всякого обоснования,— отнести, и все.

Как часто бывает в науке, безрезультативность, отсутствие свежих идей мало-помалу охладили интерес к загадочным памятникам, и они вновь погрузились в дрему, в ожидание своего часа.

Фонетич. знач.	Руны	Кёк-тюрки	Фонетич. знач.	Руны	Кёк-тюрки	Фонетич. значки	руны	Кёк-тюрки	Фонетич. знач.
f			g h			k t			k
u			s n			d b			k
th			y i			s e			lt
a			k y			y m			b
r			e			a l			j
			ng p			ng			b
g			d R			c o			b
w			y s			r dh			

Интерес к сибирским находкам пробудился в 1875 году, когда вернулся из Минусинской экспедиции финский ученый М. Кастрен. Он опубликовал работу под названием «Енисейские надписи». Это была, пожалуй, самая обстоятельная и полная работа. Все, чего только желала неуемная душа археолога, было там. Последнее слово отдавалось лингвистам, а они молчали, словно набрав в рот воды. У них-то идей не было!

Ажиотаж зарубежных исследователей разбудил Россию. На VIII Российском конгрессе археологов Н. М. Ядринцев, как говорится, «открыл Америку»: он, побывав в Маньчжурии, обнаружил то, что больше века уже изучали европейские археологи.

Доклад Ядринцева был принят к сведению.

А тем временем весной 1890 года в совершенно безлюдной местности на сибирской реке Орхон финский исследователь А. Гейкель обнаружил неподалеку от озера Кошо-Цайдам еще два древних памятника. Радости ученого, который пробрался сюда вместе с братом и женой, не было предела.

Первый памятник представлял собою мощную каменную плиту, формой напоминающую мемориальный камень. По тому неудобному положению, в каком она лежала, Гейкель догадался, что ее когда-то сбросили с постамента. Видимо, здесь было какое-то грандиозное многометровое сооружение, от которого остались руины.

На сохранившихся орнаментах можно было разобрать драконов, небольшие пятиугольные таблички с надписями. Но многое выглядело разрушенным, стертым безжалостными стихиями. Получив, что можно было получить от этого памятника, Гейкель сделал вывод: работа китайская.

Смущала, однако, небольшая деталь — китайская надпись покрывала только одну сторону каменной плиты. На трех других ясно просматривались письмена уже знакомого «древнегерманского» рунического альфавита. Точно такого же, как на всех других сибирских находках. Почему?

Неподалеку от этой плиты, не иначе как повергнутой стелы, как заключил ученый, находился большой четырехугольный алтарь. Рядом с ним погруженные в землю остатки какого-то длинного строения. Гейкель составил точный план памятника. И начал копать. Вскоре обнажилась засыпанная землей стена, выложенная из кирпичей.

Работая лопатой, археологи нашли семь статуй с отбитыми головами. Они были явно не китайской работы. Глядя на них, Гейкель понял, что версия об их китайском происхождении отпадает. Одежда и оружие, известные по находкам на Дону, Дунае и в других районах забытого Дешт-и-Кипчака, указывали на тюрков.

Однако ясности это открытие не прибавило: при чем здесь тюрки?

В километре от раскопа Гейкель и его спутники нашли еще один точно такой же памятник, только еще крупней. Он тоже был покрыт надписями, часть которых, к сожалению, стерлась. И опять — одна сторона памятника была с китайскими иероглифами, а три другие с уже известными «неизвестными» письменами — видимо, тюркскими.

Он и его товарищи еще не подозревали, что открыли надгробие принца Кюль-тегина и его брата Бильге-кагана. Найденные надписи они скопировали и увезли с собой, а в 1892 году издали в Гельсингфорсе. Вроде бы таинственные письмена начали обретать хозяина, хотя все точно знали, что древнетюркской письменности не существовало — слишком диким был этот народ. Варвары же!

Сведений о загадочной «сибирской письменности», как осторожно называли ее, набралось уже более чем достаточно. Следы ее были замечены и в находках около Урала, Волги, Дона, Днепра, Дуная. Оставалось лишь найти человека, который прочтет то, что за сто лет собрано археологами.

И такой человек, к счастью, нашелся. Правда, сперва никто и не придал значения его тонюсенькому (всего несколько страничек!) докладу, который он представил Датскому королевскому научному обществу. Доклад был подписан именем, ничего не говорящим археологическому миру,— какой-то В. Томсен, профессор кафедры сравнительного языкознания Копенгагенского университета. Случилось это 15 декабря 1893 года — дата второго рождения тюрков!

Копии надписей с загадочными «сибирскими» письменами попали к профессору Томсену совершенно случайно. И в счастливую минуту. Сперва он установил направление письма, чтобы тем самым выяснить, как нужно читать надписи. Оказалось, читать следует не слева направо, подобно монгольскому, а справа налево, подобно вертикальным строкам китайской письменности.

Следующий шаг стоял в подсчете букв. Он тоже не утомил профессора. Это позволило ему сделать заключение, что речь идет об уникальной, не известной ранее системе письменности, стоящей обособленно между алфавитным и слоговым письмом, принятым на Западе и на Востоке.

А дальше все уже было совсем доступно для человека, кототрый знает три десятка языков.

Первое слово, которое прочел датский профессор Вильгельм Томсен, было «Тенгри». Божественное предзнаменование! Оно первым вышло из молчавшего камня.

Ученый не знал, что означало это непонятное ему слово, лишь позже из текста он догадался, что речь идет о «Небе», о «Боге небесном».

Так оно и было. Великий Тенгри открыл в XIX веке древнетюркскую письменность, которой, как считалось, не было, но которая во II веке ушла с Алтая в Европу и там пропала вместе с кипчаками.

Прочитанный Томсеном язык принадлежал народу, который китайцы называли «ту-кюэ». Чистейший тюркский язык, диалект, намного более древний, чем все известные до того тюркские диалекты.

После этого открытия датчанин Томсен стал выдающимся знатоком тюркских диалектов, вскоре он мог свободно читать, писать и говорить на языке Аттилы. Стараниями профессора из Копенгагена кипчакский алфавит был вырван из цепких лап забвения. Стало ясно: открыта уникальная, почти неизвестная культура, носителями которой были «гунны», «варвары», «геты» и т. д.— словом, тюрки-кипчаки. Скрывать их культуру дальше было уже невозможно.

Прошло три года после того триумфального декабрьского вечера в Датском королевском научном обществе, на котором профессор В. Томсен сделал свой потрясающий доклад. Вышла книга ученого, где за лаконичным названием «Дешифрованные орхонские надписи» скрывался ключ к прочтению древних кипчакских текстов.

В книге был опубликован не только полный алфавит, но и комментированный перевод всех известных тогда надписей. Это по сути был первый и единственный в мире учебник грамматики кипчакского языка, о котором потомки кипчаков в России, похоже, и не слышали.

Сомнений уже не было (и более поздние исследования подтвердили), на территории Южной Сибири за пять веков до новой эры существовала величественная империя. Она прожила свою жизнь, оставив к первым векам новой эры лишь следы после себя. Народ пропал. Куда? Как? Почему?

Этого никто не знал — требовалось специальное исследование.

Забегая вперед, надо отметить, что чувство первооткрывателей испытали наряду с Миссершмидтом и его последователями сибирские археологи во главе с академиком А. П. Окладниковым. Они уже в XX веке открыли свою Сибирь — ту исчезнувшую империю, существование которой предположили в XIX веке европейские археологи.

Итак, в XIX веке мир узнал, что в каменных посланиях хотели передать предки своим потомкам. Камни заговорили. Заговорила молчавшая веками истинная история степняков.

Тексты, открывшиеся В. Томсену, были различны по возрасту и по содержанию. Какие-то памятники относились к периоду, предшествовавшему Великому переселению народов. Но лучше сохранились надписи более позднего времени.

Их язык и выразительность фраз не оставляют равнодушным: «Обращается ли надменно к своему народу или горько скорбит о смерти брата правитель Бильге-каган, упивается ли своим величием старый хан Тоньюкук, не преминувший указать на своем надгробии, какое несчастье обрушилось бы на народ тюрок, если бы не было на свете его, мудрого Тоньюкука»,— все эти высказывания близки нам, потомкам тех людей, ибо они восходят к корням нашего народа, которому не оказалось места под солнцем Истории.

Содрогнемся же, кипчаки, пусть закипит наша подгнившая кровь, слова мудрейшего предка Бильге-кагана обращены именно к нам, позорно забывшим свое родство:

«Небоподобный, неборожденный... тюркский каган, я ныне сел на царство. Речь мою полностью выслушайте

идущие за мной, мои младшие родичи и молодежь, союзные мои племена и народы.

Когда было сотворено вверху голубое небо, внизу темная земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие. Над сынами человеческими восседали мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Сев на царство, они устроили племенной союз, так появился тюркский народ. Четыре угла света были им врагами. Выступая с войсками, они покорили все народы, жившие по четырем углам, и принудили их всех к миру. Имеющих головы они заставили склонить головы, имеющих колени они заставили преклонить колени.

Мой младший брат, Кюль-тегин, скончался, я же заскорбел; зрячие очи мои словно ослепли, вещий разум мой словно потух. Время распределяет небо, сыны человеческие все рождены с тем, чтобы уйти».

Таковы строки надгробного послания. В простоте их мудрость. Но могли ли допустить в самом страшном сне великие наши предки, что их потомки так жалко обмельчают? Что они потеряются среди других народов? Все растеряют, даже свое имя.

«Сам я состарился и возвысился,— велел запечатлеть свои слова другой каган.— Если бы в какой-либо земле у народа, имеющего кагана, оказался бы бездельник, то что за горе имел бы этот народ! Я, мудрый Тоньюкук, приказал написать это для народа тюркского Бильге-кагана...»

О-о, почтеннейшей Тоньюкук, сколько же их, бездельников, за века оказалось среди степняков. Растеряли все — память, историю, традиции. Потеряли даже свою родину — Ана-дол.

Книга Томсена содержит немало полезного. Поначалу она заинтересовала только востоковедов. Потом — лингвистов, историков, политиков. И открылись новые факты, которые неплохо дополнили его книгу.

А факты таковы. Мюнхенский востоковед-любитель Франц Бабингер, работая в семейном архиве князей и графов Фуггеров в Аугсбурге, наткнулся на некие старинные тексты, которые относились к событиям 1553—1555 годов. Эти тексты были срисованы со стены одного здания, служившего, видимо, конюшней, и никто никогда не придавал им значения, принимая их за экзотическую картину из Стамбула либо за затейливый орна-

мент. Словом, ерунда, случайно оказавшаяся среди деловых бумаг.

Но Франц Бабингер не называл бы себя востоковедом, не читай он книгу профессора В. Томсена и не узнай в найденном тексте древнетюркское руническое письмо!

Счастливый обладатель находки отослал фотокопии прославленному дешифровщику древнетюркского письма господину Вильгельму Томсену в Копенгаген. Но и тот был поставлен в тупик. Рождалась новая тайна. Присланные руны (буквы) при их сходстве с древнетюркскими все-таки отличались. Специальное исследование, кажется, все поставило на свои места — перед учеными предстал исчезнувший европейский диалект тюркского языка. Но это вызвало еще большее недоумение. Откуда?.

Найденный текст проливал свет на одно историческое событие, хорошо известное из древних венгерских хроник. Так что сомневаться в достоверности описанного факта не пришлось. Документ подлинный. Но ученый обратил внимание, что в основе письма лежат уже несколько измененные по форме руны, которые больше походили на насечки или зарубки. Собственно, этим и отличались они от «сибирских» рун, внешним своим видом отдаленно напоминавших какие-то элементы китайской графики. Здесь же все было иначе, здесь был свой — европейский — стиль письма, близкий скорее к греческому или латинскому.

Открытый текст В. Томсен определил как древневенгерский язык, первым знатоком которого вскоре стал Франц Бабингер, он позже подготовил об этом языке большую научную работу. Правда, при ее подготовке выяснилось, что подобные тексты часто попадались в архивах разных европейских стран, но им никогда не придавали значения. Просто никто не задумывался над этими якобы случайными бумажками.

Почти все найденные документы были написаны правильно — справа налево. Лишь один текст, относящийся к 1501 году и найденный в Чиксентмиклоше, был написан неправильно и читался слева направо. Стало очевидно, что тюркский — кипчакский — язык выполнял роль языка межнационального общения в Центральной Европе *. Все делопроизводство — составление купчих, пла-

* Справедлив вопрос: почему именно в XV—XVI веках тюркский язык исчез из Центральной Европы? Какие причины побудили европейцев быстро вычеркнуть его из своей речи? из своей памя-

нов земли, счетов и т. п.— велось на нем. Вот откуда удивительное сходство древнетюркских и древнегерманских рун.

И это опять не все. Бабингер нашел забытый труд венгерского историка Телегди, который в 1598 году написал книгу о языке кипчаков. Казалось бы, тайна европейского диалекта тюркского языка вот-вот окончательно раскроется: она уже вся лежала на поверхности и не представляла собой тайны. Требовалось лишь признать очевидное и написать о нем. Вот этого никто тогда и не сделал.

Франц Бабингер был все-таки ученым-любителем, не уверенным в себе. Его внимание не привлекло то обстоятельство, что в Венгрии в районе города Семиградье живет народ по имени «секели», который — пожалуй, единственный в Европе — издревле без стеснения называет себя потомком гуннов, хотя ныне и не говорит на языке предков. У него сохранилась ясная историческая память, запечатленная не только в литературных произведениях, но и в письменных документах той далекой поры. Вот судьба и не подарила Бабингеру удачу, вернее, он сам не взял ее из-за робости и неуверенности в себе.

Когда бакалавр Ганс Дерншвам из Лейпцигского университета приехал к секелям, чтобы познакомиться с их древними документами, о которых вскользь упоминал Бабингер, то обнаружил, что они совершенно иные, чем древневенгерские тексты. Секельские руны показались незнакомыми молодому ученому. Он скопировал их и, недовольный, уехал.

Однако стоило взглянуть на них более опытным лингвистам, как они развели руками — документы оказались составленными на чистейшем древнетюркском языке. На языке Аттилы!

Вот теперь-то круг сомкнулся окончательно. С науч-

ти? Причина, очевидно, была только одна — новое нашествие с Востока! И вновь тюрки. Но на этот раз не кипчаки, а огузы, они заняли в 1453 году Константинополь и вскоре начали с юго-востока колонизировать Центральную Европу, неся в христианские страны идеи ислама. Жестокое противостояние тюрков-огузов и тюрков-кипчаков продолжалось в Центральной Европе веками, оно, как известно, продолжается и поныне. Якобы недавно вспыхнувшая война на Балканах между сербами христианами и мусульманами на самом деле лишь один из эпизодов той нескончаемой войны, которая то вспыхивает, то затухает уже столько веков. Забыты причины, забыты истоки, забыты знамена, а братоубийственный бой продолжается. И опять ведут его тюрки!

ной точки зрения уже не вызывало ни малейшего сомнения, что предки жителей Центральной Европы — а именно там, по крайней мере до XV—XVI веков, было прослежено бытование тюркского языка — и есть кипчаки по крови. Те самые кипчаки, которые произвели Великое переселение народов и которые считались исчезнувшими.

Идентичность языка, сходство письменности были установлены безоговорочно. Казалось бы, научное открытие, не оставляющее даже места для споров, налицо.

Споров и не было.

Европейцы просто не пожелали вести их, это потребовало бы переписать их историю в соответствии с реалиями жизни. Но всех устраивала ложь!

Где-то посчитали, что работы В. Томсена и его коллег наносили удар по слишком обостренному национальному чувству жителей Трансильвании. И не только по нему — кипчакское прочтение истории Европы не оставляло камня на камне и от сложившейся теории народонаселения: трещит вся индоевропейская версия, как старая галоша на морозе.

Вот почему в XX веке и не было ошеломляющих открытий в области лингвистики, которые позволили себе гениальный Вильгельм Томсен и его увлеченные коллеги.

Правда, вялотекущие исследования идут, но они исподволь обретают обратную направленность — подальше от Истины. Потому что всегда и в среде ученых находятся люди, которые задают слишком много скучных «зачем?» или «зачем это мне нужно?». Политики от науки — во всем мире самые скучные люди.

Например, кого из них смущает «провал», наблюдаемый в хронологии Европы, в ее истории: найденные документы написаны, как правило, либо до VII—VIII веков, либо в более поздние времена — с XV—XVI веков. Почему? Нужна научная смелость, чтобы высказать мысль: тюркские документы просто уничтожались, как уничтожалось в Европе все Тюркское. Впрочем, не все. Как свидетельствует очевидец, один из древнейших текстов библии — «Псалтырь», который хранится в библиотеке Ватикана, написан на тюркском языке, его в V—VI веках привезли в Рим с Дона, из города Тан. Об этой и других священных христианских книгах, написанных на «гуннском языке», упоминает также в своих сочинениях знаменитый историк раннего средневековья Моисей Каганкатваци. Нет, от фактов не отмахнуться.

АФАНАСИЙ НИКИТИН

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ

Из сборника «Все народы едино суть»
М., «Молодая гвардия», 1987.

Афанасий Никитин — тверской купец. Других биографических данных, кроме тех, которые заключены в «Хождении» и в заметке, предваряющей его текст в летописи, нет. Путешествие традиционно датировалось 1466—1472 годами, Л. С. Семенов датировал его 1468—1474 годами, а пребывание в Индии — 1471—1474 годами.

Известны три редакции, или извода, «Хождения». Одна из них сохранилась в составе летописей.

Купцы, вероятно те, вместе с которыми Афанасий Никитин возвращался на родину, передали его собственноручное «написание», или «писание», великокняжескому дьяку Василию Мамырееву, а затем оно оказалось в руках составителя летописи. Эта летопись была закончена позже, в 80-е годы XV века. Исследователями установлено, что ее составитель принадлежал к среде кремлевского духовенства, вероятно к клиру Успенского собора, отличался широтой интересов и независимостью мышления. Именно он и произвел разыскания о личности «тверитина», автора записок; образованного и умного летописца не могла не поразить их новизна и необычность.

Оригинальный летописный памятник, в который вошло и «Написание» Никитина, не дошел до нас в самостоятельном виде, он сохранился лишь в составе более поздней летописи. Так «Хождение» оказалось включенным в летопись вторично, а именно во вторую редакцию летописного свода 1518 года (Софийская II, Львовская летописи). Одна из содержащих его рукописей относится к первой трети XVI века.

В год 6983 (1475). В том же году получил записи Афанасия, купца тверского, был он в Индии четыре года, а пишет, что отправился в путь с Василием Папиным *. Я же расспрашивал, когда Василий Папин послан был с кречетами послом от великого князя, и сказали мне — за год до казанского похода** вернулся из Орды, а погиб под Казанью, стрелой простреленный, когда князь Юрий на Казань ходил. В записах же не нашел, в каком году Афанасий пошел или в каком году вернулся из Индии и умер, а говорят, что умер, до Смоленска не дойдя. А записи он своей рукой писал, и те тетради с его записями привезли купцы в Москву Василию Мамыреву, дьяку великого князя***.

За молитву святых отцов наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, раба своего грешного Афанасия Никитина сына.

Записал я здесь про свое грешное хождение за три моря: первое море — Дербентское, дарья Хвалисская, второе море — Индийское, дарья Гундустанская, третье море — Черное, дарья Стамбульская****.

Поплыл я вниз Волгою. Я пришел в монастырь калязинский к Святой Троице живоначальной и святым мученикам Борису и Глебу. И у игумена Макария и святой братии получил благословение. Из Калязина плыл до Углича и из Углича отпустили меня без препятствий. И, отплыв из Углича, приехал в Кострому и пришел к князю Александру***** с другой грамотой великого князя. И отпустили меня без препятствий. И в Плес приехал без препятствий.

И приехал я в Нижний Новгород к Михаилу Киселеву, наместнику, и к пошленнику Ивану Сараеву, и отпус-

---

* *Василий Папин* — по другим источникам, кроме текста «Хождения», неизвестен.

** По мнению *Л. С. Семенова,* имеется в виду поход на Казань в 1469 г., а отправление посольства состоялось весною 1468 г.

*** *Василий Мамырев* (1430—1490) — великокняжеский дьяк, по предположению Б. М. Клосса и В. Д. Назарова, возглавлял летописное дело при великокняжеском дворе в 80-е гг. XV в.

**** Море Дербентское, дарья Хвалисская — Каспийское море. Море Индийское, дарья Гундустанская — Индийский океан. Море Черное, дарья Стамбульская — Черное море.

***** Комментаторы текстов Никитина предполагают, что речь может идти о наместнике Ивана III Александре Васильевиче Оболенском.

тили они меня без препятствий. А Василий Папин, однако, город уже проехал, и я в Нижнем Новгороде две недели ждал Хасан-бека, посла ширваншаха татарского *. А ехал он с кречетами от великого князя Ивана, и кречетов у него было девяносто.

Поплыл я с ними вниз по Волге. Казань прошли без препятствий, не видели никого, и Орду, и Услан и Сарай, и Берекезан** проплыли и вошли в Бузан. И тут встретили нас три татарина неверных да ложную весть нам передали: «Султан Касим»*** подстерегает купцов на Бузане, а с ним три тысячи татар». Посол ширваншаха Хасан-бек дал им по кафтану-однорядке и по штуке полотна, чтобы провели нас мимо Астрахани. А они, неверные татары, по однорядке-то взяли, да в Астрахань царю весть подали. А я с товарищами свое судно покинул, перешел на посольское судно.

Плывем мы мимо Астрахани, а месяц светит, и царь нас увидел, и татары нам кричали: «Качма — не бегите!» А мы этого ничего не слыхали и бежим себе под парусом. За грехи наши послал царь за нами всех своих людей. Настигли они нас в Богуне и начали в нас стрелять. У нас застрелили человека, и мы у них двух татар застрелили. А меньшее судно наше у еза застряло, и они его тут же взяли да разграбили, а моя вся поклажа была на том судне.

Дошли мы до моря на большом судне, да стало оно на мели в устье Волги, и тут они нас настигли и велели судно тянуть вверх по реке до еза. И судно наше большое тут пограбили и четыре человека русских в плен взяли, а нас отпустили голыми головами в море, а назад, вверх по реке, не пропустили, чтобы вести не подали.

И пошли мы, заплакав, на двух судах в Дербент: в

---

* Имеется в виду Фаррух-Ясар, шах Ширвана, государства, находившегося в северо-восточной части современного Азербайджана. О посольстве из Шемахи в Москву, как и об ответном посольстве Василия Папина, известно лишь из «Хождения» Афанасия Никитина.

** Казань, Орда, Сарай ——Казань — центр Казанского ханства (царства); Орда, Сарай — два центра Золотой Орды (Новый Сарай и Старый Сарай).

Услан, Берекезан — поселения в дельте Волги, к северу от Астрахани.

*** *Султан Касим* — правитель Астраханского ханства. Касим-хана упоминает в своих записках венецианский дипломат А. Контарини.

одном судне посол Хасан-бек, да тезики, да нас, русских, десять человек*, а в другом судне — шесть москвичей, да шесть тверичей, да коровы, да корм наш. И поднялась на море буря, и судно меньшее разбило о берег. И тут стоит городок Тарки**, и вышли люди на рег, да пришли кайтаки и всех взяли в плен.

И пришли мы в Дербент, и Василий благополучно туда пришел, а мы ограблены. И я бил челом Василию Папину и послу ширваншаха Хасан-беку, с которым мы пришли — чтоб похлопотал о людях, которых кайтаки*** под Тарками захватили. И Хасан-бек ездил на гору к Булат-беку просить. И Булат-бек послал скорохода к ширваншаху передать: «Господин! Судно русское разбилось под Тарками, и кайтаки, придя, людей в плен взяли, а товар их разграбили».

И ширваншах посла тотчас послал к шурину своему, князю кайтаков Халил-беку: «Судно мое разбилось под Тарками, и твои люди, придя, людей с него захватили, а товар их разграбили; и ты, меня ради, людей ко мне пришли и товар их собери, потому что те люди посланы ко мне. А что тебе от меня нужно будет, и ты ко мне посылай, и я тебе, брату своему, ни в чем перечить не стану. А те люди ко мне зашли, и ты, меня ради, отпусти их ко мне без препятствий». И Халил-бек всех людей отпустил в Дербент тотчас без препятствий, а из Дербента отослали их к ширваншаху в ставку его — койтул.

Поехали мы к ширваншаху в ставку его и били ему челом, чтоб нас пожаловал, чем дойти до Руси. И не дал он нам ничего: дескать, много нас. И разошлись мы, заплакав, кто куда: у кого что осталось на Руси, тот пошел на Русь, а кто был должен, тот пошел куда глаза глядят. А иные остались в Шемахе, иные же пошли в Баку работать.

А я пошел в Дербент, а из Дербента в Баку, где огонь горит неугасимый; а из Баку пошел за море — Чапакур.

---

* Указание на размер русского торгового судна, если на судне посла было 10 русских, а на малом судне — 6 тверичей и 6 москвичей, а четырех русских взяли в плен под Астраханью, то в путешествии по Волге от Нижнего Новгорода принимали участие не менее 26 человек. Л. С. Семенов предполагал, что Никитин, купец средней руки, мог быть главой каравана, исходя, в частности, из того, что он именно бил челом Василию Папину и Хасан-беку с просьбой похлопотать о русских пленных, захваченных под Тарками.

** Тарки — крепость на побережье Каспийского моря, в настоящее время входит в городскую черту Махачкалы.

*** Кайтаки — жители княжества Кайтак (Дагестан).

Из книги
«ТАРИХ-И РАШИДИ»

МИРЗА МУХАММАД ХАЙДАРА.

«РАШИДОВА ИСТОРИЯ»

Автор — Мирза Мухаммад Хайдар бен Мухаммад Хусайн-курэкан доглат пользовался литературным псевдонимом (тахаллус) Айаз. Его часто именуют Мирза Хайдар или Хайдар-мирза. Основные сведения о Мирза Хайдаре зафиксированы в его сочинении. Предки Мухаммад Хайдара, эмиры могульского племени доглат, были наследственными владетелями и правителями Кашгарии. Его родословная имеет следующий вид: Бабдаган —...— Уртубу —...Пуладчи (Буладжи) — Худайдад — Саййид Ахмад — Саййид Али — Мухаммад Хайдар-мирза — Мухаммад Хусайн — Мирза Мухаммад Хайдар. Среди этих предков автора «Тарих-и Рашиди» несколько человек играли большую роль в истории Могулистана и Восточного Туркестана: Уртубу являлся тем лицом, которому, по утверждению Мирза Хайдара, монгольскими ханами была пожалована Кашгария (Манглай — Субе); Пуладчи посадил на трон Могулистана Туглук-Тимурхана (умер в 1362 г.); Худайдад был улусбеги в могульском улусе, посадил на трон шесть могульских ханов; Эмир Саййид Али, прославленный полководец Вайс-хана (убит в 1428 г.) изгнал из Кашгара наместника Улугбека и в течение длительного времени правил значительной частью Кашгарии.

Дед Мирза Хайдара, Мухаммад Хайдар-мирза, правил в Кашгаре, но в 1480 г. изгнан оттуда своим племянником Абу-Бакром. Он был товарищем Султан Йусус-хана и долго находился при его дворе. Его сын, отец Мирза Хайдара, Мухаммад Хусайн, с детских лет дружил с Султан Махмуд-ханом и около двух лет находился при дворе тимурида Омар-Шайха, отца Захир-ад-Дин Мухаммад Бабура. В дальнейшем он являлся наместником Султан Махмуд-хана в Ура-Тюбе и долгое время находился при нем в Ташкенте. Когда узбеки завоевали Ташкент, он бежал в Кара-Тегин к Хусраушаху. В Кабуле он был замешан в заговоре против Бабура, из родственных чувств последний пощадил его, но Мухаммад Хусайн вынужден был вернуться в Фергану. Здесь он

попал в руки узбеков и по приказу Мухаммад Шайбани-хана был убит как не внушающий доверия интриган.

Предки Мирза Хайдара пользовались потомственными привилегиями, пожалованными им первыми чагатаидами; они были тарханами. В дальнейшем ханы-чагатаиды подтверждали их привилегии и несколько раз увеличивали их число, что было засвидетельствовано, по словам Мирза Хайдара, имевшимися у них на руках ханскими грамотами. Отдельные предки Мирза Хайдара были столь могущественны, что отказывались признавать власть ханов и правили в Кашгарии совершенно независимо, Камар ад-Дин, брат Эмира Пуладчи, после смерти Туглук-хана, узурпировал власть в Могулистане и лишь походы Эмира Тимура в эту страну привели его к гибели. Последним таким правителем являлся троюродный брат Мирза Хайдара Мирза Абу-Бакир доглат.

Мирза Мухаммад Хайдар доглат родился в эмиграции, в 1499/1500 г., в Ташкенте. Его мать, Хуб-Нигар-ханим, была младшей дочерью Султан Йунус-хана, и, следовательно, Мирза Хайдар был двоюродным братом Султан Саййид-хана. Он доводился также двоюродным братом Захир ад-Дин Мухаммад Бабуру, матерью которого была Кутлук-Нигар-ханим, старшая сестра Хуб-Нигар-ханум.

После убийства отца опасность нависла и над Мирза Хайдаром. Родственники укрыли его в Бухаре, откуда он вместе с халифой его отца Маулана Мухаммадом бежал в Бадахшан к Хан-мирзе. Затем он ушел в Кабул к Бабуру, при дворе которого и находился в течение некоторого времени. Вместе с Бабуром он пошел в поход на Среднюю Азию, участвовал в битве с Хамза-султаном, в которой захватил своего первого пленного, а в сентябре—октябре 1512 г. присоединился в Андижане к Султан Са'ид-хану. С тех пор он постоянно находился при хане, скончавшемся в зу-л-хиддже в 939 г. х., т. е. в конце июня — июле 1533 г. н. э. Вместе с Султан Са'ид-ханом и его немногочисленной армией он возвращается на родину своих предков в Кашгарию. Поход завершился разгромом Абу-Бакр доглата, основанием в Кашгарии нового государства, получившего в дальнейшем наименование Могулии, и новой династии. В государстве Султан Са'ид-хана Мирза Мухаммад Хайдар доглат занимал крупные придворные и военные должности, в частности, был воспитателем сына Султан Са'ид-хана, на-

следника престола Абд ар-Рашид-хана, тогда еще султана.

В последние дни жизни Султан Са'ид-хана Мирза Мухаммад Хайдар доглат участвовал вместе с ханом в походе на Тибет, в котором тот и скончался в 1533 г. Абд ар-Рашид-хан немедленно после смерти Султан Са'ид-хана обрушил на родственников Мирза-Мухаммад Хайдар доглата репресии. Так, был казнен дядя писателя Саййид Мухаммад-мирза, который был старшим среди доглатских владетелей.

Изложение обстоятельств гибели дяди писателя содержит много недомолвок, а потому факт этот еще не получил необходимого объяснения и истолкования. Властолюбивый воспитанник Мирза Мухаммад Хайдар доглата, который, по сообщению писателя, рвался к власти и собственно принудил отца своего отправиться в поход на Тибет, что, по-видимому, было подобно почетному изгнанию, несомненно опасался попыток доглатов восстановить свою власть в Кашгарии. Поспешный приезд дяди писателя в Яркенд по получении известия о кончине Султан Са'ид-хана, возможно, и нужно понимать как попытку последнего произвести переворот в Кашгарии с целью возвратить эту страну под власть доглатских эмиров. Это объясняет репрессии. Мирза Хайдар видит или делает вид, что видит причину гибели своего дяди и других родственников в интригах некоторых эмиров, таких, например, как Мухаммади барлас, который занимал ряд высших государственных должностей при Абд ар-Рашид-хане. Возможно, это только попытка реабилитировать самого хана, на восстановление добрых отношений с которым Мирза Хайдар, по-видимому, питал надежды.

После убийства дяди возможность возвращения Мирза Мухаммад Хайдар доглата в Яркенд была исключена, он продолжительное время скитался по Бадахшану и соседним горным странам, а затем ушел в Индию к Камран-мирзе.

До наших дней в составе «Тарих-и Рашиди» сохранилось послание писателя на тюркском языке к Абд ар-Рашид-хану, в ответ на письмо последнего к своему воспитателю во время его скитаний в горах. Это послание — кыт'а из четырех строк — проникнуто горечью и представляет упрек Абд ар-Рашид-хану в измене последнего существовавшей ранее между ними братской дружбе:

Условие (нашего) договора о преданности и любви,—
Удивительно, как все это ты предал забвению!
В твоем предствлении, оказывается, коварство было милостью.
Да благословит тебя Аллах! Удивительную же милость ты (мне) оказал!

В последние годы Мирза Мухаммад Хайдар доглат от имени Великих Моголов управлял Кашмиром, который он и завоевал. В одной из стычек с горными племенами в 1551 г. был он случайно убит стрелой собственного стрелка, что, возможно, и не являлось простой случайностью. До конца своих дней он не оставлял, по-видимому, мысли о возвращении на родину своих предков. Сам факт написания «Тарих-и Рашиди» выглядит в значительной мере как попытка реабилитировать себя в глазах Абд ар-Рашид-хана.

Захир ад-Дин Мухаммад Бабур посвятил в своих мемуарах Мирза Мухаммад Хайдар доглату несколько строк: «Третьей дочерью (Юнус хана) была Хуб-Нигар ханум. Ее отдали за Мухаммад Хусейн Гургана, Дуглата. У нее родились дочь и сын. Дочь за себя взял Убайд хан. Когда я захватил Бухару и Самарканд, она не ушла и осталась там. Ее дядя Сейид Мухаммед мирза пришел ко мне в Самарканд, послом от Са'ид хана, и она ушла с ним. Султан Са'ид хан взял ее в жены.

Сыном Хуб Нигар ханум был Хайдар мирза. После убийства его отца узбеками он пришел и находился при мне четыре года. Потом он испросил разрешения и ушел в Кашгар к хану.

Всякая вещь возвращается к своему началу —
И чистое золото, и серебро, и свинец.

Теперь он, говорят, остепенился и встал на хороший путь. К писанию, к рисованию, к изготовлению стрел, наконечников стрел и колец для натягивания лука — ко всему его руки были ловки. Дарование к стихам у него тоже есть. Ко мне пришло от него прошение: слог его недурен. Здесь остался нераскрытым любопытный намек: «Теперь он, говорят, остепенился и встал на хороший путь». По-видимому, в поведении Мирза Мухаммад Хайдар доглата были какие-то странности, о которых Бабур умалчивает.

Утвердилось мнение, что «Тарих-и Рашиди»— единственное сочинение Мирза Хайдара, сохранившееся до нашего времени, и что его сочинения на тюркском язы-

ке, если они были им написаны, затерялись. Это не соответствует действительности, так как от Мирза Мухаммад Хайдар доглата до наших дней дошла поэма на тюркском языке «Джахан-наме», написанная на сказочный сюжет, рукопись которой хранится в Берлинской городской библиотеке.

Мирза Мухаммад Хайдар доглат получил хорошее для своего времени образование. Его сочинение «Тарих-и Рашиди» пользуется широкой известностью. «Тарих-и Рашиди» состоит из двух частей, вторая из которых написана ранее первой: первая закончена 3 марта 1546 г., а вторая — в 1541/1542 г. Написано оно в Кашмире. Имеются многочисленные переводы этого сочинения на тюркские языки, опубликован перевод на английский язык. На русский язык сочинение полностью не переведено, но использовали его многие исследователи, опубликовавшие немало открывков из него в переводе на русский язык. Тем не менее можно утверждать, что сочинение еще по-настоящему не изучено. В «Тарих-и Рашиди» «в предисловии... изложены три причины названия истории рашидовой, а именно: I. В честь шейха Аршад ад-Дина, обратившего в ислам Туглук Тимура; 2. В честь правильного пути — (рушд), по которому вел свой народ Туглук Тимур и 3. В честь правившего в то время в Кашгаре Абу-л-Музаффар Абд ар-Рашид-хана».

Источниками для написания «Тарих-и Рашиди» послужили прежде всего устные предания, бытовавшие среди могулов. Однако Мирза Хайдар приводит в своем сочинении названия нескольких трудов, которыми он пользовался: «Джам-и гити — нумай», по-видимому, некоего Мир Гийас ад-Дин Мансура, «Му'джам ал-булдан» Йакута, «Мулхакат ас-сурах» Джамал ад-дина Карши. «Та'риф-и булдан», по-видимому, идентичное словарю Йакута; «Маджма'ат-таварих» (Джами ат-таварих») Фазлаллах Рашид ад-Дина, «Сувар-и акалим», «Та'рих-и гузида» Хамдаллаха-мустауфи Казвини, «Та'рих'и манзум» («Матла'ас-са' дайн ва маджма' ал-бахрайн») Абд ар-Раззака Самарканди, «Улус арба'а» Улугбека, «Силсилат ал-арифин» Хазрат Маулана Мухаммада Кази, мемуары и «Мубайин» Захир ад-Дин Мухаммад Бабураи, несомненно, многие другие. Из «Тарих-и джахан-кушай» Ата Малика Джувайни и «Зафар-наме» Шариф ад-Дина Али Йазди в «Тарих-и Рашиди» приводятся обширные выписки.

Язык «Тарих-и Рашиди»— среднеазиатский фарси. Некоторые исследователи считают, что фарси Мирза Хайдара безыскусственен, он не был его родным языком, что наложило значительный отпечаток на стиль его сочинения.

Труд Мирза Мухаммад Хайдар доглата является историей ханов-чагатаидов Могулистана и Кашгарии, историей племени доглат и правления его владетелей в Восточном Туркестане, историей могулов.

Хотя по систематичности изложения, точности хронологии, точности в мелких деталях «Тарих-и Рашиди» не выдерживает сравнения с «Бабур-наме», однако источниковедение Центральной Азии потеряло бы гораздо больше, если бы, например, «Тарих-и Рашиди» до наших дней не дошло, а «Бабур-наме» сохранилось: «Тарих-и Рашиди» сообщает уникальные известия по истории Могулистана и Могулии, ни один источник их почти не дублирует, в то время как события, нашедшие отражение в «Бабур-наме», в значительной части получили освещение в ряде других источников эпохи. Зато используют «Тарих-и Рашиди» почти все восточные авторы, почему-либо обращавшиеся к прошлому Могулистана и Восточного Туркестана. В сочинении масса известий по истории, исторической географии и прочем соседних стран и народов.

«Тарих-и Рашиди»— один из основных первоисточников по истории казахского народа. Начиная со времени В. В. Вельяминова-Зернова, почти полностью привлекшего в своем исследовании известия «Тарих-и Рашиди» о казахах, в «Тарих-и Рашиди» ни один исследователь истории казахского народа не проходит мимо этого сочинения.

Известия о казахах в «Тарих-и Рашиди» весьма многочисленны, содержатся там сведения и по истории Восточного Дашт-и Кипчака до откочевки Гирея и Джанибека. Мухаммад Хайдар сообщает также и об откочевке Гирея и Джанибека и в связи с этим объясняет, почему казахи приняли свое самоназвание. Весьма обилен материал в «Тарих-и Рашиди» о первых казахских ханах, о союзных и враждебных казахско-могульских и казахско-узбекских отношениях, о соперничестве казахов и могулов в борьбе за обладание Могулистаном, фактически за обладание территорией современной Киргизии, по исторической географии и топографии Семиречья, Туркестана и других стран и прочем. Мирза

Мухаммад Хайдар доглат в основном говорит о казахах на южных рубежах современного Казахстана и почти ничего не знает о них в Дашт-и Кипчаке. Его весьма обширные сведения о казахах, как говорилось выше, привлекаются всеми без исключения исследователями казахского народа 15—18 вв., но нельзя сказать, что они полностью освоены. Предстоит еще большая работа по исследованию его известий о казахах. Переводы из «Тарих-и Рашиди» публиковались В. В Вельяминовым-Зерновым, Denison Ross'ом, С. Д. Асфендияровым и П. А. Кунте. Отдельные отрывки в оригинале и переводе публиковались многими исследователями. В сборнике «Материалов по истории казахских ханств 15—18 вв.» извлечения о казахах из «Тарихи-и Рашиди» публикуются в новых переводах (по рукописям: 1430, лл. 38 а—85 б, 149 б — 246 б; С 569, стр. 58—123, 215—339.)

Дополнительные известия о Мирза Хайдаре и его сочинении читатель сможет найти в работах В. В. Бартольда, А. Х. Азимджановой, Х. Хасанова, Н. Н. Мингулова.

Дафтар 1

Краткое изложение инцидентов, которые произошли между Шир-Мухаммад-ханом и Вайс-ханом

Когда Вайс-хан бежал от своего дяди Шир-Мухаммад-хана, как об этом уже было упомянуто, вокруг него собралась группа его приверженцев. Он кочевал по казацкому обычаю (бе расм-и казаки) на территории, принадлежавшей Шир-Мухаммад-хану, и на ее границах. Некоторое время он проживал в окрестностях Лоба, Катека и Сарыг-Уйгура.

...Однако на той территории у Вайс-хана дело не сторилось, и он ушел оттуда в Туркестан. В то время в Туркестане был хакимом Эмир Шайх Нур ад-Дин, сын Эмир Сар-Буга-йи кипчака, одного из великих эмиров Эмира Тимура. Вайс-хан ушел к нему. Так как между ним, Шайх Нур ад-Дином, и Шир-Мухаммад-ханом существовала вражда, то по этой причине Шайх Нур ад-Дин отдал в жены Вайс-хану свою дочь Даулат-Султан Сакандж и оказывал хану поддержку для того, чтобы тот мог противостоять в борьбе с Шир-Мухаммад-ханом.

Долгое время между дядей и Вайс-ханом происходили сражения; большей частью победы одерживал Шир-Мухаммад-хан. Одно из этих сражений произошло так: Шир-Мухаммад-хан находился в местности под названием Каинглиг, одной из местностей в Могулистане. Вайс-хан издалека совершил быстрый марш и в полночь подошел к лагерю Шир-Мухаммад-хана. У Вайс-хана было четыреста человек. Когда была поднята тревога, Шир-Мухаммад-хан бросился в овраг, наполненный водой. Вайс-хан окружил лагерь Шир-Мухаммад-хана. До самого утра Вайс-хан и его люди убивали всякого, кого находили. Однако, сколько ни искали и как ни наводили страх и ужас на людей из лагеря, никаких следов Шир-Мухаммад-хана не нашли. Когда наступил день, они бежали; Шир-Мухаммад-хан выбрался из оврага, его люди собрались вокруг него. Вайс-хана преследовали, так что он еле спасся. Одним словом, такие вот враждебные отношения существовали постоянно между ними — до тех пор, пока Шайх-Мухаммад-хан не умер естественной смертью, а Вайс-хан не утвердился на ханстве.

Повествование о ханствовании Вайс-хана

Когда очередь на ханство дошла до Вайс-хана, он стал ханом. По натуре (своей) он был чрезвычайно ревностным мусульманином, отличался святостью, по энергии и храбрости он (был) выдающимся в своем семействе. Запретив (своим) людям совершать набеги на мусульман, (Вайс)хан ополчился на неверие калмаков и постоянно вел борьбу с теми кафирами. Несмотря на то, что большей частью он терпел от них поражения, он не прекращал вести против них священную войну (джихад). Дважды он попадал в руки тех неверных. В первый раз он был взят в плен во время битвы, которая произошла в местности Минг-Лак. Когда хана схватили, его привели к Исан-тайши. Исан-тайши про себя подумал: «Если он в самом деле из потомков Чингиз-хана, он не должен мне поклониться, даже более того, он должен смотреть на меня, как на слугу». Когда привели хана, (Исан-тайши) сидел верхом на коне. Он спешился, и, склонив голову, выказывая полное уважение, пошел вперед, навстречу хану. Хан отвернул от него лицо

и не протянул руки. (Исан-тайши) проникся доверием к хану, оказал ему большие почести и отпустил. Когда у (Вайс)хана спросили, почему он не проявил почтения в отношении (Исан-тайши), он сказал: «Коли он подходил бы ко мне с надменным видом, то я во всяком случае из-за страха за свою жизнь выказал бы уважение к нему. Но он, по древнему обычаю кафиров, подходил с опущенной головой, низко кланяясь, и мне пришло на ум, что настал час моей мученической гибели от рук кафира. Стоять же перед кафиром с открытым лицом и оказывать ему почтение не подобает мусульманину. Поэтому я и не оказал ему почтения». Так как Вайс-хан был очень искренним в делах веры, то благодаря этому он и спасся из подобного вертепа (неверия).

В другой раз он давал сражение тому же самому Исан-тайши в (местности) Биш-Каба, которая находится на окраине Могулистана. Здесь также потерпел поражение хан. Ханский конь был ранен стрелой, и хан остался без коня. В тот момент, когда хана чуть было не схватили в плен, Эмир Сайид-Али спешился и отдал ему своего коня. Сам же он упал вниз лицом на землю, так что кафиры подумали, что он мертв, и ринулись толпой к эмиру.

Когда (калмаки) подошли ближе, эмир вскочил и схватил одного из них. Случайно тот оказался одним из знатных и уважаемых лиц. Эмир поднял его, (ухватив-ши) за одежду. Поворачивая его, как щит, в те стороны, откуда летели стрелы, он пошел пешком вперед хана. Из-за этого они не могли метать стрелы в него. Так, сражаясь и держа перед собой человека за его одежды, он прошел один фарсах, пока они не достигли (берега) реки Или. (Эмир Сайид-Али) бросил калмака в реку и, взяв ханского коня под уздцы, вошел в воду. Вода доходила ему до груди. Другие люди утонули. Конь хана поплыл, а эмир поддерживал голову коня. Таким образом, он переправил хана через реку верхом на коне и в одежде. В тот день много людей утонуло в реке.

...Султан Вайс-хан имел также сражение с Исан-тайши в окрестностях Турфана. Он вновь потерпел поражение и попал в плен. Исан-тайши сказал: «На этот раз я так просто (вас) не отпущу: в качестве выкупа за себя вы должны будете отдать (мне) свою сестру Махтум-ханим». (Вайс-хан) был вынужден (отдать) Махтум-ханим, за что и был освобожден из плена. Хотя по слухам известно, что хан сражался с калмаками шестьдесят

один раз, но только один раз он одержал победу, в остальных же случаях он обращался в бегство. Одному Аллаху известна правда.

Повествование о противодействии эмиров Исан-Буга-хану и о том, что произошло в те дни

Когда Йунус-хан ушел в (Мавераннахр), весь улус выразил покорность Иса(н)-Буга-хану, все общество (могулов) подчинилось. При таких обстоятельствах прошло несколько лет. (Исан-Буга-)хан ввиду своей молодости и несовершеннолетия относился с пренебрежением к эмирам. Он выбрал себе в наибы некоего Тимура из племени турфанских уйгуров и в покровительстве ему преступил границы умеренности. Эмиры не стерпели его возвышения и пренебрежения к себе. Однажды во время собрания у хана дерзновенной рукой они изрубили на куски Тимура и тотчас же сами рассеялись. Хан чрезвычайно перепугался и тоже бежал. Когда весть об этом пришла в Кашгар к Эмир Сайиду-Али, он пришел в Могулистан и разыскал хана на Ак-Куйаше. С незначительным числом ханских приверженцев (Эмир Сайид-Али) доставил его в Аксу и передал ему этот город.

Между тем каждый из могульских эмиров поступал по собственному усмотрению. Мир Мухаммад-Шах поселился в Ат-Баши. После обмена посланиями и взаимными обещаниями — при посредничестве своего племянника Мир Сайида-Али — он пришел к хану в Аксу. Он прожил там, окруженный уважением, до конца жизни. Другой (эмир), Мир Карим-Берды, который тоже был доглатом, воздвиг крепость на границе Могулистана с Андижаном и Ферганой в местности Ала-Буга, на вершине холма. Следы этой крепости видны до сего времени. (Мир Карим-Берды) совершал набеги и нападения на Андижан и на мусульман.

На Иссык-Куле есть местность, называемая Кой-Суй. Мир Хакк-Берды бекчик построил там крепость. На острове, что на Иссык-Куле, он оставил своих слуг и семью, чтобы они были в безопасности от нападений калмаков, а сам занимался разорением Туркестана и Сайрама.

Эмиры (племени) чорас и племени барин ушли к сыну Исан-тайши Амансанджи-тайши — (главе) калмаков,

Часть других племен — калучи, булгачи и некоторых других ушла к Абул-Хаиру в Узбекистан. Эмиры кончи и некоторые другие поднимали беспорядки и сеяли смуту в степях Могулистана.

Однако, когда Исан-Буга-хан утвердился в Аксу, к нему пришел первым Мир Мухаммад-Шах. Вслед за тем и другие люди возвратились к хану. Хан тоже раскаялся в содеянном и стал хорошо обходиться с людьми.

Достаточно усилившись, (Исан-Буга-хан) в первый раз совершил набег на Сайрам, Туркестан и Ташкент. Сильно разорив (эти местности), он возвратился к себе. Этот набег был совершен до восемьсот пятьдесят пятого года. Таким же путем он совершил вторжение в эту страну и в другой раз. Султан Абу-Са'ид-мирза стал в то время правителем Мавераннахра. Он преследовал (Исан-Буга)-хана, пока не настиг его в Иангы, который в исторических книгах называется Тараз. Могулы бежали, не приняв боя. Мирза Абу-Са'ид возвратился назад, в свою страну.

...Каждый из могульских эмиров, что отделились от (Исан-Буга)хана, построил себе крепость. Все они не повиновались хану надлежащим образом. Хан тоже не противодействовал им, надеясь, что, может быть, они снова вернутся к нему.

В то время в Дашт-и Кипчаке владычествовал Абул-Хайр-хан. Он причинял много беспокойства султанам джучидского происхождения. Джанибек-хан и Кирай-хан бежали от него в Могулистан. Исан-Буга-хан охотно принял их и предоставил им округ Чу и Козы-Баши, который составляет западную окраину Могулистана. В то время, как они благоденствовали там, узбекский улус после смерти Абу-л-Хайр хана пришел в расстройство; (в нем) начались большие наурядицы. Большая часть (его подданных) откочевала к Кирай-хану и Джанибек-хану, так что число (собравшихся) около них (людей) достигло двухсот тысяч человек. За ними утвердилось название узбеки-казахи (узбак-казак). Начало правления казахских султанов — с восемьсот семидесятого года, а Аллах лучше знает.

В продолжение времени до девятьсот сорокового года казахи всецело владычествовали в большей части Узбекистана. После Кирай-хана был ханом Бурундук. (Затем) был ханом сын Джанибек-хана Касим; он распространил свою власть над Дашт-и Кипчаком. В его армии (лашкар) было более миллиона человек. После

Джучи-хана в этом юрте не было (хана) более могущественного, чем он. После него ханом был его сын Мамаш. После него стал ханом его (Қасим-хана) племянник Тахир. Во времена этого Тахир-хана казахи претерпели большие невзгоды. После него стал ханом его брат Буйдаш. Но во времена Буйдаш-хана казахов оставалось уже всего двадцать тысяч. После девятьсот сорокового года его (т. е. Буйдаш-хана) также не стало и казахи совершенно исчезли.

Короче говоря, начиная с эпохи Исан-Буга-хана до времени Рашид-хана между могулами и казахами существовали дружественные и мирные (отношения), но Рашид-султан разрушил их. Об этих обстоятельствах будет сказано в обзоре деяний Рашид-хана, если Аллах будет милостив.

...Между тем Мирза Султан Абу-Са'ид захватил Хорасан и намеревался завоевать Ирак, однако в связи с затруднениями, причинявшимися (вторжениями) Исан-Буга-хана в Фергану, Шаш и Туркестан, (завоевание) Ирака было отсрочено. Затем Мирза Султан Абу-Са'ид послал человека привести из Шираза (Йунус-) хана. На условиях, упомянутых выше, он отправил его в Могулистан. В это время хану был сорок один год, и произошло это в восемьсот шестидесятом году.

Повествование о прибытии Йунус-хана в Могулистан

Как уже было упомянуто, в Могулистане каждый из эмиров укрепился в своем месте. После проявленной эмирами враждебности и убийства ими Тимур уйгура Исан-Буга-хан ушел в Аксу.‖Қогда в Могулистане появился Йунус-хан, первым присоединился к хану Мир Карим-Берды. После него другие эмиры — кончи и некоторые отделившиеся ранее могулы явились к хану. Йунус-хан вступил в брак с дочерью Мир Хаджи кончи, который в то время главенствовал над туманом кончи и был совершенно независимым. Ее имя было Исан-Даулат-бегим. У хана было от нее три дочери, о каждой из которых будет написано в свое время. Из эмиров озерных бекчиков (бекчик-кул), которые жили в районе Иссык-Куля, умер Мир Пик-Хакк-Берды, а его племянник Мир Ибрахим сел на его место; он также пришел к хану и присоединился к нему.

Таким образом, у хана собралась группа сторонни-

ков. Но поскольку вышеупомянутые эмиры длительное время устраивали свои судьбы совершенно самостоятельно, они и теперь не соблюдали так, как это нужно и как следует, обязанностей вассала по отношению к господину, и хан ублажал их всяческим путем...

Повествование о вторичном прибытии Йунус-хана от султан Абу-Са'ида в Могулистан

Когда Йунус-хан в другой раз пришел в Могулистан от Султан Абу-Са'ида, все эмиры Могулистана вновь собрались около него. Словом, в Могулистане он провел некоторое время; его опорным пунктом был Йатиканд, вступить же на территорию, принадлежавшую Исан-Буга-хану, он не мог. По смерти Исан-Буга-хана и Мир Сайида-'Али управление государством перешло к Дуст-Мухаммад-хану, а между Мухаммад-Хайдар-мирзой и Сансиз-мирзой вспыхнула вражда, как об этом уже было упомянуто. Мухаммад-Хайдар-мирза ушел в Аксу к Дуст-Мухаммад-хану, а Сансиз-мирза прибег к помощи Йунус-хана. Короче говоря, хан приобрел могущество. В те времена Йунус-хан вступал несколько раз в Кашгар, но так как могулистанские эмиры не желали оставаться в Кашгаре, хан был вынужден каждый раз отходить назад. Так случалось несколько раз.

...Йунус-хан хотел жить в Аксу, так как по сравнению с Могулистаном Аксу был подобен городу. Но он хорошо понимал, что, если он поступит таким образом, все его люди, следуя привычкам могулов жить в степи,‖ уйдут от него к Кебек-Султан-оглану. Хан был вынужден, взяв всех людей, уйти в Могулистан. В это время в Могулистан пришел Амансанджи-тайши, сын Исан-тайши, о котором упоминалось при изложении истории Вайс-хана. Причиной этого было следующее. Как уже было упомянуто, Исан-тайши взял в жены — в качестве выкупа за жизнь Вайс-хана — Махтум-ханим, которая была сестрой Вайс-хана. От Махтум-ханим у него было два сына и одна дочь. Когда Вайс-хан отдавал Махтум-ханим, он обратил в мусульманство своего зятя и Махтум-ханим была выдана замуж по мусульманским обычаям. Подвластных ей людей она обратила в мусульманство, этих своих двух сыновей назвала Ибрахим и Илйас, а свою дочь выдала за Кадир-Берды-мирзу, который является сыном вышеупомянутого Мир Карим-

Берды-мирзы. Цель рассказанного здесь: из-за обращения в мусульманство между Ибрахим-онгом и Илийас-онгом, с одной стороны, и Амансанджи-тайши — с другой, возникли враждебные отношения. Бежав от них, Амансанджи-тайши пришел в Могулистан с тремя сотнями тысяч человек. Известно, что еще восемнадцать раз по сто тысяч человек осталось с Ибрахим-онгом и Илийас-онгом. В конце концов между ними и ханом калмаков (калимак) началась вражда и они бежали от хана калмаков в пределы Китая (Хитай) ‖с сорока тысячами человек. Разрыв отношений ( ) между сводными братьями произошел до смерти Дуст-Мухаммад-хана. Дуст-Мухаммад-хан умер в восемьсот восемьдесят третьем году. Бегство Ибрахим-онга и Илйас-онга и уход их в Китай произошли вероятно до девятьсот десятого года...

...Отделившись от Ибрахим-онга и Илйас-онга, Амансанджи-тайши пришел в Могулистан. На территории долины реки Или произошло сражение. Поражение потерпел Йунус-хан. В этой битве многие могульские эмиры были убиты, тогда как другие попали в плен к калмакам. Весь могульский улус ушел в Туркестан. В пределах Туркестана на берегу реки Сайхун расположена местность с названием Кара-Тукай. Там они провели зиму. Бурудж-оглан совершил набег на могулов, как это будет описано ниже.

Повествование о событиях, которые произошли после смерти Дуст-Мухаммад-хана, и завоевании господства Иунус-ханом, и об убиении Бурудж-оглана, сына Абу-л-хаир-хан Узбека

В восемьсот пятьдесят пятом году в юрте Джучи-хана, сына Чингиз-хана, или, что то же самое, в Дашт-и Кипчаке был государем Абу-л-Хайр, из потомков Джучи. В те времена в этом юрте не было правителя могущественнее его. После его смерти его подданные пришли в состояние замешательства и разброда. Большое число людей присоединилось к Кирай-хану и Джанибек-хану казахам, о которых уже упоминалось. Между Кирай-ханом и Джанибек-ханом и сыновьями Абу-л-Хайр-хана существовала длительная и упорная вражда.

По этой причине сыновья Абу-л-Хайр-хана находились также в состоянии вражды и с могульскими ханами, поскольку могульские ханы были покровителями Кирай-хана и Джанибек-хана. После (смерти) Абу-л-Хайр-хана (его подданные) собрались вокруг (Бурудж-оглана). Так как Кирай-хан и Джанибек-хан приобрели значительную силу, этот Бурудж-оглан старался держаться подальше и находился на территории Туркестана.

Когда в Туркестане (Бурудж-оглан) услышал вести о прибытии могулов, он, удостоверившись в том, что Иунус-хан находится в Кара-Тукае, совершил набег на ханский лагерь (орду). Случайно оказалось, что в тот день (Иунус-хан) буквально со всеми своими людьми ушел по льду на охоту на другой берег Сайхуна. Подойдя в полдень, Бурудж-оглан (нашел) ханский лагерь совершенно пустым. У (Бурудж-оглана) было двадцать тысяч войска, могулов же в то время насчитывалось шестьдесят тысяч семей (ханавар). (Войска Бурудж-оглана) расположились (в могульском лагере), каждый стал хозяином в опустевшем доме. Бурудж-оглан остановился на отдых в ставке хана и занялся захватом ценностей и имущества и подсчетом награбленного. Каждый человек (в занятом им) доме занимался тем же.

Иунус-хан был на охоте, когда к нему пришло известие об этом. Хан оставил охоту и направился в свой лагерь, даже не дожидаясь, пока соберется войско. Когда он подошел к берегу реки, она была покрыта льдом. Лагерь хана находился на (противоположном) берегу реки. Хан сам умел трубить в рог, (и) все его люди узнавали звуки ханского рога. Хан подошел к берегу; с ним было шесть человек, из которых один был знаменосцем. Он сам протрубил в рог и перешел через реку по льду. Узнав о подходе Иунус-хана, женщины схватили всех узбеков, которые расположились в их домах. Услышав звук рога и увидев шесть человек со знаменем, Бурудж-оглан поднялся, чтобы сесть на коня. Но женщины-служанки (дахан) уже захватили его ахтачи вместе с лошадью. Другие женщины выскочили из домов и схватили Бурудж-оглана. В этот момент прибыл хан, он приказал отрубить ему голову и насадить ее на копье. Из тех двадцати тысяч узбеков спаслись очень немногие. Иунус-хан, победоносный, одержавший победу, вновь расположился в своем лагере. Когда на следующий день собралось войско, хан выступил в путь и преследовал врагов так упорно, что взял верх над всеми

султанами Абу-л-Хайр-хана, которые еще оставались в живых. О каждом из них в отдельности будет рассказано после этого в своем месте.

Повествование о событии, связанном в Шайх-Джамалом, и о том, как Йунус-хан попал к нему в плен

Проведя ту зиму в Кара-Тукае, Йунус-хан весной отправился в Ташкент. В Ташкенте в это время был один из эмиров Мирза Султан Абу-Са'ида по имени Шайх-Джамал Хар. В то время Султан Абу-Са'ид-мирза умер в Ираке. Власть в Хорасане перешла к Султан Хусайн-мирзе. В Самарканде на троне утвердился Султан Ахмад-мирза, сын Султан Абу-Са'ида. Хисар, Кундуз и Бадахшан||остались за Мирзой Султан Махмудом, сыном Султан Абу-Са'ид мирзы. Власть в Андижане и Фергане перешла к Мирза'Умар-Шайху, сыну Мирза Султан Абу-Са'ида. Каждого из этих трех мирз Йунус-хан сделал своим зятем. О каждом из них будет упомянуто в своем месте.

Короче говоря, этот Шайх-Джамал Хар был одним из эмиров Султан Абу-Са'ид-мирзы, а в Ташкенте он был хакимом. Он признавал себя зависимым от Мирза Султан-Ахмада и Самарканда, однако в надлежащей мере не повиновался ему. Йунус-хан пришел на территорию Ташкента.

Между ханом и вышеупомянутыми мирзами установились родственные отношения, основанные на доверии и повиновении. В отношении друг друга у них не было никаких сомнений и нерешительности. Поэтому без всяких колебаний Йунус-хан пришел в Ташкент. Однако могулы, что были на службе у хана, тайно отправили человека к Шайх-Джамал Хару с посланием, содержащим в себе предложение о противодействии хану. После многочисленных убеждений он, т. е. Шайх-Джамал Хар, отправился к Йунус-хану, как бы заявляя этим: «Я слуга хана». Но как только Шайх-Джамал Хар приблизился к Йунус-хану, люди, которые были подле хана, поспешили к нему навстречу. Хан остался один. Каждый, у кого он ни спрашивал, куда идут эти люди, отвечал ему, что они идут встречать Шайх-Джамала. Шайх-Джамал Хар приблизился к ханским литаврам (наккара) и знамени (туг) и остался сидеть верхом на коне. Около хана||не было ни одного человека. Шайх-Джамал

послал человека взять хана. Его же, хана, слуги схватили его. Вот так легко взял Йунус-хана Шайх-Джамал. Он посадил его в тюрьму, где тот пробыл один год. Весь могульский улус подчинился Шайх-Джамалу.

...Спустя один год со времени заключения Йунус-хана в тюрьму Эмир Абд ал-Куддус, племянник Эмира Карим-Берды доглата, вместе с группой своих людей напал на Шайх-Джамал Хара и убил его. Голову его он принес к Йунус-хану||и освободил его из тюрьмы. Все могульские эмиры, которые прежде ушли к Шайх-Джамалу, теперь вернулись к хану и заявили ему: «Причина нашего враждебного отношения к хану заключается в том, что хан старается поселить нас в городе и вилайете. Для нас же находиться в городе и вилайете — крайне неприемлемое, ненавистное занятие». Хан согласился с этим и пообещал: «Впредь я не буду больше стремиться жить в городе и вилайете». На эти события составлена хронограмма (та'рих): «Сар-и Хаггарифт 'Абд ал-Куддус». Этот та'рих составлен в виде загадки (та'миа): в выражении «сар-и хар» взять лишь начало (сар) слова хар, то есть букву и прибавить «Абд ал-Куддус», получится тарих — восемьсот семьдесят семь.

Между тем калмаки вернулись в их собственный юрт. Могулистан остался никем не занятым, и хан откочевал с могулами назад в Могулистан.

Краткое повествование о событиях, которые произошли после убийства Шайх-Джамал Хара между Йунус-ханом и правителями Мавераннахра.

Когда Йунус-хан вновь утвердился на ханском троне, могульский народ и эмиры взяли у хана обязательство, что впредь он не будет принуждать их жить в городах и населенных, культурных местах, потому что именно это было причиной смуты среди могулов и их обиды на хана. Хан также был вынужден дать обещание, и они все вернулись в Могулистан, откуда Амансанджи-тайши и калмаки вновь ушли в свои места. В Могулистане не осталось больше калмаков. В течение нескольких лет хан находился в Могулистане и даже не помышлял о городах и домах, так что все люди могульского улуса стали хорошо относиться к хану.

Мухаммад-Хайдар-мирза, сидевший в Кашгаре, согласился подчиниться Йунус-хану. Хан также по отно-

шению к нему выказывал знаки ханской любви и внимания и обласкал его отеческим милосердием. В Могулистане и Кашгаре воцарилось полное спокойствие.

...Никто другой нигде не вступал больше в споры и пререкания с ханом. После того как он убил Бурудж-оглана, он отдал свою старшую дочь Михр-Нигар-ханим Султан Ахмад-мирзе, сыну Султан Абу-Са'ид-мирзы, сказав при этом: «Султан Абу-Са'ид-мирза превратил существовавщую между могулами и джагатаями вражду в дружбу. И я украшаю эту дружбу родственными связями: я отдаю мою дочь сыну Мирза Султан Абу-Са'-ида». Михр-Нигар-ханим оставалась женой мирза Султан Ахмада до конца его жизни...

Возвратившись в Могулистан после убийства Шайх-Джамала, хан отдал Кутлук-Нигар-ханим, которая была моложе Михр-Нигар-ханим, в жены Умар-Шайх-мирзе, сыну Султан Абу-Са'ид-мирзы, в восемьсот восьмидесятом году. Между ханом и Умар-Шайх-мирзой существовали дружественные отношения. Умар-Шайх-мирза много раз приходил в Могулистан и проводил там один-два месяца. Иногда он уводил с собой хана в Андижан, и хан оставался один-два месяца в доме Умар-Шайх-мирзы. Он много раз подстрекал хана в те дни пойти на Самарканд, отобрать трон правителя Самарканда у Мирза Султан-Ахмада, который был старшим зятем хана, и отдать его ему, Мирза Умар-Шайху. Но хан не соглашался на это. Когда об этих желаниях Мирза Умар-Шайха слышал Султан Ахмад, он всякий раз намеревался повести армию против Умар-Шайх-мирзы, чтобы отразить его. Умар-Шайх-мирза обращался за помощью к Йунус-хану. Хан приходил. Умар-Шайх давал хану временно какой-нибудь вилайет из своих владений. По этой причине Султан Ахмад-мирза не мог вести наступление против брата. Такое положение возникло несколько раз. В конце концов стало в обычае, что хан каждую зиму приходил в Андижан. Весь могульский улус оставался в Могулистане, а хан приходил в Андижан только со своими личными слугами. Умар-Шайх-мирза давал хану те из своих территорий, которые хан выбирал сам. Как только наступала весна, хан возвращался в Могулистан, а мирза вновь занимал свои территории.

Однажды Мирза Умар-Шайх из-за страха перед своим старшим братом Мирза Султан-Ахмадом позвал Йунус-хана и дал хану Ахси. Хан расположился на зи-

мовку (кишлак) — в Ахси. Когда это известие пришло к Султан Ахмад-мирзе, он отложил свой поход. Хотя все помыслы Умар-Шайх-мирзы были направлены на противодействие Мирза Султан Ахмаду, однако он считал пребывание хана в Ахси слишком опасным, так как Ахси является не только самым большим городом Ферганы, но и ее столицей. По этой причине он выступил против хана и приготовился к сражению около моста Тека-Сакраткан. Сколько ни увещевал хан мирзу, все было напрасно. В конце концов завязалось сражение, в котором поражение потерпел мирза. Он попал в плен и связанным был доставлен к хану. Хан поднялся ему на встречу, развязал руки мирзы; в тот же момент, одарив его различными подарками, послал в Андижан, сказав: «Возвращайся быстрей домой, чтобы твои люди не устроили беспорядки. Я тоже поеду вслед за тобой в твой дом». Как только Умар-Шайх-мирза ушел в Андижан, хан дал разрешение могульскому улусу уйти в Могулистан, а сам со своей семьей и небольшим числом свиты пошел в Андижан. В течение двух месяцев он был гостем Мирза Умар-Шайха. Никакая неприязнь не возникла между ними.

Еще один раз мирза позвал Йунус-хана на помощь и дал ему Маргинан. Хан находился в Маргинане, когда туда прибыл его святейшество, полюс средоточия религиозных учений и кыбла всех людей, идущих по истинному пути, возлюбленный Аллаха, Ходжа Насир ад-Дин 'Убайдаллах, да святится тайна его, чтобы установить мир между Йунус-ханом и Умар-Шайх-мирзой, с одной стороны, и Султан Ахмад-мирзой, с другой.

...Тем временем Султан Ахмад-мирза вознамерился из Самарканда пойти в вилайет Ферганы и выгнать из того вилайета своего брата Умар-Шайх-мирзу. Когда это известие пришло к Умар-Шайх-мирзе, он поспешно прибег к защите Йунус-хана и попросил хана, точно так же как и всегда, освободить его от ярости и гнева его старшего брата Султан Ахмад-мирзы тем же способом, о котором вкратце уже рассказано прежде.

Когда это известие прибыло к хану, он отправился в Андижан. Хан не хотел, чтобы между двумя его зятьями была вражда. Хан всегда примирял этих двух своих зятьев. Как только хан вступил в Андижан, Умар-Шайх-мирза вышел к нему навстречу. Он встретил хана с подобающим почетом и уважением и передал хану вилайет Ош. Ту зиму хан находился в Оше, а всех других

могулов, поручив их Султан Махмуд-хану, отослал в Могулистан. Сам же он остался на зимовку в Оше, а Ошский вилайет хан отдал Мухаммад Хайдар-мирзе.

Султан Ахмад-мирза, получив известие о прибытии хана, отложил свое намерение выступить на Фергану, и Умар-Шайх-мирза оказался в безопасности от своего старшего брата.

Повествование о приходе Йунус-хана из могульского улуса в Ташкент и об установлении мира между султан Ахмад-Мирзой, 'Умар-Шайх-Мирзой и Султан Махмуд-ханом

Распри и враждебные отношения, существовавшие между этими двумя братьями, 'Умар-Шайх-мирзой и Султан Ахмад-мирзой, были весьма продолжительными, и они описаны в истории Мирхонда. К этой истории (т. е. к «Та'рих-и Рашиди») они не имеют отношения. А если что и следует упомянуть в этой истории, так это вот что: после Шайх-Джамал Хара Ташкентом стал управлять 'Умар-Шайх-мирза. Под власть 'Умар-Шайха перешла также и Шахрухия, которая является хорошо укрепленной крепостью. Из-за этих двух вилайетов Мирза Султан Ахмад и выступил против Мирза Умар-Шайха. Дело дошло до сильной вражды. Как только Султан Ахмад повел наступление на Ташкент, Умар Шайх-мирза также уговорил Йунус-хана пойти на Ташкент. В тот год, когда Йунус-хан ушел из Оша, а Ош препоручил Мухаммад Хайдар-мирзе, Умар-Шайх-мирза после ухода хана отстранил от управления городом Мухаммад Хайдар-мирзу; Мухаммад-Хайдар-мирза ушел в Кашгар и попал в плен, а хан был в это время в Могулистане. Когда настал месяц тир и произошло выступление на Ташкент Мирза Султан Ахмада, Умар-Шайх-мирза подговорил хана пойти на Ташкент и отдал хану Сайрам. Как прежде Умар-Шайх-мирза дал хану Ош за Андижан, так и теперь он дал ему Сайрам за Ташкент. Когда Йунус-хан направился в Сайрам, могулы, которые никоим образом не хотели жить в городе и вилайете, подговорили младшего сына хана Султан-Ахмад-хана бежать в Могулистан. Хан не преследовал их: так как в Могулистане у него не осталось ни одного противника из рода могульских хаканов, то зачем было об этом беспо-

коиться? Поэтому хан отпустил его в Могулистан, а сам отправился в Сайрам. Ту зиму он провел там.

Хан послал также своего старшего сына Султан Махмуд-хана с тридцатью тысячами войска против Султан Ахмад-мирзы.

Из Ферганы с пятнадцатью тысячами человек вышел Умар-Шайх-мирза. Эти три войска приближались друг к другу и жаждали великого сражения. Когда известие об этих событиях пришло в Самарканд к полюсу средоточия наставников, возлюбленному господа всевышнего Аллаха Ходжа Насир ад-Дин'Убайдаллаху, да святится тайна его, он направился сам, а впереди себя послал человека сказать им: «Я также иду». Как только весть об этом пришла к этим трем султанам, они все остались стоять на своих местах. Прибыв туда, Хазрат-и Ишан остановился в лагере Мирза Султан Ахмада и послал людей к хану и Умар-Шайх-мирзе. Никто не мог отклонить его, благославенной особы Ишана, предложение о мире: когда люди Аллаха достигают степени фана и в них исчезает все, что есть в них от бренного мира сего, тогда истинным творцом всего, что ни исходит от них, является господь, преславный и всевышний. Смысл сказанного здесь: этих трех падишахов, каждый из которых в погоне за своей целью снарядил войско и пришел сюда, он успокоил. Всех трех падишахов Хазрат-и Ишан усадил на один коврик. Сам же он сел между ними и с каждым из трех государей договорился и условился, и они так и сделали. Предметом спора был у них Ташкент. Оба они (и султан Ахмад-мирза и Умар-Шайх-мирза) прекратили свой спор, а Ташкент отдали Иунус-хану.

...Одним словом, Султан Ахмад-мирза ушел в Самарканд, Умар-Шайх-мирза — в Фергану, а Султан Махмуд-хан ушел в Ташкент.

Иунус-хан также пришел в Ташкент. Султан Махмуд-хан вновь встретился с Иунус-ханом.

...Установление этого мира и восседание ханов в Ташкенте относится к восемьсот девяностому году. Некоторое время Хазрат-и Ишан провел в Ташкенте, а затем вернулся в Самарканд.

Повествование о битве на реке Чир, которая произошла между Султан Ахмад-мирзой и Султан Махмуд-ханом

Когда в восемьсот девяносто втором году умер Султан Йунус-хан, в месяцы того же года по могульскому обычаю подняли ханом Султан Махмуд-хана. Как только стало известно о кончине Йунус-хана, Мирза 'Умар-Шайх и Мирза Султан-Ахмад, каждый со своей стороны, вознамерились повести борьбу с Султан Махмуд-ханом. Умар Шайх-мирза отправил большую группу своих приближенных, пользовавшихся его доверием, чтоб они заняли ташкентскую крепость (кал'а) Аштар, которая была очень хорошо укреплена. Султан Махмуд-хан сам своей особой направился к той же крепости. Произошло жестокое сражение, такое, что до сих пор среди могулов рассказывают, как эта крепость была взята приступом и как все приверженцы Умар-Шайх-мирзы, на которых он возлагал надежду, были перебиты. Никто из них не бежал: все сражались до тех пор, пока не пали на поле боя.

Благодаря этой своей победе Султан-Махмуд-хан приобрел могущество, а у 'Умар-Шайх-мирзы больше не осталось силы для противодействия. На следующий год эмиры стали подстрекать Султан-Ахмад-мирзу, говоря: «Без всяких на то оснований Вы отдали Ташкент могульскому хану. До тех пор пока они (т. е. могулы) будут оставаться там, у нас будут большие затруднения». Хазрат-и Ишан, да святится тайна его, отправил Мирзе послание: «Это не соответствует правильному образу действий. С Султан Махмуд-ханом следует жить в мире; никакого беспокойства они вам не причиняют. Почему же Вы причиняете им беспокойство?»

В общем Султан Ахмад-мирза собрал стопятидесятитысячное войско конницы и пришел под Ташкент. Султан Махмуд-хан вступил в ташкентские предместья и стал напротив вражеского войска. Между ними была река Чир. Перейти через Чир не удалось. Три дня простояли они там.

Среди войска Султан Ахмад-мирзы был Шахибек-хан. Этот Шахибек-хан является сыном Шах-Будаг-оглана, он — сын Абул-Хайыр-хана. После того, как произошло убийство Бурудж-оглана, о чем было упомянуто прежде, Шахибек-хан, будучи еще очень молодым, причем другие султаны все рассеялись, он много бедствовал, о чем рассказывается в исторических сочинениях.

В конце концов Шахибек-хан не мог остаться более в степи, пришел в Мавераннахр и стал нукером Султан Ахмад-мирзы. Он сопровождал его в этом войске, пришедшем к Ташкенту, у него было триста своих нукеров. Пробыв эти три дня у Султан Ахмада, Шахибек-хан послал человека к Султан Махмуд-хану сказать: «Давайте встретимся». В ту же самую ночь он пришел с той стороны, а хан — с этой, они встретились друг с другом. После обсуждения взаимных обязательств и условий они порешили так: «Завтра пусть Махмуд-хан поведет наступление на Мирза Абд ал-Али (Шахибек-хан состоял под командой этого Мирза Абд ал-Али). Я же расстрою ряды войска и обращусь в бегство».

С наступлением следующего дня могульское войско подготовилось к бою. С обеих сторон строй был приведен в боевой порядок. Пехота могульского войска перешла через Чир, всадники тоже вошли в воду. Пехота с той стороны также вступила в бой. Могульское войско пошло в наступление на Мира Абд ал-Али. В этот момент Шахибек-хан со своими тремя сотнями человек обратился в бегство. Он напал на обоз войска Султан Ахмад-мирзы и занялся разграблением его: где бы ни находилась подобная неорганизованная толпа, она именно по этой причине всегда нападает на войсковой обоз. Тотчас же войско Мирза Султан Ахмада обратилось в бегство. Но перед войском мирзы оказалась река Чир, которую ташкентцы называют «Аб-и Парак». Большая часть войска потонула в реке Чир.

Великое поражение потерпело войско Мирза Султан Ахмада. Разбитый и разгромленный мирза бежал в Самарканд. Он принес многочисленные извинения Хазрат-и Ишану и просил у него прощения. Вновь Хазрат-и Ишан установил мир между ханом и Султан Ахмад-мирзой.

...Благодаря этой победе Султан Махмуд-хана султаны окрестных мест стали считаться с ним. Страх перед ханом вселился в сердца окрестных султанов, а его положение упрочилось.

Повествование о том, что произошло в Ташкенте во время правления Султан Махмуд-хана, о расстройстве его дел и о его кончине

Еще до установления мира с Султан Ахмад-мирзой и до женитьбы на Кара-Куз-бегим Султан Махмуд-хан взял Туркестан. Мухаммад-Мазид-тархан был дядей со стороны матери Султан Ахмад-мирзы и правил Туркестаном от имени Султан Ахмад-мирзы. Султан Махмуд-хан схватил его и держал в плену. Самой большей причиной заключения мира между Махмуд-ханом и Ахмад-мирзой является именно этот Мазид-тархан, потому что Мухаммад-Мазид тархан был дядей по матери Ахмад-мирзы.

Когда Султан Махмуд-хан взял Туркестан, Шахибек-хан находился у него на службе. Принимая во внимание ту услугу, которую Шахибек-хан оказал Султан Махмуд-хану в битве на реке Чир, о чем уже было упомянуто, хан предоставил ему Туркестан. По этой причине между сыновьями казахов Кирай-хана и Джанибек-хана и Султан-Махмуд-ханом издавна существовавшая искренняя взаимная дружба сменилась теперь враждой. Сыновья Джанибек-хана и Кирай-хана говорили: «Шахибек-хан является нашим врагом, как же ты ставишь его в Туркестане в противодействие нам?» Словом, в связи с этим конфликтом между Султан Махмуд-ханом и узбеками-казахами дважды происходили сражения. В обоих случаях поражение потерпел Султан Махмуд-хан.

Причиной этих поражений было следующее. После Йунус-хана у Султан Махмуд-хана остались достойные уважения эмиры. Однако у всех, кто наследует государственную власть, бывает в обычае недооценивать благородных, хороших людей и считать, что каждый, кому они покровительствуют, становятся благородным, достойным человеком, что, конечно, абсурдно. Будучи, однако, убежден в обратном, хан оказал покровительство нескольким лицам из числа презренных подонков общества (аз аразил-и ахад ан-нас). И эти низкие, недостойные люди постоянно проявляли усердие в том, чтобы унизить старых великих эмиров. Дело дошло до того, что хан убил пять человек из наиболее великих эмиров, каждый из которых был главой дафтара, а их семьи (ханидан) уничтожил полностью. На их места он поставил пять человек из тех подонков. В то время, когда

вспыхнула вражда между Султан Махмуд-ханом и узбеками-казахами из-за Шахибек-хана и дело дошло до сражения, эти пять человек были военачальниками (сардар).

Короче говоря, поражение потерпел Султан Махмуд-хан. Не осталось и следа от того преклонения перед властью и величественностью хана, которое утвердилось ранее в сердцах окрестных султанов благодаря заслуживающим похвалы стараниями тех пяти эмиров, убитых им.

Тем временем Умар-Шайх-мирза упал с голубятни, и это стало причиной его гибели в восемьсот девяносто девятом году. Когда весть об этом дошла до Султан Ахмад-мирзы, он повел войско на Андижан, чтобы он не попал в руки могулов. Эмиры Умар-шайх-мирзы проявили мужество и благородство: они подняли государем сына Умар-Шайх-мирзы Захир ад-Дин Мухаммад Бабур-падишаха, которому было двенадать лет, и стали искать поддержки у Султан Махмуд-хана.

Султан Ахмад-мирза достиг пределов Маргинана, заболел, попросил мира и повернул назад; по дороге он скончался. Спустя сорок дней после смерти Умар-Шайха из Хисара выступил Султан Махмуд-мирза. Он сел вместо брата на самаркандский трон. Шесть месяцев он правил, а затем умер естественной смертью. Вместо него стал государем его сын Мирза Байсунгар. Султан Махмуд-хан жаждал заполучить самаркандский трон. Он столкнулся с Байсунгар-мирзой в местности под названием Канбай. Так как эмирами у Султан Махмуд-хана были те самые низкие подонки, важное дело захвата Самарканда не осуществилось. Для могулов и самаркандцев этот день стал датой, от которой ведут счет времени. Хан повернул назад и пришел в Ташкент. Упомянутые достойные презрения люди внушали ему: «Хорошо было бы поддержать Шахибек-хана, чтобы он взял Самарканд и Бухару. И всякое дело, которое должен выполнять государь, возлежало бы на нем, а мы сидели бы в Ташкенте и пребывали бы в покое». Хан согласился с этим. И как ни указывал мой отец на ошибочность этого мнения и сколько ни говорил хану о преувеличении миролюбия Шахибек-хана, он, безусловно, не смог переубедить его, так что помощь была оказана и Шахибек-хан взял Самарканд и Бухару.

...Одним словом, благодаря этой помощи Шахибек-хан овладел Самаркандом и правил там так, как и

надлежит. Его войско увеличилось до пятидесяти тысяч. Отовсюду, где только были узбеки, они собрались около него. И сразу он занялся устранением со своего пути Султан Махмуд-хана. Хан оказался в безвыходном положении: сколько ни кусал теперь хан и те презренные ханские люди руку насилия зубами раскаяния, пользы от этого не было.

В это время Султан Ахмад-хан, который оставался в Могулистане, как об этом уже было упомянуто, услышал об этом безвыходном положении хана и пришел на помощь брату. Эти два хана дали сражение Шахибек-хану; поражение потерпели эти оба хана. Обоих ханов Шахибек-хан взял в плен. Он отнесся к ним благосклонно и с уважением: он послал хана в Могулистан, однако задержал могульскую орду. Описание этого события приведено во второй книге.

Оба брата, Султан Махмуд-хан и Султан Ахмад-хан, ушли в Могулистан, где Султан Ахмад-хан умер. Описание этого будет дано вскоре, в рассказе о Султан Ахмад-хане. Султан Махмуд-хан прибыл в Могулистан и некоторое время переносил там тяжелые лишения. В конце концов он ушел к Шахибек-хану, уповая на его расположение за ту поддержку (тарбиатха), какую он оказал ему. Шахибек-хан сказал Султан Махмуд-хану: «Один раз я отнесся к тебе великодушно. Повторное великодушие по отношению к тебе станет причиной гибели моего государства». Он убил Султан Махмуд-хана вместе с его сыновьями, старшими и младшими, на берегу реки Ходженд. Был составлен та'рих на их гибель: «Берег реки Ходженд» (Лаб-и Дарйа-йи Ходженд)...

Повествование о Султан Ахмад-хане

О Султан Ахмад-хане, сыне Йунус-хана, упоминалось прежде в той связи, что, когда Йунус-хан пришел в Ташкент, он с некоторой частью тех могулов, которые питали отвращение к городам и вилайету, бежал от отца и остался в Могулистане. Было бы слишком долго описывать эти события и меры, которые ему пришлось предпринять в Могулистане. Здесь следует сказать то, что потребовалось около десяти лет, прежде чем он смог должным образом править всеми теми могулами, которые оставались в Могулистане.

Султан Ахмад-хан ниспроверг эмиров нескольких ро-

дов (табака), в том числе и арлатов, которые были могущественными эмирами; они оказывали ему противодействие; в конце концов произошла битва, в которой род (насл) их был уничтожен. Он убил также Эмир Султан'Али чораса, который еще с тех пор, когда эмиры оказали сопротивление Исан-Буга-хану, из-за такого же противодействия и впоследствии не примирился ни с одним из ханов.

Тем временем группа вождей племени калучи — а в то время в Могулистане не было племени многочисленнее их — объединились вместе и однажды ночью напали на хана. Сколько ни было людей в ханской ставке (урду), всех они перебили и обрушили ливень стрел на ханский шатер. Хану было нанесено несколько ран. Затем один человек из них ворвался внутрь шатра, чтобы убить его. Хан поднялся навстречу ему с мечом. Они нанесли друг другу раны, и тот человек бежал раненый. Вновь несколько человек, спешившись, хотели вместе войти в шатер. Сут-Имган-бахадур, который был из уважаемых людей в ханском дворце, пришел тем временем к нему, т. е. к хану. Когда нападавшие увидели, что входит какой-то человек, они вновь сели на коней и помчались к нему. Он (Сут-Им-бахадур) был совершенно один, тем не менее вступил с ними в бой. И потребовалось довольно много времени, чтобы убить Сут-Им-бахадура. Вновь калучи устремились на хана. Так как поднялся ужасный шум и гвалт, люди, услышав его, вскочили на коней и помчались со всех сторон к ханской ставке. Люди племени калучи не могли уже сохранить твердость и порядок и обратились в бегство. Все эти люди были из числа ханских приближенных, и никто не мог заподозрить в них такого вероломства. Одним словом, они бежали к калмакам. После того, как хан оправился от ран, он преследовал их всюду, где только они ни появлялись; однако потребовалось целых два года для того, чтобы полностью искоренить их.

После этого дела [Султан Ахмад-] хана стали процветать.

...Никто в Могулистане не мог ему противодействовать. Несколько раз он совершал удачные набеги на калмаков. Многих из них он убил. Дважды он имел сражение с Исан-тайши, оба раза одержал победу. Из-за него калмаков стало очень мало. Калмаки называли его Алачи-ханом. По монгольски слово алачи означает «кушанда»—«убивающий», то есть «убивающий хан». Этот

лакаб остался за ханом. Люди называли его «Алача-хан». Сейчас среди могулов говорят: «Султан Ахмад-хан», все же другие народы (тавайиф) говорят: «Алача-хан». В исторических сочинениях Мирхонда и Хондемира из Иерата и других написано также «Алача-хан».

После этих событий Султан Ахмад-хан начал совершать враждебные действия по отношению к узбекам-казахам. Причиной этого было следующее. В описании истории Султан-Махмуд-хана было упомянуто, что Султан Махмуд-хан дважды имел сражение с узбеками-казахами, но потерпел поражение. По этой причине Султан Ахмад-хан производил набеги на узбеков-казахов. Трижды он разбивал их. За все то, что сделали они его старшему брату Султан Махмуд-хану, он отплатил им нанесением такого же ущерба. Его владычество в Могулистане было таково, что для калмаков и узбеков-казахов не было прохода через территорию Могулистана на расстоянии семи-восьмимесячного пути. Когда Султан Ахмад-хан освободился от необходимости защищать окраины Могулистана, он обратился к делу Мирза Аба-Бакра и Кашгара, в девятьсот пятом году, в год, когда родился я, ничтожный.

...Мирза Аба-Бакр вышел с многочисленным войском из Яркенда и перерезал в горах дорогу Султан Ахмад-хану. Произошло жестокое сражение. В конце концов поражение потерпело войско хана. Разгромленный хан пришел в Кашгар, но в Кашгаре оставаться он не мог. Бежав из Кашгара, он ушел в Могулистан. Когда при таких обстоятельствах прошел один год, пришло известие о выступлении Шахибек-хана против Султан Махмуд-хана. Движимый братской любовью, Султан Ахмад-хан отправился к своему великому брату. Своего старшего сына Мансур-хана он оставил вместо себя и повелел относить к нему имя хана. Двух других сыновей, Султан Са'ид-хана и Бабаджак-султана, привел с собой в Ташкент.

Эти два хана Султан Махмуд-хан и Султан Ахмад-хан встретились в Ташкенте... Они обдумали дело Шахибек-хана. В конце концов между двумя ханами и Шахибек-ханом произошла битва в Ахси. Ханы потерпели поражение. Оба хана были взяты в плен. Шахибек-хан отнесся с уважением к их персонам и позволил им возвратится в Могулистан; однако он не разрешил уйти большей части могульского улуса.

Оба хана ушли в Могулистан. Ту зиму они провели

в Аксу. Султан Ахмад-хана несколько раз разбивал паралич. Врачи были бессильны вылечить его, и в конце зимы девятьсот девятого года Ахмад-хан умер...

Повествование о Мансур-хане, да будут прощены его грехи

...Между тем пришло известие о конфликтах, возникших в Могулистане между Султан Махмуд-ханом, Султан Са'ид-ханом и Султан Халил-султаном. Мансур-хан пришел в Могулистан. В другой раз он встретился со своим дядей Султан Махмуд-ханом. В собрании у своего великого дяди Мансур-хан встретился с Султан-Са'ид-ханом и Султан Халил-султаном, которые были его младшими братьями. После того, как они расстались, Султан Махмуд-хан не смог оставаться в Могулистане. Он не мог справиться с важным делом Могулистана, отправился в Мавераннахр, как об этом уже сказано, и там мученически погиб.

Как только Мансур-хан услышал об уходе Султан Махмуд-хана в Вилайет, он отправился против братьев. Когда Мансур-хан пришел в Могулистан, оба они были там султанами киргизов и остатков могулов. В местности под названием Чарын-Чалак произошла битва. Сражение было упорным. Мансур-хан вышел победителем. Эти оба брата бежали в Вилайет. Когда они пришли в Андижан, хаким андижанский убил Султан Халила. О Султан Са'ид-хане будет сказано ниже.

Мансур-хан заставил откочевать в Чалыш и Турфан всех, кто был в Могулистане из киргизов и других людей. Так как киргизы стали зачинателями всех смут в Могулистане, он коварным образом перебил большую часть их. И только небольшое число их бежало в Могулистан. После этого Мансур-хан совершал набеги на калмаков, большей частью победителем выходил он. Дела хана стали процветать.

После того, как Мансур-хан освободился от газата в Китай (Хитай), у него произошла битва с узбеками-казахами в Арше, который находится в Могулистане. Хан потерпел поражение. В этой битве был убит Суфи-мирза, который был из племени бекчик, «рукн-и а зам» прекрасных качеств государства Мансур-хана. После этого поражения Мансур-хан в следствии, когда умер Султан Са'ид-хан, он пришел в Аксу. Однако дважды он не

смог осуществить свой замысел, возвратился к себе в Чалыш и Турфан, где и умер в девятьсот пятидесятом году, да сделает Аллах светлыми его доказательства...

Повествование о Султан-Саид-хане, сыне Султан Ахмад-хана

Оказавшись в бедственном положении, Султан Саид-хан ушел в Андижан. Вышло так, что оттуда он бежал в Кабул, к Бабур-падишаху, сыну Умар-Шайх-мирзы, который был двоюродным братом — по тетке — Султан Саид-хана. Бабур-падишах отнесся к нему с исключительным уважением и почетом. В течение трех лет он пробыл в Кабуле. Когда Шах Исмаил убил в Мерве Шахибек-хана, Бабур-падишах отправился из Кабула в Кундуз. Султан Саид-хан пришел с ним в Кундуз.

Тем временем Сайид Мухаммад-мирза, сын Хайдар-мирзы, который является дядей автора этой истории, вторгся в Андижан, выгнал из Андижана Джанибек-султана и завоевал вилайет Ферганы. Он послал к Бабур-падишаху человека сообщить о происшедшем. Бабур-падишах отправил в Андижан Султан Саид-хана вместе с могульскими эмирами, которые находились у него на службе. Когда Султан Саид-хан пришел в Андижан, мой дяди Сайид Мухаммад-мирза выступил, чтобы встретить его. Он передал ему целиком завоеванный вилайет. Хан полностью одобрил действия моего дяди и по древнему могульскому обычаю возложил на него должность улусбеги, которая была его наследственной привилегией.

Между тем Мирза Аба-Бакр отправился на Андижан. Снарядив кашгарское войско в поход, он пришел, полный желания заполучить в свои руки Фергану. Хан вышел навстречу с полутора тысячами человек. В местности под названием Нут-Нуг, в двух фарсахах от Андижана, обо войска встретились. Хан с полутора тысячами человек одержал победу над двадцатитысячным войском с помощью Аллаха. Сражение было очень жестоким и кровопролитным. Благодаря этой победе в сердцах султанов окрестных мест укрепился страх перед Султан Саид-ханом. Из пределов Ферганы окрестные узбекские султаны собрались в Самарканде и Ташкенте. В это время Бабур-падишах дал сражение султанам тех пределов в Хисар-и Шадмане и одержал победу. Этим

нанесенным им поражением он выгнал из Мавераннахра всех узбеков и воссел на самаркандский трон. В раджабе девятьсот семнадцатого года Султан Саид-хан утвердился в Андижане.

Когда в начале весны того же года вновь узбеки пришли в Ташкент, Убайдаллах-хан выступил на Бухару, Бабур-падишах направился навстречу Убайдаллах-хану. В окрестностях Бухары произошло сражение; Убайдаллах-хан одержал победу. Бабур-падишах, разбитый, пришел в Самарканд. Забрав свою семью и принадлежавшие ему вещи, он бежал в Хисар. Снова стали владычествовать узбеки. Султан Саид-хан сидел в Андижане.

Бабур-падишах прибег к помощи Шах Исмаила. Он послал на помощь Бабуру одного из своих эмиров — Наджм-и Сани с шестьюдесятью тысячами войска. Бабур-падишах соединился с ним и отправился на Самарканд. Султан Саид-хан стал нападать на узбеков со стороны Андижана. Он отправился на Самарканд. В окрестностях Ташкента Султан Саид-хан столкнулся с Суйунч-Ходжа-ханом. Все другие ханы и султаны собрались вместе в Самарканде и Бухаре против Бабур-падишаха. Между ханом и Суйунч-Ходжа-ханом в пределах Ташкента произошла битва. У хана было пять тысяч человек, а у Суйунч-Ходжа-хана семь тысяч. Сражение было жестоким. В конце концов победа оказалась на стороне Суйунч-Ходжа-хана. Обращенный в бегство Султан Саид-хан пришел в Андижан. Вслед за этим событием в Бухарском Гидждуване был также обращен в бегство узбекскими султанами и Бабур-падишах. Он пришел в Хисар.

В тот момент, когда Бабур-падишах соединился с Мир Наджмом, я, сочинитель этой истории, получил у него позволение и прибыл служить к Султан-Саид-хану в Андижан в то время, когда он пришел в Андижан, понеся поражение от Суйунч-Ходжа хана.

С наступлением весны Султан Саид-хан пошел к Касим-хану, который был правителем (падишах) Дашт-и Кипчака. В то время в его (Касим хана) войске насчитывалось триста тысяч человек. Касим-хан оказал Султан Саид-хану такой почет и уважение, что он впоследствии в течение многих лет вспоминал об этом. Когда хан возвратился оттуда, он отличил меня — среди равных мне,— сделав меня своим зятем. Это описано во второй книге.

В девятьсот двадцатом году, в начале весны, все великие узбекские султаны со всеми людьми и с огромными бесчисленными войсками направились на Андижан. Султан Саид-хан не посчитал момент удобным для сопротивления и еще до того, как вражеское войско достигло пределов Ферганы, ушел в Могулистан.

...На следующий год, в связи с тем, что Мухаммад-киргиз стал совершать набеги на Туркестан и Сайрам и грабить мусульман, у хана движимого религиозным чувством, возникло желание наказать его за этот тяжкий проступок. Он напал на Мухаммад киргиза за то, что они (т. е. Мухаммад киргиз и киргизы) сделали в отношении людей ислама, то же самое и еще в большей степени он (т. е. Султан Саид-хан) сделал с ним и с киргизским народом. Султан Саид-хан схватил Мухаммад киргиза и заковал его в оковы пленения. В течение пятнадцати лет он оставался в плену.

В девятьсот двадцать восьмом году Султан Саид-хан отправил своего младшего сына Рашид-султана в Могулистан и подчинил весь Могулистан и киргизов. В Могулистане Рашид-султана поддержало много людей. Но в конце концов случилось так, что в связи с выступлением мангытов (манкгит) узбеки-казахи не имели больше возможности оставаться в Дашт-и Кипчаке. Они прикочевали в Могулистан. Их было двести тысяч человек. Оказать им сопротивление было невозможно, и Рашид-султан со своими людьми возвратился в Кашгар.

Повествование об Абд Ар-Рашид-хане, сыне Султан Са'ид-хана

...Рашид-султан родился в девятьсот пятнадцатом году. Когда настал девятьсот двадцать восьмой год и ему исполнилось тринадцать лет, хан отправил его в Могулистан. Описание этого связано с сыном Султан Халил-султана Баба-султаном.

Когда в Ахси Джанибек-султан убил Султан Халил-султана, как это уже изложено, этот Баба-султан тогда был еще младенцем. Он так же, как и Рашид-султан, был пленником во дворце Джанибек-султана. Во время освобождения Ферганы он был доставлен к Султан Са'ид-хану. Хан любил этого племенника больше, чем своих сыновей. Он поручил его Ходжа Али-бахадуру, который в прошлом оказал большие услуги его величеству Султан Са'ид-хану. Должность атабека Баба-султана он

предоставил Ходжа Али-бахадуру. Проведя много времени в Могулистане, Ходжа Али-бахадур питал большую любовь к Могулистану и всегда желал находиться там. По этой причине он попросил хана дать Могулистан и киргизов Баба-султану: он увезет Баба-султана в Могулистан и будет осуществлять управление важными делами киргизов и Могулистана. Хан согласился на это дело и хотел отпустить их. Мой дядя Сайд-Мухаммад-мирза несмотря на то, что Баба-султан был его зятем, хоть и не преступил границ доброжелательности по отношению к нему, но не согласился на это. Он так и заявил хану: «У могула — безграничная любовь к Могулистану. Когда Баба-султан утвердится в Могулистане, все могулы пожелают уйти в Могулистан. Если запретить это могулам, то Баба-султан будет оскорблен, а если они не повинуются, то для вас уход людей в Могулистан не будет содействовать хорошему состоянию духа. На этом основании возникает беспокойство. Проявление же его вызовет большие затруднения. Напротив, если вы отправите в Могулистан Рашид-султана, а он ваш сын, то сколько бы людей с ним ни ушло, для вас не будет плохо. А если и будет плохо, то вы запретите, ему же ничего плохого от этого не будет. Хотя Рашид-султан и молод, для него полезно будет поехать в Могулистан».

Кроме моего дяди, никто не согласился на это, в особенности Мирза Али Тагай, который всецело был на стороне Баба-султана.

Между тем умер естественной смертью Ходжа Али-бахадур и по этой причине дело отправки Баба-султана полностью расстроилось. Хан в своем решении склонился на сторону Рашид-султана. Однако по поводу обстоятельств этого решения постоянно возникали споры. Мой дядя старался и прилагал усилия к тому, чтобы уладить дело посылкой в Могулистан Рашид-султана. Мой дядя так говорил хану: «Правильный образ действий таков: нужно освободить из плена Мухаммад киргиза, который уже давно находится в заточении; из могулов следует выбрать тех, кто желает жить в Могулистане и кто владеет стадом (галле) и гуртом скота (раме), и послать их в Могулистан в сопровождении эмиров и достойных доверия лиц».

В конце концов хан согласился с этими суждениями моего дяди и так и сделал, как было сказано. Назначив главным эмиром (амир ал-умара) Мирза Али Тагая и

поставив над киргизами Мухаммад киргиза, он отправил их. В те дни умер Али Мирак барлас. Мухаммади, сын Али Мирака, по обычаю наследования стал служить Рашид-султану; он также отправился вместе с ними.

Короче говоря, благодаря всем стараниям моего дяди хан дал треть своей царственной собственности (саркар) как людьми и войском, так и деньгами, палатками и шатрами (хайме ва харгах) Рашид-султану и отправил его в Могулистан.

...Когда Рашид-султан прибыл в Могулистан, Мухаммад киргиз собрал всех киргизов и полностью подчинил Могулистан. В то время войско в Могулистане значительно увеличилось. Подробное изложение этого слишком долго. Одним словом, вследствие противодействия Рашид-султану узбеков-казахов и враждебности киргизов он вместе со своими подданными (таваби) и всем, что ему принадлежало (лавахик), возвратился в Кашгар.

...Рашид-хан заложил основы дружбы и мира с узбеками-шайбанидами, а они были давними врагами могулов, как это было уже изложено прежде, и стал истреблять узбеков-казахов, которые были их старыми друзьями. Узбекам обеих сторон Рашид-хан отдал в жены своих сестер. Так как узбеки-шайбаниды были давними врагами, Рашид-хан выдачей своей сестры замуж за шайбанида положил конец этим враждебным отношениям, которые были устранены проявлением подобного великодушия.

Короче говоря, вступив в союз с шайбанидами, он сокрушил узбеков-казахов. Воистину, если посмотреть, как обстояли дела раньше, то можно понять, что разгром узбеков-казахов был редким и выдающимся событием. После того, как Султан Иунус-хан разбил Бурудж-оглана в Кара-Тукае в восемьсот семьдесят седьмом году, с того времени и до сих пор много раз происходили битвы между узбеками и могулами; всегда узбеки были победителями, тогда как никогда в течение этого времени могулы не одерживали победы над узбеками. Но Рашид-хан одержал победу над узбеками-казахами, и это дело Рашид-хана есть одно из величайших деяний его. Хотя его дед Султан Ахмад-хан победил узбеков-казахов, как было описано, однако он разбил их лишь путем набега, но не одержал над ними победы на поле битвы. Рашид-хан же разбил их на поле битвы.

Окончание первого дафтара «Тарих-и Рашиди»

...У Чингиз-хана было четыре сына. Он разделил мир между этими четырьмя сыновьями. Улус каждого сына представлял собой одну четвертую часть населенных культурных стран и пустынь завоеванного мира. Там, где в исторических сочинениях упоминаются «Четыре улуса» (улус арба'а), там имеются в виду эти самые четыре упомянутые части. Ученый Мирза Улугбек написал историю, которую он назвал тоже «Улус арба'а».

Один из этих четырех улусов есть могульский улус. Он разделился на две части: одна часть — могулов, другая — чагатаев. Но эти два подразделения по причине взаимной враждебности друг друга называют пренебрежительными именами: чагатаи называют могулов «джете», а могулы чагатаев именуют «караунас». В настоящее время из чагатаев не осталось ни одного человека, кроме падишахов чагатайских, которые являются сыновьями Бабур-падишаха. А вместо чагатаев их наследственными городами и областями овладели другие люди. Могулов же осталось около тридцати тысяч в пределах Турфана и Кашгара, а Могулистан захватили узбеки-казахи и киргизы. Хотя киргизы тоже из могульских племен, но в связи с тем, что они поднимали часто восстания против могульских хаканов, они отделились от могулов. Все могулы стали кусульманами, они вошли в число правоверных людей. Киргизы же, как и прежде, остались во власти неверия. По этой причине они отделились от могулов.

Дафтар II

Поход Шахибек-хана против казахов и начало его крушения

...В то время, когда Шахибек-хан, наполнив до краев кубки жизни шербетом мученической смерти других, это зелье полностью отведает и сам до конца..., его собственный кубок жизни тоже был полон, и счастье отвернулось от него; чаша его благополучного могущества была опрокинута, и сколько он заставил их отведать, столько же сам отведал и весь остаток испил до конца.

Подробное объяснение этого резюме заключалось в следующем... После того, как Шахибек-хан разделался с делами ханов и отца моего, душа его успокоилась. Он

начал направлять коней в окрестные стороны, и в каждую сторону стрелы политики отравленной выпуская, повсюду сеял насилие и несчастье. В том числе зимой девятьсот пятнадцатого года он двинулся на казахов. В это время хотя Бурундук и являлся ханом, однако правление ханства и полнота власти находились в руках Касим-хана. Несмотря на величие и могущество Шахибек-хана, преимущество было не на его стороне.

Войско противника (казахов) в ту пору было более 200 тысяч человек.

Так как была зима, каждый человек находился на своих зимовках, где имелся корм для скота.

Шахибек-хан в самую середину зимы выступал для грабежа окрестностей и, ограбив, уходил обратно. Цель его заключалась в том, чтобы со стороны соседей не было угрозы его владениям.

В указанный год (915) он выступил не вовремя. Войско и кони его были обессилены. Шахибек-хан, сам оставаясь со ставкой в местности Кок-Кашана и выделив всех, у кого кони еще имели силы, направился вперед. Им повстречалась небольшая группа людей, и они, захватив добро, пленили и их самих.

Однажды, решив выступить за скотом, услышали весть, что поблизости находится Касим-хан. И эта весть внесла в их души тревогу.

Бойун-Мир-Хасан, который являлся одним из эмиров Касим-хана, услыхав, что Шайбани совершил вторжение, собрав своих людей, выступил против этого сборище и, распустив (ложный) слух, что движется Касым-хан, сам издали выказывал себя, дабы подтвердить этот слух.

Воины Шахибек-хана были совершенно уверены, что перед ними сам Касим-хан, и, побросав все, что они захватили и привезли с собой, в панике и смятении возвратились (в ставку) к Шахибек-хану и доставили весть о приближении Касим-хана.

В одно мгновенье Шахибек-хан приказал бить в барабаны отбытия и двинулся, никого не дожидаясь; тот, кто отстал, остался (в пути), кто успел, тот ушел. Разбитые и рассеянные в конце зимы, они добрались до Самарканда.

И (Шахибек-хан) сам направился в Хорасан, где он и провел весну.

В начале осени Шахибек-хан повел войско в горы против (племен) хазаре, но сколько не искал их, не смог

найти и следа, так как хазаре избрали себе укрытое место и найти их было нелегко.

Во время возвращения обратно пришлось проходить по краю глубокого горного ущелья, где протекала река Тилман. Дорог для спуска в ущелье к воде не было, а если и имелись, то это были очень труднопроходимые узкие тропы. Для такого многочисленного войска по одной или двум таким тропам спуститься и доставить воду было невероятно тяжело.

Этим путем они продвигались в течение нескольких дней, из-за безводья они дошли до критического состояния. Множество животных (коней) и воинов погибло (от жажды).

И это войско, также потерпев поражение, возвратилось в Хорасан. Это было зимой.

Из-за тягостных неудач войска, случившихся одна вслед за другой, он (Шахибек-хан) дал всем воинам позволение разъехаться и возвратиться на родину к своим очагам. Они рассеялись (по территории) от окраин Туркестана до границ Ирака и Кермана.

Между тем пришло известие, что Шах-Исмаил движется на Хорасан. Так как войско было распущено, нельзя было оставаться в Герате. Разослав гонцов в разные стороны для сбора войск, чтобы султаны и эмиры собрались и прибыли в Мерв, сам (Шахибек-хан) направился в Мерв. Когда он достиг Мерва, вслед за ним подошел и Шах-Исмаил.

Описание Могулистана и его границ

В имеющихся летописях и трудах предшествующих авторов границы Могулистана не указаны, (поэтому) сейчас их никто не знает. Однако та территория, которая теперь называется Могулистаном, в ширину и длину составляет путь (протяженность) в 7—8 месяцев.

Восточная окраина (Могулистана) примыкает к землям калмаков и (включает в себя) Барс-Куль, Эмиль и Иртыш. На севере он граничит с Кокча-Тенгизом, Бумом и Кара-Талом, на западе — с Туркестаном и Ташкентом, на юге — с ферганским вилайетом, Кашгаром, Аксу, Чалышем и Турфаном.

Из этих четырех границ я, (Мухаммад Хайдар), видел южную границу.

Из Ташкента до Андижана (расстояние) десятидневного пути, от Анжана до Кашгара — двадцатидневный

путь, от Кашгара до Аксу — пятнадцатидневный путь, от Чалыша до Турфана — десятидневный, от Турфана до Барс-Куля — пятнадцатидневный путь. Барс-Куль является восточной границей Могулистана. Протяженность (южной границы) составляет трехмесячный путь торгового каравана и имеет девяносто переходов. Однако остальные три стороны (Могулистана) я (Мухаммад-Хайдар) не видел, но по рассказал людей, (бывших там и) видевших их, становится понятным, что протяженность остальных трех границ большая, чем эта. Протяженность всех этих земель составляет путь семи — восьми месяцев. Большая их часть — горы и степи (сахра) — в совершенстве приятны и чисты настолько, что я не в состоянии найти слова для описания их. В горах и степях его было такое бесчисленное множество озер, что их названий никто не в состоянии запомнить. Подобных озер нигде нельзя встретить, кроме Могулистана, описать их нет возможности.

Летом климат большей части мест Могулистана и в совершенстве умеренный настолько, что если есть легкая одежда (кафтан), то человеку не нужно никакого другого одеяния. Если оденешь — (на себя) что-либо (теплое), то их-за теплого климата будешь чувствовать себя отягощенным.

Однако в некоторых частях (Могулистана) климат более близок к холодному.

В Могулистане имеется много крупных рек, по величине подобных Джейхуну, среди них Или, Эмиль, Иртыш, Чуйлик и Нарын. Эти реки ничуть не меньше Сыр-Дарьи. Большая часть этих рек вливается в (озеро) Кокча-Тенгиз, которое расположено между Могулистаном и Узбекистаном и разделяет их.

Протяженность этого озера вкруговую составляет путь в восемь месяцев, а напрямую в некоторых местах приблизительно около 30 фарсахов. Узбеки, когда оно зимой замерзает, переходят через озеро Кокча-Тенгиз по льду и достигают Могулистана в два дня ускоренной ходьбы. Однако в конце зимы опасность бывает большая. Лед не выдерживает и ежегодно от ста до двухсот семей, а иногда больше или меньше того, уходят под лед.

Вода этого озера вкусная. В нее вливается столько рек и ни одна не вытекает из него, а если и вытекает, то она составляет лишь количество воды одной из рек, впадающих в нее.

Из (рек) текущих в Узбекистане, р. Итиль вливается в Кульзум(ское море). В исторических летописях написано Атал, по-могульски (-ее) называют Идиль. И еще из редкостных мест Могулистана это (озеро) Иссык-куль. В него вливается такое же количество воды, как и в (озеро) Кокча-Тенгиз. Окружность Иссык-Куля составляет двадцатидневный путь, и ниоткуда не вытекает. Он окружен горами, и в него вливаются реки с вкусной и приятной водой. Но как только вода доходит до озера, сразу же становится (такой) горькой и соленой, что ее совершенно нельзя пить и даже умываться. Если попадет в глаза или рот, начинает щипать, и во рту чувствуется неприятный вкус. Она чрезвычайно чиста и прозрачна, и если зачерпнуть ее в пиалу, то на донышке не будет осадка даже величиной с крупинку. Однако в его окрестностях вода рек чрезвычайно вкусная, вокруг (озера) произрастают ароматные базилики и цветы, а деревья обильны плодами; горные луга его окрестностей изобилуют птицами и джейранами. Здесь климат несколько отличен от климата других мест Могулистана и более умеренный.

В 916 году никто из могулов не мог оставаться в Могулистане из-за киргизов. В 928 году в управлении Могулистаном величие деятельности хана пало.

Повествование о приключившемся с Султан-Са'ид-ханом после его поражения от Суйунчик-хана

Вскоре после того, как я удостоился чести служить в свите хана, до нас в Андижан дошла весть о поражении падишаха Бабура и Мир-Наджма под Гидждуваном. Было начало зимы. Зима эта была такая же чрезвычайно суровая и голодная, как и в Хисаре, о чем упоминалось выше в описании положения дел падишаха Бабура и мятежа могулов, находящихся при нем. И во всем вилайете та зима была тягостной, короче говоря, тоже были затруднения.

В это самое время пришла весть о выступлении на Андижан Суйунчук-хана. За три месяца до этого Султан Са'ид-хан потерпел от него поражение, и поэтому для открытого сопротивления силы были неравны. После долгих совещаний порешили на том, что крепость Андижана укрепит мой дядя Са'ид-Мухаммад-мирза, крепость Ахси — Мир-Йури барлас, а укрепление и за-

щиту крепости Маргинана возьмет на себя Эмир Даим-Али, а Султан Са'ид-хан с остальным войском и ханским двором уйдут в горы, лежащие к северу от вилайета Андижана.

Рассчитывали, что узбекам пробираться в горы будет трудно, да и осаждать крепости, имея на свободе Султан Са'ид-хана с войском, им будет опасно.

Согласно этому решению совещания и начали действовать. Когда эта весть достигла Суйунчук-хана, он, найдя свое намерение несущественным, отменил выступление.

Эта зима прошла спокойно. Весной пришла весть о Касим-хане. Суть создавшейся ситуации заключалась в следующем: когда Бабур-падишах овладел Мавераннахром, тогда он передал Ташкент Мир Ахмад-Касим-Кухбару, а Сайрам Катта-беку, который являлся братом указанного Ахмад-Касим-Кухбара. Когда Бабур-падишах ушел из Самарканда в Хисар, узбеки, вновь приобретя спокойствие, приступили к осаде Ташкента. Осажденные, оказавшись в крайне стесненном положении, однажды ночью атаковали один из флангов войска узбеков и через прорыв ушли из окружения. Узбеки даже были рады их уходу и не преследовали, а довольствовались освобождением Ташкента.

Мир Ахмад-Касим поехал к хану в Андижан, а оттуда отправился в Хисар к Бабур-падишаху. Однако его брат Катта-бек, укрепив Сайрам и не находя возможности прорваться, провел эту зиму в осаде. Ранней весной Катта-бек прибегнул к защите Касим-хана и из-за безвыходности крепость Сайрам передал Касим-хану, дабы не возбуждать желания и жадности узбеков к захвату крепости, и подговорил Касим-хана выступить на Ташкент.

Раз уже речь зашла о Касим-хане, то если не дать о нем хотя бы краткого описания, дальнейшее повествование будет не ясным.

Повествование об особенностях положения казахов, их государях, причине, почему им дано это имя, и (об) их нападении

Когда Абу-л-Хайр-хан полностью подчинил себе Дашт-и Кипчак, некоторые султаны джучидской династии обонянием предусмотрительности почуяли вея-

ние (надвигающейся) беды с его стороны и решили предотвратить ее. И (с этой целью) несколько султанов — Кирай-хан, Джанибек-султан и им подобные с немногочисленным количеством людей, бежав от Абу-л-Хайр-хана, прибыли в Могулистан.

Очередь ханствования в это время в Могулистане была за Иса-Буга-ханом. Иса-Буга-хан проявил к ним особую заботу в уважение, и местом их пребывания определили один из уголков Могулистана, где они обрели надежную безопасность, и жизнь их проходила в благополучии.

После смерти Абу-л-Хайр-хана в Узбекском улусе начались междуусобицы; всякий, кто мог только, ища безопасность и благополучие, уходил к Кирай-хану и Джанибек-хану. Вследствие этого они значительно усилились.

Так как они (Кирей и Джанибек) сперва, бежав и отделившись от своего многочисленного народа, некоторое время пребывали в беспомощности и скитаниях, их и прозвали казахами, и прозвище это закрепилось за ними.

После Кирай-хана ханствование укрепилось за его сыном Бурундук-ханом. Вышеупомянутый Касим-хан был сыном Джанибек-хана. Он, по примеру отца, во всем повиновался и был покорен Бурундук-хану. У Кирай-хана кроме Бурундук-хана было еще много сыновей. И у Джанибек-хана тоже помимо Касим-хана были и другие сыновья, в том числе Адик-султан. За него выдали четвертую дочь Йунус-хана Султан-Нигар-ханиму после смерти (ее первого мужа) Мирза Султан Махмуда, сына Султан-Абу-Саид-мирзы.

Во время разорения Ташкента Адик-султан бежал от Шагибек-хана и ушел к казахам. Султан-Нигар-ханим тоже последовала за ним. Адик-султан в те самые дни скончался, тогда ханим, связав узами бракосочетания, взял себе (в жены) Касим-хан. После (смерти) Адик-султана Касим-хан приобрел могущественное влияние настолько, что Бурундук-хана изгнали; он удалился в Самарканд и умер на чужбине. Касим-хан сделался полным властелином во всем Дашт-и Кипчаке и приобрел такую известность и могущество, какого еще никто не имел после Джучи-хана, число его войска превышало тысячу тысяч.

После его смерти в 924 году между казахскими султанами начались распри. После Касим-хана ханом стал

его сын Мамыш-хан. Он умер от удушья в одном из сражений.

После этого на ханский престол воссел Тахир-хан, сын Адик-султана. Так как (Тахир) был человек чрезвычайно жестокий, то люди, которых было около четырехсот тысяч, вдруг отвернулись от него и рассеялись. Он (Тахир) остался один среди киргизов и умер в самом несчастном (бедственном) положении. Собралось еще тысяч до тридцати человек в Могулистане, и ханом у них сдалался Буйдаш-хан, брат Тахир-хана. Но непостоянство превратностей судьбы устроило так, что вот уже четыре года, как от всего этого народа на земле не осталось и (следа) никакого.

В (девятьсот) тридцатом году казахов было миллион человек, а в (девятьсот) сорок четвертом от этого общества на земле не осталось и следа.

Некоторые сведения о их (казахов) положении будут приведены в повествовании о (Султан Саид-)хане.

Таково краткое повествование о положении казахов, которое нашло отражение (здесь).

В то время, хотя Касим-хан еще и не принимал титула хана, власть его была уже настолько велика, что никто и не думал о Бурундук-хане. Но он — (Касим-хан) не хотел находиться поблизости от Бурундук-хана, потому что, если быть вблизи и не соблюдать должного уважения, означало бы возражать хану, а повиноваться же ему душа не лежала, поэтому (он) и старался держаться подальше (от хана).

Бурундук-хан находился в Сарайчуке; Касим-хан же (откочевывал и), отдаляясь от него, подошел к границам Могулистана и избрал своим зимовьем Кара-Тал.

Ранней весной он намеревался вернуться в место своего основного пребывания, но человек от Катта-бека в сопровождении знатнейших лиц Сайрама (арбаб) принес (ему) ключ от Сайрама и предложил ему Сайрам. Он (Касим-хан) принял предложение (Катта-бека) и направился в сторону (города) Тараза, который могулы называют Йанги. Впереди себя он отправил одного из своих эмиров.

Катта-бек сдал ему Сайрам, а сам выехал в услужение к нему и уговорил (Касим-хана выступить на Ташкент). Касим-хан с бесчисленным войском направился к Ташкенту. Суйунчик-хан укрепился в крепости Ташкента.

Касим-хан, подступив к крепости Ташкента, простоял

перед ней одну ночь. Потом он ушел, разграбив окрестности Ташкента и захватив с собой все, что только мог найти. Затем, подойдя к окрестностям Сайрама, он занялся подсчетом (букв. «приведением в порядок») имущества и скота.

О событиях происшедших после сражения с Суйунчик-ханом и о поездке Султан Саид-хана к казахам, к Касим-хану.

Когда весной девятьсот восемнадцатого года шайбанидские узбеки (этим именем обозначаются подданных Шахибек-хана) уже овладели всем Мавераннахром, страх перед ними вселился в сердца (обитателей). Зиму они провели в интригах. Весной были заняты размышлением над тем, какую хитрость им предпринять и за какие дела приняться, как вдруг пришла весть о выступлении Касим-хана. Еще до получения этого известия (Султан Саид) хан двинулся на Ахангеран, одно из известнейших мест под Ташкентом. Я участвовал в этом набеге. Когда на рассвете (мы) достигли до этих обитателей (Ахангерана), они со всем своим имуществом и семьями укрылись и укрепились в чангале, с одной стороны которой протекала большая река, а с другой — был высокий обрыв, так что был лишь единственный путь, по которому могли приблизиться нападающие. Об этом сообщили (Султан Саид-)хану. Хан поручил Ходжа-Али-бахадуру присмотреть за мною, чтобы я не ходил туда, где была явная опасность, так как в это время я был еще слишком молод, чтобы быть самому в состоянии действовать вполне рассудительно и суметь уберечь себя. Когда он и (хан) подъехал близко, большая группа (наших) пеших стрелков уже стояла с высоко поднятыми луками в полном боевом строю, приведя в порядок правый и левый фланги, готовясь к отчаянной битве. Когда он (хан) подъехал к бахадурам правого крыла и храбрецов отборных обласкал и утешил увещеваниями —«Не спешите отпускать поводья, необходимо всем разом кинуться на неприятеля», бахадуры жаждали броситься в атаку (и скорее) отпустить поводья за поводьями. Услышав это, бахадуры, сдерживая поводья своих стремлений, стали готовиться к общей атаке. В своих сборах они и не заметили, как хан ринулся на неприятеля. Целью хана в произнесенном увещева-

нии, оказывается, было — усыпить бдительность той группы (бахадуров), чтобы самому раньше всех достичь неприятеля. Три человека из них (противников), оказывается, сидели в засаде. Все трое опустили кольца, (придерживающие тетиву) луков, и выпустили в хана. Благодаря всемогуществу покоряющего и особому благоприятствию счастью все три стрелы пролетели мимо, причиной чего была справедливость и добрые дела хана. Хан мечом своим, грозным для врагов, сверкнул над одним из трех людей. Обливаясь кровью и спасая душу, в отчаянии тот бросился под коня (хана). Тогда хан обратился на другого. Между тем раненый, (повалившийся под коня хана), поднялся, и Абд ал-Бахид-бахадур, один из храбрейших бахадуров, отважный, как Рустам, подскакав вслед с моголами, так ударил мечом (шамширов) того окровавленного, что голова его, отделившись от тела, отлетела на расстояние целого (выстреле из) лука. Хан нагнал другого, и вслед за этим, подобно тому, как сказано в изречении —«Блеск молнии ослепляет их очи», заблистали мечи храбрых ханских воинов, из которых каждый мог бы поучить самого кровожадного Марса на небе. В один миг неприятели были смяты и уничтожены так, как себе и вообразить нельзя. Так как в этой битве из среды храбрых никто не смог опередить хана, все раскрыли язык единодушия и, забыв слова упрека (за то, что выступил один), осыпали его похвалами, отдали ему должную справедливость и признали его за ним первенство в деле храбрости. Мы возвратились из этого похода благополучно и с добычею. Вслед за этим пришла весть, что Касим хан стоит под Ташкентом и осаждает Суйунчик-хана. (Хан) немедленно двинулся к Ташкенту. Когда он достиг до горного прохода Кендырлык, который находится между вилайетом Фергана и Ташкентом, пришла весть, что Касим отступил, и (Султан-Саид) хан (повернул назад), прибыл в Ахси и, укрепив крепости Ферганы, отправился к казахам в надежде, не удастся ли ему поднять их снова на Ташкент. Я остался потому, что был болен. Хан прибыл благополучно на Джу, которая является одной из известнейших местностей в Могулистане. В это время возраст Касим-хана перевалил за шестьдесят лет и был близок к семидесяти, а благословенный возраст (Султан-Саид) хана был в самом цветущем периоде — ему еще не было тридцати лет. Касим по преклонности лет своих заслуживал быть извиненным ханом за то, что

сам не может выехать к нему навстречу. Всем же султанам своим, из которых нескольким было лет под пятьдесят и шестьдесят, как Джаныш-хан, Биниш-хан, Мамаш-хан, Джан-Хайдар-султан, Карыш-султан и многие другие, числом до тридцати-сорока султанов, из рода Джучи, приказал отправиться навстречу. Придя к (Султан-Саид-)хану, они приветствовали его, преклонив перед ним колена, а из среды их ради Джаныш-хана и Биниш-хана, которые были гораздо старше, хан встал со своего места.

Они, (т. е. все остальные), преклонили перед ним колена, и хан принял их, сидя на своем месте.

Одним словом, Касим-хан настолько хорошо принял (Султан Саид) хана, что хан до самого конца своей жизни не мог забыть его приветливого обращения. И всегда, когда представлялся к тому случай, хан, да упокоит Господь Бог его душу, хвалил Касим-хана и припомнил, как он был чрезвычайно с ним любезен. Между прочим, (он) говорил, что после встречи Касим обратился к нему со словами: «Мы — жители степи; у нас нет ни редких, ни дорогих вещей, ни товаров, главное наше богатство состоит в лошадях; мясо и кожа их служат нам пищею лучшею и одеждою, а приятнейший напиток для нас — молоко их и то, что из него приготовляется, в земле нашей нет ни садов, ни зданий; место наших развлечений — пастбища скота и табуны коней» И. (Султан-Саид-хан) сказал: «Поедем же в табун, поглядим на коней и, кстати, проведем несколько времени вместе, в приятном сообществе». Когда мы приехали, хан показал нам весь свой скот и лошадей и сказал: «У меня есть два коня, которые одни стоят всего табуна». Их привели, и хан неоднократно изволил рассказывать, что никогда в жизни не видел коней подобных этим двум. Касым, когда привели лошадей, обратился к хану и сказал: «Людям степей без коня и жизнь не в жизнь; эти два коня для меня — самые надежные и достойные. Обоих подарить не могу; (но) так как вы есть гость дорогой, выберите себе любого, который вам по душе — я буду доволен, только другого оставьте мне». Касим-хан описал (достоинства) обоих коней. (Султан-Саид) хан взял себе одного. И этого коня звали Оглан-Торук; действительно, подобного коня мне не случалось видеть никогда. (Касим-хан) отобрал еще из табуна несколько коней для хана. (Затем), преподнеся чашу превосходного крепкого кумыса и держа ее в руках, Касим-хан обра-

тился к хану: «Если Вы отведаете этот напиток, то сделаете мне большое одолжение». Хан, который незадолго перед тем отказался от употребления всяких крепких напитков, ответил: «Я уже отказался от крепких напитков, (которым Вы) оказываете мне честь. Как же мне изменить моим правилам?» Касим-хан ответил на это: «Я только что говорил Вам, что приятнейшим напитком у нас считается кобылье молоко и то, что из него приготовляется; напиток (кумыс), который я вам предлагаю — самый лучший, если исполнение моей просьбы считается совершением проступка, то каким бы другим достойным почтить Вас гостеприимством, я даже придумать не в состоянии. Нужны годы, чтобы такой дорогой гость, как вы, переступил порог моего гостеприимного дома, и мне было бы прискорбно чувствовать себя не в силах оказать Вам, дорогой хан, подобающего гостеприимства». (Сказав это»), Касим-хан) повесил голову и на лице его отразилось огорчение.

И (Султан Саид)-хан, изменив своему образу поведения, чтобы не огорчать Касим-(хана) и из уважения к нему проявил великодушие (и выпил) чашу хмельного. Касим-хан остался этим очень доволен. Общество оживилось. И в течение двадцати дней подряд они занимались распитием бокалов кумыса.

Лето уже подходило к концу. Казахи по распоряжению Касим-хана двинулись на зимовки. Касим-хан заявил хану, поход на шайбанидов в это время представит трудности, ибо жители степи в это время должны подумать о зимовках, (сбор) и построение войска в это время неосуществимы. И (Касим-хан) под предлогом неготовности войска, извинившись, но оказав всякого рода доброе внимание и ласку, позволил хану возвратиться. Сам же откочевал в сторону своего основного местопребывания. Хан, весьма довольный Касим-ханом, возвратился в Андижан. Это было осенью, и один из ученых, состоявших при дворе ханском, придумал следующую хронограмму той встрече: «Мир с казахами».

Повествование о позволении, данном Султан Саид-ханом) Ходжа Тадж Ад-Дину (возвратиться) в Туфтан; (О) мире, (заключенном) Тахир-ханом с казахами-узбеками, и описание того, что в те дни произошло

Когда Ходжа Тадж ад-Дин прибыл из Турфана, хан принял его с почестями, приличествующими ходже. (Ходжа Тадж ад-Дин) пробыл в Яркенде год, а затем (хан), удовлетворив (его) желания, с достойными почестями отпустил обратно (в Турфан).

В следующую зиму (Адб-ар-)Рашид-султан предпринял поход на калмаков и убил калмакского эмира по имени Йаран-Тайши, (и этим) удостоился славной чести газия.

(Затем), вернувшись в Қочкар, расположился на зимовку (кишлак). (Султан-Саид-)хан один налегке поехал туда и присоединился (к нему).

В середине зимы (туда) прибыл и Тахир)-хан, о котором уже было упомянуто в кратком очерке истории ханов казахских. После того, как послы несколько раз ездили к хану, было решено, что он (Тахир-хан) вступит в услужение (мулазимат) к (Султан Саид-)хану и привезет Султан-Нигар-ханым, которая приходилась теткой (Султан Саид-)хану.

Эта Султан Нигар-ханым была та самая, о которой уже было сказано выше в повествовании (то), что она является четвертою дочерью Йунус-хана, которую после смерти Султан Махмуд-мирзы, сына (Абу-)Саид-мирзы, выдали за Адик-султана, сына Джанибек-хана казахского. У ханым от Мирзы Султан Махмуда был один сын Мирза-хан, бывший падишахом в Бадахшане и который в девятьсот двадцать седьмом году умер естественною смертью, оставив после себя сына Сулейман-Шах-мирзу, нынешнего падишаха Бадахшана. От Адик-султана у этой ханым были две дочери: старшую выдали за Абдаллах-султана, сына Кучум-хана, (которая) умерла вскоре же после этого; ту, которая была помладше её, отдали за Рашид-султана, о чем будет сказано дальше.

Эту Султан-Нигар-ханым после смерти Адик-султана взял себе (в жёны) султан Қасим-хан, который был братом Адик-султана. После смерти Қасим-хана ханствование перешло к Тахир-хану. Тахир-хан является сыном Адик-султана, (Тахир-)хан очень почитал ханым, настолько, что ставил её выше (своей родной) матери. Ха-

ным была признательна ему и высказала желание; «Ты для меня (как сын родной), и пока ты жив, мне (желать) другого дитя не приходило и в мысли, но я состарилась и чувствую, что уже не в силах оставаться в Узбекистане. Я хочу, чтобы ты доставил меня к моему племяннику Султан Саид-хану, дабы остаток дней моих я могла прожить в городе и провести в спокойствии и без тревог на одном месте. Вместе с этим, так как и в Узбекистане из-за мангытов у тебя не ладятся дела и (ты не можешь) противопоставить им войско, которого у тебя (прежде) было десять леков, а теперь дошло до четырёх леков, и у тебя не осталось достаточных сил, чтобы сопротивляться им, я буду ходатайствовать за тебя перед могульскими ханами и устрою так, чтобы между вами установились хорошие отношения и бояться бы тебе мангытов было нечего, и у тебя сбудется желание».

Это предложение Тахир-хану пришлось по душе, и (он), направившись, к границам Могулистана, начал переговоры о мире, а вслед за тем прибыл в Кочкар и вступил в услужение (мулазимат) к (Султан Саид-) хану. (При аудиенции) из-за уважения к высокопоставленной тетке хан встал перед Тахир-ханом со своего места и сказали: «Хотя по закону подобному мне хану и не подобает вставать ради тебя с места, но я встаю из-за уважения к моей высокопочтенной тетке, которую ты доставил ко мне». И он, (Тахир-хан), преклонив свою голову по определенному обычаю, подошёл к хану; и он (хан) был к нему чрезвычайно ласков и милостив.

(Тут же) и сестру его, которая являлась дочерью (Султан-Нигар-)ханым, сосватали за Рашид-султана. И в настоящее время она (находится) в его гареме и имеет детей; о каждом из них будет сказано в своем месте.

Во время отъезда (Султан-Саид-хана с Кочкара) вторично задержали Мухаммад киргиза и, заключив его в оковы, отвезли в Кашгар. Причиной этого было то, что его неповиновение стало явным, потому что (он) начал искать поддержки у узбеков (-казахов). По этой причине (Мухаммад киргиз) оставался в заключении, и был освобожден из-за заточения лишь после смерти хана.

(Хан) возвратился в Кашкар, а меня оставил в Могулистане, чтобы следить за порядком среди (подданного) народа. Сколько я ни старался, (чтобы навести порядок), киргизы не успокоились и снова ушли на про-

тивоположный конец Могулистана и присоединились к Тахир-хану, а некоторые из них остались. В этом году у хана родился сын (Ибрахим-султан).

О поездке Султан Са'ид хана в Могулистан в последний раз; о том, как он привел обратно могулов из Могулистана в Кашгар, и о некоторых событиях, случившихся в то время

Это было время, когда Рашид-султан, оставшись в Могулистане, расположился зимовать на Кочкаре. Однако Тахир-хан в это время находился в Узбекистане, но сложившиеся там обстоятельства вынудили его, Тахир-хана, идти в Могулистан. Он подошел вплотную к Кочкару, и половина близлежащих киргизов явилась к нему, и он принял их к себе. По этой причине Рашид-султан, опасаясь его, Тахир-хана, в середине зимы, приняв решение, ушел с Кочкара на Ат-Баши. Когда эта весть достигла высокого слуха Султан Са'ид-хана, в конце зимы он сам отправился на Ат-Баши. В Катилише, не доезжая Ат-Баши, хан встретился с сыном и восстановил спокойствие среди народа. Весной узбеки-казахи ушли в восточную часть Могулистана, где расположился Хасс и Кункаш. Та часть киргизов, которая находилась при Рашид-султане, в душе желала соединиться с теми киргизами, которые примкнули к узбекам-казахам. Хан, чтобы воспрепятствовать им, отправил меня совместно с Рашид-султаном; мы поехали и перевели киргизов с Йумгала и Кочкара на Ат-Баши, а сам хан поехал в Кашгар, чтобы привести весь народ в кочевья и понаблюдать, что важного произойдет между ними и узбеками-казахами. Меня же оставили в Могулистане, поручив следить за порядком и спокойствием народа. До возвращения хана я оставался вместе с Рашид-султаном. Когда хан прибыл с народом, перекочевав из Кашгара, и соединился с нами, то он, разрешив выехать мне в Кашгар, соизволил сказать: «Иди и привези в Могулистан мою высокопочтенную тетку Султан-Нигар-ханым, чтобы она была посредницей между мной и Тахир-ханом и уладила дело дружелюбно». Я поехал в Яркенд и вывез ханым с собой в Могулистан. Хан находился на Аксае. Перед моим приездом хан, получив весть, что киргизы обитают отдельно от узбеков-казахов, предпринял решение идти на них, чтобы привести киргизов под свое

влияние. Хан выступил с Аксая. В то время, как только прошли один переход, заболел Рашид-султан. К счастью, в том месте оказался Хазрат Ходжа-нур, который выехал сюда для отдыха. Благодаря присутствию и молитвам их (Хазрат Ишана) болезнь эта в три дня совершенно прекратилась. Оставив ханым с народом, я отправился за передовым войском и поспел туда в тот самый день, когда хан выступил с этого привала в дальнейший путь. По приезде я удостоился чести поклониться Ходже-Нуру и представиться в услужение хану. Вслед за тем Хазрат Ходжа уехал обратно, а хан двинулся в поход. Сорокадневный путь мы преодолели в двенадцать дней.

Краткое изложение того, что приключилось с нами далее таково: когда мы достигли Ак-Куяша, хан отрядил со мной пять тысяч человек и послал меня с Рашид-султаном на киргизов. Киргизы находились на Арышляре. Прибыв к этому месту, мы увидели место стоянки и одни лишь юрты киргизов. Было ясно, что они отсюда перекочевали, побросав некоторые свои вещи и снаряжение. Мы решили, что по какой-то срочной вести они поспешно откочевали. Когда мы двинулись дальше, увидели несколько мертвых людей и множество трупов коней, убитых и израненных стрелами. В поисках причины мы нашли одного раненого полумертвого человека, от него мы узнали, что Бабачак-султан приходил из Кусана и напал на киргизов, за три дня до нашего прибытия произошло большое сражение, Бабачак-султан потерпел поражение, и киргизы, отослав свои семьи к узбекам-казахам, сами отправились преследовать Бабачак-султана. Когда мы двинулись дальше, то обнаружили около ста баранов, принадлежавших киргизам, и захватили их. Так как киргизы воссоединились с узбеками-казахами, мы больше ничего не стали предпринимать и, возвратившись, пришли в услужение к хану. Так как основной целью хана было наказание киргизов, а не противодействие узбекам-казахам, мы двинулись обратно. Этот поход войска получил название «поход за баранами».

Хотя Тахир-хан в то время имел двести тысяч человек, но время его правления уже шло к упадку. Его войско от десяти леков уменьшилось до двух леков. К тому же усилилась его суровость и жестокость. По этой причине просвещенные сердца султанов отвратились от него; у него был брат по имени Абу-л-Касим-султан. На-

род считал, что жестокости Тахир-хана исходят от него. Сразу же рукой победоносной умертвили его. И затем весь этот народ разом отделился и покинул его. Так что остались лишь он сам и его сын, больше никого не осталось с ними. И только лишь вдвоем примкнули к киргизам.

Весть об этом достигла Султан-Са'ид-хана, когда он уже возвратился в Кашгар со всеми своими могулами. Причиной этого прибытия хана в Кашгар было то, что среди могулов поговаривали о том, что киргизы объединились с узбеками-казахами и что узбеки-казахи намерены утвердиться в Могулистане, и что противостоять многочисленности узбеков-казахов нет достаточных сил, и что поэтому оставаться эту зиму в Могулистане будет опасно.

По этим причинам хан перевел тогда Рашид-султана и всех могулов из Могулистана в Кашгар. Когда хан был уже в Кашгаре, пришла весть о полном разложении узбеков (т. е. о неурядицах в связи с уходом казахов от Тахир-хана).

Был уже конец весны, и возвратиться вновь в Могулистан было затрудительно. И хан остался в Кашгаре. Перед началом весны Тахир-хан явился вместе с киргизами и увел киргизов, которые еще оставались на Ат-Баши, также увел и могульских лошадей, которые были оставлены в Могулистане.

Из книги

И. Я. ЗЛАТКИНА

ИСТОРИЯ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА

Издание второе

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы, М., 1983

Аналогично развивались отношения между ойратскими и казахскими феодалами. За годы правления Батур-хунтайджи между ними было три вооруженных столкновения: одно — в 30-х годах, другое — в 1643 г. и третье — в 1651-1652 гг. О первом мы знаем очень мало В исторической литературе сообщение об ойрато-казахской войне 1635 г. впервые появилось в «Сибирской истории» И. Фишера. Вслед за И. Фишером и ссылаясь на него, об этой войне писали А. Левшин, Н. Бичурин, В. Вельяминов-Зернов, Красовский и др. Но И. Фишер не указывает источника, на основании которого он сделал это сообщение. Известные нам монгольские источники, за исключением биографии Зая-Пандиты, о войне 1635 г. умалчивают. В русских архивных материалах мы тоже не нашли о ней никаких сведений. В биографии Зая-Пандиты содержится глухое упоминание о походе ойратов в 1643 г. против казахского хана Есима. Этому предшествовало пленение ойратами сына Есима, Янгира, которому, однако, удалось из плена бежать (149, с. 442; 166, с. 11). Мы не можем сказать, когда и при каких обстоятельствах Янгур-султан стал ойратским пленником, но в самом факте его пленения едва ли можно сомневаться.

Русские источники рассказывают, что в сентябре 1640 г. в ставке Батур-хунтайджи находился посол казахского царевича Янгира, дожидавшийся возвращения главы Джунгарского ханства. В своем статейном списке Меньшой-Ремезов писал: «А были у контайши в те поры, как он, Меньшой, отдавал государево жалованье, Ильден-тайша Урлюков сын да четверы послы бухарские. Казачьи орды Янгира-царевича, да Далай-лабы» (20, стб. 115, л. 31). К сожалению, об этом казахском посольстве Меньшой-Ремезов ничего больше не сообщает,

оставляя нас в неведении о цели его приезда, содержании и результатах переговоров с ойратским правителем.

Русские и монгольские источники много и довольно обстоятельно говорят о конфликте 1643 г. и его последствиях. Первым, кто рассказал о нем, был Г. Ильин, в феврале 1644 г. возвратившийся в Тобольск из поездки к Батур-хунтайджи. Он доложил воеводе Куракину: «Как де они пришли к контайше в улусы, и кон де тайши в те поры в улусех не было: ходил де войною зятем своим с Кочюртою (Очирту-Цецен-хан.— И. З.), да с Абулаем (Аблай, брат Очирту.— И. З.), да с меньшим своим с Кочюртою (Очирту-Цецен-хан.— И. З.), да с (может быть, хойтский Солтон-тайши.— И. З.), да черных мугалов с Алтыновым сыном и с мелкими тайши на Ярнаги-царевича. Казачьи орды, да на Ялантуша, да на алатов-киргизов. А ходило де с ними воинских людей 50 тысяч... И жили де оне в том улусе у контайшинных жон до ево, контайшина, приезду 4 месяца. А как де тайша с той службы приехал при них после Ильина дни» (т. е. после 20 июля.— И. З.) [20 стб. 445, л. 646, 647].

Рассказ Г. Ильина свидетельствует о том, что поход против казахов начался зимой 1643 г. и длился до середины лета 1644 г., что в походе участвовали ойратские владетельные князья, образовавшие целую коалицию во главе с Батур-хунтайджи. К этой коалиции примкнул даже сын халхаского Алтын-хана, Омбо-Эрде-ни, в ее распоряжении была значительная армия. Но поход оказался не вполне удачным для Батура и его союзников. Г. Ильин рассказывает: «Как де он, контайша, ходил на Янгира-царевича и на Ялантуша войною, и взял де он, контайша, две землицы алатай-киргизов да токмаков тысяч з 10. И после де того учинилась весть Янгиру-царевичу. И Янгир де к контайше пошел навстречю с войском, а войска де было с Янгиром 600 человек. И Янгир де, покопав шанцы меж камнем, и в те шанцы посадил 300 человек с вогненным боем, а сам тремя стами став в прикрытье за камнем. И кон де тайша с войнскими людьми приступил к шанцам и ис шанцов де у контайши побили многих людей. И з другую де сторону на него ж, контайшу, приходил с воинскими людьми сам Янгир и побил де у контайши на тех двух боях людей тысяч з 10. И в ту же пору на тот бой Янгиру-царевичу пришли на помочь Ялантуш, а с ним пришло воинских людей тысяч з 20. И кон де тайша, увидя тех воинских людей, пошел назад, а тех де людей, которых он, контайша, взял у

Янгира, увел с собою. И ныне де те землицы за ним же, контайшею. А нынешные де весны контайша хочет итти войною на нево ж, Янгира, и на Ялантуша [20, стб. 455, л. 650, 651].

Эта длинная выдержка довольно красочно изображает развитие операции и ход самого сражения. Сведения, сообщаемые Г. Ильиным, находят подтверждение и некоторое дополнение в рассказе Бахтыя, посла ойратского Аблай-тайши, прибывшего в феврале 1644 г. в Тобольск [20, стб. 455, л. 270—272].

Источники ничего не сообщают о причинах ойратско-казахской войны 1643—1644 гг. Эта война имела важные последствия для ойратского общества, вызвав новую вспышку междоусобной борьбы. Посол Бахтый подтвердил, что Батур-хунтайджи вернулся из похода против казахов с большим уроном, и добавил, что в походе участвовали и «урлюковы люди немногие. А как де он, контайша, пришел ис походу, и тех де урлюковых людей отпустил к Урлюку с аблаевым да с тайчиновыми тайшей людьми, а с ними де послал лист, чтобы де Урлюктайша с ним, контайшею, пошел заодно на Талайташиных детей да на Кунделеня войной за то, что де Талайтайшины дети и Кунделень с контайшею на Янгира не пошли и ево де, контайшу, выдали. И тех де ево контайшиных послов с листом на дороге, не допустя до Урлюка, Кунделен-тайша изымал и держит у себя и лист де у них взяли. И ныне де у него, контайша, с Талайтайшиными детьми и с Кунделенем в том стала большая ссора и без войны де у них, чает, не будет». Аблай прислал Бахтыя в Тобольск с заявлением о своей готовности служить русскому царю, «как де служил тебе, великому государю, отец ево Байбагиш-тайша. И ныне де он, Абулай-тайша, с Кунделенем-тайшею готов итти на твою государеву службу на Урлюка-тайшу войною» [20, стб. 455, л. 270, 271].

Из слов Бахтыя видно, что Батур-хунтайджи удалось достаточно прочно привязать к себе правителя складывавшегося Калмыцкого ханства на Волге Хо-Урлюка и обеспечить его участие в общеойратском походе против казахов. Наследники дэрбэтского Далай-тайши, занятые борьбой за раздел отцовского наследства, уклонились от участия в походе, вызвав гнев Батур-хунтайджи. Хундулен-тайша, брат хошоутского Байбагас-хана, старый противник Батура, также не принял участия в походе и занял открыто враждебную по отношению к нему пози-

цию. Что же касается Аблай-тайши, племянника Хундулена, то у него были претензии как к собственному брату Очирту-Цецен-хану в связи с разделом наследства их отца Байбагас-хана, так и к Батур-хунтайджи, в тесной дружбе и союзе с которым находился Очирту. Старые внутриойратские межфеодальные противоречия, ликвидировать которые было не под силу ни «Цааджин бичиг», ни централизаторским тенденциям Батур-хунтайджи, по-прежнему существовали, угрожая взорвать внутренний мир и относительное единство, достигнутые в результате политики Батура.

Сообщение Бахтыя получило подтверждение в докладе Г. Ильина. Находясь в ставке Батуй-хунтайджи, Г. Ильин установил, что Батура от Хо-Урлюка отделяет огромное расстояние, равное пяти месяцам езды, что отношения между ними затруднены, ибо «меж де ими кочуют многие тайши, которые с ним во брани: Кунделентайши и Талайташины дети и Янгир-царевич и Ялантуш... И в нынешном де во 152 годе (1644 г.— И. З.), пришед ис походу, контайша послал к тестю своему к Урлюку-тайше людей своих 40 человек с листом, чтоб де Урлюк-тайша дал ему, контайше, людей своих на помочь и велел бы де людем своим итти на Кунделеня-тайшу войною. А он де, контайша, пойдет з другую сторону на Янгира-царевича и на Ялантуша для того, что де с ним, контайшею, Кунделен-тайша на Янгира и на Ялантуша войною сам не ходил, и людей своих не посылал, и стоит за Янгира, и называет его названым сыном. И тех де ево, контайшиных, послов Кунделен-тайша на дороге перенял и лист у них отнял и к Урлюку-тайше их не отпустил» [20, стб. 455, л. 651—652]. Батур-хунтайджи не знал, что в это время Хо-Урлюка уже не было в живых, его убили в боях с черкасами на правобережье Волги.

Батур-хунтайджи был полон решимости отомстить казахскому Янгиру, равно как и ойратским князьям, Хундулену и другим, уклонившимся от участия в походе. Документы свидетельствуют об организованной им закупке оружия и предметов военного снаряжения в Кузнецком уезде, куда он направил своих представителей, которые «у государевых ясачных людей покупают куяки (род кольчуги.— И. З.), и шеломы, и стрелы, и копья и всякое железо». Он послал также своих людей к киргизам, «а велел просить у киргиз на себя ясаку и лошадей, потому что у него лошади на боях побиты» [12, 1645, д. 1, л. 35, 37, 38].

Источники не дают ясного ответа, состоялось ли намеченное Батур-хунжайджи на весну 1645 г. новое выступление против казахского Янгира. Если учесть, что в это время проходила подготовка к активным операциям против Хундулен-тайши, можно предполагать, что выступление не состоялось, что оно было отложено. В биографии Зая-Пандиты сообщается, что очередная ойратско-казахская война началась в 1652 г., причем в этой войне отличился 17-летний сын Очирту-Цецен-хана-Галдана, который в единоборстве поразил Янгира [167, с. 21].

Таковы свидетельства источников об ойратско-казахских отношениях в годы правления Батур-хунтайджи. Несмотря на скудость они все же дают представление о дальнейшем изменении соотношения сил в пользу ойратского государства.

Первым крупным внешнеполитическим актом Цэван-Рабдана в качестве джунгарского хана была война с казахским ханам Тауке. Весной 1698 г. Цэван-Рабдан писал Сюань Е, что начал войну «не от доброй воли, но по великому принуждению», что ее причиной является вероломство Тауке, который обратился к нему с просьбой освободить сына, взятого в свое время Галданом в плен и отправленного в Лхасу в подарок далай-ламе, обещая, что за это «он, Тауке, со мною в союзе и согласии пребывать будет». Цэван-Рабдан добился освобождения сына Тауке и отправил его к отцу в сопровождении 500 человек «для обережения». Но Тауке «за сии мои благодеяния,— писал Цэван-Рабдан,— вместо благодарности оных моих людей всех до последнего человека наголову побил. Потом моего подданного Урхедей-Батур-тайдзия убил и всех его людей, разграбивши, в плен к себе отвел. После сего не в долгом времени давных моих ясашных урянхайцев более ста кибиток с женами и с детьми, со всем их скотом и пожитками забрал». Кроме того, люди Тауке-хана совершили нападение на караван, с которыми ехала в Джунгарию с берегов Волги невеста Цэван-Рабдана, дочь Аюка-хана. «Тако же де он, Тауке, моих купецких людей, возвращающихся с товарами из Российской земли, разграбил». Поэтому принужден я силе силою отвращать и против них со своим войском войною итти. Я сим объявлением невинность мою изъясняю того ради, дабы ваше величество не подумали, что я к войне великую склонность имею» [85, л. 2657—2660].

Мы привели выдержки из письма Цэван-Рабдана не потому, что они могут оправдать джунгарского хана и обвинить казахского. У нас нет оснований верить как в благородство и бескорыстие Цэван-Рабдана, так и Тауке. Несомненно, что оба хана имели основание обвинять друг друга в проступках, подобных тем, о которых писал джунгарский хан в письме к Сюань Е. Война 1698 г. положила начало новой полосе вооруженных столкновений между ойратскими и казахскими феодалами. Именно с этого времени Джунгария начала превращаться в главную опасность, угрожавшую независимости и самостоятельности феодального Казахстана. Если в 17 в. Джунгарское ханство воевало против казахских ханов в 1643 и 1681—1684 гг., то в годы правления Цэван-Рабдана эти войны следовали одна за другой —1711—1712, 1714, 1717, 1723 и 1725 гг. Но этот перечень не является полным, так как здесь не учтены ответные удары казахских ханов по ойратским феодалам.

Что лежало в основе всех этих войн? Факты, подобные перечисленным в письме Цеван-Рабдана, даже если все они соответствовали действительности, могли служить лишь поводом к началу военных действий. Причины же ойратско-казахских войн 18 в. гораздо глубже.

Встает и другой вопрос: что побудило Цэван-Рабдана послать Сюань Е письмо, имевшее целью объяснить и оправдать начатую против казахов войну? Источники говорят о том что, Цэван-Рабдан, вопреки мнению А. Позднего и К. Пальмова, не был ни ставленником Цинской династии, ни ее вассалом и, следовательно, не был обязан отчитываться в своих действиях. Но были другие не менее веские причины, заставившие его послать письмо императору. Они заключались в особенностях внутреннего и внешнего положения Джунгарского ханства на рубеже 17 и 18 вв.

Хотя Джунгарское ханство и выстояло, оно существенно постарадало от невзгод и неудач во время правления Галдана. Ханство потеряло обширные пастбищные угодья на восточных склонах Алтая, в долине р. Кобдо и в Урянхае. Большое экономическое и политическое значение этих потерь видно из того, что вопрос о возвращении утраченных территорий занял главное место во взаимоотношениях джунгарских правителей с цинскими властями в течение чуть ли не всей первой половины 18 в. Помимо территории ханство потеряло часть населения. Во время войн Галдана многие были убиты или

попали в плен, некоторые переселились за пределы Джунгарии. Трудно назвать число этих потерь. Известно, что Галдан вступил в Халку с 30-тысячной армией. Предполагая, что одна семья давала одного воина — а так бывало в Монголии обычно,— можно допустить, что он вывел из Джунгарии около 30 тыс. семей, в каждой из которых было два-три человека (нетрудоспособные старики и дети оставались дома), т. е. всего около 70 тыс. Анализируя данные источников, можно заключить, что из этого числа не вернулось на родину, вероятно, около 50 тыс. человек.

Ойратское государство лишилось также значительного количества скота — основного богатства страны. Некоторое представление об этом можно получить, если учесть, что в одних лишь майских боях 1696 г. в районе Цзун-Мод цинские войска захватили 20 тыс. голов крупного и более 40 тыс. голов мелкого скота [85, л. 1461]. Легко понять, что все это ослабило Джунгарское ханство.

Хотя большинство ойратских владетельных князей поддерживали Цэван-Рабдана, он не мог не считаться с тем, что имеет серьезных противников в лице бывших соратников Галдана: Даньдзилы, Даньдзин-Омбо, Дугар-Рабдана и др. Большая часть их обосновалось в Кукуноре, где блокировалась с местными правителями — потомками Гуши-хана, относившимся к Цэван-Рабдану недружелюбно.

Военные неудачи и гибель Галдана, неустойчивое положение в самой Джунгарии, где позиции Цэван-Рабдана еще не успели окрепнуть, создавали благоприятную обстановку для давления на ханство с севера и запада, со стороны России и Казахстана. Как известно, в начале 18 в. новая волна русской колонизации устремились к верховьям Енисея, Тобола и Иртыша. В течение первых 15—20 лет 18 в. вся прииртышская долина была присоединена к России, тогда как до этого крайним русским поселением на Иртыше была слобода Чернолуцкая, примерно в 60 км ниже впадения Оми в Иртыш [38, с. 273; 146, с. 5.] Столь же быстро осваивались и долины среднего и верхнего течений Енисея, где еще в 1701 г. к югу от Красноярска не было ни одного русского селения [48, с. 18—19, с. 27]. Успехи русской колонизации неминуемо влекли за собой оттеснение ойратских кочевий. Так возникли новые противоречия между Русском государством и Джунгарским ханством. Эти

противоречия с течением времени становились все более острыми. Они составили важную страницу в истории русско-ойратских отношений 18 в.

Мы полагаем, что небывалое обострение джунгаро-казахских отношений в 18 в. так же имело в своей основе противоречия территориального характера. Казахские ханства нуждались в дополнительных пастбищных угодьях, но не находили свободных земель. Именно этим, по нашему мнению, объясняются их многочисленные конфликты с калмыками, башкирами и т. п. Используя сложившуюся в Джунгарии обстановку, казахские феодалы в 90-х годах 17 в. продвинули свои кочевья на восток и юг — в сторону ойратского государства. Следует отметить вместе с тем, что территориальные споры, играя главную роль в джунгаро-казахских отношениях, не были единственной причиной войн между ними. Немалое значение имело также стремление феодальных группировок каждой стороны установить свой контроль над торговыми путями и центрами торговли, поживиться богатством противника и т. д.

Было очевидно, что со смертью Сюань Е наступило затишье на восточных рубежах ханства. В спорных районах Южной Сибири вновь появились посланные Цэван-Рабданом сборщики ясака (см. [3, 1724—1728, д. 6, л. 1]). Его посол в Пекине 1726 г. снова поставил вопрос о возвращении ханству Хами, Турфана и территорий, отошедших к Халке (см. [121, с. 320]); усилился натиск ойратских феодалов на казахские кочевья в Семиречье. В 1723 г. Цэван-Рабдан, собрав крупные силы, нанес удар по владениям Большого и Среднего жузов Казахстана, подчинив большую их часть и превратив в своих данников [100, с. 79—82; 84, с. 234].

Один сад Галдан-Церен дал во владение шведскому офицеру Ренату, участнику экспедиции Бухгольца, попавшему в 1716 г. в плен к ойратам, который организовал в Джунгарии производство пушек и мортир [3, 1731—1733, д. 3, л. 37]. В сентябре 1732 г. Л. Угримов посетил еще один сад, принадлежавший Галдан-Церену, располагавшийся в Илийской долине на берегу оз. Хашатунор. Этот сад был огражден кирпичной стеной в окружности «верст 5 или больше... где прочего кирпичного строения имеется довольно, и птичные покои... А потом показывали оные сады, в которых довольно изобретено разных фруктов и овощей» [3, 1731—1733, д. 3, л. 99].

Галдан-Церен прилагал много усилий, чтобы улуч-

шить существовавшие в ханстве промыслы и наладить новые. Д. Ильин, вернувшись из Джунгарии, рассказывал, что там делают ружья, порох и пули, добывают селитру, медь и железо [3, 1727—1729, д. (б. н.), л. 74]. Важную роль в развитии литейного и пушечного производств сыграл Ренат, деятельность которого высоко оценивалась джунгарским ханом. Ренат говорил Л. Угримову, что изготовил для армии Галдан-Церена 15 пушек четырехфунтовых, 5 пушек малых и 20 мортир десятифунтовых [3, 1731, д. 2, л. 360]. Интересные сведения об этом производстве доставил дворянин г. Кузнецка, И. Сорокин, который в 1716 г. был взят в плен ойратами, жил среди них 14 лет, а затем был отпущен на родину. Он сообщил, что когда Ренату понадобились «для перевозки дощенником через одно озеро Тексел на другой берег железной руды, то отданы ему были российских пленных сто человек, в том числе и он, Сорокин, при которой работе он, Сорокин, был до отпуску своего в Россию» [3, 1731, д. 2, л. 217].

И. Сорокин рассказывал, что в окрестностях озера имелось довольно много железной руды, которую ойраты исстари добывали сами, затем везли вокруг озера на противоположный берег. Там в лесу руду плавили в горнах, а из полученного железа «делали (и ныне делают сами) турки, сабли, панцыри, латы, шлемы и прочее. И такого дела мастеров было у них и ныне есть близко тысячи человек». И. Сорокин также сообщил, что Ренат изменил способ доставки руды к плавильным печам, построив дощаник, на котором руду перевозили с одного берега на другой, откуда уже доставляли для плавки (см. [3, 1731, д. 2, л. 218]).

По свидетельству И. Сорокина, пушечное производство было создано в Джунгарии в середине 20-х годов 18 в., еще при жизни Цэван-Рабдана. До этого Ренат вместе с другим шведским пленным поручиком Дебешем наладили суконное производство, обучив этому ойратов. «Ныне в контайшиных улусах немалое число из природных контайшинцов суконщики находятся»» [3, 1731, д. 2, л. 218].

Общественный и политический строй Джунгарского ханства

Эволюция общественного и политического строя кочевых народов вообще и монголов в частности — один из наименее изученных аспектов их исторического развития.

Единственным исключением является широко известный труд Б. Владимирцова об общественном строе монголов, в котором каждый вывод и каждое обобщение основаны на богатом конкретно-историческом и лингвистическом материале, извлеченном из монгольских летописей. Прямо противоположный подход к проблеме мы находим в труде С. Толыбекова об общественном строе казахов [145]. Большое место в нем занимают рассуждения об общих закономерностях общественного развития кочевых народов различных стран и в различные исторические эпохи. Свою концепцию автор основывает по преимуществу не на конкретно-историческом материале, а на одном теоретизировании, подкрепленном цитатами из трудов многих авторов, принадлежащих к разным школам и направлениям.

Основные положения концепции С. Толыбекова не являются новыми и оригинальными; мы находим их в произведениях А. Позднеева, Г. Грум-Гржимайло, Н. Веселовского, В. Радлова, В. Григорьева и др. С. Толыбеков считает, что общие закономерности феодализма, свойственные всем оседлым народом мира, неприменимы к кочевым народам, которые в своем развитии не могут подняться выше так называемых патриархально-феодальных отношений. Эти отношения, утверждает С. Толыбеков, предстают перед нами как особая общественно-экономическая формация с особым базисом и особой надстройкой [145, с. 291—376]. Но и этот тезис не нов. В. Радлов еще в конце 19 в. писал: «Понятия: князь, чиновник, народ, государство, область, собственность и т. п. имеют в жизни кочевников не то значение, какое у оседлых. Равным образом война и мир влияют на социальные отношения кочевников не так, как у культурных оседлых народов» [132, с. 65],

Концепция С. Толыбекова находится в резком противоречии с историческими фактами, она лишь затрудняет понимание исторического прошлого кочевых народов.

Нельзя в этой связи не вспомнить замечание В. Бартольда: «Пишущего эти строки изучение истории Восто-

ка все более и более приводит к сознанию тех простых истин, что на Востоке, как и на Западе... действуют одни и те же законы исторической эволюции» [32, с. 355]. Мы полностью присоединяемся к этому заявлению. Реальные исторические факты, свидетельства источников подтверждают его правильность.

Свидетельства монгольских, китайских и русских источников не оставляют места сомнениям, что в 17—18 вв. каждое феодальное владение в Монголии располагало вполне определенной территорией, в границах которой кочевало население, подвластное правителю и собственнику данного владения. Эти границы устанавливались, изменялись и вновь определялись в ходе борьбы между ханами и князьями за пастбищные угодья.

Широко распространенное в домарксистской литературе представление о «вольном», «свободном», никем, ничем и никогда не ограничиваемом передвижении кочевых скотоводов является глубоко ошибочным. Уже Жербийон, хорошо знакомый с монгольскими кочевьями, пришел к убеждению, что в этой стране в конце 17 в. «каждый владелец живет в своей области, и ни ему самому, ни его подданным не позволяется переходить в соседственное владение» [59, с. 256].

Из всего сказанного следует также, что земля, пастбищные угодья играли роль решающего средства в монгольском кочевом обществе. Исследователи, отрицающие роль земли как средства производства в кочевом скотоводческом хозяйстве, исходят из того, что кочевник не прилагает труда к пастбищам, что последние являются «естественными лугами», что к ним можно применить слова, сказанные К. Марксом о вещах, могущих быть потребительными стоимостями и не быть стоимостями. «Так бывает,— писал К. Маркс,— когда ее (вещи.— И. З.) полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственные луга, дикорастущий лес и т. д.» [1, с. 49]. Но ссылка указанных исследователей на К. Маркса в данном случае является неправомерной. Пастбищные территории в кочевом скотоводческом производстве не являются «естественными лугами» в обычном смысле; нельзя сказать, что эти территории не опосредствуются трудом кочевника-скотовода. Громадный труд, вкладываемый кочевником в перекочевки, имел не только освоение новых пастбищ, но и восстановление плодородия старых, уже использованных угодий; перекочевки являлись единственным доступным кочевнику

средством восстановления кормовых ресурсов использованных пастбищ, обеспечивавших ему возможность возвращения в соответствующее время года на старое кочевье. Оседлое хозяйство, использующее богатства естественного луга как бесплатный дар природы, действительно не вкладывает в него труда, но кочевник-скотовод не мог использовать богатства пастбищных угодий, если не обеспечивал их водоснабжением и если — что самое главное — он несколько раз в году собрав свои стада, имущество и все свое семейство, не перекочевывал на новое пастбище, отдаленное от старого иногда многими десятками километров. Весь смысл сезонных перекочевок заключался в восстановлении урожайности пастбищных территорий. Реальные исторические факты, сообщаемые источниками и документальными материалами, не оставляют сомнения в том, что решающим средством производства скотоводческого кочевого хозяйства являлись земля, пастбищные угодья.

Типичным и характерным было то, что скот являлся продуктом труда кочевников-скотоводов и основной формой их богатства. Много скота означало богатство, мало — бедность. Процесс накопления в хозяйстве кочевника выражался главным образом в росте поголовья принадлежащего ему скота.

Скот играл исключительно важную роль в торговом обмене кочевых народов с оседлыми. Лошади, рогатый скот, овцы и верблюды были, по сути дела, единственным товаром, который кочевники могли предложить оседлым соседям в обмен на продукцию их хозяйства. Львиная доля торговли Монголии приходилась на хозяйства феодалов, владевших многотысячными стадами и табунами, в обмен на которые они приобретали предметы роскоши, оружие и т. п. Скот давал все: пищу жилище, одежду, средства транспорта, всевозможные товары. Именно поэтому разведение скота было целью производства. С. Толыбеков не считает скот продуктом труда и утверждает, что он является средством производства, орудием труда на том основании, что кочевник «при пастьбе своих стад и табунов ставит перед собой определенную цель, чтобы пастбищная трава была превращена в результате поедания ее животными в молоко, шерсть, мясо, кожу, навоз и т. д.» [145, с. 16]. Разумеется, скот и земля в кочевом обществе неразрывно и тесно связаны между собой как в производственном процессе, так и в общественных отношениях. Разведение

скота невозможно без земли, без пастбищ, земля и пастбищные угодья теряют всякое значение без скота. В этом смысле можно и нужно говорить о единстве земли и скота как факторов материального производства и общественного строя кочевых народов. Но единство не есть тождество. Как бы тесно они между собой ни были связаны, земля и скот выполняли как в производстве, так и в общественных отношениях различные роли. Если земля была главным средством производства, то скот был целью этого производства, его главным продуктом; если земля была решающим фактором в производственном процессе кочевого общества, то скот был не менее решающим фактором в сфере распределения произведенного этим обществом совокупного продукта. Если отношение к земле как к основному средству производства разделяло общество кочевников на классы, если собственность на землю превращала собственников в феодалов, а лишенных этой собственности делала феодально-зависимыми, то количество скота определяло имущественное положение владельцев стад, делая одних феодалами, а других аратами, бедными.

Взятые в целом данные источников приводят к убеждению, что монгольское общество, в том числе и ойратское, в рассматриваемое время делилось, как и всякое феодальное общество, на два основных класса — феодалов и крестьян-аратов, т. е. рядовых кочевников-скотоводов. Первые были монопольными собственниками земли, пастбищных территорий, вторые были лишены собственности на землю и потому представляли собой феодально-зависимый класс. Оба класса делились на сословные группы.

Серьезное беспокойство российских властей вызывали казахско-ойратские отношения. Казахские феодалы стремились использовать ослабление ойратского государства в своих интересах. Еще в 1745 г. оренбургскому губернатору И. Неплюеву пришлось отговаривать правителей Среднего жуза от вторжения в ойратские улусы. Царское правительство стремилось не допустить новых вооруженных конфликтов между ойратскими и казахскими феодалами, но в то же время старалось воспрепятствовать объединению их сил, усматривая в этом серьезную угрозу своим интересам. Оно было крайне обеспокоено возможностью брачного союза между Лама-Доржи и дочерью казахского хана Абулхаира, за которой в 1749 г. прибыло специальное посольство. Казах-

ские феодалы готовы были принять сватовство Лама-Доржи, но болезнь, а затем смерть невесты нарушили намеченные планы.

Особую активность казахские феодалы проявили в то время, когда в Джунгарии развернулась острая борьба за ханский престол. Они охотно принимали приглашения претендентов на ханский престол принять участие в вооруженной борьбе, чем усиливали развал и хаос в государстве ойратов. Осенью 1751 г. правитель среднего жуза Аблай, как уже было сказано выше, приютил у себя ойратских нойонов Даваци и Амурсану, бежавших от Лама-Доржи. Когда сведения об этом дошли до Петербурга, оттуда 31 августа 1752 г. в Оренбург был отправлен указ «крайнее старание возиметь первого (Даваши.— И. З.), яко настоящего к овладению всего зенгорского народа претендента, а с ним и другого, яко тогдашнему зенгорскому владельцу двоюродного брата, для будущих впредь случаев, а особливо в рассуждении неотступной претензии зенгорских владельцев к себе приласкать и в Оренбург призвать» [3, 1755—1757, д. 4, л. 316].

Выполняя указ правительства, И. Неплюев и А. Тевкелев в сентябре 1752 г. отправили из Оренбурга капитана Яковлева, который «их, владельцев, в той орде уже не застал»,— писали Неполюев и Тевкелев 10 августа 1755 г. в докладе правительству о событиях 1752 г. (см. [3, с. 316]). Даваци и Амурсана вернулись в Джунгарию, организовали внезапное нападение на ставку Лама-Доржи, схватили его и убили. Затем они с помощью Аблай-султана разгромили группировку Немеху-Жиргала и поддерживавших его дэрбэтских князей.

О событиях этих лет говорит сообщение еще одного очевидца — тобольского дворянина А. Плотникова, посланного в Джунгарию для обучения ойратскому языку. Во время его пребывания в ставке Лама-Доржи туда стали собираться войска для «сыску бежавших нойонов Даваци, Амурсана и Бальжура» [6, 1746—1754, д. 1. л. 80]. Одновременно Лама-Доржи направил к Аблай-султану посла с требованием выдать бежавших. Аблай отклонил это требование, ссылаясь на обычай, запрещающий выдавать даже собак, бежавших от своих хозяев. С таким ответом 21 августа 1752 г. посол вернулся от казахов, 9 сентября 1752 г. Лама-Доржи приказал войску выступить «из крайних улусов и следовать на киргизцов (казахов.— И. З.) партиями, каждый нойон и зайсанг

особою командою». [6, 1746—1754, д. л. 80]. А. Плотников выехал из ставки Лама-Доржи 7 ноября 1752 г., через день он прибыл в улус зайсанга Духара, отряд которого из 500 воинов стоял на р. Нарын. В ночь на 9 декабря гонцы сообщили Духару, что бежавшие нойоны обнаружены. Но, по наблюдениям А. Плотникова, «народ не верит в длительность нахождения у власти нынешнего владельца» [6, 1746—1754, д. 1. л. 80].

23 августа 1753 г. послам Лама-Доржи в Петербурге было официально сообщено, что правительство России получило сведения об убийстве их хана [3, 1756, д. 4, л. 1]. Спустя восемь месяцев, в апреле 1754 г., советник Коллегии иностранных дел В. Бакунин заявил джунгарским послам, что сведения об убийстве их хана нойоном Даваци подтвердились. Из этих данных можно сделать вывод, что Лама-Доржи был убит в самом начале 1753 г.

Что лежало в основе союза Амурсаны и Даваци? Источники не дают материалов для ответа на этот вопрос. Известно лишь, что владения обоих нойонов находились в Тарбагатае и располагались по соседству. Даваци был прямым потомком Батур-хунтайджи и имел все основания претендовать на ханский трон. Что же касается Амурсаны, то он не принадлежал к влиятельным слоям ойратов, хотя и происходил из аристократического «цаган туг хойт» («хойт белого знамени»). В описываемое время он имел под своей властью около 5 тыс. подданных с семьями. Предки Амурсаны в начале 17 в. вместе с торгоутами Хо-Урлюка покинули Джунгарию и до начала 18 в. жили на Волге. Его дед в 1701 г. вместе с Санжибом прибыл с Волги в Джунгарию и был там задержан. Отец Амурсаны, Уйзен-хошучи, был женат на дочери Галдан-Церена, от брака с которой в 1722 г. и родился Амурсана. Первой женой Амурсаны была Делег-Доржи, дочь одного из дэрбэтских князей, от которой он имел сына и двух дочерей. Второй его женой была Битей, вдова его старшего брата, умершего от оспы, у которой был сын Пунцук.

Из источников неопровержимо следует, что до 1754 г. Амурсана не только не оспаривал прав Даваци на ханский трон, но и всячески помогал ему овладеть им. По словам зайсана Наугата и Габан-гелуна, Даваци обещал за оказанные услуги пожаловать Амурсане улусы в местности Гурбан-Модон. Можно полагать, что эти сведения верны.

В этот период Средний жуз во главе с Аблай-султаном оказывал Даваци и Амурсане активную помощь. 26 декабря1753 г. прапорщик Веревкин докладывал командованию о войне между Даваци и Немеху, сыном Шара-Манжи. «И оные киргизцы споможение чинят вышереченному Дебаче, и ходило их, киргизцов, на ту помощь, и многие калмыцкие улусы разбили и привезли плену... Аблай-султан с своими улусами на ту помощь пошел» [3, 1754, д. 2, л. 1]. 4 января 1754 г. Веревкин представил новый доклад, в котором говорилось, что в декабре 1753 г. «со всех киргизских улусов военных людей 5000 человек пошло на помощь к Дебаче, чтобы разорить дербетов, ибо дербеты не хотят быть подвластными ему, Дебаче, а желают иметь владельцем Унемкая Жиргала... а урянхайцы де держат сторону Дебачеву, и прежде сего ходившим киргиз-кайсацким войском разорено калмыцких две волости» [3, 1754, д. 2, л. 4]. Один из казахских старшин, находившийся в отряде, помогавшем Даваци, сообщил 30 декабря 1753 г. Веревкину, что «две волости калмыцкие повелением Дебача разорили, и показанной де Дебача жен и детей мужеск малых и женск пол отдал киргизцам... и от разоренных волостей скота киргизцам дана самая малая часть только для пропитания, а протчий скот весь взял Дебача к себе» [3, 1754, д. 2, л. 4]. 31 декабря Веревкин встретил отряд казахов, в котором была тысяча воинов, направляшийся в Джунгарию на помощь Даваци и Амурсане.

Междоусобная борьба разоряла население и ослабляла государство ойратов. Селенгинский комендант Якоби 9 февраля 1754 г. докладывал в Петербург, что в сентябре 1753 г. в Халху из Джунгарии снова перебежало несколько тысяч ойратских семейств во главе с князьями. Цинским властям князья объяснили свою откочевку из Джунгарии тем, что «контайшинских владельцев двое и между ними имеется несогласие» [3, 1754, д. 1 л. 8.]. Как уже было сказано, Даваци, поддержанный Амурсаной и феодалами Среднего жуза, в конце 1753 — начале 1754 г. стал единовластным правителем ханства.

С этого времени начинается вражда между Амурсаной и Даваци. Мы не знаем, что явилось ее причиной. Возможно, она возникла потому, что хан Даваци не выполнил обещаний, данных Амурсане.

Источники свидетельствуют, что в конфликте между Даваци и Амурсаной активное участие принимали казахские феодалы. Не надеясь только своими силами одолеть Даваци, Амурсана обратился за помощью к Аблай-султану, отправив к нему своего брата Бальжира. Амурсана просил у правителя Среднего жуза 4 тыс. лошадей и верблюдов, 10 тыс. овец и баранов, «обещая за то учинить плату, чем бы ни потребовал». Аблай-султан оказал Амурсане просимую помощь, и Амурсана уплатил за эту помощь дорогими бухарскими коврами и оружием, а также людьми-мужчинами, женщинами и детьми, захваченными в плен в улусах Даваци. Затем Амурсана предложил правителю Среднего жуза, чтобы тот напал на ставку Даваци, когда последний выступит против Амурсаны, собиравшегося со своими войсками поджидать Даваци на р. Боротола [3, 1757, д. 2, л. 10]. Аблай выполнил и эту просьбу. Из показаний источников явствует, что правители Среднего жуза уже после поражения Амурсаны в 1754 г. не раз вторгались в пределы Джунгарского ханства, захватывая богатую добычу: скот, пленных, ценности (см. [3, 1754, д. 1, л. 46, 57, 61, д. 2, л. 1, 4]).

Одержав победу над Амурсаной, Даваци в августе 1754 г. отправил в Пекин послов с предложением мира и дружбы. Сведения об этом посольстве имеются в одном из докладов селенгинского коменданта Якоби губернатору Мятлеву. Якоби сообщал, что Даваци «сего году в летнем последнем месяце послал от себя в Пекин к богдыхану через Баркульский каракул 5 человек знатных начальников с подарками... и поручено тем начальникам просить, чтобы богдыхан с ним, Дебачею, жил мирно и контайшинских перебещиков всех отдал в его владение обратно, но токмо оные начальники и поныне находятся в Пекине, и более де о том деле неслышно» [3, 1754, л. 1, л. 53]. Цинское правительство не поддержало инициативы джунгарского хана, видевшего в мире с Китаем путь к упрочнению своей власти в ханстве. Цины не были заинтересованы в таком мире; наоборот, они намеревались уничтожить ойратское государство.

Потерпев поражение, Амурсана бежал через Телецкое озеро, Кобдо и Уланком в Халку, там он явился к цинским властям и заявил о своем желании служить Цинской династии. Его отправили в Пекин. При дворе Амурсану встретили с большой радостью. Император Хун Ли пожаловал ему титул князя первой степени (цин

вана) и обещал помощь в овладении джунгарским троном. Цинская династия увидела в Амурсане удобное орудие в борьбе за осуществление своей заветной цели — уничтожении Джунгарского ханства (см. [163; 78]).

К весне 1755 г. цинская армия была готова к походу. В ее состав входили не только маньчжурские, но и китайские войска, отряды южных монголов и халхасов. Общая численность армии по-разному определяется источниками — от 90 тыс. до 200 тыс. человек. Армия была разделена на две части. Одна из них составила северный отряд под командованием маньчжурского генерала Баньди. Он получил задание выступить из района Улясутая и двигаться в долину р. Боротала, перейдя реки Булугун, Чингиль, оз. Айрикнор. Южному отряду под командованием маньчжурского генерала Юнхана было предписано двигаться к долине Боротала по дороге Баркуль-Урумчи. Сильными передовыми отрядами командовали ойратские князья, перешедшие на сторону Цинской династии. Авангард северного отряда возглавлял Амурсана.

В начале весны 1755 г. армия выступила в поход: оба ее отряда вторгались в пределы Джунгарского ханства. В конце апреля они, соединившись в долине р. Боротала, у оз. Эбинор, подошли к р. Или, переправились через нее и двинулись дальше, не встретив ни малейшего сопротивления, не сделав ни одного выстрела.

25 июля 1755 г. Якоби докладывал: «Когда китайское и мунгальское войско дошло до Или, к нему стали переходить в подданство зенгоры с начальными людьми... Боев с контайшей не было, ибо контайша хочет мира... Контайшинский владелец Дебача войны иметь не желает, а просит мира... Для испрошения того миру намерен послать в Пекин к богдыхану сына своего с подарками» [3, 1755, д. 1, л. 75—76]. Русский казак Бурков, с лета 1754 г. находившийся в ставке хана Даваци и лишь через два года возвратившийся в Селенгинск, докладывал, что Даваци «для имения с тем мунгальским и китайским войском баталии собрал было своего войска тысяч с тридцать, но когда зенгорцы узнали, что Амурсана при монгольском войске, то по большей части, оставя Дебачу, стали передаваться в мунгальское войско. И потому Дебача, не видя в себе никакой надежды и спасая свой живот, принужден был сохранить себя бегством» [3, 1757, д. 2, л. 11].

Пытаясь приостановить движение цинской армии,

Даваци направил в Пекин еще одно посольство во главе со своим сыном, вновь предлагая мир и дружбу. В знак своей искренности он прислал Хун Ли боевое знамя джунгарского хана и заявил, что согласен лично приехать в Пекин, если того пожелает император. 7 августа 1755 г. Якоби узнал из достоверных источников о полученном в Халхе указе Хун Ли, «коим объявлено, что контайшинский владелец Дебача просит, чтоб он богдыханом принят был в подданство, и для того отправил сына своего и при нем 6 человек посланцев... и во уверение той своей о подданстве просьбы послал свое красное знамя... Причина пожелания Дебачи подчиниться богдыхану та, что Амурсана ему изменил и перешел на сторону Китая» [3 ,1755—1757, д. 4, л. 56]. Но все было тщетно. Цинскому правительству нужен был не мир с ханством, а его полное уничтожение. Предложение Даваци опять осталось без ответа.

14 мая авангард цинской армии во главе с Амурсаной вступил в долину р. Текес, где встретился с немногочисленными отрядами Даваци. Не приняв боя, хан бежал, бросив жену и детей. Он направился в сторону Кашгара. 8 июля его схватили мусульманские правители г. Куча и передали в руки Амурсаны, который доставил пленника в ставку командующего цинской армией. Случайно оказавшийся при этом казак Бурков рассказывал, что Даваци, узнав в нем и в его товарищах русских людей, просил, чтобы они «об нем сказали в Российской стороне, что он никакой ссоры иметь не желал и что ныне в таком несчастьи находится. А больше оного ему говорить не дали» [3, 1756, д. 1, л. 57]. Через три-четыре дня Даваци был препровожден в Пекин.

Но не успели в Пекине отпраздновать победу над Джунгарским ханством, как обстановка коренным образом изменилась: Амурсана отказался от китайского подданства и с отрядом в 500 человек вернулся в Джунгарию (см. [3, 1755—1757, д. 4, л. 91]).

Из донесения Якоби от 19 октября 1755 г. и из последующих событий можно сделать вывод, что Амурсана, обманувшись в своих ожиданиях стать с помощью Цинов всеойратским ханом, в сентябре 1755 г. восстал против Цинской империи и начал вооруженную борьбу. В это время он находился в Халхе, на ее западной границе, куда прибыл, сопровождая пленного Даваци. С небольшим отрядом ойратских воинов, действуя в сговоре с некоторыми халхаскими военачальниками, в ча-

стности с Делег-ваном и Вандил-ваном из аймака Цецен-хана, Амурсана напал на маньчжурские войска, охранявшие границу, разбил их и бежал в Джунгарию. Маньчжурское командование отправило вдогонку большой отряд, но настигнуть беглецов не удалось.

Цинские власти уже тогда пытались привлечь к борьбе против Амурсаны правителей Среднего жуза. Они направили к казахам специальное посольство в составе 30 человек, которое в январе 1756 г. появились в урянхайских улусах. Послы заявили о намерении пройти к Аблаю прямым путем через территорию России, ибо путь через Или был для них закрыт Амурсаной. Через русскую территорию их не пропустили. Они вернулись назад, не выполнив поручения [13, 1755—1757, д. 4, л. 170]. Но казахские феодалы и без того почти не покидали ойратских улусов, «помогая» то одному, то другому деятелю, уводя с собой каждый раз скот и пленных. В этих операциях участвовали феодалы не только Среднего жуза, но и других казахских феодальных владений, которые, по свидетельству очевидцев, «имения и пленников много привозят, которые де как покупкою, так и протчими случаями и в Меньшую орду весьма прибыльно доходят», почему и Айчавук «собирается совершить набег на Джунгарию» [3, 1755—1757, д. 4, л. 317].

Между тем цинские войска, наводнившие Джунгарию, не встречая организованного противника, без особого труда преодолели разрозненные очаги сопротивления и приступили к поголовному истреблению ойратского населения. В июле 1756 г. двухтысячный цинский отряд вступил в пределы России, разыскивая Амурсану, подошел к Колыванскому заводу, под стенами которого укрывались ойратские беженцы. 25 октября того же года еще более многочисленный отряд маньчжурских воинов приблизился к Устькаменогорской крепости, желая захватить находившихся здесь урянхайцев, бывших подданных ойратского хана. Узнав, что Амурсана скрывается в кочевьях Аблай-султана, отряд направился в Средний жуз. В августе 1756 г. произошло сражение между ополчением Аблай-султана и войсками цинского императора, закончившееся поражением казахов, начавших отступление к русским укрепленным линиям. Казахские правители обратились к русским властям с просьбой защитить их от преследовавших маньчжурских войск.

В июне 1756 г. стало известно, что Амурсана, потер-

пев поражение, вновь бежал из Джунгарии к Аблаю. И. Неплюев и А. Тевкелев решили пригласить Амурсану в Оренбург. 1 июля 1756 г. они написали ему письмо, в котором предлагали прибыть к ним «для лучшего... покоя и безопасности» [3, 1755—1757, д. 4, л. 322]. В Средний жуз был послан башкирский старшина Абдулла Каскинов, которому поручили выяснить у Аблая, почему казахские торговцы не приезжают в Орск, где их ожидают русские купцы с товарами. Ему также было поручено тайно от казахов передать Амурсане письмо русских властей.

1 августа Абдулла Каскинов выехал из Оренбурга и прибыл в улус Аблая в конце августа. Султан находился в походе против маньчжуров, и Каскину пришлось ждать возвращения првителя Среднего жуза около полутора месяцев. В этом походе участвовал и Амурсана, которого поместили в одну из юрт под охрану 30 казахов. Как выяснилось, Аблай все время держал Амурсану под бдительным надзором, «дабы он от них скрыться и убежать не мог» [3, 1755—1757, д. 4, л. 557].

Убедившись, что ему не удастся повидать Амурсану, А. Каскинов связался с его приближенными, которые «столько были тому рады, что по своему бедственному состоянию от слез удержаться не могли» [3, 1755—1757, д. 4, л. 557]. Через них Амурсана сообщил Абдулле, что Аблай-султан держит прибывших с ним 230 ойратов как невольников, принуждает их сопровождать казахские отряды в экспедициях против маньчжуров, что он, Амурсана, намерен бежать от Аблая и просит предупредить об этом русских пограничных начальников. На следующее утро от Аблая прибыл отряд кзахов. Взяв с собой Амурсану и других ойратов, отряд выступил против маньчжуров. Амурсана, увидя А. Каскинова, просил его передать в Оренбург свою благодарность. В дальнейшем А. Каскинов выяснил, что Аблай-султан не только обращался к Амурсаной, как с пленником, но и отдалил его от семьи, которую содержал в нищенских условиях, не давая ни скота, ни даже юрты. Обо всем виденном и слыханном в улусах Среднего жуза А. Каскинов представил 31 октября 1756 г. письменный доклад [74,с. 307].

В конце 1756 г. Амурсана после пятимесячного пребывания у Аблай-султана вновь появился в Джунгарии. Зиму 1756/57 г. он провел в горах Тарбагатая, собирая новые силы для борьбы против господства Цинов. Он

рассчитывал объединиться с антиманьчжурскими силами Халхи, где летом 1756 г. вспыхнуло вооруженное восстание, во главе которого стоял крупный феодал Ценгуньжаб [75, с. 308].

Тем временем Амурсана собирал новые силы для продолжения борьбы против господства Цинской династии в Джунгарии. По свидетельству источников, он в 1756 г. наладил связь и контакт с Ценгуньжабом, планируя на 1757 г. совместные операции. Об этом говорили русскому командованию некоторые урянхайские старшины, которые сами ездили к Амурсане в конце 1756 г. и знали об этом с его слов. Урянхайские старшины снабжали Амурсану продовольствием и лошадьми. Они же несли службу связи между Амурсаной и Ценгуньжабом. Последний в одном из писем сообщал, что располагает войском в 30 тыс. воинов, «да к тому же и три пограничные хана (т. е. три хана Халхи.— И. З.) ему вспоможение чинить намерены» [3, 1757, д. 6, л. 24—28].

Укрепляя контакт с Ценгуньжабом, Амурсана решил в то же время просить помощи у правительства России. В январе 1757 г. он отправил с этой целью послов в Петербург с письмом на имя русской императрицы Елизаветы. В июне-июле 1757 г. в Петербурге шли переговоры с его представителем — зайсангом Давой. От имени Амурсаны Дава просил российские власти помочь ему собрать под его власть ойратов и все ойратские улусы, а также построить для него крепость между Иртышем и оз. Зайсан, защитить Амурсану и ойратов от цинских войск и т. д. Даве ответили, что выдвинутые Амурсаной условия перехода в русское подданство неприемлемы для России, ибо могут вызвать конфликт с Китаем, а Россия ни с кем воевать не хочет. Но если Амурсана пожелает сам с небольшой свитой получить в России безопасное убежище, то «не только принять, но и со всяким довольствием в пище, в платье и протчем призрением... пока сам похочет, содержан быть может» [3, 1757, д. 6, л. 79—81]. Если эти предложения ожажутся для него неприемлемыми и он решит остаться в Джунгарии, чтобы занять там трон ойратского хана, то со стороны России ему в этом «препятствовано не будет, да и впредь, без задаваемых разве от него самого причин, он и зенгорский народ оставлены быть имеют в покое» [3, 1757, д. 6, л. 79—81]. 23 сентября 1757 г. Дава

уехал из Петербурга, увозя с собой письменный ответ царского правительства и подарки для Амурсаны.

Пока Дава ездил в Петербург, в Джунгарии вновь развернулись военные действия. С наступлением 1757 г. Амурсана не зная еще о гибели Ценгуньжаба, направился на восток, к халханско-ойратской границе, рассчитывая здесь объединиться с ним. Узнав о трагическом конце Ценгуньжаба, Амурсана напал на гарнизон войск в Баркуле и уничтожил его. Весной и летом 1757 г. в горах Тарбагатая и в долине р. Или отряды ойратов общей численностью 10 тыс. воинов, руководимые Амурсаной и его сторонниками, развернули активные операции против цинской армии. Несмотря на героические действия, эти отряды не могли противостоять многократно превывавшей их численностью и оснащением цинской армии, отразившей натиск повстанческих отрядов и перешедшей в новое наступление. Ойраты терпели поражение, всех попадавших в плен каратели беспощадно уничтожали. Один из высших лам, Делег-гелун, пришедший в русские пределы из района Или, в своем письме 17 июля 1757 г. сообщал, что цинские войска всех «кто б им из зенгорцев в руки ни попал, то уже как мужеск, женск, больших и малых, ни единого не упущая, наголову побивают» [3, 1757, д. 2, л. 232].

22 июля представители цинского командования появились в районе Семипалатинска. Местным властям они заявили, что посланы для искоренения бунтующих ойратов и поимки Амурсаны, что в долине р. Боротала они разбили несколько ойратских улусов, но Амурсану изловить не удалось: он бежал. Зная, что Амурсане некуда бежать, кроме России, командование цинской армии интересовались, не обнаружен ли он в пределах российских, дабы войска «напрасно о нем сыску иметь не могли». При этом сообщалось, что для поисков Амурсаны и других «таковых злодеев» невдалеке находится армия численностью 50 тыс. человек во главе с шурином императора [3, 1757, д. 2, л. 245]. Цинское командование выражало надежду, что российские власти выдадут ему Амурсану.

Между тем Амурсана, потерпев ряд поражений, 28 июля 1757 г. явился в Семипалатинск, прося убежища. Он был принят местным командованием в Ямышево, где выяснилось, что он болен оспой. В Ямышевской крепости ему оказали медицинскую помощь, а 31 июля отослали в Тобольск, куда он прибыл 20 августа. 22 ав-

густа в беседе с вице-губернатором Сибири Грабленовым Амурсана сообщил, что решил бежать в пределы России по примеру других ойратских князей, после того как убедился, что «Зенгория вся разорена и множество народу побито» [3, 1757, д. 2, л. 250]. Следуя к русской границе, Амурсана подвергся неожиданному нападению отряда казахов Аблай-султана, действовавшего на этот раз в контакте с цинской армией, лишился всего скота и имущества. Его люди либо перебиты, либо захвачены казахами в плен, а сам Амурсана с восемью подданными бежал к Иртышу. Он просил, чтобы подчиненные ему ойраты, пробиравшиеся разными дорогами и тропами к русской границе (около 4 тыс. человек), были направлены к нему.

Амурсану поселили в окрестностях Тобольска, где он жил в полном довольстве, ожидая возвращения Давы из Петербурга. Но 15 сентября 1757 г. Амурсана вновь заболел и через шесть дней умер. Так закончил свою непродолжительную (ему было 35 лет) бурную жизнь этот человек, бывший сначала союзником и другом Даваци, а потом ставший его смертельным врагом, изменивший сначала своему народу и перешедший на сторону Цинской империи, а потом в течение двух лет возглавлявший освободительную борьбу против завоевателей, ставший знаменем этой освободительной борьбы. Монгольский народ сохранил память об Амурсане как о вожде всенародного освободительного движения против иноземных завоевателей, как о борьце за монгольскую независимость.

Истребительная война в Джунгарии закончилась лишь в 1759 г., когда цинским войскам удалось ликвидировать последний очаг освободительной борьбы ойратов в горах Юлдуза.

От народа, численность которого в описываемое время составляла не менее 600 тыс., осталось в живых 30—40 тыс. человек, спасшихся бегством в Россию.

Из книги

АЙДЕРА МАМЕТОВА

Доктора филологических наук, профессора

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ

(Историко-лингвистический очерк)

Симферополь, «Анаюрт»,— 1993.

Наивысшего своего расцвета гуннское объединение достигает при Аттиле и лишь после его поражения на реке Марне (Матроне) в 451 г. в знаменитой Каталаунской битве могущество гуннов клонится к упадку. Силой оружия Аттиле удалось удержать под единым руководством огромную массу племен, социально и этнически с гуннами не связанных. Приск Папийский, римский посол в стране гуннов, рассказывал, что, когда народ акатиры вздумал вступить в союз с римлянами, Аттила безжалостно перебил их большую часть, а других склонил к подчинению. Естественно, что первое же крупное военное поражение, которое потерпел Аттила, подорвало авторитет не только самого вождя, но и могущество всего союза в целом.

После смерти Аттилы в 453 г. (по другим источникам — в 454 г.) великая гуннская держава распалась. Часть гуннских племен (сциры, сарагуры, аланы) остались на Дунае и в Причерноморье, другая откочевала на восток, в Среднюю Азию, где их называли белыми гуннами (или эфталитами). Этими двумя основными ветвями гуннов стали руководить сыновья Аттилы — Ирних и Денгизих. Ирних поселился сначала в Добрудже (Малая Скифия), однако вскоре был разбит готами; то же случилось и с Денгизихом, и гунны, ненадолго задержавшись у Днепра (названным ими «Гунновар»), вернулись в черноморские степи.

С распадом гуннского племенного союза Боспор с ближайшей территорией вновь попал под протекторат Римской империи, однако вся окружающая область вплоть до появления тюрок, т. е. до конца VI в., оставалась под властью гуннов, особенно усилившихся здесь, как указывает А. Л. Якобсон, во второй половине V в., когда после распада державы Аттилы гуннские орды

отхлынули из области Дуная на восток — в Приазовье и Тавриду. О заселении гуннами территории Крыма после крушения их кочевого объединения проф. Ю. Кулаковский писал: «Готы были загнаны в горы надвинувшимися в Тавриду гуннскими ордами. Степные пространства полуострова оказались с тех пор в обладании гуннских орд».

Гуннское нашествие коренным образом изменило облик южной части Восточной Европы. Начиная с IV в. в степной полосе Крыма преобладающее положение заняли тюркоязычные племена, ассимилировавшие ее старое ираноязычное население. Смешение тюрков и угров с прежним населением Восточной Европы привело к образованию новых народов и новых этнических объединений. Таким образом, возникла новая этнографическая карта Восточной Европы, существенно отличавшаяся от прежней и в основных своих чертах сохранившаяся до наших дней.

Относительно языка гуннов в распоряжении ученых нет достаточного количества материалов для окончательного включения его в ту или иную группу алтайской семьи языков. Однако на основании анализа сохранившегося незначительного количества лексических элементов, связанных с названиями родов и племен, собственными именами и пр., интерпретируемых как остатки гуннского языка, исследователи определяют его как один из древнетюрских и сближают с булгаро-хазарской группой. Акад А. А. Куник указывает, что «тюркский элемент совершенно ясно выступает в Южной Руси... со времени гуннского нашествия, когда Алтай... стал высылать орду за ордой на Западную Азию и Черноморье».

Иранские племена, впоследствии растворившиеся среди тюркоязычных предков крымских татар, оставили память о себе в виде большого количества лексических, грамматических и синтаксических элементов иранского происхождения, а также в области культуры и антропологии определенной части крымских татар.

* * *

В VI в. на развалинах гуннской державы появляется новое объеденение кочевников — авары, а термин «гунн» исчезает и спорадически встречается у некоторых историков более позднего времени в качестве анахронизма. Аварское объединение принято считать «историческим

продолжением тех же кочевых племен юга России, которые в более раннее время входили в состав гуннского союза».

С гунно-аварским объединением непосредственно были связаны утургуры (утигуры), кутургуры (кутригуры), сабиры (савиры) и другие племенные образования. Появившиеся на территории Восточной Европы племена гуры В. В. Радлов относил к восточно-тюркским, иначе уйгурским, племенам, которые под именем гуннов вторглись в Европу в IV в. Он полагал, что сарагур и оногур есть не что иное, как сара-уйгуры, т. е. «желтые уйгуры» и он-уйгуры — «десятиплеменные уйгуры».

Утургуры и кутургуры назывались также гуннами-киммерийцами и составляли две ветви гуннского племени. Утургуры обитали в областях от впадения Дона в Азовское море и вплоть до Боспора Киммерийского. Они проникли в Крым, где столкнулись с готами-тетракситами и разбили их. Кутургуры занимали место между Тиссой и Дунаем.

Император Юстиниан, стремясь оградить свою империю от нашествия кутургуров, заключил союз с утургурами и разжигал вражду между этими гуннскими племенами. В свою очередь, они же, кутургуры, «воспользовались появлением авар для того, чтобы натравить их на своих врагов утигур... между аварами и кутригурскими вождями был заключен военный союз и в результате этого союза авары передвинулись, по-видимому, из северокавказских степей дальше на запад — в степи Причерноморья».

Новое нашествие тюрков началось в середине VI в., т. е. после того как они закрепили свое господство в Средней Азии. «Один из первых турецких (тюркских) властителей Турксанф (Радлов транскрибирует... Тургаш) появился со своей ордой на нижней Волге, разгромил гуннские племена, занимавшие степи по обеим ее берегам, обрушился затем на алан и западных их соседей, утургуров, и с помощью последних проник на территорию Крыма, где и овладел городом Боспором». О захвате Боспора в 576 г. и завоевании тюрками всей Таврии, кроме Херсонеса, который все еще оставался под покровительством римлян, имеются сведения и у Станислава Сестренцевича-Богуша.

Описывая завоевание Крыма тюрками, М. И. Артамонов отмечает, что «Турксанф сын Истеми двинул многочисленное войско под начальством Бохана на завоева-

ние Боспора, возле которого уже стояли утигуры под начальством своего вождя Анагея». Так, взятием Боспора началась их война с Византией.

Междоусобная война в Западнотюркском каганате в 630—631 гг. сильно пошатнула мощь этой державы и дала возможность некоторым племенам освободиться из-под власти кагана. К этому периоду относится появление на исторической арене самостоятельного Хазарского царства, а в Северном Причерноморье вождю гунногундуров Кубрату удалось объединить под своей властью приазовских и черноморских гуннов — болгар и создать так называемую Великую Болгарию.

Во второй половине VII в. власть хазар распространялась уже не только на степи Азовско-Каспийского междуморья, но и на все Северное Причерноморье и даже далее, включая большую часть Крыма.

Византия всеми силами старалась удержаться в Крыму. С этой целью Херсон* был превращен в мощную крепость: старые стены города были утолщены и надстроены. На Южном берегу Крыма сооружаются две новые крепости — Алуста и Горзувиты. На подступах к Херсону через горный Крым воздвигаются мощные укрепления Сюрень, Эски-Кермен, Мангуп (Дорос), Инкерман, Чуфт-Кале и др.

Однако Византия, поглощенная в это время борьбой с арабами, не смогла оказать должного сопротивления хазарам, которые «проникли в Крым и заняли не только степную, но и южную часть полуострова, изолировав Херсон от его сельскохозяйственной периферии... Сам Херсон, надо полагать, уцелел за своими мощными стенами и через какое-то время наладил отношения с новыми хозяевами Крыма».

Следовательно, молодая хазарская держава быстро овладела теми областями Причерноморья, которые издавна находились в сфере византийского влияния или даже входили в состав империи.

В начале VIII в. завоевательные походы арабов были направлены в районы Закавказья, которые в тот период находились под властью хазар. Сначала борьба с хазарами шла с переменным успехом, затем арабам под предводительством Мервана удалось нанести поражение основным силам хазар и принудить хазарского кагана принять мусульманство. После ухода арабов хазарский

* Средневековое название Херсонеса.

каган отказался от ислама и принял иудейскую религию. Впрочем, это не помешало мусульманству распространяться среди населения Хазарии.

Известно, что в 774 г. «евреи бежали из Иерусалима от свирепости калифа Алманзора» к берегам Черного моря, когда Таврией владели хазары, и были приняты последними дружелюбно. По-видимому, крымчаки как народность сформировались на основе именно тех евреев-переселенцев VIII в.

К VIII в. власть хазар распространялась не только на восточноевропейские степи, но и на прилагающие к ним с севера области, занятые славянскими племенами. На основании археологических данных можно заключить, что только со времени утверждения хазар в южной части нынешних Украины и России и под их прикрытием со стороны степей славянское население расселяется из исконных своих областей в лесах Среднего Поднепровья, Волыни и Подолии в лесостепную полосу с ее черноземными пространствами.

Когда во второй половине IX в. происходит ослабление Хазарского каганата, этим не замедлили воспользоваться угры — мадьяры. Они прорвались из-за Волги в Причерноморье и в начале 60-х годов IX в. проникли в Крым.

Вслед за мадьярами в южнорусских степях появляются печенеги, которые в 895 г. в союзе с болгарами успешно выступают против мадьяр. «Как бы ни удачны были отдельные походы хазар против печенегов,— пишет М. И. Артамонов,— окончательно разгромить и вытеснить их из занятых областей они не могли. Не могли хазары и подчинить печенегов своему влиянию, подобно тому, как они распространяли его на мадьяр. Северное Причерноморье в X в. вышло из-под контроля хазар».

Однако и печенеги недолго удержались в степных районах юга нынешних Украины и России. Под натиском славян, торков (гузы) и, наконец, печенеги перекочевали к низовьям Дуная и остатки их племен в XII—XIII вв. слились с половцами.

В конце VIII — начале IX в. на Среднем Днепре вокруг Киева возникает самостоятельное государство — Киевская Русь. Преследуя политические цели, которые были связаны с торговыми интересами Руси, киевские князья организуют походы в Крым, на Южное побережье Черного моря и на острова Эгейского моря, о чем сохранились сведения в житиях Стефана Сурожского,

Георгия Амастридского, а также в прологе к житию преподобной Афанасии.

Киевская Русь еще более окрепла после объединения с Новгородом в последней четверти IX в. После захвата крепости Саркел (Белая Вежа) славянская колонизация достигла Керченского пролива, на берегах которого возникает Тмутороканское княжество. Белая Вежа на Дону и Тмуторокань на Керченском проливе обеспечили связи Руси с Кавказом и открывали путь из Днепра на Волгу, свободное плавание по которой было целью похода Святослава против болгар и хазар, державших эту реку в своих руках.

Однако междоусобная война в Киевской Руси привела к тому, что после 1094 г. о Тмуторокани ничего не слышно. Позже она упоминается под именем Матраха, но без всякой связи с Русью.

В середине XI в. в причерноморских степях появляется новый тюркоязычный народ — половцы (куманы). О первом появлении половцев в русской летописи говорится: «В том же (1054) году приходил на русь Болуш с половцами, а Всеволод заключил мир с ними, и возвратились половцы туда, откуда пришли». Но, как отмечает исследователь С. А. Плетнева, это было лишь начало сложной, полной «браков и битв, набегов и военных союзов» двухсотлетней истории двух народов.

Расправившись с гузами и печенегами, половцы заняли господствующее положение в степях Восточной Европы и Западной Сибири, которые с XI в. стали называться половецкими (Дешт-и Кипчак). Половцы заселили также и всю степную часть Крыма вплоть до горной гряды, о чем свидетельствуют старые топонимические названия и тамги — знаки родовой собственности, обнаруженные на данной территории.

Остатки древних сармато-аланских племен, хазар, печенегов, гузов (торков) в южнорусских степях и в Крыму, захлестнутые половецкой волной, потеряли свою политическую самостоятельность и этическое своеобразие и вошли в состав населения, формировавшегося в степной части Восточной Европы. Уже к хазарскому времени потомки сармато-алан подверглись тюркизации и говорили на тюркском языке. Об этом свидетельствуют надписи, вырезанные на камнях и стенах Маяцкого городища на Дону. Они написаны буквами тюрко-орхонского алфавита и читаются по-тюркски. Таким обра-

зом, носители этой культуры уже в хазарское время были, по-видимому, не иранцами, а тюрками по языку.

Со второй половины XI в., после распространения половцев до Дуная, новый приток тюрков в Южную Русь временно прекратился, так как в XI и XII вв., по мнению исследователя, «все свободные силы родов канглов и кипчаков устремились за счастием и богатствами в армии сельджуков, завоевавших Иран, западную и малую Азию и Египет».

Нашествие монголов на Дешт-и Кипчак в начале XIII в. привело к полному завоеванию половецких земель. По сообщению арабского историка Ибн аль-Асира, монголы «направились в земли кипчаков, одного из самых многочисленных племен тюркских, и губили всех тех, которые сопротивлялись им; остальные бежали в болота и на вершины гор, покинув землю свою». Значительное количество половцев ушло в страну русов, где они в составе русского войска 31 мая 1223 г. приняли участие в битве с монголами.

В. Д. Смирнов отмечает, что монголо-татары впервые проникли в Крым в 1223 г. и разрушили город Судак, население которого оказывало им упорное сопротивление. В 1239 г. монголо-татары устроили второй погром Судака. Эти вторжения ими предпринимались «не то чтобы каждый раз для водворения вновь своего господства, а с целью поддержания своего прежнего престижа, который пытались было игнорировать местные правители». Ну и, естественно, с целью грабежа: Судак был в то время самым богатым из торговых центров Крыма.

Итальянский путешественник XIII в. Плано Карпини, совершивший в 1245 г. поездку в Монголию — страну великого хана, писал, что в государстве Золотой Орды хан и его наместники могли брать из имущества подвластных им народов «все, что они захотят, и сколько хотят». Положение покоренных народов при золотоордынских ханах было чрезвычайно тяжелым. Завоеватели обложили их, в том числе и население Крыма, тяжелой данью — ясаком. Ясак, по свидетельству другого средневекового путешественника Виллема (Вильгельма) Рубрука, платил «каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец».

Другим тяжелейшим последствием монгольского ига для половцев и других народностей был вывоз рабов и продажа их в другие страны. «Некоторые представители

мамлюкских правителей Египта были кипчаками по происхождению, предки их были проданы из Дешт-и Кипчак в XIII веке». Виднейший египетский султан (бывший мамлюк) Бейбарс, поддерживавший тесные контакты с Крымом, выделил средства на строительство мечети, воздвигнутой в Старом Крыму в 1287 г.

Население Крыма не раз поднималось против своих поработителей. В 1299 г. жители Кафы (Феодосия) убили Актаджи, посланного своим дедом Ногаем в крымские земли для сбора подати. Услышав об этом, Ногай отправил в Крым большое войско, которое захватило город Кафу, «сожгло его, убило множество крымцев, взяло в плен находившихся в нем купцов мусульманских, аланских и франских, захватило имущество их, ограбило Сарукерман (Херсонес), Кырк-Ер (Чуфут-Кале), Керчь и др».

Однако могущество золотоордынских ханов не было продолжительным. Уже в первой половине XV в. Золотая Орда, по существу, раскололась на ряд государств: в начале 20-х годов образовалось Сибирское ханство, в 40-е годы — Ногайская орда, тогда же Казанское и Крымское ханства, а в 60-е годы — Казахское, Узбекское и Астраханское ханства.

* * *

В исторических названиях деревень степного Крыма сохранились имена родов и племен, вошедших в состав этой группы крымскотатарского народа. «В списках населенных мест крымских уездов Таврической губернии (кроме Ялтинского), изданных в 1865 г., встречаются по пяти раз имена найманов и аргин, четыре раза имя конрат, по три раза имена кипчак, алчин и китай, по два раза имена канглы, алач и тама, сверх того, те же имена и имена кирей, киреит, киргиз-казак и пр., оказываются в составе сложных имен населенных мест, напр., Боз-Оглу Кереит, Унгар-Найман, Карт-Казак». Потомков многих из них встретим среди таких народов, как казахский, киргизский, каракалпакский, узбекский, что ясно указывает на историческую и родовую близость крымских татар степной полосы Крыма со среднеазиатскими народами.

Богатый материал для уточнения этнического состава степных крымских татар дают тамги, обнаруженные на территории их формирования. Научная экспедиция,

отправленная летом 1925 г. для изучения истории, культуры, литературы и этнографии, собрала более 400 тамг в степной полосе Крыма. Тамги были найдены на надгробных памятниках, где имя покойного и дата его рождения и смерти отсутствовали. Лишь тамга, высеченная на камне, указывала, к какому роду или улусу принадлежал почивший в могиле. Члены экспедиции с сожалением констатировали, что степные крымские татары, зная свою тамгу, уже в первой четверти XX в. не могли указать, к какому именно улусу принадлежит данная тамга и ее владетели.

Тамги, обнаруженные в степной части Крыма, принадлежали древним тюркским родам и племенам: салгурам, карлукам, канглам, найманам, китаям, кенегесам, кипчакам, аргынам, алчинам, конратам, киреитам и др. Указанные роды и племена в Крыму перешли к оседлой жизни и вместе с местным населением северной части Крыма составили основу формировавшегося здесь этноса.

В предгорья и горную часть Крыма тамги переносились вместе с приобретаемыми в степной полосе животными и использовались только для клеймления своего скота. На Южном берегу и в центральной части Крыма тамги на надгробных памятниках не ставились.

Выше мы уже отмечали, что в Крыму монголо-татары вошли лишь незначительным слоем в состав господствующих элементов. Об этом косвенно свидетельствует и то, что в крымскотатарском языке лишь около 30 монгольских слов, в то время, как в якутском, например, около 2500. Между тем монголо-татары, сосредоточив власть в своих руках, сумели передать свое имя гораздо более многочисленному населению, причем не только в Крыму, но и за его пределами. Остается лишь отметить, что есть существенная разница между историей народа и историей его имени. К тому же свое название крымские татары получчили много позднее, чем сам народ сформировался. А это ни в коей мере не лишает права крымскотатарский народ на свое этническое прошлое, предшествовшее появлению этнонима.

Из книги

В СЕРДЦЕ АЗИИ. ПАМИР. ТИБЕТ. ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН. ПУТЕШЕСТВИЕ СВЕНА ГЕДИНА В 1893—1897 ГОДАХ.

Перевод со шведского А. и П. Ганзен, С.-Петербург. Издание А. Ф. Девриена. 1899. Тип. Императорской Академии наук

Две тысячи верст в тарантасе

...Киргизы — полудикий, но способный, здоровый и добродушный народ. Они любят величать себя «кайсаками», т. е. храбрецами, молодцами, довольны своей одинокой жизнью в степях, предпочитают всему на свете свободу, не любят подчиняться и презирают тех, кто живет в городах или занимается земледелием. Борьбу за существование им приходится вести тяжелую; главным источником благосостояния служит для киргизов скот, снабжающий их и пищей и одеждой; скудная растительность и самая земля доставляют им материал для возведения жилья, а длинные долго тлеющие корни саксаула защиту от холода. Язык киргизов не особенно богат, и они в разговоре часто дополняют слова оживленной жестикуляцией.

Киргизы страстно любят свою пустынную степь, где жили вольною жизнью их родичи; они находят степь прекрасной и полною прелести разнообразия, между тем как чужестранец тщетно ищет здесь, на чем бы остановить утомленный ее однообразием взор. Правда, что степь, как и море, величественна и производит подавляющее впечатление, но она так тоскливо однообразна! Я несся день и ночь с головокружительной быстротой, но виды вокруг оставались все те же; тарантас по-прежнему был центром громадного пространства с недосягаемым горизонтом, который ясно позволял угадывать шарообразную форму земли.

Только весной может вынести чужой путник наслаждение из путешествия по этим местам; весною воздух бывает напоен чудным благоуханием, растительность развертывается с необычайной мощью, точно торопясь воспользоваться коротким сроком, пока жгучее летнее солнце не высушит и не сожжет всего.

В силу самой окружающей природы, можно было

ожидать найти у киргизов сильно развитые и утонченные чутье местности и зрение. Так оно и есть. Там, где чужому путнику местность в течение многих дней пути представляется совершенно ровною, голой без приметники, без всяких следов дороги, киргиз даже ночью ориентируется с поразительной уверенностью. Дорогу указывают ему не одни звезды,— он знает каждый куст, каждый камешек, примечает все места, где кочки расположены реже или чаще обыкновенного, замечает все малейшие неровности почвы, которых европеец не может открыть без помощи особых приборов. Киргиз различает масть лошади, показавшейся на горизонте, куда раньше, чем чужой путник, при всем своем старании вообще рассмотреть что-либо. Киргиз определит — приближается или удаляется какая-нибудь повозка, которая путнику даже в хороший бинокль кажется лишь черною точкою. Я вообще не раз имел случай изумляться остроте зрения и верности чутья местности у киргизов «...».

Живут они в войлочных юртах и низких мазанках, сбитых из глины. Сараи для скота крыты соломой и камышом; в этих же сараях хранится и часть домашнего скарба. Верблюды пасутся прямо в степи. Киргизы, видимо, были не особенно довольны моим посещением,— я притащил с собой оба фотографические аппарата — беспрестанно спрашивали, не стреляет ли большой из них и ни за что не согласились стать в группу перед ним. Только посредством маленького аппарата (кодака) удалось мне увековечить некоторых из них <...>*.

Киргизская степь. Сыр-Дарья

«...» Иргиз основан в 1848 г. русскими и, следовательно, как и Карабутак и Тургай, чисто русский город. Основан он в числе других укреплений, вскоре после присоединения к России киргизских степей, совершившегося в 1845 г. В административном отношении вся степь была сначала подчинена оренбургскому генерал-губернатору, но затем, когда Оренбург стал губернией, была поделена между Тургайской областью и Сыр-Дарьинской. До оккупации края русскими Иргиз назывался «Джар-мулла»—«могила святого у обрыва»— и имел значение только как пункт паломничества киргизов и

* <...>— сокращение текста.

кладбище. После завоевания Туркестана местечко разрослось, как и другие местечки на этом тракте, став проходным пунктом для больших караванов. Теперь последние заходят сюда реже, но при мне все-таки несколько караванов останавливалось на привале около города. То обстоятельство, что на почтовом тракте почти никогда не встречаешь караванов, объясняется тем, что они идут другими ближними путями. Самая оживленная меновая торговля происходит в Троицке и Уральске, так как там в окрестностях расположены аулы самых богатых кочевников <...>.

На правом берегу Сыр-Дарьи, в 170 верстах водяного пути и 80 вер. сухопутного от Аральского моря, лежит город Казалинск, имеющий 600 домов, из которых 200 принадлежит русским, и 3500 жителей; из последних 1000 приходится на долю уральских казахов с их семействами. К остальному населению принадлежат между прочим сарты, бухарцы, татары, киргизы и даже несколько евреев. Богатейшие купцы — бухарцы. Киргизы, напротив, все бедны; зажиточные из них остаются в степи, где живут своими стадами. В мае, когда пастбища хороши, киргизы гоняют в Оренбург на продажу целые отары овец и коз. Караванные сношения почти прекратились; незначительная караванная торговля ведется еще главным образом на Троицк, откуда сартские купцы везут русские железные товары киргизам в степи, в Ташкент и в Фергану.

В эпоху походов на Хиву и Бухару Казалинск имел известное значение как депо и укрепленное место; тогда Аральская флотилия, пять небольших пароходов, имела здесь свою станцию, а гарнизон достигал целого батальона. Теперь город имеет всего 24 человека гарнизона и 2 баркаса; остальные суда отошли в Чарджуй на Аму-Дарье. Жизнь и движение здесь замерли; только крылья ветряных мельниц да многочисленные рыбачьи лодки и оживляют этот печальный город, по улицам которого в это время года не пройти даже в калошах, доходящих до колен. Низенькие белые русские дома построены из кирпича; дома сартов, бухарцев и киргизов — из высушенной на солнце глины, серого цвета, готовые разрушиться, часто бывают обнесены длинными унылыми стенами. В городе есть две школы, церковь и несколько общественных зданий (лучшее из них — дом уездного начальника), расположенных среди настоящей рощи стройных серебристых тополей; в вершинах их гнездится

безчисленное множество ворон, производящих страшный шум <...>.

По берегу Яксарта дорога идет до незначительного укрепления Кармакчи, обыкновенно называемого русскими «фортом № 2»; здесь 70 домов, принадлежащих магометанам, и 9— русским. Тут нам опять пришлось свернуть в глубь степи, чтобы избежать большого болота, носящего название Бакалы-копа и ежегодно заливаемого изменчивым течением Сыр-Дарьи. На этом пути проезжаешь самые худшие станции, а именно Александровскую и Семеновскую, состоящие собственно из нескольких киргизских юрт,— одной старосты, одной для проезжих и нескольких для ямщиков с их семьями <...>.

Наконец показались сады Туркестана с высокими тополями, окруженные длинными серыми стенами, кое-где новыми, но по большей части старыми, развалившимися; вот и гордый курган времен Тимура, а вот мы и проехали по пустому, по случаю пятницы, базару к станционному домику, где кузнец киргиз тотчас же взялся за починку тарантаса.

Туркестан, завоеванный в 1864 году генералом Черняевым, сам по себе захудалый и неинтересный город, производил тем более печальное впечатление в дождь и туман. Единственное, что может оправдать здесь остановку на несколько часов, это грандиозная мечеть-мавзолей, воздвигнутая в 1397 г. Тамерланом в честь одного киргизского святого Хазрет-Султан-ходжа Ахмет-Ясеви. Ее портал чрезвычайно высок и украшен двумя живописными башнями, а самая мечеть увенчана множеством дынеобразных куполов. Облицовка фасада из каолина (фарфоровой глины) разрушилась, но боковая и задняя стены прямоугольного здания уцелели и пестреют, как и в Самарканде, голубой и зеленой краской. Мечеть обнесена воздвигнутой Худояром-ханом квадратной крепостной стеной из глины; внутри стены расположены теперь русские казармы. Несколько сартских мальчишек проводили меня через лабиринт узких проходов и по мраморным холодным лестницам на верх одной башни, откуда с головокружительной высоты открылся дивный вид на Туркестан, испорченный, впрочем, дождем. Обычное востоку унылое впечатление охватывает вас и здесь: с одной стороны памятники древнего зодчества, ослепляющие вас своей роскошью и подавляющие своим величием, а с другой современные строения, эти жалкие глиня-

ные лачуги с плоскими разрушившимися кровлями, эти узкие кривые улицы!

Была, как сказано, пятница, и я посетил мечеть как раз во время «намаза», или богослужения. Сарты в цветных кафтанах и белых тюрбанах собирались толпами и торжественно вступали под гигантские своды мечети, оставив свои громоздкие ступающие «калоши» у входа. Посреди мечети стояла огромная чаша, окруженная множеством туг — пучков конских волос на длинных древках. Стены белые, украшенные местами изречениями из корана. Старый ахун вежливо указал мне на дверь, так как звали к молитве. Я взошел на одну из верхних галерей и оттуда уже стал смотреть на длинные ряды коленопреклоненных и кладущих поклоны сартов; это была красивая картина, напомнившая мне ночь Рамазана в Стамбуле <...>.

<...> В Ташкенте я пробыл около семи недель <...>. Генерал-губернатор барон Вревский принял меня с безграничным радушием <...> Сочельник, первый и приятнейший за все время моего пребывания в Азии, праздновали у барона Вревского <...>.

От Ташкента до Маргелана. Сыр-Дарья

Между приглашенными был человек, игравший большую роль в новейшей истории Центральной Азии, по имени Джура-бек. В молодости он служил эмиру бухарскому Насрулаху, и по смерти последнего захватил в свои руки управление плодородной провинцией Шаар-Сабиз, древним Кешем, родиной Тамерлана. Здесь он пробыл беком несколько лет, затем был низвергнут одним из своих соперников и посажен в темницу. Народ, недовольный его преемником, однако, освободил Джура-бека и вернул ему власть. Когда русские под начальством генерала Кауфмана взяли в 1868 г. Самарканд, Джура-бек поспешил со значительными силами на освобождение знаменитого города, обложил его и сильно стеснил русских, которые избавились от неминуемой опасности в самую критическую минуту только благодаря подоспавшей подмоге.

Генерал Кауфман, заключил затем с Джура-беком мир на таких условиях: он остается беком в Шаар-Сабизе, но не должен тревожить русских владений, которыми тот управлял 10 лет. Вместе со своим другом Ба-

ба-беком он долго бродил без приюта по горам и, наконец, явился в Кокан искать гостеприимства и помощи у последнего из ханов Кокана Худояра-хана. Этот, однако, поступил с ним вероломно, схватил его, заковал в цепи, а затем отослал к его врагу, генералу Кауфману.

Последний принял Джура-бека ласково, но удержал у себя пленником. В Ташкенте русские обошлись с ним как нельзя лучше, и он стал пользоваться сравнительной свободой. Когда Скобелев предпринял свой поход на Кокан, Джура-бек, знавший все пути и дороги, предложил ему свою помощь против хана Худояра, своего врага. В этом походе, нанесшем Кокану последний удар, Джура-бек так отличился, что получил чин русского полковника и георгиевский крест. Теперь по образу жизни, языку и одежде его не отличить от русских; живет он в Туркестане, в прекрасном доме, и, получая в год 3 000 рублей пенсии от русского правительства и 5 000 рублей от эмира бухарского; который, однако, его заклятый враг, ведет мирную, спокойную жизнь, занимается изучением восточных ученых книг и очень доволен переворотом в своей судьбе. Его сказочно интересная биография, которую он сообщил мне в течение вечеров, проведенных мною в его гостеприимном доме, тем не менее дышит трагизмом,— азиатский деспот, превратившийся в русского полковника! <...>.

Город Бскент играет известную роль в новейшей истории Средней Азии, так как здесь около 1825 г. родился Якуб-бек, завоевавший в 1865 году всю Кашгарию. Это был один из замечательнейших воителей, которого не скоро забудут в Азии, где он более известен под именем Бадаулета, или «Счастливейшего». После его смерти (убит в Курле в 1877 г.) вся страна пришла в смятение. Сын его Хак-кулы-бек пошел в Кашгар с отцовской армией, воевавшей с китайцами, но в свою очередь был убит, как говорят, своим братом Бек-кулы-беком. Последний живет еще и поныне в Бскенте, где у него много домов, и получает пенсию от русских. Он отлично сложенный, сильный мужчина лет 50, с черной, как смоль, бородой и суровыми чертами лица. У него 8 сыновей, и он с нетерпением ожидает нового восстания в Кашгарии, чтобы попытаться вернуть себе трон отца. Так, по крайней мере, заявил он сам. Бедняга живет этой надеждой, не зная, какие громадные политические перемены произошли в Восточном Туркестане со времен Якуб-бека <...>.

Среди киргизов. Возвращение в Кашгар

<...> Старые киргизы часто рассказывали мне о своем житье-бытье, и рассказы их всегда были очень интересны и поучительны, даже по самому языку. Жизнь одного старика киргиза бека Булата из области Ранг-кул является, на примере, настоящею эпопеею.

Во время правления Якуб-бека он 12 лет занимал в Тагарме должность юз-баши (сотник). После смерти Якуб-бека в 1878 г. Кашгаром овладели китайцы, а два года спустя пришел из Маргелана в Таш-Курган Хаким-хан-Тюре с тысячью людей, и бек Булат с братом и 500 сарыкольцами примкнули к нему. Несмотря на недельную осаду, таджики, обитатели Таш-Кургана, не сдались. На подавление восстания двинулось большое китайское войско, и Хаким-хан-Тюре послал в Таш-Курган киргиза Абдуррахмана-датху в качестве парламентера, но таджики умертвили его. Тогда Хаким-хан-Тюре направился со своими людьми к Чакыр-Агылу у начала долины Гез. Пока они стояли там, к брату бека Булата, Куруши-датхе, был прислан гонец от китайцев с извещением, что все киргизы, участвовавшие в восстании, будут преданы казни, если не выдадут Хакима. Тогда Куруши покинул своего предводителя и ушел на Малый Кара-Куль. Здесь он получил приказ присоединиться к китайцам и напасть на Хакима около Мужи. Последний, преследуемый китайцами, бежал через Кызыл-Арт, потеряв много людей.

Предводителем уцелевших киргизов стал бек Булат; когда же и эти остатки были рассеяны, он отправился к Ранг-Кулю, брат же его был взят китайцами в плен и обезглавлен в Кашгаре. Опасаясь такой же участи, бек Булат бежал к Ак-Байталу, где его нагнали и взяли в плен 50 преследовавших его китайцев, которые затем отправили его с семейством в Турфан. Там он жил в изгнании 9 лет.

Бек турфанский, магометанин, предоставил ему, однако, свободу и возможность беспрепятственно заниматься торговлей. Затем, ввиду того, что он все время вел себя смирно, китайские власти разрешили ему вернуться на родину. Кроме того, китайцы, оценившие его деловитость, предложили ему бекство в восточном Памире, но он отказался, говоря, что не хочет служить людям, убившим его брата. После того в Памир вступили русские, и старый бек Булат живет теперь в бедности и не у дел около Ранг-Куля.

КОЛОНИЗАЦИЯ

Из очерка истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии «Туркестан — колония» П. Г. Галузо.

Выселение и заселение. Курс на «крепкого» поселенца

Изучаемый период был периодом выселения крестьян из России; курс центрального правительства состоял в том, чтобы выселить возможно большее количество крестьянских семей из районов земельной тесноты, чтобы этим самым ослабить революционный напор крестьянства на помещичью землю. Процесс развития крестьянского капитализма в сельском хозяйстве «вширь», на новые территории, теперь, в эпоху столыпинской реформы, получил содействие со стороны правительства.

Совпадение политики правительства с процессом расширения крестьянского капитализма в сельском хозяйстве на новые земли, шло, однако, не только по указанной линии — сочувствие выселению — но и по другим линиям. И в XX в. еще в полной силе оставалась прежняя политика на заселение страны «крепким» мужичком, та самая политика, которая заставляла в XIX веке, вопреки существующему закону о возврате на родину самовольцев, оставлять все же их в стране и поселять на отнятых у киргизов землях. К этому прибавлялась заинтересованность империалистов и купцов в превращении переселенца в исправного поставщика сырья на рынок.

Но если политика на «выселение» из России возможно большего количества крестьянских семей открывала простор для широкого переселения, то политика на заселение страны крепким мужичком обеспечивала всяческое содействие со стороны властей превращению переселенцев на новом месте своего поселения в подлинных кулаков-капиталистов.

На этом пути, однако,— на пути создания в Туркестане из переселенца крепкого мужичка, опоры своей власти и производителя хлеба,— правительство натыка-

лось на большие затруднения. Затруднение первое — оно вытекало из тех обстоятельств, которые толкали русское крестьянство на окраины: крестьянство переселялось от земельной тесноты и помещичьей эксплоатации, оно шло туда, поэтому, не богатым, а разоренным. Чтобы сделать его богатым, нужно было позаботиться о достаточным наделении удобной землей и о помощи при водворении. И отсюда вытекало затруднение второе — недостаток земли в крае для русских поселений и недостаток денег у правительства на домообзаводственные расходы и на мелиорацию новых земель для поселков.

Состав переселенцев по достатку

Проиллюстрируем сначала несколькими цифрами имущественное состояние русских переселенцев, приливавших в край в изучаемый период.

Данные обследования 116 русских поселков в крае, основанных за период с 1906 по 1913 гг., дают следующее процентное соотношение различных посевных групп по посеву на родине.

	Число хозяйств, засевавших на родине					
	До 1 десятины	2—3 дес.	2—5 дес.	5—10 десятин	Свыше 10 дес.	Свед. нет
Всего	177	522	1562	347	383	159
В %% к общему числу поселенцев	5,0	14,7	44,0	21,0	10,8	4,5
В %% к числу поселенцев, о посевах которых имеются сведения	5,9	17,4	52,3	11,3	18,1	—

Переселенцы, имевшие на родине 10 и более десятин, составляют среди общей массы переселенцев всего 18,1%, главную же массу составляют переселенцы, имевшие меньше 10 десятин посева. При этом больше половины падает на группу в 2—5 десятин посева, то есть на такую группу, которая сильно приближается к группе бедняцкой. В то же самое время 23,3% падает на заведомо бедняцкие слои крестьянства.

Край не мог похвалиться, таким образом, достатком приливавших туда переселенцев. Это были в главной

массе даже не середняка, а группы, стоявшие в нижних рядах середняцкой массы русского кретьянства.

Это же положение подтверждается и сведениями об имуществе, привезенном в край переселенцами.

	Имущество, с которым прибыли переселенцы в данный поселок (в сред. на 1 х-во, прибывшее с каким-либо имуществом)					
	Голов крупного скота	Орудий обработки почвы	Земледельческих машин	Килограмм хлеба	Килограмм домашн. имущ.	Рублей привезен. пересел. с собой денег на 1 х-во, приехавшее с деньгами
18 поселков Чимкентского уезда	2,33	0,12	0,02	14,90	126,94	133,18
3 поселка Ташкентского уезда	0,11	0,14	0,39	—	106,60	250,84
116 поселков, основанных в 1906—13 годах	1,59	0,59		свед. нет		231,8

При изучении этой таблицы нужно иметь в виду, что 36,7% всех обследованных хозяйств прибыли в край без всякого имущества и 60,9%— без денег. В этой же таблице представлена только средняя обеспеченность деньгами и имуществом тех, кто имел это имущество и деньги. И мы видим, что эта обеспеченность чрезвычайно ничтожна. В край прибывали, следовательно, или совершенно нищие люди, или люди с самым ничтожным достатком.

Трудность, вытекавшая из нищеты переселявшихся крестьян, как видим, чрезвычайно велика, положительно из нищих приходилось создавать крепкие богатые поселки, но тем не менее задача правительством была решена с достаточным успехом.

Благосостояние поселков

Вот таблица, великолепно иллюстрирующая эти успехи[1].

Лишь 116 поселков, только что обосновавшихся в пе-

[1] Данные обследований переселенческих управлений (Сыр-Дарьинского и Семиреченского). По 116 поселкам данные Яшнева.

риод особенного напряжения в отношении колонизационного фонда в крае, дают показатели, в общем, сравнительно низкого благосостояния. Цифры эти, впрочем, значительно уменьшены также и тем, что здесь высчитаны средние не на хозяйства, имеющее данное имущество, а на наличные хозяйства. Но совершенно иная представляется картина, когда мы обращаемся к старожильческим, уже обжившимся поселкам Семиречья, Чимкентского и Ташкентского уездов. Наряду с чрезвычайно большой обеспеченностью землей, скотом и мертвым инвентарем мы имеем также такого рода расслоенность, которая и на низшем по зажиточности полюсе вовсе не дает неимущих бедняков. Только Семиречье, как будто, дает некоторое количество сравнительно слабых хозяйств в двух первых посевных группах. Это объясняется, однако, тем, что там в подсчет вошел также большой процент так называемых посторонних хозяйств, то есть хозяйств, которые еще не устроены переселенческим управлением и не наделены землей. Это же обстоятельство значительно снижает по Семиречью и цифры средней обеспеченности.

Правительство сумело, таким образом, поставить значительную часть русских обнищавших переселенцев в такие условия, что они быстро развивали свое хозяйство. Старожильческие поселки уже, поэтому, имели большое количество кулачества, экономически крупную опору господства царизма в крае, а новосельские поселения стояли на пути роста из их среды все новых и новых кулаков.

Спрашивается, какими же средствами был достигнут этот результат?

Конфискация земель как главный источник обеспечения поселков

Главное для поселенца, это, конечно, удобная для поселения земля. Правительство бесцеремонно брало эту землю у местного населения.

По официальным данным, 136 поселков в пяти областях края в 1906 г. обладали 497 186,8 гектарами земли, что в среднем на двор давало 37,8 гектаров, 116 новосельских поселков коренных областей края к 1913 г. имели 53 758,3 гектара земли, что составляло 12,9 гект. на

хозяйство[1]. Для поселенцев, таким образом, экспроприированы колоссальные массивы культурной земли, и это легло в основу их благосостояния.

Значительная часть этих земель была, конечно, поливной: у 116 новосельческих поселений коренных областей поливные земли составляли 29,6%, в 18 поселках Чимкентского уезда — 19,8% и в 3 поселках Ташкентского уезда — 10,0%. Что же касается Семиречья, то в нашем распоряжении нет данных об отношении поливной земли к общему землевладению, но зато имеются цифры о соотношении поливного и неполивного посева, из которых видно, что поливной посев там составлял 62,5% по отношению к общей посевной площади.

Совершенно ясно, таким образом, что значительный процент землевладения переселенцев составляли такие ценные в крае земли, как поливные, а так как мероприятия правительства по орошению земель были в общем чрезвычайно ничтожны, то это свидетельствует, что для переселенцев были экспроприированы также и такие земли, в которые был уже вложен труд целых поколений. Кулацкие переселенческие хозяйства вырастали за счет изгнания местного населения в горы с их насиженных мест и за счет экспроприации не только просто удобных и обработанных земель, но также и земель орошенных.

Колонизационная политика царского правительства вносила, таким образом, еще один новый способ эксплоатации края — это прямая экспроприация местного землевладения на пользу русского помещика, стоявшего за возможно более широкое переселение крестьян из России, и на пользу того же крепостника, империалистов и купцов, насаждавших поселки в крае для закрепления своего господства.

Поселенец как эксплоататор

Но последствия колонизации заключались, конечно, не только в этом,— сам поселенец, в своей кулацкой части, сделался тоже эксплоататором края. Эта эксплоа-

[1] Первая цифра взята из дела канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, № 52—1907 г., а вторая — из статьи Е. Яшнева «Колонизация Туркестана за последние годы». Вопросы колонизации, № 18, стр. 121. В метрические меры данные переведены мной.

тация была двоякого рода: во-первых, поселенцы кулаки по отношению к окружающему их местному населению выступали как фермеры-капиталисты, наниматели его рабочей силы; во-вторых — пользуясь своим привилегированным положением русского населения и своей экономической мощью, они широко, конечно, применяли и методы всякой другой, в данном случае, уже неэкономической эксплоатации.

Семиречье

Группы по посеву	Приходится на одно х-во, имеющее указ. род. имущ.		
	Десятин земли	Голов скота	Инвентаря
I Без посева	5,44	9,32	2,07
II Сеющие до 3 д.	6,37	9,53	2,45
III —«— от 3—5 д.	12,09	11,28	3,57
IV —«— « 5—10 д.	20,32	20,25	3,39
V —«— » 10—15 д.	30,01	32,45	8,26
VI —«— « 15—20 д.	42,19	48,81	10,90
VII —«— « 25—50 д.	69,38	78,44	15,07
VIII —«— « 50—100 д.	117,32	132,74	21,25
IX —«— свыше 100 д.	221,76	301,17	21,98
	24,93	25,24	6,60

3 поселка Ташкентского уезда

Группы по посеву	Приходится на I х-во, имеющее указ. род. имущест.		
	Десятин земли	Голов скота	Инвентаря
I Без посева	27,30	2,9	1,60
II Сеющие до 5 д.	33,81	5,3	1,84
III —«— от 5—10 д.	35,98	9,0	4,06
IV —«— « 10—15 д.	41,66	12,5	4,30
V —«— « 15—20 д.	43,61	16,1	6.26
VI —«— « 20—30 д.	51,57	16,8	6,84
VII —«— « 30—50 д.	74,35	21,5	7,89
	45,38	13,4	5,18

18 поселков Чимкентского уезда

Группы по посеву	Приходится на одно х-во, имеющее указ. род имущ.		
	Десятин земли	Голов скота	Инвентаря
I Без посева	—	12,8	2,57
II Сеющие до 4 д.	41,48	14,5	3,44
III —«— от 4—8 д.	46,40	19,2	5,31
IV —«— « 8—12 д.	40,21	23,5	8,51
V —«— « 12—16 д.	53,85	32,8	9,19
VI —«— « 16—20 д.	56,12	34,8	10,68
VII —«— « 20—30 д.	57,34	40,5	12,87
VIII —«— свыше 30 д.	78,84	37,7	15,30
	50,07	27,0	8,28

116 поселков Аулие-Атинского, Чимкентского, Ташкентского, Перовского и Андижанского уездов, основан. в 1906—13 гг.

Группы по посевам	Приходится на 1 наличное х-во	
	Десятин земли	Голов скота
I Без посева	10,9	2,22
II Сеющие до 4,0 д.	8,7	2,81
III —«— « 4,01—8 д.	11,3	8,11
IV —«— « 8,01—12 д.	12,9	8,71
V —«— « 12,01—16 д.	14,3	14,81
VI —«— свыше 16,0	16,6	19,93
	11,7	8,71

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УПАДОК В МАЛОЙ ОРДЕ В КОНЦЕ XVIII — НАЧ. XIX В.

Из «Материалов по истории Казахской ССР» (1785—1826 гг., т. IV)

Изд. Академии наук СССР, М.-Л.,— 1940

Материалы настоящего выпуска хронологически охватывают период истории Казахстана, по преимуществу Малой Орды, с 80-х годов XVIII столетия по 20-е годы XIX,— период хозяйственного упадка и обострения политической борьбы в Малой Орде. Материалы, освещающие причины этих событий, войдут в III том настоящего сборника, но поскольку из печати выходит IV том, необходимо хотя бы кратко остановиться на основных явлениях, подготовивших упадок Малой Орды в конце XVIII в., и прежде всего — на колониальной политике царизма в Казахстане в XVIII в.

Принятие русского подданства ханом Абулхаиром в 30-х годах XVIII в. облегчало наступление феодально-крепостной России на казахские степи[1], но развернуть это наступление царскому правительству удалось позже, после подавления восстаний в Башкирии (1735—1736 и 1737—1740 гг.).

Наступлением руководил первый оренбургский губ-р И. И. Неплюев. В военном отношении деятельность Неплюева сводилась к концентрации на Яике регулярных войск, затем к составлению так называемого «запасного плана», содержащего проект мобилизации местного как русского, так и нерусского населения для военных «поисков», т. е. нападений на казахов, и, наконец, к созданию укрепленных линий, т. е. к построению крепостей и связывающих эти крепости редутов. Такая линия строилась по Яику, укреплена была линия по Иртышу и соз-

[1] Рассмотрение тех явлений, которые побудили хана Абулхаира принять русское подданство, не входит в задачи настоящей статьи. Отметим лишь, что перед Абулхаиром стояла альтернатива: или подчиниться Джунгарии, как это сделали феодалы Средней Азии, или искать протектората царского правительства. Подробнее об этом см. I т. настоящего сборника, разд. 1.

дана так называемая Уйская линия. Линии укреплений не являлись оборонительными. Эти линии ограничивали районы кочевий казахов: жалобы на стеснения кочевок мы встречаем в документах еще 40-х годов. Чтобы понять значение земельных ограничений, создаваемых проведением укрепленных линий, мы должны представить себе внешнее окружение казахов в XVIII в., когда под давлением Джунгарии[2] началось движение казахских родов Малой Орды от Сырдарьи к Яику. Там они получили возможность расширить кочевья за счет земель, частично занятых калмыками, там же столкнулись они с башкирами. Создание укрепленных линий фактически отнимало у казахов возможность расширения кочевий на запад от Яика, хотя формально право перекочевывать за Яик у них было отнято лишь в 1756 г. Ограничена была возможность экспансии для казахов в сторону каракалпаков, кочевавших к востоку от Аральского моря, и туркмен.

Укрепленная линия не только сжимала кочевья казахов, но и создавала базу для воинских «поисков» в степь.

Время Неплюева и его преемников, особенно оренбургского губ-ра Давыдова, богато военными нападениями, которым подвергались казахи, но глубоких проникновений в степь Неплюев организовать не мог. Глубокие проникновения в степь для царских вооруженных отрядов были недоступны и значительно позже, даже в 20-х годах XIX в.

Единственным средством укрепления политического влияния царской администрации в глубине степи было использование ею правящей казахской знати. Но эта знать была неоднородна и разбивалась на различные группы. Основными группировками в Малой Орде были две феодальные фамилии: одна вела свое происхождение от Осека, а другая — от Жадига. Последняя линия являлась той, из которой выходили казахские ханы; к ней принадлежал во время губернаторства Неплюева султан Батыр, имевший тесные связи с очень влиятельными группами султанов Средней Орды Барака и Аблая. Абулхаир был первым ханом Малой Орды, происходившим из линии Осека. В глазах феодальной знати он был выскочкой; отсюда трудности его внутреннего положения, которые нельзя игнорировать при учете при-

[2] В наших источниках Зенгория.

чин принятия Абулхаиром русского подданства[3], хотя решающую роль в этом сыграла все же угроза порабощения Джунгарией.

К 40-м годам феодалам группы Абулхаира удалось оттеснить представителей линии Жадига в сторону гор. Туркестана и Джунгарии. Положение существенно не изменилось и после возвращения Аблая из джунгарского плена в 1744 г. Самим характером расположения феодальных кочевий царская администрация была поставлена в необходимость ориентироваться в своей политике на группу Абулхаира[4].

После убийства Абулхаира в 1748 г. султаном Бараком Неплюев постарался укрепить связи с фамилией убитого хана; он добился обращения вновь выбранного в ханы Нур-Али, сына Абулхаира, к царскому правительству с просьбой об утверждении его ханом.

Дальнейшей мерой укрепления влияния царизма в степи, оказавшейся очень эффективной, было развитие торговли с казахами. Но торговля служила не только для завязывания экономических связей с Ордой, она являлась в то же время средством колониального грабежа казахов. Наряду с крупными купцами действовали мелкие торговцы, в частности имущие слои казаков Уральского войска и прочих прилинейных жителей. Деятельность их и приказчиков крупных торговцев не ограничивалась меной при линии: они проникали со своими товарами в степь. На таких экспедициях через неэквивалентный обмен наживались огромные барыши[5]. По существу той же цели служили и военные набеги под вы-

---

[3] Сам Абулхаир писал в 1748 г. Тевкелеву: «И не советывая о том никому, не объявляя своим салтанам и подлым знатным своим биям, предал себя под высочайшую протекцию; его и. в. ко мне милостию над неприятельми своими хотел иметь отмщение». ГАФКЭ. Колл. ин. дел., К. 15. № 3, 1748 г., Сношения России с киргиз-кайсаками, л. 29.

[4] Решительно изменилось соотношение сил в пользу феодалов линии Жадига только после смерти Абулхаира (подробно история борьбы этих феодальных группировок освещена во II томе настоящего сборника).

[5] Вот, для примера, данные, приводимые начальником Петропавловской таможни Черняевским: чугунный котел менялся на меха, причем за каждую азиатскую четверть (5 верш.) в окружности брали 1 лисицу или 4 корсака или 3—5 лучших тулупных мерлушек. При таком обмене котел весом 1 п., имевший в окружности 10—12 четвертей, в переводе на деньги стоил около 50 руб., а покупался он на Ирбитской ярмарке за 2 руб. 70 коп. (УЦГАЛ. Канц. мин-ра коммерции, св. 32, № 1125, лл. 12—12 об.).

веской наказания бармтовавших казахов[6]. Как правило, казахи, делавшие набег на линию, оказывались вне досягаемости царских отрядов, но дело было совсем не в борьбе с бармтовщиками, а в захвате скота казахов, кочевавших вблизи линии. Часто такие «нападения» выдумывались или крайне преувеличивались прилинейными властями, чтобы создать предлог для набега в степь.

Набеги сопровождались бесчисленными захватами, дающими возможность захватчикам составлять целые состояния. Эти набеги наносили огромный материальный ущерб казахам и ослабляли казахские аулы. Но это ослабление совпадало с целями царской колониальной политики.

Другим способом материального ослабления казахов являлось (помимо земельных захватов через постройку линий, военных набегов и торговли) натравливание их на башкир и калмыков. Во время восстания Батырши (1755 г.) массы башкир бежали в Малую и Среднюю Орды. Неплюев письмами на имя хана Нур-Али, султана Ер-Али и других феодалов предложил разграбить бежавших башкир, забрать их имущество, жен и детей, а взрослых мужчин выдать России. План Неплюева был осуществлен наполовину: башкиры были разграблены казахскими феодалами, но беглецы были выданы в ничтожном числе. Однако цель Неплюева была достигнута: не только союз между этими двумя народами, представляющий серьезную угрозу царскому господству, был предотвращен; инцидент, послужил причиной глубокой вражды башкир и казахов, вражды, следы которой еще ясно чувствовались в начале XIX в. Неплюев широко использовал и эту вражду для ослабления казахов: он предложил командирам редутов и крепостей не препятствовать башкирам переходить за линию для набегов на казахов, но запретил пропускать казахов для ответной бармты, а на жалобы старшин отговаривался неспособностью пограничных властей помешать башкирам перебираться за линию. Натравливание казахов на калмыков особенно ярко сказалось в 1771 г., во время бегства волжских калмыков из России. Казахов пытались использовать не только в борьбе с движением угнетенных царизмом народов, но и в международных осложнениях: с Китаем и, до 1758 г., с Джунгарией. Одно-

[6] Т. е. казахов, нападавших на линию с целью захвата скота в возмещение причиненного ущерба.

временно царское правительство стремилось опереться на феодальную верхушку казахского общества, привязать ее к себе задариваньем, жалованьем, раздачей чинов, и в то же время помешать ей усилиться настолько, чтобы для нее отпала заинтересованность в поддержке царизма. Это достигалось путем разжигания внутренней борьбы между феодальными группировками. Хан и султаны шли на союз с царизмом: султаны, поддерживавшие фамилию Абулхаира, нуждались в союзе с царизмом, особенно во 2-й половине XVIII в., когда влияние султанов, потомков Батыра, укрепилось среди казахов поколения Алим-улы, которое признало сына Батыра, Каипа, своим ханом. Но было бы ошибкой думать, что связь царского правительства с феодалами «белой кости» группы Абулхаира объясняется только внутриклассовой феодальной борьбой в Малой Орде. Сотрудничество царского правительства с ханом и султанами складывалось в условиях классового расслоения среди казахов, в условиях развивающихся феодальных отношений.

Союз царских колонизаторов и казахской знати складывался на основе углубления эксплоатации трудящихся казахов. В развитии и углублении эксплоатации трудящихся казахов местными феодалами союз этих феодалов с царскими колонизаторами сыграл огромную роль.

В XVIII в. мы еще наблюдаем в Казахстане ряд патриархально-родовых, общинных институтов. Из этих институтов отметим прежде всего аул — основную хозяйственную ячейку казахского общества. Кочевали не отдельными семьями, а аулами. Аулы часто объединялись в процессе кочевок, но когда раздроблялись, то не на индивидуальные хозяйства, а опять же на более мелкие аулы. Говоря об аулах, Г. Броневский пишет: «Аулы или, лучше сказать, семейства, бывают, смотря по величине фамилий, от 50 до 70 юрт». Это показание можно было бы подтвердить и рядом других источников. Наличие аула как основной кочевой ячейки, ядро которой составляла группа лиц, связанных кровным родством, и придавало быту казахского общества патриархально-родовой характер. Однако по содержанию, по характеру общественных отношений аул, как мы увидим далее, совсем не носил характера первобытной большой семьи. Вместе с тем аулы далеко не представляли собою замкнутой общественной единицы. Но и в связях между

аулами сохранялись черты родового быта. Отметим прежде всего территориальную определенность районов кочевки каждого «рода» при отсутствии частной собственности на землю: земля считалась в распоряжении всей общины, всего «рода».

«Род» управлялся формально выборными старшинами, хотя фактически общественные должности сохранялись наследственно в руках родовой знати.

Следы патриархального родового быта проявлялись и в ответственности «рода» или отделения за произведенную бармту и за убийство, совершенное членом рода.

Сохранялись и следы родового быта в политическом строе. Эти следы мы находим в следующем сообщении Оренбургской экспедиции пограничных дел гр. А. Р. Воронцову от 80-х годов XVIII в.: «... и когда оные старшины, ханские дети и прочие султаны, в случае народного какого-либо требования, служат им по желанию их, то за то они, киргиз-кайсаки, их любят и почитают, а в противном случае пренебрегают». Подтверждает это и Георги: «Да и такие определения, которые сделали с общего согласия всех аймакских начальников, исполняются народом токмо потолику, поколику они ему угодны».

Все это говорит, конечно, о том, что казахи в XVIII в. жили еще в условиях патриархально-родового быта, но все эти данные еще не вскрывают нам общественных производственных отношений казахского общества. Несмотря на скудость данных в наших источниках XVIII в. именно для характеристики общественных производственных отношений, все же эти данные достаточны для того, чтобы показать, что в XVIII в. под оболочкой патриархально-родового быта вызревали феодальные отношения эксплоатации.

Само по себе существование общинной собственности на землю еще не является достаточным основанием для отрицания феодальных отношений. Захват общинных земель создавал материальную базу, на основе которой происходило развитие феодальных отношений как у земледельческих народов, так и у кочевых. Но формы этого захвата у земледельческих и у кочевых народов были неоднородны.

У кочевых народов захват общинных земель был связан с концентрацией скота в частной собственности при сохранении формально общинной собственности на землю. Но при этом концентрация скота в руках феодалов фактически приводила к концентрации и пастбищ.

Так было как у казахов, так и у монголов. При отсутствии частной собственности на землю она распространялась на скот, причем в руках биев, султанов и других феодалов концентрировалось огромное количество голов скота. Вместе с тем и фактическое распоряжение кочевьями переходило в руки ханов и султанов.

Пригладываясь к отношениям людей в процессе производства в казахском обществе XVIII в., мы ясно видим, что эти отношения складывались в формах, характерных для феодализирующегося общества. Это — феодальная рента в форме своеобразной барщины. Описание этой барщины мы встречаем у Георги, который наблюдал состояние Малой Орды в конце 60-х и в 70-х годах XVIII в. «Богатые,— пишет он,— наделяют скудных скотом, а они, в знак благодарности, приглядывают за скотиною своих благодетелей. Если табуны чьи-нибудь скоро размножатся, то он почитает сие благодатию и разделяет по бедным знатное число скота. Ежели сей податель пребудет в благосостоянии, то наделенные им люди не бывают ему за то ничем обязаны: если же он, по причине скотского падежа, расхищения, по иным каким несчастиям, лишится своих стад, то наделенные им прежде приятели дают ему толикое же число или еще с приплодом скота, хотя бы у самих их и весьма мало затем оставалось. И потому богатый человек делает посредством таковых благотворений табуны свои как бы вечными». Это описание отработочной ренты на основе условного владения скотом, право собственности на который все же оставалось за феодалом.

Интересно отметить, что развитие этой барщины Георги связывает с несовместимостью роста скотоводства и концентрации скота в руках отдельных семей с рабовладельческими отношениями. К описанной форме эксплоатации богачи прибегают потому, что «не всяк может иметь довольное для табунов своих число невольников».

Эта барщина характерна для развивающихся феодальных отношений внутри «рода», в частности она характерна и для внутриаульных отношений. Здесь под формой патриархально-родового быта скрывались классовые отношения. Внутри аула скот принадлежал отдельным семьям. Поэтому здесь существовало значительное имущественное неравенство, переросшее в классовое расслоение. Имущие слои, представители которых назывались баями, пользовались трудом бедно-

ты. Указания на это мы встречаем в экстракте из журнала муфтия Мухамеджана Хусаинова. Отношения же эксплоатации султанами, феодальной знатью так называемой «белой кости», массы трудящихся казахов в XVIII в. развивались по преимуществу в форме оброка. Правда, в источниках мы встречаем указания, говорящие как будто об отсутствии оброка. Так, например, у П. И. Рычкова мы читаем: «Доходов определенных, собираемых с народа, ни ханы, ни салтаны не получают; содержат себя больше от своей собственной экономии добровольными подарками и добычею на войне».

Соответствующие указания мы встречаем и у Георги. Но приведенные показания Рычкова говорят только о том, что само по себе звание старшины, султана еще не давало возможности фактически производить поборы; требовалась, кроме того, сила. Показания Рычкова относятся к середине XVIII в., а еще в конце XVII в. хан Тауке вводил обложение казахов. В 1789 г. хан Каип Батыр-улы ввел обложение среди казахов поколения Алим-улы.

Характер оброка носили обязательные угощения старшин, подношения и пр.

В 1785 г. бар. О. А. Игельстром доносил Екатерине II, что хан «при перегонах во внутрь линии и в степи на удобные для корму места скот киргизской собирал с каждого коша при всяком перегоне по 1 лошади и 1 барану. Сверх сего, дети ево, хана, коих имеет 40, подъезжая к тем же местам, собирали с народа каждой равную же для себя часть».

Ряд таких поборов перечисляет и «представление» собрания старшин и народа 1785 г. Екатерине II.

Поборы были обычным явлением в жизни казахской знати. Броневский пишет, что право, конечно, неписаное, феодалов «брать в виде дани у беззащитных киргизцев лошадей и вещи, какие им нравятся, посредством тюленгутов, часто превращается в грабеж. Посещение солтана с немалою ватагою, коих и кормить должно поневоле».

Собственно, и Рычков не отрицает этих платежей, он лишь подчеркивает их своеобразный «добровольный» характер, может быть потому, что в приведенном отрывке он упоминает о богатых казахах, а не о казахской бедноте. Косвенное указание на развитие оброка в XVIII в. мы встречаем в показаниях бар. Е. К. Мейендорфа, относящихся к началу 20-х годов XIX в. Именно в записке Мейендорфа мы читаем, что султан Арын-Га-

зы задержал 3-х хивинцев, посланных от своего хана «для сбора подати, платимой обыкновенно киргизами свои владетелям» (подчеркнуто мною.— М. В.).

В той же записке мы находим указание на то, что хивинский хан, признавая ханом Маненбая, сына Шир-Газы Каип-улы, обязал его платить себе (т. е. хивинскому хану Мухамет-Рахиму) «треть доходов, кои он с киргизцев получает, и пошлин, которые соберет с проходящих караванов».

Таким образом в казахском обществе мы встречаем отношения феодальной эксплоатации в форме отработочной и продуктовой ренты. Насколько далеко зашли эти отношения эксплоатации? Можно ли говорить о закрепощении свободных казахов? Говорить о том, что для значительной части трудящихся казахов отношения феодальной зависимости выросли в крепостничество,— нет оснований.

Говоря о закрепощении казахов в XVIII в., обычно ссылаются на толенгутов, потому мы должны присмотреться внимательно к институту толенгутизма. Рычков говорит, что хан употребляет для наказания провинившихся «из находящихся при них особых служителей, коих они называют толенгутами». Левшин характеризует толенгутов как «прислужников ханских и султанских» и пишет о них, что они принадлежат вообще к простому народу и пользуются одинакими с ним правами», причем, противопоставляя толенгутов рабам, Левшин прибавляет, что эти последние, т. е. рабы, «не принадлежат к киргизским поколениям». Это дает основание думать, что толенгуты принадлежали к казахским поколениям. Действительно, среди имен толенгутов XVIII в. встречаются имена казахов. Но делать отсюда вывод, что все толенгуты были казахи, было бы неправильно.

В литературе наиболее подробное и обстоятельное исследование о толенгутах мы находим в незаслуженно завытой статье Ф. Зобнина. Зобнин пользовался материалами опросов старшин, биев и султанов Средней Орды, произведенных окружным стряпчим Скориной по предложению начальника б. Омской области в 1833 г. по вопросу о социальном положении толенгутов. Так, например, 80-летний бий Актюбетевской вол. Уджет Кутенев показал: «Название тюленгут не составляло в прежнее время такого значения, чтобы именующий себя тюленгутом какого-либо султана был оному крепок на-

равне с кулом (рабом) и стеснялся бы в свободе. Напротив, название сие в прежнее время было еще в уважении, ибо служило как охранением личности от разных утеснений посторонних киргизов, так и в сбережении скота, для чего многие искали сего звания и на скот свой налагали султанскую тамгу. Но впоследствии вновь оставляли султанов по каким-либо обстоятельствам и избирали места для себя по собственному желанию».

Бий Чабинтай Сагалов показал: «Тюленгуты приобретаются киргизскими султанами тремя способами. Во-первых, по неимению скотоводства бедные киргизы прибегают к достаточным и остаются у них из-за одного пропитания даже навсегда со своим потомством. Во-вторых, имеющие скотоводство киргизы, желая обезопасить стада и быть под покровительством, остаются при покровителе также потомственно, а иногда отходят и увольняются по доброй воле владельцами, по учинении с ними расчета содержания и приобретения скота. Если же тюленгут оказывал покровителю верность в услугах, то отпускался и без всяких расчетов, даже еще и с наградою. В-третьих, во избежание какого-либо взыскания правильного или неправильного, киргизы укрываются под покровительством султана или другого влиятельного киргиза. Султан или владетель оказывает тюленгутам все от него зависящие к защите пособия. В случае, если у ответчика тюленгута недостает на расплату с кем-либо скота, то султан и прочие тюленгуты выплачивают из собственного своего имущества. Такие тюленгуты не могут по своей воле отойти от одного владельца к другому. Что же касается слуг или невольников (кулов), то оные приобретаются покупкою, байгою, в приданое и в штраф по делам. Эти невольники на отход от владельца никакого права не имеют. Они составляют часть имущества, и владельцы передают их как свое имущество и в другие руки, а иногда лишаются через баранту (бармту)».

Мы привели это длинное показание, чтобы иметь возможность сопоставить положение толенгутов в первой половине XIX в. с тем, свидетелем которого был 80-летний бий Уджет Кутенев. О том, что Уджет Кутенев мог здесь говорить о своих наблюдениях, а не о преданиях, подтверждается и сопоставлением показаний, относящихся к 80-м годам XVIII в., переводчика Бекчурина и полковника Лилигрейна. Рассказывая об освобождении захваченного казахами Средней Орды одного купца та-

тарина, Бекчурин пишет: «А как помянутый татарин стал повозку свою запрягать, то, выбежав из кибитки 2 ханские тюленгута (т. е. служителя), Кирги и Кутечь, учинили в том ему препятствие», а Лилигрейн, рассказывая тот же инцидент, называет упомянутых лиц батырами. Сам хан писал оренбургскому губ-ру Давыдову в 1762 г.: «Оных тюленгутов моих я не хуже киргизцев почитаю, ибо они мои не крестьяне, а только я их любя при себе имею и вместе с ними кочую».

Это сходится с показанием Уджета Кутенева. Вероятно, толенгутизм первоначально соответствовал институту нукеров у монголов, и толенгутом первоначально могло быть лицо, близкое к феодалам.

Но в 30-х годах XIX в. положение толенгута приближалось к положению крепостного. Однако нельзя утверждать, что в этот период и тем более в XVIII в. процесс закрепощения был завершен. Одной из форм этого процесса являлось снижение общественного положения толенгутов, приближавшее их к крепостным. Любопытно с этим сопоставить показания самих султанов в том, что толенгуты их крепостные, но это отражало не действительное положение толенгутов, а стремление султанов отождествить кулов и толенгутов. Мы можем целиком присоединиться к замечанию Ф. Зобнина: «Султаны, заинтересованные в том, чтобы иметь около себя побольше послушных рабов, утверждали, что тюленгуты и кулы — одно и то же. Все они обязаны, что называется, «по гроб жизни» служить султану. Рядовые же киргизы были других мнений».

Притязания султанов находили решительный отпор со стороны толенгутов, которые считали себя свободными людьми.

Это, конечно, не доказывает отсутствия феодального гнета в Казахстане в XVIII в. Мы не должны забывать, что формы и степени внеэкономического принуждения, характерного для феодальных отношений, «могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина» (Ленин). Что в XVIII в. в Малой Орде феодальные отношения не превратились в крепостничество, подтверждает и следующие замечание Я. Гавердовского: «Киргизцы бедные, с малыми семействами, вступают обыкновенно в аул под покровительство старейшины и для снискания себе безопасности должны угождать своим покровителям, перенося иногда насилия. Но если отягощение

превзойдет меру, тогда принимают они сторону противных партий и во отмщение, прикрываясь видом баранты, нападают на табуны своих начальников».

Это замечание применено к толенгутам. Так, Бекчурин, один из лучших знатоков Малой Орды конца XVIII в., писал: «По приезде ево, Каип хана, к нам, все тюленгуты от нынешнего хана отстанут и к нему, Каипу, присоединятся, да и ныне многие тюленгуты и нагайцы от него отстали».

Несомненно, что феодальные отношения не находились в застывшем состоянии, они развивались; однако заметно развиться закрепостительные тенденции могли лишь в начале XIX в. после поражения двух крупных движений: движения казахов во время крестьянской войны Пугачева и движения Срыма.

Но сами эти движения были подготовлены усилением феодально-колониального гнета в Малой Орде. Основным условием, определившим усиление феодальных форм эксплоатации, было ослабление казахской общины (аула), вызванное разорением казахов под гнетом своих феодалов и царских колонизаторов, на базе разложения отношений первобытного рабства, широко распространенного в Казахских Ордах, в том числе и в Малой Орде.

Казахи не только продавали невольников в Хиву и Бухару, они там их и приобретали. «Невольников киргиз-кайсаки получают из разных стран, а именно из Хивы, Бухарии, каракалпацкого, туркменского и аральского народа...». Они приобретали рабов (кулов) не только путем захвата, но и «покупая их немалыми ценами»[7].

Георги прямо указывает, что бедные казахи при захватах «невольниками и товарами и поступаются своим богачам за скот или продают первых и бухарцам».

Невольники были необходимы для ухода за стадами, которые у богачей достигали огромных размеров.

При пастьбе скота один пастух приходился на 50—100 голов скота. Рабы не только пасли скот, но были заняты также стрижкой шерсти, доением, разъединением стад (овец), расчисткой снега на пастбищах и пр.

В широких размерах применялся труд рабов и в домашнем хозяйстве. Любопытны в этом отношении записки доктора Большого, сопровождавшего в 1803 г. караван Гавердовского и по разграблении этого кара-

[7] ЛОИИ. Собр. гр. Воронцовых, № 358, л. 17 об.

вана попавшего в плен к казахам поколения Алим-улы. «Ежедневная моя работа,— писал С. Большой,— состояла в том, чтобы рубить и собирать дрова, носить воду, топить кибитку, толочь вареное просо, молоть в руках кое-какие полусырые зерна, чистить навоз, которого в течение двух или трех дней накопляется столь много (разумеется, зимою), что целый почти день потребен на одно очищение. Ежели и все сие исполнено будет, то на досуге дадут кучу шерсти, которую сидя теребишь».

Нет никаких оснований говорить, что у казхов первобытное рабство развилось в рабовладельческую формацию.

Но здесь для кочевого народа, как и для народов земледельческих, оправдывается указание Ленина о значении первобытного рабства как этапа в развитии общественных отношений: «Этот основной факт — переход общества от первобытных форм рабства к крепостничеству и, наконец, к капитализму — вы всегда должны иметь в виду...»

Разложение отношений первобытного рабства у казахов нельзя рассматривать независимо от колониальной деятельности царских властей. Дело заключалось не только в том, что укрепление линии сузило возможность расширенного воспроизводства труда рабов путем захватов. Укрепление линии явилось своеобразной отдушиной, через которую отсеивались рабы из Малой Орды.

Ограничивались возможности захвата рабов и на других границах Орды.

Укажаем на захват Китаем территории Джунгарии после ее разгрома в 1758 г., усиление и расширение кокандских владений при хане Алиме, откочевание каракалпаков в сторону Хивы и укрепление могущества Хивы после захвата власти энергичным Мухаммад-Рахимом. Усложнялась и эксплоатация имевшихся рабов.

Мы не встречаем крупных движений рабов в Малой Орде, но борьба между рабами и рабовладельцами, несомненно, существовала. Борьба эта, например, очень ясно проявилась в 1756 г., когда попытка закабалить бежавших в Малую и Среднюю Орду башкир вызвала восстание башкир, разобранных по аулам. Положение создавалось настолько напряженное, что казахи опасались в одиночку показываться в степи. Обычной же формой протеста рабов было бегство. Беглецы, перешедшие за укрепленную линию, не выдавались обратно: рабы, принадлежавшие к народностям, находившимся в поддан-

стве России, не выдавались ни при каких условиях; остальные беглецы не выдавались, если соглашались креститься. Из зарегистрированных беглецов за 1742—1754 гг. было выдано обратно лишь немного более одного процента.

Бежавшие из Орды рабы частью использовались как рекруты, частью селились на казенных землях, но главным образом обращались в услужение и закабалялись частными лицами. Жалобы на это и требования возврата бежавших с исключительным упорством повторялись казахской знатью в течение всего XVIII в.

В развитии феодальных отношений в Казахстане деятельность царских властей ускоряла разложение первобытного рабства, но в то же время она придавала феодальной эксплоатации особенно тяжелые острые формы. Указания на это в документах встречаются часто. Мы приведем лишь данные экстракта из донесения ахуна Мухамеджана Хусаинова, который был послан бар. Игельстромом в 1785 г. в Орду с воззванием от ген.-губернатора. В экстракте ны читаем:

«Когда де он, хан, имея из них, киргиз-кайсак, негодование, пограничным командирам сообщает и рекомендует неповинных людей разорять, с г. бригадиром Акутиным имея согласие из своей корысти и взяток, скот их велит захватывать, а при том и людей ловить, которых, со временем выручая, от каждого по несколько лошадей и баранов берет... Во время расположения их, киргиз-кайсак, со скотом их на летние и зимние кочевки, некоторым он, хан, к тому позволения не дает, а ежели которые лошадей и баранов во взяток ему не дадут, да и без позволения ево скот перегонят, о таковых сообщая и называя ворами, делает озлоблении».

Здесь мы встречаем явное указание на своеобразные методы эксплоатации простого народа «белой костью». Султаны облагали поборами «свободных казахов», прибегая к вымогательству путем сговора с царскими пограничными властями, или прибегали к ограничению кочевья казахов, используя это ограничение также в целях вымогательства.

Менее тесными были связи царского правительства с феодалами «черной кости». Процесс феодализации глубоко проникал в общественные отношения казахского общества. Наряду с феодалами «белой кости» вырастали феодалы «черной кости» в лице биев, батыров. Очень любопытно отметить, что Георги не причисляет

батыров к составу казахского дворянства. К числу дворянства он причисляет лишь султанов, биев и ходжей. Очевидно, по недоразумению Георги причисляет биев и ходжей к «белой кости».

Указание Георги интересно не тем, что он дает правильную характеристику класса феодалов у казахов, но оно подтверждает положение, что этот класс по происхождению был неоднороден. Батыры не принадлежали к так называемым «чингизидам», т. е. знати «белой кости». Это совсем не значит, что батыры в XVIII в. были теми «удальцами», наездниками, которые принадлежали к массе «простого народа». Они, несомненно, составляли часть класса феодалов. Подтверждение этому мы находим у Гавердовского:

«Народ вообще разделяется на 2 класса: на дворян, происходящих от ак-суяк, или тюря-суяк, т. е. белых костей, и на чернь, происходящих от кара-суяк — черных костей. Первое сословие составляло издревле ханские потомства, т. е. султанов, старшин и тарханов, и из них избирались родоправители: они прежде были богатейшие в Орде, пользовались отличными правами. Но ныне происходящие от черных костей столько же усилились; они часто приобретают себе титул биев, батырей, входят в родство с султанами и начальствуют многими аулами».

К батырам в XVIII в. часто принадлежали весьма влиятельные феодалы: назовем батыра Средней Орды Жаныбека, Исета — Малой Орды. Любопытна группировка присягавших в 1753 г. казахов ведомства Жаныбека. В приложении к донесению Неплюева в Колл. ин. дел все казахи разбиты на 3 категории: старшины, средние, рядовые. Батыры как исключения встречаются в последней категории и являются преобладающей группой в первой.

Приведем некоторые данные:

Род	Старшины		Средние		Рядовые	
	всего	батыры	всего	батыры	всего	батыры
Аргын	10	8	31	5	65	3
Кыпшак	2	2	10	2	46	3
Табын	17	5	14	—	15	—
Жагалбайлы	13	7	7	—	6	—

Эти данные говорят о том, что по преимуществу батыры принадлежали к группе военной знати.

Нередко звание «батыра» присваивали себе владельцы, т. е. феодалы «белой кости» как почетное звание. Ошибочно было бы думать, что феодалы «черной кости» всегда враждебно относились к царскому правительству; они легко шли на соглашение с царскими властями и выполняли их ответственные поручения. Так, например, Худай-Назар бий Табынского рода усиленно занимался грабежом бежавших в 1755 г. в Орду башкир и выдачей их царскому правительству. Придерживался союза с местной администрацией и Жаныбек тархан и др. Но это не отрицает того обстоятельства, что основные связи царского правительства с казахскими феодалами шли по линии феодалов «белой кости»— группы Абулхаира.

На почве этого союза и складывался тот своеобразный синтез феодального и колониального гнета, который двойным прессом давил на казахский народ[8]. По мере превращения султанов дома Абулхаира в исполнительный аппарат царских колонизаторов эта феодальная группа начинала олицетворять в себе систему двойной эксплуатации. Отсюда понятно, что борьба феодальных группировок могла принять форму борьбы за независимость и, втянув в себя широкие круги казахского народа, принять черты освободительного народного движения. В этом случае она неизбежно должна была направляться против господства царской России и одновременно против феодальных группировок, объединенных ханами из дома Абулхаира, которые являлись внутри Орды агентурой царских колонизаторов. Таковы были условия, которые подготовили хозяйственный упадок Ма-

---

[8] Когда мы говорим о развитии в Казахстане (в Малой и Средней Ордах) не только феодальной, но и колониальной системы эксплоатации, то естественно возникает вопрос о взимании с казахов ясака. При принятии подданства Абулхаир-хан обязался платить ясак в 4000 лисиц, зять его, батыр Мухамед-султан,— 1000 лисиц и 100 корсаков, сын хана, Нур-Али,— 1000 лисиц. Но фактически ясак не платился. Царская администрация, однако, помнила это обязательство и неоднократно делала попытки наложить на казахов ясак. Такая попытка была за интересующий нас период сделана в 1791 г. (ГАФКЭ. Колл. ин. дел, Сношения России с киргиз-кайсаками, К 54, 1791 г. «О взимании ясака с киргизов»). Но поскольку позволяют судить материалы, сохранившиеся в центральных архивах, в XVIII в. царскому правительству удалось обложить ясаком лишь часть казахов Средней Орды, именно тех, которые переселились на русские земли, т. е. за линию.

II

Обострение внутренних противоречий в Малой Орде проявилось в широком движении, связанном с именем байулинца — батыра Срыма Дат-улы[9].

Начало выступления Срыма относится к 1783 г. Это движение было сложным по составу участников и неоднородным по целям на различных этапах его развития. Батыр Срым сумел стать главой широкого движения против господства агентуры царских властей — султанов дома Абулхаира и той системы колониально-феодального гнета, о которой мы говорили, прибегая и дипломатическим переговорам и не останавливаясь перед героическими мерами вооруженной борьбы с царскими колонизаторами.

До 1784 г. это движение направлялось исключительно против Уральского войска. В 1783 г. Срым принимал участие в борьбе с возглавлявшимися Чагановым линейными казаками, грабившими аулы хана Нур-Али. Чаганов был взят в плен Срымом и продан в Хиву. Карательной экспедицией в том же году Срым в свою очередь был захвачен в плен, но выкуплен ханом Нур-Али.

После своего освобождения Срым снова развертывате при ближайшем участии старшины Табынского рода Тленши Бокенбай-улы вооруженную борьбу против уральцев. Отряды Срыма нападали на воинские команды. Срым концентрировал на Сагизе силы для нападения на линию. Но хан теперь выступал не с Срымом, а против него, призывал губернатора к посылке вооруженных отрядов в степь для борьбы с Срымом.

Причины личного разрыва Срыма с Нур-Али мы не знаем. Но движение Срыма с 1784 г. выступает как широкое общественное движение, направленное против ханской группы, объединившей феодалов «белой кости» дома Абулхаира. Причины этого движения с достаточной ясностью излагает бар. О. А. Игельстром в донесении Екатерине II: «Огорчение оных (старшин.— М. В.)

---

[9] Впервые это обострение противоречий проявилось в 70-х годах в участии казахов в движении Пугачева.

и всего народа против хана столь велико, что не инако, как вредителем своим и нарушителем покоя их не называют, объявляя, что Абулхаир хан, пришед с народом киргиз-кайсацким в подданство высочайшего престола, 18 лет управлял народом наилучше и содержал в должном повиновении, почему оной всегда был спокоен и не отважывался ни на какие дерзости; по смерти оного сын ево, Нур-Али хан, первые 8 лет правления своего следовал примеру отцовскому. Но назад тому уже 30 лет, отделяя от себя всех лучших старшин, с которыми впредь имел согласие и советы, ни мало не попечается о благе народном, но еще к удоволствованию своего корыстолюбия разные оному притеснения чинит, как-то: при перегонах во внутрь линии и в степи на удобные для корму места скот киргизской, собирал с каждого коша при всяком перегоне по 1 лошаде и по 1 барану. Сверх сего, дети ево, хана, коих имеет 40, подъезжая к тем же местам, собирали с народа каждый равную же для себя часть. Ежели же некоторые сему сбору оказались ослушными и перегоняли скот, не дав объявленной дани, тогда хан, злобствуя на таковых, извещал здешних пограничных начальников и Уральское войско ложно, что киргизцы, перешедшие на внутреннюю сторону, суть воры имеют намерение к набегам; по каковым ево несправедливым доносам оным захват чинился, а потом он же, хан, брав с родственников тех, кои захвачены, по немалому числу лошадей из-под задержания их выпрашивал».

Наши источники очень часто говорят о «черном» и «подлом» народе как социальной опоре Срыма. Нужно, конечно, иметь в виду, что эти источники исходили или от казахских феодалов, или от царских колонизаторов. В частности, донос Гранкина, в котором особенно подчеркивается эта народная сторона движения Срыма, несомненно, тенденциозен. Гранкин, в склоке с ген.-губернатором, естественно, стремился подчеркнуть народный характер движения, поддерживаемого бар. А. Игельстромом,— обвинение довольно серьезное для губернатора наместничества, которое недавно являлось очагом крестьянской войны. Но ту же черту движения Срыма подчеркивают и другие источники.

О народной базе этого движения говорит и его массовость и те народные предения, которые сохранились о Срыме.

Нет оснований не доверять этим данным. Мы только что привели выдержку из донесения бар. О. А. Игель-

строма, построенного на основании представления старшин.

Причины, толкнувшие феодалов «черной кости» на борьбу с группировкой Абулхаира, были понятны и близки массе казахов-скотоводов, терпевших прежде и больше всего от насилий посылаемых в степь команд и от султанов группы Абулхаира.

Но если движение Срыма возникало как движение широких масс трудящихся казахов, то руководство им все же находилось в руках знати «черной кости».

Сам Срым принадлежал к этой социальной группе. Он был старшиной рода Байбакты, и под его управлением находилось около 2 000 кибиток.

Мы не имеем прямых указаний, насколько Срым выделялся по богатству от массы простых казахов, но косвенные указания у нас есть. У Левшина мы находим сведения о поминках, которые были справлены по Срыму после его смерти. Казахи в годовщину смерти справляли по умершим поминки, которые были тем богаче, чем зажиточнее был умерший, и вот поминки Срыма «стоили наследникам и родным более 2 500 овец, до 2 000 лошадей, до 5 000 ведер кумыса, несколько кибиток, панцырей и множество других вещей, розданных отличнейшим наездникам, стрелкам и борцам». Такие поминки были доступны лишь исключительно богатым людям. О богатстве Срыма говорит и муфтий Мухамеджан Хусаинов, предложивший царским властям просить Срыма возместить купцам их убытки после разгрома караванов в степи.

Руководство движением Срым осуществлял через родовых старшин, батыров, всех тех, кто объединялся в группу знати «черной кости». Об этом ясно говорят наши источники.

Под управлением хана Нур-Али находились некоторые отделения рода Шекты, Каракесек, Каракете, Карасакал, принадлежавшие к алимулинцам, и 12 родов поколения Бай-улы.

Алимулинцы подписались под заявлением об устранении хана Нур-Али. Байулинцы являлись центром движения Срыма. Под прошением об устранении Нур-Али от ханства подписались представители 20 родов из 25, перечисленных бар. О. А. Игельстромом.

Все это доказывает, что движение против группировки феодалов, возглавлявшейся ханом, охватило широкие круги знати «черной кости»; ведь выносились решения не

народом, а старшинами, они же подписывали тамгами всякого рода прошения.

Влияние Срыма в Орде было велико. Но это влияние в значительной мере основывалось на поддержке старшин и батыров других родов. В этом отношении исключительно интересно заявление Каратау бия, сделанное им муфтию Мухамеджану Хусаинову при свидании с ним около крепости Кулагиной в 1790 г.: «Да сверх того уведомился я, что когда изволили с Срымом иметь переговор, то говорили, хотя те другие киргизы и не приедут, но довольно де и одного ево, Сырыма, а другие никто не потребны; о чем мы думаем, что те ваши слова в действие итти не могут по причине, что ево, Сырыма, приказания исполнять не будет... Когда в обществе нашем имеете надобность, то изволите пожаловать сами к нам в улусы, где и переговор учинить можете; а общества нашего почтенные люди условились для того собраться в деревню мою, коим и положенное время уже наступило».

Феодальное руководство движением отражает и задачи, которые преследовались Срымом.

Для правильной интерпретации требований, какие выдвигала группа Срыма, мы не должны забывать, что эти требования исходили от казахских феодалов. Насилия царских властей и вымогательства чингизидов разоряли казахов, подвластных этим феодалам, а жалобы их на попытки Нур-Али править самовластно опять-таки были жалобами феодалов. Следовательно, эта программа не ставила задачи борьбы с феодальной системой эксплоатации, она лишь стремилась устранить те формы феодально-колониального гнета со стороны старой знати и царских колонизаторов, которые мешали развитию и укреплению в качестве господствующего класса знати, вышедшей из кругов «черной кости». Этим, как мы думаем, объясняется как непоследовательность тактики Срыма, так и политическая сторона его движения.

Срым поддерживал тесную связь с султаном фамилии Жадига. Сын султана Батыра, Каип, был выдвинут группой Срыма в ханы. Представление бар. О. А. Игельстрома к утверждению ханом султана Каипа было предпринято в связи с выдвижением этой кандидатуры старшинской группировкой.

Вопрос шел не об уничтожении ханской власти, а об ее ограничении. «Через словесные, также и писанные донесения посылаемых в Орду открываю я равномер-

но,— доносит бар. О. А. Игельстром,— что отложившиеся от хана старшины и народ не все единогласно желают быть совсем без хана, но клонится желание их более к тому, чтоб не иметь только нынешнего, а впредь выбирать такого, который бы в Орде еще менее теперешнего власти имел по особе своей. Достоинство сие, однако же, чтоб продолжалось, и, дабы отделить власть достоинства от особы его, имеют желание учредить при нем из лучших старшин 3-х начальных родов совет».

Следовательно, вопрос шел о том, чтобы сохранить прежнюю, привычную форму политического господства феодалов, но добиться при этом если не гегемонии, то, во всяком случае, значительного усиления политической роли знати «черной кости». При признании этого преобладания Срым легко шел и на соглашение с феодалами дома Абулхаира. В журнале муфтия Мухаммеджана Хусаинова 1785 г. мы читаем, что к Срыму приезжали феодалы дома Абулхаира, именно приезжал Байсары батыр «с Айчувак султана детьми, племянником его и Карабай султана сыном». Срым представил муфтию приехавших к нему «Нур-Али хана детей, Аблая, Букея и Шигая, которые изъяснили желание быть приведенными к присяге на верное подданство ея и. в.», т. е. приняли новое устройство степи, а следовательно, и гегемонию группы Срыма. Капитуляция части феодалов ханской группировки свидетельствовала о слабости этой группировки. Хан в 1785—1788 гг. был, как никогда, одинок. В степи господствовал Срым.

Ханская группировка была совершенно не в состоянии помешать развитию движения Срыма. Нарастание освободительного движения в Малой Орде и слабость ханской группы как основы колониального господства царизма представлялись для царского правительства тем более опасными, что еще жива была память об участии казахов в движении Пугачева. В этих условиях старая мысль укрепить влияние в степи путем внедрения царской администрации в управлении Ордами, естественно, должна была вновь возникнуть. Она ясно проглядывала еще в рескрипте 1784 г. на имя ген.-губ-ра А. И. Апухтина об учреждении в Оренбурге Пограничного суда. Этот суд, включавший в себя представителей не только казахов, но и царской администрации, должен был стать верховным апелляционным судилищем для казахов.

Совсем не случайно усиление административного влияния среди казахов предполагалось осуществить че-

рез организацию судебного органа. Царским властям было известно, что власть султанов выражалась главным образом в исполнении судебных функций. Об этом писал еще П. И. Рычков в 1774 г.: «Власть как ханская, так и султанская ни в чем больше не состоит, как разбирать обще с салтанами, старшинами и лутчими улусными людьми происходящие между киргизов ссоры, а наипаче те, кои одни старшины не могли окончить или окончили, да судившиеся у них судом их недовольны».

В 1785 г. А. И. Апухтина в качестве ген.-губернатора сменил бар. О. А. Игельстром. Реформа, которую он пытался провести, заключалась в том, что в поколениях Малой Орды — Алим-улы, Бай-улы и Жети-руу — должны были быть учреждены *расправы,* всего три. Фактически были организовано четыре расправы.

Игельстром рассматривал учреждение расправ как первый шаг в организации управления Малой Ордой по типу «Учреждения о губерниях» 1775 г. Функции расправ были определены не сразу, в конечном счете расправы были организованы как судебные учреждения, выполнявшие в то же время и полицейские функции. Расправы были учреждены в 1787 г. Годом раньше, в 1786 г., был организован и Пограничный суд в Оренбурге. Состав расправ был следующий: председатель «из начальника того рода», 2 заседателя «из знатнейших старшин лучших поколений» и 1 мулла, формально для письмоводства, а фактически — для надзора.

При проведении реформы наиболее влиятельные и сильные старшины отказались войти в состав расправ, но без их поддержки — Игельстром это понимал — новое устройство осуществить было невозможно. Тогда Игельстром ввел для них новое звание «главных старшин». Предполагалось возложить «на них обязанность наблюдать за всеми родами, начальных и главных родов составляющими, и за начальниками оных, через что правление всем народам в руках их состоит».

Наконец, в качестве низового звена в новом устройстве степи утверждались родовые старшины, которые должны были «употреблять себя на удержание в верном подданстве, мире и тишине подчиненные им поколения».

Такова была схема, которую в конечном счете приняла реформа Игельстрома. Но ее интерес заключался главным образом не в этой схеме, из которой в конце концов ничего не вышло и от которой к началу XIX в.

пришлось отказаться: Пограничный суд был закрыт в 1799 г., расправы — в 1806 г.

Интерес реформы — в ее активной роли в развитии социальной борьбы, происходившей в Малой Орде.

Для правильного понимания значения реформы Игельстрома нужно иметь в виду, что эта реформа не порывала традиционной политики царского правительства в Казахстане: опираться именно на феодальную знать, и лишь ориентировалась на иные феодальные группы казахского общества. Ясно, что царское правительство не собиралось опираться на народ.

Характерно, что адъютант Игельстрома, полк. Гранкин, в доносе на своего шефа от 13 декабря 1788 г., обвинял ген.-губернатора в том, что в родовые расправы были выбраны не знатные, а «простые» казахи. Игельстром прекрасно понял меткость и остроту данного обвинения. В своем оправдательном «объяснении» он стремился отвести от себя это обвинение. Говоря о выборе членов Пограничного суда, он замечает: «Но ежели в самом деле есть кто из них степени низкой, так сие легко могло последовать, ибо киргизцам казался диким предмет сей, и они во время учреждения Пограничного суда не имели о нем ни малейшего понятия и доверенности к нему; и когда выбирали туда судей, то думали, что они ничто другое там будут, как аманаты, которых брали от них прежде и безмерно дурно содержали. Ныне, как они вникли уже несколько в полезность учреждения сего суда и познали, что те люди — судьи, а не аманаты, иначе об нем рассуждают, и я уверен, всемилостивейшая государыня, что при будущей перемене нынешних судей, которая последует в октябре месяце настоящего года, действительно лучшие люди охотно пожелают быть в суде сем». Да и два рескрипта на имя бар О. А. Игельстрома, от 3 июня 1786 г. и 7 декабря 1787 г., ясно указывают те социальные группы, на которые должен был опираться ген.-губернатор. Первый из них, говоря о лицах, назначенных в Пограничный, суд, указывает, что «хотя в том поименован один из султанов, по тогдашнему еще начальству Нур-Али хана, но буде старшины и народ выбрать султана не пожелают, место его занять могут другим из начальников почетнейшим» (Разрядка моя.— М. В.).

В данной связи любопытно отметить, что в первоначальном варианте реформы предполагалось, по-видимому, лишь расширить социальную базу господства цариз-

ма в степи: привлечь к расправам наряду с султанами и старшин.

Это видно из рескрипта от 2 мая 1784 г. А. И. Апухтину: «Весьма нужно, чтоб вы имели при себе в Оренбурге или Уфе депутатов от Орд Киргизских, в том числе одного из султанов и некоторое число из старшин разных начальств или поколений, через коих могли бы вы о всем получать от их начальников известия, ваши советы и предписания через них сообщать. О чем вы и согласитесь с ханами и нам дайте знать, какое им содержание назначить пристойно». Но это было в 1784 г. Когда же в 1785 г. Игельстром прибыл в Уфу, он на месте столкнулся с фактом обостренной внутренней борьбы в Орде между группой Нур-Али хана и группой Срыма.

В условиях этой борьбы попытка расширить базу колониального господства удаться не могла. Не могло, конечно, осуществиться и предположение Игельстрома «остаться зрителем» этой борьбы.

Осуществление реформы натолкнулось прежде всего на сопротивление самих султанов, власть которых, несомненно, ущемлялась учреждением расправ. Пришлось пойти на частичное изменение социальной базы реформы. Хана и султанов было решено отстранить от управления Ордой. Но устраняя султанов от непосредственного управления поколениями или группами родов, правительство не теряло надежды использовать их путем привлечения на русскую службу. Правительство стремилось предотвратить враждебные выступления с их стороны. «В рассуждении многих султанов, к новому преобразованию Орды не приставших,— читаем мы в указе от 7 декабря 1787 г. бар. О. А. Игельстрому,— и по причине потеряния прежней власти своей недовольных, мы будем ожидать от вас представления тех средств, кои вы обещаете изыскать к успокоению и привлечению и их в единомыслие с прочими благонамеренными, почитая, что добровольное склонение некоторых из них в службу здешнюю, где бы они могли быть определяемые к тамошним нерегулярным или же и к другим войскам, а по времени и случаям ободряемы повышением чинами, послужили бы не последним способом к привязанию их к нам и к приласканию самых недовольных».

Оренбургский военный губернатор Н. Н. Бахметьев в своем представлении указывает, что задержание султана Айчувака в Уральске и ссылка хана Нур-Али в Уфу была вызвана тем сопротивлением, которое встречало про-

ведение реформы в этих главарях султанской партии. Султанскую партию, недовольную мероприятиями ген.-губернатора, после задержания Нур-Али и Айчувака возглавил брат хана, Ер-Али слутан.

Причины выступления Ер-Али против русских изложены в письме Ер-Али полк. Гранкину: «...ибо,— читаем в письме Ер-Али,— Айчувак султану уже 3-й год, а хану другой, и хотя мы с самых тех времен от г. генерала письменною просьбою об них настоим, однако, ни одного благосклонного ответа не получили...» Но дело было не только и не главным образом в задержании хана и Айчувака: «Ежели в мыслях ваших дурного нет, то у нас к злодеянию предприятия ни мало не имеется, а только есть неудовольствие, потому что пред сим те, которые, вредя обществу, делали нападения на крепости, ныне сделались приятелями, а мы, хотя в духе нашем и хорошее расположение имеем, уподобляемся злодеям».

Ни «приласкивания», ни угрозы со стороны Гранкина не помогли склонить Ер-Али султана к примирению: «Аллах ведает, сможете ли вы справиться с нами. Мы положились на Аллаха. Хвала Аллаху: впереди нас путь открыт и мы не находимся в вашем окружении». Письмо Ер-Али султана явилось ответом на послание к нему полк. Гранкина с предложением прекратить борьбу против русских, с обещанием в случае покорности милостей ген.-губернатора. Письмо Гранкина мало чем отличалось от обычных обращений к ханам, хотя бы Неплюева, но острота положения не была учтена Гранкиным.

Сопротивление султанов реформе, проводимой Игельстромом, вынуждало его опереться на группу Срыма, что заметно усиливало последнего в борьбе с султанами. Игельстром сознавал зависимость предпринятой реформы от поддержки Срыма; на «народном» собрании старшин-байулинцев, на котором ахун Мухамеджан Хусаинов и асессор Бекчурин сделали в 1785 г. предложение об учреждении расправ, они получили от старшин ответ, что «поелику Срыма батыря между ними нет, то дальнейшее о исполнении сего предложения мероположении их отлагают до возвращения его». Сознанием необходимости опереться на партию Срыма продиктовано было, по-видимому, активное вмешательство Игельстрома в дело освобождения Срыма, когда последний был захвачен Ишим султаном и передан Ер-Али султану.

Сопротивление группировки хана введению Пограничного суда и расправ как подготовительной меры ор-

ганизации управления степью по типу «Учреждения губерниях» заставило Игельстрома занять примирительную позицию к представителям «черной кости». Он послал в степь ахуна Мухамеджана Хусаинова с «открытыми листами». «Сии открытые листы,— писал Игельстром,— то возымели действие, что вышеобъявленные противу здешней стороны вооружившиеся и мятежные киргис-кайсаки почувствовали свое преступление, тогда же перестали злодействовать, и самые злодеи обратились ко мне, не быв одобряемые никакими еще со стороны моей подарками и признавая себя виноватыми, вознесли ко мне писанные прощения, изъясняющие разные жалобы на Нур-Али хана и его детей». Это обращение к народу помимо хана и вопреки ему было действительно новым явлением в колониальной политике царизма в Казахстане; оно дало повод полк. Гранкину упрекнуть Игельстрома в том, что преобразование Малой Орды «блеснуло только между низкими и самыми непотребными людьми». Но цель Игельстрома — сломить сопротивление ханской партии — была достигнута: «Малое число старшин киргизских,— пишет Игельстром,— кои в начале возчувствовали омерзение к прежнему их порочному поведению, увеличилось через некоторое время до такого множественного, что наконец, с согласия всей их Орды, кроме весьма малого числа, придерживающихся хана и брата его Ер-Али султана, учрежден Пограничный суд».

Но если обстановкой внутренней борьбы Игельстром был вынужден ориентироваться на группу Срыма, то почему этот союз оказался возможным, почему группа Срыма пошла на этот союз?

В одном из своих донесений, говоря об учреждении в Орде расправ, Игельстром прибавляет, что прибывшие к нему от казахов депутаты к этому учреждению «весьма по случаю сего и наклонны, дабы не быть зависимыми от хана. Однако же, со всем тем желают остаться при древнем обыкновении: иметь хана, отделя только ево от управления народом, почему сим посланникам общий суд и кажется приятным». Это указание очень интересно не только тем, что показывает, как группа Срыма стремилась отнять у хана судебные функции и, значит, вообще ослабить его власть, но также и тем, что оно объясняет, почему оказалось для Игельстрома возможным при проведении реформы опереться именно на группу Срыма. Если царское правительство смотрело на

введение расправ как на средство проникновения влияния царизма в глубь степи, то Срым и его группа смотрели на расправы как на средство ослабить влияние султанов и хана. Ослабление хана и султанов означало в то же время усиление влияния и власти старшин, батыров, вообще знати «черной кости». Таков был результат реформы Игельстрома.

Но союз Срыма с царскими властями неизбежно должен был при сохранении прежней народной базы этого движения привести к столкновению с царскими властями. Независимо от воли Срыма, этот союз открывал новые возможности укрепления господства царской России в Малой Орде, а значит и усиления колониального гнета.

Устранение Игельстромом Нур-Али хана, запрещение после 1785 г. набегов на казахов создало на время мирные отношения между казахами группы Срыма и царским правительством.

Хотя распоряжение Игельстрома о запрещении нападений вызывало явное неудовольствие в представителях местных властей, особенно военных, полностью эти нападения не прекращались, и понятно почему: ген. Н. Н. Бахметьев откровенно указывает, что эти так называемые «бармты» против казахов позволяли «составлять состояние», но, однако, развитие событий, необходимость опираться на группу Срыма заставляли Игельстрома придерживаться запрещения набегов на казахов. Эта тактика «мирного» завоевания степи временно привела во всяком случае к некоторому уменьшению грабежей. Отношения между казахами и русскими улучшились. Об этих добрососедских отношениях очень ярко говорит письмо полк. Персидского гр. А. Р. Воронцову: «От киргизов ничего неприятного не видно,— писал из Астрахани С. Г. Персидский,— да и ожидать так скоро от них того нельзя... К ныне приближавшимся постам киргизцы обходятся дружественно, и нималого знаку к сомнению не подается». Имеется также свидетельство о доброжелательном отношении самого Срыма к России. Несомненно, что огромную роль в установлении на время мирных отношений сыграло и землеустройство казахов при Игельстроме. Вопрос о землеустройстве казахов при Игельстроме в литературе почти не освещен. Так, у Лобысевича мы имеем указание на разрешение казахам в числе 40 000 кибиток перейти на зиму на астраханские земли. Игельстром исходил из указа 1782 г. ген.

А. И. Апухтина, разрешавшего перепускать казахов на определенных условиях за Урал, в Астраханские степи, но только на зимнее кочевье. В деятельности Игельстрома новое заключалось, во-первых, в том, что перепуск казахов на внутреннюю сторону не был связан обязательно с зимним кочевьем. Инициатива в организации перепуска казахов на правый берег р. Урала в зимнее время принадлежала им самим. Несомненно, что особенно острая нужда чувствовалась у казахов в зимних кочевьях. Но, по-видимому, Игельстром строил более широкие планы землеустройства казахов. Мы читаем в сообщении Игельстрома астраханскому обер-коменданту: «Киргиз-Кайсацкой Меньшой Орды разных родов старшины и другие киргизцы просили меня о позволении прикочевывать им со скотом своим к границе и в случае нужды в кормах (разрядка моя.— М. В.) перепускать оной на внутреннюю сторону». Здесь вопрос о переселении ставится, в связи с нуждой в кормах, в общей форме и не связывается обязательно с зимним кочевьем казахов. Это обстоятельство заставляет предполагать связь реформы Игельстрома с необходимостью хотя бы частичного разрешения земельного вопроса. Найти опору в группе Срыма, поддерживаемой по преимуществу казахами поколения Бай-улы, особенно нуждавшимися в пастбищах, без частичного хотя бы удовлетворения нужды казахов в землях, пригодных для кочевья, было невозможно. На потребность именно широких масс казахов расширить район кочевок указывает и то обстоятельство, что разрешение перейти на внутреннюю сторону получило большое число кибиток — 45 130, а фактически перешло больше, возможно, 60 000 кибиток.

Эти особенности разрешения казахам перекочевать на астраханские земли говорят об одном: Игельстром сделал попытку частично решить земельный вопрос у казахов путем перепуска на внутреннюю стоорну некоторых казахских родов, находящихся под управлением старшин и батыров. Казахи провели зиму 1786 г. на внутренней стороне. В апреле 1787 г. они еще не перешли на зауральские степи, хотя обычно с зимнего кочевья на весеннее переходили в марте. Казахи не переселились на вечное кочевье в Астраханские степи, но включили их в район своих кочевок. По печатаемым документам мы можем проследить, с каким упорством казахи осуществляли этот переход, несмотря на формальное огра-

ничение права кочевать на внутренней стороне с назначением ген.-губ-ром А. А. Пеутлинга, пока, наконец, в 1797 г. астраханский губернатор не вынужден был поставить вопрос: не лучше ли разрешить казахам навсегда переселиться на внутреннюю сторону? В 1801 г. с образованием Букеевской Орды разрешение было дано. Все это показывает, как существенно было для Игельстрома связать проведение нового устройства степи с удовлетворением нужды казахов в постбищных землях, как Игельстром был вынужден изменить методы колониальной политики. Это было не отказом от колониального порабощения казахского народа, а попыткой перехода к новым, более эффективным методам колониального господства путем внедрения новых административных учреждений в глубь степи. Но политика Игельстрома не предотвратила нового подъема движения Срыма.

Какие бы цели лично не преследовал Срым, объективно его движение оказалось направленным против своеобразной феодально-колониальной системы эксплоатации, которая в глазах широких казахских масс олицетворялась не только царской администрацией, но и султанами фамилии хана Абулхаира. Это обусловило популярность Срыма в Орде, не только втянуло в его движение знать «черной кости», но и обеспечило поддержку широких кругов скотоводов. Необходимостью для группы Срыма, с одной стороны, было стремиться использовать внутри Орды недовольство широких трудящихся масс феодалами, группировавшимися вокруг хана Нур-Али, и, с другой стороны, стремиться обеспечить себе поддержку царской администрации в процессе борьбы с группировкой хана. Это противоречие должно было разрешиться или потерей массовой базы движения внутри Орды, или разрывом с царскими властями. Кризис движения был ускорен колебавшейся, непоследовательной тактикой Срыма. Сознавал ли сам Срым ненадежность и неизбежное крушение союза с царизмом? Вероятно, да, хотя он и не хотел этого. В этом нас убеждает прежде всего то, что еще до отозвания Игельстрома из Уфы Срым искал поддержки в Бухаре и склонялся на уговоры Бухары[10] отложиться от России.

---

[10] Агитация Бухары, по-видимому, была связана с деятельностью Порты, которая во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. усиленно стремилась поднять мусульманское население

В донесении муллы Абдул-Керима Уразбаева говорится о решении Срыма и Каратау бия нарушить мир с русскими и при этом рассказывается, что Асан мулла и Кара Жигит говорили Срыму и Каратау бию, что «если сего они не сделают, то потеряют свой закон и не могут быть мусульманами, потому что они имеют в получении Хивы и Бухарии письма, которые подтверждают то же самое, что и от них, муллов, им сказано».

Тот же документ содержит указание и на первые шаги столкновения Срыма и Каратау бия с русскими. Все это происходило не позднее начала февраля 1790 г. Через несколько месяцев в письме гр. А. Р. Воронцову полк. Персидский писал о казахах, что, «противная сторона успела совершенно их развратить, и они уже действовали в нынешней зиме не как воры, но яко истинные неприятели, будучи предводительствуемы родственниками Сырым батыра, и нападали на 3 поста, из коих один преодолев многолюдством, пленили 6 человек; и если верить известиям, то ожидать должно ожидающим летом от них нападения на Уральскую линию с помощью бухарцев немалого числа, которую они ожидают». Однако мы можем с уверенностью говорить, что если в самом начале 1790 г. Срым сделал попытку получить поддержку Бухары и отойти от русской ориентации, то уже в марте того же года (1790) это обострение взаимоотношений с Россией не входило в планы и намерения самого Срыма, а отражало скорее одно из направлений, существоваших среди старшин, приверженных Срыму. По-видимому, главной причиной, побудившей Срыма договориться с царскими властями, было упорное нежелание влиятельных старшин поколения Бай-улы отдаляться кочевьями от линии, а следовательно, идти на разрыв с царской администрацией. В этом нас убеждает журнал Мухамеджана Хусаинова, веденный им при свидании с Срымом при крепости Калмыковой в 1790 г. Уже когда обнаружился поворот царской администрации к старой ориентации на султанские группировки, Срым шел на очень широкие уступки царским властям.

Но с отозванием Игельстрома из Уфы в 1790 г. соз-

Средней Азии против России. По протоколам Непременного совета за 1787—1791 гг. мы можем проследить, как развивалась деятельность бухарских мулл в казахской степи (Архив Гос. совета, т. 1, стр. 812, 814, 848, 851, 859, 860). Данные этих протоколов позволяют нам с доверием отнестись к известиям о деятельности бухарских мулл в Орде в пользу Порты.

даются новые условия для дальнейшего развития движения.

После отозвания Игельстрома местные власти возвращаются к прежней практике захватов и набегов[11], тем более что попытки «мирным путем» подчинить казахов через учреждения расправ явно не удались.

Устранение султанов лишь усиливало влияние старшин, но не помогало утвердиться царской администрации в степи. Даже более: конфиденты из казахов, назначенные присутствовать в Пограничном суде, явились своего рода агентами, информировавшими казахов о мероприятиях царского правительства. Все это ослабляло интерес царского правительства к расправам, возврат же к прежним методам колониальной политики лишал правительство поддержки старшинской группы, а без этой поддержки все учреждения в степи были бесполезны и мертвы.

Причины, усилившие вновь борьбу казахов против царизма, отчетливо изложены в журнале, в 1790 г., оренбургского муфтия Мухамеджана Хусаинова. Муфтий передает со слов не только казахов, но и русских, бывавших в Орде, «что они, киргизцы, от несносных раззорений со стороны Уральского войска не токмо что в смятении, но беспокойствие их так велико, что едва не имеют ли они намерения удалиться от границ российских, с тем удалиться и от верноподданства российского», и что Срым батыр и другие старшины «единогласно жаловались, что с самого отсутствия из тамошних краев его высокопр-ва Осипа Андреевича бар. Игельстрома, незнамо почему, начали причинять они, Донсков с участники, несносные обиды и разорения, и они, оставаясь в великом изнурении, приносили на них жалобы, но доходят ли они, им неизвестно». Что касается жалоб казахов на насилия атманов Донского и Мизинева, то судьба их нам известна. «Правитель наместничества (А. А. Пеутлинг.— М. В.) вслед прежнего его предписания, имея уведомления обстоятельные от муфтия о жалобах их на атамана Донского, Мизинева и их войско, предписывает муфтию, что к примерному наказанию остервеняющихся киргизцев в их буйстве уже повсюду победоносное оружие российское состоит в готовности и

[11] Мы должны заметить, что несмотря на запрещение Игельстрома производить «бармту» против казахов, мелкая «бармта» (т. е. мелкие набеги) не прекращались.

предлагает иметь сношения и советы с г. полковником войска Уральского войсковым атаманом Донсковым».

Ограничено было и право казахов перегонять скот на астраханские земли. Все это было различными формами проявления возврата к прежним традиционным методам колониального гнета. Ярким проявлением той же тенденции явилось назначение в 1791 г. преемником Игельстрома А. А. Пеутлингом, ханом султана Ер-Али, вождя султанской группы. Стремление примириться с султанской группой и разрыв с группой Срыма яснее проявиться не могли.

Срым понял смысл назначения ханом Ер-Али и разорений казахов, усилившихся с назначением ген.-губ-ром А. А. Пеутлинга. В письме на имя А. А. Пеутлинга старшины, в их числе и Срым, прямо упрекали царское правительство, что оно «желает обманом управлять народом». «Ежели бы не так,— читаем мы в этом письме,— то для чего препятствуете допустить нас к императрице, из сего точный ваш обман и ухищрения видны, что вы нас хотите довести так же, как нагайцев и башкирцев, поспешить обуздать и наложить службу, а детей наших сделать солдатами и употреблять в походы, и разные тягости хотите на нас возложить. Каковые все ваши намерения мы поняли, ибо и перед сим вы, россияне, скольких, обласкивая серебром и прочим, довели в свое рабство».

От мелких стычек с царскими командами в степи и на линии батыр Срым переходит к нападению на крепости. В 1792 г. он объявляет войну России. Конечно, непосредственного военного успеха казахи, совершенно не приспособленные к осаде крепостей, иметь не могли. Неудача выступления Срыма явилась лишним подтверждением уже сознававшейся частью казахских феодалов бесполезности прямой вооруженной борьбы против колониального господства царизма. Но в то же время вооруженное выступление масс, только опираясь на которое Срым мог рассчитывать на успех, пугало старшин. Полк. Персидский был, по всей вероятности, прав, когда он писал гр. А. Р. Воронцову, что «нет сомнения, что есть довольно и между ними (старшинами.—М. В.) добрых людей, каковые весьма огорчаются дерзости развратников и утверждают, если они не будут наказаны, то едва ли будет спокойствие; сему, без сомнения, и верить можно».

В эти указаниях проявилось не только недовольство

старшин тактикой Срыма, но и боязнь масс, которые толкали Срыма на решительные вооруженные методы борьбы с системой колониального гнета. Старшины говорят уже о необходимости наказания этих «развратников». И в этих настроениях старшин проявился тот процесс классовой дифференциации движения, о неизбежности которого мы уже упоминали.

Положение Срыма становилось чрезвычайно трудным. Его группа была ослаблена не только боязнью масс, проявлявшейся руководящей верхушкой, но и военными неудачами. Кроме того, надо иметь в виду, что 60-летнее господство царской России на Урале не прошло бесследно для экономической независимости казахов, Развитие меновой торговли с Россией в течение XVIII в. приводило к тому, что многие потребности казахи стремились удовлетворить путем мены с русскими. Это, конечно, не значит, что по своей производственной основе хозяйство казахов становилось товарным,— оно было натуральным,— но казахская степь все более наводнялась русскими товарами, исключительно предметами непроизводительного потребления. Кроме того, борьба с царским правительством и султанской группой заставила Срыма откочевать от границ. Для группировки Срыма тем самым удобные зимние пастбища на «внутренней стороне» были потеряны. А это вело и к потере сторонников.

В условиях этих трудностей Срым сделал попытку спасти свое положение путем укрепления своего союза с султанской группой Абул-Газиза, сына Каипа. Посольство в 1793 г. султана Шир-Газы Каип улы, майора царской службы, застает Срыма в тесном союзе с этой частью казахских феодалов. Связи Срыма с султанской группой дома Каипа, по-видимому, не прерывались с 1784 г.

Любопытно, что в середине 90-х годов Срымом выдвигалась кандидатура в ханы султана Есен-Али, сына Нур-Али. Какие цели преследовались при этом Срымом, из-за недостатка материала выяснить трудно. Возможно, что это была попытка ослабить ханскую группу путем внесения раскола в ее среду. Но вероятнее, что Срым искал путей к компромиссу с представителями группы Ер-Али. Это предположение вероятно потому, что падение влияния Срыма в Орде делало очень ненадежным его союз с султанами дома Каипа: он к 1796 г. был покинут ими. Это подтверждает и попытка Срыма в 1796 г.

примириться с ханом Ишимом через ханшу Урун,— попытка, не увенчавшаяся успехом. Нельзя не видеть во всех этих явлениях резкого падения влияния Срыма в Орде. Непоследовательность его борьбы с царскими колонизаторами, естественно обнаружившееся стремление добиться компромисса с казахской аристократией,— сначала лишь дома Жадига (Каип), а середине 90-х годов и с султанами дома Нур-Али,— ясно определили формальную природу руководства движением, связанным с именем Срыма. Это с неизбежностью вело к тому, что движение Срыма теряло свой массовый народный характер. Не улучшилось положение Срыма и тогда, когда в Оренбург вернулся бар. О. А. Игельстром. Ошибочно было бы считать, что поворот Игельстрома в сторону султанской группы обусловлен влиянием дочери Нур-Али хана, Той-Кары [12].

Этот поворот проводника реформы показывает изменение политики царского правительства в порабощении казахского народа, возврат к прежней ориентировке на реакционные султанские группировки. Однако не только слабость группы Срыма, но и убеждение в ее ненадежности после событий 1790—1794 гг. толкали царские власти к возврату к старой ориентации.

Безысходность положения толкнула Срыма на путь индивидуального террора: в 1797 г. он убил преемника умершего Ер-Али, хана Ишима. Убийство это могло лишь усложнить и действительно усложнило положение в Орде сторонников Срыма: оно сплотило против Срыма представителей султанской группы и позволило им развернуть против него борьбу на почве мести за убийство. Наконец, боязнь репрессий со стороны царских властей еще более уменьшила и без того незначительное число сторонников Срыма. Он еще делал попытки восстановить активную роль своей феодальной группы, и по существу движение его кончается вместе с убийством хана Ишима. Дальнейшая судьба Срыма неизвестна. Ходил слух, что, преследуемый султаном Каратаем, он бежал в Хиву и там был отравлен. Но подпись Срыма мы встечаем на документах начала XIX в., именно относя-

[12] Той-Кара была дочерью Нур-Али хана и жила вместе с мужем, членом Пограничного суда, в Оренбурге. Она бывала в столице, усвоила светский лоск и имела большое влияние на Игельстрома. Султанская группа стремилась использовать это влияние в своих интересах.

щихся ко времени не ранее декабря 1802 г. Но в то же время имени Срыма батыра мы не встречаем среди старшин и батыров, управлявших казахскими родами в 1805 г., а кн. Волконский в своем донесении 1804 г. говорит о нем в выражениях, дающих возможность предполагать, что Срым батыра уже не существовало. Вероятнее всего, что Срым умер в конце 1802— начале 1803 г. Я. Гавердовский, который был захвачен с караваном казахами поколения Алим-улы в 1803 г., говорит, что Срым умер незадолго до их прибытия в Орду. Бесспорно одно — активной политической роли батыр Срым с начала XIX в. не играл.

III

Поражение Срыма означало не только поражение тех феодальных группировок, которые своей борьбой против ханской партии были поставлены в центре борьбы с системой колониального гнета,— оно знаменовало удар по широкому народному движению. Следствием этого поражения должно было явиться усиление феодально-колониального гнета, о котором мы говорили в первой главе. На самом деле поражение Срыма открыло широкие возможности наступления русского торгового капитала, прежде всего в лице русских и татарских купцов.

Купец проникал в степь не только в роли продавца товаров, но и как ростовщик. Ростовщичество выступало под видом «помощи» обедневшим казахам, очень напоминавшей ту «помощь», которую старшины и бан оказывали бедным казахам и которая фактически означала развитие барщины. Фразеология относящихся сюда документов не должна вводить в заблуждение. Эти документы исходили не от трудящихся казахов, а от феодалов, которые освещали деятельность ростовщика в степи так, как они воспринимали собственную «помощь» бедным казахам.

Но гораздо характернее для колониальной политики конца XVIII— начала XIX в. усиление методов прямого колониального давления. Это давление выражалось в захвате казахских земель через продвижение укрепленных линий глубже в степь (Ново-Илецкая и Узеньская линии), отчуждение в степи лугов, сенокосов и других земельных угодий через установление 15-верстной полосы по линии в пользу казачества, что закрывало пути

кочевья казахов. Наконец там, где казахи были «окружены», в Букеевской Орде, через захват земель в собственность частными лицами и Уральским войском. Упоминаемые в наших документах захваты земель кн. Юсуповым и графиней Безбородко в крайней степени стесняли скотоводство казахов.

Характерны для развития колониальной политики царизма в рассматриваемый период посылки в степь воинских экспедиций, по существу грабивших казахов. Об этом есть ясное свидетельство. Так, Азиатский комитет, подтверждая журналом от 4 сентября 1815 г. свое постановление от 21 сентября 1814 г. о запрещении «бармты», указал, что причины, вызвавшие это запрещение, «состояли в том, что воинские команды, быв посылаемы в степь, под разными предлогами делали там злоупотребления, производили убийства, грабежи и разорения не только виновным, но и мирным и даже преданным совершенно России киргизцам».

Эти «поиски» приобретают с 90-х годов XVIII в. более крупный и более организованный характер. Вот главнейшие из них: 1790 г.— экспедиция Донскова, 1807 г.— Герценберга, 1809 г.— Бородина, 1814 г.— Епанешникова, 1823 г.— Берга, 1824 г.— Назарова.

Эти нападения порой отличались исключительно жестоким характером, например, экспедиция 1790 г. атамана Донскова.

Материальный ущерб, причиняемый этими набегами, был очень значителен. Целые аулы разорялись; угоняли у казахов скот, грабили домашние вещи, убивали и захватывали в плен людей. Как ни важен этот приносимый казахам материальный ущерб, еще существеннее отметить другой момент колониальной политики царизма в Казахстане: это то, что с поражением Срыма возможности для царского правительства активно вмешиваться в развитие социальной борьбы в Казахстане в огромной степени расширяются.

Царские власти после отставки Игельстрома в 1790 г. систематически поддерживали султанов группы Абулхаира и придерживались этой системы с большой последовательностью. Деятельность Игельстрома оценивалась теперь не иначе как «опасные опыты». Опираясь на султанскую группу, царское правительство систематически и упорно поддерживало наиболее продажных представителей этой группы, которых легко было использовать как орудие раздора в Орде и усиления которых в то же

время можно было не опасаться. Оно поддерживало кандидатуру султана Айчувака и провело в ханы этого «старца 85-летнего, расслабленного даже до неподвижности», вместо энергичного и пользовавшегося большим влиянием в Орде Каратая Нур-Али улы. Но, убедившись в полной безопасности Айчувака, оно уволило его от должности с пенсионом и на его место назначило его сына, Жан-торе, который, «хотя до 1792 г. участвовал в некоторых беспорядках, бывших в Орде, будучи заводим во все продерзости известным возмутителем ордынской тишины Сырым батыром», но «с того года по сие время ведет себя уже тихо, не только не причастен будучи враждованиям, чинимым против России, но являет себя истинно приверженным к ее пользам».

Царское правительство поддерживало двуличного хана Шир-Газы против султана Арын-Газы, внука Каипа. Это понятно с точки зрения колониальных интересов царского правительства в Казахстане, стремившегося к разрушению тех общественных образований, которые складывались в Малой Орде в конце XVIII и начале XIX в. и которые могли бы стать центрами для создания казахской государственности.

Чтобы понять и оценить это влияние царской колониальной политики на дальнейшее историческое развитие Малой Орды, мы должны рассмотреть те условия — хозяйственные и политические, которые сложились в Малой Орде после упадка движения Срыма.

Прежде всего мы должны указать на резкое обострение земельной тесноты. Еще в 1794 г. уфимский вице-губ-р И. М. Баратаев передавал вновь назначенному ген.-губ-ру С. К. Вязмитинову мнение Ханского совета, что казахи, кочующие в зауральских степях близ границ, испытывают острую земельную нужду: «На их же стороне,— писал он,— не только скот, но даже улусам их теснота быть может». Это было как раз накануне страшного жута 1795—1796 гг., когда у казахов, зимовавших по Сыр-дарье, Сагызу и Эмбе, погибло огромное количество скота. Но этот падеж скота не разрешил земельной тесноты. Печатаемое нами донесение Донскова от 1797 г. показывает, с каким упорством казахи искали земли для кочевок. Выражением той же тесноты явилось образование в 1801 г. Букеевской Орды, соединение отдельных частей родов Серкеш и Берш, перешедших на вечные кочевья в Нарын-пески.

Эта земельная теснота никак не являлась показате-

лем роста скотоводства,— напротив, оно сокращалось. Кн. Волконский писал в 1804 г.: «Важнейший же из сего вред, касающийся и выгод государства, есть весьма приметное уменьшение по всей степи скотоводства; сия отрасль нашей промышленности, теперь нарочито ослабленная, если по неприятию надлежащих и скорых к исправлению ее мер еще более придет в упадок, едва ли может быть вознаграждена».

Объяснение этой тесноты надо искать в развитии общественных отношений в Малой Орде. Основной тенденцией этого развития в конце XVIII в. являлось дальнейшее углубление феодально-колониальной эксплоатации.

Из материалов видно, в каких своеобразных, замаскированных формах выступали феодальные отношения эксплоатации в 70—80-х годах XVIII в. Теперь, после поражения наиболее активных народных элементов в движении Срыма, внеэкономический характер эксплоатации начинает выступать в значительно более открытой форме.

Характерна попытка казахской знати внеэкономическим путем перетасовать обедневших казахов между родами, независимо от родовой принадлежности, значит, фактически, между султанами, биями и прочими феодалами.

Так, в «обете», выработанном в 1803 г. на собрании старшин, биев, султанов и батыров,— обете, который очень интересен как попытка добиться компромисса между феодалами «белой и черной кости»,— одним из положений указывается, что бедных, не имевших пристанища казахов, «почтеннейший и высокостепеннейший хан наш намерен, всех таковых людей собрав, разделить по разным родам, чтоб были они к чему-нибудь употреблены».

Тот же самый проект выдвигает в своем «объяснений» оренбургский военный ген.-губ-р кн. С. Г. Волконский: «Казахов, принимавших участие в нападениях на караваны, позволить хану, с согласия старшины, разделить по своим аулам и причислить навсегда в свои команды», бедных же казахов «распределить также по аулам, дабы они не шатались около границы».

Такая перетасовка абсолютна невозможна в отношении свободных членов общины. Самая постановка вопроса говорит о развитии крепостнических тенденций. Очевидно, что решение социальных и экономических

проблем находилось в руках феодальной знати не только «белой», но и «черной кости». То, что памятники говорят о распределении казахов по «аулам», нас не должно вводить в заблуждение. «Аула» как ячейки свободной общины давно не существовало. Как звено феодального владения аул и в XVIII в. являлся феодально зависимым. Теперь феодальная верхушка, принимая решения, совершенно игнорировала общину как политическую силу. Это развитие феодальных отношений выразилось и в попытках формально ограничить правоспособность свободных казахов.

«Обет», заключенный султанами, биями и прочими феодалами Малой Орды в 1803 г., цитированный выше, предусматривал: «Есть ли же у кого-нибудь есть должник, то кредитор должен требовать удовлетворения от начальников или управляющих им». Господствовавший обычай требовал, чтобы «тот, на кого сомнение объявляет, непременно отвечать должен сам или за него той же волости и лучший в роде».

О том же закрепощении свидетельствует и новое положение толенгута, мало отличное от положения крепостного. Очевидно, главным образом именно в рассматриваемый период (первые 20 лет XIX в.) развивался этот процесс сближения крепостного и толенгута.

По материалам в начале XIX в. число толенгутов значительно возросло, Б. М. Броневский наблюдавший жизнь казахов в продолжение 20 лет в начале XIX в., пишет в своих записках, что «тюленгуты время от времени размножались до того, что теперь составляют одну из значительных частей населения в степи».

Расширяется и практика наследования должностей,— формальная, а не только фактическая передача по наследству не только звания, но и ранее выборной должности — старшин, биев. В Букеевской Орде, где процесс феодализации шел значительно быстрее, чем за Уралом, делается попытка формально, по завещанию, передать и должность хана. В письме султанов и старшин Букеевской Орды управляющему родом Байбакты, султану Шоке Нар-Али улы, сказано: «при смерти же своей сделал он, хан в присутствии нашем завещание, что в наследствие ханства, а с тем вместе и владеть народом назначил родного сына своего Жангыра Букеева, рожденного от белой кости». Но хан Букей в этом завещании назначил не только преемника, но и опекуна к нему (Жангыру было 15 лет в 1815 г.), султана Шигая Нур-

Али улы. Впрочем, надо отметить, что это завещание было утверждено собранием султанов и старшин Букеевской Орды: «Завещанием мы все единодушно остаемся довольны и обязались любым актом сохранять то завещание свято без всякой отмены», что соответствует феодальному обычаю добровольного признания вассалами своего сюзерена.

Среди родов Малой и Средней Орды, подвластных царизму, такого формального наследования не наблюдалось, кроме одного случая, хотя фактически наследование производилось постоянно, потому что ханская власть в Малой Орде все время сохранялась в поколении Абулхаира, которому в этом смысле царское правительство дало формальное обещание при принятии Малой Орды в русское подданство. В Средней же Орде Аблаю наследовал сын его, Вали.

Принудительное распределение казахов среди биев, султанов и прочих феодалов означало дальнейшее развитие барщинных и оброчных повинностей закабаляемых казахов. Прямых указаний, во сколько раз увеличивались эти повинности, источники русского происхождения не сохранили. Но показателем роста феодальной эксплоатации является тот бесспорный факт, что хозяйство казахов воспроизводится в указанный период на суженой основе. Но здесь необходимо учесть два обстоятельства: характерной чертой усиления феодальных отношений является в начале XIX в. крайне развившаяся барымта. Наши документы бармту называют обычно грабежами: здесь сказалось непонимание этого института, обусловленного феодальной экономикой, и презрение царских колонизаторов к зависимому от них народу. Барымта, когда-то бывшая формой решения родовых споров, в XVIII и XIX вв. носила ярко выраженный характер феодальных войн, крайне разорявших не только неудачливых феодалов, но больше всего трудящихся казахов.

В документах как русских, так и казахских можно даже наблюдать тенденцию объяснить нищету казахов чрезмерно развившейся бармтой: «И ни от чего другого могли они ввергнуть себя в такое бедствие, как более от междуусобных раздоров, которые в прошедших годах между многими родами происходили, а в некоторых и ныне не устраняются».

Ту же точку зрения разделял и оренбургский военный губ-р Волконский, который в 1806 г. писал кн. А. Чар-

торижскому: «Ежели разделить Малую (Орду.— М. В.) на 2 ханства, тогда и по подстреканию султанов и по честолюбию ханов киргизцы, совершенно уже испортившись, обратятся один другого грабить, а от сего неминуемо может последовать как конечное раззорение самим, так и большая опасность границам здешним от их бедности». О том же писал в своем донесении ген.-прокурору А. Н. Самойлову из Сибири ген. Штрандман: «Сравнивая прежнее состояние киргизцев с нынешним, можно видеть ощутительную перемену в их скотоводстве, да и сами киргизцы признают, что оно теперь приведено в упадок по причине бесконечных между собою бармтов, на которые, как они сказывают, съезжаются иногда более 2—3 тысяч». Эти бармты действительно вели к гибели скота, к его массовому непроизводительному потреблению. Нападения обычно происходили по подстрекательству или под непосредственным руководством султанов, и кн. Г. С. Волконский писал в 1806 г. кн. А. Чарторижскому, что «простые киргизцы, вместо того чтоб сами солтанами удерживаться от беспорядков, оные сами поощряют к взаимным враждам и бармтам».

В своем объяснении (1804 г.) Волконский перечисляет имена султанов и биев, особенно выделявшихся своими нападениями на караваны и на линию.

Второе обстоятельство, которое надо обязательно учитывать,— это усиление колониальных насилий, о которых мы говорили в начале настоящей главы. Только массовый характер этих насилий заставил Азиатский комитет запретить посылку вооруженных отрядов в степь; впрочем, это запрещение оставалось на бумаге. «Посылки» продолжались и после 1814 г. Колониальные грабежи разоряли казахов, кочевавших вблизи линии. Однако и на юге внешние условия жизни казахов были таковы, что усиливали разорение казахов-алимулинцев, кочевавших в районе Сыр-дарьи.

Мы имеем в виду прежде всего значительное расширение владений Кокандского ханства при хане Омаре (умер в 1822 г., брат весьма влиятельного хана Алима), когда были захвачены «Ташкент, Туркестан и все течение Сыр-дарьи до Аральского моря. Начальниками этих крепостей взимались подати также с кочевого населения соседних степей — каракиргиз и киргиз-кайсаков»,— указывал В.В. Бартольд.

Но казахи разорялись со стороны Коканда не только

путем обложения их податями, но и прямым военным грабежом.

Захват земель к северу от Ташкента, Туркестана и окружающей степи был проведен Омаром в 1819 г., а в 1821 г. «Омар хан — писал В. Наливкин,— послал Сеид-Кул бека против Дашти-Кипчак для разграбления тамошних кочевников».

Далее нужно отметить явно выраженную агрессию Хивы в сторону казахских кочевий при энергичном хане Мухаммед-Рахиме. Три раза казахи подвергались страшному разгрому со стороны Мухаммед-Рахима в 1812, 1816 и 1820 гг.

Эти разгромы причинили казахам огромные потери скотом, имуществом и людьми. И здесь, в районе Сырдарьи, хивинцы стремились опереться на местных феодалов. К этому вопросу мы еще вернемся в IV главе, пока же отметим одну очень существенную деталь: источники говорят о наибольшем разорении казахов, кочевавших вблизи русской линии, значит, находившихся в ведении феодалов-приверженцев царского правительства; а в районе Сыр-дарьи, по словам бар. Мейендорфа, эта нищета наблюдалась в аулах Маненбая, ставленника и вассала Хивы.

Исключительно яркие картины нищеты казахов дает рапорт Троицкой таможни: «Киргиз-кайсаки Средней Орды разных родов, обитающие близ здешних границ, пришли в такую бедность, что многое множество в раздранных рубищах, почти нагие, шатаясь все вообще как мужской, равно и женский пол, с их детьми и родственниками в крепостях снискивают мирское подаяние в таком положении, что весьма, весьма обращают на себя соболезное внимание»[13].

То же самое наблюдалось среди казахов Малой Орды: «Крайнейшая бедность,— писал в 1805 г. директор Оренбургской таможни Величко,— постигшая за несколько перед сим лет многие киргизские села, даже иные их многолюдные роды, не только между ними не умаляется, но кажется из года в год усиливающейся». О том же говорит и гр. И. О. Потоцкий в письме мин-ру вн. дел В. П. Кочубею: «Сия бедность из чрезвычайна, и

[13] Это показание подтверждает и Г. Броневский: «Жители Сибири,— пишет он,— принуждены были брать детей от киргизцев; как случалось, приведя к дому изнемогающее дитя, убегали, оставляя спасение его великодушию россиян»». Броневский, цит. соч., Отечеств. записки, № 121, 1830, стр. 166. Данные относятся к 1811—1812 гг.

злощастие их умножается. Юрты или кибитки их, долженствовавшие бы состоять из хороших и плотных войлоков, покрыты лишь одними шерстяными лоскутьями, едва сваленными. Сами же киргизы ходят в отрепьях, и степные ветры, пронизывающие беспрестанно до нагих тел их, наносят им болезни, которые хотя и неопасны, но обыкновенно поражают целые семейства, которые в таком случае немедленно лишаются всей собственности своей». Это обнищание объясняется и ростом феодальных повинностей, и развитием феодальной междоусобицы, и усилением колониального гнета, т. е. в конечном счете углублением феодально-колониальной системы эксплоатации. Указания на суровую зиму и гололедицу 1796 г. не могут объяснить обнищание казахов конца XVIII в. Конечно, гибель скота в эту зиму нанесла огромный ущерб казахам, но не могла создать земельной тесноты. Лишь в условиях развивающихся феодальных отношений гибель скота облегчала биям и султанам захват общинных угодий и закабаление экономически ослабленных казахов-скотоводов. Территориально гололедица (жут) охватила южную часть кочевий Малой Орды, а обнищание с огромной силой чувствовалась и около линии. Кроме того, наибольшее обнищание падает на первые годы XIX в., лет через 5—6 после жута 1795—1796 гг. Любопытно отметить, что и современники не находили возможным при объяснении нищеты ссылаться на жут. Они видели эту причину в бармтах (см. выше).

Примечательно, что если наши источники говорят об усилении феодальных форм эксплоатации, то они ни словом не обмолвились о том, чтобы огромные массы разоренных казахов использовались путем найма богатыми казахами. Лишь русские жители нанимали бедных казахов для работ. «Пристроить» этих бездомных казахская знать стремилась, как мы видели, совсем иными, не капиталистическими, а чисто феодальными методами или совсем избавиться от них.

Большой интерес в этом отношении представляет следующее замечание Величко: «Через сие, будучи не столько по бедности своей жалости достойны, сколько по шалостям своим вредны, они самими киргизцами до того отвергаются, что я неоднократно от многих султанов и родоначальников имел случай слышать предложение, чтобы российское начальство переселило их в свои границы и тем бы путем положило конец их бедности, и бесполезности сих несчастных».

Мы видим, что в экономике казахского общества конца XVIII— начала XIX в. все говорит об усилении феодальных отношений.

Естественно, что углубление этой эксплоатации должно было сопровождаться обострением классовой борьбы. Правда, в первые годы после поражения Срыма этой борьбе трудно было принять характер широкой крестьянской войны. Классовая борьба имела характер отдельных, частных столкновений. Ее отголоски слышны в приведенном выше замечании Величко, отзвуки ее слышатся в донесении кн. Волконского от 1804 г. «Родоначальники сильнейшие, притесняющие и явно разоряющие слабейших, удальцы из простых киргизов, известные под именем батырей... и прочие, производящие с пристающими к ним киргизами явные насилия и грабительства, не только повинующиеся биям, султанам и самому хану яко законным начальникам сего народа, но наводящие самим даже им страх и часто разорение. От их своевольства многолюдные и богатые аулы пришли в крайнее ослабление, а некоторые и в совершенное уничтожение»[14]. Здесь перед нами не обычная картина феодальных грабежей и столкновений. В этом донесении в одно смешаны и моменты классовой борьбы, и моменты феодальных войн. Трудность определения действительной роли бармты в развитии классовой борьбы заключается между прочим в том, что русские официальные документы обозначают словом бармта и феодальные столкновения, и то, что по существу бармтой не являлось: классовую борьбу — возмущение закабаляемых казахов против феодалов[15].

---

[14] Кн. Волконский в этом месте своих объяснений несомненно несколько тенденциозен. Сторонник султанской группы, он здесь виновниками нападений выставляет феодальную знать, выросшую из среды «черной кости». Мы видели, что в другом месте своей записки он не мог скрыть действительности и подчеркнул инициативную роль в этих столкновениях султанов и близко к ним стоявших биев. Но эта борьба между феодальной знатью «белой и черной кости» неразрывно переплеталась с борьбой между различными группировками внутри самой султанской партии, как мы увидим в дальнейшем.

[15] Насколько плохо царское правительство разбиралось во внутренних отношениях Казахских Орд, показывает характерный факт: при составлении Устава о сибирских киргизах смешали толенгутов и кулов. Впоследствии это повело к ряду недоразумений и, чтобы распутаться в неясностях, созданных Уставом 1822 г., пришлось производить специальное обследование социальной природы толенгутов. См. Ф. Зобнин, цит. соч., стр. 37.

Все же классовый характер борьбы проглядывает и в других, кроме приведенных, документах; например в следующем замечании, отражающем страх баев перед бедными казахами: «Те киргизы, у которых скот прозимовал благополучно, опасаются, говоря, что между ими спокойствия уже быть не может, ибо лишившиеся своего киргизы будут делать великое воровство и безчинства»[16].

Отзвуки той же борьбы слышатся в донесении из Сибири ген. Глазенапа канцлеру Н. П. Румянцеву: «Владелец хан Валий и солтаны потеряли доверенность и уважение своего народа, сами просят защиты от наглостей и притеснений их».

Как бы глухо ни говорили о процессе классовой борьбы в Казахстане конца XVIII — начала XIX в. материалы, сохранившиеся в центральных архивах, все же можно выяснить условия этой борьбы, документально обосновать самый факт ее и характер на основании событий, сложившихся в результате этой борьбы.

Казахский аул XIX в. с его своеобразными способами эксплоатации, замаскированными формами родовой помощи, сложился в результате классовой борьбы в Казахстане. Привилегированное положение баев и старшин сложилось не эволюционным путем, не путем «перерастания» родовых отношений в феодальные, а в результате классовой борьбы.

Хозяйственный упадок в Малой Орде был настолько глубок, что с его последствиями, серьезно отразившимися на торговле с казахами, пришлось считаться царскому правительству. Мероприятия, намеченные им для смягчения этих последствий, были обусловлены общей закрепостительной политикой царизма.

Правительство предполагало переселить нуждающихся казахов в пределы России и разрешило покупать у обедневших казахов их детей в неволю, оговаривая это разрешение обычным положением: крепостное состояние сохраняется за купленным до 25-летнего возраста, по достижении которого казах получал свободу. Для расширения покупки детей была привлечена Сарептская община немцев-колонистов. Но купля-продажа детей русскими подданными, по-видимому, не привилась. Во

[16] Из донесения письмоводителя Г. Феткуллина оренбургскому военному губернатору С. К. Вятмитинову о разорении казахов вследствие жестокой зимы.

всяком случае, это бесспорно относительно Сарептской общины. Переселение отдельными семьями казахов Малой Орды в пределы России также не получило широкого распространения. По крайней мере, ассигнованные для этой цели 10 000 руб. остались неизрасходованными. Успешнее это переселение шло в Средней Орде, где, по данным ген. Глазенепа, число переселившихся в пределы России казахов заметно возрастало. Каково было положение переселившихся на «вечное подданство» в границы России, совершенно недвусмысленно говорят источники: переселившиеся казахи облагались ясаком, т. е. превращались в обычное для «инородцев» податное состояние. Интересно, что и здесь старшины стремились обеспечить себе привлегированное положение, оговаривая для себя свободу от платежа ясака.

Но внутри казахского общества намечались иные тенденции выхода из хозяйственного и политического упадка. Эти тенденции выразились в попытках государственного объединения казахов. Такой попыткой, выросшей из феодальных войн, явилась деятельность в Малой Орде султана Арын-Газы.

IV

Движение султана Арын-Газы выкристаллизовалось в процессе ожесточенных феодальных войн в Малой Орде. Центральным звеном этой борьбы в начале XIX в. была борьба султана Каратая против ханов Жанторе и Шир-Газы Айчувак-улы. Первый из них был убит Каратаем в 1809 г. Движение Каратая охватило широкий район, центром его являлось поколение Бай-улы, как и при Срыме. Но в движении Каратая мы не находим и тени тех освободительных тенденций, которые, несомненно, характеризовали движение батыра Срыма.

Каратай, сын хана Нур-Али, энергичный, смелый и предприимчивый феодал, снискавший себе большую популярность среди казахской феодальной знати преследованием батыра Срыма после убийства хана Ишима, последовательно и настойчиво стремился к званию хана. Но его кандидатура отводилась оренбургским военным губ-ром кн. Волконским: опасались, едва ли основательно, усиления освободительного движения в Малой Орде. Кандидатура Каратая, как слишком влиятельного султана, представлялась нежелательной. Действительно, Каратай сумел достигнуть значительной популярности в

Орде. Но эта популярность была, с одной стороны, обусловлена тем, что покровительство влиятельного султана в условиях ожесточенных феодальных столкновений являлось лучшей гарантией безопасности, а Каратай был таким феодалом, а с другой, известную роль здесь сыграла борьба Каратая с царскими вооруженными экспедициями, проникавшими в степь. Имело значение и то, что Каратай боролся тогда с теми представителями казахской аристократии, которые были особенно преданы царизму и связь которых с колонизаторами царской России была особенно явной: с ханом Жан-торе, который боялся показаться в степи и жался постоянно к линии, с Шир-Газы Айчувак-улы и с султаном Букеем. Впрочем, сведения о борьбе с Букеем вызывают сомнения в их верности. Однако движение Каратая никогда не выходило за рамки феодальных войн. Его вооруженные выступления против местной администрации, задержание в степи караванов — преследовали одну цель: сломить нежелание царских властей признать его, Каратая, ханом, и когда он приблизился к достижению своей цели, когда царское правительство при упразднении ханской власти в Малой Орде в 1823 г. назначило его султаном-правителем Западной части Орды, оно нашло в Каратае усердного и верного агента своей колониальной политики. Вот почему было бы ошибочным рассматривать движение Каратая в качестве освободительного движения в Малой Орде в начале XIX в., как это представлялось А. Рязанову, хотя и он должен был признать, что с субъективной стороны движение не выходило за рамки борьбы за ханскую власть: «С постоянной упрямой настойчивостью султан Каратай стремился к достижению ханской власти, пытаясь то льстивой внешней угодливостью, больше на словах, чем на деле, расположить в свою пользу начальника края, то вооруженными действиями и захватом торговых караванов вынудить его на путь уступок».

Движение Арын-Газы зародилось также в форме борьбы враждебных феодальных группировок, но это движение переросло рамки обычных феодальных войн и превратилось в попытку государственного объединения разрозненных «родов». Очагом, центром этого движения явились казахи поколения Алим-улы, кочевавшие в районе Сыр-дарьи и Куван-дарьи.

Арын-Газы не принадлежал к роду хана Абулхаира, которому правительство Анны Иоанновны в 1734 г. обе-

щало выбирать ханов лишь из его поколения. Он был правнук султана Батыра, стоявшего в враждебных отношениях к хану Абулхаиру, и внуком Каипа, враждебно относившегося к России. Этот Каип, бывший ханом в Хиве и изгнанный оттуда в 1756 г., был выбран ханом Малой Орды казахами поколения Алим-улы. Один из его сыновей, Абул-Газиз, также был избран ханом казахами рода Шекты. Ни Каип, ни Абул-Газиз не являлись подданными России. Откочевание части казахов в глубь степи при хане Айчуваке значительно усиливало Абул-Газиза. Но движение казахов, приверженных Абул-Газизу, в сторону каракалпаков, находившихся в вассальной зависимости от хивинского хана, породило глубокую вражду между группой султана Абул-Газиза и хивинским ханом Мухамед-Рахимом. Хива в этой борьбе держалась далеко не оборонительных позиций.

Казахи поколения Алим-улы не только подвергались военным разгромам, но со стороны Мухамед-Рахима были сделаны попытки поставить казахов, кочевавших к югу от Сыр-дарьи, в вассальную от себя зависимость. В этой борьбе Абул-Газиз, а после 1815 г. Арын-Газы искали поддержки в Бухаре, враждовавшей с Хивой. Трудно сказать на основании имеющегося материала, какую конкретную помощь эта группа получила от Бухары в своей борьбе против Хивы. Во всяком случае, эта помощь была очень недостаточной.

Активная деятельность Арын-Газы начинается с 1815 г., когда умер его отец. Бар. Мейендорф указывает, что в 1815 г. «Арын-Газы имел под начальством своим только малое число приверженцев отца своего, кои чуждались России, будучи от нее отдалены». В 1816 г., в результате нападения хивинцев, Арын-Газы начинает развивать кипучую деятельность, опираясь главным образом на казахов родов Шекты и Торткара. Эта деятельность развивалась в сторону прекращения внутренней бармты среди казахов. Подробное описание этой деятельности мы имеем в письме Арын-Газы и султана Шир-Газы Каип-улы, брата отца Арын-Газы. Деятельность Арын-Газы в этот период выходит за рамки Малой Орды. Он обращается к влиятельным султанам Средней Орды — Жуме, Хусуру — и к «благонадежным людям» родов Кипшак и Аргын, которые,— пишет Арын-Газы,— «все вообще приехав к нам, с нами повидались и повеления наши приняли за благо». Это чрезвычайно характерная черта деятельности Арын-Газы. Он стремился

добиться единства казахских родов путем укрепления связей с феодальными группировками Средней Орды, где еще сильно было влияние султанов линии Жадига. Потомки влиятельного султана Барака и хана Аблая принадлежали именно к этой линии, враждебной фамилии Абулхаира. Впрочем, эта вражда не всегда исключала проявление солидарности между представителями линий двух враждовавших феодальных групп. Характерен хотя бы протест хана Средней Орды Вали, сына Аблая, против задержания Нур-Али в Оренбурге.

Чтобы добиться единства между разрозненными «родами», Арын-Газы прежде всего делает попытки прекратить бармту. К тем, кто не хотел покориться, он применял смертную казнь. По словам бар. Мейендорфа, он произнес более 30 смертных приговоров, а по записке Ярцева — значительно больше[17]. Но замечательная черта в движении Арын-Газы не в том, что он с редкой энергией добивался прекращения внутренней бармты и нападений на караваны. Замечательно то, что он стремился закрепить единство «родов» рядом чрезвычайно крупных мероприятий. В области организации управления он сделал попытку уничтожить или, по крайней мере, ограничить власть старшин. Так, он пишет: «Теперь же кочующие здесь киргизцы и старшины не имеют никакой валсти и на прикладство их печатей, ибо власть и распоряжение предоставлены одному человеку». Не совсем ясное указание на изменение управления родами имеется также в следующем месте того же письма: «Киргиз-кайсацкий народ... из каждого рода по одному человеку сделали есаулами с производством им от народа жалования».

Положение есаулов, или ясаулов, при хане известно.

---

[17] Трудно определить, насколько широко ханами и султанами применялась смертная казнь как способ укрепления своего господства. Рычков в своей записке, составленной в 1774 г. по требованию гр. Панина, говорит о таких случаях как исключительных: «О Абулхаир хане, кой был отец нынешнему Нур-Али хану, сказывают, якобы он по усильству своему в народе виноватых людей иногда и вешал, подняв его веревкою на верблюжью шею» (ЛОИИ, собр. гр. Воронцовых, № 437, л. 12). Аналогичные указания находим у Ч. Валиханова: «Султаны значением своим в последнее время обязаны хану Аблаю, который несколько раз разбил народное ополчение... и тем самым уничтожил ограниченность власти, совершенно утвердился в Орде и первый деспотически властвовал и приобрел право смертной казни, которая прежде принадлежала приговору всего народа». (Соч. Ч. Ч. Валиханова, Спб., 1904, стр. 300).

Это были лица для официальных поручений. Так, Гродеков, говоря о различных категориях слуг у казахской знати, указывает, что существуют слуги для официальных поручений (ясаул).

Гродеков систематизировал в своей книге огромный материал по юридическому быту казахов, преимущественно второй половины XIX в., но есаулы казахскими феодалами использовались для официальных поручений и в XVIII в. Так, например, Срым назначил есаулов в каждый подвластный ему род в осведомительных целях: есаулы были обязаны доносить ему о настроениях казахов и действиях старшин». К сожалению, наши источники не указывают, какие функции выполняли есаулы при Арын-Газы. Известно лишь, что народ облагался для содержания их особой податью.

Характерно также, что Арын-Газы осуществлял суд не прежним «родовым» порядком, а через своих судей мулл — казы. «Он правосуден, чтобы привлечь к себе народ, но суд его не по закону предков, всем известному, а по закону мухамеданскому, никому неведомому,— чтобы соделать уставы его орудиями страстей своих. Муллы, ходжи, казы, его окружающие... произносят благоговеющим невеждам решения по воле повелевающего»[18]. Как судопроизводство, так и исполнение решений находились в явном противоречии с обычным правом казахов. «Власть солтана уподобляется совестного судии с тем разлчием, что присуждение последнего приводится в исполнение силою законов, а решение солтанское исполнить остается на воле ответчика»,— читаем мы в записке обычного права казахов, относящейся к 1817—1822 гг. Впрочем, исполнение решения зависело обычно от силы и влияния султана.

Арын-Газы последовательно применял также принудительное налоговое обложение, введенное еще в 1789 г. ханом Каипом. Он принудительно взимал зякет и десятину. «Первый есть одна часть с 40, и со ста — $2^1/_2$, както: с денег, товаров, скота и пр. Последняя есть десятая часть, собираемая со всего прозябаемого».

Все это дает право заключить, что по внутреннему политическому содержанию движение Арын-Газы было выражением тенденции к образованию государственного

---

[18] Из донесения переводчика МИДЯ О. Ярцева директору Азиатского департамента К. К. Родофиникину с характеристикой личности султана Арын-Газы от 24 ноября 1821 г.

объединения Малой и части Средней Орды,— объединения на феодальной основе: мы нигде не встречаем у Арын-Газы тенденции к изменению отношений феодальной зависимости. Его движение не было народным, как было в период расцвета движение Срыма. Оно тем более не несло освобождения казахскому народу прежде всего от гнета местных феодалов. Наоборот, классовый смысл попытки создания казахской государственности, предпринятой Арын-Газы, заключается в организации сил класса феодалов, в укреплении их политического и, следовательно, экономического господства. Мы не можем сказать, что Арын-Газы стремился к созданию независимого казахского государства. Остановимся на этой стороне движения Арын-Газы подробнее.

Влияние Арын-Газы на казахов не только Малой, но частью и Средней Орды за годы 1817—1819 в огромной степени возросло. О росте этого влияния можно судить по подписям под двумя прошениями старшин, биев и пр. об утверждении Арын-Газы ханом. Особенно интересно, что к заявлению 1819 г. присоединили свои подписи старшины и бии ряда отделений Жети-руу, которые были опорой ханов из фамилии Абулхаира и самого Шир-Газы. Число сторонников Арын-Газы впоследствии, после разгрома его аулов в начале 1820 г. хивинцами, а особенно после задержания Арын-Газы в России, значительно уменьшилось. Но в период 1816—1819 гг. влияние Арын-Газы в Малой Орде было очень значительно. Однако внешние условия, как упоминалось уже, для движения Арын-Газы были крайне неблагоприятны: недоверие царского правительства к фамилии султана Каипа ставило Арын-Газы в очень трудное положение. Арын-Газы решительно порывает со старыми традициями своего отца и деда и принимает русскую ориентацию. Он упорно добивается, чтобы царское правительство утвердило его ханом. Но эта ориентация глубоко отлична от ориентации последних ханов, превратившихся в простых проводников влияния царской администрации в степи, державшихся вооруженной охраной царских команд, а также отлична от ориентации его дяди, султана Шир-Газы Каип-улы, чиновника царской службы. Русская ориентация Арын-Газы сводилась лишь к признанию верховного протектората России над казахским государством, которое он упорно стремился создать.

Сознавая, что вооруженная борьба с царизмом не по силам казахам-феодалам, он стремился нейтрализовать

влияние царизма на внутреннюю борьбу в Орде путем признания его протектората и охраны торговых интересов в степи. В достижении этой цели он умело импонировал военному губ-ру Эссену, который выдвинул его в председатели Ханского совета. Это было крайне важно для свободы действий Арын-Газы в Орде. Сношения с Эссеном сыграли не последнюю роль в активном участии военного губернатора в ослаблении влияния в Орде хана Шир-Газы. Арын-Газы пошел на соглашение с ханом Шир-Газы, рассчитывая этим «утвердить во всей Меньшой Орде спокойствие и тишину». Любопытно, что активную роль в заключении этого соглашения играл ген.-майор Веселицкий, председатель Пограничной комиссии, особенно ненавистный хану Шир-Газы и активно поддерживавший Арын-Газы. Какие бы цели ни ставил Арын-Газы, заключая это соглашение, но оно до известной меры развязывало руки Арын-Газы для борьбы с Хивой и, возможно, расширяло его влияние на казахов, подвластных хану, и во всяком случае создавало у русских властей представление о «благонадежности» султана. В том же направлении должна была действовать забота Арын-Газы о караванах, идущих из Бухары в Россию и обратно. Но эта область деятельности Арын-Газы по охране торговых путей стала лишним источником недоверия царских властей к Арын-Газы. Вражда, возникшая у отца Арын-Газы с Хивой, продолжалась. Хивинский хан Мухаммед-Рахим, воспользовавшись ссорой Арын-Газы с его дядей Шир-Газы Каип-улы, склонял последнего на борьбу с усилением Арын-Газы. Но использовать султана Шир-Газы Каип-улы, когда-то правой руки Арын-Газы, не удалось,— Шир-Газы погиб вскоре в Хиве [19]. Тогда хивинский хан назначил ханом казахов его сына, Маненбая. Партия Маненбая внутри Орды была ничтожна. Глава Бухарской миссии 1820 г. А. Негри прямо писал про Маненбая, что, исключая тех киргизцев, которые принуждены делить с ним участь свою, все прочие его ненавидят и проклинают». Еще резче характеризует Маненбая бар. Мейендорф, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к Арын-Газы: «Партия его никогда не была сильна, не восходила более как до 1000 кибиток и состояла по большой части из бедных киргизцов, питавшихся рыбною ловлею в Сыр-дарье

[19] Генс в своих записках сообщает, что Шир-Газы был отравлен хивинским ханом.

или земледелием на сей реке, по Кувану и по Яны. К ним присоединилось несколько воров-разбойников, недовольных расправою Арын-Газы; из всего составилась слабая, но вредная разбойническими поступками толпа Маненбая».

Нет оснований считать Маненбая, ставленника Хивы, вождем «простого народа» и понимать его борьбу против Арын-Газы как выражение борьбы двух классов; это была борьба двух феодальных группировок, из которых группировка Маненбая являлась орудием хивинского хана. Она была сильна не сама по себе, не глубокими корнями в массе народа, а активной поддержкой Хивы. В начале 1820 г. хивинцы разграбили аулы Арын-Газы, увезти почти на 1 000 000 руб. имущества, пленили его ближайших родственников. Этот разгром ослабил позицию Арын-Газы на Сыр-дарье: «Многие из подвластных его обеднели и не могли более ни поддерживать его, ни содействовать его видам; многие говорили, что лучше покориться хивинскому хану и платить ему легкую дань, нежели, не давая ничего, потерять все, и располагали оставить Арын-Газы, который, по вредной, по их мнению, преданности России тщетно ожидал опоры». В этот трудный момент Арын-Газы сумел использовать свои связи с царскими пограничными властями. Он взялся провожать Бухарскую миссию во главе с А. Негри через степь, разгласил, что войска миссии даны ему в помощь, собрал преданных ему казахов и под прикрытием конвоя миссии разгромил аулы Маненбая. Брат Маненбая, Жакаш, был казнен Арын-Газы, сам Маненбай скрылся в Хиву. Этот инцидент поднял авторитет Арын-Газы среди казахов, но породил еще большее недоверие к нему со стороны царского правительства. Нападение на аулы Маненбая грозило самой миссии местью хивинцев и вызывало в Азиатском комитете опасения осложнений с Хивой, упадка торговли, тем более что, охраняя караваны, направляющиеся в Бухару, Арын-Газы предпринял ряд разгромов хивинских караванов. Все это укрепляло убеждение, что на Арын-Газы нельзя рассчитывать как на орудие царской политики, что «следствия... такого возвышения и усиления его в Орде не соответствуют временной пользе, им принесенной». Но тогда усиление Арын-Газы представлялось опасным. Отсюда и вытекало отношение царского правительства к усилению Арын-Газы в Орде. По представлению Азиатского комитета все попытки губ-ра Эс-

сена добиться утверждения Арын-Газы ханом и ссылки Шир-Газы в Уфу были отвергнуты. Основная цель, поставленная перед губернатором, заключалась теперь в усилении власти хана. Произошел невиданной случай в истории колониальной политики царизма: губернатору запретили сноситься с султанами иначе, как через хана, и предписывалось награждать кого бы то ни было из казахов тоже только по представлению хана. По настоянию Шир-Газы ген. Веселицкий был смещен с должности председателя Пограничной комиссии; султан же Арын-Газы был вызван в Петербург. Он поехал туда в надежде добиться утверждения себя ханом, но был задержан и сослан в Калугу. Там умер в 1833 г.

Так, еще в начале XIX в. проявилось стремление российского самодержавия к уничтожению среди казахов всякой государственности. Все попытки добиться возвращения Арын-Газы в степь окончились безрезультатно. Подавление движения Арын-Газы подводило итог определенному историческому периоду в жизни казахского народа, периоду, который можно было бы назвать периодом вассального, полунезависимого политического существования казахского народа. В начале 20-х годов XIX в. российское самодержавие приступило к ликвидации последних остатков политической независимости казахского народа. Эта ликвидация была проведена в Малой Орде в форме разделения Орды на три части и назначения в каждую часть особых чиновников из султанов со званием султанов-правителей.

Понять, почему именно в этой форме была проведена царизмом ликвидация остатков политической самостоятельности Малой Орды, и именно в начале 20-х годов, было бы невозможно без изучения упадка Малой Орды в конце XVIII — начале XIX в.

М. Вяткин

ОПИСЬ РОДОВ КИРГИЗ-КАЙСАЦКОГО НАРОДА

Из «Материалов о движении батыра Срыма» и «Реформа» ген.-губернатора Симбирского и Уфимского наместничества бар. О. А. Игельстрома» (1785—1797 гг.)

Из документа № 5:

II. 1785 г. не позднее июля 27.— Опись родов Малой Орды.

Опись киргиз-кайсацкого народа Меньшей Орды, подданной России, сколько родов и какие им званий, и которые роды сильны и посредственны и малосильны, и кто ими управляет.

Сильной род Алчин, которой разделяется надвое, т. е. Каракисяк и Байулы. Каракисяк всех сильняе, ищисляется под сим названием 6 родов. Сии 4 рода управляет Нурали хан: Чекли, Каракисяк, Каракетя, Карасакал. Под представлением подписавшихся старшин роды означены под сим знаком. Сии 2 рода управляет Эрали солтан: Чумекей, Дюрткара.

Бай-улы против Каракисяк посредственный, а ищисляется 12 родов, а именно: сии 12 родов находятся под управлением Нурали хана: Адай, Джабасс, Алача, Байбакты, Берч, Маскар, Тазлар, Исянтемир, Алтин, Шихлар, Черкес, Тана.

Джети, т. е. 7 родов, самые безсильные роды: в сих родах владелец Айчувак солтан: Табын, Тама, Кердары, Кереит, Джагалбайлы, Тляу, Рамадан.

Итого по управлении родов: ханском 16. Эрали солтана — 2, Айчувак солтана — 7, а всех 25 родов. Из оных под представлением подписались 20, а не подписавшихся осталось 5 родов.

Бар. Игельстром.

Из документа № 25:

1787 г. октября 23.— Указ Оренбургской экспедиции пограничных дел об утверждении батыра Срыма главным старшиной поколения Бай-улы.

По указу ея величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийския и

прочая, и прочая, и прочая, дан сей ея и. в. указ от учрежденной в Оренбурге Экспедиции пограничных дел Киргискайсацкой Меньшей Орды Байулинского рода старшине Сырым батырю Датову в том, что он, Сырым батырь, во уважении добраго поведения, верноподданства и усердия к высочайшему престолу ея и. в. и признанных в нем способностей, со общаго Киргизской Меньшей Орды старшин и народа согласия выбран в упомянутой байулинской род главным старшиною и с ним обще таковой же старшина Каратау бей Умерзаков. И так на основании высочайшаго имяннаго ея и.в. повеления, ген.-порутчику, правящему должность уфимского и сибирскаго ген.-губ-ра и разных орденов кавалеру бар. Игельстрому 3-й день июня 1786 г. даннаго, он, Сырым батырь Датов, от упомянутой Экспедиции пограничных дел в сим звании и достоинстве утверждается и дается ему власть управлять киргискайсаками Байулинского рода; при чем той Меньшей Орды султаны, старшины и народ должны ево, Сырым батыря, в сем достоинстве признавать, почитать, а киргисцы и повиноваться.

При случае ж приезда ево в здешния крепости и другия селения всякага чина и звания людем показывать ему, Сырым батырю, всякия благоприятствии, ласку и дружеское обхождение; напротиву чего и он, Сырым, одолжается по верноподданической ево должности прилагать всемерное старание все то, что высочайшим интересам ея и. в. касаться может, исполнять по крайней его силе и возможности, не щедя жизни, в чем он торжественно над Олкараном и клятвенное обещание учинил, которое ежели он всегда сохранять будет свято, может надеяться от стороны ея и. в. вящщей милости и награждения. А в чем служба ево состоит и что он в роде своем и онаго в поколениях наблюдать и исполнять должен, о том сочинено и дается ему наставление. В воздаяние ж трудов ево определяется ему, Сырым батырю, ея и. в. денежнего жалованья в год по 100 руб. да хлеба по 3 четверти, что и может он по заслужении из казны ея величества получать в Оренбурге от Экспедиции.

Октября 23 дня 1787 г.

Подлинной подписали: *Ген.-порутчик бар. Игельстром. Ген.-майор Яков Зенбулатов.*

Коллежской советник *Петр Чучалов.*

Из документа № 26:

II. 1787 г. не позднее ноября 9.— Список утвержденных главных старшин.

Список выбранным и определенным в киргиз-кайсацкой Меньшей Орде в 3-х главных ея родах, Алимулинском, Байулинском и Семиродском, главным старшинам.

В Алимулинском роде: 1. Сарымбай бей. 2. Каракубяк бей Кушайбиев. 3. Муратбек Айбашев.

В Байулинском роде: 4. Сырым батырь Датов. 5. Каратау бей Гумерзаков.

В Семиродском роде: 6. Тлянчи батырь Буканбаев. 7. Джанбулат батырь Карабанов.

Оным каждому в год жалованья деньгами по 100 руб., хлеба по 3 четверти.

Ген.-порутчик бар. Игельстром.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1803 г. ...— Записка о численности, местах кочевок и торговле отдельных родов Большой, Средней и Малой Орд, составленная старшиною Кобек-Шукур-Али улы и казанским татарином Галием Шахмуратовым по поручению оренбургского военного губ-ра кн. Г. С. Волконского.

О киргиз-кайсаках, разделяемых обыкновенно на Большую, Среднюю и Меньшую Орды.

БОЛЬШОЙ ОРДЫ

Торгуют при границах Китая и в городах Кукан и Кашкар: 1. Дулатовского роду, в 4-х отделениях до 40 000 семейств. Управляет Адиль султан, под именем хана, с особыми старшинами. Всегдашние кочевья их к китайской границе при гор. Кулжа, в Зюнгарии, а некоторые к городам Кашкар и Кукан, переменяя места около рек Талаша, Ангерен, Чурчик и при горе Чингис-Чаган.

Торгуют в Бухарии и Ташкении: 2. Сергамского роду, в 5-ти отделениях до 20 000 семей. Управляет султан Ирали Букеев со старшинами. Кочует летом от Туркестана к Ак-Мечети, при вершинах рек Сыр и Кувана и при озере Алакуль Аунамаз, зимою при реках Сарасуль и Караче.

Торгуют там же: 3. Сара Усюн Джалагирского роду, в 2-х отделениях до 7 000 семей. Управляет старшина Сары батырь с товарищи. Кочуют смежно с последними.

Щитаясь подданными Ташкента, там и торгуют: 4. Канлы Чанклынского роду, в 2-х отделениях до 3 000 семей. Управляет Аджимаметь батырь. Кочевья их при Сыр-дарьи к Ташкенту.

В 13-ти отделениях Большия Орды до 70 000 семей.

СРЕДНИЯ ОРДЫ

Торг производят в Усть-Каменогорской, Семиполатной и в китайских границах: 1. Найманского роду, в 6-ти отделениях до 35 000 семей. Всегдашние кочевья к китайской границе против крепости Кужан-Кайнак, по р. Иртышу и в горах Таргабатань. Управляет солтан Кан-Баба, пожалованный от китайского двора чином Ван и с жалованьем.

Упражняются в извозе караванов от Петропавловской в Кашкарию, Ташкению и Бухарию, туда ж и торгуют, редко пригоняют скот в Петропавловскую крепость.

2. Главный Аргинский род, в 5-ти отделениях до 3 000 семей. Кочевья их зимою в горах Баян-Авла, Кызильтав, Далба, Укита-казлык, Чингиз Чиган, в вершинах р. Тургай, при горах Улытав. Летом при горе Ирейман и при речках Нура и Жидису. Управляет Тилянча бий, Чун бий и Байдали бий; над всеми ж султаны: Букей и Бупа.

Торг производят в Бухарию и Ташкению: 3. Тарактинского роду, в 2-х отделениях до 4 000 семей. Управляет Бакгузы батырь с товарищами. Кочевья летния в вершинах р. Иселя, по речке Сарысу. Зимою в песках Ичь Кунгур и по речке Чу.

Торгуют в Ташкении: 4. Найман Кунградскаго роду, в 12-ти отделениях до 15 000 семей. Управляют: Кулян бий, Талкан батыр, Джамбай бий и султан Айчувак Ишимов. Кочевья летом при реках Чажагай, Куксу, Каратал, при горе Актувар-тав, к зиме удаляются к Туркестану и Ташкении.

Променивают скот в Семиполатной: 5. Аргинского роду, в 2-х отделениях до 9 000 семей. Управляет бей Байкул и Караменда. Кочевья летом и зимою по р. Иртышу.

Торгуют в Семиполатной, Ямышевской и других крепостях: 6. Семирод Исак Кирейцы, в 3-х отделениях до 8 000 семей. Кочевья летние по р. Исель и около озера

Жайлыма. Зимою около р. Иртыша. Управляют бии Дусумбек, Умур и Баямбат.

Променивают скот в Петропавловской, Омской и других крепостях: 7. Аргинцы, в 2-х отделениях до 11 000 семей. Управляют: Средния Орды хан Вали Аблаев и старшины Кулбек, Байжигит, Акан-бий и Чавпкиль батырь. Летния и зимния кочевья по рекам Ишиму и Исиля, в горах Кукчатав и Мукчатав и в урочищ Учкундак, Учь Булрык и Кылчакты.

Там же торгуют: 8. Аргинцы Канджагальского отделения, до 2 000 семей. Пправляет султан Каип ханов. Кочуют при речках, впадающих в Ишим, и при урочищах Бикчентей.

Там же торгуют: 9. Кипчатского рода, в одном отделении до 1 000 семей. Управляет старшина Тюлаган батырь. Кочуют около речек Исиль, Убаган и урочищь Ясиль, Багар.

Променивают скот в Троицкой крепости: 10. Кирейскаго рода, в 2-х отделениях до 1 000 семей. Кочуют в летнее время по рекам Ую и Тогузаку. Зимою при линии от Верхоуральска до Степной крепости и противу сих крепостей на стене. Управляются старшинами Тунгача и Бикбулатом Бикбововым.

Там же торгуют: 11. Кипчатского рода, в 4-х отделениях до 2000 семей. Кочуют в летнее время по рекам Тоболу. Аяте и ея русла. Зимою от Степной крепости, проходя Троицк до Усть-Уйской крепости, и по р. Ую к р. Тоболу, и в степе противв сих крепостей. Управляют старшины: Маметек и Ишмурат.

Меняют у Троицка: 12. Танабуга-Кипчатского рода, в 6-ти отделениях до 2000 семей. Кочевья летния и зимния там же. Управляют старшины Чилпан и Тюляган.

Там же торгуют: 13. Кунделян Кипчатского рода, в 4-х отделениях до 2 000 семей. Кочуют там же. Старшины их: Таштемир и Кунакбай; султаны: Джегангир и Баба Каипхановы.

Меняют в Троицке и частию по линии до Пресногорковской крепости: 14. Кирейскаго рода, в 4-х отделениях до 4 000 семей. Летом кочуют по восточьной стороне р. Ишим. Зимою противу крепостей Зверноголовской и Пресногорковской и в степе по р. Убаган. Старшины их: Балык бай и Даип и солтан Истяк Руистамов.

Меняют в Троицке: 15. Чаржитимского рода, в 12-ти отделениях до 8 000 семей. Кочевья их летом по рекам Тургаю, Тоболу и впадающим в них речкам со степной

стороны. Зимою по р. Убагану, при урочище Куюк Купа. Управляют Барак батырь, Саксенбай, Айтуварь, Байтан, титулярный советник, и Уджан Бараков, главной же над всеми султан Джума Худаймиидин[а]).

Меняют в Троицке зимою и в Звериоголовской крепости: 16. Чакчакскаго рода аргинцы, в 5-ти отделениях до 6 000 семей. Кочевья их летом повыше Тобола при речке Аит. Зимою в степе ж, в Тургаях, речки Сары Бутани, до соединения оной с р. Укмаяком и по урочищу Соринской Купе в камышах да при устье Улкмаяка при озерах, называемых Кизиль куль и Куржун Тюбакуль, при озере Бишкупе в песках Тусуне. Управляют Муса батырь, Менлибай батырь и Чарапас, а над ними тот же султан Джума.

Торгуют в Троицке: 17. Туры Айгыр Кипчатскаго роду, в 4-х отделениях до 3 500 семей. Летния их кочевья к линии в урочищах Аман-карагае и Белибей около соляных озер. Зимою при реках Чикияке и Тургае до средины Черных песков. Старшины Исерап бей, Казыбай бей и Киикбай батырь, а над всеми султан Усянь Каипов.

В Троицкой крепости торгуют: 18. Узунь Кипчатскаго рода, в 6-ти отделениях до 2 000 семей. Летния их кочевья по рекам Тургаю, Муюнле, при вершине р. Убагана, урочищ Едись и Тирякли. Зимния от вершин речки Сары-бутака и р. Тургаю, с восточьной стороны до речки Каиндатше. Их старшины Мангдай батырь и Дербиш.

Променивают более скот в Бухарию, а иногда в Троицке, так же участвуют в извозе от Троицка в Бухарию караванов: 19. Баганали-Найманского роду, в одном отделении до 900 семей. Кочевья летния при вершинах р. Ишима, зимою около р. Тургая, Белаго озера, устье речки Еланчака и озера Аккулю. Управляются старшиною Байназар бием.

Променивают скот в Бухарии и редко приходят в Троицк; дают пособие проходящим через их аулы караванам: 20. Баганали-Найманского рода, в 12-ти отделениях до 6 000 семей. Летния кочевья при вершинах рек Тургая, Ишима, в горах Улытау, Кичитау и урочищ Мурун Тарагай, Сандук-Кискан. Зимою от Черных песков по течению речки Караузяк к Сыр-дарье, около клад-

а) *На приложенном отдельном листе:* Джума Худай Мендин, как сказывают, есть не тот Худай-Мендин, от коего прислан сюда депутатом сын его, султан Габай дулла, и которой управляет Алтыбай-Буронайманскою вол.

бищь Карабадал Кармакчи, в урочищах Аксавел к Куван и до развилины Сыр-дарьи. Старшины Трух Мен бай бий и Тулак батырь, под управлением султана Токтамыш Батырь ханова.

Всегда меняют в Бухарии: 21. Наймакскаго рода, в 4-х отделениях до 4 000 семей. Управляют дети Утямыш батыря. 22. Аргынцы Тубуклинскаго рода, в 2-х отделениях до 2 000 семей. Старшины Маман бий и Джанбай бий, под управлением султана Кысраву Батырь ханова. Зимния и летния кочевья последних 2-х родов в тех же местах с некоторою переменою по временам. Во 100 отделениях Средния Орды до 159 400 семей.

МЕНЬШИЯ ОРДЫ

Торгуют в Бухарию и Ташкенню: 1. Отделившиеся от сей Орды к Средней, от разных отделений до 6 000 семей. Управляют Бутбай бий, Сасик бий и Бадряш батырь. Кочуют по речке Чу, в песках Ареметей, в вершинах Иселя, по речке Сарысу и Сары Кингиру.

Меняют в Бухарии: 2. Чумичли-Табынскаго рода, в одном отделении до 1 100 семей. Кочуют всегда смежно с последними отделениями Средней Орды. Управляет старшина Куянча Тагай.

Меняют в Бухарии: 3. Бурючи Алачинскаго рода, в 2-х отделениях до 1 200 семей. Летния кочевья с западной стороны Черных песков, в урочищах Учь-Кизиль, Ибель Тебезе. Зимуют по Сыр-дарье, в урочищах Айгыр Суккан и по Куван-дарье, Касабан Мунчуклы. Старшины их: Кулжан батырь и Уразбай бий.

Меняют в Троицке из сего рода 3 братья: Кубек, Аксакал и Байсакал; всегда препровождают и защищают от Троицка и Орской крепости до Бухарии и оттоль караваны; и наиусерднее Кубек, титулярный советник. 4. Байулы Япбаскаго рода, в 6-ти отделениях до 7 200 семей. Старшины: титулярный советник Кубек, Нурбай бий, Аксакал и Байсакал Тлякины, при них султан Сент-Галий Нуралиев с 8-ю братьями.

Торгуют там же и участвуют в извозе караванов: 5. От семиродцев Табынскаго рода в одном отделении до 300 семей. Управляются Аккузя батырем. Кочевья обеих сих родов летом к северной стороне Сыр и Куван-дарьи, у Черных песков, речек Тургай и Тоболь, при урочищах

Учь Аяте и в местах противу гор. Троицка. Зимою по Сырдарье, в урочищах Куркут Куват, с полуденной стороны р. Куван, Тайкитканы, Сабыр-Юль, при Новой дарье, урочищах Баян-Каки и Яна Каки.

Торгуют в Троицке и частию в Бухарии: 6. Байулы Алтынскаго рода в 4-х отделениях по 5 000 семей. Управлются старшинами: Барка батырем и Туган бием.

7. Байулы Тазларскаго рода, в 2-х отделениях до 800 семей. Управляют Аксарт султан и старшина Ирмяк мурза.

Торгуют в Троицке и частью в Бухарии: 8. От семиродцев Телавскаго рода, в 4-х отделениях до 2 800 семей. Управляют бии Байтюра и Ирысбай. Последних 3-х родов кочевья: летния с северной стороны р. Тургая, по речке Караская и вокруг озера Уркачь Кандикликуль. Зимния с полуденной стороны Сыр-дарьи, от урочища Туширлика по Куване, у перевоза Кияу-Кичуви и по Новой дарье до Тургушкана.

Торгуют в Бухарии, участвуют и в препровождении караванов: 9. От семиродцев Киряитскаго рода, в 12-ти отделениях до 4 000 семей. Кочевья летом с северной стороны Черных песков, Бобилтибизу, проходя р. Иргиз до горы Карачатау. Зимою с полуденной стороны Сырдарьи, в урочищах Тушарлука, Казиль Чалыбаши, Актюбе до Новой дарьи. Управляют бии Манак и Кушкулак.

Торгуют в Бухарии и участвуют в грабеже караванов: 10. Алимулы Карасакальскаго рода, в 4-х отделениях до 1 700 семей. Летния кочевья в Черных песках, при урочищах Тугушкане, Куржук и Тюбяке, до речки Алды-Каракае. Зимою по Сырдарье от места Кимясалгана и по Куван от урочища Сулкулдук до Новой дарьи, и при урочище Чулбар Тупе. Управляют Суюндук бий и Айтувар бий.

Меняют в Бухарии и участвуют в грабеже караванов: 11. Каракитинскаго рода в 3-х отделениях до 2 500 семей. Кочевья летом в Черных песках, урочищ Бильтебеве, Июване Тюбе и по р. Иргизу, при Бугуль Такеле. Зимою по Сыр-дарье, от места Кукубтли по Куван-дарье, в урочищах Мин Батман, не доходя Новой дарьи. Управляют и Кунгурбаш бий, и Кунурбаш бий.

Торгуют в Бухарии, грабят караваны: 12. Чумекей Джилдерскаго рода, в 4-х отделениях до 6 000 семей. Старшины Китябай бий, Куран батырь, Айтеляш бий и Ярмаметь бий.

Более виновны по грабежам караванов, торгуют в Бухарии: 13. Чумекей Каратамырскаго рода, в 4-х отделениях до 3 500 семей. Старшины Аитим бий и Мурзагул бий.

Грабят караваны, торгуют в Бухарии: 14. Чумекей-Тукинскаго рода, в 2-х отделениях до 2 500 семей. Старшина Самет батырь.

Торгуют в Бухарии, караваны грабят: 15. Чумекей Куитовского рода, в 4-х отделениях до 2 500 семей. Старшины Сийдали бий и Ирак бий.

Торгуют в Бухарии, тоже грабители: 16. Чумекей Кунякскаго рода, в 4-х отделениях до 4 000 семей. Сии 5 родов кочуют летом, проидя Черные пески и урочища Тугушкана, по р. Иргизе до горы Карачатау, к речке Бак-Шайше. Зимою по Сыр-дарье в местах Таш-Кичу, Биш Араке, Биш Арак Байгузе, по Куван-дарье, по урочищам Аутумбете, Аджир Кулые и по Новой дарье, по ту сторону Карасакала. Над всеми сими родами начальствует Буликей султан Ирали ханов.

Главные грабители караванов, торгуют более в Хиву и частию в Бухарию: 17. Алим улы Дюртькаринскаго рода, в 12-ти отделениях до 11 000 семей. Летния кочевья за Черными песками, в местах Калмасе, подле Тюгуш-Кана, при озерах Кулакачи Барбы, Кайракли, Таллукли и по р. Иргизу, до речки Исна и к кладбищу Бакшайше. Зимою по Сыр-дарье, в урочищах Майлы-баш, Кинтюб, к Хиве, по Куван-дарье, у перевоза Табынь Уткаль, Акуйганал и по Новой дарье у крепостцы Нуртае, построенной при кладбище Сарлы-там. Управляет Каракубек бий, Баши Кара бий, Кара Алтай, Сары Алтай, Яныш бий, Тикмиюз, Алтай бий и зять Кара-Кубека, майор Сир Гази султан.

Выключая Чунай и Мусульман биев, которые особо кочуют и торгуют в Оренбурге, протчие главные ж грабители караванов, ограбившие и г. Гавердовскаго, торгуют в Хиве и Бухарии: 18. Чиклинскаго рода, в 4-х отделениях до 15 000 семей. Старшины: Янназар, Янузак, Ходжа берган, Чун гай бий, Мусульман бий и назвавший себя ханом Аблязи султан.

Грабят караваны, торгуют в Бухарии и Хиве: 19. Алимулы Каракисятскаго рода, в 4-х отделениях до 3 500 семей. Старшины Айдарбег и Тукман.

Торгуют в Хиве, частью и в Оренбурге: 20. От чумекейцов Аккитинскаго рода, в 2-х отделениях до 2 000 семей. Управляет старшина Тукбай бий. 21. От чумекейцов

Уджирайского рода, в 5-ти отделениях до 1 500 семей. Управляют старшины: Буркубей, Исен бий и Кундров султан. Кочевья сих 4-х родов летом у Каспийскаго моря при урочищах Кук Думбан, Киличькиры, Бурсуках, по рекам: Ембе, Темире, Сагисе, Уиле, Хобде, до самых берегов р. Урала. Зимою некоторые по Сыр-дарье, в урочищах Каратубе, Джингана, около устья Куван-дарьи, по берегам Аральскаго озера в камышах, Черных песках, Барсуках, по Ембе, около Каспийскаго моря, а также и по другим речкам.

Частью летом торгуют в Оренбурге, а более зимою в Хиве: 22. От семиродцев Чумишли Табынскаго рода, в 9-ти отделениях до 4 000 семей. Летняя легкая их перекочовка со скотом от урочища Чинга до Ембы. Зимою с западной стороны Аральскаго озера к восточному берегу Каспийскаго моря, в урочищах Куль-Мавур, Шам-Мтай, в песках при горе Чинг и при кладбище Чурукущи. Управляет Барак батырь и старшина Джианчур.

Торгуют по Уральской линии и в Хиве: 23. Главный баюлинцов род Адайский, в 12-ти отделениях до 10 000 семей. При них находится трухменский Пир Али хан, и управляют старшина Губер батырь, Курмантай бий и Исян мурза.

Летом торгуют в Оренбурге, а зимою по Уральской линии: 24. Черкескаго рода, в 8-ми отделениях до 8 000 семей. Старшины Байчеркас, Кушут, Бекмаметь, Икара султан.

Там же торгуют: 25. От баюлинцев Бериескаго рода, в 7-ми отделениях до 5 000 семей. Старшины: Исян бий, Сатакай, Джабал и Бигали султан.

Там же таргуют: 26. Танинскаго рода, в 6-ти отделениях до 5 000 семей. Старшины: Базарбай, Агберда и Исянгилды бий.

Там же торгуют: 27. Байбактинскаго рода, в 8-ми отделениях до 6 000 семей. Старшины: Абель мурза, Ирсали батырь и Баргана батырь.

Торгуют там же: 28. Алачинскаго рода, в 7-ми отделениях до 5 600 семей. Старшины: Муса, Алдыяр и Кзали султан.

Там же торгуют: 29. Сыкларскаго рода, в 6-ти отделениях до 5 000 семей. Старшины: Султанбек и Исянгали, Ичурман султан.

Там же торгуют: 30. Маскарскаго рода, в 5-ти отделениях до 3 000 семей. Старшины: Кужак, Сегизбай, Азибай и Аблай султан.

Провожают караваны хивинцов и конратцов, торгуют в Хиве и частью в Оренбурге: 31. Тазларскаго рода, в 6-ти отделениях до 3 000 семей. Старшины: Сегизбай и Буркан. 32. Кызылкуртскаго рода, в 5-ти отделениях до 3 000 семей. Старшины: Айтуган и Уразали.

Летом частью торгуют в Оренбурге, более ж, и особенно зимою, по Уральской линии: 33. Исентемирскаго рода, в 4-х отделениях до 3 000 семей. Старшина Мимбай батырь. 34. От байулинцов Япбаскаго рода, в 2-х отделениях до 1 000 семей. Ппправляет старшина Бабас.

Из 20-ти сих отделений относятся некоторые к разбирательству султана Каратая, а более Айчувак хана. Кочевья их летом между рек Урала и Embы, при речках Кулдугайты, Булдурты, Уджан Ката, Жусалы, Чунгурлау, Акаты, Чункаты до Хобды. Зимою к Каспийскому морю у Мингишлака, урочища Айраклы, при устьях Эмбы, Урала, у заливов противу крепостей Гурьева, Сорочиковой и вверх по Уральской линии.

Торгуют в Оренбурге, а зимою по линии и в крепостях: 35. Уваксkаго рода, в 8-ми отделениях до 2 500 семей. Старшины: Кинжали, Сапак и Истяхбай. Летом вместе почти находятся с оными родами. Зимою по рекам: Уилу и Кинилу, около камышей. 36. От семиродцев Джамангарей, Елкичи Табыйскага рода, в 11-ти отделениях до 6 500 семей. Управляет Айчувак хан и старшины: Сагыр батырь, Кучукбай, Джанабек и Илекбай.

Там же торгуют: 37. Кердаринскаго рода, в 5-ти отделениях до 3 500 семей. Старшины: Чапак, Ибитик мурза и Урман султан.

Торгуют в Оренбурге: 38. Таминскаго рода, в 6-ти отделениях до 2 000 семей. Султан Сир Гази Айчуваков и старшины: Сагыр, Улан и Тюкубай батыри. Оные 4 рода кочуют: летом противу Уральской линии, по речкам: Канлызу, Дарятли, Донгузу, Хобды и к Илеку. Зимою, ниже 100 вер. Уральска, вверх по Уралу к Оренбургу до Красногорской крепости и по р. Илеку в вершинах, а некоторые пропущаются и на здешнюю сторону Урала.

Торгуют в Оренбурге и по линии до Орской крепости: 39. От чумекейцов Каракгинского рода, в 3-х отделениях до 2 200 семей. Управляет султан Турдали Дусалиев и старшина Буздак. Летния кочевья при вершинах речки Илека, в урочищах Майдан, Талга, до вершин речки Ори. Зимою от Красногорской, вверх по Уралу до

Верхнеозерной крепости и по Илеку речке, в урочища Баштамаках.

Торгуют в Оренбурге летом, а зимою по линии до Верхоуральска: 40. От семиродцев Джагалбайлинскаго рода, в 12-ти отделениях до 7 000 семей. Кочевья их летом по р. Кумаке, в горах Карачатау и по р. Тоболу. Зимою от Верхнеозерной крепости вверх по Уралу до Верхоуральска. Управляют: султан Сир Гази Алавшиев, старшины: Калубай, Кутурбаш, Бекет, Алчумбай, Бурамбай и Асау.

Торгуют с прочими киргизами в Оренбурге, рамадановцами называются по прежнему их старшине Рамадан: 41. От семиродцев Рамадановскаго рода в 2-х отделениях до 300 семей. Летния и зимния кочевья их между прочими киргизами.

7-ью последними родами сверх старшин заведывает Джантюря султан, сын Айчувак хана.

В 217 отделениях Меньшой Орды до 165 700 семейств, а во всех 3-х Ордах до 395 100 семей.

Число людей в 3-х Ордах полагается, по их многоженству, по крайней мере по 3 души мужеска пола на всякую семью, что и составит с семействами их старшин до 1 200 000 киргизкайсаков... *Далее следует описание обычаев и нравов казахов.*

...Надворный советник Павел Величко.

Марта 20, 1805. Оренбург.

ОТ ПЕТЕРБУРГА ДО СЕМИПАЛАТИНСКА

Из «Путешествий в Тянь-Шань в 1856—1857 годах» П. П. Семенова-Тяншанского». Мемуары, т. I, II.

ОГИЗ, Государственное издательство географической литературы, Москва, 1946 г.

<...> Гасфорт принадлежал к числу просвещеннейших офицеров русской армии, имел вполне научное военное образование, большую опытность и несомненные способности в военном деле, личную храбрость и безукоризненную честность. Административных способностей, к сожалению, Гасфорт не имел, но зато не был бюрократом и рутинером, а наоборот, проявлял личную инициативу, в особенности в делах, в которых считал себя сколько-нибудь компетентным.

Положение сибирских генерал-губернаторов в половине XIX столетия было, впрочем, не легкое, и для того, чтобы сделать что-нибудь действительно полезное для края, нужно было иметь или государственный ум Сперанского, или непреклонную волю Муравьева-Амурского.

Положение генерал-губернатора Западной Сибири было не легче, чем положение генерал-губернатора Восточной. В его ведении находились в пределах Сибири две громадные губернии — Тобольская и Томская — и замыкающие их с юга военной пограничной линией степные области: сибирских киргизов и Семипалатинская. На Тобольскую губернию генерал Гасфорт не имел почти никакого влияния. Она управлялась в обыкновенном административном порядке из губернского города умным и опытным губернатором Виктором Антоновичем Арцимовичем. Томская губерния едва ли не в большей мере была изъята из фактического ведения генерала Гасфорта. Центр ее тяжести находился в Алтайском горном округе, горный начальник которого жил в Барнауле и в отношении всего хозяйства округа был подчинен непосредственно Кабинету и Министерству двора и уделов, только до некоторой степени находясь под надзором томского губернатора, который всегда назначался

из горных инженеров, так что в Томской губернии, в непосредственном ведении генерал-губернатора, как командующего войсками всей Сибири, находились только малочисленные войска, расположенные в этой губернии.

В непосредственном же распоряжении генерал-губернатора находились две степные области: сибирских киргизов и Семипалатинская с их в то время почти исключительно киргизским населением. В качестве же командующего войсками всей Сибири ему подчинялись войска Сибирского корпуса, а в качестве атамана сибирского казачьего войска — вся широкая полоса казачьих земель от границы Оренбургской губернии через Петропавловск, вдоль всей иртышской линии до озера Зайсана.

Эта территория соответствовала образованному впоследствии Степному генерал-губернаторству до выделения из него и присоединения к Туркестанскому Семиреченской области.

<...> Уже с первого года своего назначения, убедившись в своем бессилии провести какие бы то ни было реформы в деле управления русским населением Западной Сибири, Гасфорт обратил все свое внимание на подведомственные ему киргизские области. Но в области сибирских киргизов, населенной исключительно киргизами Средней орды, его крайне стесняло то, что орда эта была поделена Западно-Сибирским и Оренбургским генерал-губернаторствами. К каким печальным результатам приводило хроническое несогласие и недоброжелательство, существовавшее в течение почти всего XIX века между двумя соседними генерал-губернаторами, в руках которых находились самые дорогие интересы России по отношению к сопредельным ей странам, доказывает нагляднее всего история постоянных восстаний в первой половине этого века киргизского султана Кенесары Касимова. Этот отважный Митридат киргизской степи в течение десятков лет успешно боролся с русским владычеством тем, что, когда его одолевали в области сибирских киргизов, он перекочевывал в пределы Оренбургского генерал-губернаторства, где не только получал амнистию, но и почетные награды по представлению генерал-губернатора. Затем, поссорившись с этим последним, он снова перекочевывал в пределы Западной Сибири, где встречаем был с почетом переменившимся за этот промежуток времени генерал-губернатором. Только в редких случаях, когда оба генерал-губернатора

ополчались против него, Кенесары укочевывал в пределы Кокандского ханства, под защиту хана, не более враждебного к обоим генерал-губернаторам, чем последние были между собою.

И не русским, а кокандским подданным каракиргизам, во время одной из таких перекочевок Кенесары в кокандские пределы, удалось его сокрушить, что случилось незадолго до назначения генерал-губернатором Гасфорта.

По прибытии Гасфорта во вверенный ему край первой его заботой было ознакомиться с бытом киргизского народа и стараться установить сколько-нибудь последовательную и постоянную политику, которой русские власти должны были бы держаться в управлении киргизскими ордами и вообще кочевым населением. Замечательно, что Гасфорт сразу понял, что его предшественники и соседи (генерал-губернаторы западно-сибирские и оренбургские) делали очень крупную ошибку, прививая усиленно и искусственно мусульманство к не вполне утратившим свои древние шаманские верования и еще мало проникнутым учением Магомета киргизам и снабжая их султанов и их аулы татарскими муллами из Казани.

Но от своего совершенно справедливого соображения Гасфорт пришел к странному и неожиданному заключению, оправдывавшему до некоторой степени прозвание, данное ему его сверстниками[1].

Заключение это, выраженное в записке, поданной им в 1854 году Николаю I, состояло в следующем. По его, Гасфорта, мнению, проповедь христианской религии между киргизами не может иметь успеха, так как многие обычаи и условия кочевой жизни, как, например, кочевое многоженство, не совместимы с догматами христианского учения. С другой стороны, обращение огромной киргизской народности в мусульманство противоречит русским государственным интересам. Поэтому нужно дать киргизам новую религию, приспособленную к условиям их жизни и соответствующую русским государственным интересам. Определяя догматы этой новой религии, нужно принять за их исходную точку ту религию, которая была старым заветом закона божия, а

[1] Отдавая справедливость разностороннему образованию и обширной эрудиции Гасфорта, они характеризовали его названием «опрокинутого шкафа с книгами», в котором все перемешалось.

именно еврейскую, очистив ее от талмудских толкований и реформировав в духе христианства, то есть присоединив к заповедям и учениям Моисея многие догматы христианской религии. Полный проект этой религии, обличающий обширные теологические познания Гасфорта, был представлен им Николаю I, который, как говорят, написав на записке резолюцию: «Религии не сочиняются, как статьи свода законов», возвратил ее автору с нелестным отзывом об его соображениях.

Не найдя себе удовлетворения ни в качестве администратора многочисленного русского населения, ни в качестве законодателя не менее многочисленного киргизского, Гасфорт отдал все свои силы попечениям о самых отдаленных окраинах своего генерал-губернаторства — полярному Березовскому краю и самому южному в то время из наших азиатских владений — Семиреченскому. Первым из западно-сибирских генерал-губернаторов он посетил лично эти обе оконечности Западной Сибири, отдаленные одна от другой на 30° широты.

В Березовском и Обдорском краях он нашел умного и доброго хозяина обширного края в лице березовского исправника. Кому бы ни принадлежала честь определения этого замечательного по своим административным способностям лица из никому неизвестных скромных армейских офицеров на должность березовского исправника, тобольскому ли губернатору Арцимовичу или генерал-губернатору Гасфорту, но во всяком случае выбор был в высшей степени удачный. Впоследствии березовский исправник Г. А. Колпаковский, пройдя через должность пристава Большой орды, губернатора Семиреченской области, помощника туркестанского генерал-губернаторства, сделался сам степным генерал-губернатором и на всех занимаемых им должностях оказал своему отечеству незабвенные заслуги. Во всяком случае заслугой Гасфорта является то, что он первый выдвинул такого достойного человека.

Успокоившись относительно Березовского края, Гасфорт сосредоточил все свое внимание на Семиреченском и здесь уже почувствовал себя полным хозяином, не встретив никакого противодействия в Главном управлении Западной Сибири, так как его членам деятельность Гасфорта на отдаленной окраине была на руку. Движение вперед, в глубь Азии и колонизация Семиречья, проведение туда дороги и устройство путей сообщения с возникшими поселениями вызывали многочисленные

поставки и подряды, производимые Главным управлением, и давали богатую добычу членам его.

В городе Копале*, созданном князем Горчаковым, Гасфорт нашел также доброго хозяина в лице замечательно талантливого и энергичного подполковника Сибирского казачьего войска Абакумова, который сумел поддержать престиж первого крупного русского земледельческого поселения на территории Большой киргизской орды. Но и посещение Гасфортом Семиреченского края осталось не бесследным. С киркою и топором в руках он принялся за устройство лучшего пути в Копал через одну из цепей Семиреченского Алатау на перевале, получившем название Гасфортова, затем содействовал образованию в крае новых станиц — Лепсинской в одной из высоких долин Алатау и Урджарской на притоке озера Ала-Куля, вблизи китайского города Чугучака. Места этих станиц были выбраны удачно, и все эти три значительные русские поселка сделались твердым оплотом русского владычества в Семиречье. Затем и дорога от Семипалатинска до реки Или, с ее хорошо устроенными на каждых 20—25 верстах станциями (пикетами), снабженными достаточным количеством казаков и лошадей, была вполне упорядочена после посещения Семиречья генералом Гасфортом.

Но самой крупной его заслугой было занятие Заилийского края. Этот лучший по климату и плодородию почвы при возможности орошения (ирригации) уголок Западно-Сибирского генерал-губернаторства, представляющий северный склон исполинского горного хребта (Заилийского Алатау) — приилийской равнине, был издавна спорной территорией между нашими подданными — киргизами Большой орды и каракиргизскими племенами: китайскими подданными богинцами и кокандскими — сарыбагишами. Отважные и предприимчивые султаны Большой орды охотно вызывались быть нашими пионерами в занятии оспариваемого у них каракиргизами подгорья, альпийские луга которого охотно посещались ими с тех пор, как они почувствовали за собой твердый оплот в русской колонизации Семиреченского края. При первом же посещении этого края генерал Гасфорт окончательно решился на занятие всего северного склона Заилийского Алатау. Как опытный военачальник, он убедился, что находящиеся в подданстве двух различ-

* В современной транскрипции — *Капал.* (Прим. ред.).

ных государств и враждующие между собой племена не могут служить ему серьезным препятствием к занятию Заилийского края, но что препятствия к достижению своей цели он мог встретить только в Петербурге, где он не имел ни тех связей, ни того авторитета, которые составляли силу Муравьева-Амурского.

При всем этом Гасфорт решил послать осенью 1854 года за реку Или рекогносцировочный отряд, состоявший из одного батальона пехоты и трех сотен казаков. Экспедиция совершилась успешно. Она высмотрела в семидесяти верстах от реки Или, у самого подножья Заилийского Алатау, при выходе из гор речки Алматы, идеально прекрасное место для русского поселения, начало которому и было положено тогда же основанием здесь укрепления Заилийского, переименованного в следующем году в Верное. Хотя на этом подгорье не росло ни одного дерева, но долина, на него выходящая, была богата лесной растительностью, а обилие воды в ней давало возможность для искусственного орошения всей подгорной площади. При дальнейшей своей рекогносцировке вдоль подножья горного хребта к западу отряд был окружен несметным количеством каракиргизов, кокандских подданных, но все-таки вернулся без всяких потерь на реку Или.

Летом 1856 года произошло уже окончательное занятие подгорья. Войска и казаки водворились на месте, избранном для основания укрепления Верного, и занялись рубкой леса в Алматинской долине для первых необходимых построек. Первая встреча русских переселенцев с дикокаменными киргизами, откочевавшими на юго-запад, была очень неприязненна. В первую же ночь по водворении русских сильная каракиргизская баранта в пятнадцати верстах от Верного угнала табун русских лошадей, убив 12 охранявших его казаков, головы которых были найдены на пиках в тех местах, где они охраняли табун. Осенью сам Гасфорт посетил впервые занятое подгорье. Настоящая же колонизация семейных казаков и крестьян началась только весною 1857 года.

<...> Во время краткого моего пребывания в Омске я успел познакомиться, хотя еще довольно поверхностно, с лучшими деятелями города, о которых я уже упоминал выше. Но особенное внимание мое обратили на себя двое талантливых молодых офицеров, незадолго

перед тем окончивших курс в Омском кадетском корпусе, которые сами искали случая познакомиться со мной.

Один из них, родом казак, поразил меня не только своей любознательностью и трудолюбием, но и необыкновенной, совершенно идеальной душевной чистотой и честностью своих стойких убеждений; это был прославившийся впоследствии как путешественник и исследователь Сибири и Центральной Азии Григорий Николаевич Потанин. Он был сыном весьма талантливого и любознательного казачьего офицера, который в первой четверти XIX века был часто командируем в киргизские степи. Путешествуя по ним в пределах области Сибирских киргизов (ныне Акмолинской), он доходил до берегов реки Чу и пределов Кокандского ханства. Некоторые из интересных его маршрутов и глазомерных съемок дошли до Гумбольдта и были им использованы в его «Центральной Азии». Под конец жизни, несмотря на свою известность и заслуги, отец Потанина был разжалован в простые казаки, но сын его был принят в кадетский корпус в городе Омске и окончил там курс с большим успехом. В это время казачьи офицеры в чине хорунжего получали в год всего только по 90 рублей жалованья и пополняли свои бюджеты легкими при их командировках и исполнении служебных обязанностей в Киргизской степи поборами с киргизов. Но в этом отношении один Г. Н. Потанин составлял исключение. Действуя неуклонно по своим чистым и честным убеждениям, он не собирал с киргизов никаких поборов и ухитрялся жить на свои 90 рублей. С разрешения высшего начальства он занялся разборкой омских архивов и извлекал оттуда драгоценные для истории Сибири и сибирских казачьих войск данные. Само собой разумеется, что я не только заинтересовался судьбой молодого офицера, но, при дальнейшем с ним знакомстве, старался развить в нем любовь к природе и естествознанию, что впоследствии и привлекло выдающегося молодого человека в Петербурский университет и выработало из него замечательного путешественника, этнографа и натуралиста.

Другим лицом, особенно меня заинтересовавшим в Омске, был Чокан Чингисович Валиханов. Киргиз родом из Средней орды, он был внуком последнего киргизского хана Валия и правнуком знаменитого Аблай-хана, потомка Чингис-хана. Его мать была родная сестра «Митридата» киргизского народа — Кенесары Каси-

мова. Родная его бабка по отцу — вдова хана Валия — со своими детьми оставалась верной России, в то время когда остальные ее родичи, дети хана Валия от первого брака и его братья, не хотели признавать того, что хан Валий принял русское подданство. Александр I с большим вниманием отнесся ко вдвое хана Валия и велел выстроить ей первый в киргизской степи дом, в котором и родился Чокан Валиханов. Обладая совершенно выдающимися способностями, Валиханов окончил с большим успехом курс в Омском кадетском корпусе, а впоследствии, уже в Петербурге, под моим влиянием слушал лекции в университете и так хорошо освоился с французским и немецким языками, что сделался замечательным эрудитом по истории Востока и в особенности народов, соплеменных киргизам. Из него вышел бы замечательный ученый, если бы смерть, вызванная чахоткой, не похитила его преждевременно, на двадцать восьмом году его жизни. Само собой разумеется, что я почел долгом обратить на этого молодого талантливого человека особенное внимание генерала Гасфорта и по возвращении моем из путешествия в Тянь-Шань подал мысль о командировке Валиханова в киргизской одежде с торговым караваном в Кашгар, что и было впоследствии осуществлено Валихановым с полным успехом.

<...> Нет сомнения, что весь процесс водворения и расселения русского населения находится во власти и прямой зависимости не только от свойств переселяющихся, но и еще более от местных условий страны, в которую направляется переселение. Меня прежде всего интересовал вопрос: как селились первоначально сибирские переселенцы — одиночно (хуторами) или более или менее скученно, то есть крупными поселками. Вопрос этот легко разрешался в стране типа Ишимской степи. Здесь, как в большей части черноземного сухого континентального пространства европейской России, жить в междуречных районах, за отсутствием воды, невозможно, а потому можно только селиться на берегах рек и пресных озер. Притом же вся южная, смежная с киргизскими ордами полоса Сибири была так мало обеспечена от набегов кочевников в XVIII веке, что сельское хозяйство хуторского населения не было гарантировано от разорения, и русским приходилось селиться крупными поселками. Поэтому и ныне в Ишимском уезде, со вре-

мен занятия этой страны русским населением, слишком мелких поселков не существует: условия природы и истории страны препятствовали здесь развитию хуторов или заимок.

В иных условиях находились переселенцы Алтая. Здесь природа, богатая водой и строительными материалами, не препятствовала расселению всюду и поощряла развитие сельского хуторского хозяйства; но, несмотря на это, переселенцы, которые начали водворяться в Алтае с начала второй четверти века, располагались довольно крупными селениями (от 15 до 30 дворов).

Зависело это от того, что при первоначальном водворении переселенцев, приходивших сюда издалека, борьба с дикими силами природы была непосильна отдельным переселенцам (хуторянам) и заставляла их сплачиваться как для эксплоатации местных богатств, так и для самозащиты против соседних кочевников и бродячих инородцев в более или менее значительные селения. Это облегчалось еще и тем, что первые русские переселенцы Алтая XVIII и XIX веков составляли, как, например, старообрядцы и казаки, крепкие союзы уже на местах прежнего своего жительства в европейской России или на Урале.

ПЕРВЫЕ ПОЕЗДКИ В ТЯНЬ-ШАНЬ

<...> В этот день (10 августа) я переехал и вторую значительную реку Семиречья, Баскан, при Басканском пикете, и достиг третьей реки Аксу, у Аксуйского пикета, после двух перегонов от Лепсы (65 верст), где и ночевал. Что придавало неимоверную прелесть той части Семиречья, которую мы проехали в этот день, так это то, что в стороне истоков реки Лепсы, на юго-востоке, перед нами раскинулся во всем своем величии исполинский снежный хребет — Семиреченский Алатау[2], который с низменной Прибалхашской степи поднимается далеко за пределы вечного снега еще более резко, чем Альпы со стороны Ломбардской равнины.

11 августа, переночевав на Аксуйском пикете и проехав еще один перегон (23 версты) до пикета Карасуйского, я стал подниматься в гору на высокий отрог Семиреченского Алатау. Весь перевал этот, известный в то

[2] Теперь называется Джунгарским Алатау. (Ред.)

время под именем Гасфортова (так как он был устроен самим генерал-губернатором), находился между станциями Карасуйской и Арасанской, отстоящими одна от другой на двадцать семь верст. Верст пять дорога поднималась в гору узким ущельем, состоявшим из диких обрывов глинистого сланца, поднятых очень круто. Часа через два очень крутого подъема мы достигли вершины гребня, который, впрочем, едва ли превосходил 1 300 метров обсолютной высоты и, во всяком случае, не имел еще альпийской растительности.

После нескольких верст пути через плоскогорье и семиверстного пологого спуска я увидел, наконец, впереди себя извивающуюся ленту реки Биён, а за ней — интересное Арасанское поселение. Биён имеет характер быстрой и пенящейся горной реки, стремящейся через камни и скалы. Обмытые ею и торчащие из нее, они состоят из гранита. Много этих скал было навалено и за рекой и, видимо, принесено сюда ею, но, во всяком случае, не издалека, так как эти самые граниты выходят на поверхность в полуверсте от поселка. Поселок состоял из двух десятков домов, из которых один, построенный над самым ключом, был очень опрятен и даже красив. Бассейн Арасана был разделен на 4 купальни, каждая метров в 6 длиной и 4 шириной. Вода в них выходила с чистого дна из-под расчищенных камней. Из нее в трех местах выбивались с силой пузыри газов. Температуру Арасана я нашел в +26,5° Ц. Запах сернистого водорода был очень мало чувствителен. Нет сомнения, что после расчистки температура источника несколько понизилась и выходящие на его дне газы стали менее задерживаться. Перед домиком был разбит сад, в котором деревья еще не успели разрастись. Но что придало уже прелесть всей местности, так это пашни копальских жителей, необыкновенно богатые своим урожаем пшеницы и овса и плодородием почвы. Пашни эти простирались до самого города Копала по всему плоскогорью Джунке до реки Биёна, доставлявшего обильное орошение этим пашням. Если принять во внимание, что многие из копальцев обрабатывали в это время до двадцати десятин на тягло, то можно себе представить, какой цветущей русской колонией в Семиречье был уже в то время Копал, основанный за 15 лет до того в местности, плодородие которой и удобство для основания оседлой русской земледельческой колонии были впервые оценены знаменитым русским путешественником

Г. С. Карелиным, ранее всех проникшим в северную часть Семиречья в 1840 году.

Я не остался ночевать в Арасане и 11 августа к вечеру добрался уже до Копала через прекрасное и плодородное плоскогорье Джунке, имеющее здесь не менее тридцати верст ширины. Копал был в это время уже очень порядочным городком, состоявшем из 700 домов, с деревянной церковью на площади и несколькими красивыми деревянными же домиками наиболее зажиточных казаков. В одном из таких домиков, служившем постоялым двором, я нашел себе пристанище, так как гостиниц в Копале не было.

На другой день поутру я отправился к начальнику Копальского округа полковнику Абакумову, который меня принял особенно приветливо и радушно. Он был выдающейся личностью, имевшей заслуги и перед наукой. Будучи еще молодым казачьим офицером, Абакумов сопровождал высокоталантливого натуралиста, путешественника Карелина, когда тот в 1840 году совершал первые свои поездки в северной части Семиречья, в горах Семиреченского Алатау, и сделался под его руководством страстным охотником и натуралистом. Когда же Карелин обосновался в Семипалатинске и перестал выезжать оттуда куда бы то ни было, Абакумов, бывший его подручником во время его путешествия, поселился в только что основанном Копале и стал выезжать оттуда и в ущелья, и на вершины Семиреченского Алатау, и в Прибалхашские степи, собирая в неизведанной еще стране орнитологический, энтомологический и ботанический материалы сначала для Карелина, а после его отъезда по его рекомендации вступил в сношения с заграничными натуралистами, которым и начал доставлять свои сборы. Немало растений и животных было вновь открыто Абакумовым, и некоторые из них получили его имя, как, например, один из весенних жуков — усачей или дровосеков (Dorcadion abacumovi). Впрочем, в последнее десятилетие и старевший Абакумов, с повышением в чинах и с укреплением за ним первой роли в цветущем уже городе, отяжелел, перестал выезжать на охоту и экскурсии и только высылал за естественно-исторической добычей наиболее способных из своих прежних спутников-казаков.

День 12 августа был им проведен вместе со мной в близких от Копала экскурсиях, а на следующий, 13 августа, он устроил мне восхождение на Семиреченский

Алатау до вечных снегов этого хребта, но сам не решился сопровождать меня, боясь обнаружить передо мной свою единственную слабость, без которой он был бы идеальным начальником столь интересного края, каким был Копальский округ: слабость эта — та самая, которой страдало в то время большинство самых талантливых деятелей наших захолустных окраин,— была алкоголизм, в силу которого Абакумов после каждого обеда находился в состоянии полной невменяемости.

<...> Наблюдение над здешней хлебной культурой убедило меня в том, что эта замечательно плодородная местность, дав место достаточно сильной русской колонизации, сделается сразу одним из прочных опорных пунктов нашего владычества в Средней Азии. Хлебные посевы состояли здесь из пшеницы, овса, ржи, ярицы, ячменя и отчасти кукурузы и сорго, но просо родилось неудовлетворительно.

<...> Для того, чтобы разыскать древние исторические предметы буддийского культа, о которых мне говорили в Копале, и разрешить попутно мои недоумения относительно каратальских чолоказаков, я решился направиться из Карабулакского пикета в отстоящий верстах в восьми оттуда вверх по каратальской долине на левом берегу реки «курган», или поселок Чубар-муллы, захватив с собой из пикета пять рабочих с ломами и казака-переводчика, хорошо знакомого с Чубар-муллою. Хутор Чубар-муллы представлял уже по своему внешнему виду очень отрадное явление: он состоял из двух десятков хорошо выбеленных домиков с плоскими крышами, прекрасно устроенными печами и трубами и утопал в зелени деревьев, которыми они были обсажены и между которыми были и лесные деревья местной флоры каратальской долины, а еще более фруктовые: яблони, абрикосовые деревья, так же как и лозы винограда. На огородах были овощи и кукуруза.

<...> После переговоров с переводчиком Чубар-мулла явился ко мне, а причина, почему он не сразу решился показаться мне, скоро выяснилась: он был старец лет 80 с явными следами вытравленных клейм на лице. Объяснения наши произошли уже не через переводчика, а на русском языке, на котором он говорил как русский, но со слегка татарским акцентом, легко объясняемым или тем, что он был по происхождению казанский татарин, или тем, что он долговременным пребыванием в Ташкенте, после побега своего с каторги, привык к та-

тарской речи; хотя я и не сделал ему никаких прямых вопросов, особенно относящихся ко времени, предшествовавшему его осуждению, однако из наших разговоров выяснилось, что, поселившись в Ташкенте еще в тридцатых годах XIX века, он нашел себе там кусок хлеба, занимаясь земледельческими, садовыми и вообще сельскохозяйственными работами. У богатых ташкентских узбеков таких русских работников, бежавших из Сибири в Ташкент, было немало, и естественно, что они все знали друг друга, а он между ними был всех старше летами. В 1842 году до этих уже давно проживавших в Ташкенте русских людей дошли слухи о том, что в Семиречье возникло цветущее русское земледельческое поселение (Копал), и Чубар-мулла, человек отважный и предприимчивый, много лет страдавший тоской по родине в своем изгнании на чужбине, решился привести в исполнение зародившееся в нем непреодолимое желание посмотреть на эту новую богатую окраину русской земли и, если возможно, поселиться в ней для того, чтобы, по крайней мере, умереть на родной земле. Он запасся тремя верблюдами, навьючил их ташкентским товаром — изюмом, шепталой, фисташками и ташкентскими тканями, беспрепятственно доехал до Семиречья, сбыл здесь с выгодой свой товар, запасся в Копале русским товаром, с которым и вернулся в Ташкент; на дороге он встретил особенно благосклонное гостеприимство и временный заработок у русских казаков на Каратале и, облюбовав совершенно еще свободные там места, удобные для орошения и земледелия, решился поселиться на них вместе со своими земляками, товарищами — беглецами из России, под именем ташкентских выходцев — чолоказаков. По возвращении в Ташкент он собрал большой караван из нескольких десятков верблюдов и не меньшего числа чолоказаков с большим количеством ташкентских товаров, из коих самым ходким был изюм, так как из него копальские казаки курили водку, ввоз которой к ним из России был безусловно запрещен. С тех пор эти русские чолоказаки окончательно поселились на Каратале, обзавелись здесь семьями, получив в жены киргизок, иных похищением с их на то согласия, других — с уплатой калыма. Второму поколению этих чолоказаков, происшедшему от смешанных браков с киргизками, уже было от 10 до 17 лет, а недоверчивые сначала их отцы («выходцы из Ташкении», как называли они себя) постепенно отважились говорить со мной на родном своем

языке, то есть по-русски. Один из них рассказал мне случай, бывший с ним при постройке русского консульства в Кульдже: он был приглашен по рекомендации родственных с ним киргизов нашим консулом Захаровым для кладки печей. Долго объяснялись они с консулом по-киргизски и по-узбекски, но все-таки понять друг друга не могли, и печник из чолоказаков, не вытерпев, спросил консула по-русски: «да какую печку вашему высокоблагородию нужно — русскую или голландскую?» Консул «изволил рассмеяться», а чолоказак соорудил ему такую печку, какую китайцы никогда и не видывали и за которую он получил и большую благодарность, и хорошую плату. Полевые работы были, конечно, известны Чубар-мулле с малолетства, но проведению арыков и разведению фруктовых деревьев он научился в Ташкенте.

<...> Коксуйский поселок представлял для меня большой интерес на моем пути, во-первых, потому, что эта была третья местность Семиречья, в которой я нашел уже упрочивавшуюся русскую колонизацию в Средней Азии, а, во-вторых, потому, что, находясь здесь вблизи снежных гор, я имел возможность предпринять отсюда второе в Семиречье восхождение до пределов вечного снега.

<...> Киргизский султан Адамсарт вызвался проводить меня на вершину Аламана, в сопровождении одного джигита, а я взял с собой из Коксуйского поселка только двух казаков. Пятнадцать верст мы сделали на прекрасных лошадях султана по дороге от Коксуйского пикета к Терсаканскому, а затем переехали вброд быструю реку Коктал и стали подниматься на Аламан. Несмотря на усилие прекрасных лошадей султана, подъем занял часа четыре. Дорога шла через скалистые ущелья вдоль ручья, падающего водопадом. Около полудня достигли мы вершины хребта у снеговой поляны, над которой еще круто возвышалась груда сиенитовых скал колоссальной величины, промежутки которых были наполнены крупнозернистым снегом; кругом была в полном цвету альпийская растительность алтайского типа. Уже было совершенно темно, когда мы достигли конца своего спуска и направились к своему ночлегу в аулах Адамсарта. Проскакав быстро верст шесть, мы увидели огни и услышали лай собак и говор встретивших нас киргизов, толпой суетившихся около большой юрты, которая как бы сама собой выходила из ряда

других юрт и двигалась к нам навстречу. Когда мы вошли в юрту, расположившуюся на лугу, то нашли уже там разостланные богатые ташкентские ковры, приготовленные для нашего ночлега. Скоро загорелся и приветливый огонек посреди юрты, принадлежавшей, как я узнал, не султану, резиденция которого была еще гораздо далее, а богатейшему из жителей этого аула. Общество, окружившее очаг, состояло, кроме прибывших со мной, из хозяина юрты, двух почетнейших киргизов аула и двух чолоказаков.

<...> 28 августа поутру я быстро доскакал на киргизском коне до отстоявшего в пятнадцати верстах от аула Терсаканского пикета, сел в свой трантас, доставленный из Коксуйского пикета, где он оставался на время нашей поездки на Аламан, и продолжал свой путь по пикетной дороге к Верному. Через один перегон в тридцать восемь верст я достиг Алтынэмельского пикета. Пикет этот замечателен тем, что лежит у подошвы сильно понизившегося Семиреченского Алатау, прямо против горного перевала Алтынэмель, через который шла караванная дорога в Кульджу. Второй перегон этого дня от Алтынэмеля до Куянкуза составлял еще двадцать семь верст. Дорога шла дугой по степи, избегая продолжения Алтынэмельского кряжа, и привела меня уже после солнечного заката на Куянкузский пикет, на котором я и остановился на ночлег.

<...> Приставом Большой Орды, а следовательно, и начальником всего Заилийского края был при моем прибытии образованный полковник Хоментовский. Воспитывался он с успехом в Пажеском корпусе и при своих дарованиях был бы выдающимся человеком, если бы не имел того недостатка, которой парализовал столь многих из наших лучших в то время окраинных деятелей — алкоголизма.

<...> Мы дошли до Иссык-Куля в 4 часа пополудни и охотно остались бы здесь до следующего дня, но ночевать на берегу озера было слишком опасно. Бивак на полуострове был бы самый неудобный. Огни наши были бы видны отовсюду с обоих прибрежий Иссык-Куля (Кунгея и Терскея), и отрезать нас от сообщения было бы слишком легко. О приходе нашем на Иссык-Куль могли уже знать каракиргизы, потому что поутру мы ви-

дели издали одного всадника. Пробитая к мулле дорожка со свежими следами доказывала, что мулла эта посещалась нередко. На дороге нашей мы встречали в большом количестве остатки разорванных юрт; очевидно, здесь происходили нынешней весной баранты и побоища между обоими каракиргизскими племенами. Так как победа осталась за более хищными сарыбагишами, то они могли ночевать в Кунгее за горным выступом. Всякая проезжая баранта заметила бы наши огни. Поэтому я решил не оставаться здесь на ночлег и итти назад к прежнему. Казаки повеселели, а сопровождавшие нас три киргиза, с усилием тянувшие нашего верблюда и вьючных лошадей, усердно поскакали рысью.

<...> 16 сентября в 10 часов утра я благополучно вернулся в Верное. Хоментовский очень обрадовался моему благополучному возвращению, тем более что в мое отсутствие произошли такие события, в которых я мог бы быть ему полезным. Отношения его с соседним на юго-западе каракиргизским племенем сарыбагишей продолжали быть натянутыми, и последние не раз, хотя и не с прежней дерзостью, продолжали свои хищнические набеги на недостаточно еще прочно организованный новый русский Заилийский край. В особенности вывело из себя Хоментовского разграбление в десятке верст от Верного русского торгового каравана, шедшего в Ташкент, а также каракиргизская баранта, направленная против верных наших подданных — киргизов Большой орды. Отважный Хоментовский быстро решился предпринять поход на сарыбагишские аулы, находившиеся в большом количестве к западу от Иссык-Куля — в верховьях реки Чу, с целью расчебарить их, то есть отнять у них табуны и стада для пополнения убытков, нанесенных русским подданным их набегами.

Сильный отряд Хоментовского вышедший из Верного вскоре после начала моего путешествия на Иссык-Куль, состоял из трех сотен казаков и одной роты пехоты, посаженной на лошадей, двух горных пушек, нескольких ракетных станков и множества киргизов Большой орды.

Отряд благополучно перешел через высокий перевал и спустился в долину реки Чу, ниже кокандского укрепления Токмака. Здесь он застал на кочевьях несметные массы киргизов, разгромил их аулы и, овладев ближайшими их табунами, пустился в обратный путь. Но кара-

киргизы, сначала бежавшие, собрались в несметном количестве и начали преследовать наши отряды, сильно растянувшиеся при трудном восхождении на перевал, бросаясь на них в атаку с необыкновенной храбростью, несмотря на то что ракетные станки, ими никогда не виданные, а также выстрелы наших казаков производили между сарыбагишами большие опустошения. Потери же отряда простирались до 17 человек убитыми и тяжелоранеными; когда перевозимые с трудом на лошадях раненые останавливались и попадались в руки каракиргизам, то ожесточение этих последних было так велико, что они рубили их на части. Тем не менее впечатление, произведенное походом Хоментовского, было очень сильно, так как число убитых и раненых со стороны сарыбагишей было велико. Определить именно это впечатление Хоментовский считал особенно важным и потому решился для этой цели немедля организовать новый разведочный отряд.

<...> Осмотрев интересную местность Кату, я вернулся на Алтынэмельский пикет, а оттуда в своем тарантасе переехал по большому тракту в Копал, куда прибыл 17 октября в надежде предпринять, при помощи полковника Абакумова, поездку в Кульджу с отправлявшейся туда осенней почтой к русскому консулу Захарову. На беду, почта эта ушла уже из Копала за два дня до моего приезда, но отважный Абакумов предложил мне, взяв двух казаков, перейти через Семиреченский Алатау самым кратким путем и попытаться догнать почту, следовавшую довольно медленно кружным путем через Алтынэмель и пограничный Борохуджир.

Времени терять было нечего, и я в тот же день, 17 октября, отправился с двумя казаками в свой рискованный путь. Абакумов дал мне прекрасную лошадь, которую заседлали моим офицерским седлом, и снабдил меня полным вооружением и костюмом казака, в который я и облекся. Один из казаков, меня сопровождавших, знал хорошо по-киргизски и по-калмыцки и мог служить мне надежным переводчиком. Вместе с тем Абакумов снабдил меня предписанием к посланному в Кульджу с почтой казачьему сотнику, которому было поручено тотчас стать в мое распоряжение.

По знакомым моим спутникам тропинкам мы в тот же день, 17 октября, перешли через засыпанный отчасти снегом перевал Семиреченского Алатау, полдневали на

речке Тюльку-булак, течение которой сопровождалось прекрасными деревьями — черемухой и ивой, почевали на Аламан-су, после громадного безостановочного переезда в восемьдесят верст.

18 октября, выйдя с своего ночлега, я встретил большое разочарование: нашей почты мы нигде не встретили, но всего хуже было то, что весь день мы не нашли никаких киргизских аулов, крайне нам необходимых, так как мы не имели с собой никаких пищевых запасов, кроме небольшого количества сухарей. Киргизы укочевали с подгорья вследствие наступивших холодов.

Весь вечер поднимались мы на холмы, стараясь хоть где-нибудь открыть присутствие киргизской юрты, но безуспешно. Пришлось провести холодную ночь с 18 на 19 октября под открытым небом без всякой притом пищи и со скудным кормом для лошадей. На другой день, 19 октября, мы опять блуждали голодные и только к вечеру, забравшись на холм, мы, к общей радости, увидели в маленькой западинке несколько киргизских юрт. В одной из этих юрт мы уже на третий день нашей голодовки нашли себе прибежище и пищу.

На следующий день, 20 октября, на рассвете мы направились самым прямым путем к китайскому пикету Борохуджиру и, к неописуемой радости, увидели там только что подходившую нашу почту, которая состояла из казачьего сотника и восьми казаков. Я передал офицеру приказ полковника Абакумова и присоединился в виде сопровождавшего казака со своими еще двумя казаками к его отряду. От Борохуджира путь наш лежал прямо на восток через Кульджинскую провинцию между хребтом Ирен-хабирган, связанным с Семиреченским Алатау, и рекой Или через древний город Хоргос.

<...> В Копале я пробыл только один день и распростился с дорогим мне Абакумовым, которому был обязан своей интересной поездкой в Кульджу, и после трехдневного беспрерывного переезда по почтовому тракту вернулся в Семипалатинск, где остановился попрежнему у радушного Демчинского и на этот раз, пробыв у него дней пять, имел отраду проводить целые дни с Ф. М. Достоевским.

Тут только для меня окончательно выяснилось все его нравственное и материальное положение. Несмотря на относительную свободу, которой он уже пользовался, положение было бы все же безотрадным, если бы не

светлый луч, который судьба послала ему в его сердечных отношениях к Марье Дмитриевне Исаевой, в доме и обществе которой он находил себе ежедневное прибежище и самое теплое участие.

Молодая еще женщина (ей не было и 30 лет), Исаева была женой человека достаточно образованного, имевшего хорошее служебное положение в Семипалатинске и скоро во водворении Ф. М. Достоевского ставшего к нему в приятельские отношения и гостеприимно принимавшего его в своем доме. Молодая жена Исаева, на которой он женился еще во время своей службы в Астрахани, была астраханская уроженка, окончившая свой курс учения с успехом в астраханской женской гимназии, вследствие чего она оказалась самой образованной и интеллигентной из дам семипалатинского общества. Но независимо от того, как отзывался о ней Ф. М. Достоевский, она была «хороший человек» в самом высоком значении этого слова. Сошлись они очень скоро. В своем браке она была несчастлива. Муж ее был недурной человек, но неисправимый алкоголик, с самыми грубыми инстинктами и проявлениями во время своей невменяемости. Поднять его нравственное состояние ей не удалось, и только заботы о своем ребенке, которого она должна была ежедневно охранять от невменяемости отца, поддерживали ее. И вокруг явился на ее горизонте человек с такими высокими качествами души и с такими тонкими чувствами, как Ф. М. Достоевский. Понятно, как скоро они поняли друг друга и сошлись, какое теплое участие она приняла в нем и какую отраду, какую новую жизнь, какой духовный подъем она нашла в ежедневных с ним беседах, и каким и она в свою очередь служила для него ресурсом во время его безотрадного пребывания в не представлявшем духовных интересов городе Семипалатинске.

Во время моего первого проезда через Семипалатинск в августе 1856 года Исаевой уже там не было, и я познакомился с ней только из рассказов Достоевского. Она переехала на жительство в Кузнецк (Томской губ.), куда перевели ее мужа за непригодность к исполнению служебных обязанностей в Семипалатинске. Между нею и Достоевским завязалась живая переписка, очень поддерживавшая настроение обоих. Но во время моего проезда через Семипалатинск осенью обстоятельства и отношения обоих сильно изменились. Исаева овдовела, и хотя не в состоянии была вернуться в Семипа-

латинск, но Ф. М. Достоевский задумал о вступлении с ней в брак. Главным препятствием к тому была полная материальная необеспеченность их обоих, близкая к нищете.

Ф. М. Достоевский имел, конечно, перед собой свои литературные труды, но еще далеко не вполне уверовал в силу своего могучего таланта, а она по смерти мужа была совершенно подавлена нищетой.

Во всяком случае, Ф. М. Достоевский сообщил мне все свои планы. Мы условились, что в самом начале зимы, после моего водворения в Барнауле, он приедет погостить ко мне и тут же решит свою участь окончательно, а в случае, если переписка с ней будет иметь желаемый результат и средства позволят, то он поедет к ней в Кузнецк, вступит с ней в брак, приедет ко мне уже с ней и ее ребенком в Барнаул и, погостив у меня, вернется на водворение в Семипалатинск, где и пробудет до своей полной амнистии.

Этими предположениями и закончилось мое свидание с Федором Михайловичем Достоевским и путешествие 1856 года, и я вернулся на зимовку в Барнаул в начале ноября 1856 года.

ВТОРИЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ТЯНЬ-ШАНЬ

В январе 1857 года я был обрадован приездом ко мне Ф. М. Достоевского. Списавшись заранее с той, которая окончательно решилась соединить навсегда свою судьбу с его судьбой, он ехал в Кузнецк с тем, чтобы устроить там свою свадьбу до наступления великого поста. Достоевский пробыл у меня недели две в необходимых приготовлениях к своей свадьбе. По нескольку часов в день мы проводили в интересных разговорах и в чтении, глава за главой, его в то время еще незаконченных «Записок из мертвого дома», дополняемых устными рассказами.

Понятно, какое сильное, потрясающее впечатление производило на меня это чтение и как я живо переносился в ужасные условия жизни страдальца, вышедшего более чем когда-либо с чистой душой и просветленным умом из тяжелой борьбы, в которой «тяжкий млат, дробя стекло, кует булат». Конечно, никакой писатель такого масштаба никогда не был поставлен в более благо-

приятные условия для наблюдения и психологического анализа над самыми разнообразными по своему характеру людьми, с которыми ему привелось жить так долго одной жизнью. Можно сказать, что пребывание в «Мертвом доме» сделало из талантливого Достоевского великого писателя-психолога.

Но нелегко достался ему этот способ развития своих природных дарований. Болезненность осталась у него на всю жизнь. Тяжело было видеть его в припадках падучей болезни, повторявшихся в то время не только периодически, но даже довольно часто. Да и материальное положение его было самое тяжелое, и, вступая в семейную жизнь, он должен был готовиться на всякие лишения и, можно сказать, на тяжелую борьбу за существование.

Я был счастлив тем, что мне первому привелось путем живого слова ободрить его своим глубоким убеждением, что в «Записках из мертвого дома» он уже имеет такой капитал, который обеспечит его от тяжкой нужды, а что все остальное придет очень скоро само собой. Оживленный надеждой на лучшее будущее, Достоевский поехал в Кузнецк и через неделю возвратился ко мне с молодой женой и пасынком в самом лучшем настроении духа и, прогостив у меня еще две недели, уехал в Семипалатинск.

<...> Я находил совершенно ненормальным, что мы, владея уже довольно прочно громадным пространством Средней Азии, занятым многочисленным кочевым народом киргизских орд и степей, держали свою государственную границу не впереди этого пространства, а сзади него, вдоль старой линии казачьих форпостов, от устья Урала вдоль и вверх его течения, а там на Петропавловск и по Иртышу на Омск до Зайсана. Путешествуя по землям киргизов Средней и Большой орды, я убедился, как трудно управлять этим кочевым населением из Омска, а тем более обеспечивать его от набегов и разорений соседей, нерусских подданных, не имея твердых опорных пунктов внутри страны и в особенности впереди нее. В этом отношении крупную службу служили России прекрасный и цветующий Копал и новые поселения Лепсинская и Урджарская станицы в Семиречье и на южном склоне Тарбагатая.

Но несравненно более можно ожидать еще от вновь занятого Заилийского края. Здесь уже может быть устроен при помощи нашей колонизации самый сильный и

несокрушимый оплот русскому влиянию и владычеству в Средней Азии.

Вместе с тем существование такого твердого оплота уже скоро дозволит осуществить то, что представляется совершенно необходимым для обеспечения обладания и управления киргизскими ордами и степями, а именно перенесения нашей государственной границы вперед их — с длинной уральско-оренбурго-сибирско-иртышской линии на короткую пограничную линию, посредством которой можно было бы соединить Верное с нашими уже существовавшими укреплениями на Сыр-Дарье (фортом Перовским). Вот почему я считаю занятие Заилийского края и прочную его колонизацию не менее крупной заслугой перед Россией, чем занятие Приамурского края,— заслугой, которую оценит впоследствии история, а пока все, что будет предпринято для научного исследования вновь приобретенного края, будет «светочем науки» внесенным впервые в самую глубь Азиатского материка.

Соображения мои очень понравились Гасфорту. В особенности он был доволен оценкой значения занятия Заилийского края. Очень заманчивым показались ему и мои предположения о проведении государственной границы впереди наших киргизских областей, опираясь на Верное и форт Перовский, но на осуществление подобного смелого замысла у него недоставало предприимчивости и энергии Муравьева-Амурского.

Впрочем, Гасфорт, как опытный и храбрый военачальник, не боялся никаких могущих произойти столкновений с соседними ханствами Туркестана; но он оказывался совершенно трусливым по отношению к ответственности перед петербургскими властями, боясь потерять свое высокое служебное положение, которым он дорожил более, чем интересами своего приемного отечества, служа ему впрочем вполне добросовестно.

Потому он не решился даже и возбуждать вопроса о перенесении государственной границы вперед киргизских степей на южную окраину наших среднеазиатских владений, но решился продолжать упрочение наших владений в Заилийском крае и его колонизацию, так как в этом деле он не встречал препятствий ни из Петербурга, ни даже противодействия со стороны Главного управления Западной Сибири. Что же касается до научных исследований в Заилийском крае, то, придавая большое значение своей репутации просвещенного евро-

пейца, он относился к ним с большим сочувствием, а потому легко согласился на все мои ходатайства относительно моего путешествия 1857 года.

<...> 1 мая поутру в степи было уже жарко. На полдороге к Мало-Аягузскому пикету я увидел знаменитую в киргизской степи по народным легендам могилу Козы-Корпеча*. Верхушка ее была, к сожалению, отстрелена ядром из пушки. Кому понадобился такой акт вандализма, я не мог узнать.

<...> Главной целью нашей экскурсии вниз по Или было урочище Тамгалыташ (писанные камни), отстоявшее от Илийска на расстоянии от тридцати до тридцати пяти верст по течению реки. Действительно, мы нашли в широком ущелье, через которое пробивается здесь река, на высоком утесе огромные буквы тибетской надписи, которую я и скопировал, как умел, при помощи художника Кошарова.

Надпись эта оказалась особенно древней. Она была начертана, по-видимому, в половине XVIII века, во времена джунгарского владычества, когда здесь находились временные кочевья хана Амурсаны, и имела целью обозначить западные пределы Джунгарии.

<...> Верное, к моему крайнему удовольствию, представилось мне уже в более приглядном виде, чем в 1856 году. Все домики юного укрепления были более или менее отстроены, и около домика пристава Большой орды был уже посажен молодой садик; это были первые деревья, посаженные на подгорье, на котором ныне цветущий город Верный утопает в зелени садов. Переселенцы воспользовались моим советом не перевозить леса в Верное немедленно после его рубки, а дать ему предварительно просохнуть в лесной зоне, и жалобы на недоброкачественность местного строевого материала прекратились. По моему же прошлогоднему настоянию казаки успели перевезти в Верное пчелиные ульи из Алтая, и пчеловодство начало понемногу развиваться в Заилийском крае, к удивлению киргизов Большой орды, которые рассказывали мне, что казаки ухитрились привезти такую муху, которая делает сахар.

Ранней весной 1857 года прибыли в Верное и новые переселенцы из русских крестьян, которые, по указанию пристава Большой орды, образовали впоследствии цветущий поселок на реке Талгаре в двадцати пяти верстах

* В современной транскрипции — *Козы-Корпеш.* (Прим. ред.).

от Верного. Между новоселами из крестьян и аборигенами Заилийского подгорья (киргизами Большой орды) очень скоро установились удовлетворительные отношения, чему много способствовал не только мирный земледельческий характер крестьян-переселенцев, но и особенности орографического строения края.

Весь Заилийский край, поднимающийся постепенно от прибрежий реки Или (300—350 метров) до Талгарского пика (5000 метров) разделяется, по моим наблюдениям, самой природой на пять зон, расположенных как бы этажами одна над другой.

Нижняя — первая — из этих зон имеет от 300 до 600 метров абсолютной высоты, расположена довольно широкой полосой по обеим сторонам реки Или и характеризуется не только своим климатом: очень жарким летом и мягкой и сравнительно теплой зимой, но также совершенно азиатской, степной флорой[3] и фауной, в которых очень мало европейских форм; здесь преобладают формы среднеазиатского типа, общие с соседним Туркестаном. Понятно, что эта зона не могла привлечь русской колонизации и осталась почти всецело в руках кочевых аборигенов, составляя для них одно из важнейших условий их существования, так как здесь они имеют свои зимовки, на которых, при сравнительно теплых зимах и малом количестве выпадающего снега, их стада находят себе подорожный корм в течение всей зимы.

Вторая зона имеет от 600 до 1410 метров абсолютной высоты и характеризуется своим умеренным климатом как зимой, так и летом, напоминающим климат Малороссии, а также почти русско-европейской флорой, с легкой примесью весенних растений азиатского типа[4]. Зона эта занимает все северное подгорье Заилийского Алатау и в особенности замечательна своим богатым орошением. Многочисленные речки, берущие начало в снегах альпийской зоны, вторгаются в эту земледельче-

---

[3] Из числа собранных мной 11—13 мая в этой зоне растений более $^2/_3$ оказались типичными среднеазиатскими и только 20% из них переходящими или на северо-восток в Сибирь, или на северо-запад в сарматскую равнину, а несколько более — в жаркую Аралo-Каспийскую низменность.

[4] Всего в списке моем для земледельческой зоны я привожу 78 видов, из числа которых отсутствующих в Европе не больше 10%. Растения эти преимущественно были луковичные ранней весенней флоры. Среди них один великолепный новый вид из семейства лилейных был найден мной впервые; он был назван впоследствии Регелем Eremurus (Henningia) robustus n. sp.

скую, культурную зону очень многоводными реками и разбираются здесь на арыки (поливные каналы), оплодотворяя ее пашни и насаждения, и выходят в нижнюю зону ничтожными, маловодными ручейками. Понятно, что эта зона сделалась главной для русской колонизации. Русские, научившись приемам ирригации у аборигенов, беспрепятственно смогли получить баснословные урожаи на своих пашнях и развести роскошные сады и виноградники. Хотя русская колонизация, утвердившись почти исключительно в этой зоне, вытеснила из нее кочевников, имевших здесь небольшие пашни, которых они лишились, она взамен того дала им такие выгоды по сбыту произведений их скотоводства, что они легко могли покупать у русских то небольшое количество зернового хлеба, которое обычно употребляют в пищу.

Третья зона — лесная, имеет от 1300 до 2 500 метров абсолютной высоты, занимает горные скаты и долины Заилийского Алатау и характеризуется довольно суровым и влажным горным климатом, но поросла довольно богатой еще растительностью. Самая флора этой зоны отличается в значительной мере от флоры предыдущей зоны тем, что половина ее видов относится к местным центрально-азиатским растениям и только другая половина произрастает в Сибири и Европе или в лесной области, или в альпийской. Она и до водворения русской колонизации не приносила большой пользы кочевникам, которые всегда быстро проходили через нее по наиболее доступным для их стад путям, при своих перекочевках из зимовок нижней зоны на привольные пастбища своих летовок в четвертой — альпийской зоне. Для русских же переселенцев лесная зона явилась необходимым подспорьем их оседлой колонизации, так как здесь они стали добывать все свои строительные и лесные материалы, а также устраивать свои заимки (хутора) для пчеловодства и других целей.

Четвертая зона — субальпийских и альпийских пастбищ — имеет от 2 400 до 3 500 метров абсолютной высоты и занимает большое пространство в Заилийском Алатау. Эта холодная, высокогорная зона есть эльдорадо для киргизского населения, но достаточно не пригодна для русской колонизации, а потому всецело осталась в руках кочевников, которым необходимо было только обеспечить свободный переход со своими стадами с их зимовок в эту зону.

Наконец, пятая зона Заилийского края начинает-

ся на высоте 3·500 метров и, будучи покрыта вечными снегами, кажется совершенно безжизненной и во всяком случае одинаково непригодна ни для русской колонизации, ни для жизни кочевников и привлекательна только для альпинистов и научных исследователей. При всем том она играет важную роль в экономике природы этого благословенного края, так как она, при своей кажущейся безжизненности, оживляет его при помощи благотворных лучей южного солнца. Таяние снегов этой зоны не только питает непосредственно ее луга, но и дает начало чудным горным потокам, которые, врываясь многоводными реками в земледельческую зону, оплодотворяют там ее богатые пашни, сады и виноградники. В земледельческой зоне эти реки теряются, не доходя до жаркой нижней зоны, и впадают таким образом, можно сказать, в воздушный океан, из которого снова собираются исполинами снежной зоны в громадные запасы ее вечных снегов.

Возвращаюсь к своему путешествию.

В составе местного начальства в Верном я нашел большую перемену. Хоментовского уже не было. Он оставил свою службу в Сибири и уехал в Петербург. По-видимому, его отвага и предприимчивость тяготили генерал-губернатора, который в особенности боялся ответственности за какие-нибудь столкновения слишком предприимчивого пристава Большой орды с соседним Кокандским ханством. Поэтому Г. И. Гасфорт назначил приставом Большой орды человека безусловно честного и опытного по службе в Сибири, но очень спокойного и рассудительного и менее отважного, а также менее талантливого и менее образованного, чем был Хоментовский. Этот новый пристав, полковник Перемышльский, приехал в Сибирь еще с предшественником Гасфорта, генерал-губернатором князем В. Д. Горчаковым, которого он был незаконным сыном и от которого он получил свою фамилию Перемышльского оттого, что Горчаковы производили свой род от князей Перемышльских. С этим-то новым приставом я и должен был вступить в соглашение относительно своего путешествия в Тянь-Шань.

Перемышльский встретил меня очень приветливо и просил остановиться, на время пребывания в Верном, в его вновь отстроенном и самом красивом в Верном деревянном домике, выставив мне для ночлега в своем садике роскошную юрту.

Сошелся я с Перемышльским очень скоро, найдя в нем человека простого в лучшем значении этого слова, в высшей степени порядочного, рассудительного и обладающего большим здравым смыслом. Я объяснил ему, что на запад от Верного на реку Чу и вообще на запад от Иссык-Куля я совсем не стремлюсь, а что единственная моя цель по знакомой мне уже дороге выйти к восточной оконечности Иссык-Куля, дойти до северного склона снежного хребта, замыкающего бассейн озера с юга, и проникнуть по возможности в его долины и на горные перевалы, соединяющие илийский и иссыккульский бассейны с Кашгарией.

Перемышльский отнесся с полным сочувствием к моему плану и, заботясь о моей безопасности, согласился дать мне в конвой с полсотни казаков и помочь нанять у киргизов 18 верблюдов для наших вьюков. Путешествие мое, как выяснилось из взаимного обмена мыслей, было ему как нельзя более на руку, так как положение дел на Иссык-Куле было следующее. Война между обоими каракиргизскими племенами, владевшими бассейном Иссык-Куля, была еще в полном разгаре. Номинальные подданные Китая — богинцы, вытесненные кокандскими подданными — сарыбагишами из всего бассейна Иссык-Куля, стремились вернуть себе принадлежащую им восточную половину иссыккульского бассейна, а потому решились вступить в переговоры с приставом Большой орды о принятии их в русское подданство, обусловливая это подданство поданием им немедленной защиты от врагов, их одолевавших. Это было, по отношению к каракиргизам, началом того процесса, через который прошла вся Киргизская степь, начиная от Малой орды, войдя род за родом в русское подданство. Каждый род, в него вступавший, избавлялся тем самым от баранты со стороны родов, находившихся уже в русском подданстве, и мог победоносно бороться со следующим, еще независимым родом, так как чувствовал себя под покровительством и защитой России. Тогда и следующий род, окруженный со всех сторон возможными врагами, вынужден был искать себе в свою очередь спасение в переходе в русское подданство.

Перемышльский со своим простым здравым смыслом понимал это положение соседних с ним кочевников и чувствовал неизбежность принятия богинцев в русское подданство, а с другой стороны, сознавал необходимость

дать им в какой бы то ни было форме помощь именно в данную минуту.

Но предпринять для этого какое-либо военное действие из Верного со вверенными ему войсками, как бы это непременно сделал Хоментовский, без ведома генерал-губернатора, Перемышьский не решался, а испрашивать разрешение он считал бесполезным: пошли бы сношения с Петербургом, и Министерство иностранных дел, относившееся враждебно к каким бы то ни было нашим захватам в Средней Азии, затормозило бы дело. Поэтому после основательных переговоров со мной Перемышльский остановился на следующей комбинации. Соображая, что появление на землях богинцев моего конвоя из полусотни казаков не может произвести желаемого впечатления и удовлетворить богинцев, он решился подговорить состоявшего в его ведении самого предприимчивого и отважного из султанов Большой орды Тезека явиться, по соглашению с богинцами и под фирмой моей экспедиции, на помощь к богинцам со своим ополчением. состоявшим, как впоследствии оказалось, из 1500 всадников. Само собой разумеется, что Тезек согласился с тем большей радостью на такое разрешение Перемышльского, что богинцы уже обращались к нему за помощью и союзом.

Такой комбинацией и цель моя проникнуть во что бы то ни стало в глубь Тянь-Шаня была вполне обеспечена. Мне оставалось только приготовляться к своему путешествию, на что необходимо было около двух недель. Время это не было мной потеряно и для науки, так как, при расположении Верного всего только верстах в двенадцати от входа в Алматинскую долину, я имел возможность делать туда почти ежедневные экскурсии и этим способом успел основательно ознакомиться с составом флоры всех трех зон подгорья Заилийского Алатау.

<...> Перед солнечным закатом приехал сюда (на реку Иссык.—*Ред.)* и пристав Большой орды Перемышльский, с которым мы условились ехать на другой день на съезд двух киргизских племен Большой орды (дулатов и атбанов), на котором должен был разрешиться интересный юридический спор или процесс между обоими племенами.

По обычному киргизскому праву такой спор разрешался судом биев (мировых судей) — по три от каждого племени, в приступствии старших султанов обоих племен и пристава Большой орды. При этом бии, руковод-

ствуясь тем же обычным правом, должны были выбрать председателем или суперарбитром лицо постороннее обоим племенам и совершенно беспристрастное. Таким лицом бии единогласно признали меня как человека, не принадлежащего и к местной администрации, приехавшего издалека и имевшего репутацию «ученого человека», уже пользовавшегося после своих прошлогодних путешествий в Заилийском крае популярностью между киргизами Большой орды. Пристав орды, очень опасавшийся, чтобы между подведомыми ему племенами из-за этого спора не произошло усобицы, с особым удовольствием утвердил выбор биев, а я с радостью согласился принять активное участие в деле, которое сразу знакомило меня не только с личностями, державшими в руках судьбу всей орды, но и с местным киргизским обычным правом и их мировоззрениями, уцелевшими в своей чистоте именно в Большой орде, которая еще в половине XIX века, то есть до занятия Заилийского края, пользовалась большой самостоятельностью и боролась со своими соседями и врагами без помощи русской администрации. Вследствие этого во время моего путешествия можно было встретить в Большой орде немало старых героических и, можно сказать, гомерических типов.

31 мая на рассвете налетела на наш бивак сильная буря, которая два раза сорвала мою палатку и несколько киргизских юрт, в том числе юрту пристава Большой орды. Огромная туча, которую мы уже видели накануне при солнечном закате, надвинулась на нас в 6 часов утра и разразилась громовыми ударами и проливным дождем. Дождь этот прекратился однако же к 11 часам, при температуре +11,4°Ц, а во втором часу пополудни погода уже совершенно разгулялась, и мы могли вместе с полковником Перемышльским выехать на ожидавший нас съезд. Весь свой отряд я отправил, не торопясь, на дальнейшую, предположенную мной остановку, на реку Тургень, а сам присоединился только с небольшим конвоем к Перемышльскому для того, чтобы направиться с ним в киргизские аулы.

Процесс, подлежавший рассмотрению съезда, состоял в следующем. Дочь одного знатного киргиза, по имени Байсерке, из племени дулатов была просватана сыну не менее знатного киргиза из племени атбанов. Родители жениха и он сам уже выплатили весь калым, и молодой человек получил право взять свою невесту в жены. Но каково было всеобщее удивление, когда, по

приезде его для знакомства с ней, она почувствовала к нему большую антипатию и решительно заявила, что не хочет быть его женой, а на уговоры своих родителей отвечала, что ее, конечно, могут взять силой, но что живой она ни в каком случае ему не достанется. Зная характер молодой девушки, родители не сомневались в том, что она не отступит от своего решения, которое было почти неслыханным нарушением обычного права. При всем том им стало жаль своей любимой дочери, и они горячо приняли ее сторону, заявляя, что готовы на всякие жертвы для ее выкупа и спасения и что сами они ее не выдадут. Красота дочери Байсерке, ее самобытный ум и отвага привлекли на ее сторону не только весь ее род, но и все племя дулатов, и если бы жених принадлежал к этому племени, то дело могло бы уладиться, так как жениха и его родителей можно было бы уговорить отказаться от невесты за возврат калыма и крупное вознаграждение. Но так как жених принадлежал не к одному племени с невестой, то все племя атбанов сочло инцидент за народное оскорбление и подняло все свои старые многолетние счеты с дулатами, усиленные еще и личной враждой между султанами обоих племен.

Для съезда была выставлена очень большая юрта, богато убранная бухарскими коврами. Перед ней были мы встречены старшими султанами обоих племен. Это были: с одной стороны славившийся во всем Семиречье своим умом и отвагой султан атбанов — Тезек, очень популярный во всей киргизской степи, а с другой — очень известный своим богатством и гостеприимством, несколько надменный старый султан дулатов Али.

Пристав представил мне обоих султанов, а когда мы вошли в юрту, то меня там приветствовали избравшие меня своим суперарбитром бии. Личности этих биев меня тем более интересовали, что в них я видел не наследственных сановников, а народных избранников. Впрочем, оказалось, что в половине XIX века в Большой орде никто не выбирал и никто не назначал биев. Это были просто люди, указанные общественным мнением, к которым все нуждавшиеся в правосудии обращались по своей доброй воле за разбирательством своих споров, как к лицам опытным и составившим себе всеобщую известность своей справедливостью, своим умом и другими качествами, но в особенности тонким знанием обычного народного права. Между такими лицами были и люди

знатные, белой кости, нередко и люди черной кости, но, во всяком случае, люди, прославившиеся своими несомненными личными достоинствами. Местопребывания (кочевья) этих людей были всем известны, и чем большей славой они пользовались, тем более имели клиентов. На наш съезд бии обеих сторон были вызваны султанами, которые в их выборе руководились исключительно общественным мнением.

Со стороны дулатов это были: Дикамбай, дядя невесты, атлет по сложению, обладавший громовым голосом, прежде знаменитый батыр, ломавший в сражениях сразу по десятку копий, против него направленных. Вторым представителем дулатов был почтенный старик Дугамбай, с длинной седой бородой, пользовавшийся репутацией лучшего знатока и верного носителя киргизского обычного права. Третьим представителем дулатов был живой, всегда остроумный и меткий в своих замечаниях Джайнак.

Между атбанами считался лучшим знатоком обычного права другой Джайнак, но наибольшим уважением между ними пользовался второй их представитель, Атамкул, славившийся своей справедливостью и неподкупностью и слывший лучшим батырем своего племени. Доблестный на полях битв, ловкий на байгах (турнирах), он был не менее мудрым на советах и на общественных судах и олицетворял собой тип «рыцаря без страха и упрека». Наконец, третий представитель атбанов, Мамай, был также одним из храбрейших людей своего племени, славился своей предприимчивостью, отвагой и искусством на барантах (разбоях) и имел все наклонности энергического экспроприатора.

В глубине юрты, против входа, на самом почетном месте был разостлан богатый текинский ковер, на котором меня посадили рядом с полковником Перемышльским, а за нами, на малозаметном месте, поместился переводчик. Направо от меня занял место нареченный мой союзник в предпринимаемой мной экспедиции к подножью и в глубь Тянь-Шаня султан Тезек, а налево от Перемышльского — «Агамемнон» Большой орды, не хотевший допустить насильственного похищения у его племени «прекрасной Елены». Далее по обе стороны нашей центральной группы расположились на отдельных ковриках величественные фигуры шести биев.

Судоговорение началось с того, что знатный Байсеркe ввел в нашу юрту, в качестве подсудимой, свою

дочь, которая была вызвана на суд по моему требованию. Дочь Байсерке, стройная 19-летняя девушка, поразила всех присутствовавших своей красотой и необыкновенным одушевлением. Громким голосом и с большой энергией произнесла она свою защитительную речь, в которой объяснила, что вполне сознает права на нее жениха, его родителей и всего племени атбанов, и что суд, вероятно, решит дело не в ее пользу, но что она ни в каком случае живой не достанется своему мужу, а что получить ее мертвой ни жениху, ни его родителям нет никакой прибыли.

Вслед за ней и я обратился к биям с речью, немедленно переведенной на киргизский язык, высказал, что, конечно, все дело должно быть судимо по киргизским законам, которые известны биям лучше, чем мне, но я не могу не напомнить, что по русским законам нельзя принудить девушку итти в замужество без ее на то согласия, а потому следовало бы искать из этого дела такого выхода, который, удовлетворяя киргизским законам, не имел бы последствием бесполезную смерть девушки, высказавшейся так решительно перед всеми. При этом я признаю в этом деле два важных условия: первое — справедливое удовлетворение интересов жениха и его родителей, а второе — удовлетворение чести всего племени; что касается до первого, то я знаю, что бии, как мировые судьи, позаботятся прежде всего о примирении обоих сторон, и я уверен, что они найдут средства к такому примирению, соблюдая интересы истцов и справеведливости; что же касается до второго, то оба племени здесь прекрасно представлены и пользующимися народным доверием биями, и своими султанами, так что можно надеяться, что съезд найдет возможность выйти из затруднения с полным удовлетворением чести обоих племен.

После этого вступления бии принялись обсуждать дело по существу. Скоро между ними завязался спор, сначала довольно спокойный, а потом все более и более страстный и едва не превратившийся в открытую ссору.

Все три атбанские бия горячо доказывали, что отказ невесты, поддержанный ее родителями и ее родом, представляет собой такое неслыханное правонарушение, которое является оскорблением всего племени.

В ответ на это поднялся со стороны дулатов Джайнак и со своим всеми признаваемым авторитетом стал доказывать, что если и было, действительно, несомнен-

ное правонарушение со стороны невесты и ее родителей, то правонарушение произошло и еще ранее со стороны жениха. По киргизским народным обычаям дочь знатного человека может быть только первой женой своего мужа, и никогда родители белой кости не согласятся выдать свою дочь во вторые жены. Родители невесты, заключая брачную сделку за свою дочь, знали, что жених ее не женат и что они получают от него первый калым и выдают свою дочь в первые жены. Но когда калым был уплачен, и жених приехал за своей женой, то оказалось, что он уже женат. Два атбанские бия отрицали этот факт, но третий, справедливый и безупречный Атамкул, разъяснил это разноречие, сказав, что жених, действительно, уже имеет жену, взятую после уплаты калыма за дочь Байсерке и до ее взятия в жены; однако жених никому не платил второго калыма и сам не имел намерения вступать в брак с другой невестой, но должен был признать женой вдову своего брата, что было не только его правом, но и его обязанностью. Вопрос сильно осложнился этим объяснением. После довольно продолжительных споров Атамкул признал, однако же, что со стороны жениха произошло, хотя совершенно невольное, нарушение прав невесты, а потому все бии согласились вступить в переговоры с родителями жениха об их удовлетворении. После этих переговоров биям удалось уговорить жениха и его родителей отказаться самим от невесты, получив обратно свой калым, а сверх того еще и кун (выкуп за принадлежащую им невесту) в размере, равном калыму.

Оставался еще второй вопрос: чем можно удовлетворить честь атбанского племени. Поднялся бий Мамай и предложил следующую комбинацию: невеста должна быть выдана жениху, по крайней мере, на одну неделю, а затем он по собственному произволу откажется от нее и отошлет к родителям.

На это я возразил, что я считаю вполне достаточным, что дочь Байсерке по нашему вызову была привезена на наш суд своими родителями, которые тем самым уже выразили свою покорность решению съезда, но что выдача ее на одну неделю была бы уже несовместима с достоинством девушки белой кости, которая может сделаться навсегда только первой женой своего мужа, но ни в каком случае не его временной наложницей. Пристав Большой орды энергически поддержал меня, заявив, что он не может допустить, чтобы в племенном споре

восстановление прав одного племени было бы сопряжено с еще большим нарушением прав другого.

Поднялся хитроумный султан Тезек. Он объяснил, что не считал себя вправе вмешиваться в суд биев, когда они обсуждали права обеих тяжущихся сторон, то есть жениха и невесты, но что когда дело идет о восстановлении дорогой ему чести всего племени, им управляемого, то он считает себя обязанным высказать свое мнение. Он считал справедливым вознаградить жениха и его родителей возвратом калыма и уплатой куна, но независимо от того, для удовлетворения племенной чести, он предлагает отказать дяде невесты, присутствующему здесь Дикамбаю, в высватанной им в атбанском племени невесте, конечно с возвратом и ему калыма, но без уплаты неустойки (куна). Предложение было принято единогласно биями, но с тем, чтобы на него последовало согласие Дикамбая. Поднялся Дикамбай и заявил, что, желая спасти свою племянницу и восстановить мир между двумя племенами, он соглашается на предложение биев. Дело было решено съездом единогласно. Дикамбаю было уплачено 50 лошадей и атбанскому жениху и его семейству 100. Таким образом окончился спор, продолжавшийся более года, ко всеобщему удовольствию, и юный брат невесты Ходжир был отправлен к ней и ее родителям в аулы султана Али гонцом с радостной вестью.

Бии разъехались. Тезек отправился по аулам собирать своих атбанов для того, чтобы последовать за мной в экспедицию на помощь старому Бурамбаю, а я поехал вместе с Перемышльским на ночлег, приготовленный нам на Тал-булаке, отстоящем в нескольких верстах от места нашего съезда.

<...> Юрта, нам выставленная, состояла из красиво расшитых тесьмой войлоков и была роскошно убрана бухарскими коврами. Но гораздо интереснее для меня была постоянно жилая юрта Аблеса, в которую мы были приглашены для угощения и где я мог ознакомиться со всеми предметами домашнего обихода богатых киргизов Большой орды, и с ручными их изделиями, как, например, с белоснежными их войлоками из верблюжьей шерсти, вышитыми цветными шнурами и обшитыми широкой пестрой тесьмой, а также с красивыми разноцветными войлочными коврами, сшитыми мозаично из цветных войлоков, и т. п. Мы справедливо могли удивляться и простору, и комфорту этой жилой юрты и бо-

гатству ее убранства высокого качества бухарскими, кашгарскими и текинскими коврами, и разнообразию домашней утвари, отчасти восточного, отчасти русского производства, расставленной на ковровых тюках вдоль стен юрты. Между этой утварью были и китайские фарфоровые чашки, и русские стеклянные стаканы, и блюдечки, и русские ножи и вилки, и серебряные ложки, и красивые по своим формам бухарские медные кумганы (рукомойники и лоханки), и русская деревянная посуда: большие чаши, заменявшие блюда, и многочисленные русские погребцы и шкатулки.

В одной стороне юрты помещался большой диван-постель, прикрытый богатыми одеялами, мозаично сшитыми из разноцветных шелковых материй. Красиво вышитые разноцветными шелками суконные салфетки прикрывали прекрасно связанные самодельными шнурами ковровые тюки, расставленные вдоль стен.

Впереди дивана-постели на текинском ковре сидела жена Аблеса, одетая в богатый китайский шелковый халат. На голове ее была белая, живописно сложенная повязка. Когда же вошел в юрту Али-султан, то перед частью юрты, в которой сидела жена Аблеса, опустился богатый шелковый занавес и скрыл ее, так как она не должна была показываться перед своим тестем.

Началось угощение. Сначала подавали кумыс, затем чай в китайских чашках с сахаром, изюмом, шепталой, бурсаком и ташкентскими конфектами. Затем угощение продолжалось очень вкусным пилавом на курдючном сале с бараниной, изюмом и луком. Вышел маленький сын Аблеса и мелькнули две его маленькие сестры: последние в шелковых халатиках и киргизских шароварах, с меховыми шапочками на головах.

Затем мы вернулись в свою юрту, куда нас проводил Аблес; он был богато одет в шитый золотом халат и имел на голове коническую бархатную шапку, шитую золотом и отороченную соболем. Здесь подали еще угощение, состоявшее из баранины и конины.

<...> В 3 часа пополудни мы уже остановились на левом берегу Чилика у впадения в него сухого в то время русла Асы-су. Здесь была выставлена для меня просторная атбанская юрта, в которой встретилась большая необходимость, так как на нас налетела скоро спустившаяся с гор черная туча и пошел проливной дождь, а между тем приехал ко мне на необходимое свидание хозяин здешнего подгорья, султан Тезек, с которым я

уже познакомился на атбанодулатском съезде. Под защитой прочной юрты мы в течение трех часов, несмотря на непогоду, могли с комфортом за предложенной мной моему гостю чашкой чая переговорить с ним окончательно о предстоявшей нам экспедиции и, распределив свои роли в оказании помощи старому богинскому манапу Бурамбаю, условиться в месте нашей встречи и соединения перед кочевьями Бурамбая около горного прохода у Санташа (подошвы Тяньшанского хребта).

При ближайшем моем знакомстве с Тезеком, пользовавшимся славой батыря во всей Большой орде, я убедился, что имею дело с действительно выдающейся личностью. Тезеку было немного более 40 лет отроду; он был высокого роста, открытой наружности, аристократического киргизского типа, с изящными приемами человека «белой кости», но далеко не атлетического сложения. Он даже родился недоношенным ребенком, почему и получил имя Тезека (что значит по-киргизски помет). Но его происхождение[5], прирожденная его талантливость и благоприятно сложившиеся для него обстоятельства во время его молодости выработали из него совершенно выдающуюся личность.

Обстоятельства эти заключались в том, что Большая киргизская орда, после всех других вошедшая в русское подданство и кочевавшая на самой дальней окраине русских владений в Киргизской степи, пользовалась до занятия Заилийского края, то есть до второй половины XIX века, большой самостоятельностью и не имела никакого близкого и непосредственного русского начальства, вроде учрежденного впоследствии пристава Большой орды, а была подчинена только семипалатинскому губернатору, жившему в своем областном городе на казачьей Сибирской линии, проходившей по Иртышу далеко позади киргизских степей, в тысяче верст от земель Большой орды, занимавших обширное пространство в южной части Семиречья до китайских пределов Кульджинской области и в Заилийском крае до южной цепи

[5] Племена атбанов и дулатов Большой орды сохраняли еще в половине XIX века общее название усунь. Их султаны считали свой род происходившим от более древних властителей, чем чингисханиды, бывшие родоначальниками многих султанских родов Средней орды; весьма возможно, что султаны племен, сохранивших имя усунь, происходили от древних усуньских властителей (кун-ми), с которыми роднилась еще во II веке до нашей эры китайская династия.

Заилийского Алатау, отделявшей их от земель каракиргизов, которые состояли отчасти в номинальной зависимости от Китая, но всего более в подданстве кокандского хана. С этими-то дикими и хищными горцами киргизам Большой орды около половины XIX века приходилось вести борьбу за существование, тем более тяжелую, что на их землях до 1854 года не было для них ответственности перед петербургскими властями за возбуждение международных столкновений. Киргизам Большой орды, беспрестанно подвергавшимся набегам и баранте своих хищнических иноземных соседей, оставалось, следовательно, искать спасения в мужественной и энергичной самозащите. Эти условия самостоятельной борьбы за существование вырабатывали между ними в середине XIX века такие мужественные и героические типы, к которым принадлежали нареченные союзники моего предприятия, а именно султан Тезек и бий Атамкул.

Познакомившись обстоятельно с Тезеком, я скоро пришел к убеждению, что с таким союзником я, наконец, могу осуществить свою заветную мечту проложить путь со стороны России в глубь центральной Азии, в совершенно недоступные до тех пор для географической науки недра самой центральной из горных систем Азиатского материка — Тянь-Шаня.

Сближение мое с Тезеком произошло особенно скоро, потому что он, со свойственной ему точностью ума, где начинается и где кончается его роль, и нашел для себя выгодным поставить себя, со всеми своими всадниками на время моего пребывания во владениях Бурамбая, в полное мое распоряжение, зная по моей уже сложившейся за все время путешествия репутации, что я никаких поборов с киргизов не допускаю, от пошедших же под наше покровительство богинцев никаких подарков не приму, и что вся благодарность Бурамбая за оказанную ему помощь выпадает на долю Тезека. Нам оставалось только условиться о времени и месте нашего съезда перед кочевьями Бурамбая.

<...> Радость Бурамбая по поводу прибытия русской помощи объяснялась совершенно критическим его положением, так как вся состоявшая в его владении восточная половина бассейна озера Иссык-Куль была уже для него фактически потеряна. Он очистил ее как по северному, так и по южному прибрежью озера (по Кунгею и Терскею) со времени своего поражения осенью

1854 года и ушел на зимовку за горный перевал Санташ, оставив только несколько аулов в долинах рек Тюпа и Джаргалана — восточных притоков озера. На эти-то аулы сарыбагиши направляли неустанно свои баранты, и в один из таких набегов им удалось, в то время когда Бурамбай находился со своим войском на Терскее, обойти его с Кунгея и отсюда дойти до его аулов на реке Тюпе, разгромить их совершенно, захватив в плен часть его семейства, а именно одну из его жен и жен трех его сыновей. Это произошло в конце 1856 года, после чего Бурамбай укочевал за Санташ, и сарыбагиши уже считали весь бассейн Иссык-Куля завоеванным ими, в особенности после следующего эпизода, случившегося весной 1857 года.

Один из сильных богинских родов, Кыдык, с бием Самкала во главе, состоявшим к Бурамбаю в таких же отношениях, как в древней Руси удельные князья к великим, рассорился с главным богинским манапом и, отделившись от него, решился укочевать со всем своим родом, численностью в 3 000 человек, способных носить оружие, за Тянь-Шань, через Заукинский горный проход. Сарыбагиши, уже занимавшие все южное прибрежье Иссык-Куля (Терскей), коварно пропустили мятежных кыдыков на Заукинский горный хребет, но когда эти последние со всеми своими стадами и табунами уже поднимались на перевал, то они напали с двух сторон — с тылу от озера Иссык-Куль и спереди от Нарына, то есть от верховьев Сырдарьи, и разгромили их совершенно. Все стада и табуны кыдыков были у них отбиты; множество людей погибло в бою или было захвачено в плен, и только слабые остатки трехтысячного рода спаслись бегством через высокие долины альпийской зоны Тянь-Шаня и вернулись поневоле в подданство Бурамбая.

Старый Бурамбай, впрочем, не столько горевал о потерях кыдыков, самовольно от него отделившихся, сколько об утрате своей территории в бассейне Иссык-Куля, своих пашен и садиков на реке Зауку и о пленицах своей семьи. Аул, в котором произошло мое первое знакомство с Бурамбаем, был расположен на самом Санташе.

Санташ очень мало возвышался над кочевьями Буранбая и получил свое название от груды камней («Санташ» значит тысяча камней), наваленных на берегу небольшого озера.

Относительно этой груды камней сохранилось между каракиргизами следующее предание. Когда Тимур (Тамерлан) в последней четверти XV века предпринял свой первый поход из Самарканда мимо южного побережья озера Иссык-Куль в отдаленные восточные страны Азии, то он направился в нынешнюю китайскую Илийскую провинцию через самый удобный перевал из иссыккульского бассейна в илийский, получивший имя Санташ только после Тамерланова похода по следующему обстоятельству. Так как Тимур шел во главе несметного войска, то на перевале, ведущем в неподчиненные еще его владычеству страны, ему вздумалось сосчитать количество своих войск еще до начала военных действий. Для этой цели, проходя по прибрежью Иссык-Куля, он приказал каждому из своих воинов захватить с собой по одному камню. При переходе через перевал Тимур приказал своим воинам сложить захваченные камни в одну груду на берегу находившегося на перевале озера. Таким образом, число сложенных в груду камней представило полную численность войска, перешедшего через перевал. Когда же, после продолжительного похода, Тимур, победив всех своих врагов во множестве битв и завоевав обширные страны на востоке, возвращался в свою столицу тем же путем через Санташ, то он вздумал произвести новый счет своей победоносной армии и приказал каждому воину, возвращавшемуся через Санташ, захватить по одному камню из сложенной там груды. Груда эта чрезвычайно уменьшилась, но зато, когда она была пересчитана, то численность ее представила, с одной стороны, число погибших во время похода воинов, а с другой — осталась навсегда их памятником, сложенным в чуждой стране их собственными руками.

<...> Урочище, по которому мы вышли на реку Зауку, называлось Кызыл-джар. Свое название «Красного яра» оно получило от огромного обнажения довольно слабого красного несчаника, наполненного валунами и расположенного красивыми пластами с явным простиранием от В к З падением 15° к Ю. Эта интересная горная порода и есть очень древний по своему происхож-

дению иссык-кульский конгломерат, найденный мной таким образом впервые на расстоянии более двадцати верст от озера и на немалой высоте над его уровнем.

В историческом отношении урочище представляло не меньший интерес. Историческая роль этой местности начинается уже с VII века нашей эры. В это время (630 г.) проник сюда первый до меня путешественник — очевидец, доставивший географические сведения о Тянь-Шане и Иссык-Куле. Это был буддийский паломник китаец Сюань-цзан, проникший сюда на своем пути от одного из городов Семиградья, расположенного на юг от Тянь-Шаня, а именно Ак-су, в столицу тюркского кагана (хана). Путь паломника шел через Тянь-Шань, вероятно, по Заукинскому горному перевалу, спускался на южное побережье Иссык-Куля (Терской), по которому шел далее через реку Барскаун, выходил с западной оконечности озера на реку Чу и, пройдя через Буамское ущелье, достигал верховьев реки Таласа и страны «Тысячи источников» (Мын-булак). В этой стране находилась в то время ставка (резиденция) тугюэского (тюркского) кагана, носившая название Суяба.

Через столетие после путешествия Сюань-цзана столица каганов Суяб была в 748 году разрушена китайцами, а через 18 лет после того (в 766 г.) была занята снова харлуками, народом тюркского же племени, которые, так же как и другие их соплеменники — тукюэ и киргизы,— вышли из южного Алтая и верхнего Енисея.

В это время интересная местность Кызыл-джара, в которой я находился (12 июня 1857 г.) была занята отделившимся от харлуков племенем джикиль, основавшим здесь свою резиденцию, получившую название Джар (Яр). С этой поры (конца VIII века) местность Яр (Кызыл Джар) по своей населенности и культурности уже не уступала другим подобным местностям на северном склоне Тянь-Шаня, а именно Суябу в стране «тысячи источников» и Барскауну близ впадения реки этого имени в Иссык-Куль. Во всех этих местностях еще во время моих путешествий в 1857 году были видны древние развалины — остатки арыков и очень древних и совершенно одичавших садовых насаждений, в виде целых рощ яблонь и абрикосовых деревьев (урюков).

<...> 15 июня ...мы в возможно короткое время вышли на самый берег Иссык-Куля восточнее бухты Кызыл-су. На этом самом побережье был найден богинцами незадолго до моего путешествия очень древний по

форме и украшениям больших размеров медный котел и несколько медных орудий, по-видимому, бронзового периода[6].

<...> Интересно было бы для меня проверить рассказы каракиргизов об исчезнувших под водой развалинах строений, которые иногда, при низком стоянии воды, бывают видны и поныне. В подтверждение этого показания каракиргизы сообщали мне, что они нередко находили на берегу, осмотренном мной 13 июня, кирпичи и камни, из которых были сложены исчезнувшие под водой строения. Место, на котором они видели эти строения, они мне указывали с берега, посещенного мной 14 июня 1857 года, и с мыса, разделяющего заливы Тюпа и Джаршалана. Расположено это место, казалось мне, на подводном продолжении мыса Кара-бурун и, во всяком случае, в восточной мелководной части озера, потому что в нее вносится постоянно большое количество наносов.

Независимо от этих исчезнувших под водой Иссык-Куля построек есть еще и другие исторические показания о бывших на Иссык-Куле островах, ныне, очевидно, исчезнувших. Показания эти относятся к XIV и XV векам. В XIV веке, по показанию Араб-шаха, великий Тимур (Тамерлан) помещал своих знатных пленников на острове озера Иссык-Куля, где он приказал устроить для них жилище. В середине XV века, по показанию мусульманских источников, один из монгольских ханов основал на острове среди Иссык-Куля в местности Койсу укрепление, в котором держал для безопасности свое семейство. Сопоставляя эти три показания, я не имею причины сомневаться в их справедливости и прихожу к заключению, что все три относятся к одному и тому же острову, существовавшему в XIV и XV веках и в то время застроенному и исчезнувшему под водой озера вместе со своими постройками позже XVI века.

<...> Исчезнуть со всеми своими постройками под волнами Иссык-Куля было не особенно трудно при всякой сильной буре, сопровождавшей одно из тех землетрясений, которым часто бывали подвержены прибрежья

---

[6] Впоследствии я обратил внимание Кауфмана на возможность разыскать эти интересные предметы в богинских кочевьях, и по его распоряжению они были действительно разысканы и помещены в созданном им интересном ташкентском музее, но что с ними сделалось после закрытия музея, неизвестно.

Иссык-Куля. Таким образом и обломки строений, выбрасываемые на прибрежье, посещенное мной 14 июня 1857 года, относятся не к усуньско-китайскому периоду (II веку), а к монгольскому (XIV и XV векам).

<...> Очевидно, что Санташ, так же как и все пространство между Тянь-Шанем и Заилийским Алатау, далее оба берега Иссык-Куля, а затем течения рек Чу и Таласа служили самыми торными путями народных переселений из внутренней нагорной Азии, о которых китайские летописи сохранили очень обстоятельные воспоминания. Летописи эти уже во II веке до нашей эры часто повествуют о кочевых народах, с которыми китайцы знакомились на северо-западной оконечности Срединной Китайской империи, там, где ее провинция Гань-су сравнительно узкой полосой вторгается на Среднеазиатское нагорье, как бы простирая руку для того, чтобы захватить его. К этой северо-западной оконечности империи охотно стремились самые энергические из азиатских кочевников, находя здесь «ахиллесову пяту» Китая, так как отсюда в период ослабления китайского государства они могли громить его безнаказанно своими вторжениями, унося с собой богатую добычу из разоряемых ими оседлых китайских поселений.

Самым могущественным и опасным для Китая из этих кочевых народов за два века до нашей эры были гунны, обитавшие здесь с подчиненными им племенами — темными монгольского типа юэ-джисцами и голубоглазыми и русыми усунями. Во втором веке до нашей эры, когда государственность Китая, после периода его слабости, начала снова пробуждаться, китайцам удалось несколько оттеснить гуннов от ганьсуйского входа в богатые и плодородные китайские равнины. Гунны подались назад и, в свою очередь, выбили усуней и юэджисцев из их кочевий, заставив их бежать на отдаленный запад. Сначала двинулись усуни и, следуя северной тянь-шанской дорогой (Тянь-Шань-бей-лу), вышли в бассейн реки Или. За ними медленно потянулись и юэджисцы. Сначала они удержались еще в соседстве гуннов, но, сбитые ими снова, они уже бежали без оглядки в намерении соединиться с усунями. Следуя сначала по южной тянь-шанской дороге (Тянь-Шань-нань-лу), они перешли на северный склон Небесного хребта в меридиане города Хами, но, найдя этот северный склон занятым усунями, окончательно утвердившимися и в бассейне Или, и в бассейне Иссык-Куля, прошли вперед мимо них,

уклонились снова на юг и вышли по Яксарту в древнюю Согдиану, а оттуда уже пошли далее на запад в Европу.

Усуни же оставались бесспорными владельцами бассейна Иссык-Куля в течение пяти веков и, казалось бы, не могли не оставить по себе каких-нибудь памятников, к которым и следует относить здешние каменные бабы, находимые здесь орудия бронзового периода и вообще самые древние предметы из выбрасываемых волнами Иссык-Куля.

По всегда обстоятельным сведениям китайских летописей, всех усуней, утвердившихся во втором их отечестве, было 120 000 семейств, а войско их составляли 188 000 всадников. Страна их, по описанию китайских летописей, обиловала превосходными пастбищами и стадами, составлявшими их главное богатство, но она была холодна и обильна дождями, а горы ее поросли еловыми и лиственными лесами. Всего охотнее усуни занимались коневодством: богатые имели свыше 4 и даже 5 тысяч лошадей. Хотя усуни состояли под верховным владычеством гуннов, но все-таки они имели своих довольно могущественных государей, носивших титул кюнь-ми. Китайцы охотно искали союза с этими усунскими правителями для того, чтобы возбудить, в случае надобности, войны в тылу сильных своих врагов. Поэтому китайский двор в 107 году до нашей эры отдал свою принцессу в замужество усунскому королю с титулом кюнь-ди. Для этой королевы был выстроен в главном стойбище усуньского короля первый китайский дворец. Эту королевскую резиденцию китайцы называли Чигучин, то есть «город красной долины». Этой «красной долиной», по моим местным соображениям, могла быть только долина Джаргалана, но, во всяком случае, Чи-гучин находился не на берегу Иссык-Куля, а на некотором расстоянии от него, как то подтверждается древними китайскими картами, что вызывалось потребностями усуньских государей быть окруженными богатыми пастбищами, а не водой.

Жалобная песнь усуньской королевы, написанная ею еще до постройки дворца в конце II века до нашей эры, сохранена китайскими летописцами. Вот ее перевод:

Родные выдали меня замуж
И принудили жить в далекой стране,
Дворцом служит мне бедная юрта,
Которой стены обиты войлоком.
Сырое мясо служит мне пищей,
А кислое молоко напитком.

К отечеству стремятся мои чувства,
И сердце мое уязвлено глубоко.
О, если бы я могла быть перелетной птичкой,
Как быстро понеслась бы я туда.

Но уже в царствование внука королевы, по имени Уд-зы-ты, царство усуней разделилось на большую и малую половины, и временная столица Чи-гу-чин была навсегда оставлена.

Несомненно, что падению усуньского государства всего более способствовало то, что гунны, постепенно вытесненные китайской политикой из соседства провинции Гань-су и из Тангута, также ушли на запад и нашли себе второе отечество в Джунгарии, подчинив всех кочевников, обитавших между Тянь-Шанем и Алтаем и принадлежавших преимущественно к восточно-тюркским племенам (ту-кюэ). Китайские летописцы зорко наблюдали за передвижениями своих врагов, собирая о них обстоятельные сведения, но в начале нашей эры они уже теряют их из виду, довольствуясь последним сообщением о том, что они ушли на Си-хай, то есть «западное море», под которым китайские историки разумеют Арало-Каспийский бассейн. Очевидно, что китайские гунны, согласно свидетельству их летописцев, не могли итти на запад другим путем из Джунгарии, как через нынешние киргизские степи и через реку Урал в Заволжье, где впервые сделались известны европейские гунны в бассейне реки Итиля (Волги), давшей, по-видимому, имя знаменитому Аттилу. Только в Европу азиатские гунны пришли из второго своего отечества не исключительно в своем племенном составе, а в агломерационном, составившемся из разнообразных племен кочевников, живших между Тянь-Шанем и Алтаем и признававших политическое владычество гуннов. Далеко не все эти племена последовали за гуннами, а многие остались на прекрасных пастбищах Джунгарии, взамен которых азиатские гунны увлекли в дальнейшем своем движении попадавшиеся на их пути народы, преимущественно финских племен.

Об усунях китайские летописцы упоминают еще до начала IV века нашей эры. Вытесненные в это время со своих тяньшанских кочевьев волной, произведенной великим движением гуннов, они бежали отчасти на юго-запад к верховьям Яксарта и в Трансоксиану и отчасти на северо-запад в киргизскую степь, где подчинились надвинувшимся туда тюркским племенам (ту-кюэ), сме-

шались с ними в союзах, получивших в сравнительно новейшее время название киргиз-казахов, и с тех пор уже навсегда исчезли с театра истории. Очевидно, что остатки усуней следует искать между племенами каракиргизов и киргизов Большой орды, между которыми я, с одной стороны, встречал изредка голубоглазых и русых, а с другой стороны — уцелело слово «усунь», которым киргизы Большой орды обозначают два из своих родов в совокупности, а сарыбагиши — один из своих родов. Понятно, что от кочевников, живших здесь до начала нашей эры, никаких памятников, кроме каменных баб и некоторых бронзовых орудий, не могло сохраниться, но зато природа заилийского края и тяньшанских предгорий местами сохранила свои характерные черты, так хорошо подмеченные две тысячи лет тому назад китайцами.

<...> В бытность свою в Венеции в начале 1850-х годов на знаменитой каталанской карте, там сохранившейся, я видел впервые изображение озера Иссык-Куля, а на северной стороне его был изображен монастырь несторианских христиан, бежавших, как известно, из стран Ближнего Востока (Сирии и т. д.) в глубь Азии и основавших в XII веке свой монастырь на берегу Иссык-Куля. Очевидно, что если этот монастырь находился на Кунгее, то основавшие его монахи могли выбрать для того себе место на берегу одной из малочисленных бухт Кунгея, защищенной от волнений озера и богатой рыбой. Под эти условия вполне подходит Курментинская бухта, но, к сожалению, я не нашел ни на ее берегу, ни в береговых наносах соседнего берега никаких предметов, оправдывающих мое предположение.

Побродив с наслаждением с полчаса по берегу озера и собрав еще несколько интересных раковин, мы повернули к месту выхода из гор реки Курменты и прошли по дороге через указанное нам нашими проводниками поле памятной нам битвы, в которой пал в 1854 году знаменитый между каракиргизами манат Урман. Он был поражен смертельно сыном Бурамбая Клычем ударом копья, попавшим ему прямо в сердце. Урман умер в юрте Коджигула, двоюродного брата Бурамбая, на руках прискакавшей к нему дочери, бывшей замужем за Эмирзаком, вторым сыном Бурамбая. В битве участвовали с обеих сторон до 6 000 всадников и, несмотря на гибель Урмана, сарыбагиши одержали полную победу. Это было еще в 1854 году, а с тех пор, до моего прибы-

тия в 1857 году, богинцы потеряли все свои владения на Иссык-Куле, простиравшиеся за середину озера, как на Терскее, так и на Кунгее, и удалились на Санташ.

<...> Моя экспедиция на берега Иссык-Куля и во внутренность Тянь-Шаня до истоков Яксарта, так же как и поездка на Кунгей, возвращала Бурамбаю все его владения в бассейне Иссык-Куля, остатки его резиденции в Заукинской долине и множество плененных сарыбагишами богинцев, а союз с султаном Тезеком обеспечивал ему надолго его безопасность. Оставались у него на душе только еще два настоятельных желания.

Первое состояло в том, чтобы я попросил письменно сарыбагишского манапа Умбет-Алу, который уже был моим «тамыром», о том, чтобы он возвратил Бурамбаю, за какой он положит выкуп, всех пленниц его семейства. Случай к тому представлялся для меня очень удобный. Я немедленно возвратил свободу, оружие и лошадей двум сарыбагишам, захваченным мной заложниками при взятии в плен Сарыбагишской баранты. Им я поручил доставить немедленно Умбет-Але мое письмо, на которое ответ был мной получен уже после моей второй поездки во внутренность Тянь-Шаня.

Второй и самой настойчивой просьбой Бурамбая было то, чтобы я оказал содействие о принятии его в русское подданство со всем его племенем и со всеми его владениями, в состав которых входила вся восточная половина бассейна озера Иссык-Куль и все северное подгорье Тянь-Шаня до восточных снегов высшей из вершин всего Небесного хребта — Хан тенгри. На эту просьбу Бурамбая я ответил, что готов ходатайствовать и перед генерал-губернатором, и в столице России о принятии его племени в русское подданство, но что для этого мне необходимо сначала закончить свое знакомство с его владениями. Вот почему я намерен теперь ехать в пределы его летних кочевьев на Мустаге к верховьям рек Кок-джара и Сары-джаса, о которых я уже получил расспросные сведения от кочевавших там когда-то богинцев. Бурамбай с удовольствием согласился на мое предложение, соображая, что все земли, которые я посещу, будут закреплены за его племенем; притом он предупредил меня, что на летовки на Сары-джасе его враги сарыбагиши никогда не заходят, потому что это слишком далеко от их кочевий и они боятся быть отрезанными от них, как был ими отрезан уклонившийся от Бурамбая богинский род, желавший перекочевать на реку Нарын.

<...> Еще более важные, хотя очень печальные, но вполне достоверные сведения, относящиеся к судьбе моего берлинского коллеги Адольфа Шлагинтвейта, были привезены мне посланцами Бурамбая, снаряженными им по моей просьбе в Кашгар для разведок. Посланцы, снаряженные Бурамбаем за два дня до моего последнего путешествия в Тянь-Шань к ледникам Сарыджаса, вышли на эту реку несколько ранее меня и оттуда через обходную дорогу на Куйлю, перейдя Тянь-Шань через Ишигарт, достигли Кашгара на своих превосходных лошадях в 8 дней пути, пробыли там несколько дней и вернулись к Бурамбаю на другой день после моего возвращения.

Посланцы, бывшие и прежде в Кашгаре, нашли там большую перемену. Китайские власти были уже давно изгнаны мусульманами, и в Кашгаре властовал туземный тюре, по имени Валихан, отличавшийся большой жестокостью. Зимой 1855—1856 годов в Кашгар прибыл знатный и очень ученый «фрянг» и привез с собой богатые запасы разных предметов: красивых тканей, оружия, часов, зрительных труб, каких-то инструментов и книг. Сначала Валихан принял его хорошо и даже, по его желанию, разыскивал для него проводников между каракиргизами, так как «фрянг» весной 1857 года собирался ехать на Мустаг, но затем Валихан почему-то не поладил с «фрянгом» и посадил его в тюрьму, забрал все его вещи и до наступления весны 1857 года приказал отрубить ему голову на площади Кашгара.

Сведения эти были переданы мне с такими подробностями, что сомневаться в гибели самоотверженного путешественника было невозможно. И все, что мне приходило в голову предпринять для того, чтобы спасти Шлагинтвейта в то время, когда я прибыл впервые в аулы Бурамбая, где уже ходили неопределенные слухи о том, что Валихан держит в тюрьме какого-то знатного «фрянга», оказалось уже несвоевременным. Что же касается до собирания более точных сведений о гибели Шлагинтвейта, то я решился, по своем возвращении в Омск, настойчиво просить генерал-губернатора снарядить для этой цели единственного европейски образованного киргиза — казака поручика Валиханова в Кашгар, что и было впоследствии осуществлено с полным успехом, а значительно позже на месте казни Шлагинтвейта Русское Географическое общество соорудило- скромный памятник своему ученому.

<...> Но не успели мы еще отделиться от нашего отряда и начать налегке свою поездку на Орта-Мусарт, как вдруг прискакал к нам «весь в пене и пыли» гонец от султана Тезека с известием, которое сразу изменило все мои планы. Оказалось, что Тезек, вероломно захваченный одним из младших султанов Большой орды, Тарыбеком, лежит скованный у него в плену и рискует ежечасно быть убитым или выданным его врагам сарыбагишам.

Вот как все это произошло. В числе родов атбанского племени, подчиненного старшему султану Тезеку, находился род младшего султана Тарыбека, кочевья которого выступали далеко вперед всех кочевьев Большой Орды, на юге от реки Или. Жаркое время года Тарыбек любил пребывать в прохладной альпийской зоне южной цепи Заилийского Алатау, и в последние годы даже не возвращался на зимовки в илийскую равнину, зазимовывая в глубоких и хорошо защищенных долинах и ущельях Заилийского Алатау. Таким образом, связь Тарыбека с остальными родами племени атбанов постепенно ослабела, и он даже перестал платить обычную дань своему старшему султану.

Тезек, прибывший вслед за мной в богинские владения с сильным отрядом, хотел воспользоваться этим случаем для того, чтобы восстановить свое владычество над пройденными им попутно землями всего своего племени. Не подозревая никакой опасности, он явился с конвоем из четырех своих всадников в аул Тарыбека для переговоров по упомянутому предмету и был встречен этим последним с почетом. Но на другой день, когда требования Тезека не понравились Тарыбеку, он был вероломно схвачен им и скован. В последующую затем ночь двум из всадников Тезека удалось спастись бегством. Один из них направился по его поручению ко мне, а другой — к верному его другу, знаменитому атбанскому батырю Атамкулу, находившемуся на богинских аулах с частью тезекова отряда. Два же остальных всадника Тезека остались с ним в заключении.

Получив неожиданное известие об участи Тезека, я немедленно решился во что бы то ни стало поспешить на выручку своего союзника и поднял весь свой отряд в обратный путь. Не имея при себе верблюдов, мы могли ехать с большой быстротой и глубокой ночью уже достигли кочевьев Токсобы. Здесь мы отдохнули несколько часов в ожидании перемены лошадей.

На следующий день, 10 июля, мы выехали на этих свежих лошадях на рассвете, проехав с необыкновенной быстротой весь путь, вернулись тотчас после полудня к Бурамбаю, который уже сделал распоряжение о сборе лошадей и людей для нашей экспедиции на выручку Тезека. К 8 часам вечера все было собрано. В состав нашего отряда вошли: 40 казаков моего конвоя (10 казаков с моими вьюками и Кошаровым я оставил в аулах Бурамбая), 200 атбанцев под начальством храброго и верного Тезеку Атамкула и, наконец, 800 богинских всадников под начальством сына Бурамбая Эмирзака, жена которого была возвращена мной из вражьего плена. Мы были снаряжены так, что каждый из казаков и атбанцев имели по две оседланных лошади, из которых на одной он скакал, а другая бежала за ним в поводу, и он пересаживался с одной на другую через каждые тридцать верст.

Перед своим отъездом я навсегда простился с почтенным старцем Бурамбаем. Я благодарил его за то содействие, без которого я не мог бы проникнуть в долины Тянь-Шаня и нагорные выси Тенгритага, и повторил ему свое обещание содействовать всеми силами к принятию его в русское подданство. Прощание наше было тем более трогательно, что каждый из нас глубоко сознавал, чем мы друг другу обязаны.

Тронулись мы в путь ранее 9 часов и при помощи запасных лошадей на рассвете 11 июля достигли до кочевьев Тарыбека, находившихся в глубине одной из долин южной цепи Заилийского Алатау, на северной ее стороне. Таким образом, мы проскакали, сделав только на полпути одну получасовую остановку, около 130 верст в семь часов.

Верстах в пяти не доезжая до аула Тарыбека, я остановил весь наш отряд в глубоком овраге для того, чтобы сосчитать наши силы. Оказалось, что 40 казаков моего конвоя были все налицо, что из 200 атбанцев Атамкула было только 20% отсталых, но что в богинском отряде из 800 всадников прибыло только 20%, так как большинство их не имело запасных лошадей. При всем том ждать прибытия отсталых было невозможно, так как слух о нашем прибытии мог дойти до Тарыбека, и он успел бы покончить с пленным Тезеком. Поэтому я отобрал немедленно сотню лучших всадников и поскакал к аулу, а остальным приказал расположиться так, чтобы отрезать всему аулу выход из долины, в которой

он находился на кочевье. При этом я, однако же, отдал строгое приказание не предпринимать никаких враждебных действий против аула, стараясь захватить только одного Тарыбека.

Мы застали весь обширный аул в полной и живописной его перекочевке. Навстречу мне выехал брат Тарыбека Саурюк и объяснил, что Тезека в ауле уже не было. Он бежал ночью с одним из своих всадников, а другой, оставшийся в заключении, был немедленно мне представлен и подтвердил известие о Тезеке, утверждая, что его султан находится теперь уже в полной безопасности в верных ему аулах. Тарыбека также не было в ауле, он ускакал в горы на рассвете, как только получил первое известие о нашем приближении. Я объяснил Саурюку, что мы не имеем намерения предпринимать что-либо враждебное против аула и даже не желаем препятствовать его перекочевке, но непременно захватили бы весь аул с его стадами, если бы Тезека не было в живых или он был бы выдан сарыбагишам. Таким образом, вся наша экспедиция была благополучно окончена. Я распростился с Эмирзаком, который со своими всадниками вернулся к своему отцу, собирая по дороге отсталых, и с Атамкулом, который со своими всадниками направился в свой аул, находившийся не особенно далеко от места нашей остановки, причем Атамкул взял с меня слово, что я навещу его. Такие же приглашения получил я и от братьев Тарыбека — Саурюка и Басурмана.

<...> 29 июля мы снялись со своего ночлега ранее 8 часов утра и после быстрого перехода возвратились в Верное, где нас ожидала самая радушная встреча. Все почти население города, со всем начальством во главе, предупрежденное накануне о возвращении экспедиции Русского Географического общества, ожидало нас на главной площади города, где против быстро подвигавшейся вперед церковной постройки мы сошли с лошадей.

Действительно, первая научная экспедиция Русского Географического общества, посетившая юный, только что зарождавшийся в глубине Азиатского материка за рекой Или русский край, возбудила всеобщее и глубокое сочувствие.

Русские переселенцы из крестьян, уже достаточно ознакомившиеся с необыкновенным привольем чудного края, радовались: ученые люди приехали для изучения их польз и нужд.

Водворенные в Верном казаки, потомки сподвижников Ермака, признали нашу экспедицию своей не только потому, что они были привлечены к непосредственному в ней участию, но и потому, что полное неожиданностей блуждание в доселе недоступных русским, да и вообще в неведомых русским землям, возбуждало в них живые воспоминания о подвигах их предков при занятии Сибири в XVI и XVII веках.

Наконец, малочисленная интеллигенция Верного, живо заинтересованная в будущности края, очень сознательно относилась к последствиям, вызванным благополучно совершенной экспедицией.

Расспросам лиц, наиболее сознательно относящихся к будущности Заилийского края, не было конца. Ознакомившись из моих ответов с пределами владений богинцев, принятие которых в русское подданство закрепило бы за Россией не только обладание бассейном озера Иссык-Куль, но и всего северного склона исполинского Тянь-Шаня и Мусартскими горными проходами, полковник Перемышльский, с прирожденным ему здравым умом и знанием быта кочевников, очень хорошо понял, что и враждебные нам сарыбагиши, поставленные между двух огней — между киргизами, охраняемыми от набегов русскими властями, и никем не обузданными и более сильными кочевниками Кокандского ханства, очень скоро последуют примеру богинцев и пожелают войти в русское подданство, как шли одно за другим, по тем же причинам, в XVIII веке племена, входившие в состав Средней и Большой киргизских орд.

Начальнику верненской артиллерии полковнику Обуху, как наиболее образованному и развитому из местной интеллигенции, я решил объяснить свое мнение о необходимости и даже неизбежности в недалеком будущем вынесения нашей государственной границы с длинной оренбургско-сибирско-иртышской линии на линию, соединяющую Верное, или, лучше сказать, западную оконечность Иссык-Куля, с находящимся уже на нижнем течении Сыр-Дарьи оседлым пунктом — фортом Перовским. Мне казалось очевидным, что для рекогносцировки и занятия такой пограничной линии будет снаряжена в недалеком будущем экспедиция и что для успешного действия такая экспедиция должна быть снаряжена из Верного и опираться на Заилийский край.

В Верном я пробыл всего только три дня. С одной стороны, я торопился воспользоваться остатком осени,

для того чтобы закончить свои научные исследования в Семиреченском крае исследованием интересной местности Қату в Илийской равнине и посещением цветущей Лепсинской станицы в горной долине Семиреченского Алатау, а также посещением живо интересовавших меня озера Ала-Куль и Тарбагатайского хребта. С другой стороны, дальнейшее мое пребывание в Верном было бесполезным, так как город на третий день по моем возвращении был уже погружен в свой обычный алкоголизм, и мне оставалось только наблюдать причины и последствия этого печального явления, имевшего полвека тому назад такое обширное распространение на наших окраинах. Қазалось, что правительство старалось бороться с этим злом, по крайней мере на центральноазиатской нашей окраине, довольно радикальными мерами. В новозаселенных в Центральной Азии, Семиреченском и Заилийском краях было не только запрещено винокурение, но и ввоз туда спиртных напитков. Но с корчемным производством водки местным населением края бороться было невозможно. Водку предприимчивые казаки курили самыми первобытными способами из изюма, привозимого в громадном количестве на верблюдах из Ташкента. Независимо от того всемогущий откупщик, состоявший под специальным покровительством Главного управления Западной Сибири, с членами которого он так охотно делился своими барышами, отправлял, несмотря на запрещение ввоза спиртных напитков, в Семиреченский и Заилийский край караваны своей откупной водки из всех станиц сибирско-иртышской линии через киргизскую степь в Аягуз, Қопал и Верное. Бутылка этой водки стоила в Қопале и Верном три рубля, то есть та цена, за которую в Петербурге и Москве в то время продавалась бутылка шампанского, и такая высокая цена не имела ни малейшего влияния на прекращения или ограничения пьянства, а само богатство юной русской окраины много способствовало потреблению спиртных напитков, так как оправдывалось выражение откупщиков, что пил не только желудок, но и карман. Очевидно, что запрещение винокурения и ввоза водки в край оказалось недостаточным средством для борьбы с пьянством, потому что осуществить наблюдение за выполнением этих запрещений по местным условиям страны невозможно. Для борьбы с алкоголизмом на наших отдаленных окраинах нужны были другие, более тонкие меры.

<...> Вскоре после полудня мы прибыли в аул самого Тезека, который встретил меня с большой радостью и представил мне все свое семейство, в том числе мальчика-сына, которым особенно гордился и на голову которого надел богатую, шитую золотом, бархатную шапку казанского изделия, подаренную мной и оказавшуюся недостаточно большой для огромной головы Тезека. Само собой разумеется, что мы провели весь день после полудня и ночевали в богатой юрте Тезека.

7 сентября выехали мы из аула Тезека не ранее 8 часов утра и направились к юго-западу от его стойбища к довольно близким оттуда горам Кату. Переехав через речку Кок-терек, мы пересекли весь плодородный оазис Конур-озень и повернули круто в горы Кату, которые на северном своем склоне состояли исключительно из порфира.

<...> В Актау находились месторождения квасцов и, как утверждали местные киргизы, нашатыря. Китайцы оставили здесь везде следы опытов своей разработки на серу, квасцы и на руды, по их свидетельству железные и серебро-свинцовые, как и в Калкане.

<...> Гора Кату немного возвышается над Конуруленским плоскогорьем. Вдали от Актау блестела широкая лента реки Или, а за ней был виден зубчатый профиль горы Богуты. Поздно вечером мы вернулись из нашей поездки в горы Кату на ночлег в аулы Тезека.

8 сентября мы выехали от Тезека только после полудня, окончательно распростившись с ним, и, переехав через каменистое плоскогорье Конурулен, доехали до подошвы гор Аламан и остановились здесь на ночлег при выходе из гор реки Каракола.

9 сентября, рано поутру, мы поднялись Караколом в гору. Первые встреченные нами обнажения состояли из светло-серого диоритового порфира. Следуя вверх течения Каракола, мы мало-помалу вступили в продольную безводную долину хребта Аламан и последовали ею к В-С-В. Отсюда увидели первый еловый лес, встреченный нами на южном скате хребта, но он ютился на склонах продольной долины, обращенных к северу. Далее вышли на реку Букон, которая образуется здесь из слияния двух ветвей, и проследовали восточной ветвью до ее вершины. Все обнажения на нашем пути состояли из диоритового порфира.

Далее мы повернули несколько к северо-востоку, пересекая вершины речек, текущих на восток, и стали

подниматься на скат кристаллических пород, поднимающих гигантские пласты осадочных, а именно кремнистого сланца с падением 45° к Ю-В.

Легкими перевалами мы достигли до кульминационного пункта всего горного прохода через Аламанский хребет, который оказался здесь, по моему гипсометрическому измерению, в 2 470 метров абсолютной высоты. Измерение было сделано в 11 часов утра при температуре 14° Ц. Все обнаружения на перевале состояли из красного порфира.

Вид к В-Ю-В на цветущую китайскую Илийскую провинцию с ее утопающими в зелени деревьев поселками, до Кульджи включительно, был обширный и восхитительный. Течение Или при прозрачной атмосфере было обозначено светлой ленточкой. За этим течением ясная атмосфера позволяла нам рассмотреть сначала Нань-шань, то есть предгорья Тянь-Шаня, а затем ряд облаков обозначал направление самого Тянь-Шаня, там, где находился Мусартский горный проход.

Осмотревшись с вершины перевала, мы начали быстро спускаться на северную его сторону, следуя вдоль речки, которая ниже своего верховья уже сопровождалась еловым лесом, у нижнего предела которого мы и полдневали. Отсюда мы вышли на продольную долину, образуемую верховьем реки Бурохуджира и носящую название Саз. На всем спуске в нее горная порода во всех своих обнажениях состояла из сиенита. Сазская долина, при значительной ширине своей, мягкости ее скатов и постоянстве направления от востока к западу, медленно повышалась.

Пройдя истоки Бурохуджира, мы очутились на перевале Югенташ, абсолютная высота которого оказалась, по моему гипсометрическому измерению, в 1 880 метров. Термометр в 2 часа пополудни показывал 17°Ц.

Сначала мы спускались с перевала по реке Кескентереку, но потом река отошла от нас влево, и мы более на нее не выходили, но шли косогором, не выходя из ее продольной долины, и перешли три ее притока, носящие название Уч-су.

Во все время нашего следования через перевал Югенташ мы видели под нами обширные пятна вечного снега, а растительность была совершенно альпийская, между которой особенно бросался в глаза альпийский мак. Спускались мы по скату широкой продольной долины легкими увалами, имея постоянно в виду на дне долины

светлую извилистую ленту Кескен-терека, но, наконец, повернули правее отдельной сопки Аргал-тюбе и, не доходя и пяти верст до низкого перевала Аган-каты, ночевали в аулах суванского племени Большой орды.

<...> Вид через долину на замыкающие ее снежные белки Семиреченского или Джунгарского Алатау был очень красив. Поляны вечного снега за ночь очень расширились за счет свежевыпавшего снега. Температура и днем была низкой.

<...> Вообще Чубар-агачская долина представляет местность хотя не столь грандиозную, как долины Тянь-Шаня и Заилийского Алатау, но не менее привлекательную, чем лучшие долины французских Вогезов и Гардта в Баварском Пфальце, с которыми имеют большое сходство в своем осением убранстве. Гипсометрическое определение дало мне для высоты дна чубарагачской долины 820 метров абсолютной высоты. Лепсинский поселок был довольно хорошо обстроен из осинового леса, и только подоконники и косяки были сделаны из елового леса. Всех домов в Лепсинском поселении было в 1857 году 440, а жителей:

	муж. пола	жен. пола	всего
казаков	407	356	763
крестьян	751	702	1 453
	1 158	1 058	2 216

Поселенцы этой русской колонии в Центральной Азии, как крестьяне, так и казаки, были чрезвычайно довольны климатическими условиями страны и, в особенности, ее привольем и плодородием, хотя при непривычке к местным климатическим условиям болезни на первое время были часты. Но болезни эти зависели преимущественно от условий, неизбежно связанных с самым процессом колонизации. Преобладавшие болезни — цинга, дизентерия у детей и горячка — были в особенности обусловлены неприспособлением к местным условиям, отсутствием крова в климате довольно дождливом и подверженном быстрым переменам температуры, недостаточностью медицинской помощи, плохим уходом за детьми при первых усиленных полевых и строевых работах и злоупотреблением плодами и ягодами.

<...> Алакульский бассейн отличается от всех дру-

гих бесчисленных озерных бассейнов низменных Киргизских степей тем, что с его дна или с низменных берегов поднимаются высокие островные или полуостровные сопки, носящие название Арал-тюбе (островная гора) и хорошо известные всем когда-либо проезжавшим мимо озера Ала-куль. Это обстоятельство позволяет уточнить некоторые старые интересные исторические маршруты даже XIII века. Так, несомненно, что армянский царь Гетум, ездивший в XIII веке на поклонение к чингисханидам в их знаменитую столицу Каракорум, находившуюся в Монголии, близ нынешних границ Забайкальской области, проходил мимо озера Ала-куль, так как он упоминает об озере с высоким островом, а другого такого на всем пути от Каспийского моря через всю Арало-Каспийскую низменность он встретить не мог. Таким образом, данники чингисханидов, армянские и кавказские государи, огибали Каспийское море и через Туркмению и Туркестан проходили мимо озера Ала-куль и входили в Монголию через те ворота народных переселений из нагорной Азии, которые расположены между Джунгарским Алатау и Тарбагатаем. Наоборот, все русские князья, как, например, Ярослав Всеволодович (отец Александра Невского) и сам Александр Невский следовали в Каракорум через Золотую орду на Волге по Иртышской линии и входили в нагорную Азию через Зайсанские ворота, то есть между Тарбагатаем и Алтаем.

Сведения об озере Ала-Куль встречаются уже в китайских источниках, начиная с летописей юаньской (монгольской) династии, откуда они и сделались известны европейским географам (Риттеру и Гумбольдту). Пестрое озеро (Ала-Куль) с высокой островной сопкой (Арал-тюбе), сильные ветры (юй-бэ), дующие постоянно в одном направлении от Арал-тюбе, особенно заинтересовали Гумбольдта, усмотревшего как здесь, так и в китайских описаниях окрестности города Куча в Тянь-Шане вероятные признаки вулканических явлений. Вот почему Карелин — первый русский путешественник, посетивший Ала-Куль в 1840 году, употребил доблестные усилия для разрешения вопроса о вулканизме острова Арал-тюбе. Он привез с собой маленькую лодку с Зайсана, добрался до острова Арал-тюбе и, достигнув своей цели, пришел к отрицательным результатам. Конический остров оказался состоящим из порфира, но ни на нем, ни в береговых валунах озера никаких вулканических

пород не оказалось; местами только между этими валунами попадались куски каменного угля.

Семнадцать лет позже исследования в холмах Кату в Илийской долине и на всем протяжении Тянь-Шаня между Мусартским и Заукинским горными проходами также не подтвердили предположений Гумбольдта о вулканических явлениях в Центральной Азии.

<...> Откуда взял Ал. Шренк для Западного Ала-Куля название Сазын-куль, я не знаю, но спрошенные киргизы названия этого не знали и называли Западный Ала-Куль всегда Ала-Кулем, в Восточный или Ащикулем, или также Ала-Кулем. Кого же может удивить, что два соседних озера, составлявшие на памяти народной один бассейн да и теперь иногда сливающиеся в одно зеркало, известны под одним названием. Название Ала-Куль весь этот бассейн мог в совокупности получить оттого, что с его уровня поднимаются в виде высоких сопок скалистые, порфировые острова и полуострова, а перешеек, разделяющий весь бассейн на два озера, состоит из перемежающихся лагун, протоков заросших галофитами солонцов, и обширных камышовых зарослей. Если на все это посмотреть с любой из озерных или приозерных сопок (арал-тюбе), то название «Пестрого озера» (Ала-Куль) находит себе полное оправдание. Такого объяснения не могли дать сопровождавшие меня киргизы, никогда не восходившие на Арал-тюбе, а на мой вопрос, почему они называют озеро Ала-Кулем, два самые бойкие из моих проводников отвечали: «потому, что с двух сторон от Ала-Куля видны пестрые горы (Алатау)», то есть горы, постоянно носящие на себе снежные пятна.

<...> Когда я взошел на одну из вершин Тарбагатая, передо мной открылся необыкновенно обширный вид. С одной (южной) стороны расстилалась широкая степь, по которой, извиваясь, как на карте, протекала по направлению к югу река Урджар, а далее сотни блесток, перемежавшихся с темными пятнами, обозначали положение «пестрого озера» (Ала-Куля), а за ним на далеком горизонте сливались с облаками снежные вершины Семиреченского Алатау.

С другой стороны (северной) перевала расстилалась еще более широкая, но волнистая степь, на которой можно было различить извилины текущей к северу реки Базар, а далее в туманной дали едва виднелось очертание обширного бассейна озера Зайсана.

Таким образом, горный гребень высокого Тарбагатая разделял два широкие степные пути, через которые со II века до нашей эры и до XIII века от начала ее спускались с нагорной Азии, как через ворота, в обширную низменность Сихая (Западного моря), то есть в балхашско-арало-каспийский бассейн, те великие народные переселения, которые имели в течение двенадцати веков громадное влияние на судьбы Европы и, в особенности, России.

Кочевники, шедшие через Зайсанские ворота, естественно, спускались вдоль течения Иртыша по прииртышским степям, а далее, вдоль позднейшей сибирско-иртышской сторожевой линии, выходили на реку Урал и таким образом входили в Европу через широкие ворота обширных степей, отделяющих южную оконечность Уральского хребта от Аральского моря.

Народные переселения, шедшие через Ала-кульские (Джунгарские) ворота, выходили через них непосредственно в Балхашскую низменность, но одни из них, менее многочисленные, повертывали к юго-западу через Семиреченский край, переходили реку Или в ее нижнем течении, выходили на реку Чу, а оттуда — на реку Аксарт (Сыр-Дарью) и, пройдя через степи Туркестана и Туркмении, огибали Аральское и Каспийское моря с южной стороны, а в Европу проходили уже через Кавказский перешеек. Другие же, более многочисленные массы огибали озеро Балхаш с северной стороны и следовали по самой середине киргизской степи, достигая по ним беспрепятственно реки Урала, так как кочевники, занимавшие эти степи, не только не служили препятствием их движению, а вовлекались в него, так что переселение кочевников уподоблялось падающей с горной вершины снежной лавине, увлекающей с собой не только снежные массы, через которые она проходит, но и громадные каменные глыбы.

Но и кочевые орды, проходившие через киргизские степи, вторгались в Европу через те же каспийско-уральские ворота, так как кочевники с их многочисленными стадами и табунами вынуждены были огибать с южной стороны распространенные на Урале и в позднейшей Уфимской губернии обширные леса, действительно составлявшие трудно одолимое препятствие для движения кочевников с их стадами.

<...> В гостеприимный Барнаул я прибыл в первых

числах октября и по обыкновению был встречен очень радушно высококультурным обществом «сибирских Афин». Всеобщее внимание города было в это время поглощено толками о предстоящем освобождении крестьян и о том, что происходило в европейской России и должно было получить громадное влияние на дальнейшие судьбы России.

<...> В Омске я не нашел никаких перемен. Омское общество даже не прислушивалось к «далекому шуму» того, что происходило в России. Реформы, там готовившиеся, не волновали омского общества, непосредственно в них не заинтересованного. Оно еще не соображало, что освобождение крестьян неминуемо повлечет за собой ряд других реформ, которые изменят весь строй русской провинциальной жизни. Ни высшим чинам Главного управления Западной Сибири, ни мелким чиновникам омских канцелярий не приходило в голову, что возможность для первых получать дополнительное содержание от откупщиков и поставщиков провианта войскам, расположенным за государственной сибирско-иртышской границей в Семиреченском крае, а для последних — возможность лихоимствовать столь открыто и безнаказанно — прекратятся.

Только молодое поколение чиновников с высшим образованием, привлеченных в Сибирь преимущественно стараниями генерал-губернатора Гасфорта в качестве чиновников особых поручений и вообще его ближайших сотрудников, еще не теряли мужества в своей тяжелой борьбе с хищничеством старого строя, но и они, убеждаясь вместе с генерал-губернатором в своем бессилии в этой борьбе, стремились к переходу в Европейскую Россию. Даже самые юные талантливые и чистые душой вновь развивающиеся местные деятели, как Г. Н. Потанин и Ч. Ч. Валиханов, глубоко проникнутые своим стремлением и жаждой знания, стремились закончить высшее образование в Петербургском университете.

Я нашел генерала Гасфорта сильно постаревшим и упавшим духом со времени его поездки на коронацию Александра II. Там на него мало обратили внимания, и, по выражению одного из «подчиненных инородцев», его сопровождавших, он, казавшийся таким большим человеком в киргизской степи, представлялся совсем маленьким в блестящей свите русского царя. В столицах никому не было дела до Заилийского края, и никто не оценивал заслуги генерала Гасфорта, упрочившего за

Россией обладание одним из перлов российской территории.

При разговорах со мной и при моих рассказах о Заилийском крае и Тянь-Шане старик совершенно оживился и, освободившись от делавшей его смешным в глазах окружающих «мании величия», быстро перешел к таившимся в его душе стремлениям. Он видел, что его заботы о правильно понимаемых политических интересах и выгодах своего приемного отечества находили себе живую и компетентную оценку в одном из скромных представителей русского ученого общества. Вся энергия, обнаруженная им при занятии Заилийского края, пробудилась снова, и он стал расспрашивать меня, что еще, по моему мнению, остается сделать для созданного его усилиями русского края. Я ответил, что, по моему мнению, совершенно необходимо дать этому краю прочные и неуязвимые границы, а для этого нужно немедленно принять в подданство богинцев, а за ними и сарыбагышей, которые, очутившись в том же критическом положении, как и богинцы, между молотом и наковальней, не далее как года через два будут так же настойчиво проситься в русское подданство. Таким образом государственная русская граница, захватив весь бассейн Иссык-Куля, будет опираться на снежный гребень Тянь-Шаня, а ключ, замыкающий доступ в Заилийский край, уже легко будет найти занятием укрепленного пункта в Чуйской долине. Отсюда, если русское правительство захочет вынести всю свою государственную границу вперед наших обширных владений в киргизских степях, уже возможно будет впоследствии рекогносцировать и провести новую границу от укрепленного пункта на р. Чу до форта Перовского и на р. Сыр-Дарье.

Генерал Гасфорт отнесся с большим вниманием к высказанным мной соображениям и ответил мне, что, несмотря на препятствия, которые непременно встретит со стороны Министерства иностранных дел принятие в подданство племен, числящихся подданными Китайской империи и Кокандского ханства, он не замедлит сделать представление по этому предмету военному министру, но что он со своей стороны надеется, что Географическое общество, в котором между его деятелями много офицеров Генерального штаба, будет способствовать ознакомлению петербургских правительственных сфер с положением и нуждами вверенной ему окраины.

Расставаясь уже этот раз навсегда с почтенным дея-

телем, оказавшим мне, во всяком случае, несомненные услуги, и поблагодарив его от имени Географического общества за широко оказанное им содействие моему путешествию, я еще ходатайствовал перед ним по двум частным вопросам.

Во-первых, я просил его командировать поручика Чокана Валиханова, переодетым в его национальный костюм, в Кашгар, для того чтобы собрать обстоятельные сведения о гибели д-ра Адольфа Шлагинтвейта, одинаково интересующие как Русское и Берлинское географические общества, так и вообще весь образованный мир, а также постараться собрать все, что могло уцелеть из собранных им материалов, дневников и т. д., а затем, по возвращении Валиханова, дать ему возможность, оставаясь на службе при генерал-губернаторе. приехать в Петербург на продолжительное время для разработки превосходных, уже собранных им этнографических и исторических материалов о Киргизской степи. При этом я обещал Валиханову широкое покровительство и содействие Географического общества.

Вторым моим ходатайством было освобождение сотника Потанина от окончания обязательных лет военной службы с целью дать ему возможность получить высшее образование в Петербурге. На оба мои ходатайства Г. И. Гасфорт с удовольствием согласился, объяснив мне, что он всегда и везде подавал руку помощи всем талантливым людям, ему встречавшимся.

В Омске я пробыл только три дня и поспешил в Петербург, куда я стремился ко времени пылко мной ожидаемого обновления России.

Приехал я в Петербург к 15 ноября 1857 года.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ИЛИЙСКИХ УЙГУР В СЕМИРЕЧЬЕ

Из работы М. Н. Кабирова

Изд. Ан КазССР, Алма-Ата, 1951 г.
(Сектор уйгуро-дунганской культуры при Президиуме АН КазССР)

В течение 10 лет, с 1871 по 1881 гг., Илийский край был оккупирован войсками царской России.

Временная оккупация Илийского края Россией имела для уйгуров ряд положительных сторон. Окончились распри между отдельными национальностями, прекратились беспрерывные феодальные междоусобицы, разорявшие население и препятствовавшие нормальному развитию экономики Илийского края. Царская администрация ограничила произвол феодалов и местных чиновников <...>.

Хотя царское правительство и известило Пекин, что Илийская долина занимается им временно, местному населению об этом говорить было запрещено. По-видимому, слухи исходили от цинов как наиболее заинтересованных в этом деле.

Илийские уйгуры не верили этим слухам, но опасения возможности такого исхода еще более располагали их к России.

Однако цины, в свою очередь, оккупацию Илийского края царской Россией всегда рассматривали как временное явление, о чем лучше свидетельствует тот факт, что еще в 1873 г., когда все земли от провинции Ганьсу до Кашгара находились еще в полной власти восставших, уже был назначен цзянь-цзюн Илийского края, проживавший в городе Шихо и дожидавшийся лучших времен, когда он сумеет вступить в исполнение своих служебных обязанностей[1].

Немудрено поэтому, что с изменением международной обстановки и положения в самом Туркестане цины

[1] На этот симптоматический факт, между прочим, обратил внимание Н. М. Пржевальский в своей работе «О возможной войне с Китаем». Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии, 1883, вып. 1, стр. 294.

тотчас же заявили о своем намерении восстановить свою власть в Илийском крае. Изменения же эти заключались, с одной стороны, во временном ослаблении царской России, вызванном дипломатическими неудачами на Берлинском конгрессе 1878 г., который снизил результаты военных побед, достигнутых русской армией в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., с другой — коренным образом изменилось положение в Восточном Туркестане, где в 1878 г. цинским войскам, под командованием Цзо-Цзун-Тана, удалось разгромить Кашгарское государство и овладеть последним центром сопротивления — г. Манасом.

Учитывая, что внимание царской России отвлечено другими делами, цины настойчиво возбудили вопрос о возвращении им Илийского края.

Для ведения переговоров в Петербург был командирован видный цинский сановник Чун-Хоу, и в октябре 1879 г. в г. Ливадии был заключен договор, согласно которому за денежное вознаграждение царская Россия возвращала цинам г. Кульджу и северо-восточную часть Илийского края, удерживая его юго-западную часть, включая Музартский проход.

Однако Ливадийский договор не был утвержден цинским правительством (видимо, не без участия Англии), а подписавший его Чун-Хоу был дезавуирован и даже заключен в тюрьму по обвинению в государственной измене.

Возник острый дипломатический конфликт, едва не переросший в войну. К военным действиям готовились обе стороны, причем цинское правительство пригласило в качестве советника известного английского разведчика — участника миссии Форсайта к Якуб-беку в 1878 г.,— Гордона и распустило слух, что из Ганьсу по направлению к Илийскому краю двинута огромная армия.

В марте 1880 г. туркестанскому генерал-губернатору Кауфману было приказано сосредоточить войска округа для отправки в Кульджу, и в апреле они уже были двинуты к границе. В Семиреченской области было образовано 5 отрядов под общим командованием генерала Колпаковского, насчитывавших 7664 пехотинцев, 3689 кавалеристов, 46 орудий, 4 мортиры и 8 ракетных станков[1]. Кроме того, сильные отряды должны были высту-

[1] *Д. Федоров.* Опыт военно-статистического описания Илийского края, ч. I, стр. 65.

ченного — полкового командира маньчжурских войск Эркебунь.

Не подозревая о подлинных настроениях и намерениях уйгур, Эркебунь, проезжая по Илийскому краю, распространял и оглашал воззвание к илийскому населению, подписанное правителем провинций Ганьсу и Шаньсу и датированное 12 октября 1881 года.

В этом воззвании, являющемся ярким образчиком тупости и высокомерия цинских угнетателей, тоном великодушного победителя от имени своего правительства объявляется, в виде особой милости, об амнистии мятежному населению Илийского края за его прежнюю крамольную деятельность. В ругательных эпитетах авторы прокламации не стесняются:

«Ворам и насильствующим возмутителям, по случаю безвыходности их положения и невозможности уйти в другие местности, ханским рескриптом пред сим была дарована амнистия и прощены все их погрешности. Ныне из полученного от управляющего делами всей империи Ямыня (центрального правительства) письма видно, что по новому договору, заключенному между дайцинскими правительствами, великий хан великою своею милостью даровал амнистию всем хойзам и чанто (уйгурам.— М. К.), простил все прежние неуместные поступки и отказался от дальнейших преследований[1].

А посему говорится далее:

«Вы должны успокоить свои души, жить спокойно на своих местах и пасти на лугах свой скот, во времена благоприятные, в продолжение более 200 лет...

Хан безразлично одинаково смотрел на вас, как на своих собственных детей, снабдил вас домами, землями для производства распашек и для вашего же спокойствия и благоденствия назначил начальников... В последнее время на Или произошло возмущение, и возмутители, захватив несколько серебра, уничтожили великую армию, а вы, чтобы не лишиться своих жилищ, земель и вод, невольно присоединились к ворам (бунтовщикам) и прославились дурным именем, однако такое ваше поведение не будет преследовано, а потому вы должны теперь переменить об нас свои мнения к лучшему и продолжать хозяйства и другие земледельческие работы (не выселяться)... Благодарите бога за его милость и бойтесь пренебрегать его благодатью. Затем живете

[1] ИСТАРХ КазССР, ф. 21, д. 700, л. 109.

мирно, согласно желания хана, и пользуйтесь его милостью![1]»

Из этой прокламации видно, что цины были твердо уверены, что уйгуры «по случаю безвыходности их положения и невозможности уйти в другие местности» останутся на прежних местах и потому будут радоваться оказанным им милостям.

Но прошло несколько дней, и Эркебунь понял, что это далеко не так. Тогда он выпускает новую прокламацию, более подробно разъясняющую позицию правительства и содержащую своеобразный экскурс в историю, с попыткой ее интерпретации, которая полностью должна была реабилитировать карателей. Начинается она подтверждением аминистии илийцам:

«Изданный ранее всемилостивый манифест об амнистии (прощении) мусульман и всему народу Или, подпавшим прежде под иго инсургентов и не могшим по сложившимся обстоятельствам, заслуживающим снисхождения, освободить себя от ига, мною с полным вниманием исполнен и в копиях объявлен народу, что и записано в журнал» <...>.

Между тем, еще до окончательной передачи Илийского края цинскому Китаю, цинское правительство объявило его самостоятельным губернаторством во главе с илийским цзянь-цзюн — Цзинем — помощником командующего войсками новой пограничной линии. Советником его был назначен Амбань-Шен — помощник корпусного командира.

Чрезвычайный комиссар по приему Илийского края и по проведению новой границы между цинским Китаем и царской Россией Амбань Шен прибыл 5 февраля 1882 года в Кульджу и остановился в Айрамбеке. При нем были конвой в составе 200 вооруженных всадников, 100 слуг, а также Эркебунь и уйгур Бекзадбек, кандидат в «правители» народа. Сопровождавшие его солдаты расположились в караван-сараях китайского квартала в Айрамбеке.

В конвой Шена вошли преимущественно кульджинские уроженцы. С целью уговорить народ остаться в провинции Или они стали убеждать илийцев, что те будут «освобождены» на многие лета от повинностей» и соблазнять их другими «обещаниями». Однако все это

[1] ИСТАРХ КазССР, ф. 21, д. 700, л. 109.

было безуспешно. Уйгуры и дунгане усиленно готовились к переселению.

9 февраля состоялись первые переговоры русского комиссара с Шеном, но так как последний не получил еще ноты маркиза Цзенгу [1], заседание было отложено, причем комиссары договорились опубликовать прокламации и опросить население о желании избрать подданство.

Обращение русского комиссара и прокламации цинских властей были зачитаны их чиновниками в Ташустане, Арустане, Суйдуне, Тайджи и Чинчаходзи вскоре после приезда Шена. Уйгуры и дунгане в подавляющем большинстве своем заявили, что уйдут в Россию[1].

Уже 14 февраля в Кульджинской мечети были объявлены прокламации Цизиня. Цизинь предупреждал илийцев о назначении его главнокомандующим после принятия края, он призывал не бояться цин и их войск, предлагал оставаться на местах и обещал полную «безопасность каждому»[2]. В своем обращении Шен объявил, что назначен комиссаром по принятию Илийского края с землями, водами и жителями и с сокрушением отмечал вящую неблагодарность уйгур.

«Илийские жители, желающие записаться в книгу Российской империи, по нашему мнению, не должны были пренебрегать условиями мирного договора (в смысле дарованного амнистиею), а между тем, оказывается, что они новое свое отечество предпочитают подданству нашего любимого хана, которой смотрит на всех подданных империи как на своих прекрасных детей, без различия национальностей»[3].

Он призывал их опомниться и воспользоваться дарованными им милостями и т. п.

Во время чтения этого воззвания огромный двор мечети был переполнен уйгурами Кульджинской и Токкуз-Тараусской волости, подгорных сотен и другими людьми, прибывшими на базар. По окончании чтения на вопрос Эркебуня: «Поняли?»— старшие, почтенные старики, выступив вперед, от лица всех ответили: «Все поняли, но и теперь заявляем вам то, что говорили ранее русским

---

[1] Маркиз Цзенгу — представитель цинского правительства в Петербурге.

[1] Из донесения генерала Фриде Колпаковскому, ф. 21, д. 700, л. 171 от 21 февраля 1882 г.

[2] Там же, л. 172.

[3] Там же.

властям: все уйдем, не препятствуйте нам». Раздались отдельные выкрики: «Не верим в объявление! Обман!» и т. д.

Жители обеих южных волостей, Кайнукской и Хонохайской, заявили цинскому представителю, что уйдут в русские пределы и не хотели слушать прокламаций, а в отдельных случаях даже порывались разорвать ее, но останавливались русскими властями. Сибинцы не проявляли беспокойства, они оставались на месте[1].

Собранные в Ташаустане жители 4-х волостей и в Арустане 3-х волостей на приветствия цинских чиновников ответили очень вежливо, тоже приветствиями. Затем была прочтена на уйгурском языке прокламация, говорящая преимущественно о даровании полной «амнистии» уйгурам за прежние деяния и о представлении им права — по желанию оставаться в китайском подданстве и свободного пользования землями. Здесь же волостной управитель Ташастанской волости Ававахри, выступив от лица народа, благодарил как белого царя, так и китайского богдыхана за предоставленную им свободу выбора: либо оставаться на своих местах, либо переселяться в русские пределы и заявил, что они поступят так, как признают правильным.

По прочтении же прокламации в селении Арустан народ громогласно объявил, что не желает оставаться здесь и все до единого человека решили переселиться к русским. Лишь в отдельных случаях цинские чиновники и их свита при объезде поселений пользовались подобающим приемом и вниманием, и то только зажиточных слоев населения. Так, например, волостной управитель Ававахри устроил самый радушный прием и угощение, за что цинские чиновники тут же предложили ему «вознаграждение», но он отказался[2].

Отношение уйгур к цинским прокламациям и устным посулам разделяли и другие народы Илийского края — казахи, киргизы и дунгане.

В Суйдуне дунгане, после объявления им прокламации цинских представителей, единогласно заявили, что не останутся в дайцинском подданстве и перейдут к русским, и что все объявленное ныне китайскими чиновниками давно уже им известно из личных разговоров русского комиссара с ними во время многократных бесед.

[1] ИСТАРХ КазССР, ф. 21, д. 700, л. 173 от 21 февраля 1882 г.
[2] Там же, ф. 21, д. 700, л. 185.

С опозданием на один месяц, т. е. 10 марта 1882 г., в г. Кульдже, в ставке русского комиссара по передаче Илийского края, был подписан протокол генерал-майором Фриде с одной стороны и чрезвычайным комиссаром цинского Китая Шеном — с другой. «На личном свидании в 10-й день марта месяца 1882 года, российского летоисчисления, а по китайскому летоисчислению в 4-е число второй луны восьмого года правления Гаунсюй, во свидетельство исполнения комиссаров обеих сторон фактической передачи и приема сего числа Илийского края в пределах, означенных в первой и седьмой статьях договора 1881 года, составили настоящий протокол, собственноручно подписали его, приложили к нему свои печати и обменялись экземплярами оного для хранения последних в надлежащих архивах»[1].

Объявления о передаче Кульджинской территории цинскому правительству, тут же написанные от имени русского комиссара на русском, маньчжурском и уйгурском языках, разосланы были в тот же день по всем районам Илийского края. Текст объявления гласил:

«В силу 1-й статьи договора, заключенного 12 февраля прошлого 1881 года между уполномоченными Российского и Дайцинского государств о восстановлении власти китайского правительства в Илийском крае, сего десятого марта 1882 года, а по китайскому счислению 4-го дня 11-й луны VIII-го года, я передал Илийскую территорию в пределах, обозначенных в VII-й статье того же договора, уполномоченному представителю китайского правительства, почему от сего дня во всей территории, подлежащей, на основании этой последней статьи, передаче китайцам, китайская власть вновь восстанавливается, но с тем условием, что все жители Илийской долины, изъявившие желание, в силу статьи III-й договора, принять русское подданство и переселиться в русские пределы, будут находиться от сего дня, в течение года, данного на переселение, под управлением русских властей и русским правительством, для чего здесь временно остаются русские власти и русские войска.

Объявляя о вышеизложенном во всеобщее сведение, я предупреждаю жителей бывшего Кульджинского района, изъявивших желание перейти в русские пределы, т. е. таранчей, дунган и киргиз, что они будут находить-

[1] ИСТАРХ КазССР, ф. 21, д. 700, л. 205.

ся под русским управлением и покровительством до десятого марта будущего 1883 года, или по китайскому счислению до 4-го числа 11-й луны IX-го года, и затем все жители, не выселившиеся к этому сроку на русскую территорию, будут считаться принявшими дайцинское подданство и никаких отношений к русским властям иметь не будут, равно как и на их покровительство рассчитывать не должны.

Кроме того, считаю нужным также предупредить, что время пребывания и численность русских войск, ныне находящихся в Илийской долине, могут быть и сокращены в зависимости от обстоятельств. В этом последнем случае все, изъявившие желание перейти в русские пределы, все-таки в течение года будут управляться русским властями.

10 марта 1882 года, г. Кульджа»[1].

После подписания протокола цины взяли в свое непосредственное управление сибинцев, китайцев, калмыков и другие монголо-маньчжурские племена. Официально было известно, что у цинов в подданстве оставалось всего лишь 174 семьи[1] уйгур. Эта цифра затем увеличилась благодаря усилиям цинских чиновников, склонявших уйгур к принятию дайцинского подданства обещанием разных льгот.

Уйгуры и дунгане, за малым исключением, почти все взявшие билеты, а также казахи стали управляться начальником участка с делопроизводителями. Для разбора дел, могущих возникнуть между подданными этих государств, был назначен титулярный советник Махонин. Они должны были разбираться при участии цинского чиновника, назначаемого Шеном, их же разбору подлежали дела переселенцев с ними.

Во избежание недоразумений в правлении краем, по соглашению с цинским комиссаром, полиция из уйгур была заменена русскими вольнонаемными из запасных. Взаимное разграничение ведений царской и цинской администрации делалось постепенно.

11 марта 1882 г. чрезвычайный комиссар цинского правительства Амбань-Шен сообщил илийскому цзянь-цзюну Цзину о подписании протокола передачи. В свою очередь он получил официальное уведомление от Цзиня, что тот выступил из Шихо в Илийскую долину 28 марта,

---

[1] ИСТАРХ КазССР, ф. 21, д. 700, л. 205.

[1] Из донесения генерала Фриде от 20 марта 1882 года.

взяв с собой войско в количестве «только достаточном» для поддержания порядка.

Между тем царские власти живо интересовались и следили за мероприятиями цинов на границе оккупированного района. Так, например, еще задолго до этого им были известны передвижения войск илийского цзяньцзюня. Из Шихо ими были получены сведения о постоянном движении цинских войск в Джинхо, где сосредоточилось около 4000 солдат. Кроме того, к Шихо двигались войска из Манаса и Урумчи и ожидалось прибытие 6000 солдат-маньчжур из метрополии <...>.

Движение цинских войск к Илийскому краю вызвало сильную тревогу илийцев. Начавшееся было планомерное переселение уйгур и дунган в русские пределы в эти дни приняло массовый характер. Уйгуры поспешно уходили в Семиречье, бросая все свое имущество и даже скот и пожитки. Страх и ненависть перед вековыми угнетателями был до такой степени силен, что многие уйгурские семьи уходили к русским, не захватив с собой хлеба[1] на дорогу, пешком, лишь бы не попасть под гнет цинских поработителей.

Видя панику среди переселенцев, русский комиссар лично стал объезжать крупные населенные пункты, уговаривая не спешить с переселением, оставаться на местах для засевов на сезон льготного года[2], обещая защиту от цинов. Одновременно он поручил капитану Изразцову с такой же миссией объезжать Южный участок.

Не ограничиваясь этим, они привлекли к разъяснительной работе среди населения аксакалов, ахунов, волостных управителей — влиятельных местных жителей. Совместными усилиями им удалось значительно сократить число переселенцев, убегавших от страха перед цинскими войсками[3].

Еще по ранее полученным сведениям цины намеревались расположить свои войска в Суйдуне, Чинчаходзи, Тарджи и Алимту. И действительно, прибыв в Илийскую долину, они тотчас заняли эти населенные пункты.

Так, войска Цзиня вступили в Суйдун в ночь на 17 апреля, цины тщательно скрывали численность своих войск, однако царским наблюдателям удалось это установить. По данным старшины Нуждеского, ночью про-

[1] Из донесения Фриде от 20 марта 1882 года.

[2] Уже к этому времени посевы на Южном участке были значительны.

[3] ИСТАРХ КазССР, ф. 21, д. 700, л. 216.

шло 400 пеших и 500 конных цинских солдат, а днем в строю и в обозе прошло 5000 пехотинцев и до 1700 кавалеристов. Подполковник Баулин в течение дня подсчитал, что прошло до 5000 человек пехоты и 1500 кавалеристов. Невооруженных с Цзином прошло до 2000 человек, всего около 10 000 человек.

19 апреля они заняли суйдунские казармы. Затем войска Цзиня начали постепенно занимать города западной части Илийского края — Маньчжурскую Кульджу, Тараджи, Чинчаходзи, Чимпанзы. Цины тщательно скрывали количество своих войск, введенных в Илийский край, и царские власти долго не могли добыть необходимых данных по этому поводу, пока кому-то не пришла в голову остроумная мысль. Дело в том, что провиант цинской армии по контракту поставлял известный уйгурский богач купец Валиахун Юлдашев. Поставка шла из расчета числа солдатских пайков, и поэтому численность цинских войск в Илийской долине была установлена по количеству муки, отпускаемой цинам из склада купца Валиахуна Юлдашева. Оказалось, что с цзянь-цзюном прибыло всего 12 500 человек, в числе которых, по словам Юлдашева, прожившего несколько дней в Суйдуне, вооруженных считалось 11 250 человек. Кроме того, по сведениям, собранным Юлдашевым в Суйдуне (ему говорили как подрядчику), цины ожидали прибытия из Джинко и Шихо еще до 6000 солдат под начальством Гоина и Тодарына. Большинство этих войск предположено было разместить близ новообразуемой между царской Россией и цинским Китаем границы с резервами в Суйдуне, Маньчжурской Кульдже и Баяндае. Кроме размещения этих войск на русской границе, цины намеревались устроить еще ряд военных поселений, переведя для этого сибинцев и сумунов, находящихся на левом берегу реки Или.

По характеристике генерала Фриде, войска, которые цзянь-цзюн привел с собой в Илийскую долину, «это малодисциплинированная орда грабителей, голодная, стремящаяся жить на счет жителей той местности, которую они занимают, к чему их поощряют отчасти и сами начальники, извлекающие из подобного порядка свои выгоды»[1].

Неудивительно, что при расквартировании цинских войск русскому комиссару поступили многочисленные

[1] ИСТАРХ КазССР, ф. 21, д. 700, л. 262.

жалобы на грабежи и насилья цинов. Пострадали дунгане, не успевшие выселиться, и уйгуры, случайно остановившиеся на ночевку в Маньчжурской Кульдже, везшие хлеб и имущество на плотах. Русский комиссар усилил казачьи разъезды для охраны илийцев, оставшихся на льготный год на своей Родине.

25 апреля Цзинь с небольшим эскортом посетил Кульджу. Он побывал с визитом у генерала Фриде и Шишмарева, осмотрел мельницу Паклевского и хлебные склады Валиахуна Юлдашева [1].

Во время визита цзянь-цзюн, как хозяин края, пригласил русского комиссара к себе. При встрече они обсуждали способы разграничения. Только здесь Фриде узнал, что в район Зайсана и от Тарбагатая до Аруциндалена, близ Алатауских гор, назначается отдельный цинский комиссар. От Аруциндалена до Музарта назначен Шен. От Музарта до Нарына и далее по границе Ферганской области другой комиссар, которому специально поручалось проведение границ между Восточным Туркестаном и русскими владениями. Шен должен был прибыть к Аруциндалену в начале июня, кашгарский комиссар к Музарту — в начале июля. В Зайсан был назначен особый чиновник, который уже выехал из Хами. Чтобы не терять времени, Фриде тут же договорился с Шеном вести границу от Аруциндалена к Музарту в начале июня.

Так, сперва был уничтожен независимый Илийский султанат, а затем его территория была вновь отдана цинскому Китаю, несмотря на желание илийских уйгур и дунган остаться в подданстве России, что, несомненно, было бы для них меньшим злом.

О передаче Илийского края сожалели не только местные уйгуры, но и многие другие.

«Илийская долина — это азиатская Ломбардия по своему климату и плодородию. Отдавать такой уголок, право, не следует»[2],— писал знаменитый русский путешественник Н. М. Пржевальский, не раз бывавший в этих краях.

[1] Юлдашев, скупив за бесценок хлеб у переселенцев, к приходу илийских войск имел огромные запасы зерна. С приходом цинских войск, он, будучи единственным поставщиком, стал втридорога продавать им продовольствие. Уже через несколько дней после прихода они задолжали Валиахуну 800 ямб (Ямба — до 125 руб. золотом).

[2] *Н. М. Пржевальский.* Дневник второго путешествия в Центральную Азию.

Сразу же после заключения Петербургского договора отношения цинского Китая к России резко изменились.

Вот что писал царский чрезвычайный посланник М. Брюцов: «По приезде моем в Пекин я обменялся визитами с князем Гуном и китайскими министрами... Высказанное им мне радушие и внимание... поразили меня, до такой степени они составляли резкую противоположность с сухими приемами в отношениях в прежнее время. С жаром высказывали они удовольствие... в установлении состоявшегося в С. Петербурге соглашения»[1].

Что же побудило подавляющее большинство уйгур добровольно переселиться в незаселенные районы Семиречья?

Слух о передаче Илийского края цинам распространился еще задолго до Петербургского договора. Опасаясь возможности такого исхода, уйгуры еще в 1875 году писали русским властям: «Если мы покоримся китайцам, то они нас не оставят в живых, всех умертвят, а поэтому мы желаем покориться Великой России»[2]. Это обращение было подано еще в начале царско-цинских дипломатических переговоров. Теперь же, когда был заключен Петербургский договор и первые отрывочные сведения о нем дошли до Илийского края, взволнованные жители края, собираясь огромными массами, обсуждали «создавшееся положение», прекращали работы, распродавали за бесценок свое имущество, ибо, по слухам, Илийский край передавался со всеми его жителями на растерзание цинам [3]. Отдельные дельцы, вроде купца Юлдашева, наживались на несчастии народа, по дешевке скупая все, что можно было только скупить, и при этом запугивая людей угрозой расправ маньчжур за прошлые восстания. Реальность этой угрозы не вызывала сомнений <...>.

---

[1] ИСТАРХ КазССР, ф. 21, д. 700, л. 218.

[2] Дело о прошении ахунов, старшин и всех таранчей и дунган 9 илийских городов о нежелании подчиниться китайцам, от 30.VIII 1875 года. Ф. 21, д. 181, л. 2.

[3] Дело о водворении в Семиреченскую область выходцев из Кульджи. ИСТАРХ, ф. 21, д. 700, л. 10.

* * *

Хотя царское правительство при заключении договора оставило за собой значительную часть Кульджинского района (между прежней границей и р. Хоросом и Гальджатом) для переселения илийцев, однако этой земли было столь мало для огромной массы уйгур и дунган, изъявивших желание переселиться, что царские власти вынуждены были допустить переселенцев в глубь Семиречья.

Поэтому доверенные лица от всех уйгурских волостей и дунганских поселений в сопровождении начальника южного участка Кульджинского района подполковника Изразцова осмотрели все свободные земли от р. Гальджата до р. Карабалты (современная территория Киргизии). В результате доверенные распределили между своими обществами осмотренные земли следующим образом: 1) На речках Большом и Малом Аксу и Баянказах (между землями уйгур Кетменской волости, отошедшей к России по трактату 12 февраля и прежней государственной границей на левом берегу р. Или) предназначены были для расселения жителей Хонохайской волости в количестве 839 семей. 2) На низовьях реки Чарына 500 семей разных волостей. 3) На левом берегу г. Чилика 2465 семей трех волостей: Кашской, Кайнукской и Боробогуинской. 4) На левом берегу р. Чилика 2694 двора четырех волостей: Ташустанской, Арустанской, Байтукайской и Арабозовской. 5) Ниже селения Маловодного (впоследствии выяснилось, что доверенные имели в виду р. Тургень) 1658 семей трех волостей: Нилкинской, Токузтаровской и части Кульджинской. 6) Между р. Чу и р. Аксу, ниже почтовой дороги, все дунгане — 1410 дворов и уйгуры Подгородной и Кульджинской волостей — 3310 дворов.

К 19 декабря 1881 года комиссией были составлены ведомости, причем количество желавших переселиться определилось: уйгур в 11 365 семей и дунган в 1308 семей. Из общего числа 12 673 семьи генерал-губернатор (от 12 января 1882 года) разрешил поселить 2000 семей уйгур между Хоргосом и Усеком, предоставив им земли ниже старой почтовой дороги (ныне дорога Хоргос — Панфилов), следовательно, в остальных местностях должны были поселиться 10 673 семьи уйгур и дунган.

К этому же времени (20 ноября 1881 года) выяснилось и число уйгур, изъявивших желание задержаться в

течение льготного срока в Илийском крае (28 194 чел.).

Однако выдача билетов на право переселения в русские пределы продолжалась и после официальной передачи Илийского края цинам. По южному участку и 7 восточным участкам выдачу билетов производил член комиссии по переселению коллежский асессор Сохинский, который, закончив свою работу уже к моменту подписания протокола передачи, доносил, что из всего населения в этих волостях не получили билетов 2 семейства в Арбузской волости (братья Розаковы), изъявившие желание остаться в цинском подданстве, и одно аксакальство той же волости ведения старшины Арзуй в количестве 124 семейств.

Из волостей южного участка в Кайнаке пожелало остаться у цинов 20 семейств, в селениях Верхнем и Нижнем Джангастане до 25 семейств; кроме того, в Кайнаке 13 семейств, уже взявшие билеты на переселение, возвратили их обратно. Все остальные поголовно изъявили желание переселиться.

Выдача билетов закончилась к концу апреля 1882 года, но отдельные случаи выдачи или, наоборот, возврата билетов уйгурами русским властям продолжались до самого конца льготного года, т. е. до начала 1883 года.

Количество переселенцев, изъявивших желание переселиться, колебалось, ибо цины усиленно уговаривали уйгур остаться в их подданстве, общая взамен разные льготы, оказывая помощь деньгами, скотом и, в отдельных случаях, подкупая их руководителей. В семьях, решивших остаться у цинов, шел полный разлад. Зачастую жены и дети оставляли своих мужей и отцов и уходили к русским.

В ряде случаев беднейшая часть населения не могла добраться до мест назначения. Между тем «никакой материальной помощи по переселению от правительства выходцы просить не должны»[1], говорилось в одном из условий переселения илийцев в Семиречье. Понятно, царское правительство в переселенцах прежде всего видело источник будущих доходов. По истечении некоторого времени, после расселения и обоснования, переселенцы могли бы «специализироваться на массовом производстве сельскохозяйственных продуктов, получая в обмен за них готовые промышленные изделия, которые при других обстоятельствах им пришлось бы изготовить

[1] ИСТАРХ, ф. 44, д. 464, о. 9-а, л. 11.

самим»[1]. Правительство было заинтересовано в переселении более зажиточных слоев населения Илийского края по той простой причине, что они немедленно могли бы заняться земледелием, что было крайне необходимо растущему краю <...>.

В итоге оказалось, что к началу 1884 г. переселилось 9 572 семьи уйгур в количестве 24 628 душ мужского пола и 20 745 женского пола, всего 45 373 обоего пола, и дунган 1 147 семей в количестве 2 439 душ мужского пола и 2 243 женского, всего 4 682 обоего пола, а всего 10 899 семей в количестве 27 067 душ мужского пола и 22 988 женского, т. е. 50 055 душ обоего пола. Следовательно, осталось в Кульдже (если верить данным 1880 г., как наиболее достоверным) 2565 семей уйгур и 346 семей дунган [2].

На новых местах оседания, только на территории современного Казахстана, было образовано 5 волостей: Джаркентская (ныне Панфиловский район Талды-Курганской области), Аксу-Чарынская (ныне Уйгурский район Алма-Атинской области), Малыбаевская (ныне Чиликский район Алма-Атинской области), Корамская (ныне Чиликский район Алма-Атинской области), Карасуйская (ныне Энбекши-Казахский район Алма-Атинской области). Помимо этих волостей, на отошедшей по Петербургскому договору территории была образована и 6-я — Кетменская волость. Во главе вновь образованных волостей были поставлены прежние, выбранные еще в Илийском крае, волостные управители. Так, Кульджинский волостной Касымбек стал управлять Джаркентской волостью; Хонохайской волостью — Худайберды; Аксу-Чарынской — ташустянский волостной Ававахри; Корамской — кульджинский волостной Жамалдин; Карасуйской и Малыбаевской — некий Насыр, несколько позже — Шамсиддин [3]. На своих выбранных должностях остались и аксакалы, кази (судьи), элликши (пятидесятники), онбеши (десятники).

Через некоторое время из Джаркентской, Аксу-Чарынской и Кетменской волостей был образован новый

---

[1] *В. И. Ленин.* Образование внутреннего рынка. Изд. 4, т. 3, стр. 520.

[2] ИСТАРХ, КазССР, ф. 21, д. 700, 701. 702 и отдел рукописи Института истории АН КазССР, папка № 47.

[3] Отдел рукописи Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, папка № 47.

Джаркентский уезд, а Малыбаевская, Корамская и Карасуйская волости вошли в состав Верненского уезда.

Из общего количества уйгур 4 477 семей, или 19 209 душ устроились в Джаркентском участке между границей с цинским Китаем и р.р. Усеком и Чарыном, остальные же 5275 семей, в количестве 26 164 душ — в Верненском уезде между р.р. Чиликом и Талгаром и частично в г. Верном.

Более половины дунган устроились в Токмакском уезде (территория современной Киргизской ССР), около одной трети в Джаркенте, остальные в г. Верном и уезде.

До переселения уйгур и дунган оседлое население Семиречья к 1884 г. составляло 73 885 душ обоего пола, из которых 10 053 душ казахов, киргиз и русских мещан; 17 710 русских крестьян и 21 572 душ казаков на 525 405 душ кочевников, т. е. 11%. С переселением же уйгур и дунган оседлое население достигло 129 284 душ, т. е. увеличилось почти вдвое и составило 19,25% общего населения области, равнявшегося в 1884 г. 654 689 человек [1].

В общем количестве переселенцев-уйгур показана также Кетменская волость, насчитывавшая 760 семей (2 137 душ мужского пола и 1 650 душ женского пола, всего 3 787 душ обоего пола). Население этой волости, состоявшей из селений Большого и Малого Кетменя, Галжата, Узун-Тама, Косагача и нескольких мелких (ныне Уйгурский район), перешло к русским вместе с землями, ими занимаемыми по Петербургскому трактату. Земли эти хорошо орошались мелкими горными речками и ключами.

В образе жизни уйгур Кетменской волости никаких изменений не произошло. По-прежнему они вносили царским властям налоги и прочие сборы в одинаковом размере с казахами, причем двор считался за юрту.

В введением поземельных податей жители Кетменской волости, так же как и прочие сельские оседлые поселения Семиречья, должны были подчиняться общим положениям <...>.

Первой стала заселяться наиболее зажиточная часть илийских уйгур. Это видно из рапорта генерала Фриде от 13 сентября 1881 года: «69 семейств самых богатых

---

[1] Отдел рукописи Института истории АН КазССР, папка 47. Надо иметь в виду, что Семиреченская область включала почти всю территорию современ. Киргиз. ССР и Джамбулскую, Алма-Атинскую и Талды-Курганскую области КазССР.

едут 20 сентября»[1]. Действительно, в указанное время эта группа богачей расселилась на пути следования, и только небольшая часть поселилась на р. Чилик.

Стремление первыми переселиться вполне понятно, ибо они могли выбрать себе лучшие участки земли.

Как бы ни было тяжело расставаться со своей родиной, уйгуры массами уходили на пустующие участки Семиречья <...>.

Еще в условиях суровой зимы 1881—1882 гг. уйгуры готовились к массовому переселению. Подготовка к переселению на этот раз была более организованна, нежели переселение первых партий 1881 года.

Первыми стали переселяться жители Хонохайской волости, жившие у самой границы.

В середине марта 1882 года хонохайцы во главе со своим волостным управителем Худайберды, разрушив свои дома, двинулись в путь. Уже 26 марта они были на новых местах.

Из 839 семей, числившихся в Хонохайской волости, переселилось 675 семей. Относительно быстрое переселение хонохайцев объясняется, во-первых, тем, что путь их лежал через заселенную уйгурами Кетменскую волость, отошедшую по Петербургскому договору к России. Жители Кетменской волости, оставаясь на прежних местах жительства, во всем оказывали переселенцам помощь. Во-вторых, они совершили переселение на самое короткое расстояние по сравнению с жителями других волостей Илийского края. Хонохайцы стали заселять район близ старой границы царской России у подножья Кетменской горы, приурочивая свои селения к горным р.р. Чон-Аксу, Кичик-Аксу, Баян-Казаке и на р. Каратуме.

В верховьях первых 3-х маловодных речек землемерами были намечены границы будущих селений переселенцев: двух селений по 300 дворов на р. Чон-Аксу, одного селения в верховьях Кичик-Аксу — на 250 дворов, на р. Баян-Казаке — на 300 дворов и пятого селения на р. Каратуме (низовье р. Чарыни) — на 100 дворов.

Хонохайцы, прибыв на отведенные участки, сразу же принялись за полевые работы и проведение оросительных арыков из рек Баян-Казака, Чон и Кичик-Аксу. Устройство арыков не представляло больших затрудне-

[1] Рапорт Фриде Туркестанскому генерал-губернатору Колпаковскому. ИСТАРХ, КазССР, ф. 21, д. 702, л. 113.

ний, ибо вся работа заключалась в углублении и расширении заброшенных древних арыков. Одновременно хонохайцы занялись устройством временных жилищ, которые здесь, как и в других местах заселения, представляли собой землянки, вырытые в логах и ярах. Землянки покрывались жердями, камышом и глиной и служили для бедняков-переселенцев приютом даже в зимы 1883—1884 гг. По окончании полевых работ, с июня 1882 года, переселенцы приступили к строительству домов.

Уйгуры Хонохайской волости, благодаря близости своих прежних мест жительства (80—100 км), смогли перевезти еще зимой часть хлеба в селения Кетменской волости, а весной прямо на место заселения. Поэтому хонохайцы не нуждались ни в семенах, ни в продовольствии. Весной 1882 г. здесь поселилось всего 1 107 семей (5 340 душ), так как к хонохайцам присоединились переселенцы прежней Мазар-Пилкинской волости в количестве 343 двора.

Заселяемые хонохайцами земли в районе р.р. Чон-Аксу, Кичик-Аксу и Баян-Казак оказались малопригодными к земледелию [1]. Не хватало также воды для удовлетворения потребностей столь большого количества переселенцев. Попытка же хонохайцев обосноваться на ранее намеченных ими пустовавших долинах горных речек Чушоной, Сумбе и Киргиз-Сай не удалась. «Их не пустили казаки Подгорненского выселка»[2]. В районах же своего сосредоточения им было тесно. Начались поиски новых земель, богатых водой. Воду эту могли бы дать реки Темерлик, и в особенности многоводная речка Чарын, но обе они, при выходе на Илийскую долину, протекают в глубоких каньонах, и выведение каналов из них было не под силу переселенцам.

На нижнем течении Чарына отвод воды на правый берег требовал меньше труда. Нивелировка подполковника Ларионова показала, что по каналу, выведенному около ур. Сарытогая, вода могла пойти к Узун-Таму более 30 км и оросить около 40 000 га земли. Следы древних каналов давали основание предполагать, что местность эта, хотя и расположенная между отдельными полосами песков и солонцов выше и ниже ее, все же пригодна для земледелия. Вот почему весною 1883 г. приступлено бы-

[1] *П. Румянцев.* Таранчи, т. V, ч. I, СП 1914 г., с. 65. Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области.

[2] Там же, стр. 66.

ло к проведению с ур. Сарытогая канала по следам древнего канала. Канал этот продолжен был на 13 км и мог оросить до 11 000 га земли, но затем обнаружилось, что почва сильно солонцевата. Ввиду этого уйгуры ограничились посевом 26 га пшеницы, ячменя, проса и кунака, однако хлеб не взошел. Поэтому начатые работы по сооружению канала были оставлены. В 1883 году уйгуры прежней Мазаро-Пилкинской волости в количестве 254 семей, покинув пределы Аксу, образовали на реке Чарын отдельные селения.

Воды здесь было достаточно, земля плодородная, но она была сплошь покрыта джидой, чингилем, камышом и другими видами диких зарослей. Много сил потратили здесь переселенцы, прежде чем устроиться. Буквально на каждом клочке отвоеванной земли переселенцы создали «интенсивную, полуогородного характера культуру»[1].

Так была образована Аксу-Чарынская волость, состоящая из 5 селений переселенцев: Чарын — ныне колхоз им. Свердлова, Чон-Аксу — ныне колхоз «Эмгяк», Кичик-Аксу — ныне колхоз «Ишчидехкан», Долата — ныне колхоз им. Калинина и Баян-Казак (Ават) — ныне колхоз «Йилтиз» Уйгурского района Алма-Атинской области.

Вдвое больше, чем в Аксу-Чарынской волости, количество уйгур обосновалось на правом берегу р. Или, на уступленной цинами территории между р.р. Усеком и Хоргосом <...>.

Желающие поселиться между Усеком и Хоргосом уйгуры и дунгане заверяли русские власти, что они не претендуют на земли, предназначенные для русских переселенцев, и что готовы удовлетвориться участками земли, занятыми камышами, солонцами и песками. 12 января 1882 года туркестанский генерал-губернатор разрешил устройство населенных пунктов между р.р. Усеком и Хоргосом для 1500 семей уйгур и 500 семей дунган, но с предоставлением им лишь заброшенных земель, лежащих на юге от почтовой дороги в Кульджу. Земли же, находящиеся на севере от дороги, были оставлены для казачьих поселений»[2].

Одновременно с вступлением в Кульджу цинов, в марте 1882 г., кульджинские уйгуры и дунгане начали

[1] *П. Румянцев.* Таранчи, часть 1-я, СП 1914 г., с. 94.

[2] Архивный отдел Ин-та И. А. Э. АН КазССР, папка № 47, л. 35.

переселяться на р. Усек. Они занялись прежде всего исправлением старой оросительной сети, пашнями и посевами. К ним присоединилось значительное количество уйгур и дунган других волостей, следовавших в Верненский и Токмакский уезды, от отставших от своих односельчан и временно решивших остаться в Хоргосе. Русская администрация, хотя и вынуждала поселенцев следовать в назначенные им места, сама была заинтересована, чтобы переселенцы как можно скорее произвели запашки для выращивания сельскохозяйственных культур. Поэтому переселенцам было разрешено произвести в 1882 г. посевы на всех доступных для орошения землях между р. Хоргосом и р. Усеком.

Осмотрев в июне 1882 г. эти земли и обратив внимание на обширные зеленеющие пашни, восстановленные трудолюбивыми переселенцами в пустовавшей на протяжении 15 лет территории (с момента восстания уйгур), степной генерал-губернатор велел оставить для заселения 500 семей русских переселенцев лишь пограничную полосу орошенной земли с сенокосами и пастбищами в горах, всего более 3000 га земли. Остальные же земли как на юге, так и на севере от почтовой дороги он разрешил отвести под поселение еще 1500 семей уйгур [1].

Количество же переселившихся уйгур уже в 1882 г. составляло 3 043 души и дунган 777 душ. Кроме того, ожидалось из Кульджи еще 4519 уйгур. По мере приближения срока оставшиеся в Кульдже уйгуры в январе и феврале 1883 г. спешили оттуда выбраться на реки Хоргос и Усек. Сюда же устремились уйгуры из других волостей (помимо Кульджинской), замешкавшиеся с переездом из-за отсутствия средств. Это была беднейшая часть переселенцев. В числе желающих выселиться было до 700 семейств уйгур, совершенно не имевших средств к перевозке и пропитанию.

Для их перевозки переселившиеся уже уйгуры предоставили 700 арб и вьючных животных. На пропитание переселенцев в дороге и на первое время по прибытии на р. Усек отпущено было русскими властями 4800 руб. ссуды.

Степной генерал-губернатор, по ходатайству консула, сократил назначенный по договору срок переселения на 5 дней (до 5 марта, вместо 10-го). В течение февраля

[1] Архивный отдел И.А.Э. КазССР, папка 47, л. 36.

выбыло из Кульджи более 5000 арб с переселенцами, успев к назначенному сроку. Все же в Кульдже осталось значительное количество бедняков уйгур, принявших русское подданство, но не успевших выехать.

Несомненно, сокращение срока переселения Илийских уйгур в Семиречье вызывалось вовсе не тем, чтобы избежать «замешательства в последние дни перед очищением Кульджи русскими войсками», а желанием, во-первых, задержать переселение уйгурской бедноты, которая из-за отсутствия средств не могла своевременно выехать, во-вторых, желанием царских властей избежать расходов по переселению и содержанию этих бедняков.

Однако расходы пришлось принять весной 1883 г., когда в результате плохого урожая и дороговизны хлеба положение переселенцев на р.р. Усек и Хоргос сильно ухудшилось.

В феврале властями было отпущено 2 510 руб. и затем в апреле — июне 1883 г. еще 10 500 руб. ссуды [1].

Ожидаемые переселенцы-казаки на Хоргос не пришли. Поэтому часть назначенной для них земли в 1883 г. была отдана под пашни илийцам, число которых к этому времени уже достигло 2479 семей уйгур, состоящих из 9489 душ (обоего пола) и дунган 333 семей из 1347 душ (обоего пола)[2].

В 1884 г. земли для казачьих поселений переданы были войсковому правлению в качестве запасного фонда, уйгуры арендовали из этой земли 8200 га. Несмотря на наличие между р. Усеком и казачьим наделом 51 097 га пригодной для обработки земли (предназначенных для русских переселенцев), илийским переселенцам эти земли не дали. Положение их было сильно стеснено. Для орошения полей переселенцы прорыли два канала из р. Хоргоса (Урта-Устян и Аяк-Устян), доводящих воду до Джаркента (около 30 км), и несколько арыков из р. Усека, а также стали пользоваться водами небольших горных речек Бурхан, Тышкан и Чижень.

Областное начальство, «предвидя недостаток пашен» в этом районе, постоянно стремилось переселить возможно больше остановившихся на Усеке — Хоргосе переселенцев на Чилик.

Главным поселением кульджинцев-горожан стал город Джаркент, начавший застраиваться по одобренному

---

[1] Архивный отдел Ин-та И.А.Э. АН КазССР, папка 47, л. 38.
[2] Там же.

главным начальником края плану в 1882 г. К концу года здесь было уже построено 538 домов. К концу 1883 г. количество домов достигло 630.

Кроме уйгур и дунган в Джаркенте считалось в 1883 г. 2 122 души жителей, в том числе 1387 воинских чинов. После Джаркента крупными населенными пунктами стали Аккент, Пенджим, поселения Сокур-Хатун, Чолокай, Хоргос и др. Значительная часть жителей новой Джаркентской волости в 1882 и 1883 гг. продолжала оставаться в землянках.

Основная часть переселенцев уйгур переселилась на р. Чилик. Здесь ими были образованы две волости: Малыбаевская и Корамская.

В Малыбаевской волости летом 1882 г. были отведены земли для 3 селений: Малыбай (ныне колхоз имени (Ленина) на 304 двора, Байсеит на 320 дворов и Масакпай на 304 двора.

Селения эти расположились близ реки Чилика: первое — у главного канала правого берега Чилика — Малыбай, второе — у переправы через Чилик, по дороге из села Зайцевского в Кульджу, и третье — близ переправы через р. Чилик, по нижней караванной дороге в Кульджу.

В 1883 г. были разбиты рядом с Масакпаем селения: Кайнук на 184 двора и Сарыбулак на 232 двора.

Таким образом, селения Малыбаевской волости были сосредоточены на берегу р. Чилика, не совсем удобно располагаясь из-за отдаленности от них пашен, но переселенцы вынуждены были поступать так, ибо, кроме р. Чилика, других проточных вод в том районе нет. Устройство же селений по выведенным каналам сопряжено было с неудобствами, вызванными тем, что зимой вода в них замерзает.

В Корамской волости в мае 1882 г. было разбито селение Лавар (ныне колхоз имени Калинина) на слиянии р. Корама с р. Каратуруком на 328 дворов, в июне того же года — селение Корам, по обоим берегам Карасу, по 300 дворов на каждом; в сентябре 1882 г.— на реке Терен-Карасу селение Каражота на 320 дворов, в августе 1833 г.— селение Асы на левом берегу Чилика на 200 дворов, селение Каратурук (ныне колхоз «Йенидехкан») на р. Каратуруке на 304 двора и селение Киикпай (ныне колхоз им. Кирова) на р. Киикпае на 304 двора. Два последних расположены у подножья Сухотинских гор, выше главного канала из Чилика.

В этом районе туркестанский генерал-губернатор еще в 1881 г. считал возможным поселить всех переселенцев, полагая, что как земель, так и воды здесь будет достаточно. Двинувшиеся по вступлении цинов в Кульджу первые партии переселенцев достигли Чилика в конце марта. В начале и половине апреля прибыло на Чилик в течение нескольких дней до 3000 семей уйгур, которые немедленно принялись за проведение арыков. На правом берегу р. Чилика, согласно сделанному в июле доверенными распределению, поместились люди из четырех прежних волостей в количестве 1 086 семей, образовав Малыбаевскую волость. На левом берегу реки Чилика поселились, кроме 3 прежних волостей, части остальных волостей. Здесь для орошения полей переселенцев могли бы служить горные речки Асы, Каратурука, Уюнке и Киикпая, но их воды забирали русские крестьяне села Зайцевки. Поэтому тотчас по прибытии основной массы переселенцев начались работы на Талды-Арыке.

Несомненно, предварительно нужно было, во-первых, исследовать намеченную для орошения местность с помощью специалистов и, во-вторых, производить работы под надзором техников. Но в это время в Туркестанском крае техников-ирригаторов почти не было. Поэтому местная администрация положилась на знания и опыт самих переселенцев.

С этой целью русскими властями еще в 1881 году вызывался в город Верный (ныне Алматы) ташустянский волостной управитель Ававахри, много лет работавший смотрителем главного канала правого берега р. Иля, снабжавшего водой маньчжурскую Кульджу более чем за 120 км., орошая на пути почти все земли по правому берегу р. Или. Ававахри пользовался, как писал ген. Фриде, большим авторитетом в народе за свою честность и беспристрастие при распределении воды.

Прибыв с первыми партиями переселенцев в начале апреля 1882 года, Ававахри набрал рабочих и приступил к работе на Талды-Арыке. Так как уйгуры не знали нивелировочных работ, каналы проводились ими на глаз. Переселенцы, очистив часть канала на Талды, разбили его на мелкие арыки по пашням. Эта работа, прекращенная в конце апреля, когда переселенцы должны были немедленно приступить к посевам, к постройке жилищ и перевозке имущества и семейств, имела тот недостаток, что падение воды было слишком большим и потому канал подвергался частым повреждениям.

Осенью 1882 года, после уборки урожая, переселенцы приступили к проведению главного канала, выставив до 1500 рабочих; работы продолжались до наступления зимы.

Между тем той же осенью на Чилик стали переселяться уйгуры, остававшиеся в Кульджинском районе для посевов на льготный срок. Вместе с ними количество переселенцев на левом берегу Чилика достигло до 2300 семей.

Для обеспечения пашен такого количества переселенцев надо было увеличить дебет воды в Талды-Арыке, расширив его русло и еще более удлинив его.

Это и было выполнено переселенцами весной 1883 г. в течение 5 недель. По определению инженера Гурде, посланного для руководства работами, Талды-Арык стал давать 620 куб. футов воды в секунду; 270 куб. футов воды отданы были на пашни русских крестьян села Зайцевки, остальные же 350 куб. воды оставлены были уйгурам. Так переселенцы Корамской волости водой были обеспечены.

Весною 1884 г. переселенцы, кроме обычного ремонта канала, провели новый арык из р. Чилика для крестьян села Зайцевки. Это было сделано для того, чтобы переселенцы могли пользоваться «всею вместимостью Талды-Арыка и не имели постоянных споров с крестьянами за воду».

Устройство канала и его сооружений произведены были теми способами, какие применялись уйгурами в верхней части Илийской долины. Опыт ирригационных сооружений уйгурами передавался из поколения в поколение с древнейших времен. Этим объяснялся успех постройки громадного канала протяжением в 60 км. «Дешевизна и отсутствие нужды,— писал ген. Фриде,—в содержании более или менее значительного персонала техников и надсмотрщиков, без которых не могло бы обойтись сооружение канала»[1], было достигнуто силами самих переселенцев. Конечно, не успевшим еще устроиться переселенцам было трудно, но они охотно шли на жертвы, понимая жизненную необходимость таких работ.

Помощь казны ограничилась выдачей 856 руб. 55 коп. на продовольствие рабочих на время весенних работ

[1] Архивный отдел Ин-та И.А.Э. АН КазССР, папка 47, л. 42(51).

1883 г., когда вследствие неурожая население бедствовало.

Последней из пяти волостей переселенцев образовывалась Карасуйская волость.

Глубокой осенью 1882 года на реке Малый Талгар было основано село на 300 дворов, названное впоследствии Алексеевское, затем — Яни Шаарам (Илийский район Алма-Атинской области). Несколько раньше, т. е. в июне 1882 года, было основано село на р. Ташкенбай на 242 двора, названное впоследствии Ташкенбайсаз. Летом 1883 года на р. Ташкарасу основано селение Таштыкара на 200 дворов. Таштыкара (ныне колхоз «I мая» Энбекши-Казахского района Алма-Атинской области). На реке Баубек на 100 дворов, на реке Джарлыкапе — на 100 дворов, на реке Манай-булаке на 200 дворов и на реке Балтыбай-Карасу на 101 двор. Все эти населенные пункты находятся в пределах нынешних Энбекши-Казахского и Илийского районов Алма-Атинской области.

История образования этой волости несколько иная, чем истории вышеупомянутых волостей. Необходимо заметить, что переселенцы — жители определенных населенных пунктов Илийского края — стали селиться прежними «земляческими» обществами, при этом жители не только одного кишлака, но и целой волости, за редким исключением, не смешиваясь с жителями других населенных пунктов, образовывали свои кишлаки и даже сохранили прежние наименования на новых местах поселения.

В июне 1881 года представители Подгорной и Токкузтараузской волости Илийского края наметили себе земли по р. Тургеню. Когда же началось переселение, значительная часть переселенцев Подгорной волости предпочла поселиться вместе с городскими жителями Кульджинской волости между р.р. Хоргосом и Усеком. Часть же уйгур Кульджинской волости пошла в Верненский уезд. Такое разделение двух волостей объясняется отношениями ее жителей. Еще при цинском господстве уйгуры разбились на ряд группировок, состоявших из родственников и приверженцев влиятельных лиц. Эти группировки враждовали между собой. Во времена султаната конфликт между ними еще более усилился. Их раздоры сыграли отрицательную роль, задерживая развитие национально-освободительного движения. Они выдвигали и сменяли султанов, пока не укрепилась власть

последнего султана Абиль оглы, имевшего многочисленную влиятельную родню и опиравшегося на сильнейшую из этих группировок.

По проведении русскими властями ряда реформ во время временного присоединения Илийского края и по установлении «народного управления на выборных началах» групповая борьба и интриги сосредоточились на получении должностей в «народном управлении», в особенности должностей волостных управителей. В Кульджинской волости претендентами на влияние в волости и на обладание должностями были Касымбек и Бушри [1]. Первым был волостным управителем в первые годы оккупации. Бушри же занимал должность волостного управителя с 1874 до 1880 гг. В этом же году он, по распоряжению генерала Кауфмана, был «выслан вследствие, между прочим, жалоб противной партии» в г. Перовск. По удалении Бушри волостным снова сделался Касымбек. В 1881 г., по возвращении из г. Перовска, Бушри поселился в г. Верном и тут же при помощи своих сторонников стал агитировать за переселение уйгур в русские пределы. Когда жителям Кульджинской волости было разрешено поселиться между р.р. Хоргосом и Усеком, куда со своей волостью переселился и Касымбек, родственники и сторонники Бушри решились идти на р. Тургень с целью образовать свою особую волость.

Вот почему около 1000 семей будущей Карасуйской волости в конце марта и в апреле 1882 г. рассыпались на пространстве между р. Каратуруком и р. Талгаром, перейдя частью в черту г. Верного. Основная масса расместилась на землях Бакайской, Тургеньской и Талгарской казахских волостей, последние, сочувствуя положению своих «единоверцев», безвозмездно поделились своими пашнями, хотя сам были оттеснены царскими властями.

Весной 1882 года, после подробного ознакомления областного и уездного начальства с местностью, выяснилось, что на р. Тургень и Талгар заселить переселенцев «невозможно за недостатком воды»[2], которая якобы разбиралась на пашни вышележащих русских селений.

Переселенцы во главе с Бушри стали ходатайство-

[1] Во время военных действий 1871 г. Бушри будучи видным деятелем султаната, оказал большое влияние на исход событий, пропустив царские войска в Илийский край.

[2] Известно, что сейчас на этих землях, населения поселилось в несколько раз больше.

вать о разрешении им поселиться именно на этих землях, указывая в ответ на заявление о недостаточности воды, что большая часть из них земледелием не занимается, а является ремесленниками и торговцами и нуждается в земле только для усадеб и небольших выгонов, лишь бы жить поблизости г. Верного, где они будут иметь возможность сбывать свои товары, а потому «в значительном поземельном наделе не имеют надобности»[1].

Несмотря на предписание властей поселиться в районе Чилика, переселенцы продолжали жить между Тургенем и г. Верным. Царская администрация, боясь, что крутые меры могут «возбудить смуты между переселенцами и повести к беспорядкам и попыткам ухода обратно в Кульджу», разрешила им устроить одно селение на правом берегу р. Талгара на 200 дворов, с отводом ему земли в количестве 1000 десятин, и другое — на 300 дворов на р. Лепе[2]. В феврале 1883 г. верненский уездный начальник донес о заявлениях малыбаевских и корамских волостных, что по подстрекательству влиятельных людей Карасуйской волости часть уже осевших в их волостях уйгур стремится перейти на р. Талгар, и стал ходатайствовать о посылке команды казаков для «воспрепятствования» самовольным передвижениям уйгур к Талгару[3].

Военный губернатор, однако, после личного осмотра местности между Тургенем и Талгаром и подробного ее обследования уездным начальником и инженером Пакклевским-Козелл, окончательно разрешил поселить на Талгаре 300 семей и на Лепе 1200 семей. В соответствии с таким распределением летом 1883 г. были составлены планы поселений, и переселенцы приступили к постройке домов. В том же году начало строиться селение на Талгаре, названное Янгишаар.

В апреле 1884 г. при личном осмотре военным губернатором поселений Карасуйской области оказалось, что на Ташкарасу[4] — 250 семей, Ташкенбай карасу[5] — 182 семьи, временно оставшихся на пашнях, но решивших

---

[1] Архивный отдел Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР, папка 47, т. 55/44.

[2] Там же, л. 57.

[3] Архивный отдел Ин-та И.А.Э. Академии Наук КазССР, папка 47. л. 57/45.

[4] Впоследствии Таштыкара.

[5] По истечении времени наз. Ташкянбайсаз.

поселиться на Лепе — 156 семей, на Баубеккарасу — 93 семьи, на Джарыгапе карасу — 70 семей, Манапбулаке — 50 семей, на Балтыбае — 93 и на Талгаре (в селении Алексеевке-Янгишаар)[1] — 601 семья, итого 1495 семей. Помимо этого, в городе Верном поселилось 120 семей и в поселке Илийском — 43 семьи уйгур.

Воды Карасу между р.р. Иссыком и Тургенем, несмотря на утверждение властей, было вполне достаточно для орошения пашен наличных переселенцев, но сбор ее в каналы и проведение на пашни сопряжены были с большими трудностями. Поэтому устройство уйгур Карасуйской волости потребовало больше труда и времени, чем в других волостях.

Таким образом, на местах поселения уйгур в Семиречье, не считая территории, отошедшей к Киргизии, было образовано 5 новых волостей и шестая на перешедшей к России территории — Кетменская волость, включающая 17 селений уйгур-«старожил».

По истечении некоторого времени из 3 волостей: Аксу-Чарынской, Джаркентской, Кетменской — был образован Джаркентский уезд. Малыбаевская, Корамская и Карасуйская волости вошли в состав Верненского уезда.

В Илийском крае селения уйгур были расположены вдоль каналов и ключей группами по 10—12 дворов в каждой. Лишь немногие из них имели более 50—100 дворов, в большинстве с узкими кривыми улицами. По краям и позади селений были расположены сады.

Русские же власти, имея в виду «административные удобства и облегчение посещения детей туземцев предполагаемых русских школ», распорядились, чтобы селения переселенцев состояли не менее чем из 200—300 дворов. Было предписано, чтобы улицы имели 25,5 м ширины были обсажены двумя рядами деревьев. Оставлялись площади для базаров и общественных зданий.

Прибыв в 1882 г. или в половине 1883 г. на новые места, переселенцы должны были основное внимание уделить земледелию и потому временно поместились в землянках. Основные расходы при постройке домов вызывались дефицитом лесоматериалов. Строевой лес стоил очень дорого. Поэтому переселенцы для своих построек пользовались лесом, взятым из прежних своих домов, сплавленным в свое время в виде плотов. В течение 1882 и 1883 гг. домами было обеспечено около

[1] Янги-Шаар — новый город.

половины всех переселенцев. Быстро отстроились: г. Джаркент, селения на р.р. Аксу и Баян-казахе, Караме, Янгишааре.

При осмотре военным губернатором в апреле 1884 г. из всех уйгурских селений Верненского уезда наиболее застроившимся было селение Алексеевка-Янгишаар. Здесь вместо 300 дворов выстроено было более 500 домов, имелся базар и ряд лавок. Обширное селение Корам также имело много построенных домов. В остальных селениях постройка домов только начиналась. Постройки переселенцев были такие же, как в Илийском крае: глинобитные, окнами во двор, с высокими дувалами, канами и мор-очаками (каминами), с плоской глиняной крышей. У богатых переселенцев комнаты были больших размеров, украшенные орнаментом.

Для садоводства и лесоводства переселенцами весною 1882 и 1884 гг. было взято из казенных садов и питомников г. Верного, Борохудзира и Пишпека (ныне Фрунзе) большое количество молодняка. В некоторых селениях были заведены питомники карагача и ясеня. В 1883 году питомники эти уже занимали более 5 га. Для разведения декоративных деревьев в 1883 г. переселенцами было посажено 65 000 черенков тополей и талу. Фруктовых деревьев в 1883 г. переселенцами было посажено более 10 000 штук. В помощь переселенцам властями в 1883 г. были выделены 2 садовника.

Так улицы в селениях переселенцев стали засаживаться деревьями. Русские власти надеялись, что переселенцы и на новых местах займутся садоводством. Переселенцы так и сделали, превратив пустыню в цветущий край.

Мы уже говорили, что надел переселенцев землями не мог быть произведен до уточнения места расположения селений, количества в каждом из них земледельцев, условий орошения и т. п. Только в 1883 г. произведена была съемка всех земель, предоставленных переселенцам.

Этими топосъемочными работами были определены для Малыбаевской волости 31 357 га «удобной» земли, для Корамской — 54 092 га, для Карасуйской — 19 711 га, для Джаркентской — 51 097 га, для Аксучарынской — 19 332 га, для дунган селения Александровского — 8 035 га — всего 183 624 га. К числу «удобных» земель принадлежали не только орошаемые пахотные земли, но и выгоны, а также полупустынные участки земли. Луч-

шие по качеству пахотные земли находились в Корамской и Малыбаевской волостях.

В Джаркентской волости процент годной земли был невелик. Большая часть участков состояла из неорошаемых или песчаных солонцеватых и покрытых камышами земель.

Побывавший здесь ботаник И. Пталицкий, вскоре после поселения уйгур, писал: «Уже на первой версте от города (т. е. Джаркента.— М. К.) к югу, среди таранчинских селений, дорога пошла по настоящим солонцам, белеющим сплошными выпотами солей. Приходится прямо удивляться, как эти почвы могут быть использованы даже трудолюбивыми таранчинцами. Всюду вы видите посевы. По этой картине... я склонен предположить, что мы имеем дело с совершенно другим явлением. Путем бессознательного отбора семян здесь могла создаться особая раса культурных злаков, приуроченных к соленым почвам...»[1].

В Аксучарынской волости удобной для пашен земли имелось достаточно, но она, в связи с трудностью орошения и маловодностью района, пустовала. Тот же недостаток имел место на землях Карасуйской волости.

По окончании размещения переселенцев и ознакомления их с местными условиями областным правлением предполагалось в 1885 г. произвести окончательный поземельный надел каждому селению.

Царская Россия была заинтересована в переселении илийцев в свои пределы потому, что видела в их лице не только отличных работников, но и верных союзников. Они, «затруднив и замедлив восстановление и упрочение военного могущества Китая в верхней части Илийской долины, оказывают благоприятное влияние и на внутреннее положение наше на китайской границе,— писал генерал Фриде,— ибо добавило в местное население преданный и благоприятный для нашей власти элемент, разнящийся оседлым образом жизни и многими сторонами своего быта от киргиз, составляющих большинство населения, но не отличающихся, как все кочевники, привязанностью к государству и готовых при случайном военном успехе китайцев перейти на их сторону, чего со стороны переселенцев, уже ввиду принесенных ими потерь и жертв для ухода из-под китайского владычества,

[1] Извлечено из работы П. Румянцева. Таранчи, 1914 г., ч. I, стр. 9, СПб.

ожидать невозможно. Напротив, судя по нелюбви и ненависти к китайцам таранчей и дунган, имеется полное основание рассчитывать, что в случае внешних осложнений с Китаем переселенцы эти принесут нам в военное время большие услуги»[1].

Поэтому не случайно одно из непременных условий для переселения илийских уйгур в Семиречье было: «Переселившиеся в пределы Российской империи жители Кульджинского района, без различия племени и вероисповедания, за исключением только киргизов, будут привлечены, по водворению и устройству на новых местах, к отбыванию воинской повинности на общем основании или зачислении в Семиреченское казачье войско»[2].

Массовое организованное переселение илийцев было осуществлено в намеченные сроки и закончилось в 1883 г. Но и в последующие годы уйгуры и дунгане маленькими группами продолжали переселяться в Семиречье, самовольно переходя границу, довольно слабо охранявшуюся в силу своей огромной протяженности. Эти перебежчики, спасавшиеся от гнета цинских властей, охотно принимались в Семиречье и пополняли собой быстро возраставшее население уйгурских и дунганских поселений.

[1] ИСТАРХ, КазССР, ф. 44, о. 9-а, д. 464, л. 91.
[2] ИСТАРХ КазССР, ф. 44, оп. 9-а, д. 484, л. 91.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ ОБЛАСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕЕ НАСЕЛЕНИЯ

Из «Обзора Семиреченской области за 1894 год (приложение к всеподданейшему отчету)»

г. Верный: Типография Семиреченского областного правления, 1895 г.

Территория и население

Семиреченская область, по вычислениям Межевого Отделения, занимает 353 468 кв. в. с населением в 757 105 челов.

Границами ее служат: на юге и востоке Тарбагатайский, Илийский и Кашгарский округи Китайской Империи, на западе Ферганская, Сыр-Дарьинская и Акмолинская области и на севере Семипалатинская область.

Территория Семиреченской области очень разнообразна. Она заключает в себе громаднейшие горные хребты с ледниками и просторнейшие долины, бесплодные пустыни и плодородные долины, большие озера, песчаные, солончаковые и болотистые пространства. Но все это разнообразие местности сводится к двум главным характерным пространствам: Тянь-Шаньскому горному массиву и его равнинной полосе. У южной границы Семиречья, уже в пределах Кашгарии, Тянь-Шаньский хребет достигает наибольшей высоты: так, вершина Хан-Тенгри (царь неба, или духов), вечно окутанная облаками, поднимается на высоту 24 т. ф. Он состоит из целой системы каменистых гряд или хребтов, идущих, по большей части, с востока на запад, часто покрытых вечным снегом и понижающихся постепенно с юга на север. Главнейшие из них: Терской-Тау и Кунгей Ала-Тау, окаймляющие озеро Иссык-Куль; параллельно последнему хребту, на север от него, тянется Заилийский Алатау, у подножия которого лежит областной город Верный. Между этими хребтами тянутся продольные долины (Илийская, Иссык-Кульская, Сырт и др.) на несколько десятков, а иногда и сотен верст. Благодаря своему высокому положению (от 4—12 т. ф.) и хорошим пастбищам, они представляют удобные места для летних кочевок киргиз;

в некоторых из них (Илийской, Иссык-Кульской и Чуйской) ютится и оседлое население: русское и туземное.

Тянь-Шаньский хребет имеет сравнительно скудную древесную растительность. Наиболее распространенное дерево — ель, достигающая до 12 саж. высоты, покрывает преимущественно северные склоны ущелий, защищенные от южного солнца. К ели присоединяются береза, яблоня, урюк, рябина, черемуха, тополь и кустарники: желтый и белый шиповники, таволга, облепиха и др. Выше лесной полосы начинается полоса арчевника (древовидный можжевельник), а еще выше луга, покрытые альпийскими растениями.

Все значительные реки Семиреченской области получают свое начало в Тянь-Шаньском хребте и принадлежат большею частью к бассейнам озер: Балхаша, Иссык-Куля и Ала-Куля. Река же Чу, орошающая долину того же названия, направляет свои воды к Аральскому бассейну, но, не дойдя до него, теряется в песках; в области берет начало и другая река Аральского бассейна — Сыр-Дарья *, среднее и нижнее течение которой находится в других областях. Озеро Балхаш принимает в себя все главные реки Семиречья: Или, Каратал, Коксу, Аксу, Лепсу и Аягуз. Из множества речек, вливающих свои воды в бассейн оз. Иссык-Куля, выделяются реки: Тюп и Джаргелан. Реки в Семиречье проходят поперек торговых путей, и поэтому они не могут облегчать торговых сношений жителей; этому мешают также быстрота течения, зависящая от высокого падения воды с гор, множество громадных камней, преграждающих течение реки, изменчивость фарватера, небольшая глубина. Реки здесь важны по количеству воды, которое они могут отдать пахотным землям, и по удобству проведения из них арыков (оросительных каналов). Насколько велик бывает спрос воды для этой цели, нередко можно видеть из того, что река, многоводная в ущелье и даже опасная для переправы в броде, ниже почти пересыхает: вся вода из нее взята на полив полей и для проведения в движение водяных мельниц. Наибольшая высота воды в здешних реках бывает в июне и июле месяцах, в период усиленного таяния вечных снегов на горах <...>.

---

* Верховье называется Нарыном.

Колонизация края

Семиреченская область в настоящем своем составе покорена русскими не в одно время. В то время, как станица Сергиопольская, основанная в 1847 году, насчитывала уже несколько лет своего существования, Заилийский край, занимающий большую часть Семиречья, еще наполняли междоусобные войны киргизских родов. Такое положение дел отражалось и на наших владениях: время от времени они подвергались набегам киргизских барантачей. Для ограждения наших границ от подобных набегов русское правительство устраивало ряд казачьих селений, жители которых обязаны были нести постоянную воинскую службу, за что они получали большие участки земли, освобождались от податей и пользовались другими льготами. По занятии Заилийского края в 1853—1855 годах и по заложении там укрепления Верного (в 1854 г.), все Семиречье стало доступно русской колонизации. Но так как киргизы с трудом мирились с новыми порядками и первое русское население постоянно должно было быть настороже от внезапных нападений киргиз, то и следующие вновь открываемые русские селения были те же казачьи станицы. За время с 1847—1860 гг. основалось 14 выселков тогда еще Сибирского казачьего войска. Только в 1869 г., когда в пределах вновь образованной (в 1867 г.) Семиреченской области насчитывалось более 300 семейств крестьян, привлеченных сюда слухами о «новых местах», областное начальство приступило к постепенному устройству крестьянских поселений на основании правил, представленных Главному Начальнику края 12 марта 1869 г. Для устройства поселений было назначено 36 пунктов, распределенных на пространстве всей области, на 1375 семейств, по 15—150 семей на каждое селение. Чтобы избежать стеснения киргиз, от которых отходила для поселений лучшая часть пахотной и сенокосной земли, количество семей в поселениях было назначено небольшое, к чему побуждала и неизвестность количества удобных земель, так как межевых съемок произведено не было. Надел поселений предположен был в 15 десятин на ревизскую душу, с запасом в 15 же десятин на душу. Такой большой надел вызывался стремлением лучше обеспечить благосостояние переселенцев и в видах будущего увеличения населения устраиваемых поселений приятием вновь прибывающих переселенцев.

Действительно, благоприятные для земледелия и выгодных заработков местные условия в течение 15 лет (с 1867 по 1882 г.) привлекли в Семиреченскую область такое число переселенцев, которое давно уже превысило предположенную цифру. Вместо 1375 семей к 1 января 1882 г. было причислено в крестьянские поселения области уже 1 718 семей крестьян, в числе 7 398 душ мужского пола и 6 219 душ женского, всего 13 617 душ обоего пола, не считая 152 семейств отставных или запасных нижних чинов. Устройство русских селений отразилось и на быстром увеличении последовательно основываемых городов (гор. Верный — в 1868 г., Каракол — ныне Пржевальск в 1869 г., Пишпек — в 1878 г., Джаркент — в 1882 г. и г. Лепсинск — в 1883 г.). За те же 15 лет к городам области причислено 188 семейств купцов и 1 371 семья мещан, всего в количестве 8 060 душ обоего пола. В то же время в казачьих станицах к насчитывавшимся при учреждении Семиреченского казачьего войска в 1867 г. 14 413 душам обоего пола причислено 312 семей в числе 1 623 душ обоего пола.

К 1 января 1883 года постоянного русского населения области (не считая войск) насчитывалось 54 407 чел. Из этого числа крестьяне (в числе 18 035 душ), купцы (1 402 ч.) и мещане (9 534 ч.), т. е. около 30 000 ч. переселились за последние 15 лет; следовательно, более половины русского населения того времени состояло из переселенцев за время с 1867 по 1882 г. включительно. За это время ознакомление с сельскохозяйственными условиями края показало, что первоначальный душевой надел по 15 дес. на душу и столько же в запас очень велик, а потому он был понижен до 10 десятин.

Насколько увеличилось русское население с 1883 г. в последующие 12 лет, видно из прилагаемой таблицы:

Сословия	В 1882 г.	В 1894 г.	+ или −	% прибыли или убыли
1	2	3	4	5
Дворяне	1089	1212	+123	11%
Духовенство	179	262	+83	46%
Почетные граждане	115	250	+135	117%
Купцы	1 402	928	−474	34%
Мещане	9 537	27 380	+17 843	187%
Крестьяне	18 035	35 733	+17 698	100%
Казаки	21 116	26 503	+5 387	25%

1	2	3	4	5
Отставные и запасные нижние чины	2 934	4 605	+1 671	57%
ИТОГО	54 407	96 873	+42 466	78%
Войска	7 430	10 591	+3 161	43%
ИТОГО с войсками	61 837	107 464	+45 627	74%

Из нее видно, что русское население (не считая войск) с 54 407 чел. в 1882 г. возросло к 1 января 1895 г. до 96 873 ч., т. е. увеличилось на 78%. Из сословий, выражающихся сравнительно крупными цифрами, наибольший процент увеличения дали мещане (187%), затем крестьяне — 100% и казаки — 25%; купеческое сословие, напротив, уменьшилось на 5%, что можно объяснить высокими торговыми пошлинами, взыскиваемыми с мелочных торговцев. Считая естественный прирост с 1883 г. равным 3% на 100, оказывается, что русское население области в 54 407 ч. увеличилось за 12 лет от естественного прироста на 19 584 ч., между тем общая цифра увеличения населения равна 42 466 ч.; остальные 22 882 ч., т. е. около 23 000 падают на переселенцев в течение 1883—1894 гг.

Колонизация Семиречья не ограничивалась одним русским населением. Еще в 1876 г. в области поселились, с разрешения правительства, дунгане, бежавшие из Кашгарии; но особенно крупные размеры приняло переселение инородцев — дунган и таранчей в 1881—1883 гг. после сдачи Кульджи китайцам. По именным спискам, составленным в конце 1884 г. и начале 1885 г., таранчей и дунган в 45 селениях и 3 городах оказалось 56 720 душ обоего пола (31 040 муж. и 25 680 жен.). Земли им было отведено 237 678 дес., по 10 дес. на душу, но некоторые из обществ отказались от такого надела и ходатайствовали о меньшем; их просьба была уважена.

Раз начавшееся движение русских переселенцев не прекращается и до сего времени. Особенно большой наплыв переселенцев наблюдался в 1891 г., так называемом «голодном», и следующем за ним. Но в последние годы переселение ограничивается очень малыми размерами. Причиной этому служит то обстоятельство, что во

многих селениях запасная земля израсходована для новоселов и свободных земель не имеется; приписка же еще новых членов к этим обществам может повлечь малоземелье и вредно отозваться на экономическом положении старожилов. Выходом из этого положения является нарезка новых земель из государственных, находящихся в пользовании киргиз, именно из числа тех, которыми киргизское население, за отсутствием орошения, мало пользуется. С устройством же на этих землях орошения, к чему в некоторых местах представляется возможность, но что требует значительных материальных затрат, на них могло бы развиться оседлое население. Точное количество таких временно-пустынных земель — неизвестно, за отсутствием межевых съемок. Вопрос о дальнейшей колонизации Семиречья находится также в тесной связи с вопросом о норме душевого надела Семиреченского казачьего войска, который возник еще в 1881 году.

До образования Семиреченской области в 1867 г. уже существовали 14 казачьих выселков Сибирского казачьего войска, основанных в 1847—1860 гг.; но только в 1862—1867 гг., по распоряжению Сибирского войскового начальства, межевою партиею Сибирского казачьего войска произведен был временной земельный надел казачьим выселкам. Вместе с тем был составлен проект окончательных наделов будущих семиреченских станиц, но проекты эти не были утверждены, ибо оказались неправильными и несогласными с действительностью. По присоединении казачьих выселков к Семиреченской области вплоть до 21 ноября 1880 г.— до учреждения временного штата Межевого Отделения при Областном правлении — Семиреченское областное правление лишено было возможности производить какие-либо продолжительные межевые работы (а нарезка наделов с подразделением их на удобные и неудобные земли заняла бы несколько лет работы) и ограничивалось лишь отводом временных наделов вновь устраиваемым крестьянским селениям и казачьим выселкам. Но, когда возникло такое учреждение, которое могло точно определить земельные границы казачьих выселков, то явился вопрос, какое количество земли нарезать на одну казачью душу: 30 ли десятин и 10 дес. в запас, по примеру Сибирского казачьего войска, или меньше. Поводом к предложению меньшей нормы для душевого надела послужило то соображение, что земледелие в Семиречье, сравнительно с Западною Сибирью, обставлено более благоприятны-

ми условиями, как-то: плодородная земля, искусственный полив полей, теплый климат, дозволяющий посев различных кормовых, огородных и хлебных растений, отличные покосы трав. Это обстоятельство в связи с стесненностью киргиз в пахотных землях и с тем, что для нарезки всем казачьим станицам по 40 дес. на душу (из них 10 в запас) пришлось бы урезать большие пространства и из этих нужных для киргиз земель, побуждало областное начальство неоднократно высказываться за 20-десятинную норму (из них 5 дес. в запас) казачьего душевого надела. Затем этот вопрос перешел на обсуждение в высшие инстанции. По рассмотрении его в Комитете Министров последовало Высочайше утвержденное 7 марта 1895 года мнение Комитета, постановившего: «Предоставить Военному Министру произвести исследование находящихся в фактическом и бесспорном владении Семиреченского казачьего войска земель, относительно их количества, положения и качества, и определив, за какое количество естественно орошающихся земель следует засчитывать поливную десятину, выработать и представить на утверждение в установленном порядке особые правила наделения означенного войска землю». Для выполнения этого мнения будут командированы межевые техники. Таким образом, можно надеяться, что этот важный для колонизации края и являющийся тормозом в других случаях вопрос разрешится в ближайшем будущем <...>.

К 1 января 1895 года в Семиреченской области у кочевого населения разного рода скота насчитывалось до 5 301 583 голов, в том числе лошадей 649 299 голов и баранов 4 225 167 голов. По уездам количество скота у киргиз распределяется следующим образом:

Верненский	1.421.712
Копальский	703.346
Лепсинский	528.216
Пишпекский	1.036.153
Пржевальский	956.208
Джаркентский	655.948
Итого:	5.301.583

Эти цифры значительно менее действительного количества скота, которое киргизы тщательно скрывают даже от своих одноаульцев, так как по числу скота делается раскладка всяких повинностей <...>.

Скота разного у оседлого населения начитывалось за отчетный год 253 751 гол.

А всего скота по области в отчетном году было 5 555 334 головы, из этого числа:

лошадей	713 742
рогатого скота	383 134
овец и коз	4 346 785
верблюдов	96 408
ослов и мулов	2 491
свиней	12 768
оленей	6

ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

Из «Обзора Акмолинской области за 1895 год»

Омск. Типография Акмолинского областного правления, 1897 г.

Расположенная между 45° и 55° с. ш. и 84° и 90° в. д., Акмолинская область занимает площадь неправильного четырехугольника приблизительно в 479 200 кв. в. и имеет население 591 821 д. Административными границами ее служат: на с. и с.-в. Тобольская и частью Томская губ., на в.— Семипалатинская обл., на ю.— Сыр-Дарьинская обл. и на з.— Тургайская обл, и частью Оренбургская губ.

По Высочайше утвержденному 25 марта 1891 года Степному положению, Акмолинская область, в административном отношении, делится на пять уездов, а именно: три северных — Омский, Петропавловский и Кокчетавский и два южных — Атбасарский и Акмолинский, с соименными им городами, причем за г. Омском сохранено нынешнее его значение временной резиденции Областного управления.

В *топографическом* отношении территория области может быть разделена на две главные части: северо-западную, принадлежащую системе р. Ишима — внешнего обь-иртышского бассейна, и юго-западную, принадлежащую системе р. Сары-су — внутреннего бассейна аралокаспийской низменности. Центральный водораздел (разветвление Тарбага-тау), проходящий, в виде сопочных возвышений, близ 49° параллели, разнообразит поверхность области, давая отроги гранитовых и сланцевых возвышений как к северу — в пределах Кокчетавского уезда, так и к югу — в пределах Акмолинского уезда и оканчиваясь на западе, в пределах Атбасарского уезда, скалистою гранито-порфировою группой арганатинских и улутавских гор, главная вершина которых «Улие-акмечеть» имеет абсолютную высоту 533 сажени (3.730 ф.). Означенный водораздел с Чингиз-тау и Тарбага-тау на востоке ограничивали, по всей вероятности, в третичную

эпоху с севера пределы громадного водного бассейна туранской низменности.

Кокчетавские возвышенности, расположенные на правой стороне ишимского бассейна, заполняют собой, в виде отдельных сопок, средину северной половины области (уезд Кокчетавский). Означенные возвышенности и их предгорья, состоя из легкоразрушающихся гранитных пород, покрыты густым сосновым лесом и дают ряд источников, которые питают собою обширные и глубокие бассейны пресноводных озер; низменности же, между горами, состоя из глинистых и кремнистых сланцев, покрыты наносной почвой, представляющей довольно значительный слой чернозема. Кормовая растительность почти всех междусопочных пространств, побережий озер и рек представляется нередко безусловно превосходной качественно и всегда обильной количественно. Пространства эти заполнены в большинстве дикорастущими люцерной, клевером, тимофеевкой, аржанцем и мятликом. Благодаря вообще обилию различного рода угодий как для хлебопашества, так и для скотоводства, Кокчетавский уезд привлекает к себе большое число крестьян-переселенцев и является в настоящее время одним из населенных и культурно-земледельческих уздов в области.

Центральные и *южные* возвышенности Акмолинского уезда, служащие водоразделом сары-суйского бассейна, с одной стороны — от системы р. Нуры и бассейна обширнейшего озера Кургальджин-денгиза, а с другой — от бассейна озера Балхаша, вследствие обилия стекающих по ним пресноводных источников ранним летом, бывают покрыты превосходною травяною растительностью. Здесь та же кормовая растительность, что и в Кокчетавскому у., но только быстрее засыхающая, при меньшем количестве атмосферных осадков. Такой же характер имеют горы нельдинская, актавская, ортавская, эскенейская и др., живописно группирующиеся в юго-восточной части уезда и дающие целый ряд речек и ключей к с., с.-з. и ю. Благодаря означенным водным источникам они также бывают покрыты роскошной травой, доставляющею обильный подножный корм многочисленным киргизским стадам. Продольные и поперечные до-

лины, по которым протекают водные артерии, представляют удобства для проведения оросительных канав (арыков) и дают киргизам возможность заниматься хлебопашеством, которое здесь преимущественно и развито.

Атбасарская группа арганатино-улутавских гор, также дающая многочисленные истоки по трем направлениям: на с.— в р. Ишим, на ю.-в.— в р. Сары-су и на з.— так назыв. «тургаи», весьма богата кормовыми травами и служит центральным местом кочевок для киргиз большей половины уезда. Вообще, многие местности Акмолинского и Атбасарского уездов, благодаря обилию луговых пространств и удобству горных пастбищ, служат преимущественно для развития табунного скотоводства, которое и практикуется здесь киргизами в обширных размерах.

Северная полоса области, прилегающая к Тобольской губернии, а также части, расположенные к востоку и западу от Кокчетавского уезда, представляют однообразно-низменную равнину с незначительными увалами по берегам озер. Восточная половина этой равнины, заключающаяся между Ишимом и Иртышом (Омский уезд), имеет большею частью глинисто-солонцеватую почву и служит ложем наибольших (после Кургальджина) горько-соленых озер, каковы: Сары-денгиз, Теке, Улькункарой и др. По свойству почвы, отсутствию пресных источников и недостатку лесов (за исключением северной части, где еще имеется древесная растительность), территория Омского уезда во многих местах является малопригодною для обитания даже кочевых киргиз. Западная же часть этой равнины (Петропавловский уезд), составляющая как бы продолжение черноземной тоболо-ишимской низменности, имеет более плодородную почву, нежели Омский у. Во многих местах она покрыта отдельными березовыми рощами и изобилует удобными пастбищами и сенокосами, в особенности по берегам р. Ишима и многочисленных пресных озер, обыкновенно разливающихся от весеннего половодья. Кормовая растительность здесь, отличаясь по своему составу от южных уездов, близится к луговой, причем особенно заметно обилие растений из семейства пыреевых.

Наконец *южная* часть области, приблизительно между 45° и 48° с. ш., занята пустынею Голодной степи (Бед-пак-дала) и обширными песками («кумы»— уроч. с подвижными и «конуры»— уроч. с неподвижными песками, или барханами). Голодная степь, ограниченная с запада нижним меридианальным течением р. Сары-су, представляет из себя плоскую возвышенность (плато) с глинисто-известковой почвой; по отсутствию воды она является местностью совершенно необитаемой. Западная половина южной части, занятая песками, благодаря некоторому запасу подпочвенной воды, местами бывает покрыта травяною (полынь, кипец, кокпек) и кустарно-древесною растительностью (джида, терескен, баялыш, саксаул). Песчаные наносы, залегающие на плотной глине подпочвы, служат прекрасным фильтром для атмосферных осадков, которые и скопляются в углублениях на непроницаемом дне. Близость этой подпочвенной влаги и обусловливает собою существование органической растительной жизни, благодаря чему означенные места и служат временными стоянками при перекочевках киргиз из южных волостей Атбасарского уезда.

По местным географическим исследованиям («Очерк киргизской степи к югу от арало-иртышского водораздела в Акмолинской области», *Ю. Шмидт),* все пространство к югу от центрального водораздела до р. Чу (приблизительно около 176 000 кв. в.) считается вообще малопригодным для оседлости, и разве только половина его может быть признана более или менее удобною для скотоводства и земледелия (последнее при условии искусственного орошения).

Как бы в соответствие указанным выше двум главнейшим естественным склонам водных бассейнов — северному (внешнему) и южному (внутреннему, среднеазиатскому), на территории Акмолинской области происходит взаимодействие двух различных культур: в северной части — преимущественно русской, оседло-земледельческой, а в южной — киргизской, кочевно-скотоводческой.

По уездам оседлое и кочевое население области распределяется следующим образом:

Уезды	Площадь	Население		Населенность	Численное отношение оседлого населения к кочевому
	кв. в.	оседлое	Кочевое	на 1 кв. в	на 1 осед.
Омский	41.048,9	64.180	40.499	2,5 д	0,6 коч.
Петропавловский	60.953,6	72.218	59.378	2,1	0,8
Кокчетавский	63.688,7	58.906	64.704	2,0	1,1
Атбасарский	114.549,5	7.824	68.869	0,6	8,8
Акмолинский	198.960,4	13.305	141.942	0,8	10,6
Итого	479.200,2	216.433	375.392	1,2	1,7

Из этой таблицы видно, что северные уезды области, занимающие немногим более $^1/_3$ всего ее пространства и имеющие население 360 тыс. д. (или около 60% всего населения области), в том числе оседлого 195 304 д. (или около 90% всего оседлого населения области), являются почти втрое более населенными, нежели южные, и в то время как первые, по населенности и численному отношению оседлого населения к кочевому, представляют более или менее значительное сходство между собою и равномерность,— последние, по обширности занимаемого ими пространства, ничтожному % оседлого населения (около 9%) и численному преобладанию кочевников, представляют еще некоторый простор для развития своеобразной культуры, какую являет собою кочевая жизнь киргиза-скотовода.

Оседлые поселения в Акмолинской области расположены преимущественно в трех местностях: а) в северной части Омского и Петропавловского уездов; б) в центральной, наиболее удобной по своим природным условиям, части Кокчетавского уезда и в) в северных частях Атбасарского и Акмолинского уу., в бассейне р. Ишима.

Населенность этих местностей представляется в нижеследующей таблице.

Из 180 оседлых поселений области на северные уезды приходится 147, в том числе наиболее населенные пункты — гг. Омск и Петропавловск.

В общем числе оседлого населения городские жители составляют около 37%, казаки — 35% и крестьяне — 29%.

Сравнительно с предшествовавшим годом численность оседлого населения области увеличилась на 26 170

Уезды	Число населенных мест			Население				Населенность на 1 кв. в.
		селений			в селениях			
	городов	казачьих	крестьянск.	в городах	казачьих	крестьянских	Всего	
Омский	1	25	14	46.779	13.492	3.909	64.180	1,6 д.
Петропавловский	1	46	18	18.966	35.001	18.251	72.218	1,2
Кокчетавский	1	15	26	4.550	26.596	27.760	58.905	0,9
Атбасарский	1	1	10	2.682	—	5.142	7.824	0,1 *
Акмолинский	1	1	19	6.558	—	6.747	13.305	0,1 *
Итого:	5	88	87	79.535	75.089	61.809	216.433	0,6

Примечание: В числе городских жителей показаны и жители пригородных казачьих станиц, входящих в состав соименных городов.

душ (или на 12%), в том числе крестьянского на 22 214 д., что составляет более 85% общей суммы увеличения.

Городское население области сосредоточивается главным образом в Омске, Петропавловске и Акмолинске.

Население уездов составляет: а) казаки Сибирского казачьего войска, б) крестьяне-переселенцы и в) киргизы — туземные аборигены области.

Казаки — первые военные колонизаторы киргизской степи — до последнего времени составляли преобладающий элемент в оседлом земледельческом населении уездов. Сибирское казачье войско является одним из крупных землевладельцев в области. Ему принадлежат: а) станичные (или «юртовые») земли, находящиеся в общественном пользовании станиц и поселков, и б) т. наз. «войсковые» запасные, предназначенные как для

* При определении населенности Атбасарского и Акмолинского уу. из общей площади этих уездов исключено 88 000 кв. в. южной их части, которые, по почвенным и климатическим условиям, являются совершенно непригодными для оседлой жизни.

отвода станицам дополнительных наделов, так и для выдела земельных участков в потомственную собственность казачьим офицерам и войсковым чиновникам. Территория Сибирского казачьего войска, в пределах Акмолинской области, составляет 24 783,3 кв. в., или 2 577 467 дес., из коих 2 003 416 дес. приходится на Петропавлоский и Омский уу. Здесь казаками занята почти $^1/_5$ часть уездной территории, и земли их тянутся непрерывной полосой, шириною в 25—30 верст, вдоль северной и северо-восточной границы области, начиная от станицы Звериноголовской (Оренбургской губ.) до Омска, на протяжении 572 верст (т. наз. «пресногорьковская» линия) и далее по Иртышу до границы с Семипалатинскою обл., на протяжении 170 вер. (иртышская линия). Если разделить это пространство на число казачьих семейств (10 465), то на каждое число из них придется почти 200 дес.; нормальный же надел у казаков установлен по 30 дес. на душу муж. п. Столь широкое земледелие казахов в названных уездах объясняется тем, что в числе казачьих земель, кроме юртовых и войсковых, значится здесь еще «десятиверстное» пространство *.

Крестьне занимают пока небольшое пространство сравнительно с общей площадью области. Им отводятся в постоянное владение земли (по 15 дес. на каждую душу м. п.) из территории, находившейся в пользовании киргиз.

Киргизы же, по своему этнографическому и культурно-экономическому складу, составляют совершенно отдельную группу областного населения, с особенными ос-

---

* Под именем «десятиверстного» пространства разумеется нейтральная полоса земли, шириною в 10 верст, установленная в 1765 г., по распоряжению командира Сибирских войск генерал-поручика Шпрингера, на протяжении Ишимской степи и вдоль Иртыша со стороны киргизской степи, «для ограждения русской границы от вторжения киргизских орд». В 1839 г., по распоряжению командира Отдельного Сибирского корпуса князя Горчакова, означенная полоса была отмежевана от киргизской степи, а в 1857 году, согласно Высочайше утвержденного положения Военного Совета о земельном наделе казачьих полков, она, впредь до дополнительного надела казачьих станиц и поселков, предоставлена во временное пользование казакам.— Общая площадь казачьих земель в Омском и Петропавловском уу., как сказано выше, определена в 2 003 416 дес., из коих 1 197 752$^1/_2$ дес. (или почти 60%) значатся в «юртовых» наделах, 159 770$^3/_4$ дес. (или почти 8%) — в войсковых запасах, 354 865$^1/_2$ дес. (или 17,7%) — в 10-верстной полосе и 280 575$^1/_2$ (или 14%) — в офицерских наделах потомственной собственности.

нованиями их хозяйственно-административного устройства. Занимаются они преимущественно скотоводством, и только немногие — земледелием.

Киргизы, или, правильнее, киргиз-кайсаки (остатки тех тюрко-монгольских орд, которые, под предводительством ханов, производили некогда нашествия на культурные страны Передней Азии и Восточной Европы), с давних пор кочуют на обширных равнинах Туранской низменности. Большую часть года, начиная с первой весенней оттепели вплоть до глубокой осени, они проводят на открытой степи или в горах, в легкой переносной палатке (юрта), перекочевывая с своими стадами по известному, родовым обычаям установленному, направлению (*«джайляу»,* или летовки) и только на зиму останавливаются в наиболее удобных и защищенных от холода и снежных буранов местах (*«кстау»,* или зимовки). Полукочевой быт киргиз обусловливается самою природою степных областей: большая часть их территории состоит из обширных песчано-глинисто-солонцеватых пространств, которые, по почвенным и климатическим условиям, пригодны более для скотоводства, нежели для хлебопашества, и только киргиз может утилизировать их табунным скотоводством, благодаря своим постоянным кочевкам с одного места на другое. После обширных травяных степей, составляющих одно из необходимых условий ведения кочевого табунного скотоводства, для киргиз имеют существенное значение их зимовые стойбища — места, на которых они проводят половину года. Расположенные обыкновенно у подножья гор, в речных долинах, по заросшим берегам рек и озер, у опушки леса и пр., эти места имеют для киргиз весьма ценное значение в хозяйственно-бытовом отношении: здесь может быть лес, сенокосы, черноземная хлебопахотная земля и пр. Зимовые стойбища являются ядром киргизского землевладения, и устройство постоянных зимовок представляется первым шагом на пути естественного перехода кочевников к оседлости и более постоянному пользованию землей.

Киргизы, населяющие область, принадлежат к т. наз. «средней» орде и делятся на известные роды и отделения. В административном отношении, по волостям, они делятся на аулы, но это официальное разделение не вполне соответствует действительному распределению киргиз, так как нередко случается, что кибитковладельцы одного и того же аула живут в различных концах

волости. В действительности киргизы живут отдельными группами в несколько семейств (кибиток) каждая, и эти группы также носят название аулов, с прибавлением имени главы семьи, обыкновенно самого зажиточного в этой группе киргиза. В большинстве случаев каждый более или менее состоятельный киргиз имеет свой собственный аул, в состав которого входят несколько родственных семейств, менее его достаточных; нередко сюда же примыкают т. наз. «джатаки», или обедневшие киргизы, в качестве работников и пастухов. Подобные аулы, в отличие от административных, обозначаемых №№, можно назвать родовыми.

Численность и распределение киргизского населения по территории области представляются в нижеследующей таблице:

Уезды	Площадь киргизской территор.	Число административ.-хоз. ед.			Численность населения			На 1 киб. к.. в.
		волостей	аулов	кибиток	м. п.	ж. п.	об. п.	
Омский	31.603,6	5	32	7.089	22.110	18.372	40.482	4,4
Петропавловский	45.353,6	8	69	11.590	31.641	27.697	59.338	3,9
Кокчетавский	54,340,4	8	69	12.763	35.571	29.018	64.589	4,3
Атбасарский	235.672 *	12	61	13.695	36.011	32.838	68.849	5,7
Акмолинский		21	153	27.893	76.539	64.901	141.440	
Итого:	366.969,6	54	384	73.030	201.872	172.826	374.698	5,0

Примечание: Площадь киргизской территории определена так: из общей площади уездов вычтены: а) земли Сибирского казачьего войска и б) земли, как отмежеванные уже под существующие крестьянские селения, так и проектированные под будущие поселения.

Из этой таблицы видно, что в двух южных уездах области приходится более $^1/_2$ всего числа кибиток и на каждую кибитку — наибольшее число квад. верст, а по-

* За исключением пространства Голодной степи (около 75 000 кв. в)

тому здесь,— в удалении от оседлых пунктов, среди приволья степных пространств, за сотни верст от надвигающейся культуры русских с севера и отделенные Каратавским хребтом от влияния сартовской культуры с юга,— киргизы сохранили в неприкосновенности свою самобытность.

Сравнительно с предшествовавшим годом численность кочевого населения области увеличилась только на 5 469 душ (или на 1,5%), в Атбасарском у. она уменьшилась на 5 732 д. вследствие перечисления кибиток из двух волостей в Перовский у., Сыр-Дарьинской обл.

Колонизация киргизской степи

Колонизация киргизской степи началась только со второй половины минувшего столетия, когда, по возведении при р. Ишиме в 1752 г. крепости Св. Петра и Павла (ныне г. Петропавловск), по северной и северо-восточной окраине степи, на протяжении 720 верст, был устроен ряд крепостей, форпостов и редутов для соединения Омской крепости (основ. в 1716 г.) с Оренбургскою линией военных поселений и по р. Иртышу — с Семипалатинскою крепостью (основ. в 1718 г.). Под охраной этой укрепленной линии русские постепенно углублялись внутрь киргизской степи, где и занимали наиболее удобные места. В 1824 году был открыт для заселения Кокчетавский округ, в 1832 г.— Акмолинский и в 1839 г.— Атбасарский. Для образования степных поселений в 1849—50 гг. были вызваны малороссийские казаки и крестьяне Оренбургской и Саратовской губ., в числе 3 852 д., которые, водворившись на лучших земледельческих участках Кокчетавского уезда, образовали здесь богатые и многолюдные станицы и положили тем основание для колонизации киргизской степи. В Акмолинском же и Атбасарском уу. в то время были образованы только две казачьи станицы.

Ко времени учреждения Акмолинской области в нынешнем ее территориальном составе (по Высочайше утвержд. Полож. 21 октября 1868 г.) население области состояло из 375 370 душ обоего пола, в том числе оседлого 101 910 д.

По уездам области оседлое население распределялось тогда следующим образом:

Уезды	Число населенных мест			Численность населения			
	городов	селений		в городах	в селениях		всего
		казач	крестьян		казачьих	крестьян.	
Омский	1	27	—	28.505	13.683	—	42.188
Петропавловский	1	44	—	9.604	25.829	—	35.433
Кокчетавский	1	15	—	1.685	16.593	—	18.278
Атбасарский	1	1	—	939	—	—	939
Акмолинский	1	1	—	5.072	—	—	5.072
Итого:	5	88	—	45.805	56.105	—	101.910

Примечание: Жители казач. станиц Атбасарского и Акмолинского уу. показаны в городах.

Из сопоставления этой таблицы с таковою же современною (на стр. 4) видно, что 27 лет тому назад число городских и казачьих поселений было такое же, как и теперь, крестьянских же селений не было ни одного *. За означенный период времени численность оседлого населения в области увеличилась на 114 523 д. (или в 2 раза с лишком) в том числе:

Уезды	в городах		в казач. стан.		в крестьян. сел.	
	всего прибыло	%	всего прибыло	%	всего прибыло	%
Омский	18.274	64	—191	—	3.909	—
Петропавловский	9.362	97,5	9.172	35,2	18.251	—
Кокчетавский	2.865	168,5	10.003	60,2	27.760	—
Атбасарский	1.743	217	—	—	5.142	—
Акмолинский	1.486	29,7	—	—	6.747	—
Итого:	33.730 (29,6%)	74,1	18,984 (16,4%)	33,8	61.809 (54%)	—

Примечание: Жители казачьих станиц Атбасарского и Акмолинского уу. показаны в городах.

* С конца 50-х годов в пределах области не возникло ни одного нового казачьего поселения, и роль колонизаторов от казаков перешла к крестьянам.

Из этой таблицы видно, что оседлое население области увеличилось главным образом за счет крестьян-переселенцев; затем следуют города — Омск и Петропавловск, население которых возросло с лишком на 27 000 д.; что же касается казачьего населения, то, в общем, оно имело слабый прирост: наибольший сравнительно % его увеличения (2,2% в год) замечается в Кокчетавском у., обладающем лучшими природными условиями, а наименьший (0,6% в год) — в Омском; Петропавловский у. занимает в этом отношении средину. Из общей прибыли оседлого населения области — 114 523 д.— на Кокетавский у. приходится 40 625 д., или 35,5%,— что и указывает на особенное значение этого уезда в отношении колонизации Акмолинской области; затем следует Петропавловский у., в котором в последнее время были водворены крестьяне-переселенцы на вновь образованных участках.

Переселенческая волна, разлившаяся за последние 5—7 лет по всей Сибири и захватившая отчасти Туркестанский край, не могла не коснуться и Акмолинской области, лежащей как раз на большом южно-сибирском тракте (Оренбург — Петропавловск), по которому обыкновенно идут переселенцы из юго-восточной России.

Крестьянская колонизация в Акмолинской области началась собственно во второй половине 70-х годов и, до издания закона о переселенцах 13 июля 1889 г., она велась двояким способом: по распоряжению администрации и самовольно.

Имея в виду, что наиболее действительным средством проведения начал русской культуры в среду инородцев может служить постоянное общение русского элемента с туземным, бывшее Главное управление Западной Сибири остановилось на мысли произвести опыт систематической колонизации киргизской степи и с этой целью, по журналу Совета Управления 30 июня 1878 г., были выбраны и отмежеваны в глубине акмолинской степи 30 участков для водворения на них крестьян-переселенцев преимущественно из внутренних губерний Европейской России. Административная колонизация степи вызывалась и обусловливалась желанием упрочить русское владычество в крае, развить в нем земледелие, сельскохозяйственную и торговую промышленность, сблизить русскую и киргизскую народности, повлиять таким образом на нравы и образ жизни кочевого населения, приучить его к хлебопашеству и сельским занятиям и до-

стигнуть более или менее близкого перехода его от кочевого состояния к оседлому. Из числа намеченных участков тогда же были заселены: II — в Акмолинском, с водворением на них 819 ревизских душ муж. п. К сожалению, намеченный администрациею план колонизации степи на первое время встретил такие неблагоприятные условия, которые воспрепятствовали успешности его осуществления, а именно во многих участках оказался недостаток удобной хлебопахотной земли, выгонов, сенокосов и пр. угодий. Вследствие этого одни селения упразднились совсем, другие перешли на новые участки.

Как бы в направление переселенческого вопроса на соответствующий путь его решения, рядом с официальной, правительственной колонизацией степи существовала колонизация неофициальная, по почину крестьян, самовольно поселявшихся на избранных ими участках киргизских земель, по арендному договору с владельцами последних, или даже без всякого согласия тех. Осмотрев и облюбовав подходящие для себя земли, крестьяне заарендовали их у киргиз для хлебопашества на более или менее продолжительное время и затем возводили на этих местах жилые постройки и устраивали вообще прочное домохозяйство; с течением времени к ним присоединились другие крестьяне и, таким образом, несмотря на протесты киргизских обществ, образовались целые поселки. Первыми самовольными поселенцами в Акмолинской степи были тобольские и пермские крестьяне, которые, в качестве арендаторов киргизских земель под хлебопашество, поселились в 1866 г. при оз. Кривом («Саумал-куль»), в Кокчетавском у., и ко времени открытия административной колонизации образовали здесь целое селение (до 50 домов). В 1884 г. теми же крестьянами были основаны самовольные поселения: Явленное (на р. Ишиме, в Петропавловском у.) и Кундукульское (при оз. Кундукуле, в Кокчетавском у.).

Особенно стремятся крестьяне занять места по течению р. Ишима, окрестности которого давно уже привлекали их взоры своими угодьями — едва ли не лучшими во всей Акмолинской области: прекрасная пахотная земля, заливные луга, достаточное количество березового леса, а также обилие дичи и рыбы по «старицам» (прежние русла реки) и многочисленным озерам. Здесь и образовались особенно многолюдные селения, как-то: Яв-

ленное (1 848 д.), Коноваловское (2 105 д.) и Мариинское (2 364 д.).

В Атбасарский и Акмолинский уу., ввиду их совершенно степного характера, направляются переселенцы главным образом из степных же губерний Империи, Самарской, Воронежской, Харьковской, Донской обл. и др. Переселенцы эти привыкли обращаться без леса и, умея вести хорошо степное земледельческое хозяйство, представляют для колонизации края вполне надежный и наиболее желательный контингент.

13 июля 1889 г. состоялось Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, по которому территория Акмолинской области включена в число местностей, куда разрешается добровольное переселение крестьян на свободные участки казенной земли. Со времени опубликования этого закона переселенческое движение в область значительно увеличилось, а именно: к началу 1889 г. крестьянских селений в области было 19 и численность их населения составляла 8 352 д. об. пола; к концу же этого года всех селений было уже 24, а численность их населения возросла до 11 740 душ. В течение означенного года через г. Оренбург проследовало в область 353 сем. (2 238 д.) преимущественно из Самарской и Саратовской губ. Особенно велик был наплыв переселенцев в Акмолинскую область летом 1890 г., когда в течение одного мая месяца через г. Оренбург проследовало в область 905 сем. (в числе 5 326 д.), преимущественно из Самарской губ. (810 сем.). Направлялись преселенцы как по Оренбургскому почтовому тракту в Петропавловский уезд, так и прямым путем, через Тургайскую область на р. Ишим, в пределы Кокчетавского уезда. К осени этого года в Акмолинской области скопилось более 15 000 душ крестьян (из 32 губерний Европейской России), которые безвыходностью своего положения обратили на себя внимание администрации, и для водворения их, по распоряжению г. главного начальника края, были отведены 12 участков из свободных киргизских земель: 2 — в Петропавловском у., 9 — в Кокчетавском и 1 — в Атбасарском.

Хотя в 1891 г., по ходатайству г. степного генерал-губернатора, водворение крестьян в Акмолинской обл. было временно приостановлено впредь до приведения в известность свободных участков и окончательного позе-мельного устройства прибывших крестьян, тем не менее самовольное переселение крестьян в область продол-

жалось, чему способствовал в особенности неурожай хлебов, охвативший большую часть Европейской России, Приуралья и Западной Сибири. Гонимые с родины крайней нуждой, крестьяне массой устремились чрез Акмолинскую область в Каинский и Барнаульский округа Томской губернии и в Семипалатинскую область, причем значительная часть их, застигнутая в пути поздней осенью, зазимовала в Кокчетавском, Атбасарском и Акмолинском уу., в городах Петропавловске и Омске и в попутных казачьих станицах и поселках *.

Вследствие такого вынужденного наплыва переселенцев в неурожайный 1891 г. и не прекращавшегося движения их в 1892 г. в Акмолинской области осталось нигде не водворенными 915 крестьянских семей (в числе 4 390 душ). Ввиду временного приостановления колонизации степи означенные крестьяне подлежали водворению обратно, но, во внимание к их бедственному положению и в предупреждение окончательного разорения, исходатайствованы были Высочайшие соизволения 26 марта и 23 апреля на водворение их в области на свободных казенных землях, с выдачею им ссуд и пособий из переселенческого кредита.

С проведением Западно-Сибирской железной дороги колонизация степи, войдя в план постепенного заселения участков вдоль железнодорожной линии, принимает более правильный ход, так как переселенцам отводятся заранее приготовленные места.

На основании Высочайше утвержденного в 4-й день марта 1893 г. Положения Комитета Сибирской железной дороги, для Акмолинской области была сформирована особая временная межевая партия для приведения в известность вдоль линии железной дороги (в 100-верстной полосе), в Петропавловском и Омском уу., свободных казенных земель и для образования из них переселенческих и запасных участков согласно временных правил, Высочайше утвержденных 13 июня 1893 г. В 1893—1895 гг. означенною партией было проектировано: в Петропавловском у.— 37 переселенческих и 9 запасных участков и в Омском у.— 20 переселенческих и 10 запасных, с площадью земли 383 695 дес. Кроме сего, той же партиею в 1895 г. для водворения вновь прибывших пе-

* Общее число зазимовавших в области крестьян (Тобольской, Пермской, Оренбургской, Самарской, Саратовской и др. губ.) простиралось до 7 000 д.

реселенцев было обмежевано в Кокчетавском уезде — 8 переселенческих и 1 запасный участок с площадью земли в 43 736 дес.

За последние три года крестьянская колонизация в Акмолинской области выразилась следующими цифрами:

Годы:	Число селений:	Число душ:
1893	45	30.544
1894	54	39.705
1895	87	61.809

С установлением правильного движения по Западно-Сибирской железной дороге и с устройством по линии нескольких переселенческих становищ с необходимыми приспособлениями (бараки, врачебно-питательные пункты и пр.), движение переселенцев в область приняло весьма значительные размеры.

В настоящее время (к 1 декабря 1896 г.) число крестьянских селений и численность в них населения, по сведениям уездных начальников и особо командированных чиновников по устройству переселенцев, выражаются следующею таблицей (стр. 302), в которой все селения разделены на 4 категории: а) селения старожильские, т. е. образованные до издания закона 13 июля 1889 г., б) селения, возникшие в 1890—92 гг. вследствие наплыва крестьян по случаю неурожая хлебов; в) селения, возникшие в 1893—95 гг. и г) селения, образовавшиеся в 1896 г.

Переселение крестьян в область было вызвано частью неурожаем хлебов (в 1891—1982 гг.); главным же образом оно объясняется малоземельем крестьян на родине и желанием их воспользоваться значительным земельным наделом (15 десятин).

По приходе на избранный участок земли главнейшей заботой водворяющихся крестьян является устройство жилищ. На первое время они довольствуются шалашами, а к осени строят или дерновые землянки, или же — более состоятельные — деревянные избы, покупая обыкновенно готовые срубы и старые избы у старожилов на деньги или в долг до получения правительственной ссуды на домообзаводство. По недостатку времени на вырубку леса (особенно из дальних дач), отпускаемого крестьянам на постройку изб, а также по неимению перевозочных средств (лошадей и телег) на вывозку леса, новоселы не в состоянии в первое же лето построить се-

Уезды	а) старожильская				б) возник. в 1890—92 г.				в) возник. в 1893—95 г.				г) образовавшиеся в 1896 г.				Итого			
	число		душ		число		душ		число		душ		число		душ		число		душ	
	селений	семейств	мужск.	женск.	селений	семейств	мужск.	женск.	селений	семейств	мужск.	женск.	селений	семейств	мужск.	женск.	селений	семейств	мужск.	женск.
Омский	—	—	—	—	—	—	—	—	14	1.020	3.138	2.772	9	444	1.318	1.218	23	1.464	4.456	3.990
Петропавловский	1	313	1.087	1.039	2	496	1.660	1.502	15	2.773	8.518	7.586	20	1.950	6.254	5.405	38	5.532	17.519	15.532
Кокчетавский	11	1.607	4.941	4.450	9	2.712	8.443	7.996	7	810	2.664	2.283	11	1.222	3.968	3.279	38	6.351	20.016	18.008
Атбасарский	9	1.026	3.409	2.856	1	163	532	425	—	—	—	—	3	227	810	626	13	1.416	4.751	3.907
Акмолинский	1	31	87	75	10	1.083	3.411	2.950	7	647	2.097	1.873	2	79	393	316	20	1.840	5.988	5.217
Вся область	22	2.977	9.524	8.420	22	4.454	14.046	12.873	43	5.250	16.417	14.514	45	3.922	12.743	10.847	132	61.603	52.730	46.654

бе избы. Для облегчения переселенцам возможности получать лесной материал для постройки жилищ администрация озабочена устройством лесных складов вблизи поселений, а так как многие поселения устраиваются в местах или совершенно безлесных, или удаленных от лесных дач на 100—150 вер., то в таких местах рекомендуется постройка домов из саманного кирпича. Вообще, при недостаточности в степи лесов, распространение саманных построек признается весьма желательным, тем более что за ними имеются такие преимущества, как-то: теплота, прочность и безопасность в пожарном отношении. Второй заботой переселенцев является заведение необходимого для обработки земли живого и мертвого инвентаря (скот и земледельческие орудия)*. Некоторые переселенцы (немногие, впрочем) из малороссийских губерний, следующие не по железной дороге, обыкновенно приводят с собой лошадей и быков, а также привозят и плуги. Прочие же покупают на месте лошадей по 25—30 р. и быков по 20—25 р., или же нанимают у киргиз под «жир» *(маин)*, т. е. в пользование с обязательством обработки известного количества земли.

Успешность крестьянской колонизации в киргизской степи, сравнительно с соседними губерниями Сибири, во многом зависит от особенных условий, в которые бывают поставлены здесь новоселы при начале своего водворения. Прибыв на новые места в большинстве с ограниченными средствами, переселенцы должны сразу осесть в глуши безлюдной степи, среди инородцев кочевников, а потому сколько-нибудь сносное устройство их в течение 2-х лет требует правительственной помощи на домообзаводство, покупку скота, продовольствие, обсеменение полей и пр. Сеются в первое лето только те, которые прибыли на участок в марте — апреле и имели возможность снять у старожилов приготовленную землю; на второй же год сеется уже большинство, и урожай этого года весьма важен: при хорошем урожае переселенец может сразу встать на ноги и укрепиться духом,— при плохом же ему приходится голодать и вторую зиму. В таком именно положении оказались в последнее время почти все вновь образованные в области поселки.

---

* Поднятие залогов и распашка девственной почвы на вновь водворяемых участках требуют от крестьн большой затраты рабочей силы и применения более усовершенствованных земледельческих орудий.

Ссуда переселенцам производится из фонда вспомогательных предприятий Сибирской железной дороги. В 1895 г. и по 1 августа 1896 г. из означенного источника было отпущено 8 002 семействам 418 839 р. 94 к.

В течение 1895 г. и с весны 1896 г. заселялись преимущественно участки, образованные особою межевою партией в Петропавловском и Омском уездах. При совершенном почти отсутствии проточных вод * большинство этих участков расположено или при озерах, или же в такой местности, где вовсе нет поверхностных вод и где самые участки только в том случае могут быть признаны годными для водворения, если в колодцах окажется вода в достаточном количестве и хорошего качества. Многие озера, при которых расположены поселки, хотя и имеют хорошую пресную воду, но ее оказывается далеко недостаточно, потому что озера пополняются не постоянными ключами, а атмосферными осадками, которые в степной местности вообще незначительны и крайне изменчивы, а следовательно, и не могут доставлять озерам всегда достаточное количество влаги. А так как местная топография имеет равнинный характер, то и самые озера, заключаясь в плоских берегах, имеют незначительную глубину (1—$2^1/^2$ арш.) сравнительно с площадью испаряющей поверхности, почему одни озера зимой совершенно промерзают, а другие к концу лета совершенно высыхают и покрываются травой. Является таким образом необходимость во многих участках приступить немедленно к устройству колодцев. На это обстоятельство было обращено внимание администрации и, одновременно с заселением участков, особо командированная партия гидротехников приступила к исследованию водоносности участков и их обводнению **. Для полного удовлетворения потребности переселенцев в во-

---

** В Петропавловском уезде единственная р. Ишим протекает *вне* территории Сибирского казачьего войска на протяжении только 50 верст, и здесь расположено 6 крестьянских селений; в Омском же уезде единственная р. Иртыш протекает *исключительно* по казачьей территории.

** Из отчета горных инженеров о гидрологических изысканиях вдоль линии Западно-Сибирской железной дороги, между реками Тоболом и Иртышом («Горный журнал», 1894 г. кн. 12), видно, что горизонты грунтовых вод, по линии между Курганом и Омском, т. е. в местности наиболее нуждающейся в хорошей воде, залегают на 3—5 саж. ниже дна горько-соленых озер, глубина же последних не превышает 3 саж. Действительно, пресная вода в колодцах, вырытых в Петропавловском уезде, встречается на глубине 8—12 с.

де, местная администрация признает необходимым устроить такое количество колодцев (440), чтобы один колодец приходился на 15 дворов. К 1 сентября 1896 г. означенною выше партией производились обводнительные работы на 33 участках, где и устроено ею более 100 колодцев. Но одни колодцы не могут быть признаны вполне совершенным и устойчивым способом водоснабжения поселков, а посему предположено часть суммы, отпускаемой на устройство колодцев, употребить на ведение гидротехнических работ, направленных к накоплению и сбережению зимних атмосферных осадков (устройство т. н. «снежников»), а также к собиранию вод поверхностных, главным образом тех, которые при таянии снегов остаются в замкнутых лощинах и углублениях, не достигая главных водных вместилищ, и в направлении этих вод в означенные вместилища. Ввиду замеченного в последние годы особенно быстрого усыхания пресных озер *, признается необходимым вести и другие работы для уменьшения площади испаряющей поверхности озер и увеличением их глубины (посредством устройства береговых дамб) и пр.

Современное положение вопроса о колонизации степи. Переселение крестьян из Европейской России в Акмолинскую область, прогрессивно увеличивающееся с 1887 г., за последнее время, в особенности с открытием движения по западно-сибирскому участку железной дороги, принимает такие размеры, что ставит местную администрацию все более и более в затруднение по отысканию удобных переселенческих участков, не нанося ущерба киргизскому хозяйству. Акмолинская область, хотя и занимает обширное пространство, но земель, удобных для крестьянской оседлости, в ней недостаточно, так как многие участки, обладающие необходимыми сельскохозяйственными угодьями, оказываются непригодными по отсутствию пресноводных источников. Все лучшие местности, обладающие водой и пригодные для земледелия и оседлости, находятся во владении и пользовании киргиз и заняты большею частью их зимовыми стойбищами, вследствие чего, при образовании русско-оседлых поселений, киргизские зимовки должны отойти

* В Петропавловском уезде, например, в течение минувшего лета совершенно пересохли озера в 6-ти поселках.

в крестьянские наделы. Вопрос о крестьянской колонизации в Акмолинской области находится, таким образом, в непосредственной зависимости от обследования области и разрешения вопроса о поземельном устройстве киргиз.

По Высочайше утвержденному 25 марта 1891 г. Степному Положению, земли, занятые киргизскими кочевьями, признаются государственною собственностью и оставляются в бессрочном общественном пользовании кочевников, в пределах фактического владения, по обычному праву. Киргизские зимовые стойбища («кставы») разбросаны, обыкновенно, группами от 5 до 20 кибиток, по всей волости и находятся в общественно-родовом пользовании аулов. В отношении земельного владения между аулами не установлено формальных границ, но по обычно-родовому праву все зимовочные места, сенокосы и пр. угодья распределены между ними по урочищам так строго, что и незначительный клочок земли возбуждает иногда нескончаемые споры родичей. Унаследованное киргизами родовое право землевладения создало неравномерное распределение угодий между кибитко-владельцами, вследствие чего у одних оказывается громадное пространство земель, у других — значительный недостаток. Упорядочение киргизского землепользования, основанное на точном знании местных условий и бытовых особенностей, могло бы иметь в данном случае большое значение. С правильным решением этого вопроса тесно связаны не только справедливая забота о 375-тысячной киргизской народности, могущей эксплуатировать, при кочевой жизни, такие места, которые без номадов оставались бы пустынями, но и успех рациональной постановки отвода земель для колонизации крестьян, так как только с упорядочением киргизского землепользования государство может располагать вполне правильно, без ущерба для киргиз, тем избытком земель, который может быть представлен для оседлых поселений.

Хотя для отвода переселенческих участков в районе Сибирской железной дороги и организованы в 1893 г. особые партии из производителей работ и межевых чинов, и дело отвода участков в области находится ныне в лучшем положении, однако нельзя отрицать того обстоятельства, что производящееся до сего времени изъятие земельных участков из пользования киргиз не основывается на вполне точных данных, гарантирующих

полную справедливость при разрешении подобных дел. При отводе переселенческих участков означенным выше порядком, хотя и производятся обследования тех районов, где предположены участки, чинами особой межевой партии, но эти обследования не представляют всех данных, по которым можно было бы составить безошибочное решение об изъятии земель: одни цифры десятин не дают определенного понятия, ибо отобрание, напр., мест, заключающих водопои, обесценивает для киргизского хозяйства все остальное пространство. Точно так же эти обследования не могут дать материала для определения нормы киргизского землепользования.

До настоящего времени, по отсутствию специального исследования системы киргизского землевладения и землепользования, не определено даже в точности, что, собственно, следует понимать под именем киргизской зимовки, какими угодьями должна обладать она, какой приблизительно район пастбища и сенокоса может быть признан достаточным для известного количества скота и пр. Поэтому признавалось бы необходимым приступить ныне же к подробному систематическому исследованию киргизской степи с естественно-исторической и, по преимуществу, сельскохозяйственной точки зрения, с целью выяснить вопрос относительно упорядочения киргизского землепользования и возможности дальнейшей колонизации степи.

Полное, всестороннее правильно организованное и вполне объединенное исследование степей в естественно-историческом и хозяйственно-статистическом отношениях должно ответить на следующие вопросы и задачи:

а) топографическое описание угодий и исследование местностей в гидрогеологическом, гидротехническом, геоботаническом и агрономическом отношениях может служить основанием для определения различных типов и производительности угодий как чисто скотоводческих, пригодных для кочевания в разное время года, так и земледельческих, пригодных для сельскохозяйственной культуры;

б) изучение условий землевладения киргиз (личного, аульно-родового и общеволостного), а также условий и приемов кочевого хозяйства, указывая на действительные размеры киргизского землепользования, в соответствии с количеством скота, может служить для решения вопроса об урегулировании означенного землепользования;

и в) определение среднего бюджета киргизского скотоводческого хозяйства путем покибиточного исчисления как наличного скотоводства и действительных размеров пастбищных мест, так и того количества скота, какое необходимо для обеспечения потребностей киргизской родовой семьи, может служить основанием для определения *нормы* киргизского землевладения, без чего немыслимо правильное разрешение вопроса о наличности, в пользовании киргиз каждой данной местности, избытков земли, могущих быть изъятыми в переселенческие участки, без особого нарушения интересов киргиз.

К систематическому исследованию области в означенном выше отношении и приступлено особою партией статистиков с весны 1896 г.

Земледелие и скотоводство — как главнейшие источники благосостояния местного населения

<...> Вся вообще территория степного края, предоставленная киргизам, использовалась ими по исконным родовым обычаям, коими раз навсегда определены права на различные угодья каждого рода и аула. С первым весенним теплом каждый аул посылает опытнейших джигитов для внимательного и детального исследования запаса и уровня воды во всех вместилищах ее в степи — озерах, ручьях, логах и даже кратковременных лужах со сколько-нибудь значительным скоплением весенней снеговой воды, и только после тщательного выяснения наличных количеств степной воды на общем совете аула устанавливается порядок всей его летней кочевки. Первоначально киргизы выпасывают пространства вокруг водопоев, высыхающих раньше других, преимущественно вокруг наименьших луж весенней снеговой воды, а затем переходят к следующим водопоям, строго придерживаясь порядка их постепенного высыхания. Установляя порядок летней кочевки, руководители аула всегда принимают в расчет: а) горизонтальный наклон местности,— по опыту зная, что все наклоны к югу и юго-западу выгорают скорее восточных, а тем более обращенных к северу; б) близость или удаленность местности от лесных насаждений, болот, сопок и т. п., зная хорошо защитный характер таких местных особенностей; в) глубину почвенного слоя, состав почвы, характер и виды степной растительности и т. п.,— словом, чрезвычайно внимательно-

но берут в расчет всю совокупность топографических, почвенных и других условий различных местностей, определяющих процессы вегетации степной растительности (моменты цветения, созревания и засыхания растений), чем и устанавливают почти безошибочно время наиболее целесообразного использования их киргизскими стадами. Короче говоря, никто лучше киргиза не знает пока этих обширнейших степных пространств, никто лучше не понял преобладающего значения влаги вообще и огромного значения в ином месте ничтожной, по-видимому, лужи весенней снеговой воды в этих, нередко совсем безводных или весьма маловодных, степях. Благодаря вековому опыту и точно установившимся приемам киргизы умеют использовать своим животноводством и, действительно, используют обширнейшие степные пространства, даже такие, которые безусловно непригодны или весьма малопригодны для всякой иной культуры *.

Во время пребывания на летовках киргизы выезжают на ярмарки и базары для продажи скота и животных продуктов и закупки необходимых для предстоящей перезимовки вещей. После 15 июня киргизы начинают откочевывать обратно к сенокосным местам. Останавливаются они или на самых покосах, или же выбирают более удобное вблизи их место с хорошим водопоем и кормом, откуда уже ездят косить. Если места эти (назыв. «кузеу»), близко отстоят от зимовки, киргизы остаются на них до глубокой осени; в противном же случае после сенокосов медленно передвигаются к зимовкам, стараясь попасть туда как можно позднее для того, чтобы сохранить на зиму побольше не тронутых пастбищ.

После приволья и довольствия летних кочевок, с наступлением осени, для киргиз начинаются особые заботы и труды. Подобно тому, как и весной, каждый аул высылает опытных джигитов для тщательного осмотра размеров и качества растительности на всех тебеневочных местах, и опять с тем же вниманием выясняется и устанавливается порядок предстоящего аулу зимования. В первую половину зимы всегда стараются использовать растительность: а) на всех совершенно безводных

* Даже Голодная степь на юге ежегодно и регулярно выпасывается киргизами, зимующими в долине р. Чу два раза: ранней весной — при передвижении на север и осенью — при обратном движении на зимовки, когда весною,— по растаянии снега и осенью — с наступлением периода дождей, она покрывается на короткое время растительностью.

или маловодных пространствах, как всегда и наиболее удаленных от зимовок *, и б) в местностях со склонами к югу и юго-западу, особенно опасных во вторую половину зимы, когда они, оттаивая с первыми же более теплыми лучами солнца в течение дня и вновь замерзая ночью, обыкновенно покрываются к началу весны ледяным покровом, из-под которого ни одно из животных не может уже добыть себе корма; словом, стараются сберечь ко второй, наиболее тяжелой, половине зимы места близ зимовок, расположенных обыкновенно на опушках лесов, по зарослям камышей, озер, речек, болот и пр., где скот может найти всегда наиболее развитую качественно и количественно растительность и наилучшую в степи защиту от зимней непогоды вообще и гибельных буранов в особенности. Находящиеся около зимовок пастбища оберегаются в течение лета очень ревниво от всяких потрав, совсем не выкашиваются и оставляются как зимний залог на корню. Как пастухи (номады), киргизы заготовляют сена немного — лишь для слабого молодяжника и иногда для беременных маток; главная масса скота даже и зимой продовольствуется подножным кормом («тебеневкой») **.

Составляя главное основание экономической жизни киргиз, скотоводство имеет для них первостепенное значение, так как удовлетворяет собою вполне необходимые жизненные потребности кочевников. От своих стад киргизы получают: *пищу:* мясо (свежее, вяленое и копченое) — преимущественно лошадиное и баранье и молочные продукты (в квашеном виде): любимые напитки — кумыс и айран, приготовляемые — первый из молока кобылиц и второй — из коровьего и овечьего молока, а также особого рода сыр — «курт» и «еремчик»; *одежду:* овчины, козлины и шкуры жеребят — для верхнего платья, мерлушки — для «малахая» (головной убор), кожи —

---

* Поедая зимой остатки растительности с снегом, все вообще животные в особых водопоях не нуждаются.

** «Тебеневка» или зимний подножный корм, производится следующим образом: пастухи-киргизы гонят впереди своего скота лошадей, которые копытами разбивают снег и выедают лучшую траву, затем по тому же месту гонят рогатый скот, который еще разрыхляет снег и еще подъедает траву, и уже после рогатого скота идут бараны и выедают траву до земли (баран слишком слаб, чтобы самому разбить слежавшийся в степи снег). К весне, после столь трудно добываемого тебеневкой корма, весь скот страшно ослабевает и ему надо сильно откормиться, чтобы приобрести свою надлежащую стоимость.

для обуви, шерсть овечья и верблюжья, из которой делается тонкий плотный войлок (в виде грубого сукна), а также особая ткань —«армячина»; *жилище:* кошма или войлок, которыми покрывается юрта, приготовляемые из шерсти и волоса различные принадлежности юрты и предметы ее убранства, как-то: веревки (арканы), тесьмы, ковры и пр.; часть домашней *посуды* — из выкопченных кож, как-то: «сабы» и «турсуки» (мешки для кумыса), «чилек» (ведро для воды) и пр. и, наконец *топливо* («кизек»), настолько удовлетворительное, что оно предпочитается древесному.

Кроме того, степное киргизское скотоводство имеет еще большое промышленное и торговое значение, простирающееся далеко за пределы области: киргизская степь в различных направлениях нарезана скотопрогонными трактами, по которым в течение лета непрерывно перегоняются партии скота в промышленные и торговые центры Европейской России; далее почти все местные заводы заняты первоначальной обработкой скотоводческого сырья — сала, кожи, овчин и шерсти, а первостепенный предмет торговли на главнейших степных ярмарках составляет скот и сырые произведения скотоводства.

Из вышеизложенного можно судить о важности скотоводства для киргиз, благополучие коих тесно связано с состоянием их табунов и стад. Жизненный интерес к скоту у киргиз выражается даже в первом приветствии, которым обмениваются они при взаимной встрече; прежде вопроса о здоровье семейства задается вопрос: *«Мал джаксы ма?»*— хорош (здоров) ли скот?

Главные породы разводимого киргизами скота суть: овцы, лошади, рогатый скот, козы и верблюды.

Овца, или баран (по-киргизски «кой»), простой грубошерстной породы с жировым наростом у хвоста («курдюк») составляет главное богатство киргиза: она-то и доставляет ему все необходимое в жизни и в то же время служит мерилом ценности, средством обмена и главным предметом заводской промышленности и степной торговли. На овцеводстве зиждется, таким образом, весь быт и благосостояние кочевников. Отличительные свойства киргизских овец: крупный рост, висячие уши, горбатый нос и толстый раздвоенный хвост, который у сытой овцы весит от 30 до 40 фун. и дает сала от 20 до 30 фун. Киргизская овца необыкновенно крепка и выносliва, легко переносит жар и холод, жажду и голод, ест почти всякую траву и в состоянии делать очень большие

переходы. Она разводится преимущественно как убойное животное * и главным образом для получения сала, а шерсть ее (от 5 до 7 фун. с каждой овцы после двух стрижек) поступает только на приготовление грубых изделий, напр. войлоков. Чем южнее степь, тем больше разводится баранов и тем они крупнее, лучше и дороже северных: багалинский баран, напр. (в южной части Атбасарского уезда), ценится (6 руб.) вдвое более северного.

Киргизская *лошадь* хотя и невзрачная на вид, но обладает такими выдающимися качествами, что обратила на себя серьезное внимание не только скотопромышленников, но и ведомство государственного коннозаводства, со стороны возможного улучшения ее породы в целых образованиях запасного фонда для военных надобностей.

Чисто киргизская порода лошадей, сохранившаяся в большей неприкосновенности лишь в глухой степи (по окраинам — на севере в ней замечается примесь русской крестьянской породы, а на юге — примесь бухарской, туркмено-хивинской и даже арабской), характеризуется следующими физическими качествами, унаследованными ею при не изменяющихся (далеко, впрочем, неблагоприятных в смысле ухода) условиях воспитания и содержания: небольшой рост (до 2 арш.); короткий стан (длина туловища 40—40½ верш., длина спины 12 верш.); небольшая сухая и прямая голова с небольшими прямо стоящими ушами, горбатым носом с широкими ноздрями; глубоко развитая грудная клетка; низкая шея, широкий и сильный крестец; толстые крепкие ноги с плоскими и крепкими копытами. Означенные качества обусловливают легкость, быстроту и силу бега.

Воспитанная почти круглый год на подножном корме, в открытой степи, киргизская лошадь с самого рождения привыкает переносить различные природные невзгоды и довольствоваться скудным кормом. Такая обстановка жизни, полная всяких невзгод, полугодовое напряженное добывание подножного корма, соединенное с большим физическим трудом, закаливают организм и делают ее выносливою. При своей выносливости кир-

* Баранина считается киргизами, после конины, лучшим мясом и в летнее время служит, вместе с кумысом, лучшим и единственным угощением гостей. Осенью, в ноябре, во время забойки скота (согум), киргизы убивают значительное количество овец для собственного употребления, запасая мясо на всю зиму (каждая овца дает мяса до 1,5 пудов).

гизская лошадь отличается и значительным бегом и способностью выдерживать этот бег на большом расстоянии, без корма, воды и отдыха. Факт общеизвестный, что киргизы не затрудняются делать переезды на одной лошади в 100—150 верст, с небольшими лишь остановками и не кормя, в течение 10—12 час. Из отчетов Омского общества охотников конского бега видно, что киргизская лошадь на дистанции 20 верст идет со скоростью одной версты в $1^1/_2$ минуты. Благодаря вышеозначенным качествам киргизская лошадь издавна обратила на себя внимание соседей. Не говоря уже о том, что пограничное со степями оседлое население постоянно пользуется ею, она оказалась очень пригодною для заводов Урала, так что Пермская губ. предъявляет на нее большой спрос. Ежегодно местные торговцы, российские покупатели уводят несколько десятков тысяч на Оренбург, в Мияс, в Вятскую, Черниговскую, Самарскую и др. губернии.

Киргизский *рогатый* скот хотя и уступает по своим пищевым качествам черкасской породе скота, но, благодаря своей относительной дешевизне, имеет возможность поступать на скотопригонные дворы Москвы и Петербурга.

Козы держатся ради пуха (известны, напр., тонкою работой приготовляемые из него т. наз. «оренбургские» платки и шарфы), а также по тому, что они служат вожаками для стад овец, которые не двигаются с места, прежде чем не пойдет перед ними несколько коз.

Верблюды (двугорбые) содержатся преимущественно в южных уездах области, так как здесь киргизы вынуждены перекочевывать на большие расстояния, и верблюд предпочитается лошади, отличаясь своею неутомимостью для дальних переходов при крайней невзыскательности относительно корма и питья. Кроме этой пользы как вьючного животного, верблюд доставляет киргизам молоко, мясо, шкуры и шерсть, а в последнее время он находит себе применение и вне пределов области как перевозочная сила и даже употребляется при земледельческих работах.

К сожалению, современное состояние степного киргизского скотоводства далеко не отвечает столь важному значению его в экономии местного населения ни в количественном, ни в качественном отношении.

Прежде всего следует заметить, что существующее у киргиз табунное скотоводческое хозяйство ведется так

же примитивно и беспечно, как велось оно сотни лет тому назад. Продовольствуемые круглый год почти исключительно подножным кормом, в открытой степи, киргизские стада предоставлены совершенно на произвол судьбы в полную, почти неустранимую, зависимость от различных неблагоприятных условий осенней и зимней непогоды, как-то: глубокие снега, бураны и особенно гололедицы. Если летом, при урожае трав, киргизы и устраняют от себя всякую заботу о продовольствии скота, зато зимой, при неблагоприятных условиях, за свою беспечность они лишаются иногда половины стад. Когда снега много и он рыхл, тогда не только лошади, но и крупный рогатый скот, овцы и верблюды могут добывать себе копытами достаточное количество высохшей на корню травы для прокормления; при глубоких же снегах (более $^1/_4$ аршина) скот с большим уже трудом может добывать себе корм, почему он быстро худеет, сильно изнуряется и начинает падать от бескормицы. Немало также погибает скота во время буранов, продолжающихся в степи иногда по несколько дней сряду. Табуны лошадей и стада рогатого скота и баранов, застигнутые бураном, отдаются на произвол страшной силе ветра и, гонимые по его направлению, не разбирая возвышенностей и низин, попадают в овраги и забитые снегом горные лощины, или в малозамерзающие соленые озера, где проваливаются и погибают целыми массами. Еще более гибнет скот при гололедице. Если осенью после выпадения снега пойдет дождь, или же зимой сделается оттепель, а потом наступят морозы, то поверхность земли покрывается твердою ледяною корой, из-под которой не только мелкий и крупный рогатый скот, но и лошади не в состоянии добывать себе корма, и тогда наступает самое ужасное в степи бедствие, называемое *«джут»*— падеж скота от бескормицы. В этом случае, если не заготовлено достаточное количество корма и не имеется возможности перегнать скот в другие местности, где нет гололедицы, наступает бескормица, и киргизы лишаются иногда половины своих стад, как это случилось, наприм., в памятную для них зиму 1879—80 гг., когда в центральной части киргизской степи (Тургайская, Акмолинская и северная половина Сыр-Дарьинской обл.) из 12 710 000 гол. погибло от бескормицы 6 106 000 гол.*. У киргиз

* По наблюдениям киргиз, подтверждаемым и статистическими данными, такие бедственные годы (назыв. у киргиз *«коян-жил»*, т. е. заячий год) повторяются в степи периодически через 12 лет.

Акмолинской области в 1879 г. считалось разного скота 2 345 983 гол., в том числе:

мелкого	1.352.165	гол.
лошадей	703.261	—»—
рогатого	194.595	—»—
	95.962	—»—

В зиму 1879—1880 гг. пало от бескормицы 818 995 голов, или 35%, в том числе:

мелкого	425.213	гол., или 31,4%	налич. числа
лошадей	350.000	—»— 50%	
рогатого	36.128	—»— 18%	
верблюдов	7.654	—»— 8%	

Через 12 лет, в 1891 году, произошел также значительный падеж скота от бескормицы: пало 364 054 гол., или 17,5%, в том числе:

мелкого	217.470	гол., или 18,6%	налич. числа
лошадей	107.398	—»— 22,7%	
рогатого	29.580	—»— 12,6%	
верблюдов	9.606	—»— 11,4%	

Принимая среднерыночную стоимость лошади — 25 руб., рогатого скота на сумму 15 540 159 руб.

Приведенные выше цифровые данные убеждают в том, что хозяйственное благосостояние большей части областного населения оказывается весьма шатким и далеко необеспеченным: достаточно одной суровой зимы с глубокими снегами и гололедицами, или одного неурожайного лета, чтобы количество скота у киргиз уменьшилось сразу на несколько сотен тысяч голов и в бюджете населения получился миллионный дефицит.

Такое печальное положение степного скотоводства обратило на себя серьезное внимание областной администрации, занявшейся как исследованием причин, его производящих, так и указанием средств для поддержания и развития этой важнейшей отрасли сельского хозяйства.

Главнейшею и общею причиною упадка степного скотоводства служат изменившиеся условия киргизского быта. В прежнее время киргизы были единственными владельцами степи и, в широком приволье их, могли

беспрепятственно бродить и останавливаться там, где только находился для скота более лучший подножный корм. В настоящее же время, с увеличением населения, простор степей с каждым годом ограничивается все более и более. При изменившихся условиях территориальных содержание скота у киргиз остается, по-прежнему, неудовлетворительным: стада их предоставлены вполне естественным условиям; для защиты от осенней и зимней непогоды, в открытой степи, они не имеют убежища (крытых загонов), а в случае неурожая и гололедицы гибнут от бескормицы, так как киргизы, по свойственной им беспечности и отсутствию хозяйственной предусмотрительности, не стремятся к заготовлению запасов продовольствия. Во время бескормицы, косвенным образом, происходит еще значительная убыль скота, а именно лошадей, вследствие преждевременного скидывания плода кобылицами.

Составляя главную и единственную основу материального благосостояния киргиз, скотоводство естественно должно было бы служить предметом особенных забот, клонящихся к его улучшению и большей продуктивности. Между тем большинство киргиз, интересуясь главным образом количеством стад, не обращает никакого внимания на их качество и не прилагает особенных забот не только к улучшению породы скота, но даже к сохранению ее физических свойств. В особенности это нужно сказать о наиболее ценной породе скота — лошадях.

За исключением людей богатых, далеко не чуждых стремления иметь лучших по качеству лошадей, вся остальная масса киргиз направляет свои помыслы к простому количественному увеличению. Иметь много кумыса — слишком увлекательная мечта для каждого киргиза, мешающая ведению правильного коневодства и идущая в разрез качественному его улучшению. Вся забота кочевника — сформировать косяк («уюр») и приучить жеребца к своим кобылицам. Составляя косяк (1 производитель, 10—20 маток, несколько голов меринов и приплода), киргизы не входят в оценку ни маток, ни самого производителя,— мало того, допускают иногда ранние случки и слишком близкое родство. Такая неразборчивость в выборе производителей ведет к тому, что нередко недостатки их передаются всему потомству и делаются отличительною чертою целого киргизского табуна, а ранние случки и скрещивание близкородственных осо-

бей ведут к измельчению и вырождению породы. По отзывам знатоков и торгующих лиц, киргизская лошадь в северной части области не только мельчает, но даже теряет свой природный тип. Причина такого вырождения киргизских лошадей заключается в скрещивании их с лошадьми простой русской породы, которая существует у соседей, крестьян Тобольской губ., в Ишимском и Тюкалинском округах. Порода эта слабосильная; лошадь некрасива (несоразмерно большая мясистая голова, ослиные уши). Благодаря своей дешевизне (5—7—10 руб. за голову), худшие экземпляры означенной породы, (наз. «мастек» или «маштак»), большею частью кобылицы, ежегодно сотнями, если не тысячами, скупаются беднейшими киргизами с расчетом, что они, ожеребившись, будут питать семейство кумысом, денежная стоимость которого за все лето покроет цену кобылицы, и, кроме того, чистым дивидендом останется еще жеребенок, которого впоследствии можно продать. При скрещивании с киргизским жеребцом крестьянская лошадь передает в наследство свою неуклюжую голову, темперамент и др. недостатки. Таким путем степь постепенно более и более наводняется этими нежелательными помесями *. Измельчание киргизской породы лошадей происходит еще вследствие того, что жеребята, напр., в раннем периоде их жизни, часто бывают лишены достаточного питания материнским молоком, которое выдаивается киргизами для приготовления любимого напитка — кумыса. Далее, киргизский скот большею частью размножается сам по себе, без примеси крови извне и без особого подбора производителей,— мало того, более видные и рослые животные продаются и выводятся из табунов. Киргизская лошадь, как сказано, давно уже выводится на заводы Урала и в соседние губернии Европейской России, но количество отправляемых лошадей никогда не достигало таких размеров, как в последние годы. Ежегодно с ранней весны, не говоря уже о местных скупщиках, из России наезжают торговцы и по аулам в степи, а летом на ярмарках приобретают лучшие по качеству экземпляры, весь же брак остается в степи. В настоящее время, когда открыто движение по Сибирскому рельсовому пути и когда многие торговцы отдаленных рос-

* Замечено, что «мастеки» и помеси их с киргизскими лошадьми, обыкновенно, первыми гибнут во время разных степных невзгод — буранов и гололедиц.

сийских центров начинают заглядывать на степной рынок и завязывать с ним сношение, спрос на киргизскую лошадь, без сомнения, увеличится в несколько раз. Уже 1894 г., собственно, год первого влияния Сибирской железной дороги, показал, как велико может быть требование европейского рынка и какое должно иметь значение в будущем степное производство: в течение этого года разного рода скота, в том числе и лошадей, было выведено в $1^1/_2$ раза более предыдущего и по цене на 20—25% дороже прежних лет. При упадке скотоводства в Европейской России и быстро увеличивающейся потребности в мясной пище обширные киргизские степи должны быть сохранены как места, почти исключительно предназначенные для скотоводческой культуры; если и теперь киргизские степи доставляют на европейские рынки очень большое количество скота и животных продуктов, то при ведении киргизами более правильного скотоводческого хозяйства отпуск из степей этого товара мог бы увеличиться в несколько раз.

Понижение степного скотоводства в количественном и качественном отношениях давно уже обратило на себя внимание областной администрации, и последняя, предлагая местным уездным начальникам и ветеринарам разъяснять киргизам всю неразумность и убыточность ведения их скотоводческого хозяйства, указывает, в то же время, на необходимость принятия мер к поддержанию и развитию этой важнейшей отрасли местного хозяйства. Главнейшие недостатки современного киргизского скотоводства, как видно из приведенного выше исследования, заключаются в следующем: а) большой падеж скота во время «джута»— от бескормицы; б) затруднительность зимней «тебеневки» во время непогоды, сопровождающаяся скидыванием плода матками; в) недостаточное питание жеребят материнским молоком (которое выдаивается киргизами для приготовления «кумыса») и г) недостаток породистых производителей (вследствие вывода из степи лучших экземпляров скота). Как ни трудно вести борьбу с закоренелыми привычками киргиз (непредусмотрительная беспечность их относительно продовольствия скота, пристрастие к кумысу и пр.) и с современными торгово-промышленными условиями степи (увеличивающийся экспорт скота), тем не менее областная администрация, в устранение означенных выше недостатков киргизского скотоводства, настойчиво рекомендует кочевникам принятие следующих мер:

заготовка общественных сенных запасов, лучший уход за беременными матками и жеребятами, особенно в тяжелое для них зимнее время (устройство загонов, стойловое содержание и пр.); наконец, в целях сохранения и усовершенствования типических особенностей киргизской породы скота, признается желательным обратить внимание на соответствующий подбор производителей, что особенно применимо к лошадям, при существующей у киргиз косячной системе коневодства.

К 1 января 1896 г. в Акмолинской области считалось разного рода скота 2 106 585 гол., в том числе 277 720 гол. у оседлого населения (с горожанами) и 1 828 865 гол. у кочевого.

Сравнительно с предшествовавшим годом, количество скота в области увеличилось на 148 085 гол., или на 7,5%, в том числе у оседлого населения на 51 232 гол. (+22,6%) и у кочевого на 96 853 гол. (+5,6%). Условия содержания киргизского скота зимой отчетного года были не везде благоприятны. Во многих местах Атбасарского уезда, по случаю свирепой зимы, сильных буранов и глубоких снегов у киргиз, вследствие чего количество скота здесь уменьшилось на 54 759 гол., в том числе лошадей на 20 000 гол. <...>

Абсолютные и взаимно-относительные цифры киргизского скота по уездам области приведены в нижеследующей таблице:

Уезды	число голов скота			на 1 кибитку				на 1 кв. в.	
	лошад.	рогат.	мелк.	кв. в.	лош.	рогат.	мелк.	круп.	мелк.
Омский	77.826	43.439	71.220	4,4	11,0	6,1	10,0	3,8	2,2
Петропавловский	78.510	60.917	89.558	4,0	6,7	5,2	7,7	3,0	1,9
Кокчетавский	99.024	45.500	104.800	4,3	7,7	3,6	8,2	2,7	1,9
Атбасарский	67.384	15.513	252.694	5,7*	5,9	2,7	17,3	1,8	3,6
Акмолинский	179.197	96.675	468.768						

* За исключением пространства Голодной степи.

<...> Киргизы Омского уезда оказываются более других обеспеченными в отношении скотоводства; это подтверждается отчасти и безнедоимочным всегда поступлением с них государственных и земских сборов. Наибольшее относительное количество крупного скота приходится здесь в волостях Черлаковской и Николаевской: в первой, благодаря ее пограничному положению с степями Семипалатинской обл., а также обилию луговых пространств по заливным лугам Иртыша, киргизы имеют возможность содержать большие табуны скота и снабжать его продуктами не только местный (в ст. Черлаковской), но и более отдаленные рынки — Омский и Ишимский (Никольская ярмарка). В Петропавловском у. наибольшее относительное количество скота приходится в волостях: Средней и Пресногорьковской, снабжающих скотом и его продуктами не только местные заводы, но и ближайшие губернии — Тобольскую, Пермскую и Приуралье. В Кокчетавском у. наибольшее относительное количество скота у киргиз приходится в 3-х северных степных волостях уезда, населенных почти исключительно киргизами; в остальных же волостях, в которых образованы крестьянские селения, оно ниже среднего.

<...> На содержание лесного надзора в площади, принадлежащей казне, израсходовано было 32 512 р. Лесопорубных билетов выдано 5 714. Валового дохода от продажи леса поступило 38 636 р., в том числе в одном Кокчетавском уезде 744. Киргизское население почти совершенно устранено от бесплатного пользования лесными материалами из лесов, признанных государственною собственностью, оно удовлетворяет потребности свои в топливе почти исключительно валежником и к сырорастущему лесу относится весьма бережливо. Крестьянское население, для удовлетворения своих нужд, на домообзаводство получает лес бесплатно.

<...> В 1894 г. горный инженер Краснопольский, в качестве начальника горной партии Западно-Сибирской железной дороги, производил изыскания в степных областях Семипалатинской и Акмолинской главным образом каменного угля. При этих изысканиях обнаружены и определены каменноугольные месторождения, по-видимому, весьма благонадежные как по мощности (более $1^1/_2$ метров), так и по залеганию (почти горизонталь-

ное). Месторождения эти находятся на границе Семипалатинской и Акмолинской областей в Далбинской волости, Павлодарского у., на уроч. Куу-чеку и, будучи невдалеке (20 верст) от известной Карагандинской копи Рязановых в Акмолинском у., в уроч. Караганда, дают основание предполагать существование целого ряда благонадежных каменноугольных залежей между названными урочищами. Частные разведки в 1894 г. производились одним Суриным на 4 площадях с медной рудой и 2 с каменным углем и в отчетном году одним Деровым, и притом разыскивается только каменный уголь.

<...> Киргизская степь Акмолинской области, как видно из истории ее колонизации, находится в настоящее время в переходном состоянии. С открытием непрерывного рельсового пути из-за Урала северные оседло населенные уезды области (Петропавловский, Омский и Кокчетавский) вступают в непосредственное сношение с культурными и промышленно-торговыми центрами Европейской России. Старейшие и наиболее населенные в области пункты — Петропавловск и Омск (через которые проходит железная дорога), расположенные при двух главнейших водных артериях — Ишим и Иртыш, являются естественными посредниками в сбыте различных произведений степи, доставляемых как водным путем, так и сухопутно, а развивающиеся с каждым годом по Ишиму торговые центры — Акмолинск и Атбасар и крестьянские селения (числом до 40) обеспечивают непрерывное сообщение с глубиною киргизской степи, с недрами ее минерального и скотоводческого богатств. При таких условиях Акмолинская область, привлекая к себе все более и более представителей труда, знания и капитала, несомненно будет прогрессировать в торгово-промышленном отношении, а вместе с этим будут развиваться в ней и оседлые поселения.

Движение населения

Ко времени учреждения Акмолинской области (в 1869 г.) в нынешнем ее территориальном составе население области состояло из 375 370 душ об. п., в том числе 101 910 д. оседлых русских и 273 450 д. кочевников-киргиз. За 25 лет численность населения увеличилась: оседлого на 88 352 д. (или почти на 80%) и кочевого на 95 769 д. (или на 35%). Прирост оседлого населения

шел неравномерно: в первое десятилетие он составлял 15 585 д. или в год, средним числом, по 1 558 д., во втором же — 33 437 д., или вдвое больше, а за последние пять лет 46 283 д., или в год с лишком по 9 000 д.

Прирост оседлого населения особенно является заметным с 1879 г., когда численность городского населения возросла с 50 394 д., а численность сельского, именно крестьян (благодаря усилившемуся переселению) с 1 749 до 61 809. Что касается кочевого населения области, то, по сведениям за предпоследние 25 лет, оно увеличивалось неодинаково и в обратном отношении, сравнительно с оседлым населением, а именно: в первое десятилетие (с 1870 по 1880 г.) — 273 000 до 339 000 д., т. е. на 66 000 (или в год по 6 000 д.), в последующее же десятилетие только на 9 520 д., или в 7 раз менее, а с 1891 по 1895 г. включительно увеличение его определяется цифрою 21 087 д., или по 4 200 д. в год. Физическая жизнь кочевников всецело зависит от состояния скотоводства. В течение минувшего 25-летия киргизам пришлось пережить не один тяжелый год, особенно в зиму 1879—80 гг., когда кочевники лишились почти половины своего скота. Этот-то злополучный год и оказал влияние на понижение как естественного прироста населения, так и его экономического благосостояния.

Естественное движение оседлого и кочевого населения области, по трем населенным полосам — северной (Омский и Петропавловский уу.), центральной (Кокчетавский у.) и южной (Атбасарский и Акмолинский уу.) выразилось в отчетном году следующими цифрами:

Оседлое население

	горожане				казаки				крестьяне			
	родив	умер.	pro mille р.	pro mille у.	родив.	умер.	pro mille род	pro mille ум.	род.	умер	pro mille р.	pro mille у.
Северная	3.099	2.508	47,6	38,5	2.930	1.914	60,4	39,4	427	242	20	11•
Центральная	225	158	50	35,1	1,576	1.243	59,5	46,9	1,719	1.382	62	50
Южная	546	331	60,6	36,8	—	—	—	—	684	368	58	31
Вся область	3.870	2,997	50	37,7	4.506	3.157	60	42	2.730	1.992	44	32.2

* *Примечание:* несоразмерно малый % рождаемости и смертности в крестьянском населении Омского и Петропавловского уу. объясняется тем, что колонизация этих уездов началась главным образом с лета 1895 г.; цифры же родившихся и умерших относятся преимущественно к крестьянам старожилам, коих насчитывается не более 8000 д.

	Кочевое население		pro mille	
	родил.	умерл.	родил.	умерл.
Северная полоса	2,338	1,594	23,6	16,1
Центральная	1,263	1.027	19,5	16
Южная	4.442	2.686	21,1	13

Несоразмерно меньшие (сравнительно с оседлым населением) величины рождаемости и смертности (почти в 3 раза) у киргиз объясняются отчасти неполнотою статистической регистрации по движению населения *, главным же образом физическими особенностями этого населения, уменьшающими его прирост, как-то: небольшое относительно число женщин вообще (на 100 муж. 86 жен.) и брачного возраста в частности (на 100 муж. 69 жен.), малая плодовитость женщин (вдвое менее, чем в России) и значительная смертность детей, происходящая от болезней (оспа), плохого ухода и пр.

Вследствие перевеса родившихся над умершими естественный прирост населения выразился следующими цифрами:

В населении	Северная полоса	Центральная	Южная
городском	591, или 9 pro mille	67, или 15% %	215 или 24% %
казачьем	1016—"—21	333—"—12,6% %	—"— —"—
крестьянском	185—"—8,4	337—"—12,5% %	316—"—27
киргизском	744—"—7,5	236—"—3,7	6756—"—8,4

* Записи заключаемых браков, родившихся и умерших киргиз производятся, по волостям, частью волостными управителями, частью киргизскими муллами, число которых не превышает одного на волость; по размерам же самих волостей, разбросанности зимовок и значительному иногда удалению киргиз во время кочевок, волостные муллы бывают лишены возможности даже по слуху знать о всех факторах естественного движения между киргизами, а не только вести им точную запись.

Общественное благоустройство и благочиние

В последнее время, с усилением в области русской колонизации, замечается недостаточное количество православных храмов, особенно в крестьянских селениях, находящихся в глубине киргизской степи. Удаленные от места нахождения церквей, многие крестьяне не только лишены пастырского назидания, но не имеют даже возможности в течение долгого времени исполнять христианские требы. Вследствие сего областная администрация испрашивала разрешение принять постройку церквей в некоторых селениях на казенные средства, и Комитет Сибирской железной дороги из фонда вспомогательных предприятий ассигновал на это благое дело 15 000. На эти средства в отчетном году заложены были церкви-школы в селениях: Борисовке Омского уезда, Макинском и Каменском Кокчетавского у., Семеновском и Алексеевском Акмолинского у. и Киймнинском, Самарском и Донском Атбасарского уезда. Таким образом, крестьянское население области в недалеком будущем получит возможность удовлетворять свои религиозные потребности. Независимо сего, в отчетном году продолжалась постройка церквей на средства прихожан в с. Явленском Петропавловского у., Дорофеевском, Кривозерном, Балкашинском и Мариинском Кокчетавского уезда <...>

Народное образование

<...> Что касается киргизского населения, то народное образование в среде его не имеет никакой организации. Подобно крестьянским селениям, в киргизских аулах хотя и существует несколько частных школ, но их немного и преподавание в них ведется полуграмотными киргизами, муллами и др. странствующими учителями без всякой системы и программы, ограничиваясь лишь татарской грамотой и заучиванием наизусть некоторых изречений корана на непонятном для киргиз арабском языке. Кроме единственного в г. Омске пансиона для русских и киргизских мальчиков, до 1894 г. существовали в уездах четыре киргизских сельскохозяйственных школы, в которых мальчики обучались русской грамоте, сельскому хозяйству и некоторым ремеслам, но в настоящее время 2 из них упразднены, а остальные 2 преобра-

зованы в низшие сельскохозяйственные школы ведомства земледелия и государственных имуществ, в которые могут поступать и инородцы. За киргизами нельзя не признать желания получить правильное систематическое образование, и для них хотя и открыт доступ в русские учебные заведения (несколько киргиз обучались в гимназии, кадетском корпусе и даже в университете), но первоначальных школ, которые могли бы подготовлять учеников для поступления в средние учебные заведения, они не имеют. Устройство школ в степи усложняется тем обстоятельством, что при разбросанности киргизских зимовок небольшими группами на значительное расстояние друг от друга дети киргиз не могут посещать школы приходящими учениками; необходимо поэтому сгруппировать их в каком-либо одном месте, дать им помещение и содержание, что и удорожает самое заведение школ. В настоящее время областная администрация занята разработкою типа первоначальных школ в виде постоянных школ-интернатов в месте наибольшего сосредоточения киргизских зимовок.

СУДЕБНАЯ ЧАСТЬ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ И СТЕПНЫХ ОБЛАСТЯХ

Из краткого исторического очерка

Составитель старший советник Тургайского областного правления И. И. Крафт

Оренбург. Типо-литография П. Н. Жаринова. 1898 г.

До присоединения к России среднеазиатские наши владения, в течение многих веков, служили ареной для кровавых столкновений разных племен и народностей, друг друга вытеснявших. На просторе безграничных степей непременно боролся человек с человеком, отнимая и защищая ту самую землю, которая впоследствии становилась могилою для победителей. Здесь возникали и падали целые государства, нарождалась, процветала и погибала культурная жизнь, появлялись и исчезали разные, преимущественно кочевые народы, и только древние могилы, развалины и памятники, да устные предания и легенды свидетельствуют о прошлом пытливому уму исследователя. Исторические и археологические изыскания и антропологические исследования когда-нибудь восстановят полную картину былого Средней Азии, и по *прошлому* обитателей этой страны можно будет установить правильную точку зрения на их *настоящие* особенности склада материальной и духовной жизни.

Сюда, в период междоусобных браней кочевых народов, с востока двинулся грозною тучею ислам, огнем и мечтом подчинявший себе народы, которые, приняв из страха новую религию, не изменили своих бытовых особенностей и не могут пока согласовать весь строй своей духовной, семейной и общественной жизни со строгой регламентацией шариата. В то же время с запада все сильнее и сильнее стал пробиваться навстречу исламу свет общечеловеческой культуры, а в жизнь кочевых народов стали проводиться высокие начала справедливости, любви и милосердия.

Здесь, на просторе среднеазиатских степей, встретились, волею судеб, эти две силы: одна — замкнутая в своей исключительности, жестокая и неумолимая; дру-

гая — гуманная, справедливая и могучая своей любовью. В то время как первая, с оружием в руках, покоряла себе народы, беспощадно истребляя всех непослушных, вторая — лишь покровительствовала угнетаемым и давала справедливую защиту обиженным. Вся история присоединения к России среднеазиатских владений подтверждает, что русские не руководствовались завоевательными целями, но, защищая подвластные себе народы от обид и разорения со стороны соседей, должны были, в целях усмирения дерзких разбойников, подвигаться в глубь Средней Азии.

И вот мы видим, что кочевники, населяющие степи, расположенные как бы на рубеже между очагами магометанства (Хива, Бухара, Самарканд, Фергана, Ташкент и т. д.) с одной стороны, и европейской цивилизацией — с другой, давно утратили воинственные наклонности [1], прекратили междоусобные войны и обратились к мирному труду. На наших глазах, под влиянием изменяющихся условий, совершается ликвидация унаследованных кочевниками привычек, подавших основание первоначально называть киргиз «диким и легкомысленным» народом. Не стало прежних ожесточенных кровавых распрей между родами и ордами, исчезли и *батыры* [2], руководившие шайками буйной вольницы. Для разрешения своих споров и недоразумений кочевники привыкли уже обращаться к законным властям, и только разделение при этом тяжущихся и их родовичей на партии, друг другу враждебные, свидетельствует о наследственной привычке киргизов отождествлять интересы отдельных лиц с интересами целых родов. Батырам не стало места там, где в сознании населения твердо укоренилась преданность законному порядку. Выдающиеся люди из среды кочевников уже поняли, что грубая физическая сила изжила свой век и уступила свое место в жизни силе культурной, а потому стремятся к приобретению знаний как к единственному средству для достижения влиятельного положения среди не-

[1] В положении Азиатского комитета от 9 апреля 1832 г., между прочим, совершенно справедливо говорится, что киргизы-кайсаки — народ не воинственный и одна известность об имеющемся у русских оружии может содействовать прекращению их хищничества: несколько выстрелов достаточно для их отражения (2 Полн. собр. закон., т. VII, № 5280).

[2] В оригинале — «батыри». Тюркские географические названия, имена и пр. слова часто даны в современной транскрипции. — (Прим. ред.).

развитой массы населения. Прежняя *баранта,* приводившая к разорению целые сотни семейств, отошла в область преданий, и только сильно развитое среди кочевников конокрадство указывает на сохранившуюся в потомках прежних барантачей страсть к легкой наживе.

Но под влиянием воспитательных начал, вселяемых администрацией и судом, можно надеяться, скоро сгладятся все эти ненормальные явления в жизни кочевников, характеризующие переходное состояние этого народа, пережившего печальную эпоху войн, произвола и насилий и обратившегося, при господстве русской власти, к мирным занятиям скотоводством и земледелием. Такое изменение в нравах кочевников совершилось потому, что они, по свойственному им благоразумию, не восприняли крайних основ магометанского вероучения, а последовали за более культурным народом, с которым уже более полутора веков добровольно связали свою судьбу. В то же время на другой окраине среднеазиатских наших владений невежественная масса, проникнутая духом религиозной нетерпимости, решается безумно провозглашать «газават», но не встречает уже сочувствия в мирном населении, преданном господствующему в крае порядку управления.

Среди этих переходных условий совершается постепенно русская колонизация среднеазиатских областей. В крае, сравнительно присоединенном недавно, упрочивается русское господство, поддерживаемое не столько силою расположенных в нем войск, сколько нравственным влияниям. А ныне признается возможным, несмотря на племенное различие населения, на разницу в правовых воззрениях туземцев той или другой местности и, наконец, несмотря на степень усвоения туземцами начал гражданственности и преданности закону и порядку, ввести во всех среднеазиатских областях одинаковый суд, по словам великого царя-законодателя, суд правый, скорый, милостивый и равный для всех.

Прежде чем приступить к изложению сущности вводимой в крае реформы, постараемся кратко описать историю постепенного водворения суда и расправы в среднеазиатских областях по мере присоединения края к России.

Для большей ясности последующего изложения укажем время и основания присоединения этого края к России.

Громаднейшая территория, занимаемая ныне русским Туркестаном и степными областями, в прежнее время, до присоединения к России, составляла несколько самостоятельных государств. Значительная часть этого края, как будет изложено ниже, принадлежала киргизам Большой, Средней и Малой орд, управляющихся независимыми ханами, а остальные земли входили в состав Сибирского царства, Джунгарии (или Чжунгарии), Кокандского, Бухарского и Хивинского ханств.

Занятие Иртыша и постройка на нем городов. Принятые в подданство Малой орды. Присоединение земель Джунгарии. Принятие в подданство Средней и Большой орд. Отделение от Бухары Самаркандского края. Хивинский поход и присоединение части земель хивинского ханства. Падение Кокандского ханства. Разделение на области присоединенных земель.

Во второй половине XVI столетия земли по р. р. Миасу, Исети, Пышме, Тоболу и Иртышу состояли, за небольшими исключениями, во владении башкир, данников сибирских ханов. Но теснимые набегами киргиз-кайсаков, не получая защиты из Сибири и видя возраставшее могущество московского царя, башкиры в 1550-х годах [1] добровольно приняли русское подданство. Казалось бы, что, одновременно с этим, подлежали присоединению к московскому царству и все земли, принадлежавшие башкирам, однако зависимость от сибирского хана той части последних, которые находились в Сибири, продолжалась и после принятия башкирами русского подданства. Московское государство в то время не имело ни средств, ни возможности привести в точную известность и определить границы своих новых владений, а тем более охранять их от чуждого влияния. Но охранителем интересов новых подданных московского царя случайно явился известный завоеватель Сибири Ермак. После поражения татар и бегства в ишимские степи сибирского царя Кучума Ермак, 26 октября 1582 года, вступил в столицу сибирского царства г. Сибирь, а летом 1853 года он покорил татарские городки и улусы по р. р. Иртышу и Оби. Но в ночь на 6 августа 1584 г. он погиб, спасаясь

[1] Есть основание полагать, что башкиры приняли подданство в 1553 г., после покорения Казани и похода русских до отдаленных пределов башкирских. Но несомненно одно, что в 1557 г. башкиры уже платили ясак русским.

от неожиданного нападения татар. По смерти Ермака дело, начатое им, продолжалось, и к 1588 году были уже основаны города: Тобольск при р. Тобол и Тюмень при р. Туре. Однако сибирский царь Кучум не хотел примириться с совершавшимся прочным водворением русских и все время производил набеги на новые города. Тогда тобольский воевода Владимир Васильевич Кольцов-Мосальский летом 1591 года отправился в степь с целью разогнать беспокойную орду и, после поражения татар при озере Чили-куле, во владении русских оказались реки: Иртыш, Тобол, Тавда и Конда и бо́льшая часть Оби.

После того прошло более ста лет до начала заселения присоединенных к Московскому государству земель. Заботы о покорении обитавших на севере остяков и вогулов, о водворении порядка и спокойствия среди башкир — обитателей Урала и его предгорий и об устройстве там городов, а также другие внутренние и внешние дела Московского государства не позволяли царям в XVII веке заняться колонизацией южной части своих сибирских владений. Только в начале XVIII столетия по повелению императора Петра Великого было приступлено к сооружению по р. Иртышу крепостей, переименованных впоследствии в города. Так, в 1716 году экспедицией под начальством подполковника Бухгольца основана Омская крепость (ныне г. Омск), в 1718 году дворянином Василием Чередовым заложена крепость Семипалатинская (ныне город Семипалатинск) и в 1720 году основаны: гвардии майором Лихаревым Усть-Каменогорская крепость (ныне г. Усть-Каменогорск) и Коряковский форпост (ныне г. Павлодар). Эти крепости долгое время, до присоединения к России киргиз Средней орды, входили в состав нашей пограничной линии.

В то же время, когда устраивалась линия крепостей по р. Иртышу, взаимные распри между киргизскими ордами и преследования со стороны калмыков и башкиров заставили киргизов Малой орды искать могущественного покровительства Российской державы. В 1730 году орда эта находилась в самом беззыходном положении, скитаясь от преследований неприятелей на землях между р. Яиком (Уралом) и Аральским морем. Хан Малой орды Абулхаир, по совещании со старейшинами, отрядил посланцев к высочайшему двору с письменным прошением о принятии этой орды в русское подданство *со всем владением,* и 19 февраля 1731 года

последовала высочайшая грамота императрицы Анны Иоанновны на имя хана Абулхаира, старшин и всего киргиз-кайсацкого войска с изъявлением согласия на принятие в подданство киргизов.

При вручении этой грамоты в 1732 году киргизы вновь на народном собрании обсудили вопрос о вступлении в русское подданство и, решив его утвердительно, приняли присягу на подданство в присутствии командированного для этой цели, по высочайшему повелению, переводчика Мегмета Тевкелева.

В принятии присяги на подданство участвовали киргизы Малой орды с ханом Абулхаиром и небольшая часть киргизов Средней орды с ханом Шемякой.

Спустя некоторое время киргизы Малой орды и представители Кипчакского, Аргынского и Найманского родов Средней орды [1] с ханом Малой орды Абулхаиром, при торжественной обстановке, близ г. Оренбурга, в присутствии начальника края Татищева, 3 и 4 августа 1738 года вновь приняли присягу на подданство России, и с тех пор земли, на которых кочевали эти киргизы и ныне кочуют их потомки, считаются окончательно присоединенными к Российскому государству.

Земли эти расположены от Каспийского и Аральского морей до реки Уя и Сары-Су и между р.р. Уралом и Сыр-Дарьею, т. е. вся территория нынешних Тургайской и Уральской областей [2].

Но правительство наше не имело в то время никакой возможности подчинить своему управлению диких и своевольных кочевников, а старалось лишь прочно утвердиться на границе с киргизскими степями и развить торговые сношения с среднеазиатскими народами. В этих видах было предпринято устройство крепостей и форпостов по всей пограничной линии, начиная от существовавших по Иртышу укреплений и оканчивая всем течением р. Яика (Урала) до впадения его в Каспийское море. В пограничных крепостях заводился меновой торг с киргизами и отсюда отправлялись торговые караваны в Хиву и Бухару, часто, впрочем, подвергавшиеся нападениям со стороны киргизов.

---

[1] Собственно из этих 2-х родов в принятии присяги участвовали и остались верными лишь приверженцы приближенных к хану Абулхаиру батыров Джаныбека и Башыбая.

[2] Кроме земель Уральского казачьего войска, которое имеет свою особую историю заселения, более древнюю, чем присоединение киргизов к России. См. Рябинин. Уральское казачье войско.

Подданство киргизов России, чисто номинальное вначале, закреплялось отдачею в качестве аманатов (заложников) малолетних ханских и старшинских детей. Ни податей, ни служб киргизы не несли и управлялись своими ханами и старшинами, которые время от времени подтверждали свою верность России присягами и посылкою к высочайшему двору депутаций, не стесняясь нисколько одновременно искать покровительства у других среднеазиатских владельцев, нападать на пограничные русские поселки и уводить в плен русских людей для продажи в Хиву и Бухару.

Но и внешние знаки подданства России — отдачу аманатов и сношение с властями — оказывали лишь киргизы, подвластные Абулхаиру хану, т. е. Малая орда и незначительная часть Средней, как кочевавшие вблизи пограничной линии. Остальные киргизы Средней и Большой орд уклонялись от всякого русского влияния. Большая орда была покорена джунгарами (или зюнгарами), а Средняя орда, благодаря искусству и изворотливости одного из сильнейших ее правителей султана Аблая, до самой его смерти в 1781 году, оставалась независимою. Аблай обнаруживал свою преданность, смотря по обстоятельствам, то России, то Джунгарии, то Китаю, но фактически не подчинял своей орды ни одному государству. Он получал утверждения в ханском звании и от Китая и от России, но сохранял свою полную независимость, а при удобном случае нападал и грабил беспощадно и русских, и китайцев, и джунгаров. Так, в момент внутренних распрей в Джунгарии Аблай помог китайцам покорить это некогда сильное государство и воспользовался не только имуществом покоренных, но и частью земель, им принадлежавших.

В 1760 году чрез посланных из Оренбурга в Среднюю орду поручика князя Уракова и переводчика Гуляева было дознано, что на бывших зюнгарских (джунгарских) землях при уроч. Каратал кочуют киргизы упомянутой орды Карагирей-Найманского рода ведомства султана Абулфеиза и что султан Аблай намеревался перекочевать также на зюнгарские земли.

В том же году, по представлению сибирского губернатора Соймонова, было разрешено водворить на «впусте находящуюся зюнгарскую землю (Джунгарию) 2000 семей русских из вольных переселенцев, составивших впоследствии ядро сибирского казачьего войска.

В 1761 году секретным указом Коллегии Иностран-

ных Дел от 10 июня № 499 поручалось сибирскому начальству присоединить к Российской Империи бывшие в зюнгарском владении Алтайские горы.

Таким образом, часть земель Джунгарии была присоединена к России, другая часть находилась во владении киргизов Средней орды, а остальная территория этого бывшего государства была занята китайцами, киргизами Большой орды и кара-киргизами.

По смерти султана Аблая, когда русское влияние в киргизской степи и бывших зюнгарских землях усилилось, Средняя орда уже не могла оставаться независимою. Избранный народом в ханы сын Аблая, султан Вали, испросил себе высочайшее утверждение в ханском достоинстве, каковое и последовало 25 февраля 1782 г.

Но ханское управление не удовлетворяло киргизов. Они не имели защиты от нападений своих врагов и не могли пользоваться спокойною жизнью.

В 1798 году значительная часть киргизов Средней орды из бывших подвластных Аблая, чрез старшину Айходжу муллу Кочина, обратилась с прошением на высочайшее имя о дозволении им кочевать между русских крепостей — Семипалатинской и Омской. Кочин добавлял, что и другие многие этой орды султаны и старшины со своими кибитками в Российское подданство вступить желают. Именным высочайшим указом императора Павла I от 23 июля 1798 г. было разрешено сибирскому начальству давать «убежище» как Кочину с его приверженцами, так и всем киргизам, которые будут об этом просить.

В 1802 году султан Чанчар Султанмаметев с подвластным ему народом выражал верноподданнические чувства за спокойствие в течение 3-летнего пребывания в российском подданстве.

Изложенные обстоятельства показывают, что фактическое присоединение к России киргизов Средней орды (за исключением принятых вместе с Малою ордою) началось в 1798 году, но совершалось оно тихо, без всякой торжественности и без выстрелов.

В 1818 году часть киргизов Большой орды, ведомства султана Сюки Аблайханова, в числе 55 462 душ (имевшими 802 359 голов разного скота), по собственному желанию, были приняты в подданство России, в чем и дали присягу. Принятие их в подданство было разрешено высочайшим указом от 18 января 1819 года с пожалованием султану Сюке чина VIII класса.

В 1821 году умер престарелый и фактически уже не управляющий народом хан Средней орды Вали, 105 лет от орду.

В следующем году был утвержден проектированный графом Сперанским «Устав о сибирских киргизах», которым ханская власть была уничтожена и в степи введено областное и окружные управления.

Но наибольшее значение в смысле привлечения киргизов в русское подданство, а следовательно и территориального расширения владений России на востоке, имело изданное 6 апреля 1838 года положение об отдельном управлении сибирскими киргизами. Учрежденному тогда в г. Омске пограничному управлению вменено было в обязанность собрать, рассмотреть и представить на утверждение киргизские законы и обычаи, распределять киргизов по округам, соображаясь с родопрохождением и кочевками их и склонять независимых от России киргизов к подчинению общему порядку, вводимому, в степи, *действуя в этом случае с благоразумием и мерами увещания.*

Русское управление киргизами, основанное на началах гуманности и справедливости, и непрестанные заботы о благосостоянии и спокойствии народа скоро побудили и остальных киргизов Большой орды, испытывавших большие притеснения от кокандцев, просить о принятии в русское подданство. В 1845 году киргизы этой орды, кочевавшие близ Капала, были приняты в подданство России, и для управления ими в 1847 году был учрежден особый пристав, проживавший во вновь устроенном укреплении на Капале.

Но так как кокандцы совершали постоянные нападения на киргизов, русских подданных, то в 1850 году предпринята была экспедиция за р. Или с целью разрушить укрепление Тоучубек, служившее опорным пунктом для кокандских шаек, но овладеть им удалось лишь в 1851 году, а в 1854 году на р. Алматы построено укрепление Верное, и весь Заилийский край вошел в состав России.

В томже 1854 году область сибирских киргизов с вновь присоединенными землями была разделена на две области: Заилийский или Семиреченский край, округа Семипалатинский, Кокбектинский и Аягузский вошли в состав *Семипалатинской области,* а вся остальная территория составляла *область сибирских киргизов.*

Быстрые успехи поступательного движения русских на восток побудили лиц, не привыкших к новому режиму, удалиться от Оренбургской степи, где господствовала прежняя пограничная система управления из Оренбурга. Хотя в Малой орде ханская власть была также упразднена в 1824 году, но управление киргизами было вверено султанам-правителям, выезжавшим в степь под прикрытием казачьих отрядов.

Внук известного властителя Средней орды Аблая — султан Кенесары Касымов, не находя в Сибирском ведомстве удобной почвы для осуществления своих честолюбивых замыслов, перебрался с горстью приверженцев в оренбургские степи, где, как сказано выше, русское влияние на население было очень слабо и где поэтому предприимчивому авантюристу представлялась возможность сделать попытку восстановления ханской власти. Пользуясь недовольством некоторой части кочевников на русское правительство за обложение кибиточною податью и проведение новой пограничной линии с присоединением части земли из киргизской степи к оренбургскому казачьему войску, султан Кенесары Касымов с 1838 по 1845 год производил смуты среди киргизов Оренбургского края, стараясь подчинить своей власти, грабил непослушных и непокорных и нападал на пограничные поселения новой линии. Трудность преследования мятежника и его скопищ по малоизвестной и пустынный степи заставила оренбургское начальство устроить в 1845 г. на р.р. Иргизе и Тургае укрепленные пункты (нынешние город Иргиз и Тургай). Немедленно после устройства укреплений Кенесары Касымов удалился в Туркестанский край к кара-киргизам, но там и погиб с своими приверженцами. Затем, в 1847 г., для защиты киргизов от притеснений кокандцев и туркмен было возведено при устье р. Сыр-Дарьи укр. Раимское, переименованное впоследствии в Аральское. Но вследствие повторявшихся частых нападений кокандцев на киргизов с целью ограбления и принудительного сбора зякета (подати)[1] бывший военный губернатор Оренбургского

[1] Для характеристики отношений кокандских властей с пограничными киргизами считаем нелишним привести некоторые данные из дела «О разграблении кокандцами 150 аулов киргиз дюрткаринцев и чумекеевцев» (арх. Тург. обл. правл. № 29826). В зиму 1850—51 гг. кокандцы три раза нападали на подвластных нам киргизов, кочевавших в Кара-Кумах, и отбивали скот. В последний раз

края граф Перовский вынужден был двинуться с отрядом на крепость Ак-Мечеть, которая и была взята штурмом 23 июля 1853 г. и переименована затем в форт Перовский (ныне г. Перовск). Попытки кокандцев отбить эту крепость принудили наше правительство стать твердою ногою на р. Сыр-Дарье, для чего потребовалось возвести вдоль нижнего течения этой реки форты № 1 (ныне г. Казалинск) и № 2 (Кармакчи).

кокандцы, в числе 750 человек, при 2-х знаменах, напали на 150 аулов киргизов дюрткаринского и чумекеевского родов в 1851 г. и грабили в течение трех дней 11, 12 и 13 февраля, причем отбили и угнали в свои владения весь скот: 1 900 верблюдов, 2 500 лошадей и 70 600 баранов. После этого грабежа киргизы, как доносил и. д. чиновника для производства следствий в степи Лукин от 24 февраля 1851 г. за № 22, упали духом и роптали, что нет им защиты от нападений и грабежей кокандцев. Из собранных сведений выяснилось, что в зиму 1850—51 гг. бек Акмечети собрал с киргизов зякет (подать) в следующем размере: с каждой кибитки по 1 барану и сверх того с каждых 40—100 баранов также по 1 барану и с каждой *кары* (стадо одного или нескольких хозяев) по 32 барана. Не довольствуясь этим, он послал войско для грабежей на пополнение каких-то экстренных своих нужд. О намерениях бека производить сборы с киргизов никто никогда не знал, да и сам он не мог предвидеть заранее своих потребностей. Султан-правитель восточной части Малой орды от 25 мая 1851 г. за № 1064 так доносил об этом Оренбургской пограничной комиссии: «Бек акмечетский заблаговременно не знает, что такого-то отделения или рода киргизов будет он грабить или нет, потому что всякое действие его зависит от внезапного приказания Ташкентского кушбегия, или нужды его самого в деньгах. Например: акмечетский бек, когда чувствует нужду в деньгах, для пополнения требуемого от него ташкентским кубегием приношения, то тотчас посылает всегда готовую свою шайку на грабеж на известные места кочевок киргизов и подобным образом (за что акмечетский бек не отвечает ни в каком случае своему начальству, если только чрез то доставит «исправно требуемые от него приношения монетами) всегда удовлетворяет всю свою нужду».

«Беки», поставленные в крепостях для управления и подведомственные кокандскому хану, чрез каждые два или три года сменяются им и остаются только те, кои находятся с ним в родственных связях, или кои посылают значительные подарки, превышающие его ожидания. (рапорт попечителя прилинейних киргизов Первухина от 15 мая 1851 г. за № 208).

Само собою разумеется, что при таких условиях честь и достоинство России требовали, для ограждения своих подданных от постоянного разорения кокандскими войсками, занять укрепления по Сыр-Дарье и поставить там гарнизоны, способные оказывать защиту киргизам.

Мы нарочно остановились только на одном из многочисленных примеров возмутительного образа действий кокандцев по отношению к киргизам, чтобы показать, насколько были основательно побуждения нашего миролюбивого вообще правительства для поступательного движения в глубь Средней Азии, населенной тогда беспокойными и хищными народами.

В 1860 г., вследствие новых вторжений кокандцев в наши пределы, были разрушены кокандские укрепления Пишпек и Токмак. Это послужило поводом к объявлению кокандцами священной войны (газават), но многочисленные скопища кокандцев вскоре были разбиты и рассеяны нашими отрядами вдоль Алатау, в то же время были устроены укрепления Пишпек и Токмак (ныне уездные города).

Однако ж за всем тем между укреплениями по р. Сыр-Дарье и по Алатау оставалось значительное свободное пространство, служившее беспокойным кокандцам доступом в наши владения для хищнических набегов.

Чтобы защитить киргизов от постоянных набегов кокандцев, в 1864—1866 гг. были посланы отряды войск для занятия кокандских укреплений, расположенных между крайними пунктами нашей линии со стороны Семиречья и Сыр-Дарьи. В 1864 г. последовательно были взяты: крепость Аулие-Ата (ныне уездный город) — 5 июня, г. Туркестан — 12 июня и город Чимкент — 20 июля. 17 мая 1865 г., после трехдневного штурма, был взят г. Ташкент, а в 1866 году занят и г. Ходжент.

В 1867 году из вновь присоединенных земель и части Семипалатинской области было образовано Туркестанское генерал-губернаторство в составе двух областей, названных *Семиреченскою и Сыр-Дарьинскою.*

Во владении Кокандского ханства оставалась еще Ферганская долина, но в самом ханстве происходили внутренние смуты и образовалась партия, враждебная своему хану Худояру. Последний, однако же, встретил поддержку в лице эмира Бухары Мозаффара Эддина, враждовавшего с Кокандом и имевшего виды на Ташкент и другие крепости по Сыр-Дарье, присоединенные к России.

Мозаффар Эддин стал держаться вызывающего образа действий и по отношению к России. Он потребовал очищения занятой русскими территории и распорядился конфисковать имущество купцов, проживавших в Бухаре, а посланной для переговоров русской миссии было нанесено в Бухаре оскорбление. Это повело к окончательному разрыву с Россиею. 20 мая 1866 г. русский отряд под начальством генерала Романовского нанес бухарцам у Ирджара, на левом берегу Сыр-Дарьи, решительное поражение: вся армия эмира обратилась в бегство, оставив в руках русских богатую палатку эмира и

артиллерию, а сам эмир едва спасся бегством в Джизак. Этот погром страшно возбудил бухарцев, подстрекаемых муллами фанатиками, против эмира, которого обвиняли в поспешном бегстве с поля сражения и приписывали неудачу тайному соглашению с Россиею. Эмир решил бороться до последней крайности. Между тем в октябре 1866 г. русские взяли крепость Ура-Тюбе, а затем и Джизак. После этих побед туркестанским генерал-губернатором г.-а. Кауфманом были предложены Бухаре условия мира, но эмир, побуждаемый общественным мнением и в особенности фанатичным духовенством, затягивал переговоры и в то же время собирал войска для священной войны.

Продолжавшиеся набеги бухарских шаек на покоренную русскими территорию и ночное нападение на русский лагерь в Ключевом, под Джизаком, заставили русских 14 мая 1868 г. двинуться на Самарканд, и после совершенного поражения и бегства 40-тысячной бухарской армии этот город был занят русскими войсками. Затем была взята сильная крепость Катта-Курган, а 2 июня бухарцы потерпели окончательное поражение на Зербулакских высотах. Мозаффар Эддин вынужден был просить мира, и по договору 23 июня 1868 года Бухара уступила России Самаркандское, Катта-Курганское, Пенджакентское и Ургутское бекства. По дальнейшим условиям договора Бухарское ханство становилось в вассальную зависимость от России.

Из территории, отделенной от Бухары, образована новая область — Самаркандская.

За усмирением Бухары оставались еще в соседстве с русскими владениями маленькие, но беспокойные, с фанатичным населением государства: Хива, Коканд и Алай (кара-киргизы).

Хивинское ханство с давнего времени отличалось внутренними неурядицами. Там происходила частая смена ханов, которых иногда избирали из киргизских султанов, велась борьба партий и были грабежи и разбои. Еще в прошлом столетии народ, утомленный внутренними смутами, обращался к русскому правительству с просьбою о принятии под свое покровительство [1].

---

[1] В 1755 году приезжал в Оренбург из Хивы посланец и заявлял бывшему тогда губернатором Неплюеву, что их страна находится в бедственном положении и что узбеки и весь народ ненавидят своего хана Каипа и желают от него освободиться. Но когда Неплюев объяснил, что это дело их внутреннее и до него не касается, послан-

Но в то время была еще слишком свежа память о несчастном походе в Хиву князя Бековича-Черкасского в 1717 году. Да и киргизская степь, через которую нужно было добраться в хивинское ханство, расположенное в бассейне р. Аму-Дарьи, не была еще окончательно замирена.

Последующие события однако же показали, что Хива представляла из себя разбойничье гнездо, из которого шли возмутительные призывы к подвластным нам киргизам, где укрывались от преследования законных властей мятежники и грабители и куда сбывались в рабство русские люди, захваченные киргизами.

Такое положение не могло быть долго терпимо при всем старании нашего правительства оканчивать мирным путем все недоразумения, возникающие с соседними государствами. В 1839 году генерал-адъютантом Перовским был предпринят поход в Хиву, окончившийся, к сожалению, полною неудачею, так как вследствие необычайно суровой зимы русский отряд должен был вернуться с большими потерями, не достигнув и половины пути до Хивы.

Эта вторичная неудача еще более вселила уверенность в хивинцах в неприступности ханства. Хивинские ханы стали распространять свое влияние на подвластных нам киргизов, рассылали им фирманы [1] и распоряжались о сборе в свою пользу с киргизов зякета.

Долго тянулось это непозволительное вмешательство

ник объявил, что один духовный человек, которого они считают за святого, рассказал сон о том, что Хива будет покорена русскими войсками. Узбеки признали этот сон за откровение свыше и рассудили, чтобы им искать спасения от России, а потому приказали посланцу просить русской протекции (см. мою книгу «Сборник узаконений о киргизах степных областей». 1898 г., стр. 42, хронолог. указ).

[1] Как образчик отношений хивинского хана к нашим киргизам приводим один из фирманов хана: «Он! Слова победоносного Богадур хана Мухаммед-Аминя почтенным биям: Сапаку, Аллабергену, Байману, Джанычу, Нурджану, Менлибаю, Джулаю, Учану, Баймурзе и прочим почетным старейшим алимского и дюрткаринского родов высокое повеление: в сохранение магометанской веры прощаю все преступления ваши, и потому вы без всякого страха можете явиться к золотому порогу нашему для поклонения. Желающие выручить находящихся здесь пленных также могут прибыть с вами и дарованною нам по благости Божией царскою милостью будут облагодетельствованы и украшены. Дано сие милостивое писание 29 числа Рабигул-авваля в субботу». Приложена печать: Хорезмский шах Мухаммед-аминь, светило правосудия, настоящее величие. (Арх. Тург. обл. правл., д. № 23759, стр. 17 и 18).

хивинцев в наши внутренние дела. Наконец, когда обнаружилось, что хивинцы открыто возмущают против России подвластных ей киргизов, была сделана новая попытка прекратить это путем сношений с ханом. Но хан не признал нужным отвечать на обращенные к нему письма туркестанского генерал-губернатора Кауфмана.

После этого, в 1873 году, был предпринят поход в Хиву, и 29 мая того года, после многих трудностей, была взята русскими войсками столица ханства — Хива. Хан, бежавший было из своей столицы в степь к туркменам, явился с повинною к русским и в августе месяце подписал мирный договор, в силу которого уступил России часть своих земель при устье Аму-Дарьи и признал себя вассалом Российского государства.

В 1875 году в Кокандском ханстве среди населения возникло подстрекаемое и руководимое фанатичным духовенством брожение, враждебное России. Хан Худояр, не сочувствовавший этому брожению, должен был бежать, а провозглашенный на место его ханом Наср-Эддин (старший сын Худояра) объявил священную войну, и многочисленные шайки кокандцев вторглись в русские пределы, заняв верховья Зеравшана и окрестности Ходжента. 22 августа 1875 г. генерал-адъютант фон Кауфман разгромил кокандцев, потерявших более 2000 убитыми, и занял крепость Мохрам; 29 августа, двигаясь далее внутрь страны, он занял Коканд, а 8 сентября — Маргелан, 22 сентября с Наср-Эддином ханом был заключен мирный договор, в силу которого он, признавая себя слугою русского царя, уступал России все земли к северу от Нарына, из коих и был образован Наманганский отдел. С удалением из ханства русских войск в ханстве вспыхнуло восстание, отразившееся и в Наманганском отделе. Начальник отдела знаменитый Скобелев подавил восстание, но жители Намангана, воспользовавшись отсутствием начальника из города, атаковали гарнизон его, за что Скобелев, возвратившись из похода, подверг город бомбардировке. После этого Скобелев двинулся на Андижан и, после 3-дневного штурма, жители Андижана 10 января 1876 г. изъявили свою покорность. 28 того же января Наср-Эддин хан вновь сособрал партию, враждебную России, и при содействии фанатического духовенства, хотел предпринять враждебные действия против русских, но Скобелев 8 февраля занял Коканд, и 19 февраля 1876 года последовало высочайшее повеление о присоединении к России всей

территории Кокандского ханства и образовании из нее Ферганской области, в состав которой затем вошли и кара-киргизы, живущие на Алае, т. е. на высоком плато, образуемом двумя параллельными хребтами, замыкающими долину Ферганы с юга. Кара-киргизы были покорены Скобелевым летом 1876 года, и русское господство окончательно упрочилось во всем этом крае, составляющем ныне Туркестанское генерал-губернаторство.

Только в мае 1898 года кучка невежественных людей, проникнутых религиозным фанатизмом, решилась на безумный поступок броситься с криком «газават» на малочисленный, но сильный сознанием долга и преданный своему царю и отечеству гарнизон г. Андижана. Это была последняя безумная вспышка горсти фанатиков былого Кокандского ханства. Все туземное население края поспешило уже осудить безумцев, и своею преданностью государю старается загладить совершившееся прискорбное событие, которому мирное население нисколько не сочувствовало.

Из вышеизложенного видно, что восемь областей, в которых ныне вводится судебная реформа, образованы из земель следующих азиатских государств: *Акмолинская* и *Семипалатинская* — из земель Сибирского царства и Джунгарии, где поселены киргизы Средней орды и Сибирское казачье войско; *Семиреченская* — из земель частью Джунгарии и Кокандского ханства, на которых ныне живут киргизы Большой орды, таранчи и дунгане, немного джунгаров и казаки Семиреченского казачьего войска; *Уральская* — из земель бывшего Яицкого, ныне Уральского казачьего войска и киргизов Малой орды; *Тургайская* — из земель киргизов Малой и частью Средней орд; *Сыр-Дарьинская* — из земель Кокандского и Хивинского ханств и части киргизов Малой орды; *Самаркандская* — из земель Бухарского ханства и *Ферганская* — из остатков Кокандского ханства и земель Алая — бывшего владения кара-киргизов.

Области: Акмолинская, Семипалатинская, Уральская и Тургайская состоят в ведении Министерства внутренних дел, причем первые две входят в состав Степного генерал-губернаторства, а остальные две подчиняются Министерству непосредственно. Области: Семиреченская, Сыр-Дарьинская, Самаркандская и Ферганская состоят в ведении Военного министерства и входят в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

Изложив кратко историю присоединения к Российско-

му государству этих обширных азиатских окраин, постараемся познакомить читателей с историей постепенного введения в этом крае русского суда.

II

Обычное право и суд у киргизов, в период ханского владычества. Легенда о суде без присяги. Разбор дел между русскими и киргизами. Уголовные наказания киргиз. Казненный по ошибке. Неистовства киргиз и меры к усмирению их. Убийство хана Абулхаира. Применение ккиргизам баранты. Расправа с беглыми башкирцами. Дело казака Алимова. Следствия об убийствах. Заложники. Выкуп пленных. Учреждение пограничныхных судов в городах и крепостях и расправ в степи. Упразднение этих учреждений и образование пограничной комиссии в Оренбурге. Устав о сибирских киргизах. Упразднение ханской власти. Султаны правители.

Адат, или обычное право киргизов, в прежнее время отличалось замечательною простотою, соответствующею простоте и патриархальности их быта. В настоящее время, вследствие долгого пребывания киргизов в зависимости от разных государств, близкого общения с оседлыми жителями, влияния магометанства, развития ростовщичества и вообще изменения экономических условий, обычное право подверглось таким изменениям, что от прежнего адата остаются чуть заметные следы, перепутанные разными наслоениями. Народный обычай киргиз теперь напоминает прежние наши архивы законов и указов, лишенные всякой систематизации и долгое время, до издания сводов законов, служившие источником наживы разных крючкотворов подъячих и источником бед и несчастий для тяжущихся сторон.

По преданию, умный и энергичный хан Тяука (Тауке.— Прим. ред.), повелевавший всеми тремя ордами киргиз в конце XVII и начала XVIII столетий, на народном собрании, с согласия родоначальников и старейшин. установил законы для решения всех споров, тяжб и для наложения взысканий за преступления и проступки.

Законы эти ни тогда, ни позже не были записаны, но хранителями их, истолкователями и проводниками в сознание народа являлись умудренные опытом и пользовавшиеся всеобщим уважением и известностью *бии.* С течением времени законы эти вошли в обычай и в устной передаче от одного бия к другому долгое время сохранялись во всей чистоте. Биев в ордах было тогда немного, и судили они всенародно, по совести, нелицеприятно, не рассчитывая на бийлык и подарки. Решения биев

могли отменяться только одним ханом, по разборе дела им самим лично, при участии ближайших советников.

Просты были тогда и взаимоотношения людей. Система наказаний основывалась на праве возмездия. За убийство следовало лишать жизни убийцу, за нанесение ран и увечий подвергать тому же виновных (око за око, зуб за зуб), за оскорбление словом или действием налагался *аип* (штраф) сообразно положению в обществе оскорбленного. Виновные в краже обязаны были, сверх вознаграждения потерпевшего, уплатить значительный штраф. За оскорбление чести женщины виновный подвергался штрафу в известном размере, смотря по тому, замужняя или девица была оскорбленная и т. д.

Суровость наказаний за убийство и членовредительство смягчалась разрешением уплачивать кун, или выкуп крови. Так, за убийство мужчин налагался полный кун в 100 баранов, по уплате которого виновный освобождался от всякого наказания. За убийство женщины взыскивалось полкуна, за выбитие глаза, сломание руки или ноги взыскивались соответствующие, строго определенные части куна. Имущественная ответственность падала на виновных и их родовичей.

Права семейственные строго регулировались обычаем, нарушения которого влекли за собою более или менее чувствительные штрафы и взыскания.

Суд производился скоро, без всяких формальностей, и дела решались словесно, по внутреннему убеждению опытных биев. Разбирательство дел, в которых были заинтересованы разные роды, производилось при большом стечении народа, преимущественно во время поминок.

Обычному праву киргиз тогда не были известны тюрьмы, гауптвахты и общественные работы, но личные наказания, к которым иногда прибегали бии, родоначальники и ханы, производили устрашающее действие не своею тяжестью и продолжительностью, а лишь посрамлением виновных в глазах народа. Например, в некоторых случаях назначалось *мирман тохта* (запрещение уходить) в такой форме: очерчивался на земле круг, в средину которого должен был сесть виновный и оставаться в таком положении при народе в течение нескольких часов или даже целых суток. Иногда виновный подвергался *дре,* т. е. публичному наказанию нагайкой без обнажения тела.

Выше было замечено, что дела решались опытными

и уважаемыми в народе биями, а потому, хотя обычным правом точно и определенно были указаны случаи и порядок назначения присяги в подтверждение обвинения или для оправдания обвиняемых, но прежние бии в очень редких случаях прибегали к назначению присяги. В народе сложилась пословица: жаман би жанга салар, т. е. плохой судья, решающий дело присягой [1].

---

[1] О суде без присяги у киргиз сохраняется следующее предание, которое можно слышать от стариков. Давно, очень давно в степи жил некто Байбатукты-ожи, слывший в народе за святого. Он не имел жилища, а бродил вдали от людей по горам, долинам, близ рек и озер. Однажды он заметил, что три лебедя каждый день купаются в одном озере, превращаясь при этом в красивых девиц. Байбатукты-ожи как-то во время купанья этих лебедей-девиц похитил одежду одной из них, оставленную на берегу. Девица заметила это, догнала похитителя и схватилась за свою одежду, силясь отнять ее. Но Байбатукты-ожи схватил девицу за волосы, и хотя она, превратившись в лебедя, три раза пыталась улететь в небо, но не могла этого сделать. Тогда, превратившись в девицу, она заявила Байбатукты-ожи, что она дочь пери (духа) и дает согласие быть его женою, с тем чтобы Байбатукты исполнил следующие условия: никогда не смотрел бы на нее, когда она расчесывает свои волосы, когда лежит на постели, не смотрел бы ей в бок, иначе увидит легкие, и не глядел бы на ее пятки. Байбатукты обещал исполнить это и вскоре же поставил кибитку на берегу одной реки, где они стали жить вместе. Однажды, когда жена Байбатукты была уже беременна, он не мог сдержать свое любопытство и тайно посмотрел, что его жена, расчесывая волосы, положила голову на стол, что из боку ее виднеются легкие и что ноги у нее без пяток. Но жена узнала, что Байбатукты не исполнил своего обещания, и объявила ему, что не будет более его женою. Сказав это, она превратилась в лебедя и улетела, но предупредила Байбатукты, что, когда ребенок родится, он будет оставлен в том месте, где соединяются девять дорог; там можно будет его и взять.

Действительно, спустя известный период времени, Байбатукты-ожи нашел своего ребенка в безлюдной местности, на пункте соединения девяти дорог, но, не имея возможности воспитывать ребенка, оставил его на одной дороге, ведущей к населенному месту, рассчитывая, что кто-нибудь найдет ребенка и будет воспитывать. Расчеты Байбатукты оправдались, и ребенок попал в семью пастуха, состоящую из старика и старухи его жены. Старики назвали ребенка именем Едиге, стали воспитывать его и очень любили. Едиге подрос, возмужал и стал пасти скот вместо своего воспитателя.

Однажды два человека заспорили из-за зайца. К хану за разрешением спора идти далеко, а потому они и просили молодого пастуха Едиге решить по совести их спор. Сущность спора заключалась в следующем. Один человек, увидев сидящего на месте зайца, побежал домой за ружьем, а в это время другой, имевший при себе ружье, убил зайца и хотел им воспользоваться как своею добычею. Едиге спросил первого, имеет ли он ребенка в люльке и, получив утвердительный ответ, велел принести ребенка вместе с люлькою. Когда это было исполнено, Едиге объявил, что он поставит убитого зайца на люльку, в которой находится ребенок, и один из

Но при всей доступности, простоте и справедливости прежнего суда биев во время ханского владычества суд этот не мог охранять личной и имущественной неприкосновенности населения. Дело в том, что как бы ни были хорошо установлены нормы общежития, как бы правосудно ни решались дела, но если решения не будут приводиться в исполнение и обиженные не получат удовлетворения, то значение суда сведется к нулю и население будет вынуждено обращаться к самоуправству. В киргизских ордах при ханском управлении, когда грубая физическая сила заменяла собою право, только сильные роды получали удовлетворение по своим искам и претензиям. Обиженные из малочисленных родов не

споривших, именно отец ребенка, должен выстрелить в зайца на известном расстоянии. Если попадет в зайца, то он будет его, а если убьет своего ребенка, то не получит куна. Споривше согласились на это решение, и заяц достался отцу ребенка, произведшему удачный выстрел.

В другой день в Едиге пришли два споривших о принадлежности 2-летнего верблюда. Каждый из споривших признавал верблюда своим, утверждая, что у каждого имеется по верблюдице, от которой рожден спорный верблюд. Едиге приказал привести верблюдиц и оставить на другой стороне реки, и когда было это исполнено, он велел спорного верблюда затянуть веревками и мучить до тех пор, пока верблюд не закричит. Действительно, вскоре верблюд от мучений закричал сильно и жалобно, так что крик его напоминал крик маленького верблюжонка (бота). Тогда одна из верблюдиц, бывших на другой стороне реки, бросилась в реку и прибежала к кричавшему верблюду, при чем из вымя ее потекло молоко. Едиге велел отдать спорного верблюда хозяину прибежавшей на крик верблюдицы.

После того, как слава о мудрых решениях Едиге распространилась, к нему однажды явились две женщины, споривше о принадлежности каждой из них ребенка. Выслушав доводы споривших женщин и так как доказательства обеих сторон были одинаковы, он взял ребенка и поднял саблю, чтобы разрубить его пополам и отдать каждой женщине по половине. Но в это время одна из женщин, объятая ужасом, воскликнула: «Пусть будет жив мой милый, в чьих бы руках он ни был. Я согласна отдать ребенка своей противнице». Тогда Едиге присудил ребенка этой именно женщине, которая, сжалившись над участью его, была, несомненно, его матерью.

Много еще решал споров Едиге, и слухи о его справедливых решениях достигли хана Тохтамыша, который взял Едиге к себе и усыновил. Едиге получил прозвище «Ер-Едиге», и ему первому, рожденному от брака святого с дочерью пери, принадлежит часть введения у степных народов суда без присяги. (Записано в Актюбинском уезде Тург. обл. со слов киргиза Тыныштакбая Байбулатова).

Теперь уже опять не стало в степи суда без присяги, и нынешние судьи не стыдятся народной поговорки «Жаман бий жанга салар». Народ ожидает появления нового Ер-Едиге в лице мудрых и образованных судебных деятелей.

могли рассчитывать на удовлетворение и волей-неволей организовали шайки для нападений на обидчиков и самоудовлетворения.

Подвергавшиеся нападению, в свою очередь, таким же путем возвращали захваченный у них скот. Отсюда возникла между родами и отделениями постоянная баранта, разраставшаяся по мере увеличения числа враждовавших, к которым присоединялись сочувствовавшие из любви к набегам или по родству. Разрастаясь, баранта увлекала целые орды, которые выступали в качестве борющихся сторон. Такая междоусобная борьба, сопровождавшаяся убийствами и отгоном скота, ослабляла силы народа и отвлекала внимание его правителей от внешних опасностей. Этим обстоятельством пользовались соседние народы: башкиры, зюнгары и калмыки — и не упускали случая, чтобы напасть на разрозненных внутреннею враждою киргиз и покорить их себе или разграбить дотла.

По принятии русского подданства киргизы были защищены, насколько позволяли обстоятельства, от нападений со стороны внешних врагов, но суд, распарава и внутреннее управление в ордах долгое время были предоставлены самим киргизам, вследствие чего баранта не прекращалась до введения русского управления в степи.

По присоединении киргизов к России в 1731 году по принесении ими верноподданнических присяг, главными заботами нашего правительства было принятие мер к ограждению русских поселений от нападений со стороны новых подданных. На пограничной с киргизскою степью линии возводились крепости и форпосты и между ними ставились пикеты для отражения время от времени повторявшихся набегов киргиз. Ханам и старшинам киргизским делались увещания о прекращении набегов и о возврате плененных русских людей.

Само собою разумеется, что при подобных условиях нельзя было и думать о водворении правосудия в киргизской степи.

Но в пограничных крепостях постепенно открывался меновой торг русских с киргизами и поэтому являлась надобность в разборе возникавших между ними споров, претензий.

Так, в 1738 году, после торжественного принятия ханом Абулхаиром и старшинами присяги на подданство, в Оренбурге были определены два старшины (один от

Малой, другой от Средней орды) для участия в разборе дел между русскими и киргизами.

Так как набеги киргиз на русские поселения постоянно повторялись и отрядами войск иногда были захватываемы виновные, то указом Правительствующего Сената от 3 апреля 1744 г. за № 233 было постановлено: киргиз-кайсаков, виновных в смертоубийстве, воровствах и набегах на жилища русских, ссылать в работы: из Оренбурга в Рогорвик, а из Сибири — в Нерчинские серебряные заводы. Убийц смертной казни не подвергать, а входить с представлением в Сенат с приложением мнения Коллегии иностранных дел.

Тем не менее случаи присуждения к смертной казни не за убийства повторялись и позже издания этого указа. В 1746 г. в Тобольске содержались в тюрьме два киргиза, из коих один, Бай-джигит Джаулебаев, за отгон лошадей был приговорен к повешению. Но когда султан Средней орды Аблай обратился к просьбою о выдаче ему этих двух киргиз, выяснилось, что вместо Бай-джигита Джаулебаева был повешен, по ошибке поручика Саввы Меньшикова и толмача Фомы Девятияровского, другой колодник — калмык Календырь [1].

Дальнейшие события показали, что страх пред уголовными наказаниями не останавливал киргиз от буйных набегов на русские поселения и на состоявших в русском подданстве волжских калмыков, а также от разграбления торговых караванов. Открытое нападение киргиз на редуты по Оренбургской линии, с уводом в плен и убийством многих русских людей, поставило в затруднение наше правительство. Оренбургский губернатор Неплюев в 1747 г. доносил, что хан Абулхаир, питая на него явную злобу, посланных им казаков и переводчика держит под караулом, грабит, а переводчика бил плетьми и киргиз подговаривает к набегу на волжских калмы-

[1] Из нападений киргиз на волжских калмыков особенно значительны были в 1743 и 1746 гг. В первый раз киргизы напали у Красного Яра около русской ватаги и взяли в плен 100 человек обоего пола, а во второй раз также под Красным Яром «многое число» калмыков и русских. Набеги эти объяснялись отгоном скота калмыками у киргизов, но наше правительство находило объяснение это неправдоподобным, так как виновные в воровстве калмыки строго наказывались наместником ханства Дондуком-Доши: ворам ломали руки и ноги и выжигали на лбу клейма раскаленным железом. Тогда как киргизы оставались безнаказанными. (См. мою книгу «Сборник узаконений о киргизах степных областей 1898 г., стр. 14 и 18 хронолог. перечня).

ков. Коллегия иностранных дел сомневалась уже в пользе от такого подданства киргиз и 10 апреля 1747 г. за № 220 затребовала мнение оренбургского губернатора о том: не полезнее ли будет для наших интересов предоставить на волю калмыкам, яицким казакам, башкирам, мещерякам и обитающим в Сибири инородцам и русским расправляться самим с киргизами и отогнать их от русской границы вдаль, но Неплюев предлагал другую меру, а именно при первой же попытке киргиз к набегам «вырубить» один или два киргизских аула «до самого младенца» и тем устрашить их, и хотя при этом нельзя будет отличить правых от виновных, но других средств освободиться от «беспокойств», причиняемых киргизами, по мнению Неплюева, не было. В это же время от хана Абулхаира поступила жалоба и на самого Неплюева о том, что он его, хана, сравнительно с другими унижает и не дает движения просьбам его. Коллегия, однако ж, не разрешила поголовного истребления киргизских аулов, а усматривая, что многие неустройства в крае происходят вследствие взаимных неудовольствий хана с губернатором, распорядилась командировать в Оренбург пользовавшегося большим доверием среди киргизов бригадира Тевкелева (содействовавшего вступлению киргиз в русское подданство), которому было поручено постараться привести к соглашению хана Абулхаира с Неплюевым и по общему совету выработать меры к водворению в крае спокойствия.

Прежде чем Тевкелев мог приступить к выполнению возложенного на него поручения, произошло событие, изменившее все первоначальные предположения. Во время междоусобных распрей киргиз, в конце 1748 года, был убит хан Абулхаир султаном Бараком, который затем, опасаясь мести со стороны сыновей убитого, бежал со своими приверженцами в числе 3 000 кибиток к границам Джунгарии и просил защиты от владельца этой землицы. 13 апреля 1749 г. был утвержден ханом сын Абулхаира — Нурали, обратившийся с просьбою о даче ему русских войск для отомщения султану Бараку за убийство отца. Но правительство не находило нужным удовлетворить эту просьбу нового хана, признавая, что за одним человеком гоняться с войском по степям «яко за ветром» не пристойно. Если бы хан захотел бы истребить Барака чрез своих киргиз, то предписывалось губернатору в это дело не вмешиваться и смотреть «сквозь перстов», чтобы не дать повода к огорчению хана.

Очевидно, правительство не имело никакой возможности ввести порядок и спокойствие в степи, когда такое крупное преступление, как убийство хана, утвержденного в этом звании высочайшею властью, было предоставлено расправе самих киргиз. Естественно, что подобная расправа с убийцей, имевшим многочисленных приверженцев, не могла содействовать водворению спокойствия среди кочевников.

Вступив в сношения с ханом Нурали, бригадир Тевкелев, по соглашению с оренбургским губернатором Неплюевым, остановился на следующих, одобренных Коллегиею иностранных дел мерах усмирения киргиз от набегов: 1) хану Нурали назначить ежегодное жалованье [1], выдачу которого прекращать в том случае, если хан не донесет о намерении своих подвластных сделать нападение и 2) если киргизами будут увезены в плен русские или произведен отгон скота или грабеж, то применять баранту, т. е. задерживать киргиз из тех аулов, к которым принадлежат грабители. В то же время, согласно ходатайству хана Нурали, было разрешено оренбургскому губернатору весною 1750 г. применить к киргизам баранту для освобождения захваченных в разное время в плен русских людей.

28 июня 1753 г. был издан указ об установлении наказаний за преступления русских и киргиз в крепостях по сибирской линии. Киргизов за воровство повелевалось наказывать «кошками», а за «продерзости с ножом»— бить кнутом. Русских, виновных в таких же проступках против киргиз, подвергать таким же наказаниям по «самой справедливости и в равной мере».

Но через два года после издания этого указа Коллегия иностранных дел уже затруднялась применить его к поступку сына батыра Куляки, позволившего себе оказать сопротивление казакам и драгунам, посланным для удаления киргиз с внутренней стороны р. Иртыша на степную. В происшедшей при этом между киргизами и войсками схватке многим казакам и драгунам были нанесены побои с проломлением голов и увечьем. Коллегия

[1] Хану Нурали было назначено жалованье по 600 руб в год. Но так как хан, по древнему обычаю киргиз, должен был делиться жалованьем с старшинами, то решено было в указе обозначить размер жалованья только 400 руб., а остальные 200 руб выдавать хану секретно от старшин. Это показывает, что ханы у киргизов не пользовались верховными правами государя, а разделяли свою власть с старшинами и родоначальниками.

распорядилась задержанного сына Куляки батыра подвергнуть наказанию по усмотрению киргизских старшин, а в случае отказа последних предоставила губернатору Неплюеву наказать виновного по своему усмотрению.

В 1754 году мещеряк Батырша Алеев, пользуясь существовавшим в Башкирии недовольством правительственными мероприятиями, разослал по своему магометанскому востоку воззвание о восстании против России, и в следующем году шайки башкиров перешли в киргизскую степь, где должны были соединиться все мятежники и привлечь на свою сторону киргиз и других кочевников. За вооруженными шайками пришли в степь, опасаясь преследования русских войск, жены и дети башкиров, всего до 50 000 душ обоего пола. Восстание могло принять огромные размеры и, может быть, при другом образе действий правительства, России грозило новое нашествие бесчисленных орд и самые прискорбные последствия. Но сознавая, что преследование мятежников вооруженною силою в пустынной степи не только не принесло бы никакой пользы, а, напротив, могло озлобить киргиз и вызвать среди них бунт, Коллегия иностранных дел, согласно представлению оренбургского губернатора Неплюева, распорядилась объвить киргизам, что за каждого выданного ими башкира будет даваться в награду по кафтану», «ибо,— как говорилось в указе,— теперь дело до того дошло, что и на убыток невзпрая стараться надобно о получении оных злодеев башкирцев назад». В то же время последовала высочайшая грамота на имя хана Нурали, старшин и всего киргиз-кайсацкого народа с требованием о выдаче беглых башкиров, причем объявлялось всемилостивейшее пожалование киргизам жен, детей, скота и имущества беглых башкир.

Меры эти и последовавшее затем разрешение бригадиру Тевкелеву действовать на киргиз увещаниями, ласками, подарками и «трактованием» казенною пищею, водкою и вином, оказались очень действительными, и выдача башкир киргизами производилась успешно.

Таким образом было предотвращено восстание киргиз и других среднеазиатских народов, которое в то время создало бы очень большие затруднения.

Из судебных дел тогдашнего времени обращают на себя внимание дела по поводу отдельных столкновений киргиз с казаками. Способ разбирательства и решения этих дел имеет характерный оттенок общей политики,

которой придерживалось местное начальство иногда в ущерб справедливости.

Зимою 1758—9 гг. киргизы, кочевавшие по Яику, делали несколько раз нападения на проезжих русских людей и вступали в кровопролитные драки с казаками. Такое нападение было произведено, между прочим, на возвращавшегося с рыбного промысла казака Алимова с 10-летним сыном. Киргиз бюрючского рода Хабитов, желая отнять мальчика у Алимова, бил последнего «чеканом» так, что Алимов в беспамятстве упал. Придя в себя, Алимов увидел, что киргиз гоняется за мальчиком, стараясь поймать его, а потому закричал на киргиза. Киргиз вновь стал бить Алимова чеканом, но Алимову как-то удалось свалить киргиза и вырвать чекан, которым затем сын Алимова три раза ударил киргиза острым концом и тем привел разбойника в бессознательное состояние. После этого киргиз был взят и отведен в Сорочикскую крепость, где через 4 дня и умер. Отец этого киргиза, собрав шайку в 100 человек, отогнал весь рогатый скот, принадлежащий жителям крепости, но по требованию хана Нурали должен был возвратить, надеясь получить удовлетворение за «кровь» убитого по киргизскому обычаю.

Разбиравший это дело бригадир Тевкелев признал, что казак Алимов, убивая поваленного на землю киргиза, вышел за пределы дозволенной обороны, почему и распорядился заковать Алимова и доставить вместе с сыном в Оренбург для суждения на основании 157 ст. воинского артикула, а хану Нурали, для успокоения родных убитого, объявил, что виновные отданы под суд.

Получив об этом донесение Тевкелева, Коллегия иностранных дел не согласилась с взглядом бригадира на это дело. Она признала, что если бы казак Алимов убил на месте киргиза Хабатова как злодея и зачинщика, то никакого «истязания» не заслуживал и что хану Нурали следовало указать, что в этом деле усматривается лишь несчастное приключение с казаком, происшедшее вследствие злодейского поступка киргиза. Отнесясь с «особливым неудовольствием» к распоряжению Тевкелева, Коллегия указом от марта 1759 г. за № 222 предписала ему немедленно освободить из-под стражи казака Алимова с сыном, а хану Нурали объявить, что Алимовы по суду оправданы как вынужденные защищаться от нападавшего на них киргиза, который, если бы остался жив, подлежал ссылке навечно в каторжные работы.

Если же хан, основываясь на обещании Тевкелева, будет упорно требовать «сатисфакцию» в виде платы за кровь, то предоставлено Тевкелеву «удовольствовать кого следует из собственного своего кошта».

Но, очевидно, указ этот получился в Оренбурге слишком поздно, так как из другого указа Коллегии от 25 мая 1759 г. за № 441 усматривается, что бригадир Тевкелев распорядился наказать плетьми казака Алимова, виновного, по его мнению, в убийстве киргиза, почему Коллегия приказала Тевкелеву, не ожидая «челобитья» от Алимова, уплатить ему за «бесчестье» вчетверо.

Одновременно с делом Алимова возникло другое дело о столкновении киргизов с казаками. Казаки, за потраву у них киргизским скотом сена, задержали 2 верблюдов, пойманных на потраве, а киргизы после этого захватили 2 казаков и 3 лошадей. На выручку захваченных людей и лошадей выезжал есаул Камцов с 36 казаками, но был встречен киргизами в числе 50 человек мужчин и женщин. По словам казаков, они потеряли в битве с киргизами I убитого и 5 раненых, а у киргиз было 2 убитых и 9 раненых (из коих 2 вскоре умерли). Вследствие жалобы киргиз бригадир Тевкелев распорядился об этом событии произвести следствие, но хан Нурали, опасаясь волнений в народе, требовал немедленного наказания казаков при родственниках убитых киргиз. Тевкелев, по соглашению с начальником местных войск бригадиром князем Путятиным, желая доставить скорейшее удовольствие киргизам, распорядился подвергнуть казаков, виновных в нападении на киргиз, «нещадному» наказанию плетьми при хане Нурали и киргизах, а затем продолжать начатое следствие. Коллегия иностранных дел в указе от 25 мая 1759 г. за № 441, как и следовало ожидать, нашла такое распоряжение неправильным, так как наказывать казаков в угоду киргизам и затем продолжать следствие, при производстве которого могла обнаружиться и невиновность наказанных — не было никакого основания. Коллегия высказала при этом свой взгляд, что спокойствия степных народов можно достигнуть только строгою справедливостью, а не введением таких «новостей», как предварительное наказание казаков при киргизах, что может дать последним повод требований такой расправы и в будущем.

Хан Нурали и хан Айчувак сделали заявление оренбургскому губернатору Давыдову, что в сентябре месяце 1760 г. башкиры в числе 200 человек, бывшие в каче-

стве рабочих при директоре оренбургской таможни Тимашеве, производившем розыски медной руды для заводов графа А. И. Шувалова, убили ханского племянника Мамбет-Али и бывших с ним 19 киргизов. Об этом было доведено до сведения Правительствующего Сената, который секретным указом от 24 января 1761 г. за № 14 приказал произвести об этом событии строжайшее следствие и все дело предоставить в сенат с курьером, а хану объявить, что виновные башкиры, по исследовании дела, будут подвергнуты жесточайшему наказанию. Коллегия иностранных дел, с своей стороны, ввиду важности события и могущего произойти от безнаказанности убийц «разврата» в киргизском народе, предписала искусным образом разведать в башкирских деревнях, посредством денежных выдач, причем выразила надежду, что благодаря деньгам виновные скорее будут обнаружены. В то же время была послана от 15 февраля 1761 г. высочайшая грамота на имя хана Нурали, старшин и всего киргиз-кайсацкого народа с изложением, что государыня императрица, с крайним неудовольствием узнав об этом печальном событии, приказала строжайше исследовать дело и хану доставить справедливую «сатисфакцию», но для успехов розысков нужны доказательства и со стороны киргизов. В заключение внушалось хану, что он во всяком случае должен поддерживать порядок и спокойствие в народе. Но розыски убийц султана Мамбет-Али не приводили ни к каким результатам. По допросам команды и башкир, бывших при Тимашеве, следов происшествия не обнаружено, и администрация признавала неудобным производить дальнейшие розыски, опасаясь возможности нового со стороны башкиров «замешания»[1]. Оренбургский губернатор доносил Сенату, что факт убийства Мамбет-Али может быть выдуман киргизами по злобе на башкир, однако Сенат указом от 10 марта 1761 года № 50 требовал продолжения розысков через командируемых в Башкирию людей и посредством денежных выдач, каковая мера признавалась более действительною, чем обыкновенные следствия. Тем не менее убийство ханского племянника Мамбет-Али так и осталось не обнаруженным, и это обстоятельство имело своим последствием, как заявлял губернатор Давыдов в своем прошении об отставке, что хан и киргизские начальники

[1] Так в XVIII столетии на официальном языке назывался бунт башкир.

питали на губернатора неудовольствие и делали ему «конфузии» просьбами о назначении на его место Тевкелева или другого генерала.

Но одним неудовольствием и «конфузиями» губернатору киргизы не ограничились. Они стали нападать на русских и даже на малочисленные отряды. В 1861 г. между Верхне-Кизильским редутом и Березовым форпостом напали на пикет, убили одного драгуна, а 2 драгун захватили в плен. Правительство надеялось прекратить нападения киргиз задержанием лучших их людей впредь до освобождения русских пленных. Но при исполнении этой меры трудно было брать заложников из тех именно родов, к которым принадлежали грабители и разбойники. Взятие заложников из других родов только озлобляло киргиз и вызывало новые набеги на русские поселения и торговые караваны. Так, в 1765 г. было ограблено киргизами три бухарских каравана, из которых в одном находилось 140 п. 20 ф. ляпис-лазури, и ограбление было произведено в отмщение за задержание в Оренбурге 6 человек киргиз. Высочайшим указом от 4 июля 1765 г. за № 619 предписывалось задерживать в виде заложников киргиз из тех родов, к которым принадлежат грабители.

Но эти меры оказывались недействительными. Возвратившийся из Персии в 1766 г. командированный туда для разведок об афганцах капитан Богдан Асланов доносил, что он видел в Хиве и Бухаре до 200 человек русских пленных, которые объясняли, что они были захвачены близ Оренбурга киргизами при откочевке от менового двора и проданы в рабство бухарцам и хивинцам.

Во время пугачевского бунта киргизы воспользовались паникою и беспорядком в поволжском крае. Они пробрались до Казани и всюду, пользуясь замешательством, грабили население и увозили русских в плен целыми сотнями. В католических колониях около Саратова ими, между прочим, был захвачен патер францисканского ордена Иоган Дедукл. Из представленной в Сенат астраханским губернатором Якобием «челобитной»[1] на-

[1] «Челобитная» эта была доставлена Якобию 6 чел. русскими, бывшими в плену и выкупленными. В «челобитной» так описывается положение пленных: «Разлучившись мужья от жен, жены от мужей, малолетние от отцов и матерей... Имеют бусурмане у себя в услужении по два, по три, а иные по семи и по десяти, в таком содержании содержат, что мужской пол ни денно, ни нощно роздыху не имеет, а о женском поле надругательство причиняют и изъ-

ходившихся в Хиве и Бухаре пленных усматривалось, что число проданных киргизами в рабство русских людей доходило в то время до 5000 душ; тут были: офицеры и чиновники, волжские колонисты, поляки, крепостные и государственные крестьяне, чуваши, мордва и черемисы. Обсуждая меры к освобождению русских невольников из рабства, астраханский и оренбургский губернаторы находили, что ни сношения с киргизским ханом и старшинами об освобождении пленных и ни задержание заложников из киргиз не приводят ни к каким положительным результатам. Оба губернатора пришли к заключению, что единственным способом к освобождению томившихся в рабстве русских следует признать выкуп пленных за деньги. Сенат одобрил эту меру и испросил высочайшее разрешение на ежегодное ассигнование по 6000 руб. для выкупа пленных с уплатою за каждого по 150 руб. и более, смотря по обстоятельствам.

Выкуп пленных на средства казны действительно оказался радикальною мерою. Много русских было освобождено из рабства, хотя многие и сложили свои головы на дальней чужбине, так как ассигнованных на выкуп средств недоставало для освобождения всех. К тому же уплата из казны денег за освобождение пленных породила новый вид торговли между русскими и азиатцами и торговли самой позорной, какую знает история, торговли живыми людьми. Русских людей захватывали киргизы уже не столько в бою или в виде мести за какую-нибудь несправедливость, а просто для наживы, как ценный товар. На этом позорном рынке появлялись посредники и крупные предприниматели, конкурировавшие между собою. Нельзя умолчать при этом, что в числе самых круп-

---

яснить не можно... Несчастливее же всего женский пол с малолетними детьми, так что малолетние совсем стали быть бусурманами.

Что же касается до купечества азиатского, то хотя которые и выкупают российских, токмо чтутся со взятием цены от Вашего Императорского Величества из казны или от родственников вдвое и втрое, а наиболее того одного выкупя вывезет, а в обратный путь всякий азиатчении старается двух или трех украсть и свое в том с обеих сторон удовольствие над христианами получают.

Покусились же мы, пленные, чинить ретирады, но никоим способом выходить в Россию не могли, для того, что по большей части воры киргизы не пропускают, ловят и отводят по-прежнему к хозяевам с дачею им награждения, а те хозяева беглецов мучат, ругая, режут нос и уши и вынимают ножом из спины ремни и к воротам железными гвоздями приковывают.

ных предпринимателей по части торговли с русскими людьми бывали иногда и сами русские, хотя, к счастью, такие изуверы считались единицами.

Такие люди не заслуживают памяти о себе, но история и народные предания, при изложении известных событий, не могут избежать упоминания об именах, покрытых позорною славою Понтийского Пилата, Герострата, Атиллы и т. д.

Да простится и нам, что при описании одного из мрачных эпизодов прошлого той страны, где ныне уже водворяется суд правый, милостивый и равный для всех, приходится упомянуть об одном имени, покрытом проклятиями загубленных им людей, и тех, которые знают о позорной деятельности этого лица.

В тот период, когда правительство выкупало из неволи русских людей, в Оренбурге жил и быстро богател купец Зайчиков. Долго никто не мог узнать тайну его обогащения, но, наконец, обнаружилось, что Зайчиков занимался экспортом русских людей в Хиву и Бухару и от продажи их там в рабство выручал большие деньги. Делал он это очень просто: нанимал рабочих, посылал их в степь за Урал, а там нанятые Зайчиковым киргизы ловили рабочих и отправляли для продажи в Хиву и Бухару. Зайчикова уличили в такой торговле и сослали в каторжную работу, но народная молва утверждает, что он вернулся из ссылки под другой фамилией и жил здесь до смерти, стараясь искупить свои грехи пожертвованиями на богоугодные дела.

Но и плен и рабство, которыми сопровождалось присоединение к России среднеазиатских областей, мужественно пережиты русскими людьми, не отступавшими ни на шаг от своих высоких задач — объединения силою любви и справедливости обширного инородческого края с своей великой родиной.

Не обращая внимания на «легкомысленные» поступки киргиз, правительство делало попытки к водворению порядка, спокойствия в киргизской степи и, между прочим, к введению там более или менее правильного правосудия.

Первая попытка в этом направлении оказалась неудачною, но она указала все несовершенства реформы и заставила отказаться от всего того, что не соответствовало ни степени гражданского развития, ни обычаям кочевого народа.

В 1784 г., 2 мая, последовало высочайшее повеление

о разных мерах к укрощению своевольства киргиз-кайсаков. В числе этих мер указано было учредить в Оренбурге пограничный суд для разбора дел, возникавших как между русскими, так и между киргизами. Суд этот, открытие коего последовало лишь 3 сентября 1786 г., состоял под председательством обер-коменданта из членов: 2 офицеров, 2 купцов, 2 казенных поселян, 1 султана и 2 киргизских старшин, с переменою последних через каждые 3 года. При решении всех дел суду вменялось в обязанность поступать на основании законов и учреждений российских.

Такой же суд повелевалось учредить и для Средней орды по сношению с сибирским губернатором [1].

Сверх того, было повелено открыть во всех родах Малой орды особый тип судебно-административных учреждений, а именно расправы, которые должны были состоять при старшинах. Для делопроизводства в расправах предполагалось выписать из Казанской губернии татар. На содержание в Оренбурге пограничного суда отпускалось по штату 5 400 руб. в год, а на содержание расправ и начальников в орде по 3 080 руб. и сверх того отпускалась 91 четверть хлеба старшинам расправ. В 1787 г., 21 апреля, согласно прошению султана, старшин и депутатов Малой орды, было повелено, между прочим, в трех главных родах этой орды увеличить число расправ на две, с ассигнованием содержания из казны по положению и сверх того, по просьбе общества джагалбайлинского рода, учредить один суд. В 1791 г. 21 марта разрешено учредить расправу в кердеринском роде с определением для письмоводства мулл испытанной верности. На содержание этой расправы ассигновано к ежегодному отпуску по 440 руб. деньгами и хлебом по 9 четвертей.

На этом и закончилась в XVIII столетии организация судебной части для киргиз Малой орды. Свыше 10-летний опытный период существования в Оренбурге пограничного суда убедил местное главное начальство в бесполезности этого учреждения: дел поступало в суд очень мало, киргизы почти совсем не обращались за пра-

[1] По высочайше утвержденному 18 марта 1800 г. открыты пограничный суд в Петропавловске и особое отделение пограничного суда в Семипалатинске. (П.С.З. 1800 № 19332).

восудием, а преступники не отдавались живыми в руки правосудия [1].

Ввиду сего, по Высочайше утвержденному 19 марта 1799 г. (см. п. сбор. зак. № 1897) штату, вместо пограничного суда и пограничной экспедиции, учреждена в Оренбурге пограничная комиссия. Председатель комиссии по-прежнему был комендант и членами 2 русских асессора и из киргизов 1 султан и 2 старшин, по избранию из трех главных родов в орде. Члены из киргизов должны были переменяться «чрез всякие три года как для собственного в том удовольствия, так равно и для того, чтобы чрез перемену их доставить способы другим получать просвещение и познания, почерпаемые ими от пребывания в России». На должности эти требовалось назначать людей из знатных фамилий, «но здравого рассуждения, в житии честных и достойных того звания, для коего избираются». Вновь прибывающим в комиссию султану и старшинам изготовлялось на счет казны «пристойное платье».

В пограничной комиссии производились дела: «следственные, скоротекущие, до казны относящиеся, и уголовные, по коим решения и представления вносятся на рассмотрение и апробацию главному местному начальнику, от коего по получении разрешения и исполняются оные, *«без всякой куда в высшее место апелляции в случае неудовольствия»*.

С расправами, учрежденными в степи, случалась еще большая неудача. Они в действительности не открыва-

---

[1] 25 января 1799 г. оренбургский военный губернатор представлял на высочайшее имя относительно упразднения пограничного суда в Оренбурге следующее: «Оный не только по бесполезным казне издержкам на содержание его отпускаемым, но по предметам, для коих он существовал, совсем не нужен, поелику цель учреждения оного хотя и была, чтоб в нем разбирались претензии и осуждались преступления как здешних россиян, так и киргиз-кайсак Меньшей Орды, но со времени учреждения оного редко случалось, чтобы кто-либо из всех последних судился в нем, ибо они, производя на границе какое-либо злодейство, всегда или спасаются бегством в степь, или без потеряния жизни не отдаются в руки здешния. Хан же орды сей и другие родоначальники никого из них для суждения выдать не в силах, сколько не велики были требования здешния. Когда же кто из народа сего имеет частное какое дело, то оное не поступало к разбору в суд, но получало решение ближайшими средствами чрез военного губернатора или пограничную Оренбургскую экспедицию.

лись и долгое время существовали только на бумаге[1].

По докладу Правительствующего Сената последовало 19 июля 1804 г. высочайшее повеление, в котором изожено: «По штату в Оренбургской губернии положенные в числе пограничных учреждений пять расправ в киргиз-кайсацкой Меньшой орде, *яко не нужные и никогда на самом деле не существовавшие,* отменить и жалованье расправным судьям и старшинам главным и родовым, доныне отпускаемое тем, кои оное получают, продолжать по смерть или если до того времени не подвергнут они себя по каким-либо обстоятельствам лишению оного»[2].

Неудачная попытка введения в степи суда, подчиненного русской власти, вызвала новые опыты в этом направлении. Знаменитый Сперанский, в бытность свою сибирским генерал-губернатором, обратил внимание на разные неустройства по управлению в Сибири и особенно на положение инородцев, подвергавшихся жесткой эксплуатации со стороны местного купечества и разным поборам, произволу и насилиям со стороны низших агентов местной власти. Такие же безобразия творились и не в одной Сибири; они были и в киргизской степи Оренбургского ведомства[3], но здесь не нашлось такого гениального администратора, каким, несомненно, был гр. Сперанский. По уставу о Сибирских киргизах, проекти-

[1] Всего расправ считалось в Малой орде пять в следующих родах: в байулинском 2, в алимулинском, семиродском и кердеринском по одной. В каждой расправе полагалось иметь, по выбору народа, председателя из старшин, по два заседателя и письмоводителя из татар.

[2] См. архив Тург. обл, правл. дело № 7506 под заглавием «Сведения на учет учреждения в Оренбурге пограничного суда и о прочем».

Может показаться странным, почему расправы не существовали, когда большинство из них открыто по просьбе самого народа. Зачем киргизы просили об открытии не нужных им расправ? Но это объясняется очень просто: расправы не могли существовать, так как потребность в правосудии вполне удовлетворялась уважаемыми в народе биями, а просьбы об открытии расправ подавались для получения жалованья из казны. В то время жалованье составляло принадлежность целого рода, и если на один род отпускалось жалованье членам расправ, то другим родам было обидно не воспользоваться этим случаем. Они и подавали прошения об открытии расправ.

[3] Приведем несколько примеров, доходивших до сведения высочайшей власти. Именным указом императора Павла I на имя оренбургского военного губернатора от 17 января 1797 г. поручено смотреть, *«чтобы обыкновенных с нашей стороны притеснений киргизов и взяток не было».*

рованному Сперанским и высочайше утвержденному 22 июля 1892 г., киргизы Средней орды вошли в состав Омской области и разделялись на аулы и волости, а из волостей, преимущественно одного рода или поколения, составлялись округа, которые управлялись Окружными приказами, соединявшими в себе административно-судебные функции. Окружные приказы были учреждениями коллегиальными и состояли под председательством старших султанов, избиравшихся султанами же из своей среды сроком на 3 года. Членами приказов были заседатели: 2 из русских чиновников по назначению начальника области и 2 почетных киргизов по избранию биев и старшин на 2 года. Учреждения эти, введенные в Средней и Большой ордах, наиболее отвечали современным условиям и как нельзя лучше удовлетворяли видам правительства и желаниям киргизского народа. На самом деле суд и расправа находились в руках органов русской власти — заседателей приказов, как наиболее сведущих в делах и законах, а главенство юридически принадлежало киргизам, фактически помогавшим русским заседателям в качестве лишь сведущих людей по обычному праву. Султанская партия не имела оснований быть недовольною, так как за султанами признавалась первенствующая роль в управлении, а народная партия считала себя удовлетворенною назначением в приказ двух заседателей из народа и авторитетным заступничеством русских заседателей от всяких несправедливостей со стороны султанов. Вследствие этого учреждение приказов в степи сибирских киргизов успокоило население и скоро приучило его к русским порядкам. Окружным приказам были подсудны, на правах уездного суда, только уголовные дела киргиз: о государственной измене, убийствах, грабежах и баранте, но и эти дела поступали на

В инструкции императора Александра I, данной 16 сентября 1803 г. оренбургскому военному губернатору, между прочим упомянуто, что усилившееся с некоторого времени хищничество киргиз объясняется не только склонностью этого народа к воровству, но и притеснениями местных начальников, которые «ради корысти и из ожидания наград за мнимые подвиги нередко покушались с командами на действия против киргизов без всякого повода». «Справедливость, ласковость и скромность,— говорится в инструкции,— суть вещи, кои в народах сих не просвещенных и особенным обыкновениям повинующихся, наиболее действуют, нравы их чужды всяким смешанным понятиям; они часто до удивления простирают почтение к справедливости, по тому может быть, что она редко в начальниках их замечается (см. книгу «Сборн. узак. кирг. степ. обл. 1898 г.», стр. 136, 143 и 144 Хронол. перечня).

ревизию Областного суда. Все остальные дела считались исковыми и решались словесно биями из почетных киргизов.

Издание этого устава последовало вскоре после смерти хана Средней орды Вали, а потому фиктивная ханская власть, отжившая свое время, прекратилась сама собою, будучи заменена властью более действительною.

Хотя вслед за этим и в Малой орде ханская власть была также уничтожена устранением в 1824 г. от дел управления хана Ширгази с назначением ему пенсии, но управление киргизами оренбургского ведомства было по-прежнему основано на пограничной системе.

По высочайше утвержденному 4 января 1828 г. положению и штату Оренбургской пограничной комиссии, состав последней был определен из председателя, 2 советников, 2 асессоров и 3 присутствующих от киргизского народа. Киргизская степь оренбургского ведомства была разделена на три части: Восточную, Среднюю и Западную, для управления которыми назначено по одному султану-правителю в каждую. Для производства следствий и исполнения других дел в орде было положено 2 чиновника.

Эти реформы были переходными от ханского управления к общему. Но насколько принятая в сибирском ведомстве система управления приближалась к уездному устройству и способствовала водворению в крае начал гражданственности, настолько пограничная система управления оренбургскими киргизами вносила рознь между русскою властью и управляемым ею кочевым народом. В Оренбургском ведомстве в сущности оставалась ханская власть, но только разделенная между несколькими лицами — потомками прежних ханов, так как русское влияние в степи было слишком ничтожно. Народ не мог быть доволен этою системою управления, в которой он не мог не видеть продолжения прежней ненавистной ему системы, и не мог не убеждаться, что правительство искусственно поддерживало султанов, которые появлялись в степи не иначе, как под прикрытием казачьих отрядов.

И это различие управления сказалось очень резко при введении уездного устройства в степных областях. В то время как в Сибири реформы 1868 г. прошли совершенно спокойно, в оренбургской степи они вызвали волнения, и правительству приходилось считаться с созданною им самим силою в лице султанской партии.

ПРИНЯТИЕ КИРГИЗАМИ РУССКОГО ПОДДАНСТВА

Из «Сборника узаконений о киргизах степных областей»

Составитель старший советник Тургайского областного управления И. И. Крафт Оренбург, Типо-литография П. Н. Жаринова, 1898 г.

Под именем *киргизов* известны кочевники, населяющие степные области: Акмолинскую, Семипалатинскую, Уральскую и Тургайскую, Внутреннюю (Букеевскую) орду Астраханской губернии, часть Сыр-Дарьинской области и Аму-Дарьинский отдел. До введения в этих областях временных положений 1867 и 1868 гг.. в официальных актах киргизы часто назывались *киргиз-кайсаками или киргиз-казаками.* Сами киргизы называют себя и доныне *казаками.* Под этим же именем они известны и у соседних азиатских народов. Существует предположение, что переименование казаков в киргиз-казаков сделано русскими (сибиряками) в отличие от казаков, потомков завоевателей Сибири. Когда Сибирь была населена русскими очень слабо, киргизы, черные или дикокаменные [1], отличавшиеся, по словам китайского писателя князя Циши, жестокостью и «зверонравием», часто нападали на города и села и на купеческие караваны и тем самым сделались ненавистными своим соседям, которые с названием «киргиз» привыкли соединять нечто страшное, дикое и зверское. По удалении черных или дикокаменных киргизов в Туркестан соседями русских оказались другие кочевники — *казаки,* которые, не состоя еще в подданстве России, много причиняли беспокойств и вреда населению южных сибирских областей. Чтобы отличить кочевников казаков от казаков русских, пришлось дать первым дополнительное название и притом такое, которое могло создать ясное для всех представление об этом народе. Но подыскивать особое название казакам не пришлось: они за свои хищничества и набеги уже получили кличку, в виде брани, «киргизов»,

[1] Иначе *каракиргизы,* а по-китайски *буруты* — племя, существующее и поныне в нашем и Китайском Туркестане.

и эта кличка была прибавлена к действительному названию их, откуда и получилось наименование «киргиз-казаки», впоследствии измененное в «киргиз-кайсаки», а затем сокращенное —«киргизы».

В легендах киргизов можно найти некоторое объяснение всем этим названиям, но само собою разумеется, что придавать какое-либо значение легендарным сказаниям нет никакого основания тем более, что все эти легенды, по-видимому, сочинены народной фантазией много позже введения в употребление названия киргиз-казаки или кайсаки. Пытливый ум народного певца создал фантастические образы, тщетно подыскивая разумное объяснение названию своего народа [2].

---

[2] Считаем не лишним привести здесь некоторые из появлявшихся в печати киргизских легенд, объясняющих название «киргиз-казаки». Много веков тому назад во владениях одного среднеазиатского хана, по имени Алаша, стали рождаться пегие, или чубарые люди, называемые *шеншак* (рябой). Этими людьми пренебрегали, не любили их, но боялись и считали дьявольским порождением. Они терпели самую горькую долю; им не давали никаких прав, ни земельного надела, и они, без приюта и пристанища, часто умирали с голоду. В довершение всего хан повелел лишать жизни матерей, у которых находятся такие дети, приказал топить их, как ведьм, в нечистой воде... Но Провидение сжалилось над ними. Случилось так, что у самой любимой жены хана оказался пегий сын — первенец и наследник престола. Хан, желая пощадить мать и сына, вымещал свой гнев на поддиных, рубил правому и виноватому головы... К успокоению печали, гнева хана и в предотвращении несчастий, визирь его Шукурлабай, способный на разные вымыслы, дал благой совет хану: сохранить жизнь ханше под условием, чтобы она вперед пегих детей не рождала, а чтобы избавиться от пегого сына, предложил выпроводить его в степь и дать ему в утешение *кырк-кыз,* т. е. сорок девушек. Хан исполнил совет визиря, и от ханского сына и сорока дев явилось в степи потомство, которое, размножившись, стало называться киргизами.

В те же отдаленные времена, гласит другое сказание, какой-то знаменитый полководец с огромными полчищами проходил через киргизские степи с запада на восток. Этот поход совершался по безводным степям в самое знойное время. Но полководец был доволен потому, что в войсках не было никакой убыли: все ратники терпеливо переносили нужду, голод и жажду, и полководец являл собою пример твердости и терпения. Уже многие из воинов ослабевали, но до последних сил тянулись за вождем и товарищами: мысль о приближении к родине утешала и подкрепляла их. Однако же один из начальников, Колча-Кадыр, так ослабел, что не мог двигаться и оставалось хотя умирать на месте. Все войско, за примерную доброту души, твердость духа, неимоверную отвагу, храбрость, воинскую опытность и мудрость в советах, очень любило Колчу-Кадыра и отличало среди толпы воинов, как светлый луч от звезд среди ночи. Все сожалели Колчу, но помочь горю не могли и ничего не придумали, а решили на Божью волю оставить его в степи. Войско двинулось в путь. День выдался неимоверно жаркий, с каждой ми-

О прошлом киргизского народа, а тем более о его происхождении, в литературе имеется очень мало сведений. Но и те немногие исследования, которые появлялись когда-либо в печати, отличаются неполнотою, сбивчивостью и имеют тот недостаток, что выводы разных авторов, в особенности по вопросу о происхождении киргизов, находятся между собою в противоречии. Так, знаменитый исследователь Средней Азии и ориенталист Герман Вамбери старается доказать древнее происхождение киргизов и их этническую цельность. Свое заключение о существовании киргизов много веков тому назад Вамбери основывает на том, что еще в X столетии Константин Порфирородный упоминал о Казакии, а писатель XI века Фирдоуси говорит о «казацких ханах». Отсутствие различия в языке киргизов, в их нравах, обычаях и характере, представляющихся одинаковыми во всей киргизской степи, от Каспийского моря до Алтая и от Урала до предгорий Тянь-Шаня [3], дало основание Вамбери признать в киргизах общий физический тип и происхождение этого, ныне довольно многочисленного народа, от одного племени.

Другие исследователи, наоборот, основываясь на очень заметном различии в физическом типе отдельных

путой усиливались муки Колчи, а услужить больному и утешить его было некому. Смерть, видимоо, приближалась... Собрав последние силы, с сознанием неминуемой смерти, Колча встал на колени и начал молить небо о скорейшем ниспослании смерти как избавительницы от ужасных страданий... Вдруг он увидел чудо. Вняв мольбам несчастного ветерана, небеса разверзлись, и к нему спустилась *каз-ак*, т. е. белая гусыня. Она утешила Колчу-Кадыра, слетала за водой и быстро подкрепила его силы настолько, что он забыл и думать о своих страданиях и несчастии. В образе гусыни оказалась одна из добрых пери. Эта добрая и милостивая пери превратилась затем из гусыни в прекрасное существо и осталась жить с Колчею. От брака Колчи и доброй пери родились люди, потомки которых в память о необыкновенном явлении к Колче — спасительницы и родоначальницы, стали называться каз-ак, или кайсак.

Соединившись с киргизами, кайсаки образовали существующий ныне киргиз-кайсакский народ.

[3] Академик В. В. Радлов в своем капитальном труде «Образцы народной литературы тюркских племен» (т. III) говорит: «Киргизы и по нраву и по языку представляют одно целое. Как широкая степь везде сохраняет один и тот же характер, не представляя ни малейшей перемены, как она тянется по голым безлесным холмам и покрыта однообразной степной травой, которую лишь изредка перерезывает низкий кустарник, так и жители этой степи выказывают однообразие в нравах и языке, почти непостижимое при далеком распространении племени, и представляют собою верное отражение обитаемой ими страны».

киргизских родов, приходят к заключению о конгломератном строении киргизского племени. Таковы Мейер и Красовский, составившие описания киргизских степей Оренбургского и Сибирского ведомств. Левшин, приводя предания киргизов о их происхождении, высказывает, что «разнообразие и противоречия сих преданий не должны удивлять нас, ибо в состав народа киргиз-казачьего влилось множество разных племен, и, следовательно, весьма естественно, что потомки каждого из сих племен имеют отличные от прочих понятия о своем происхождении». Далее Левшин, ссылаясь на свидетельство падишаха Бабера, знаменитого основателя империи Великого Могола в Индии, в подкрепление своего вывода о слиянии с *казаками* разных племен, говорит, что в начале XVI столетия, в период могущества казанского хана Арслана, к *казакам* присоединились, или силою были присоединены, разные отпавшие от Золотой Орды отделения многих народов, известных в истории Востока. В это время смешались с казаками кипчаки, найманы, конрады, джалаиры, канклы [4] и другие отрасли, названия которых доныне носят сильнейшие поколения, роды и отделения киргиз-казачьих орд.

То же самое подтверждают позднейшие исследователи: Вельяминов-Зернов, П. Семенов, И. Ибрагимов и В. В. Радлов. Известный знаток киргизов и ориенталист В. В. Григорьев говорит, что киргизы прежде не были народом, а просто степною азиатскою «казачиной», сложившейся и сплотившейся в одно политическое целое из обломков тюркских племен, имевших прежде отдельное, независимое друг от друга существование. По его мнению, киргизская народность состоит из целых родов, принадлежащих прежде к составу других народов. Такое же указание мы находим в статье, помещенной в XXXV т. Известий Императорского Общества Любителей Естествоведения, Антропологии и Этнографии, где автор, между прочим, утверждает, что наружные черты киргизов весьма различны у различных родов.

Таким образом, выводы Вамбери, основанные на общности физического типа киргизов, опровергаются свидетельствами многих исследователей киргизских степей и их обитателей. Но и в настоящее время, внимательно присмотревшись к киргизам разных поколений и родов, легко увидеть резкую разницу в типах. Чиклинцы, адаев-

[4] Здесь и далее сохранена старая орфография. *(Прим. ред.)*

цы мало походят на кипчаков и найманов. Джагалбайлинцы, яппасцы, киреи и т. п. могут быть также узнаны среди чужеродцев. Встречая среди киргизов монгольские типы, исследователь может добраться по истории происхождения того или другого рода на возможность образования его из монгольского племени и т. д.

Во всяком случае, существование киргиз-казаков как отдельной народности с указываемого Вамбери времени (X столетия) не подтверждается никакими данными. Если признать, что Константин Порфирородный и персидский писатель Фирдоуси называли *казаками* предков нынешних киргизов, что, однако ж, подлежит большому сомнению[5], то придется допустить предположение, что *казаки* X и XI столетий были вскоре же покорены другими народами, слились с ними и, потеряв свою самобытность, в течение нескольких веков не имели никакого политического значения. Иначе становится непонятным отсутствие в истории тюркских племен до XV столетия всяких указаний на существование киргиз-казакского народа.

Итак, не имея основания считать киргизов существовавшими как отдельная политически самостоятельная народность ранее XV века, мы должны остановиться на мнении большинства исследователей, весьма основательно доказывающих, что предки современных киргизов, под влиянием разных экономических и политических факторов, соединились в орды, принадлежа к разным племенам.

Из племен, наличность которых в составе киргиз-казачьих орд возможно признать, известны следующие:

---

[5] Comte Jean Potozki в своем „Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase" (Paris, 1829 г.) предполагает, что обитатели *Казакии,* о которых упоминает Константин Порфирородный, были *касоги,* которых, вероятно, вытеснил Мстислав.

Возможно допустить и такое предположение, что *казаки,* т. е. вольные люди, беглецы, существовавшие во всякое время, при наступлении благоприятных для своего размножения условий, соединялись в большие группы, независимые ни от какого государства, почему и могли признаваться современниками за отдельную народность под именем *казаков.* Это могло быть и в X и XI столетиях и в действительности было в XV столетии. Но племена, составлявшие *казаков* в первый из этих периодов, могли войти в состав племен казачьих орд второго периода только совершенно случайно. А на такой случайности нельзя, конечно, основывать заключение о генетической связи первых с последними.

джалаир [6] конклы [7], дулат [8], конграт [9], уйсюны [10], найман [11], кирей [12], кипчак [13], аргын [14] и алчын [15]. Кроме этих известных племен в состав орд вошли и другие, по малочисленности своей они не имели никакого значения ни в качестве самостоятельной народности, ни затем, по слиянии, с другими племенами. Скорее всего позволительно думать, что это небольшие группы беглецов, из разных народностей, размножившиеся и принявшие названия родов по именам своих родоначальников.

Но как и когда началось и совершилось соединение разных племен в нечто целое, представляющее одну народность? На этот вопрос можно встретить удовлетворительное, как нам кажется, объяснение в статье А. Н. Ха-

---

[6] Племя древнее и ранее весьма многочисленное, по словам Рашид-эддина, принадлежало к тем тюркским племенам, которых ныне называют монголами, «наружность и слово их похожи на тип и слово монголов». При Тимуре называлось «джалаировской ордой».

[7] Как самостоятельная народность *конклы* существовали в XI, XII и XIII вв.

[8] Или правильнее *дулу* — племя, существование которого предполагается до Р. Х. После распадения царства Атиллы вожди *дулу* стали во главе той части болгар, которая основала дунайское болгарское царство.

[9] Племя это имеет весьма древнее происхождение. Оно издавна кочевало вместе с найманами и было покорено Чингиз-ханом одним из первых народов.

[10] Об этом племени, известном очень давно как самостоятельная народность, мнения ученых расходятся: большинство считает *уйсюней* арийского происхождения, другие финского и наконец монгольского. Н. Аристов полагает, что *уйсюни* — часть каракиргизов. В V в. *уйсюни* достигали большого могущества: число их доходило, по китайским источникам, до 630 000 душ и до 18 000 войска. Их главный город Чи-гу-чин, исчезнувший в VI в., был расположен у озера Иссык-Куль.

[11] Найманы самостоятельное племя. До Чингиза у них были свои государи и многочисленное войско. Обычаи и привычки их, по словам Рашид-эддина, были подобны монгольским. Жили на Большом Алтае, Каракоруме и Кум-Иртыше.

[12] В свое время были могущественным племенем, имели своих государей. В X в. киреиты доходили численностью до 900 000 душ; в начале XI в. они приняли христианство от несторианских священников и сохранили его до XIV в.

[13] Древнее тюркское племя, кочевавшее задолго до нашествия монголов между Доном, Волгой и Уралом. Впоследствии кипчаки входили в состав Золотой орды, часть их перебралась в Венгрию, в Крым и Закавказье. Составляют ли нынешние *кипчаки* продолжение прежнего, известного в истории кипчакского племени, или эта возродившаяся народность — неизвестно.

[14] Есть основание полагать, что это имя самостоятельного народа, утратившее свое значение и совершенно забытое историей.

[15] Общее племенное имя для баюдинского и алимулинского поколений, ныне утраченное и забытое.

рузина «К вопросу о происхождении киргизского народа» (Этнографическое Обозрение, XXVI кн.). В статье этой, заключающей много интересных данных, имеется, между прочим, следующее извлечение из сочинения Тарихи-Рашиди, писанного от 1541 до 1546 гг. Мухаммедом-Хайдером гуреканом.

В то время, когда в Дешт Кипчаке [16], занятом всецело узбеками, ханом был Абуль-Хайр, (Абулхаир.— *Прим. ред.),* двое из султанов рода Джучи-хана, по имени Джанибек и Гирей, опасаясь преследований со стороны Абуль-Хайра, приблизительно в 1456 г. бежали из Дешта в Моголистан. Исабуга-хан, властвовавший тогда в Моголистане, принял их охотно и отвел им земли на западе Моголистана, а именно в Джу и Козыбаши. Когда Абуль-Хайр хан умер, то в узбекском улусе поднялись смуты и неудовольствия и большое количество народа откочевало к Гирею и Джанибеку, так что в скором времени вокруг них собралось до 200 000 человек, а узбекский улус пришел в упадок. Так как Гирей и Джанибек сами, а потом большая часть собравшегося вокруг народа, были беглецы, скитавшиеся некоторое время без приюта, то их и прозвали «казаками».

Надо полагать, что примкнувшие к Гирею и Джанибеку беглецы и составили ядро получивших затем известность в истории киргиз-казачьих орд, объединявших собою различные племена. Если это действительно так, т. е. если современные киргизы, действительно, не что иное, как конгломерат различных тюркских и иных племен, имевших некогда самостоятельное существование, если киргизы действительно представляют собою продукт слияния разнообразных элементов, то причину сплоченности их в нечто однородное и цельное следует видеть, по мнению г. Харузина, с которым нельзя не согласиться, в степи — арене этих кочевых народов. Степь, говорит г. Харузин, не знает преград, она не знает строгого разграничения земли на участки, степь само по себе есть объединяющий элемент, заставляющий всех живущих на ней считаться в большей или меньшей степени членами одной семьи. Степняк той замкнутости, которая есть у жителя горного, не знает; его образ жизни известен соседу его, он мирится с ним охотно, отдавая свою дочь замуж за сына его — он делается его тамыром.

---

[16] Т. е. степь кипчаков, степи Приуральские, Поволжские и Донские.

Но слияние разнородных элементов произошло не сразу, а после долгой и междоусобной борьбы, когда род воевал с родом соседним, когда аул шел на аул, когда кровь лилась рекою и тысячи голов виновных и безвинных падали, покрывая степь. Немало борьбы выдержали эти элементы между собою, немало бед претерпели их семьи; но несмотря на эту кровопролитную борьбу, отдельные элементы не переставали сталкиваться друг с другом и смешиваться: кто бежал к соседу, прося защиты от своих же, кто подружился с соседом благодаря гостеприимству, закрепив эти дружеские узы женитьбой, а кто был взят в плен и порабощен, но все несли свою кровь на смешение с кровью иной, им искони чуждой.

Итак, киргиз есть сын своей степи в полном смысле этого слова: она выработала в нем особенности его характера, выработала в нем своеобразный быт; но этого мало: она произвела его на свет из разных элементов своею замиряющею и объединяющею средой. Элементы слились в одно целое настолько, что вправе носить общее племенное название киргизов («казаки»), но не настолько, чтобы составить строгую антропологическую группу, стройную в самой себе.

Разрешение вопроса о происхождении киргизского народа не входит в круг нашей задачи, но, предполагая сообщить фактические данные о принятии киргизами русского подданства, мы считали необходимым, в беглом очерке, познакомить читателей прежде всего с теми сведениями, какие имеются в литературе об этом народе. Мы не беремся разрешать сомнений, которые, может быть, зародятся в умах читателей по поводу тех или других выводов, мы не будем доискиваться неопровержимых доказательств древности происхождения киргизов, как не станем пополнять пробелы в исторической литературе об этом народе, но в дальнейшем изложении своем постараемся, в пределах нашей задачи, привести фактический материал о киргизских ордах с того времени, когда существование их было признано официально.

Если иметь в виду только официальные сведения, необходимо начать с XVI столетия, когда наше правительство обнаруживало большой интерес к окраинам, когда положение внутренних дел позволяло заботиться о расширении границ государства и когда, как известно, к нашим владениям присоединились огромные области, населенные инородцами. К этому же времени относится и

первая попытка киргизов вступить в русское подданство. Более или менее определенные сведения о киргизах можно встретить в книге Большому Чертежу, составленной, по свидетельству Карамзина и Лерберга, при царе Феодоре Иоанновиче, приблизительно в 1599 г. Но так как при составлении этой книги основанием служила старая, разрядная роспись, сделанная «при прежних государях»[17], а известно, что еще царь Иоанн IV в 1552 году велел сделать чертеж государству, то время собрания сведений, в книге заключающихся, можно безошибочно отнести к первой половине 1500 годов.

В этой книге помещено следующее описание кочевья киргизов: «А от Хвалимского[18] моря до Синева[19] моря, на летний на солнечный восход 250 верст. А Синим морем до устья Сыра[20] реки 280 верст; а поперег Синим морем 60 верст, а в Синем море вода солона. Из Синего моря вытекла река Арзас[21] и потекла в Хвалимское море.

А в реку Арзас с востока пала река Аму-Дарья: протоку Аму-Дарьи реки 300 верст. А Арзасы протоку 1060 верст, а от Синева моря 300 верст Урук гора[22], вдоль Урук горы 90 верст. Из горы протекли три реки: река Ворь[23] течет в реку Яик[24] в ночь: река Иргиз течет в озеро Акбашлы[25], на восток река Гем[26] течет на полдни к Хвалимскому морю и пала, не дошед до моря, в озеро,

А к Синему морю от Иргиза реки 280 верст пески Барсук-Кум, поперег того песку 25 верст, да пески Каракум от Синева моря 200 верст.

Пески Каракум вдоль 250 верст, а поперег 130 верст; а те три песка прилегли к Синему морю, к берегу.

В Синее море к востоку пала река Сыр, а в Сыр реку пала река Кендерлик[27].

---

[17] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрон, т. XV, кн. 29, стр. 455, СПБ. 1895 г.

[18] Каспийское море.

[19] Аральское море.

[20] Р. Сыр-Дарья.

[21] Такой реки ныне не существует; она не упоминается в географических сведениях Левшина.

[22] Или Уйрук — один из отрогов Мугоджарских гор.

[23] Река Орь.

[24] Река Урал.

[25] Аксакал-Барби.

[26] Река Эмба.

[27] Р. Кингири имеет четыре рукава, соединяющиеся вместе.

А река Кендерлик вытекла из Улутовой горы [28] двумя протоками.

А от горы Кендерлика реки протоку 330 верст, а другая река Кендерлик из тое ж горы пала в реку Сарсу [29].

А река Сарса пала в озеро, не дошед до Сыра реки, от устья реки Кендерлика 150 верст, а от Карачатовой горы [30] за 70 верст, а вдоль Карачатовой горы 250 верст, а от Сыра реки та гора 80 верст.

А от устья реки Кендерлика 150 верст, с левой стороны реки Сыра, город Супак, против Карачатовой горы, а промеж озера Акбашлы и реки Саун и озера Аккуль и по обе стороны реки Зеленчика [31] и реки Кендерлика и реки Сарсу и песков Каракум, *на тех местах* на 600 верст, кочевье Казакской орды.

От верху реки Бузулука на полях и до Синего моря кочевье все больших ногаев».

На восток от тогдашних киргизских кочевьев кочевали зюнгары, на север сибирские татары, а западнее больших ногаев, в нынешних Оренбургской, Уфимской и частью Пермской губерниях — башкиры.

В царствование Иоанна Грозного делались попытки завязать сношение с киргизами, но попытки эти не увенчались успехом. Находившийся у ногаев посланец Данила Губин в 1534 году доносил: «А *казаки,* государь, добре сильны, а сказывают, государь, Ташкен воевали и ташкенские царевичи, сказывают, с ними дважды бились, а казаки их побивали».

В 1569 году другой посланец, бывший у ногаев, доносил о нападении на улусы ногаев казацкой орды Акназара царя, Шигая царевича и Челыма царевича.

После этого, с целью завязать политические сношения с владельцами казахской орды, был отправлен к ним посланец Третьяк Чебуков, но, не достигнув цели, он был взят в плен в июле 1573 г. племянником хана сибирского Кучума Магметкулом. Спустя немного времени, именно 30 мая 1574 г., Иоанн Грозный дал Строгановым грамоту на беспошлинную торговлю с казачьею ордою.

После завоевания Сибири киргиз-казаки оказались в близком соседстве с русскими. Когда последний хан си-

---

[28] Гора Улу-Тау.
[29] Сары су, впадающая в озеро Телекулы.
[30] Каратау.
[31] Река Джиланчик.

бирский Кучум был изгнан из Искера, в одном из сражений с остатками татарского войска был взят в плен русскими киргиз-казакский султан Ураз-Мегмет, племянник Тевкеля, именовавший себя ханом казанским и калмыкским.

Желая освободить своего племянника из плена, Тевкель в 1594 г. отправлял к царю Фсодору посла с грамотою, в которой просил о принятии его со всею ордою в русское подданство и об освобождении из плена Ураз Мегмета.

Просьба эта, очевидно, была не искренняя и имела только одну цель — освободить племянника, так как на деле Тевкель не обнаруживал ни малейшего желания принять подданство России.

В марте 1595 г. послу Тевкеля была вручена царская грамота о принятии хана со всею казачьею ордою в подданство, но в доказательство покорности требовалось, чтобы Тевкель смирил хана бухарского и привел в послушание Кучума. Ураз-Мегмета обещано отпустить только тогда, когда Тевкель представит вместо него, в аманаты, кого-нибудь из своих сыновей, причем указано было на султана Гусейна.

Но, как и можно было ожидать, принятие киргизов в подданство не состоялось. Маневр, избранный Тевкелем для возвращения в Орду своего племянника, не удался и дело отложено было до наступления благоприятных обстоятельств.

Наше правительство в это время было занято делами вновь присоединенной к России дикой Башкирии. Башкиры вследствие внутренних раздоров и теснимые набегами своих соседей киргиз-казаков, решили признать над собою власть сильного царя московского и в 1556 году башкирский народ был принят царем Иоанном Грозным в русское подданство. С 1574 года начата постройка Уфимской крепости и городов: Самары, Бирска и Мензелинска.

Дела по управлению Башкирии сильно осложнялись. В XVII столетии башкиры несколько раз бунтовали и тем самым тормозили введение благоустройства и порядка в новом краю.

Так тянулось до начала XVIII столетия. В это время киргиз-казацким ханом был Тявка, имя которого до сих пор вспоминается киргизами с благоговением. Он прекратил вражду и кровопролития, распри, существовавшие между племенами входивших в состав подведомствен-

ных ему орд. Он издал законы, на основании которых судил, разграничил земли между родами и установил порядок пользования ими и вообще оставил по себе память своими реформами, насколько они были возможны при тогдашнем полудиком состоянии киргизского народа.

Действуя благоразумием, опытностью, связями и искусством, Тявка в это время повелевал тремя киргиз-казачьими ордами, проживая, по примеру своих отца и деда, в Туркестане. В каждую орду им были назначены особые начальники: в Большой орде был *Тюля,* в Средней — *Казыбек,* а в Меньшей — *Айтяк.*

Излагая здесь кратко события, предшествовавшие принятию киргизами русского подданства, мы не указали времени и обстоятельств, сопровождавших разделение киргиз-казацкого народа на три орды. Между тем это событие представляет большой интерес, хотя в настоящее время, за упразднением названий орд, только исторический.

Но в вопросе о принятии киргизами русского подданства каждая из трех орд проявляла свою самостоятельность и, как увидим ниже, самое вступление в подданство этой или другой орды совершилось в разное время.

Поэтому, для большей ясности последующего изложения событий, мы решаемся сделать некоторое отступление от своей программы и посвятить несколько строк описанию подразделений киргизского народа на орды, поколения и роды, полагая, что, при существовании у киргизов и ныне родового начала, сведения эти могут иметь и практическое значение для лиц, которым приходится вступать в деловые сношения с киргизами.

Когда именно произошло разделение киргизов на три орды, точных данных не имеется, но существует предположение, что разделение было произведено во второй половине XVI столетия при Хак-Назаре хане (Акназаре, или Ак-Ниязе). По преданию самих киргизов, несколько веков тому назад хан Алаша разделил свой народ между тремя своими сыновьями. Уйсюн, Аргын и Алчин, которые и стали каждый во главе отдельной орды, получивших название Большой, Средней и Малой. В литературе также встречаются указания, согласные с этим преданием, как, по-видимому, основанные на нем. Так, в живописном альбоме «Народы России» говорится: «Главным образом они (киргизы) делятся на три орды, из

которых каждая ведет свой род от особого родоначальника — одного из трех сыновей *монгольского* правителя Алачыхана. Левшин указывает на предание, что киргизы после смерти одного из единственных своих ханов были разделены его сыновьями на три части, которые по старшинству новых повелителей получили названия Большой, Средней и Малой.

Но возможно допустить и такое объяснение совершившемуся разделению киргиз-казакского народа на три орды. Размножение населения путем естественного прироста и вследствие присоединения утративших свою политическую самостоятельность племен и мелких групп из беглецов и вольницы, а вместе с тем и территориальное расширение владений казакского народа могло потребовать, для удобства управления, назначения особых полновластных начальников над частями орды. С течением времени эти начальники, под влиянием сильно развитых в киргизах честолюбивых побуждений и пользуясь внутренними смутами в орде и другими благоприятными для своих целей обстоятельствами, не упустили случая объявить себя ханами над состоявшими в управлении их частями орды. Подтверждением такого предположения может служить то обстоятельство, что незадолго до принятия киргизами русского подданства хан Тявка был единственным повелителем киргиз-казачьего народа и в каждой из орд были назначенные им и подчиненные ему начальники. Из этого следует, что орды еще в начале XVIII столетия не имели значения отдельных ханств, а скорее приближались к типу генерал-губернаторств одного и того же государства. Выделение орд в самостоятельные политические единицы резко обозначилось лишь тогда, когда часть киргизского народа пожелала принять русское подданство, а другие части, или, правильнее, союз племен, находили более удобным быть независимыми. Тогда оказалось несколько самостоятельных повелителей, с которыми и приходилось вести переговоры и улаживать недоразумения.

Три киргиз-казачьи орды имели следующие родовые подразделения:

I. БОЛЬШАЯ ОРДА

Поколение Уйсюн

Роды: Ботбай
Чемыр
Джаныс
Сикам
Абдай-суван
Чанышклы
Канклы [32]
Сарасулы
Джалаир
Дулат
Адбан
Суван
Чапрашты
Исты
Ушакты
Сары-уйсунь
Сергелы

Поколение Конграт

Роды: Байлар-Джанджар
Уразгильды
Кульджегач
Бочман
Токбулат
Яманбай
Куракрся
Этимляр
Куюш-Кансыз

---

[32] Существует легенда о происхождении рода Канклы. Угуз-хан воевал с татарами, победил их и набрал столько добычи, что нельзя было навьючить ее на лошадей. Тогда нашелся один человек, который сделал телегу: ее назвали каюк, потому что она, скрипя, издавала звук, похожий на «канк, канк» (раньше, когда не было телег, не было и названия им). Изобретателя телеги назвали Канклы, и весь народ с этим именем происходит от него. (А. Н. Харузин. К вопросу о происхождении киргизского народа).

Поколение Найман

Роды: Акбура
Булатчи
Кара-Гирей
Тирс-тамгалы
Тюртаул
Кук-джарлы
Иршняклы
Сегиз Баганалы
Садыр

Поколение Кипчак [33]

Роды: Торы-Айгыр
Туючка
Кытабак
Бултун
Карабалык
Кульденен
Танабуга
Кук-барон

Поколение Увак-Гирей

Роды: Увак
Гирей (Керей)
Тараклы

---

[33] О происхождении кипчакского поколения известны следующие легенды. Рашид-эддин (перевод с примеч. И. Н. Березина помещен в Трудах Восточного Отдела Императорского Археологического Общества, ч. V. 1888 г.) говорит: во время одной из войн известного родоначальника тюрков Угуз хана в дупле дерева нашли беременную женщину, оставшуюся вдовой после убитого мужа. Угуз хан усыновил родившегося мальчика и дал ему имя Кипчак, от слова «кипчак», или сгнившее дерево, и все *кипчаки* — суть от этого мальчика.

Другая легенда, сообщенная Абульгази гласит: после одного сражения, в котором Угуз хан был побежден, ему принесли ребенка, родившегося в дупле дерева от беременной женщины, взятой одним из князей Угуза с собой и укрывшейся в дупле от холода. Так как пустое дерево на тюркском наречии называется «кипчак», то мальчик был назван Кипчаком. Когда этот мальчик, воспитанный Угузом, вырос, то народы урус, авлак, маджар и башкурт возмутились. Угуз хан поручил Кипчаку много народу и послал его на берега Дона и Итиля (Волги). Он царствовал в этой стране 300 лет, и все народонаселение кипчакское произошло от него.

Поколение Аргын

Роды: Жугары Шекты и Тюмень Шекты

III. МАЛАЯ ОРДА[34]

Поколение Алимулинское

Роды: Карасакал
Каракисек
Кете
Тюрткара
Чумекей
Шекты (Чикли)

Поколение Баюлинское

Роды: Адай
Джаппас
Алача
Байбакты
Маскар
Берш
Иссентемир
Тазлар (Таз)
Черкес
Тана
Кызылкурт
Шихляр

[34] По преданию киргизов, эта орда возникла так. Сын Алачхана Алчын стал во главе младшей сотни (кши тюз — малая сотня, или Малая орда). У него было три сына, от которых пошли три поколения Малой орды: старший сын:— Алим (ученый) дал начало *алимулинскому* поколению, которое издавна считается старшим поколением и его роды — старшими родами в орде. Второй сын — Кадыр Ходжа имел 12 сыновей и был прозван *байулы*, т. е. богатый сыновьями, и дал начало *баюлинскому* (байулинскому.— Прим. ред.) поколению, имевшему 12 родов. Младший сын Алчына — Кадыр имел 7 сыновей, и образовалось поколение *джитру*, (джетыру.— Прим. ред.), или семиродское. Но последняя часть предания находится в противоречии с историческими сведениями, заключающимися в записках 1740 г. Тевкелева, долгое время жившего в киргизской степи и хорошо изучившего прошлое, особенно Малой Орды. По удостоверению Тевкелева, Малая Орда издавна состояла из одного племени *алчын*, которое делилось на алимулинское и баюлинское поколения. К алчинцам присоединились семь мелких родов, которые не имели сил противостоять в барантах сильным и многочисленным алчинцам. Впоследствии хан Тявка (умерший около 1717 г.) соединил эти мелкие роды в одну группу, названную *джитру*.

Поколение Джетыру [35]

Роды: Табын
Тама
Кердери
Джагалбайлы
Керейт
Телеу
Ромадан

К началу 1730 года, т. е. ко времени принятия киргизами русского подданства, ханами в ордах были: в Большой — *Юлбарс,* в Средней — *Шемяка* и в Малой — *Абулхаир.* Мысль о принятии русского подданства зародилась впервые в Малой орде, к чему принуждали следующие обстоятельства. Еще при хане Тявке, под конец его правления, среди киргизских родов начались взаимные несогласия и междоусобия, и этими внутренними смутами не замедлили воспользоваться соседние народы. Возникновению смуты способствовало то, что при жизни Тявки, и, вероятно, по причине его старости, были избраны в соправители ему ханы *Каип* и *Абулхаир.* Разделение ханской власти между несколькими лицами могло повести к интригам и происка с целью добиться первенствующего значения. Благодаря внутренним смутам и неурядицам стали нападать на киргизов: с запада — волжские калмыки, с севера башкиры и сибирские казаки, а с востока зюнгары с владельцем их Галдан-Цыреном, наводившим страх и трепет на своих соседей.

В таком стесненном положении киргизы могли ожидать спасения только от могущественной России. Гениальный преобразователь и устроитель земли русской император Петр Великий понимал значение киргизских степей для России, считал их «ключом к вратам Индии», а потому, осведомившись о действительном положении дел, поручил сибирскому губернатору князю Гагарину войти в сношение с киргизскими ордами и помочь им против Галдан-Цырена, чтобы остановить возрастающее могущество зюнгарского владельца. Князь Гагарин ис-

[35] Джетыру — семь родов. Правильнее считать вместо поколения — союз или община из семи родов. Под поколением обыкновенно подразумевается группа людей, более или менее многочисленная, происшедшая от одного родоначальника. Между тем нет никаких оснований считать семиродцев (Джетыру) потомками одного общего родоначальника (см. выше примеч. 34).

полнил волю Государя в 1717 г. и ханы киргиз-казакские Тявка, Каип и Абулхаир обещали во всем повиноваться России. Но за отозванием Гагарина из Сибири и за смертью Тявки, этого старейшего и умнейшего из ханов, принятие киргизов в подданство в это время не состоялось, и киргизы, предоставленные самим себе, перетерпели много бед и несчастий.

Киргизские ханы вновь стали ссориться между собой, и народ, не имея надежных и благоразумных повелителей, предался грабежу и насилиям, нападая на соседей, в том числе и на русских, только что оказавших им защиту от зюнгарцев.

Независимо от частых нападений на пограничные поселения Сибири, киргизы, подвластные хану Абулхаиру, в 1717 году проникли в Казанскую губернию до Новошешминска, взяли его и разорили, но были прогнаны с значительным уроном.

Другой киргизский хан Каип, опасаясь, чтобы этот набег не был приписан ему, в 1718 году послал императору Петру I грамоту с предложением вечного мира и союза.

Но было уже поздно. Сибирские казаки, волжские калмыки, башкиры и зюнгарский владелец, известный Галдан-Цырен, обрушились на киргизов с разных сторон. Галдан-Цырен в своем наступательном движении жестоко побивал киргизов и в 1723 году завоевал столицу ханов их Туркестан, Ташкент и Сайрам, а затем покорил некоторые роды Большой и Средней орды.

Остальные киргизы, опасаясь той же участи, откочевали в глубь Средней Азии, остатки Большой орды — к Ходженту, Средней — к Самарканду, а Малая орда — к Хиве и Бухаре.

В известном труде Левшина это бегство, соединенное с разорением и страшною нуждою, описано так. Стада и табуны ежедневно уменьшались, меновая торговля прекратилась, нищета и страдания сделались всеобщими: иные умирали с голоду, другие бросали жен и детей своих.

Наконец бегущие остановились, но где?— в местах бесплодных и не представляющих никаких удобств для кочевого народа. Столь несчастное положение не могло быть долго сносимо киргизами. Из двух зол предстояло избрать меньшее. Бедствия, отчаяние и опасность от врагов внешних примирили на время внутренние смуты и заставили подумать о положении всего народа. В со-

стоявшемся тогда народном собрании решено было двинуться общими силами на врагов и удалить их с земли, издревле принадлежавшей киргизам.

Принятое решение было подтверждено клятвою враждовавших между собою родов в верности друг другу и по обычаю был принесен в жертву белый конь. Главным предводителем всех сил, собранных для борьбы за родину, борьбы отчаянной не на живот, а на смерть, был избран хан Абулхаир.

Преисполненные единодушным желанием возвратить свою родину, занятую чужеземцами, киргизы с редким мужеством бросились на своих врагов-зюнгаров и скоро разбили их в разных местах и заняли свои прежние кочевья. Но лишь только цель была достигнута — не стало прежнего подъема духа и начались старые распри и вражда. Чувствуя свою разоренность и опасаясь новых нападений со стороны исконного ненавистного врага Галдан-Цырена, киргизы Средней и Малой орды удалились в разные стороны. Большая орда не последовала этому примеру и вскоре же была почти вся покорена зюнгарами. Средняя орда заняла под свои кочевья земли от р. Ори до Уя, а Малая орда, вытеснив волжских калмыков, стала кочевать на пространстве между Эмбою и Уралом.

Но и на новых местах киргизы, в особенности Малой орды, не могли чувствовать себя в безопасности. Калмыки, озлобленные за отнятие у них земель, постоянно угрожали набегами, а с другой стороны уральские казаки не могли оставаться спокойными, имея в близком соседстве полудикую орду, и время от времени вынуждены были прибегать к расправе за хищничество и набеги.

При этих условиях киргизы очутились в безвыходном положении. Продвигаться вперед, в пределы России — было бы безумием, вернуться назад — значило быть истребленными зюнгарами.

Оставалось только искать покровительства России. И действительно, в 1726 г. приезжал в Россию просить покровительства для Малой орды киргизский посланец Кайбакар. Но условия, словесно им предложенные от имени старшин Сугура, Едикбая, Хаджибая, Чиак-Кулыбая и друг., хотя и были записаны в Коллегии Иностранных Дел, не могли быть приняты, по отсутствию доказательств о полномочии Кайбакара. Словесные заявления этого посланца трудно было принять за выражение воли народа, тем более что хан Малой Орды

Абулхаир почему-то уклонился от активного участия в этом важном деле, касавшемся решения судьбы подвластного ему народа.

Между тем положение киргизов становилось все более и более печальным. Изнуренные частыми потерями людей и имущества, стесненные со всех сторон враждующими соседями и ежеминутно ожидавшие новых бедствий, киргизы были готовы на всякие пожертвования. В это время мысль о принятии русского подданства окончательно сорзела и у хана Абулхаира, который усматривал возможность из осуществления этой мысли извлечь и личные выгоды для себя. Дело в том, что мы уже знаем, у киргизов в это время было несколько ханов, находившихся в соперничестве между собою. Абулхаир понял, что приобретением спокойствия для подвластного ему народа он сразу выдвинется между другими ханами, будет самым влиятельным и самым любимым властелином кочевников. Но обеспечить мир и спокойствие в стране, где царила анархия и насилие и где стоны и плач оглашали воздух и кровь лилась рекою, можно было только добившись покровительства и защиты такой могущественной державы, какою уже в то время была Россия.

Абулхаир-хан тогда же объявил своему народу, что нет другого исхода к спасению, как только принятие русского подданства. В первый раз предложение хана было отвергнуто, но Абулхаир нисколько не смущался этим и продолжал доказывать киргизам всю выгоду быть в русском подданстве. Он красноречиво убеждал своих подвластных последовать его указаниям, живо описывая все преимущества нахождения под могущественною защитою России, и воззвания хана настолько были верны и убедительны, что трудно было устоять пред ними. Ближайшие приверженцы хана скоро поняли всю важность предложения своего властелина и, может быть в надежде на возможность возвращения к былой независимости при первом же удобном случае, решились сделаться подданными императрицы Анны Иоанновны. Хотя число изъявивших согласие вступить в русское подданство было в то время невелико, но обстоятельства заставляли не медлить с этим делом, так как медленность, как видно было из примеров прошлого времени, могла привести к окончательной гибели. Да и по самому складу жизни киргизов не было никакой надобности в общем согласии всего народа. Родовое начало, сильно развитое у кирги-

зов, в особенности в то отдаленное время, создало такие условия, что воле старшего в роде беспрекословно повинуются все родовичи. Глава рода решал все дела, относящиеся до рода, и решения его считаются подлежащими безусловному исполнению. Несомненно, что приближенными у хана были главные представители влиятельных родов и что поэтому согласие их было равносильно согласию большинства народа.

Заручившись таким согласием, хан Абулхаир избрал из надежных людей несколько посланцев и в сопровождении башкирского старшины Алдар-бая отправил посольство к уфимскому воеводе Бутурлину. Посольство прибыло в Уфу в июле 1730 года и затем было отправлено в Петербург, куда прибыло к началу 1731 года.

С посольством было отправлено письмо хана Абулхаира с просьбою о принятии киргизов в подданство России. В письме этом Абулхаир объяснял причины, побудившие его к такому решению, говорил о несчастиях, постигших его народ от зюнгаров, упоминал о нападениях калмыков, башкиров и уральских казаков, обещал содержать себя на полном иждивении и обязывался помогать России в усмирении ее неприятелей. Но вместе с тем и сам просил о присылке вспомогательных войск для покорения хивинцев, каракалпаков и пр. В заключение он признавал как себя, так и орду свою вечными подданными России.

Предложение не было новостью для России, так как еще ранее были такие же предложения и они подвергались подробному обсуждению, причем еще Петр Великий установил определенный взгляд на значение киргизских степей в наступательном движении России в глубь Средней Азии. Поэтому посольство было принято очень милостиво, и осыпанные ласками и подарками, посланцы были отпущены из Петербурга с императорскою грамотою на имя хана Абулхаира. Грамота эта, данная 19 февраля 1731 года, следующего содержания.

«Жалованная грамота киргиз-кайсацкой орды Абулхаир-хану, старшине и всему войску о принятии их в Российское подданство.

«Божиею поспешествующею милостию, Мы, Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Государыня Анна Иоанновна, Императрица и Самодержица Всероссийская и проч. и проч. и проч.

Киргиз-кайсацкой Орды Абулхаир-хану Старшине и

всему Кайсацкому Войску нашего Императорского Величества милость.

Понеже мы, Великая Государыня, наше Императорское Величество, из писания твоего Абулхаир-хана, через посланцев твоих Кутлумбета Кумтаева, да Сеиткула Куйдантулова усмотрели желание твое со всем твоим владением быть в подданстве нашем и с подданными Российскими с башкирцами быть в миру; а от посланцы твои Абулхаир-хана словесно здесь доносили, что желаешь ты, хан, с Войском Кайсацким быть в подданстве у нас на следующих пунктах: первое, обещаетесь нашему Императорскому Величеству служить верно и платить ясак так, как служат башкирцы. Второе, чтоб от подданных Российских обид и разорения вам никакого не было. Третье, ежели на вас, Кайсаков, будут нападать какие неприятели, чтобы Вы могли от того нашим Императорского Величества защищением охранены быть и счислять бы Вас с подданными Российскими. Четвертое, чтоб ясырей, взятых от Вас Башкирцами и прочими Российскими подданными, Вам возвратить, а Вы обещаете взятых Россиян отдать и с Башкирцами и с Калмыками быть в миру.— И Мы Великая Государыня наше Императорское Величество тебя, Киргиз-Кайсацкого Абулхаир-хана Старшину и все Киргиз-Кайсацкое войско пожаловали, повелели по прошению Вашему принять Вас в подданство на вышеизображенных требуемых Вами пунктах,— а потому надлежит Вам хану и всему воиску Кайсацкому содержать себя всегда в постоянной верности к Нашему Императорскому Величеству и к нашим наследникам, и когда по Указу Нашего Императорского Величества будет Вам наряд куда на службу Нашу с другими подданными Российскими, с Башкирцы и с Калмыки, тогда Вам с ними вместе в определенные места ходить со всякою охотою. На Башкирцев и на Яицких казаков и на Калмыков и на других Русских подданных никаких нападений, набегов и обид весьма не чинить, а жить с ними мирно и бессорно; такожде купцам Российско подданным ездящим из Астрахани и из других мест с караваном и особо к Вам и чрез Ваши жилища и кочевья в другие места, никакого препятствия и обид не делать, а наипаче оных от всяких опасных в пути случаев охранять и в проездах их вспоможение чинить. Посланцы твои Абулхаир-хана допущены были пред нас и в бытность их в Москве довольствованы кормом, и на отпуск пожалованы нашим

жалованьем и отпущены к тебе Абулхаир-хану и подводами и в дорогу на корме, такожде удовольствованы; впрочем на милость Нашего Императорского Величества быть тебе Абулхаир-хану надежду. Дана в Москве лета 1731. Февраля в 19 день. Государствования нашего второго года».

Вместе с посольством, получившим эту грамоту для доставления хану Абулхаиру, был командирован в киргизскую орду переводчик Коллегии Иностранных Дел, по происхождению из татарских мурз Уфимской губернии, Мегмет Тевкелев, которому было поручено удостовериться в действительном желании киргизов быть подданными России и привести их к присяге на подданство. С Тевкелевым были отправлены несколько уфимских дворян, благонадежных башкир и русских казаков, а для топографической съемки мест, занимаемых киргизами, командированы два офицера-геодезиста.

С редким усердием и самоотверженностью Тевкелев исполнил возложенное на него трудное поручение. По приезде в Орду командированные чиновники сразу увидели, что они далеко не желанные гости. Киргизы, вероятно, не ожидали, что так скоро наступит конец их дикой вольности, и старались отделаться от командированных лиц, которым даже угрожали смертью. Хан Абулхаир оказался не в силах вразумить народ и сам терпел много неприятностей, обид и угроз за вступление в сношения с Россиею по вопросу подданства.

Тевкелев, отличавшийся выдающимся красноречием, должен был исполнить трудную миссию среди постоянных тревог и опасностей. Его речи, полные силы, убедительности и красоты, неотразимо действовали на кочевников, которые видели в Тевкелеве человека, одаренного сверхъестественною силою. Много помогал Тевкелеву в исполнении возложенного на него поручения бывший при нем башкирский старшина батыр Таймас, известный киргизам свою храбростью.

Долго и, по-видимому, безуспешно велись Тевкелевым переговоры с киргизами. Наконец долгое пребывание русских чиновников в орде начинало беспокоить киргизов, и они твердо решились избавиться от неприятных гостей. Это было в 1732 г., т. е. спустя год после приезда Тевкелева. Киргизы объявили Тевкелеву, что назначают народное собрание, на котором будет окончательно решен вопрос о подданстве России. На собрание это, на котором присутствовали хан Абулхаир и хан Средней

орды Шемяка, был приглашен Тевкелев, но без всякой свиты.

Прежде чем отправиться на собрание, Тевкелев, по совету хана Абулхаира и его приверженцев, постарался подарками склонить на свою сторону некоторых из влиятельных и самых опасных своих противников.

Тевкелев хорошо понимал, что слава или гибель ожидали его после собрания: слава при удаче, а при неудаче дикая и разъяренная толпа уничтожила бы его как ненавистного человека, старавшегося лишить народ вольности, беспорядочной и опасной, но имевшей свои прелести в глазах диких сынов степей. Поэтому Тевкелев употребил всю силу своего красноречия и все присутствие духа, чтобы убедить народное собрание в пользе и преимуществах вступления в русское подданство. На собрании в числе присутствовавших представителей киргизского народа Тевкелев встретил сочувствие со стороны почетного и имевшего влияние в Средней и Малой ордах батыра *Букенбая*. Вместе с последним и с ханом Абулхаиром Тевкелев долго и убедительно говорил в пользу России, и оппозиция не только не устояла против доводов этих трех ораторов, но увлеклась предстоящею перспективою и единогласно примкнула к сторонникам присоединения к России.

Все присутствовавшие на народном собрании, начиная с ханов Абулхаира и Шемяки, тут же приняли присягу на подданство России.

Так, казалось, успешно окончена была миссия Тевкелева. Но этот успех был непродолжительный. Народ, привыкший к переходам, сообразно обстоятельствам, от одного властителя к другому, народ, прошлое которого полно всевозможных приключений и резких переходов от могущества к рабству и который составился из разнообразных элементов, объединенных одним стремлением к дикой вольности и привольной жизни на степном просторе, не мог быть надежным в смысле исполнения своих обещаний, подтвержденных даже присягою.

Не успел еще Тевкелев донести в Петербург об успешном исполнении возложенного на него поручения, как начались уже волнения в Средней Орде. Хан и родоначальники этой орды стали завидовать хану Меньшей орды Абулхаиру и опасаться его влияния, как сильного покровительством России, не без основания предполагая, что Абулхаир за свои заслуги будет отличен Россией в ущерб значению повелителя Средней Орды.

Начались притеснения и запугивания людей, сочувствовавших мысли о русском подданстве. Вместе с тем были произведены киргизами Средней Орды два раза нападения на башкиров, окончившиеся полною неудачею для нападавших. Во главе шайки, нападавшей во второй раз на башкиров, был хан Шемяка, незадолго пред этим присягнувший на подданство России.

Агитация против вступления в русское подданство разрасталась, и Тевкелев уже отчаивался в возможности уладить дело. Он хотел вернуться в Россию, но его киргизы не пускали, а лишь позволили донести о положении дел, ему порученных.

После этого хан Абулхаир с своею ордою и вместе с Тевкелевым откочевал к устью р. Сыр-Дарьи. Маневр этот способствовал скорейшему окончанию так долго затянувшегося вопроса о вступлении киргизов в русское подданство.

Малая орда, удалившаяся от своих беспокойных соседей киргизов Средней орды, нашла себе более мирных и покойных соседей *каракалпаков,* которые вскоре же, благодаря стараниям хана Абулхаира и Тевкелева, признали себя подданными России и приняли присягу на подданство. Содействие хана Абулхаира объясняется желанием его оказать больше услуг России и примером каракалпаков побудить своих подвластных киргизов не противиться вступлению в русское подданство.

Когда настроение умов было расположено в пользу России, хан Абулхаир и Тевкелев прикочевали к русской границе с целью довести до Высочайшего сведения о благополучном исходе начатого дела большой важности присоединения к русским владениям части киргизской степи с населяющими ее племенами Малой орды и каракалпаками.

В декабре месяце 1732 года Абулхаир хан отправил с Тевкелевым посольство, в состав которого вошли следующие лица: 1) сын хана султан Эрали; 2) двоюродный брат его же султан Нияз; 3) старшины Малой орды Татлымбет батыр и Бакбек Туленгут и три башкирца и 4) старшины Большой орды Аралбай и Арасгольды батыр, посланные Абулхаиром из тщеславного желания показать, что благодаря его влиянию на киргизов Большой орды последняя также присоединяется к России.

Посольство это вместе с Тевкелевым в январе 1733 г. прибыло в Уфу. Тевкелев съездил в Петербург, где сделал донесение об исполнении поручения и о том, что кир-

гизское посольство ожидает в Уфе разрешения на прибытие в Петербург.

В то же время хан Средней орды Шемяка прислал в Уфу своих посланцев с новою просьбою о принятии в русское подданство, причем он выразил раскаяние в своих вероломных поступках, учиненных после принятия им присяги на подданство.

Все эти известия были приняты в Петербурге очень благосклонно, и Тевкелеву было разрешено доставить в Петербург киргизское посольство с султаном Эрали во главе.

Посольство прибыло в Петербург в январе месяце 1734 года и было встречено с почетом. В феврале месяце посольство было представлено императрице Анне Иоанновне, и султан Эрали, как опубликовано тогда же в С.-Петербургских Ведомостях, в присутствии министров, высшего генералитета и прочих обоего пола придворных особо обратился к Государыне с следующею речью:

«Всепресветлейшая Державнейшая Императрица, Всемилостивейшая Государыня! Отец мой Абулхаир-хан со своею киргиз-кайсацкою ордою, по прошению своему и по Вашему монаршескому милосердию удостоился Высочайшей Вашего Императорского Величества протекции и принятия в подданство и ради должного своего верного рабства, прислали меня к Высочайшему двору Вашего Величества, и я за сию Высочайшую Вашего Императорского Величества милость, именем отца моего припадая к стопам Вашего Величества, благодарение приношу и всенижайше рабски прошу содержать нас в неизменной своей Императорской милости и защищении».

На эту речь отвечал вице-канцлер Остерман так: «Ея Императорское Величество, всемилостивейшая государыня наша, отца твоего Абулхаира-хана желание быть в подданстве Ея Императорского Величества за благо приемлет и обнадеживает своею Императорскою милостью, протекциею и защищением, яко верноподданного своего и за такую Ея Императорского Величества милость ты и отец твой Абулхаир-хан, с своим народом, должен по своей учиненной подданнической присяге Ея Императорскому Величеству всякую верность и службу показывать».

После этого было приступлено к обсуждению условий, предъявленных киргизами, и к выработке оснований управления новыми подданными. Опыт прошлого показывал, что на одни обещания и даже присяги кир-

гизских ханов полагаться нельзя. Подданство, основанное на обещаниях и присяге, было фикцией, которая продолжалась до тех пор, пока киргизы находили это для себя выгодным. Но лишь открывалась какая-нибудь возможность с большею выгодою присоединиться к другому государству или сделать нападение на соседей, ограбить их и занять чужие владения, киргизы нисколько не задумывались над тем, что они, в качестве подданных Российского государства, не вправе делать этого. Приходилось поэтому тщательно обсудить меры, направленные к фактическому присоединению к России обширной степной области, населенной киргизами. Нелегкая это была задача по тому времени. С одной стороны, отсутствие у киргизов сознания о святости верноподданнической присяги, с другой — пустынность и малоизвестность киргизской степи и сопредельных с нею независимых ханств, где во всякое время могли искать покровительства киргизы при малейшем недовольстве русскими порядками — ставили неодолимые преграды к водворению русского владычества над киргизскими ордами.

Обсуждение вопросов, связанных с принятием киргизов в подданство, требовало много времени, а между тем продолжительное пребывание посольства в России и неизвестность об исходе дела могли вызвать беспокойство Абулхаира-хана и, пожалуй, повести к каким-нибудь необдуманным предприятиям. Ввиду сего 20 апреля того же 1734 года была послана к Абулхаир-хану с двумя киргизами из числа прибывших с посольством предварительная грамота, в которой объявлена ему благодарность за старания о приведении в русское подданство Большой и Средней киргизских орд, поручено утвердить эти орды в покорности и повелено ему жить в мире и согласии как с этими двумя ордами, так и с каракалпаками. Вместе с тем хан извещался, что сын его Эрали со свитою приняты очень милостиво и скоро отправятся назад в орду. Грамота эта следующего содержания:

«Киргиз-кайсацкой орды Абулхаир-хану, старшине и всему киргиз-кайсацкому войску Нашего Императорского Величества милость.

Понеже по принятии нашего вечного подданства и по учинении присяги в 1731 году каким образом с нашим подданным Мурзою Тевкелевым вы поступали, о том нам пространно донесено, а между тем о происшедшем на полковника нашего Гарбера, с караваном едущего в Хиву и в Бухару из ваших своевольных некото-

рых кирзисцов воровском нападении, хотя то противу подданнической должности и присяги показано, однако ж ты, Абулхаир-хан, яко верный подданный, в нашу резиденцию сына своего Эрали салтана и внучетного брата Нияз салтана и несколько старшин, утверждая свое подданство, прислал. К тому ж, оказывая верную свою службу Большой киргиз-кайсацкой орды, Коадорби, Тюляби, Сатай батыря, Кангиддий батыря и Буляк батыря и всей орды нарочных посланцев Аралбая и Арас батыря с своим нарочным же Тайлымбет батырем прислал сюда ко двору нашему, которая старшина листом своим просил нас, Великую Государыню, Наше Императорское Величество, чтоб мы пожаловали повелели и их Большую кайсацкую орду принять в вечное подданство. А ты, Абулхаир хан, в своем листе объявил, что уже и их в подданство наше принял, такожде и об Аральском хане пишешь, что он со всеми подданными тако-же у нас Императорского Величества подданства просит. Ты же верный Абулхаир-хан с некоторою известною старшиною о бывших противных киргиз-кайсаках Средней орды, кои хотели было на наших подданных башкирцев нечаянно напасть и разорение учинить, дали заблаговременно известие, по которому те противники сами себе по достоинству победу и разорение получили, а по другом таковом с башкирцмаи сражении, где сам Шемяка хан, преступя свою присягу, был, но не доходя до крайности и сбежав с башкирцами, помирились и на том разошлись, что оный Шемяка хан по-прежнему, а старшина и войско вновь паки присягали нам Великой Государыне Нашему Императорскому Величеству на верность и о принятии в наше подданство испросили. И тако оною твоею Абулхаир-хана и нам Императорскому Величеству верною службою мы довольны, а которые своевольники на вышепомянутого нашего полковника Гарбера и на караван воровское нападение учинили, те принесли нам Великой Государыне Нашему Императорскому Величеству чистую свою повинную, а Мы, Императорское Величество, в своей милости волю имеем, а сын ваш Эрали салтан и брат Нияз салтан и прочая с ними старшина также и после отправленные вышеупомянутые и из Большой орды старшина ж по прибытии ко двору Нашему пред пресветлейший наш Императорский престол допущены и Нашей Императорской высочайшей милости удостоены и пребывают в довольстве и с награждением Нашего Императорского жало-

ванья вскоре с полным решением и определением по прошению твоему, Абулхаир-хана, чего ты чрез посланного Нашего мурзу Тевкелева желал отправится, а чтоб ты о нем сыне и брате своем прежде их возвращения был известен, сею Нашего Императорского Величества милостивою грамотою отправлены на скоро двое киргиз-кайсаков Тотлымбет батыр и Байбек Теленгут и с ними башкирского народа и знатные трое Каджаш Рахманкулов, Сеит Браткулов, Бекчура Тюйтеев и тебе киргиз-кайсацкой орды Абулхаир-хану, старшине и всему киргиз-кайсацкому войску видя такую Нашу Императорского Величества милость по своей присяге, наипаче верныя свои службы оказывать и пришедшим вновь в подданство Большой и Средней орды ханов, старшине и все войско в верности к нам, Великой Государыне, к Нашему Императорскому Величеству в содржании нашего подданства утверждать. И о том, что их Большой орды прошение о принятии о подданство наше Мы, Великая Государыня, Наше Императорское величество всемилостивейше принять соизволили тебе, Абулхаир-хану, дать от себя к ним, Большой орды, известие, дабы и они Нам, Императорскому Величеству, службою своею, яко верные подданные, оказывали и ведали б, что с полным нашим указом нынешним листом для учинения с ними кондиций, нарочно отправлен будет, такожде с каракалпацким Хаип ханом и старшиною и со всем народом, которые обще в 1731 году, Нам, Императорскому Величеству, подданными учинились, о согласии быть, а противников и других неприятелей орды добрыми способы смирять и в наше подданство и в послушание приводить, за что наивящие Нашего Императорскою милостию взысканы быть имеете». Дан в С.-Петербурге, апреля 20 дня 1734 года.

Проект о способах к удержанию киргизов в подданстве и об устройстве управления в новом крае был составлен сенатским секретарем статским советником Кирилловым, хорошо изучившим азиатские дела [36]. Ис-

[36] Копия с проекта Кириллова имеется в архиве Тургайского областного правления (см. № 2 указы 1734 г.), В проекте, озаглавленном «Нижайшее представление о киргиз-кайсацкой и каракалпацкой ордах», имеются, между прочим, следующие любопытные сведения: «Киргиз-кайсацкая орда никому не подвластная, многонародная и военная; а ныне приходит в подданство Ея Императорского Величества, и уже Меньшей орды Абулхаир-хан со многою старшиною, которых около 30 000 человек, совершенно в подданство в 1731 году приняты, и сына и брата своего сюда прислал.

полнение составленного Кирилловым проекта было поручено ему же при сотрудничестве Тевкелева, произведенного за оказанные им заслуги в чин полковника. Для осуществления на месте выработанных мер была послана в Оренбургский край экспедиция с Кирилловым во главе, снабженная средствами, воинскою силою и сведущими по разным специальностям людьми.

Назначение Кириллова и Тевкелева последовало именным указом императрицы Анны Иоанновны от 14 мая 1734 года. 10 июля того же года последовали Высочайшие грамоты на имя ханов всех трех орд. Хотя о принятии в подданство просили ханы только Малой и Средней орды, но нахождение в составе посольства Эрали двух старшин Большой орды дало основание заключить,

---

Та орда разделяется на три орды. Первая называется Большая, в которой тысяч пятьдесят собраться может, имеют особливого своего хана, а кочуют на полдень и восток близ Бухары, Ташкента и Туркестана и зюнгарского калмыцкого владельца Галдан Черена (Цырена), а на запад к каракалпакской и Средней киргиз-кайсацкой орде на полночь прилегли степи и горы к сибирским и уфимским отдаленным местам, от которой орды ныне сюда приехали посланцы с прошением, чтобы они приняты были в подданство Ее Императорского Величества.

Вторая Средняя орда, в которой Шемяка хан. В ней тысяч двадцать, оные еще в противности стоят и подданства не приняли, однако как увидят порядочные с российской стороны поступки с Абулханром ханом и с Большою ордою, то скоро склонятся к подданству, потому что кочуют между теми обоими ордами по реке Торгай и по другим, но которые реки башкирцы называют своими.

А третья Меньшая орда, о которой выше упомянуто, что оная в подданство принята, кочует близ Аральского озера, которое называют морем и (близ) каракалпаков и между Яика и Средней орды. К башкирцам же и к калмыкам, кои по Эмбе и Яику рекам кочуют, самые близкие соседи и немало башкирской земли захватили.

В тех ордах не столько ханы власти имеют, сколько их старшина, и для того они ни людьми, ни богатством усиливаться не допускают и грамотных в ханы не выбирают, однако ведут наследственных ханов, а детей ханских называют солтанами.

Оные орды, когда были в согласии, то имели во владении своем знатные провинции и города: Туркестан, Сайрам, Ташкент и иные к ним принадлежащие местечки, кои лежат по Сыр-Дарье реке, впадающей в Аральское море, и в том владении в вершинах оной и других рек берут золото. А как между собою в недавних годах вошли не в согласие, то зюнгарский калмыцкий владелец Контанши у них все оные провинции отнял.

С той обиды все те киргиз-кайсацкие орды с зюнгарскими калмыками в непрестанной войне и могли б тех калмык одолеть, ежели б обще согласились, а у них один хан с войною пойдет, а другой оставляет, и так свое владение у калмыков теряют».

что и эта последняя орда также желает вступить в русское подданство.

Грамоты эти следующего содержания:

1) «Божиею милостию Мы, Анна, Императрица и Самодержица Всероссийская.

и прочая, и прочая, и прочая».

Киргиз-кайсацкой орды Абулхаир-хану, старшине и всему киргиз-кайсацкому войску нашего Императорского Величества милость: Мы уповаем, что отпущенный отсюда с нашею Императорского Величества милостивою к тебе грамотою и от обретающихся здесь при сыне твоем Эрали из старшин киргиз-кайсацких Татлымбет, батыр, Банбек Теленгут и с ними трое башкирцев уже к тебе приезжали, и с тоя нашея грамоты ты, Абулхаир-хан, о нашей к тебе Императорского Величества Высочайшей милости и содержании здесь сына твоего во всякой милости обстоятельно уведомился, а ныне мы, Великая Государыня, наше Императорское Величество, с особливого нашего милосердия к тебе, нашему подданному Абулхаир-хану, и старшинам и ко всему киргиз-кайсацкому народу и на прошение твое Абулхаир-хана всемилостивейше соизволили послать отсюда нашего статского советника Кириллова и нашего же полковника мурзу Мамета Тевкелева и указали город при устье Орь реки построить и людьми и артиллериею, пушками и мортирами и прочим воинским снарядом снабдить, для удобнейшего и скорейшего тебя, нашего подданного Абулхаир-хана и старших и всего войска такожде и других киргиз-кайсацких и каракалпацких в неше подданство пришедших орд ханов и старшин всего войска и способства от наших и ваших неприятелей охранения и защищения, в чем во всем от Нашего Императорского Величества дана им, статскому советнику Кириллову и полковнику Тевкелеву, полная мочь и с ними и сын ваш Эрали султан и брат его Нияз-султан и при них старшины и рядовые все возвратно к тебе отпущены и с награждением нашего Императорского Величества жалованья, при отпуске и на проезде с удовольствием и тебе киргиз-кайсацкой орды Абулхаир-хану старшине и всему киргиз-кайсацкому войску, видя сию нашу Императорского Величества милость наипаче верныя службы оказывать и, как при первом случае во время строения города, так и всегда о внезапных неприятельских нападениях всякое охранение чинить и о худых и об противных чьих намерениях и замыслах наших статскому со-

ветнику Кириллову и полковнику Тевкелеву и войскам нашим, где какия случаи допустят, заблаговременно ведомость подать и других, упомянутых наших подданных ханов и старшин и войско, в том утверждать и во всем так поступать, как нашему Императорскому Величеству подданническую присягу ты, Абулхаир-хан и старшина и войско учинили, впрочем оные, Кириллов и Тевкелев, имеют указ наш пространнее тебе объявить и изустно от нашея Императорского Величества милости тебя обнадеживать, чего ради тебе, Абулхаир-хану, с ними видеться почасту, и что они о случающихся делах говорить станут, верить и потому исполнять. Дан в С.-Петербурге, июня 10 дня 1734 году, государствования Нашего пятого году».

У подлинной грамоты Ее Императорского Величества государственная печать.

2) «Божиею милостию Мы, Анна, Императрица и Самодержица Всероссийская.

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему подданному Шемяке хану, старшинам и всему киргиз-кайсацкому Средней орды войску Нашего Императорского Величества милость. Нам, великой Государыне Нашему Императорскому Величеству известно, как в 1731 году ты, Шемяка-хан, в бытность Нашего посланнаго в киргиз-кайсацкую орду мурзы Тевкелева, в подданство Наше вступил и в верности Нам присягу учинил, а потом, преступая тоя присягу, твоей орды кайсаки на Наших подданных башкирцев нечаянно напасть и раззорение им учинить хотели, а после, в другой раз, ты, Шемяка-хан, сам с своими кайсаками, на них же, башкирцев, приходил и как сперва, так и в другой приход, от тех Наших подданных башкирцев побежден и в том, другом приходе, не входя до крайности, съехавшись с башкирцами, помирились, и ты, Шемяка-хан, по-прежнему, а старшины и войско вновь Нам Великой Государыне Нашему Императорскому Величеству присягали и о принятии в Наше подданство со всенижайшим прошением нарочных посланцев в Уфу присылали, которые твои посланцы назад к тебе отпущены, а понеже ныне по всемилостивейшему Нашего Императорского Величества соизволению послан Наш статский советник Иван Кириллов, да полковник — вышеобъявленный мурза Тевкелев, для строения при устье Орь-реки города и дана им полная мочь киргиз-кайсацкой орды хану и старшине и всему войску Наше соизволе-

ние объявить, и Наших верных подданных обнадежить и желающих быть в Нашем подданстве утвердить присягою, того ради Мы, Великая Государыня Наше Императорское Величество, по самодержавной Нашей власти и с особливого Нашего киргиз-кайсацкому народу милосердия, тебе, Шемяке-хану, старшине и всему кайсацкой Средней орды войску, ежели вы по намерению вашему в подданстве к Нам верно приходите и быть желаете, учиненному твоему, Шемяки-хана, по первой присяге, проступку всемилостивейше прощаем, а впрочем что тебе, Шемяке-хану, и всему кайсацкому Средней орды войску делать и как поступать надлежит — от Нас имеют указ статский советник Кириллов и полковник Тевкелев. Дан в С.-Петербурге, июня 10 дня 1734 года, государствования Нашего пятого года». У подлинной грамоты Ее Императорского Величества государственная печать.

Третья грамота была дана тоже от 10 июня 1734 года хану Большой орды, содержание которой одинаково с грамотой, данной Абулхаир-хану. В этой грамоте сказано, что государыня, выслушав донесение хана, принимает его в подданство со всем народом на таких же кондициях, на каких приняты Абулхаир-хан со всею Малою ордой. Как должен хан Большой орды поступать, приняв российское подданство, о том имеют ему объявить указ Кириллов и Тевкелев, которым во всем дана полная мощь.

Статскому советнику Кириллову, для руководства при устройстве управления в присоединяемой области, была дана инструкция, главные основания которой следующие:

1) При устье р. Ори построить город с крепостью и стараться привлечь для поселения в нем жителей.

2) Врученные грамоты разослать ханам Малой и Средней орд, родоначальникам Большой орды и каракалпакскому хану.

3) Ханов и родоначальников всех этих орд пригласить к себе и от Большой и Средней орд потребовать принять присяги на подданство.

4) Султана Эрали отправить к отцу под надежным прикрытием.

5) Удерживать киргиз-казаков в повиновении, смотря по обстоятельствам, милостями и подарками, или строгостию и страхом.

6) Если Абулхаир или другие ханы и простые киргизы захотят кочевать близ нового города, то назначить

им места. Если же ханы пожелают иметь для приезда или житья дома, то строить таковые под городом по их обычаю. Равным образом не отказывать им в построении мечетей, но иметь при них караул как для чести, так и для надзора.

7) Реку Урал назначить границею смотрения, чтобы никто из киргизов своевольно на правый ее берег не переходил.

8) Для разбирательств учредить суд из русских чиновников и знатных киргизов, как, например, из ханских детей или других султанов и старшин. В суде сем судиться по обычаям своей земли.

9) По основании города и после свидания с Абулхаиром, при первом удобном случае отправить караван с товарами в Бухару, а если можно — и далее. Равным образом стараться привлечь в Россию для торговли купцов из разных мест Азии. В каждом караване, начиная с первого, отправлять геодезистов для осмотра и съемки мест.

10) Отыскивать по возможности руды и осмотреть место, заключающее в себе, по словам Абулхаира, золото.

11) Стараться завести на Аральском море пристань и вооружить суда, для чего построить вначале несколько шлюпок на Яике (Урале) и, разобрав их, держать со всеми снастями во всегдашней готовности. Когда же город построится и связи с киргиз-казаками и каракалпаками утвердятся, то разобранные суда в зимнее время, с согласия Абулхаира и знатнейших старшин, привести на Аральское море и, опять собрав, вооружить пушками.

12) Покупать у киргизов при удобных случаях лошадей для кавалерии.

13) В открытии, добыче и продаже минералов, кроме золота и серебра, которые в киргизской степи могут быть найдены, поступать на купеческом основании, не теряя времени в соблюдении форм.

Кроме этой инструкции были даны Кириллову еще следующие дополнительные «дипломатические» наставления:

1) Надзирать за башкирцами, между которыми ранее оказывались частые беспокойства.

2) Иметь такое же наблюдение и за киргиз-казаками.

3) Если те или другие будут волноваться, то употреблять один наряд против другого, сберегая русское войско.

4) Стараться иметь верные и скорые известия о всех народах, пограничных с Россиею.

5) Особенно наблюдать действия зюнгаров, изыскивая средства прекратить набеги их на Сибирские поселения, и отвратить их от собирания подати с так называемых двоеданцев [37]. Если же замечено будет со стороны их какое-либо движение, то немедленно доносить Коллегии Иностранных Дел и давать знать пограничным начальникам.

6) Абулхаиру, в войне его против хивинцев, оказывать пособия только порохом и оружием, но войск вспомогательных не давать.

С такими широкими полномочиями и наставлениями Кириллов выехал из Петербурга в Оренбургский край 15 июня 1734 г. Вместе с Кирилловым выехали полковник Тевкелев, султан Эрали и находившиеся в составе посольства киргизские и башкирские старшины.

По прибытии в Уфу Кириллов прежде всего озаботился снаряжением экспедиции к устью р. Ори для постройки нового города и крепости. С большими затруднениями в проезде по диким лесистым местам, испытывая недостаток в провианте, Кириллов с командою прибыл 6 августа 1735 г. к устью р. Ори и 15 того же августа, после благодарственнаго молебствия, была заложена Оренбургская крепость о четырех бастионах, а 31 августа произведена торжественная закладка г. Оренбурга [38] (на том месте, где ныне г. Орск).

Об этом Кириллов донес в Петербург и уведомил Абулхаира хана чрез его двоюродного брата султана Нияза с приглашением, чтобы он, Абулхаир, с прочими владельцами киргиз-кайсацких орд прибыл в новый город Оренбург весною следующего 1736 года. Вместе с тем Кириллов опубликовал данную новому городу привилегию и приглашал ташкентских купцов приезжать для торговли.

Успешное начало порученных Кириллову дел было прервано на несколько лет заботами об усмирении бунта башкиров. Башкиры в постройке города и крепости при устье Ори усматривали нарушение своих прав и хотели вытеснить русских из нового города. Бунт принял широкие размеры, и для подавления его был назначен генерал-лейтенант Румянцев.

---

[37] Двоеданцы — кузнецкие татары.

В течение 1736 года Кириллов, не имея возможности заниматься киргизскими делами, выстроил несколько крепостей в Башкирии, и в том числе Губерлинскую, Озерную и форпосты Средний, Бердский и Крылов. В 1737 году он предполагал заняться приведением в исполнение разных проектов, касающихся развития края, но 14 апреля того же года умер в г. Самаре.

На место Кириллова именным Высочайшим указом от 10 мая 1737 г. был назначен начальником Оренбургской экспедиции действительный статский советник Татищев, произведенный при этом в тайные советники. Новому начальнику предложено было руководствоваться инструкциею и указами, данными Кириллову, и продолжать все начатое последним. Об азиатских делах, между прочим, в указе говорилось: «Что до бывших у Кириллова дел и комиссий, между тем и сие принадлежит, чтоб установленная с хивинцами коммерция всяким образом содержана и приумножена была; *также что и в киргиз-кайсаках и о наилучшем их приласкании и от всяких противных предприятий удержании, особливое попечение имелось*».

Первое время, по вступлении в должность, Татищеву пришлось заниматься усмирением башкирского бунта. Хан Абулхаир предложил свои услуги содействовать усмирению непокорных и когда это было разрешено, он грабил Башкирию, не различая бунтовщиков от мирных верноподданных жителей. Впоследствии обнаружилось, что Абулхаир имел намерение добиться назначения своего сына ханом Башкирии. Когда замыслы Абулхаира и его мародерство были обнаружены, последовало распоряжение удалить его из Башкирии, что и было исполнено Татищевым без всяких затруднений.

Между тем часть Малой орды, кочевавшая по Уралу близ Каспийского моря, возобновила свои нападения на калмыков и при одном из своих набегов захватила в плен много русских.

В таком положении находилась Малая орда в 1738 году, когда Татищев с войсками прибыл в Оренбург. Хан Абулхаир боялся возмездия за свои вероломные поступки и всячески старался уклониться от свидания с Татищевым. Но Татищев настойчиво потребовал явки Абулхаира для привода к присяге на подданство как его, так и родоначальников. После предварительных переговоров и разведок хан Абулхаир решился исполнить требование Татищева.

В архиве Тургайского областного правления сохранилось подробное описание церемонии встречи хана Абулхаира и принятия им, его сыном и почетными киргизами присяги.

По случаю прибытия Абулхаира для принятия присяги на русское подданство был составлен церемониал встречи хана в Оренбурге. Церемониал состоит из следующих четырнадцати пунктов.

1) Когда хан прибудет и приблизится к отъезжему караулу, тогда остановиться на время и в лагерь послать известие: сколько с ханом находится людей, приняв от него письменную грамоту. На встречу хана должны быть высланы: майор и капитан с ротою войска, музыкой (трубы и литавры) и 12 лошадей с богатыми уборами.

2) Когда хан прибудет, тогда послать переводчика, поручив ему сказать, чтобы хан изволил ехать. По приезде хана к караулу майор должен его поздравить и объявить, что приведенные лошади и рота присланы для ханской почести.

3) Вперед последуют 24 гренадера с урядником; за ними конюший с лошадьми, рота драгун, за ротою, если есть какие-либо подарки, а затем трубы, литавры и хан. Вблизи хана — майор с переводчиком, далее киргиз-кайсаки. Позади всех капрал и 24 гренадера.

4) Полкам и казакам стоять всем в параде и вести хана прямо к казачьему лагерю и, не доехав сажен за 50, поворотить возле полков и также потом хану ехать, не приближаясь к войскам и, когда он прибудет к астраханскому полку, тогда скомандовать: на караул! и музыке играть!

5) Когда хан артиллерию минует, тогда выстрелить из 9 больших пушек и провести его мимо Сергиевского полка, потом сквозь надолбы, до ставки тайного советника [39].

6) Когда хан, прибыв к ставке, прибудет к самому большому шатру, тогда майору и султанам сойти внутрь двора, у ворот и, не скидывая сабель, идти за ханом, а всем прочим сойти за ворота, скинув ружья и идти за ним же.

7) Хана у лошади — встретить за майора поручику флота Белосельскому; в шатре по средине, за подполковника — инженер-майору Ростиславскому; у дверей па-

[38] Татищева.

латки полковнику Тевкелеву, а тайный советник будет стоять посредине палатки. В палатку войдут хан, султаны и знатные старшины, а прочие останутся в шатре и за шатром.

8) Вошедший хан тотчас должен поздравить Ее Императорское Величество и объявить о желании их состоять в вечном российском подданстве, на которое тайный советник принесет тоже поздравление и обнадежит милостями Ее Величества хана и его орду, приемля их в подданство, но потребует от них, чтобы они дали верное обещание и присягу по их закону. Когда хан это обещает, тогда, обнявшись и подав друг другу руки, по их обычаю, сядут на двух обитых золотою парчою креслах, хан по правую руку, а тайный советник по левую. Между ними покрыть стол богатым китайским ковром, поставив над ними портрет Ее Величества. Султанам и полковникам подать бархатные кресла, прочим же, в шатре, штаб и обер-офицерам, стулья; а киргиз усадить на ковре. Когда вся ставка будет устлана персидскими коврами, тогда велеть ахуну быть в готовности.

Немного посидев, хан и султаны принесут присягу, стоя на коленях, для чего послать золотой персидский ковер. После принятия ханом присяги он должен на присяжном листе приложить печать, а Эрали султан, присягнув, подпишет.

10) Батыры, бии и прочие присягу принесут в большом шатре при полковнике Тевкелеве.

11) По окончании присяги поставятся столы хану и султанам, да полковникам в большой палатке, а прочим батырам и штаб-офицерам в большом шатре. Остальным киргиз-кайсакам будут поданы: говядина, хлеб, вино, пиво и мед вне двора. Переводчику Устану Богданову с толмачом находиться при столе тайного советника для переводов; переводчику Максютову и Ярославу в большом шатре, а ахуну в малом.

12) За столом пить за здоровье Ее Императорского Величества при 21 выстреле; за здоровье фамилии Ее Величества при 17 выстрелах; за счастливое русское оружие при 13; за здоровье хана со всею ордою при 9; потом пить за здоровье всех Ее Величества верноподданных при 9 выстрелах; за ханшу и султанов при 7; за всех ханов, пожелавших быть в подданстве Ее Величества, при 7; потом пить без стрельбы. Примечание: всего семь здоровьев и 83 выстрела.

13) После обеда проводить хана, таким же порядком, до его ставки за лагерь, или, если того пожелал бы, в лагерь, где поставить две больших и две малых палатки, из которых ханские услать коврами, а прочие — полостями; поставить караул: капитан с ротою.

14) Если хан в тех палатках будет ночевать, то бить в барабан и играть музыке в одно время, как и у тайного советника.

После встречи, согласно церемониала хана Абулхаира, была принесена присяга по особому присяжному листу, содержание которого здесь приводится подлинником: «Я, киргиз-кайсацкого народа хан Абулхаир, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, что хочу и должен со всем моим родом и со всею моею ордою Всепресветлейшей, Державнейшей Государыне Императрице и Самодержице Всероссийской и проч., и проч., и проч., и по ней Ее Императорского Величества высоким законным наследникам, которые по изволению Самодержавной Ее Императорского Величества власти определены, и впредь определяемы и к восприятию престола удостоены будут, верным, добрым и послушным рабом и подданным быть и все к высокому Ее Императорского Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества узаконенные и впредь узаконяемые по крайнем уразумению, силе и возможности предостерегать и оборонять и в том живота своего в потребном случае не щадить и притом, по крайней мере, стараться споспешествовать все, что к Ее Императорского Величества верной службе и пользе, во всяких случаях касатися может. О ущербе же Ея Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать, и по указам Ее Императорского Величества присылаемым с крайнею возможностью исполнять тщатися буду, и как я пред Богом и судом Его страшным в том всегда ответ дать могу, как суще мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей моей клятвы целую слова, данные от Всевышнего Бога».

После принятия ханом Абулхаиром присяги ханом была произнесена на киргизском языке речь следующего содержания: «Ее Императорское Величество, Всемилостивейшая Государыня Императрица и Самодержица Всероссийская! Яко единое солнце на небе превосходит все прочие светила в мире, которого хотя, за отдалением, глазами не вижу, но сердцем великолепие и милость

ощущаю, в лице Вашем, господине тайном советнике, как в луне приемлющей от Ее Величества лучи сияния, припадая,— подданнейшую мою покорность, сыновнюю мою любовь и рабское повиновение изъявляю. И с великими над неприятелем победами, с большою моею радостью поздравляю и вовеки желаю иметь в этом преимущество. Себя же, со всею моею фамилиею и моими ордами, во Всевысочайшую Ее Императорского Величества милость, как под крылья великого орла, повергаю и в вечной верности и покорности пребываю и пребуду.

Вас же, господина тайного советника [40], как моего приятеля, с благополучным сюда прибытием поздравляя, желаю к себе и к моим иметь любовь и дружбу видеть, которые от меня и от моих с крайнею возможностью изъявлены будут».

На эту речь тайный советник Татищев ответил речью, переведенною на татарский язык, следующего содержания: «Почтенный Абулхаир-хан! Ваше к Ее Императорскому Величеству подданнейшее поздравление приемлю не иначе, как за утверждение ваше к Ее Императорскому Величеству в покорности и об этом всеподданнейше донести не оставлю, при том вас Высочайшим повелением Ее Императорского Величества обнадеживаю, что Ее Величество вас, хана, со всею фамилиею и ордами, в подданство принимает и в Высочайшее Ее десницы зачисление и материнскую милость принять соизволила так и всегда вас, яко верных подданных, в том содержать соизволит. Службу и верность, показанную от вас, Всемилостивейше похваляет; при том объявляю вам Всемилостивейшее Ее Императорского Величества изволение, чтобы вы единое, обещанное свое подданническое желание, по закону вашему утвердили. Я же, собственно, видя вас, весьма радуюсь и от сердца желаю вам всякого благополучия и поздравляю, и от моей к вам любви и дружбы не иначе, как моего друга и брата, уверяю и оное непременно сохранить желаю».

На следующий день принял присягу ханский сын султан Эрали по особому церемониалу следующего содержания:

1) Как султан прибудет к отъезжему караулу, тогда послать навстречу капитана, поручика, 24 человека гренадер, 60 мушкетеров, да переводчика и за ними 3 заводских коней и 6 — с богатым убором; капитан должен

[40] Татищева.

поздравить султана и далее ехать таким же порядком, как проехал хан.

2) Когда султан прибудет к лагерю, прямо к воротам, тогда полкам стоять в строю и, пробив дробь, выстрелить из 7 пушек.

3) Когда прибудет султан ко двору, то ханского сына встретить, у лошади — капитану, в шатре — майору, у палатки — полковнику Тевкелеву. Тайный же советник Татищев, встав со стула, по выслушании его речи, учиня совет, даст ему руку. Обер-офицерам стоять по обеим сторонам шатра в среднем убранстве.

4) По окончании речи немедленно разостлать золотой ковер, на котором ему, султану, и хану в своей одежде, встав на колени,— учинить присягу. По окончании же присяги тайный советник и все штаб- и обер-офицеры поздравят его, как верного Ее Императорского Величества подданного и особенного раба, а потом, уйдя в большую кибитку, сядут; то же сделают и полковники. Между тем полковник Тевкелев, в большом шатре, примет присягу от старшин Меньшей и Средней орды, именно от тех, которых не было. После чего немедленно приготовить столы и потом привести Эрали султана в кибитку.

5) За обедом пить здоровье так же, как и по ханскому церемониалу с пушечною пальбою, но с убавкой против прежнего.

6) После обеда отпустить султана Эрали порядком, указанным в ханском церемониале.

Присяжные листы утверждены именными печатями хана Абулхаира и сына его султана Эрали.

В один день с султаном Эрали присягали на русское подданство и киргизские представители Малой и Средней орд. Благодаря любезному содействию султана Т. А. Сейдалина 2-го, мы имели возможность сделать далеко небесполезное указание на имена всех присягавших в то время киргизских родоначальников. Может быть, современные киргизы узнают, что то были люди, память о которых и ныне пользуется между ними всеобщим уважением, которое они вполне заслужили уже по одной дальновидности, в которой поставили свой народ под защиту и покровительство могущественной России и тем создали для него счастливую и спокойную будущность.

Имена этих киргизских родоначальников мы приводим в том самом порядке, как они подписались на присяжном листе, с отметками против каждого о месте ко-

чевания нынешнего их потомства по существующим теперь степным областям и уездам.

Перевод подписей киргизских родоначальников к принятой ими в августе 1738 г. присяге на подданство России.

1) Средней орды: поколение Найман, Кунакай — батыр Янкшиева (в нынешней Семиреченской области, а частью в самой южной части Тургайского уезда).

2) Аргынского рода, Карабалуан Адияров (в южных уездах Акмолинской области и в Тургайском и Николаевском уездах Тургайской области).

3) Кипчакского рода, Кульденен Тюле-батыр Рысмбетев (в Николаевском уезде).

4) Малой орды: Алчинец Чумескеева рода, Мамбет Аталык Булгаков (в Казалинском и Иргизском уездах).

5) Алчинец Алачинского рода, Байсеу Бутпанаев (в Уральской области, а частью в Перов. уезде, Сыр-Дарьинской области).

6) Алчинец Таминского рода, Алакуз-батыр Сарин (в Тургайской области, Актюб. уезде).

7) Тараклы — Таминского рода, Кулгильды-батыр Жилгильдин (в Уральской области).

8) Джагалбайлинского рода, Сярке-батыр Минлибеков (в Актюбинском и Кустанайском уездах, Тургайской области).

9) Алчинец Маскарова рода, Жадик-бий Маскаров (в Уральской области).

10) Алчинец Кетинского рода, Бустубай Рысаев (в Уральской области).

11) Алчинец Алачинского рода, Сеиткул Сейтимбетов (в Уральской и Сыр-Дарьинской област.).

12) Алчинец Яппасского рода, Утетлеу Кашкин (в Кустанайском и Перовском уезд.).

13) Тараклы — Табынского рода, Тулебай-батыр, Джулбулдин (в Уральской области).

14) Тараклы — Табынского рода, Яманкул Кунакай Хафизов (в Уральской области).

15) Из рода Житру Каржау, Кучкунбаев (в Николаевск., Илецком, Перовском, Уральск. и Эмбенском уездах).

16) Средней орды: Аргынско-Туртуулова рода, Тукбура-бий Карекин (в Акмол. и Тург. областях).

17) Чакчакова рода, Турдугул Кочкаров (в Тургайском уезде).

18) Найманова рода, Айткул-батыр Хожагелев (в Семиречен. и Тургайской областях).

19) Канджигалинского рода, Хаджигул Джаныбеков (в Петропавловском уезде, Акмолинской области).

20) Чакчакова рода, Букенбай Брь-курткин (в Тург. уезд.).

21) Того же рода, Идельбай Аювов (в Тургайском уезде).

22) Узун-Кипчакского рода, Кушумбет Куттуков (в Тургайск. и Кустанайск. уездах, Тургайской области).

23) Шар-Житимского рода, Умурзак Алдияров (в Тургайск. и Кустанайск. уездах, Тургайской области).

24) Алтай — Аргынского рода, Чагырбай Мурзагильдин (в Акмолинской области).

25) Чакчакского рода, Джаныбек Акназаров (в Тургайском уезде).

26) Шар-Джетимского рода, Чагыр Бугаев (в Тургайском и Кустанайском уездах).

Августа 4.

27) Малой орды: Джитру Джагалбайлинского рода, Турлубай Джумгурунов (в Актюбинском и Кустанайском уездах).

28) Байбактинского рода, Джаркын Джарасов (в Уральской области).

29) Джилкчи — Табынского рода, Кубек Карымсаков (в Тургайской области, Актюбинского уезда).

30) Табынского рода, Куват Амандыков (в Актюбинском и Уральском уездах).

31) Чумекейского рода, Сярке Бурунов (в Казалинском и Иргизском уездах).

32) Алчинец Яппасского рода, Токбай Байбурин (в Кустанайском уезде, Тургайской области и Перовском, Сыр-Дарьинской области).

33) Средней орды: Найманова рода, Жарылган Хожагель-Батырев (в Семиреченской области и Туркест. уезде).

34) Чакчакова рода, Базар Ямангулов (в Тургайском уезде).

35) Иргенстли Найманова рода, Кинжебай Алдияров (в Семиреченской области и Туркестанском уезде).

36) Малой орды: Табын-Таминского рода, Мамбет

Темсй-Хафизов (в Актюбинске, Тургайской области и Уральск. уезде).

37) Кердеринского рода, Хаккулы Уразгулов (в Уральской области).

38) Табынского рода, Сядибек Жанетов (в Актюбинске, Тургайской области и Уральском уезде).

39) Табынского рода, Сатай Якшибаев (в Актюбинске, Тургайской области и Уральском уезде).

40) Байбактинского рода, Кашагал Хангильдин (в Уральской области.)

41) Табынского рода, Калыбай Тукуманов (в Актюбинске, Тургайской области и Уральском уезде).

42) Джагалбайлинского рода, Жапак Кекчин (в Актюбинском и Кустанайском уездах, Тургайской области).

43) Алачинского рода, Маргузы Кутыев (в Уральской и Сыр-Дарьинской област.).

4) Маскарского рода, Иглик Мамай-Аталыков (в Уральской области).

Августа 6.

45) Средней орды: Чакчакова рода, Джаныбек-батыр Кочкаров (в Тургайском уезде).

46) Бура-Найманова рода, Чурек-бий Байхудайкулов (в Семиреченской области и южной части Туркестанского уезда).

47) Узун-Кипчакского рода, Тлеули-батыр Габдрахманов (в Тургайск. и Кустанайск. уезд., Тургайск. обл.).

48) Канджигалинского рода, Байбулат Кулджумуров (в Петропавловском уезде, Акмолинской области).

49) Чакчакова рода, Шалик-батыр Тнет Батырев (в Тургайском уезде).

50) Того же рода, Хасен Улукулов (в Тургайск. уезде).

51) Того же рода, Кельтегара-батыр, Арыслан-Аталыков (в Тургайском уезде).

52) Бура-Найманова рода, Ураз-батыр Кундубаев (в Семиреченской области и южной части Туркестанского уезда).

53) Терис-Тамгалы Найманова рода, Сарыкул Хожагильды-Батырев (в Семиреченской области и южной части Туркестанского уезда).

54) Шар-Жетимского рода, Кунчабай Кутлубаев

(в Тургайском и Кустанайском уездах, Тургайской области).

55) Малой орды: Таминского рода, Кырбас-батыр, Омар Батырев (в Актюбинском уезде, Тургайской области).

56) Средней орды: Кипчакского рода, Сатай-батыр, Кубукин (в Кустанайском, Тургайском и Перовском уездах и в Ферганской области).

Переводил султан Сейдалин 2-й.

По окончании торжества привода к присяге Абулхаира-хана и представителей киргизского народа было приступлено к обсуждению обязательств, которые должны быть приняты на себя новыми подданными по крайней мере на первое время своего подданства. Во время нескольких свиданий Абулхаир-хана с главным командиром края Татищевым, первый принял по отношению к России обязательство освободить всех русских подданных, находившихся как в киргизских ордах, так и в соседних среднеазиатских ханствах и кроме того обязался покровительствовать и защищать караваны русские при переходе их чрез степи киргизские. В подтверждение своей покорности хан Абулхаир выразил желание отправить в следующем 1739 г. к Высочайшему двору свою жену ханшу Папай. С своей стороны Татищев обещал отпустить в орду султана Эрали, бывшего в Оренбурге в качестве аманата, под условием замены его другим сыном Абулхаира Ходжей Ахметом.

О принятии ханом Абулхаиром с киргизскими представителями присяги на подданство Татищевым было донесено на Высочайшее имя с представлением письма Абулхаира, выражавшего всеподданнейшую благодарность государыне императрице за милости и подарки. В ответ на это последовала 19 сентября 1738 г. высочайшая грамота следующего содержания.

Божиею милостию, Мы, Анна Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашего Императорского Величества подданному киргиз-кайсацкому Абулхаир-хану и сыну его Нуралисалтану и старшине и всему киргиз-кайсацкому войску Наша Императорская милость.

К Нам, Великой Государыне к нашему Император-

скому Величеству, всеподданнейший твой, Абулхаир-хана, лист 13 минувшего августа нашему тайному советнику Василию Татищеву врученный здесь, получен, из которого мы усмотрели, что ты, Абулхаир-хан, и сын твой Нурали-салтан и старшины пред сим данное о верном к нам Великой Государыне к Нашему Императорскому Величеству подданнстве вашем обещание ныне вновь при присутствии того нашего тайного советника паки засвидетельствовали, и учиненною Вами присягою наикрепчайше подтвердили и при том приносите за нашу Императорскую к вам показанную милость и жалованье всеподданнейшее благодарение. О чем и о прочих ваших добрых и верных поступках и намерениях и согласных некоторых учреждениях упомянутый Наш тайный советник Нам всеподданнейше доносил. И Мы, Великая Государыня Наше Императорское Величество, сию твою Абулхаир-хана и сына твоего Нурали-салтана и старшин и всего киргиз-кайсацкого войска всеподданнейшую к нам верность и к службе нашей охоту приемлем милостиво, и елико принадлежит до учреждения при новопостроенных по желанию Вашему городах в лучшую всего киргиз-кайсацкого народа пользу яко же о купечестве и о прочем реченной тайной советник нашими Императорского Величества указы снабжен. И во всем том дана ему полная мочь. И что он указом нашим будет объявлять, и тебе, Абулхаир-хану, Нурали-салтану и старшинам, тому совершенно верить и исполнение чинить и тем наипаче верные свои службы нам оказывать и других подданных наших киргиз-кайсацких ханов, салтанов и старшин и войско в том утверждать, а о худых и противных чьих замыслах и намерениях ему, тайному советнику, и войскам Нашим, где случай допустит, заблаговременно ведомости подавать и самим Вам против таких противников сопротивление чинить; за что толь наипаче в Нашей Императорской Высочайшей милости оставлены не будете. Дан в Санкт-Петербурге, сентября 19 дня 1738 году.

Итак, со времени событий 3—4 августа 1738 г. следует считать вступление в русское подданство киргизов Малой орды владения Абулхаира-хана окончательно совершившимся.

В последующих событиях хотя и встречаются факты, указывающие на неточное соблюдение киргизами верно-

подданнического долга, но по беспристрастном обсуждении их нельзя вывести неопровержимого заключения о том, чтобы в каждом отдельном случае весь народ старался избавиться от добровольно принятого им русского подданства.

Напротив, есть основания предполагать, что все эти случаи, к рассмотрению которых мы и приступаем, явились результатом инициативы отдельных лиц, побуждаемых какими-либо честолюбивыми стремлениями, недовольством против ханов или другими личными целями.

Спустя три года после принятия присяги Абулхаир ханом с сыновьями и представителями народа, именно в 1741 г., посланцы Абулхаир-хана, отправленные к Высочайшему двору для ходатайства о возведении еще одного города на Сыр-Дарье, об отправлении в степь караванов и проч., заходили в Петербург к турецкому послу с заявлением, что они со всею ордою желают быть подданными турецкого султана. Но несомненно, что на переговоры по этому вопросу посланцы не имели никакого полномочия ни от хана Абулхаира, ни от народа, и весь инцидент кончился выговором посланцам, объявленным при возвращении их в степь [41].

Правда, в 1747 году наше правительство, получая постоянные донесения о набегах киргиз на пограничные поселения и об увозе в плен русских людей, высказыва-

---

[41] Выговор этот изложен в особой записке, сохранившейся в архиве Тургайского областного пр. (см. сборн. указов 1742 г. стр. 49—50). Считаем нелишним привести здесь этот интересный документ, содержание которого следующее:

«Записка выговору, каков имеет учинен быть при отпуске киргиз-кайсацкой меньшей орды Абулхаир-хана, посланцам Кутырбатыру и Байбаку.

Понеже получено здесь известие, что прошлого 1741 года, в ноябре месяце, были они посланцы, в квартире бывшего тогда в С.-Петербурге турецкого посла с таким объявлением, что желают они быть со всею своею ордою в подданстве султана турецкого; и тако сей их поступок со всеподданнейшею их киргиз-кайсацкого народа к Ее Императорскому Величеству должностью весьма не сходствен, и нечаятельно, чтоб на сей их, посланцев, поступок Абулхаир-хан и старшина их согласились, ибо они довольно ведают, что и с того их народу пользы быть не может; и хотя за сей их, посланцев, продерзостный поступок надлежало было к их хану писать, чтобы он их наказал, но Ее Императорское Величество, для благополучного своего на родительский Императорский престол восшествия, не токмо сие их оставить, но и с обыкновенным награждением их отпустить указать соизволила и посылается с ними к Абулхаир-хану от ее Императорского Величества всемилостивейшая грамота. Сборник указов 1742 г., стр. 49—50.

Каратай [45]. В 1812 году в ханском звании был утвержден султан Ширгази, также боявшийся появляться в степи. Наконец в 1824 году ханское звание в Малой орде было уничтожено, и с этого времени началось постепенное устройство русского управления и суда.

Средняя орда хотя и считается вступившею в русское подданство одновременно с Малой, но, по отдаленности кочевания главных родов, влияние русской власти долгое время не могло проникнуть в среду населения. Благодаря искусству и изворотливости главного властителя

---

[45] Для характеристики жестокостей, какие производились султаном Каратаем в это смутное время, приводим следующий рассказ з.-хорунжего Сеит-баттала Кунгурбаевича Нурмухамедова. Каратай, подчинив своей власти очень много киргиз Малой орды, вел непримиримую войну с теми родами, которые не признавали его ханом, а оставались приверженцами хана Джантюре. В особенности сильно враждовал Каратай с непокорившимися ему киргизами джилкышитабынского рода. Не было никакой пощады от Каратая попадавшимся ему в плен джилкыши-табынцам. Однажды Каратай, захватив в плен 200 человек ненавистных ему джилкышытабынцев, распорядился привязать их за головы, как баранов, к веревке петлями. Пред казнью Каратай обходил пленных, и во время этого осмотра один из пленных крикнул, что имеет передать хану (так киргизы называли Каратая) поклон от Кунгурбая, (уважаемого Каратаем старшину таминского рода). Каратай, по-видимому, не обратил внимания на крик пленного. Но вскоре Каратай потребовал его к себе и спросил: как он знает Кунгурбая? Джундыбай (так звали пленного) ответил, что он приходится зятем Кунгурбаю и видел Каратая в Оренбурге в то время, когда Кунгурбай являлся к нему, хану, на поклон. «Вы, таксыр, в то время подарили Кунгурбаю медный чайник и 4 чашки, сказав ему, что он по скупости не покупает посуды для невесток, так пусть им подарит. Кунгурбай мне говорил: «Ты, Джундыбай, живешь среди непокорных джилкыши-табынцев, которых хан Каратай наказывает смертью. Если когда-нибудь попадешься в руки Каратая, то передай ему от меня поклон и, быть может, он помилует тебя». Выслушав Джундыбая, Каратай приказал вновь привязать его к веревке, а вечером велел раздеть донага и отвезти в какой-нибудь аул. Отдавая такое распоряжение, Каратай сказал: «Ни лошади, ни одежды нельзя дать Джундыбаю потому, что, предпринимая поход против джилкышитабынцев, я дал своим приверженцам присягу не отпускать помилованных мною врагов на лошадях и в одежде».

Джундыбай, избежав смерти, переселился к таминцам, а остальные 199 человек пленных были казнены Каратаем позорною смертью.

Подобными мрачными эпизодами беспощадного взаимного истребления очень богато прошлое киргиз, часто враждовавших между собою. Современное поколение киргиз, в силу наследственной привычки, также очень часто враждует между собою, но результатом этой вражды являются не тысячи трупов, которыми покрывалась прежде степь, а масса судебных дел и сотни жалоб, прошений и доносов.

этой орды султана Аблая, Средняя орда оставалась совершенно независимою до самой смерти Аблая, последовавшей в 1781 году. Он умел, смотря по обстоятельствам, казаться преданным то России, то Китаю, то Джунгарии, но в действительности не подчинялся никому, а при случае беспощадно грабил и разорял своих соседей.

По смерти султана Аблая северная часть Средней орды избрала своим ханом сына его Вали, который и был утвержден в этом звании высочайшею грамотою от 25 февраля 1782 г. Вступив в ближайшие сношения с русскими, киргизы Средней орды увидели всю огромную разницу пребывания под покровительством и защитой русских властей в сравнении с зависимостью от зюнгаров или кокандцев.

В 1798 году значительная часть киргиз Средней орды чрез старшину своего Айходжу муллу Кочина обратилась с прошением на высочайшее имя о приглашении в постоянное русское подданство, с дозволением кочевать на землях между Семипалатинской и Омской крепостями. На это прошение 23 июля 1798 года последовал именной высочайший указ императора Павла I на имя князя Горчакова следующего содержания: *«Снисходя на прошение Средней киргиз-кайсацкой орды владения Аблай-хана Айходжи муллы Кочина о всемилостивейшем позволении ему перейти на сю сторону реки Иртыша и кочевать между крепостями Семипалатною и Омскою Я позволяю, да и впредь, как вышеписанной Айходжа мулла уведомляет, что и другие многие той орды султаны и старшины со своими кибитками в Российское подданство вступить желают, то таковым убежище в наших пределах давать Я позволяю, с надлежащими к тому осторожностями и донеся всякий раз Мне».*

Истинные намерения и желания султана Аблая вполне обнаружились тогда, когда наше правительство потребовало от него прямой зависимости, хотя бы в качестве хана подведомственного ему народа. Аблай выразил готовность быть утвержденным ханом, но, ложно утверждая, что он избран всеми тремя ордами, просил утверждать его ханом Большой, Средней и Малой орд. Так как Большая орда была значительно ранее покорена зюнгарами, а в Малой орде имелся утвержденный высочайшею властью хан Нурали, то притязание Аблая на подчинение ему этих двух орд было признано неосно-

Каратай [45]. В 1812 году в ханском звании был утвержден султан Ширгази, также боявшийся появляться в степи. Наконец в 1824 году ханское звание в Малой орде было уничтожено, и с этого времени началось постепенное устройство русского управления и суда.

Средняя орда хотя и считается вступившею в русское подданство одновременно с Малой, но, по отдаленности кочевания главных родов, влияние русской власти долгое время не могло проникнуть в среду населения. Благодаря искусству и изворотливости главного властителя

---

[45] Для характеристики жестокостей, какие производились султаном Каратаем в это смутное время, приводим следующий рассказ з.-хорунжего Сеит-баттала Кунгурбаевича Нурмухамедова. Каратай, подчинив своей власти очень много киргиз Малой орды, вел непримиримую войну с теми родами, которые не признавали его ханом, а оставались приверженцами хана Джантюре. В особенности сильно враждовал Каратай с непокорившимися ему киргизами джилкышитабынского рода. Не было никакой пощады от Каратая попадавшимся ему в плен джилкыши-табынцам. Однажды Каратай, захватив в плен 200 человек ненавистных ему джилкышытабынцев, распорядился привязать их за головы, как баранов, к веревке петлями. Пред казнью Каратай обходил пленных, и во время этого осмотра один из пленных крикнул, что имеет передать хану (так киргизы называли Каратая) поклон от Кунгурбая, (уважаемого Каратаем старшину таминского рода). Каратай, по-видимому, не обратил внимания на крик пленного. Но вскоре Каратай потребовал его к себе и спросил: как он знает Кунгурбая? Джундыбай (так звали пленного) ответил, что он приходится зятем Кунгурбаю и видел Каратая в Оренбурге в то время, когда Кунгурбай являлся к нему, хану, на поклон. «Вы, таксыр, в то время подарили Кунгурбаю медный чайник и 4 чашки, сказав ему, что он по скупости не покупает посуды для невесток, так пусть им подарит. Кунгурбай мне говорил: «Ты, Джундыбай, живешь среди непокорных джилкыши-табынцев, которых хан Каратай наказывает смертью. Если когда-нибудь попадешься в руки Каратая, то передай ему от меня поклон и, быть может, он помилует тебя». Выслушав Джундыбая, Каратай приказал вновь привязать его к веревке, а вечером велел раздеть донага и отвезти в какой-нибудь аул. Отдавая такое распоряжение, Каратай сказал: «Ни лошади, ни одежды нельзя дать Джундыбаю потому, что, предпринимая поход против джилкышитабынцев, я дал своим приверженцам присягу не отпускать помилованных мною врагов на лошадях и в одежде».

Джундыбай, избежав смерти, переселился к таминцам, а остальные 199 человек пленных были казнены Каратаем позорною смертью.

Подобными мрачными эпизодами беспощадного взаимного истребления очень богато прошлое киргиз, часто враждовавших между собою. Современное поколение киргиз, в силу наследственной привычки, также очень часто враждует между собою, но результатом этой вражды являются не тысячи трупов, которыми покрывалась прежде степь, а масса судебных дел и сотни жалоб, прошений и доносов.

этой орды султана Аблая, Средняя орда оставалась совершенно независимою до самой смерти Аблая, последовавшей в 1781 году. Он умел, смотря по обстоятельствам, казаться преданным то России, то Китаю, то Джунгарии, но в действительности не подчинялся никому, а при случае беспощадно грабил и разорял своих соседей.

По смерти султана Аблая северная часть Средней орды избрала своим ханом сына его Вали, который и был утвержден в этом звании высочайшею грамотою от 25 февраля 1782 г. Вступив в ближайшие сношения с русскими, киргизы Средней орды увидели всю огромную разницу пребывания под покровительством и защитой русских властей в сравнении с зависимостью от зюнгаров или кокандцев.

В 1798 году значительная часть киргиз Средней орды чрез старшину своего Айходжу муллу Кочина обратилась с прошением на высочайшее имя о приглашении в постоянное русское подданство, с дозволением кочевать на землях между Семипалатинской и Омской крепостями. На это прошение 23 июля 1798 года последовал именной высочайший указ императора Павла I на имя князя Горчакова следующего содержания: *«Снисходя на прошение Средней киргиз-кайсацкой орды владения Аблай-хана Айходжи муллы Кочина о всемилостивейшем позволении ему перейти на сю сторону реки Иртыша и кочевать между крепостями Семипалатною и Омскою Я позволяю, да и впредь, как вышеписанной Айходжа мулла уведомляет, что и другие многие той орды султаны и старшины со своими кибитками в Российское подданство вступить желают, то таковым убежище в наших пределах давать Я позволяю, с надлежащими к тому осторожностями и донеся всякий раз Мне».*

Истинные намерения и желания султана Аблая вполне обнаружились тогда, когда наше правительство потребовало от него прямой зависимости, хотя бы в качестве хана подведомственного ему народа. Аблай выразил готовность быть утвержденным ханом, но, ложно утверждая, что он избран всеми тремя ордами, просил утверждать его ханом Большой, Средней и Малой орд. Так как Большая орда была значительно ранее покорена зюнгарами, а в Малой орде имелся утвержденный высочайшею властью хан Нурали, то притязание Аблая на подчинение ему этих двух орд было признано неосно-

вательным, и он был утвержден 24 мая 1778 г. ханом лишь одной Средней орды. Но для принятия грамоты и знаков ханского достоинства и для принесения присяги на верность службы Аблай не явился ни в Оренбург, ни в Петропавловскую крепость, а с посланными за ним офицером и переводчиком обращался очень грубо и допустил к себе только один раз. По разведкам оказалось, что Аблай в это время более симпатизировал Китаю и замышлял против русских разные «пакости». Вследствие этого высочайшим указом от 4 октября 1779 г. повелевалось не выдавать Аблаю грамоты и знаков ханского достоинства, прекратить выдачу назначенного ему ранее жалованья и постараться найти в орде соперника этому «упрямому и в своей стороне знаменитому варвару». Вместе с тем запрещалось русским ездить в Среднюю орду во избежание опасности «от сей дачи».

Спустя три года киргизы Средней орды, перекочевавшие на отведенные им земли при р. Иртыше, выражали с султаном Чанчаром Султанмаметевым во главе верноподданические чувства за спокойствие во время трехлетнего пребывания в русском подданстве. В ответ на это заявление высочайшею грамотою от 6 марта 1802 г. подтверждено киргизам покровительство и на будущее время.

Слава о могуществе Белого царя и о благоденствии народов ему подвластных быстро разнеслась по киргизской степи и, переходя из уст в уста, достигла кочевавших в предгорьях Алатау киргиз Большой орды.

Большая орда, как известно, не примкнула в свое время к движению киргиз остальных орд в русское подданство. Она еще в первой половине XVIII столетия была покорена зюнгарами и находилась под их властью до покорения Джунгарии Китаем. Оставаясь после того долгое время в зависимости от Китая, Большая орда в начале текущего столетия, вследствие ослабления китайской власти, стала претерпевать сильные притеснения от кокандцев. Прослышав о спокойной жизни киргиз Средней орды под покровительством русских властей, киргизы Большой орды стали искать русского подданства.

Первым показал пример в этом отношении султан Юсупской волости Сюка Аблайханов с подвластным ему народом. В высочайше утвержденном 18 января 1819 г. положении Комитета Министров «О вступлении в подданство России киргиз-кайсацкой Большой орды

Юсупской волости султана Сюки с подвластным ему народом» изложено следующее:

В заседании 11 января слушана записка Управляющего Коллегиею Иностранных дел от 10 января за № 85 по Азиатскому Департаменту, внесенная в журнал Комитета под № 49, о вступлении в подданство России Киргиз-Койсацкой орды Юсупской волости султана Сюка с подвластным ему народом. Командующий отдельным Сибирским корпусом доносит, что означенный султан и 59462 души обоего пола подвластных ему киргизцев, по собственному их желанию, в действительности коего командующий корпусом предварительно удостоверился, приняли присягу на верность ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ. Имущество сих киргизцев состоит в 802 359 штуках разного рода скота. Султан, уверяя, что и остальные киргизцы той волости скоро последуют примеру прочих, просит: 1) об исходатайствовании ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения отправить ему к Нашему Двору депутацию; 2) о награждении почетных биев Юсупской волости и некоторых других лиц; 3) о постройке на счет казны мечети и дома для султана на месте его кочевья и 4) о командировании к нему отряда из Сибирского линейного казачьего войска для удержания соседних киргизцев от нападения на подвластные ему аулы. Командир корпуса, для усиления приверженности к России сих новых подданных, полагая дать награды самому султану, сыну его и другим лицам, оказавшим ревность к пользе России, представляет о том особую записку; но отправление депутации от султана и постройку мечети и дома для него признает излишними: касательно же командирования казачьего отряда он известил султана, что при отправлении по обыкновению в начале весны в Юсупскую волость первого купеческого каравана под прикрытием военного отряда командиру оного предписано будет, по прибытии на место, заняться разбирательством дел, касающихся до султана. Управляющий Коллегиею Иностранных дел, находя вступление султана Сюка в подданство России благоприятным как в отношении к торговле, так и по другим политическим видам, полагает утвердить представление Командира Сибирского отдельного корпуса; вместе с тем считает не излишним разрешить и испрашиваемое султаном Сюком сооружение

для него мечети и дома, истребовав предварительно от корпусного командира сведение, во что обойдется таковая постройка и не будет ли сопряжена с обременительными для казны издержками по дальнему от линии нашей расстоянию Юсупской волости.

Комитет полагает: 1) по представленной от генерал-лейтенанта Глазенапа записке дать следующие награды: султану Сюке Аблай Ханову чин 8 класса, золотую медаль на голубой ленте и кафтан с шапкою; сыну его султану Джанкоже золотую медаль на Александровской ленте и кафтан с шапкою, биям Сарымбетю Унтагарову, Байбетю Бактурганову, старшине Тугулю Чирукзину золотые перстни с именными печатями и кафтаны с шапками; муллам, находящимся при султане: Мусангту Микманову и Абдулле Мыклюксеву чины 14 класса; из татар Сафару Бурбайбакиеву, вместо испрашиваемого чина 9 класса, и брату его Кубанкулу Курбанбакиеву, также Семипалатинским купцам Абдулгази Гумирову и Хамиту Амирову, имевшим влияние на султана, вместо чинов 10 класса золотые медали: первому — на Алкесандровской ленте, а последним трем — на Аннинской ленте; переводчику магометанского закона, Титулярному Советнику Хасану Сейфламу, согласно с назначением генерал-лейтенанта Глазенапа, золотую же медаль на Аннинской ленте; затем 2) утвердить во всех прочих частях представление генерал-лейтенанта Глазенапа; 3) что же касается до предположения Управляющего Коллегиею Иностранных дел о построении мечети и дома бля султана, то и Комитет согласно с заключением генерал-лейтенанта Глазенапа, считает сие излишним и 4) на все сие испросить ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволение.

В заседании 18 января объявлено Комитету, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, утверждая положение оного, сверх того, изъявил ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволение как на присылку сюда от султана Сюка депутации, так и на построение на счет казны для него мечети и дома, а Командиру отдельного Сибирского корпуса предписать, чтобы он чрез Управляющего Министерством Иностранных дел, по происшествии каждого полугода, доносил о состоянии скотоводства у подвластных тому хану киргизцев, желая знать, будет ли оное время от времени улучшиваться против настоящего.

Комитет определил: сообщить о том Управляющему

Коллегиею Иностранных дел и Министру Финансов к исполнению выписки из журнала.

Дальнейшее стремление киргиз Большой орды к вступлению в русское подданство задержалось на некоторое время нежеланием нашего правительства раздражать китайцев, у которых в подданстве считались тогда киргизы этой орды.

В это время правительство успело убедиться в полной бесполезности существования ханской власти у киргиз, которые и сами тяготились очень дорого обходившейся им привилегией иметь государя без власти, уважения и значения. Кстати, в 1821 г. умер одряхлевший старец,— последний хан Средней орды Вали.

В 1822 г. был утвержден и обнародован составленный по проекту г. Сперанского «Устав о сибирских киргизах». По этому уставу состоявшие в русском подданстве киргизы Средней и части Большой орд разделялись на волости и округа, с подчинением начальству Омской области, входившей в состав Западно-сибирского генерал-губернаторства.

Наконец, в изданное 6 апреля 1838 г. положение об отдельном управлении сибирскими киргизами было включено постановление, обязывавшее пограничное управление склонять независимых от России киргизов к подчинению общему порядку, вводившемуся тогда в степи, действуя в этом случае с благоразумием и мерами увещания.

Это постановление отвечало давнишним желаниям огромной массы киргиз Большой орды, продолжавших считаться в зависимости от Китая. По мере того, как государственный порядок охватывал отдаленные места киргизской степи, киргизы Большой орды вступали в русское подданство. В 1845 г. приняли подданство киргизы, кочевавшие в окрестностях Копала, где затем было устроено укрепление. В 1850 и 1851 гг. русские войска, защищая киргиз от нападения кокандцев, вступили в Заилийский край, где в 1854 г. на р. Алматы было устроено укрепление Верное (ныне обл. г. Верный). В 1855 году вступил в русское подданство еще один род Большой орды *Богу,* кочующий к востоку и югу от Иссык-Куля; в 1863 г. его примеру последовал многочисленный род *Чирчик* (до 6 000 кибиток) и в 1865 г.— род *Бурукчи,* кочующий в окрестностях бывшего кокандского укрепления Куртка. Таким образом, к России была при-

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ

с кратким изложением сущности ВЫСОЧАЙШИХ грамот, указов и узаконений, изданных с 1731 по 1896 год, по отношению к киргизам и населяемым ими степным областям Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской (публикуется с сокращениями).

В ЦАРСТВОВАНИЕ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ

1. 1731. 19 фев. П.С.З. № 5703. Инструкции от Государст. Коллегии иностранных дел переводчику восточных языков Магмету Тевкелеву, отправленному в киргиз-кайсацкую орду для приведения оной в подданство России.

Поручено Тевкелеву ехать в киргиз-кайсацкую орду к Абулхаир-хану и выразить ему желание Государыни принять его, хана, и весь его народ в русское подданство и жить с ними наравне со всеми подданными в мире. В знак особенного благоволения посланы с Тевкелевым подарки: сабля, соболья шуба, шапка из лисицы, черное сукно и проч. По принятии Абулхаир-ханом присяги на татарском диалекте по своей вере и после подписи листа, Тевкелеву поручено просить хана дать аманатов и платить ясак по примеру башкирцев.

6. 1734. Июня 10. История Оренбургс. П. И. Рычкова, 1896 года, § 22, 14 и 15*). Три грамоты ханам Малой орды

Грамоты Абулхаиру и Шемяке ханам даны как подданным России с уверением в том, что они, пребывая в верности, могут рассчитывать на защиту и охрану. Большой орде объяв-

* В «Истории Оренбургской» Рычкова приведено только начало грамоты на имя Большой орды, а полный текст этой грамоты заключается в сборнике указов 1734 г., стр. 169—170 (см. арх. Тург. обл. правл.). Мы не приводим текста этой грамоты потому, что грамота эта не была вручена по принадлежности и осталась не выполненною.

Абулхаиру и Средней Шемяке и в Большую орду батырам: Беюм Коадор-би-Тюлябий Сатай, Кангильды и Буляку, и всей орде.

лено о принятии в подданство на тех же «кондициях», как и Абулхаир-хан с Меньшею ордою принят.

12. 1738. 15 февр. П.С.З. № 7514. О назначении урочищ, до коих киргиз-кайсакам пользоваться звериною ловлею; о неприписании в Яицкие городки пришлых из великороссийских губерний людей, и о произвождении в них торговли по казацким привилегиям, о запрещении торговать в Оренбурге крестьянам, не записанным в посады, и о вымене у киргизцев лошадей на сукна.

Одобряется представление тайн. сов. Татищева о назначении урочища, как близко киргиз-кайсакам подъезжать к Яицкому и другим вновь построенным городам для звериной ловли, дабы впредь между казаками и киргизами никаких задоров не было. О торге же в Яицком городке у казаков с киргизами и о взятии посылок повелено поступать по их казацким привилегиям, по которым велено только им в казацких своих юртах беспошлинно торговать, также повелено выдать присланному от Татищева капитану Лакосолову 3 000 руб. для вымена у киргизцев лошадей на сукно.

18. 1739. авг. 16. Сборн. указ. 1739 г. с. 1 (арх. Т. Ол. Правл.) О содержании сына Абулхаира хана Хаджи-Ахмета в качестве аманата и о присылке грамоты в Большую орду.

Предписано содержать в качестве аманата сына Абулхаир-хана Ходжи-Ахмета. При этом прислана «в запас» грамота на имя хана Большой орды Юлбарыса о принятии его в подданство согласно просьбы его, заявленной в 1738 г. Если просьбу эту он повторит, приказано грамоту вручить и поступить по усмотрению.

19. 1739. авг. 16. Там же, с. 5. Высочайшая грамота на имя хана Большой орды Юлбарыса.

Объявляется, что главный командир князь Урусов уполномочен на окончание дела о принятии Большой орды в русское подданство на тех же ос-

20. 1739. 20 авг. П.С.З. № 7876. Именной, данный генер.-лейтен. кн. Урусову. О перенесении города Оренбурга к Красной горе и об именовании упраздненного города Орскою крепостью; о выборе между башкирцами старшин, есаулов, писарей и сотников и о неопределении тарханов; о владении мещеряками взятыми у башкирцев землями без платежа ясака; о переселении мещеряков, татар и чуваш особыми деревнями и о запрещении принимать для поселения в Оренбурге великороссийских людей и крестьян.

нованиях, как принят Абулхаир-хан с Меньшею ордою.

Повелено сообщить, только для сведения Абулхаир-хану, что Оренбург перенесен на новое место при Красной горе и что прежний Оренбург будет именоваться Орскою крепостью.

Строение на Аральском море нового города отложить; а Абулхаир-хана уведомить, что о состоянии тамошних мест ныне еще не известно и без достоверного известия города строить там невозможно, а предварительно надлежит ему, хану, описать тамошние места, а для того не пожелает ли он взять с собою, или под своим надежным караулом отправить одного русского офицера в случае согласия, выбрать из команды способного офицера и поручить ему осмотреть тамошние места, и если можно, то до бухарских городов, описать эти места и учинить ландкарту, которую и прислать в кабинет.

21. 1739. 20 авг. П.С.З. № 7885. Именной, данный из кабинета Ее Величества ген.-лейтенанту кн. Урусову. О препровождении караванов киргизцам, о позволении купцам продавать собственные купленные товары, отбирая в казну дорогие каменья, с платежем той це-

Повелено искать при посредстве киргизских начальников, испытанных в верности и доброжелательстве, товары разграбленного по пути к Ташкенту каравана и просить этих начальников при последующих караванах, или самим сопровождать или наряжать конвой с добрыми командирами.

В требовании о пушках и пушкарях Абулхаир-хану отказать, ссылаясь на то, что как артиллерии, так и людей пока

ны, за какую они сами купили и с надбавкой двадцати процентов; о запрещении яицким казакам ездить в орду без паспортов и о высылке в Оренбург жен и детей ссыльных.

недостаточно. Если Абулхаир-хана — ханша пожелает ехать ко двору, то отправить ее и давать по 25 руб. в месяц, причем чтобы много служителей с собою не брала, а если Абулхаир-хан будет требовать, чтобы с нею отправлен был и его сын, то и его отправить с матерью и давать корм более против того, что дается его брату в Оренбурге.

22. 1739. 20 окт. Там же, с. 42. Об удержании киргизов от набегов на русских.

Киргизской орды Джаныбек-батыр с 2700 человек напал на калмыков, а затем и на яицких казаков, бывших на сенокосе, причем взял в плен несколько человек. Поэтому предписано иметь крепкую предосторожность против повторения набегов.

26. 1740. 25 янв. Сборник указ. 1740 г., с. 39. О недозволении киргизам разорять верноподданных башкир и калмыков.

Вследствие нападения зюнгаров в числе 15 000 человек на киргиз Средней орды, владения Увак-Гирея, Абулмамета и Барака-султанов, кочевавших по Иртышу и Ишиму-рекам, означенные киргизы откочевали к Яику (Уралу), побросав свой скот и «тягости» и зимою намерены идти на калмыков и башкир. Предписано не допускать ни до малейшего разорения киргизами верноподданных Ее Величества.

28. 1740. 9 авг. То же, № 8200. Об усмирении бунтующихся башкирцев.

Упоминается о том, что вожак башкирского восстания Карасакал пойман киргиз-кайсаками. Кроме того, возлагаются надежды, что киргизский султан Барак и батыр Джаныбек с имеющимся при них войском могут управиться с калмыками и отогнать их от Ташкента.

29. 1742. 15 июня. Сборник указ. за 1742 г., с. 37, (арх. Т. Об. Прав.). По поводу ходатайства Абулхаира хана о постройке еще нового города, о посылке караванов и о проч.

Даны указания, что о постройке нового города следует время от времени подавать Абулхаиру-хану надежду, что посылка караванов задерживается нападениями киргизов и что, если не будет нападений, то отправка караванов возобновится.

32. 1742. 8 авг. Там же, с. 57—61. По поводу вступления киргизов Средней орды в подданство зюнгарскому пладельцу Галдан-Цырену.

В указе Государственной коллегии иностранных дел от 8 августа 1742 г. за № 504, между прочим, изображено, что хан Средней орды Абулмамет, Барак-батыр и султан Аблай предаются в подданство зюнгарского владельца Галдан-Цырена, которому не только аманатов от себя дали, но и дань платить обязались. Сверх того, Галдан-Цырен с угрозами требует, чтобы и хан Меньшей орды Абулхаир прислал аманатов и платил дань. Вследствие сего предписано тайному советнику Неплюеву обоих ханов от подданства зюнгарскому владельцу добрым способом отвести, для чего ханы должны удалиться от зюнгарских жилищ и нападение на зюнгарские улусы не делать. Зюнгарскому владельцу отвечать, что ханы Абулхаир и Абулмамет давно вступили в русское подданство и что поэтому ему не надлежит призывать их к себе в подданство, а тем более требовать подати, а в случае нападений следует жаловаться русскому правительству.

37. 1743. Июля 11. Сборник указ. 1843 г., с. 84—85. О пожаловании киргизским старшинам звания тарханов.

Упоминается о том, что тарханское звание было пожаловано Джанибеку-батыру, который между всеми старшинами Средней и Малой орд самый знатный и «почти с самим ханом равную силу имеет». Разъяснено, что тарханство означает «служивого и от податей свободного человека» и что достойнейшим старшинам, для примера прочим, можно жаловать это звание.

39. 1743. Авг. 8. Там же, с. 57—58. По вопросу о построении городов согласно ходатайства ханов Абулхаира и Абулмамета.

Высказана мысль о неудобстве возведения новых городов в киргизской степи, потому что «их народ (киргизы) в городах и на одном месте жить не могут». Вместе с тем признавалось полезным «оных владельцев (ханов) ближе к новому Оренбургу и под руками иметь». Почему разрешено им кочевать близ Оренбурга, а в случае необходимости построить тут же и крепости.

45. 1743. Октябрь 7. Там же, с. 302—303, 304—306. О прекращении своевольства киргиз-кайсаков.

В виду продолжавшихся своевольностей киргиз-кайсаков и намерения их подступить к Волге разрешено оказывать содействие калмыкам и нападению на киргиз, но без посылки регулярных войск. В крайнем же случае, когда киргизы составят огромное скопище, разрешено атаковать их и разбить.

56. 1744. Окт. 17. Сборник указ. 1744 г., с. 242 и 243. Указ Правительствующего Сената, за № 1290, по поводу принятия присяги

Присяга вновь принята при посланном от Неплюева толмаче. По этому поводу выражен следующий взгляд: «и хотя такие присяги по состоянию киргиз-кайсацкого народа в содержании их и не есть твердое и

на верность ханами Абулхаиром и Абулмаметом и султанами Бараком и Нурали с старшинами.

надежное основание, однако чрез то право их в должности и подданства Ее Величеству толь паче подтверждается особливо при нынешних конъюнктурах, когда зюнгарский владелец всеми образы старается, чтоб их на свою сторону преклонить и от подданства российского отторгнуть».

Доставивший известие об этом управляющий многолюдными *улусами* Средней орды Тлеуберды-батыр Наурзаков пожалован в тарханы.

57. 1744. Ноябрь 19. Сборник указ. 1745 г., с. 16 и 17. Указ Коллегии иностранных дел за № 941 по представлению Неплюева о киргизских и калмыкцих делах.

Одобрено (опробовано) распоряжение Непюлева о вручении султану Средней орды Бараку Высочайшей грамоты и сабли, удержанных вследствие его несогласных с верноподданническим долгом поступков.

60. 1745. Сентябрь 17. Там же, стр. 197—222. Высочайший указ, за № 491, о сомнительных поступках киргизов и калмыков.

Судя по перехваченным письмам наместника калмыцкого ханства и киргизов можно было сомневаться, что киргизы «яко ветреный народ» согласятся на общие с калмыками злодейства и пропустят калмыков в Зюнгарию. Поэтому предписано было иметь осторожность и наблюдение за действиями киргизов.

65. 1745. Дек. 4. Сборник указ. 1746 г., с. 13. Указ Правит. Сената, за № 1494, об устройстве пограничной линии для закрытия сибирских мест от набегов киргиз-кайсаков.

По ходатайству Неплюева и Сибирского губернатора о закрытии сибирских мест от набегов с киргиз-кайсацкой стороны проведением вновь пограничной линии от Тобола до Иртыша. Осматривавший эти места премьер-майор Станкеев представил проект возведения по линии от уроч. Звериной го-

ловы на Тобол до Омской крепости расстоянием 621 в. 400 саж. 11 крепостей и 31 редута. Для подробного выяснения условий проведения новой линии и возможности заселения ее был командирован подполковник Кутузов, которому под руководством находившегося в Верхне-Иртышских крепостях генерал-майора Киндермана поручено представить подробный проект и план проведения линии, об устройстве на ней крепостей и редутов и заселения ее новоселами.

72. 1746. 18 июля. Сборник указ. 1746 г., с. 124—136. Указ Коллегии иностранных дел за № 434, по поводу желания уенсонцев вступить в русское подданство.

Из приложенной при указе копии с таковой же данной Сибирской губернской канцелярии видно, что султан Аблай в письме своем заявил о покорности 300 кибиток уенсонцев *, которые пожелали быть по-прежнему в русском подданстве. Вместе с тем Аблай-султан просил освободить содержащихся в тюрьме двух киргиз-уенсонцев, из коих один, Байджигит Джаулебаев, был приговорен за отгон лошадей к повешению, но вместо него по ошибке поручика Саввы Меньшикова и толмача Фомы Девятияровского повешен другой колодник калмык Календырь.

Коллегия Иностранных Дел поручила Сибирской губернской канцелярии собрать и доставить сведения о том, какой народ и какой веры уенсонцы и где они кочуют и по какой причине они отошли и куда

* *Уенсонцы* — надо полагать, искаженное название уйсюньского поколения киргиз Большой орды.

именно, а также и о деле Байджигита Джаулебаева.

77. 1747. 10 апреля. Сборник указ. 1747 г., с. 11—12. Секретный указ Коллегии иностранных дел за № 220 по поводу киргизских набегов и грабежей.

В указе изложено, что киргизы Меньшей орды с Абулхаиром-ханом вступили в подданство России в 1731 г., а Средней орды с ханом Абулмаметом в 1740 г., а между тем после этого разграбили караваны: в 1732 г.— отправленный в Хиву с Гарбером и в 1738 г.— отправленный в Ташкент, в 1743 г. на редут Оренбургского ведомства нападали и между строящихся крепостей много русских людей в плен побрали и побили. Сверх того ежегодно делают нападения на волжских калмыков, разоряют их, забирают в плен как их, так и русских. Но никакой пользы интересам государства от киргиз-кайсацкого подданства не было и неизвестно, есть ли польза от торговли с ними русскому купечеству. Ввиду сего затребовано мнение, не полезнее ли будет для наших интересов предоставить на волю калмыкам, яицким казакам, башкирам, мещерякам и другим в стороне Сибирской губернии иноверцам и русским, расправляться самим с киргизами, чтобы таким образом отогнать их от российских границ вдаль без употребления регулярных войск.

79. 1747. Июля 21. Там же, с. 90. Секретный указ Правительствующего Сената, за № 164, о непродаже кирги-

Постановлено: объявить секретно под жестоким штрафом всем торговцам, чтобы они отнюдь не продавали киргизам всякого оружия, пороху, кремней и свинцу даже в поделках.

зам огнестрельного оружия.

Потребовано заключение Неплюева о том, не следует ли запретить продавать киргизам медь и железо.

85. 1749. 2 мая. Там же, с. 33—38. Высочайший указ за № 151 о том же. (Об утверждении султана Нурали ханом киргиз-кайсацким).

После избрания в ханы султана Нурали бригадиром Тевкелевым было сделано представление об утверждении Нурали ханом Меньшей и Средней орд. Но это признано было неудобным потому, что Средняя орда хотя считается в подданстве с 1740 г., но аманатов дает зюнгарскому владельцу. Точно так же сочтено неудобным утвердить Нурали ханом одной Меньшей орды, чтобы на первый случай не дать ему повода к неудовольствию. Вследствие сего Нурали-хан утвержден ханом киргиз-кайсацким так же, как в последних грамотах было писано хану Абулхаиру.

Для приведения в исполнение сего поручено оренбургскому губернатору выдать Нурали-хану украшенный лаврами, золотом и красками патент, привести его к присяге, надеть присланную в подарок парчовую на соболевом меху шубу, саблю «оправную» с надписью и шапку из черной лисицы и в день этого торжества приготовить для народа несколько быков и баранов и выставить горячего вина, пива и меда.

В том же указе изложено, что султан Барак после убийства им хана Абулхаира, боясь отомщения со стороны детей убитого хана и сознавая свое бессилие, откочевал с 3000 ки-

биток к зюнгарским границам и просил защиты зюнгарского владельца. Во избежание того, чтобы Барак окончательно не предался зюнгарцам и чтобы не нанес вреда Меньшей орде, оренбургский губернатор послал к Бараку нарочного с обнадеживанием Высочайшею милостью и своим доброжелательством. Такое действие губерантора Неплюева очень не одобрено потому, что Барак, хотя прежде и считался верным, но при том больше и явным образом держался зюнгарской стороны. Кроме того, по киргизской ветрености, о посылке нарочного к султану Бараку мог узнать хан Нурали и этим огорчиться. Поэтому предложено впредь в таких делах поступать осторожно и стараться новоизбранного хана к себе приласкать.

89. 1749. 17 мая. Там же, с. 55. Указ той же Коллегии, за № 172, о подарках киргизскому посольству.

Посольству, прибывшему с просьбою об утверждении султана Нурали в ханском достоинстве, даны награждения: ханскому зятю султану Джанибеку 200 р., дядьке аманата султана Айчувака Банбеку 40 р. и секретно от других 100 р., шести старшинам по 40 р. каждому и, кроме того, им же от имени канцлера Бестужева-Рюмина отпущены подарки сукном. Посольство с конвоем и подарками было отпущено на 20 ямских подводах.

92. 1749. Ноябр. 2. Там же, с. 109—112. Указ Коллегии иностранных дел, за

10 июля 1749 г. султан Нурали при Оренбурге, в собрании султанов, старшин и народа, объявлен киргиз-кайсацким

№ 411, о разных вопросах, возбужденных новым ханом Нурали.

ханом. На «трактование» по этому случаю киргизов и на подарки их издержано казенных денег 2380 р. 69 к.

При переговорах с оренбургским губернатором Неплюевым хан Нурали отказался заменить бывшего в аманатах султана Адиля, другим своим братом, а предложил побочного брата, рожденного от калмычки, султана Чингиза. Вместе с тем хан Нурали заявил просьбу о даче русских войск для отмщения султану Бараку за убийство хана Абулхаира и о разрешении Нурали-хану давать в обмен зюнгарскому владельцу за пленных киргиз волжских калмыков.

Коллегия, рассмотрев эти заявления, поручила Неплюеву требовать в аманаты вместо султана Адиля, племянника хана, сына Эрали-султана, а в крайнем случае согласиться взять на год султана Чингиза, но так как от одного его никакой пользы быть не может, то велено взять сыновей знатнейших старшин Джаныбека и Исета тарханов и др.

Посылка войск на султана Барака не разрешена и признано неудобным гоняться с войском за одним злодеем, «ибо один человек, как ветер, куда захочет, бежать может и угонять его нельзя и с войском по степям ходить за одним, яко за ветром, гоняться непристойно».

Но если хан захочет чрез некоторых киргиз-кайсаков Ба-

гиз-кайсацкие ханы и султаны имели там кладбище и того места придерживались.

101. 1750. 13 авг. Там же, с. 121. Указ той же Коллегии, за № 380, об утверждении менового торга и ярмарки при Троицкой крепости.

Вследствие настоятельного ходатайства султана Средней орды Аблая и тархана Джанибека для распространения коммерции и в видах удержания киргизов от «противности» и применения разрешенной баранты, Оренбургский губернатор Неплюев признал полезным учредить на Уйской линии в Троицкой крепости меновой торг и ярмарку, каковые и разрешены с весны 1750 г.

Мера эта, как полезная для казны и могущая служить к содержанию в подданстве Средней орды, Коллегиею одобрена.

108. 1751. Июля 7. Сборник указ. 1752 г., с. 58—59. Указ той же Коллегии, за № 247, о постройке памятника над могилою хана Абулхаира.

На предложение перенести останки Абулхаир-хана на другое место хан Нурали и его мать «весьма отреклись» и просили хоть один камень положит над могилою умершего хана.

Вследствие этого предложено вновь заявить хану Нурали о невозможности постройки за неимением материалов в том месте, где погребен Абулхаир, и если не получится согласия на перенос в другое место, в таком случае построить небольшую гробницу над могилою Абулхаира и для этого предложить хану Нурали прислать верблюдов в один из городов за кирпичами и другими материалами для гробницы.

117. 1752. 31 августа. Там же (Сборник указ. 1752 г.), с.

Нойоны Дабача и Амурсанан, из которых первый был ближайшим наследником зюн-

99—102. Секретный указ той же Коллегии за № 375 о зюнгарских нойонах (владельцах), поселившихся в Средней орде, и о притязаниях зюнгаров на земли по верховьям р. Иртыша и Оби.

гарского владельца, имели большую силу среди своего народа. Но когда зайсанги, присутствующие в зорго, избрали в правители побочного сына Галдан-Цырена Эрдени ламу Батур, то Дабача, обойденный избранием и из боязни быть убитым новым правителем, бежал вместе с другим нойоном Амурсананом и своими приверженцами, но на пути был разбит погонею так, что прибыл в Среднюю орду владения султана Аблая только с 20 человеками. Здесь, в Средней орде, как доносил бригадир Тевкелев от 9 июля 1752 г., киргизы пожелали упомянутых нойонов иметь у себя владельцами.

Коллегия поручила Неплюеву, Тевкелеву и находившемуся в Сибири бригадиру Крафту вызвать нойонов Дабачу и Амурсанана и при посредстве султана Аблая склонить прибыть в Оренбург, где выдать им казенную одежду, если они обносились, и кормовые деньги. Затем уговорить поселиться в Казани до дальнейших распоряжений, а Дабаче наедине сказать, что он при случае будет восстановлен в принадлежащем ему праве владельца Зюнгарии. При этом стараться не допускать, чтобы названные нойоны заняли влиятельное положение среди киргизов, так как один из нойонов, именно Дабача, как претендент на зюнгарский престол, может со временем сделаться владельцем Зюнгарии и тогда привлечет к себе и кир-

гизов, а это нельзя признавать сходным с интересами России.

Затем ввиду того, что нынешний владелец Зюнгарии чрез присланных им посланцев заявил формальную претензию на земли по верховьям рек Оби и Иртыша, предписано разведывать о «движениях» этого владельца, в крепостях и форпостах иметь крепкую предосторожность и в случае приближения зюнгарских войск дать действительный отпор.

124. 1753. Авг. 25. Сборник указ. 1753 г., с. 117—118. Указ Военной коллегии за № 296 о предосторожности от набегов киргиз-кайсаков.

Кочевавший близ Троицкой крепости султан Средней орды Кулек-батыр заявил, что хотя среди киргизов и носится «эхо», что зюнгарские калмыки идут на них, киргизов, вследствие чего последние стали откочевывать на р. Орь, но ныне они от нарочного получили от султана Аблая верное и приятное известие о том, что нойон Дабачи убил зюнгарского владельца Ламу Даржи и сам, как законный наследник, во владение Зюнгариею вступил и прислал к султану Аблаю посланцев с выражением желания жить с киргизами в покое. Это известие так ободрило киргизов, что они не только остановились от перекочевки на р. Орь, но даже являлись в пограничные русские поселения с угрозами, что они будут русских и башкирцев ловить «военною рукою» на переездах и увозить к себе.

Военная Коллегия предписала бригадиру Крафту при тамошних в Сибири границах от

нечаянных киргиз-кайсацких набегов иметь наикрепчайшую всегда осторожность.

126. 1753. Ноябрь 22. Сборник указ. 1753 г., с. 137—138. Секретный Именной Высочайший указ по поводу смут и междуусобств Зюнгарии.

Зюнгарский нойон Намки-Доржа, недовольный новым владельцем Дебачею, откочевал с 10 000 кибиток к реке Сарысу и намеревался пробраться к волжским калмыкам.

В такой розни между зюнгарскими владельцами было усмотрено их ослабление, небесполезное для наших интересов, а потому предложено постараться направить Намки-Доржу с его народом на степную сторону р. Иртыша и к поселению там ни запрещения, ни разрешения не давать и смотреть «сквозь перстов». Также не препятствовать переходу Намки-Доржи и к волжским калмыкам, так как от сего никакого вреда не усматривалось.

129. Там же, стр. 20—21. Указ Военной Коллегии, за № 41 о предосторожности от киргизских набегов.

По доставленным киргизами сведениям оказалось, что и новый зюнгарский владелец Дабачи убит в Урге Галданом-Дундуком и Марко-Жирганом, которые имеют между собою ссору, почему в зюнгарской «землице» настоящего владельца нет.

Пользуясь смутами в Зюнгарии, киргизы стали ездить туда за добычею, проезжая около русских пограничных форпостов и поселений, почему предписано бригадиру Крафту, в Сибирской губернии по Иртышской линии на форпостах и станциях, иметь крепкую предосторожность и не допускать до разорения русских

подданных и по «тамошней ближней способности» давать знания обо всем Оренбургскому губернатору.

139. 31 мая. Сборник указ. 1755 г., с. 59—67. Указ той же коллегии, за № 259, о предосторожности от киргизов.

Выбежавшие из киргизского плена бухарцы и женщина зюнгорка заявили, что султан Аблай с 10 000 человек пошел войной на зюнгорскую «землицу» и что, по разорении зюнгаров, киргизы намерены на новый год напасть на русские крепости и форпосты и взять малочисленный гарнизон их.

Вследствие этих сведений и продолжавшихся дерзких поступков со стороны киргизов, являвшихся со скотом на внутреннюю сторону Сибирской линии, предписано бригадиру Крафту иметь весьма крепкую и неоплошную предосторожность от киргизов, а в отношении расположения войск в пограничных местах и о всем касающемся «заграничных» дел руководствоваться указаниями действительного тайного советника Неплюева.

144. 1755. 21 авг. Сборник указ. 1755 г., с. 161—168. Именной Высочайший указ Оренбургскому губернатору Неплюеву по поводу перехода киргизов с степной на жилую сторону р. Иртыша.

Киргизы, несмотря на запрещения, переходили со скотом, в большом числе, со степной на жилую сторону р. Иртыша. Командам, посылавшимся для удаления их, киргизы оказывали сопротивление. Так, в 1775 г. сын Куляка-батыра с товарищами вступил в драку с казаками и драгунами, требовавшими удаления киргизов с жилой стороны, причем казакам и драгунам были нанесены побои с проломанием мно-

гим голов и изувечением. Но когда командою была открыта пальба, киргизы удалились за Иртыш, куда был затем угнан и принадлежащий им скот. В других же местах Иртышской линии осталось киргизов еще несколько тысяч, и согнать их, вследствие сопротивления, оказалось невозможным.

Вслед за тем был задержан в Железинской крепости сын Куляка-батыра, впредь до наказания его по усмотрению киргизских старшин, а если они наказать его откажутся, то предоставлено губернатору Неплюеву наказать задержанного по своему усмотрению.

Во избежание перехода киргизов на жилую сторону Иртыша предписано ко времени обычной их перекочевки, т. е. к осени, усиливать гарнизоны в пограничных крепостях и форпостах и в случае попыток киргиз к переходу их на жилую сторону «сбивать» их силою.

149. 1755. 15 сент. Сборник указ. 1755 г., с. 245—260. Инструкция Коллегии иностранных дел о порядке исполнения им поручения по возвращению башкир из киргизской степи.

Ввиду того, что оренбургский губернатор Неплюев не надеялся на исполнение его требований о возвращении киргизами беглых башкирцев и что опытом доказано бессилие хана киргизского, который не мог настоять на выполнении законных требований русского правительства,— был послан в киргизскую степь известный своим искусством и влиянием на киргиз генерал-майор Тевкелев, которому в подробной инструкции поручено принять меры к возвращению беглых

башкирцев, которых в киргизской степи было более 3 000. Тевкелеву предоставлено действовать увещаниями, приласканием, подарками, «трактованием» казенною пищею, водкою и вином, а когда понадобится, и барантою. Но если по известному киргизскому легкомыслию и ветрености все эти способы не приведут к цели, то разрешено учинить над киргизами поиск и отмщение местными «легкими» войсками, т. е. казацкими и калмыцкими.

Вместе с тем поручено Тевкелеву чрез искусного геодезиста снять «скрытым образом» план Заяицким местам, речкам, озерам, камышам и лесам, особенно против Индерских гор.

В инструкции, между прочим, упомянуто, что киргизы хотя и считаются в русском подданстве, но никаких податей и служб не несут.

158. 1756. Янв. 12. Сборник указ. 1756 г., с. 36—41. Указ Правительствующего Сената о сибирских пограничных делах

Сенат, согласно представлению Коллегии Иностранных Дел, разрешил командировать генерал-майора Тевкелева для свидания с султаном Средней орды Аблаем и для успокоения этим путем орды, причем предписал Тевкелеву секретно разузнать, не будет ли какой возможности Среднюю орду сделать безвредною, сколько для этого потребуется войска и в какое время удобнее послать войска, чтобы впредь от этой орды Сибирскому краю не было опасности.

159. 1756. Янв. 19. Там же, с. 53—56. Именной Высочайший указ Оренбургскому губернатору Неплюеву, по ходатайству зюнгарских нойонов о принятии их в русское подданство.

Генерал-майор Крафт доносил, что зюнгарского владения 15 зайсангов с своими волостями имеют прилежное желание быть в русском подданстве, обещаясь ясак вперед за три года отдать.

Разъяснено, что зюнгаров можно принять в подданство, но с тем, чтобы они переселились за Волгу к тамошним торгоутским калмыкам.

В указе, между прочим, упомянуто, что зюнгары кочуют по обе стороны озера Зайсан, а на реке Сем стоит их войско.

164. 1756. Июля 12. Сборник указ. 1756 г., с. 204. Указ Правительствующего Сената, за № 713, о предосторожности от киргизов.

Предписано иметь от киргизов крепчайшую предосторожность, дабы не последовало от них где-нибудь разорения и убийства народа.

168. 1756. Нояб. 18. Там же, с. 285—291. Именной Высочайший указ Неплюеву и Тевкелеву об ограждении киргиз от нападения монголов.

Признано необходимым оказать защиту киргизам Средней орды от монголов, так как хотя орда эта производила беспокойные поступки, но оставить без защиты киргиз нельзя, чтобы их не огорчить и не показать им, что они русскими оставлены.

Если монгольские войска будут преследовать киргиз Средней орды, то для отражения неприятеля повелено склонить Нурали-хана с Меньшею ордою. В случае неуспеха поручено учинить «протестацию» монголам, заявив, что киргизы — русские подданные. Если понадобится для отражения неприятельских войск — употребить и башкирцев.

170. 1756. 17 дек. Сборник указ. 1757 г., с. 9—15. Указ военной коллегии, за № 1498, о имении при Оренбургской и Сибирской линиях предосторожности от киргиз-кайсаков.

Средняя орда отразила с победою нападение монгольских войск, и потому возникла опасность для русских крепостей и форпостов от нападения киргизов.

В то же время и киргизы Меньшей орды находящихся у них бунтовщиков-башкир не только не удерживают от злодейства против русских, но и сами совершают предерзости и воровства около Сибирской линии.

Ввиду сего на случай нечаянного по «легкомыслию и своевольству» киргизов нападения предписано иметь наикрепчайшую предосторожность в тех местах, где большую опасность от набегов можно ожидать.

177. 1758. Марта 19. Сборник указ. 1758 г., с. 106—107. Высочайшая грамота на имя киргиз-кайсацкого хана Нурали, султанов, старшин и всего народа.

В грамоте указано, что хан Нурали, при свидании с генералом Тевкелевым, обещал, в случае войны с китайцами выслать свое войско, которого до 30 000 может набраться. Такое усердие хана принято милостиво и повелено ему собрать сколько может киргиз-кайсацкого войска и отправиться с ним к Сибирским границам для отражения китайцев и поиска над ними.

179. 1758. Мая 6. Там же, с. 117—122. Указ той же Коллегии, за № 442, о предупреждении перехода киргизов Средней орды под покровительство Китая.

Султан Средней орды Аблай присылал в Оренбург нарочных с письмами, в которых извещал, что китайцы призывают киргиз Средней орды кочевать в зюнгарской степи, что богдыхан присылал к нему, Аблаю, своих посланцев с объявлением о желании богдыхана иметь Аблая «вместо сына»

и что китайцы для привлечения киргиз предполагают учредить при уроч. Ирень-Кабырга такой же торг, как и в Оренбурге.

В указе разъяснена вся серьезность последствий перехода киргиз под покровительство Китая. Киргизы, как магометане, могут со временем привлечь с собою все остальные орды, башкир и других магометан, в русском подданстве находящихся, и тогда создастся немаловажная опасность для наших пограничных мест. Зюнгары, будучи в «идолаторском» законе, считались опасными для Сибирской линии сами по себе, так как у них не могло быть единоверных союзников.

Поэтому предписано приложить старание ласками, увещанием и подарками отклонить намерение киргиз Средней орды вступать под покровительство китайцев.

При этом прислана пожалованная султану Аблаю сабля с надписью и две такие же сабли, пожалованные ранее султанам Эрали и Айчуваку за выдачу беглых башкир.

180. 1758. Июля 21. Сборник указ. 1758 г., 129—130. Указ Правительствующего Сената, за № 625, о предосторожности от нападения китайцев.

Писарь хана Нурали заявил оренбургскому начальству, а последнее донесло Сенату, что китайский богдыхан, как объявили возвратившиеся из Зюнгарии калмыки и киргизы, намерен на пустой калмыцкой (зюнгарских калмыков) земле строить города, населить в них китайцев и обложить их податями. Вóйска китайского в по-

граничных местах содержится 180 000 человек, и как калмыки, так и киргизы в боязни и опасности находятся.

Сенат, затребовав мнение Коллегии иностранных дел по этому вопросу, предписал оренбургскому начальству по всем форпостам иметь наикрепчайшую предосторожность на случай нападения китайцев.

183. 1758. 31 июля. Сборник указ. 1758 г., с. 133—137. Указ Коллегии иностранных дел за № 554.

Коллегия, рассмотрев, по распоряжению Сената, представления по поводу стремления китайцев к завладению зюнгарскою землю и к привлечению Средней орды под свое покровительство, постановила оренбургскому начальству искусным образом отвратить Среднюю орду от дружбы с китайцами, представив резоны, что киргизы, находясь в русском подданстве, живут «натуральным» образом и в покое, тогда как подвластные китайцам народы управляются «тиранским» образом. Если не удастся уговорить самого султана Аблая, то надлежащим образом склонить к верности России лучших старшин Средней орды.

Вместе с тем стараться укреплять хана Нурали с Меньшею ордою в необходимости выступить, когда понадобится, на войну с неприятелями России.

184. 1758. 31 июля. Там же, с. 151—154. Указ Коллегии иностранных дел, за № 555, об отвраще-

Главный владелец Средней орды, султан Аблай, постепенно сближался с китайцами, но, не желая переселяться с занятых ордою земель близ Сибир-

нии от разных предприятий киргиз-кайсацких владельцев.

ской границы, признавал себя в русском подданстве.

Китайцы старались привлечь к себе киргизов и направляли усилия к завладению землями, оставшимися после разорения зюнгаров и перехода части их в русское подданство.

Брат хана Нурали, султан Эрали, который предполагался к избранию ханом в Хиву *, а затем в Среднюю киргиз-кайсацкую орду, получил приглашение быть ханом Большой орды, состоявшей до того в зависимости от зюнгаров.

Коллегия высказала свое мнение, что, по-видимому, для интересов России лучше, если султан Эрали будет ханом в Средней, а не в Большой орде, но предоставила оренбургскому начальству (Тевкелеву и Рычкову) поступить по своему усмотрению, имея в виду киргизское «легкомысленное состояние».

185. 1758. 27 авг. Сборник указ. 1758 г., с. 185—186. Секретный указ Правительствующего Сената, за № 807, об отвращении киргизов от вступления в китайское подданство.

За разъяснением возникших с китайцами по зюнгарским делам затруднений опасность нападения со стороны китайцев, по-видимому, миновала, но китайцы продолжают свои сношения с султаном Средней орды Аблаем и даже письменно заявили Сенату, что Средняя орда вступила в китайское подданство.

Хотя китайскому трибуналу и сообщено, что Средняя орда давно находится в русском под-

* Вместо изгнанного хана Каипа. Но хивинским ханом был избран сын бухарского хана Шаметира (Сборн. указ. 1758 г., с. 152).

данстве и что Китаю не следует принимать в свое подданство эту орду, но для лучшего устройства этого дела Сенат предписал командировать в киргизскую степь генерал-майора Тевкелева, или в случае его болезни, сына его капитана Осипа Тевкелева, поручив ему при личном свидании с ханом Нурали и султаном Аблаем отвратить киргиз от китайского подданства.

При этом разрешено производить расходы на подарки и проч. сколько потребуется, не ограничиваясь ассигнованными на этот предмет 3 000 руб.

188. 1758. Сент. 17. Сборник указ. 1758 г., с. 197—202. То же, за № 947, о принятии в русское подданство зюнгарских и торгоутских калмыков.

Зюнгарский нойон (владелец) Норбо Данжик и зайсанг Улумжи вступили в русское подданство и приняли св. крещение, первый под именем Дмитрия Яковлева и второй — Степана Дмитриева. Во внимание к сему, Яковлев, в чине полковника, был назначен войсковым судьею в Ставрополь, а второй пожалован в ротмистры также в Ставрополь.

В то же время к Семипалатинской крепости вышли и просили принять в русское подданство 6 торгоутских владельцев: Занам, Мамут, Шеаренг, Урамхай, Лоузанг Джап и Норбо Черик с 1000 кибиток подвластных, всего до 5000 душ обоего пола.

Остальные торгоутские калмыки кочевали в числе 5000 кибиток на местности у р. Или.

Сенат разрешил принять торгоутских калмыков и посе-

лить их вместе с их единоплеменниками за Волгою. Вместе с тем предписано озаботиться привлечением в подданство и остальных торгоутских калмыков и зюнгарцев, дабы отвратить возможность присоединения их к какому-нибудь азиатскому хану, который, подобно прежниму зюнгарскому владельцу, может усилиться во вред русским интересам.

192. 1758. Декаб. 31. Сборник указ. 1759 г., с. 13. Указ Правительствующего Сената, за № 1231, о башкирцах в киргизской степи.

В течение 1758 г. вышло из киргизской степи скрывавшихся там башкирцев 246, а с прежними 5363 человеками и сверх того самими киргизами по требованию генерал-майора Тевкелева выдано 681, а всего 6044 человека.

193. 1758. Дек. 31. Там же. с. 23—24. Указ Коллегии иностранных дел, за № 1306, о неразрешении Тевкелеву приезда в Петербург для личного доклада некоторых дел.

Тевкелев представлял, что на очереди стоят важные дела: 1) чтобы поколебавшуюся и китайскому подданству в наклонности бывшую Среднюю орду утвердить в верности к России и установить потребные для сего порядки; 2) чтобы на пустопорожних землях, на которых раньше жил сильный зюнгарский народ, не допустить к поселению такого народа, который может быть опасен для Сибири, и 3) чтобы китайцы и подданные им народы в Великой и Малой Бухарии никаких завоеваний не делали, отчего может вред нашей коммерции с азиатскими народами последовать.

Для личного доклада этих дел Тевкелев просил разрешения прибыть ему в Петербург. Но Коллегия нашла, что лич-

ное присутствие Тевкелева в Оренбурге нужнее ввиду осложнений с китайцами и необмости может быть в скором времени уговорить киргизов идти на «полон» против китайцев.

196. 1759. Янв. Сборник указ. 1759 г., с. 25—27. Секретный указ Военной коллегии, за № 7, о предосторожности от киргизских набегов по Уйской линии.

14 августа 1758 г. к Троицкой крепости приезжал тархан Даут, сын известного Джаныбека, с 30 человеками киргиз, для получения своих пленных 2 калмыков, калмычки, персианина и каракалпака, но когда ему было объявлено, что пленных этих нет, то при уходе Даута из Троицкой крепости, в ночь на 16 августа, было сделано киргизами нападение на стоявший в 3 верстах караул, причем был ранен 1 драгун и 3 башкирца и взяты казенное ружье и 6 лошадей. Посланною для поиска командою были задержаны 5 вооруженных пеших киргизов, которые оставлены в крепости в виде заложников. Затем 21 августа киргизами около Увельской слободы и Кичигиной крепости отогнаны 77 обывательских лошадей. Но затем состоялся размен: киргизы отдали казенное ружье и лошадей, а им возвращены заложники.

Вследствие этого Военная коллегия предписала иметь по Уйской линии и в других крепостях и форпостах, от воровских набегов киргизов, «всекрепкой и твердой» предосторожности.

198. 1759. Февр. 11. Сборник указ. 1759, с. 31—38. Секретный указ Военной коллегии, за № 99, о разных киргизских и пограничных делах.

Хан Нурали с братьями и старшинами Меньшей орды вновь подтвердил свою готовность действовать, когда понадобится, против китайцев.

Средней орды султан Аблай объявил себя подданным китайскому богдыхану и обязался в том письменно, написав вместе с собою в реестре самых лучших людей до 60 человек, в том числе и хана Нурали, без ведома их. С бумагами этими Аблай посылал в Пекин своих 12 человек, которые, возвратясь минувшею зимою, привезли от китайского богдыхана подарков Аблаю на 4000 рублей. Между тем Аблай многих из своих подвластных киргиз довел до того, что они к Зюнгарии прошлою весною стали кочевать.

Но когда посланный от Тевкелева вступил с Аблаем в переговоры, то Аблай переменил свой взгляд и утвердился в том, чтоб от России не отдаляться, обещаясь весною прибыть в Оренбург для свидания, а ныне послал к Высочайшему Двору своего двоюродного брата Юлбалыс-султана с 5 знатными старшинами с письмом, в котором изложены «обыкновеннае» дела и жалобы на сибирских командиров. Тевлелев же предполагал, что истинное желание Аблая заключается в том, чтобы он был сравнен с детьми хана Абулхаира, т. е. с ханом Нурали с братьями.

Коллегия, имея в виду, что притязания китайцев по зюнгарским делам не прекратились

и сношения китайского трибунала наполнены грубыми «терминами», почему по известной китайцев «взмерчивости» можно ожидать нападения их на русские границы, предписала Тевкелеву укреплять хана Нурали в его склонности действовать против китайцев.

Коллегия признала за «важное» дело недопущение китайцев утверждаться в зюнгарских местах, почему и предписала Тевкелеву внушить хану Нурали с братьями непосредственным образом и набегами на пустые зюнгарские места препятствовать китайцам водворяться на них.

При этом указе были приложены «в запас» две Высочайшие грамоты на имя хана Нурали. В одной грамоте говорилось об отражении неприятелей, без упоминания кого именно, а в другой об открытии действий против китайцев.

206. 1759. 25 мая. Сборник указ. 1759 г., с. 144—147. Указ Коллегии иностранных дел за № 442, о построении при устье р. Эмбы крепостцы для зимовья Нурали-хана и о запрещении киргизам переходить через Яик.

Переход киргиз со скотом на зиму через Яик признан неудобным, потому что, независимо от ссор и драк, происходящих между киргизами и казаками, можно было опасаться, что киргизы, привыкнув переходить за Яик, вытеснят волжских калмыков и соединятся с кубанцами, также магометанами и одной с ними секты.

Постройка скотских дворов на степной стороне признана Тевкелевым совершенно неудобною.

Коллегия, распорядившись

прекратить переход киргиз за Яик, предложила Тевкелеву вступить в соглашение с ханом Нурали относительно постройки при устье р. Эмбы крепостцы или зимовья и в случае согласия представить план и смету о стоимости постройки.

211. 1759. 31 авг. Сборник указ. 1759 г., с. 224—227. Указ той же Коллегии, за № 681, о делах, касающихся Средней киргизской орды

Во время пребывания в Петербурге посланцев Средней Орды султана Аблая рассмотрены дела, касающиеся этой орды, и состоялось следующее постановление Коллегии: 1) султану Аблаю производить жалованье, начиная с 1759 г., по 300 руб. в год, из которых 100 руб. передавать ему тайно, и сверх того ныне же выдать ему и старшинам подарков товарами рублей на 500; 2) находя признание султана Аблая ханом Средней орды желательным, несмотря на то, что это может причинить досаду хану Нурали, имеющему некоторую власть и в Средней орде,— объявить секретно Аблаю, что если он будет давать от себя в Троицк или Оренбург аманатов, то может просить об утверждении в ханском достоинстве, после чего он и в окладе жалованья будет сравнен с ханом Нурали и 3) по ходатайству хана Аблая о возврате ему пленных, желающих принять святое крещение, объявить, что дело это находится в рассмотрении.

212. 1759. 31 авг. Сборник указ. 1759 г., с. 228—229. Высочайшая грамота на

В грамоте сказано, что по всеподданнейшему прошению Аблая и по засвидетельствованию оренбургского и сибирско-

имя Средней орды, султана Аблая, старшин и всего народа о назначении жалованья.

1760. Марта 3. Сборник указ. 1760 г., с. 15—22. Указ Коллегии иностранных дел за № 198, по поводу сношений с ханом Нурали и его братьями.

го начальства о верной службе султана назначается ему жалованье по 200 руб. в год, с уверенностью, что он будет заботиться об охранении границ, и когда понадобится, выступит с войском для отражения общего неприятеля.

Летом 1759 г. хан Нурали прислал с братьями своими Эрали и Айчуваком в аманаты, вместо умершего от оспы сына, другого 6-тилетнего сына Артык-Галия, а затем и прибыл сам для свидания с оренбургским губернатором Давыдовым. При свидании велись переговоры о разных делах и главным образом о запрещении киргизам перегонять скот за Яик и о постройке при р. Эмбе зимовки или крепостцы для жительства хана, с тем чтобы и киргизы кочевали зимою там же.

Хан изъявил согласие на жительство при Эмбе, но настаивал на дозволении перегонять скот за Яик, объявив, что он, по верности своей, куда велят, туда и поедет, но последует ли за ним его народ, того он не знает, ибо никого из киргиз верными к России не признает и ручаться в том даже за своих братьев не может. Относительно возвращения русских пленных, захваченных в 1757—59 гг., Нурали отзывался своим бессилием в народе.

Запрещение кочевать за Яиком и отказ в выдаче жалованья на умершего от оспы сына — аманата, дало повод хану быть недовольным действия-

ми губернатора, и Нурали более на приглашения Давыдова не являлся, а, не простясь ни с кем, откочевал от Оренбурга в степь.

Братья Нурали султаны Эрали и Айчувак также заявляли свое неудовольствие, что им в этот приезд надлежащей чести не было оказываемо. Губернатор Давыдов в письме к султану Айчуваку, изложенном в «крепких терминах», указал на несправедливость притязаний, укорял Айчувака в том, что он увез 2 казенные солдатские палатки, и предупредил, что о несходственных его поступках будет доведено до Высочайшего сведения. После этого оба султана уехали от Оренбурга не простясь ни с кем. Впоследствии султан Айчувак, чрез писаря своего, уверял, что он к русским никакого худого намерения не имеет и будет удерживать от того и киргиз, так как с них довольно будет и сартов, т. е. бухарцев, хивинцев, ташкентцев и других на торг в Оренбург ездящих людей, коих они удерживать у себя, грабить и от них добычу себе получать хотят.

Коллегия иностранных дел заметила губернатору Давыдову, что он должен был в первое свое свидание с ханом наградить его, братьев и старшин подарками и в сношениях и разговорах иметь умеренность и осторожность, воздерживаясь от «крепких терминов», так как известно, что все азиатские народы «за всякое сло-

во вяжутся». Коллегия поставила на вид, что при прежних губернаторах никогда киргизские владельцы не приходили в такую «холодность», как при первом свидании с ним, Давыдовым. Чтобы восстановить добрые отношения с ханом и его братьями, Коллегия рекомендовала Давыдову прийти в соглашение с султаном Айчуваком, который, как известно, немалую силу в киргизском народе имеет, и завести дружбу и согласие с ханом и старшинами, пользуясь удобными для сего случаями. Для этого, на первый раз, Коллегия указала на необходимость находящегося в аманатах ханского сына не только оберегать от оспы и «других сыпей», но и всячески ласкать и чаще брать к себе в дом, чтобы весть об этом доходила до хана и его братьев.

Относительно перегона скота за Яик Коллегия подтвердила прежние свои указы и предложила убедить киргиз кочевать при Эмбе, где и на предь сего, при хане Абулхаире, они кочевье имели.

225. 1760. 18 июля. Сборник указ. 1760 г., с. 111—114. Указ Коллегии иностранных дел, за № 577, о Средней киргизской орде.

Чрез посланных из Оренбурга в Среднюю орду поручика князя Уракова и переводчика Гуляева дознано, что в Средней орде султан Аблай управляет только одним Атагайским родом, а ханом во всей орде почитается дядя Аблая, Абулмамет-хан, проживающий в г. Туркестане. Сыновья Абулмамета султан Булат и Абулфесиз управляют родами, пер-

вый — Алта-Аргинским и второй — Карагирей-Найманским, имеющим кочевья на бывших зюнгарских землях при уроч. Каратал. На зюнгарских землях, при реке Или, китайцы построили город, называемый Или, и там ведут торговлю с киргизами Средней орды. Султан Аблай имел намерение перекочевать также на зюнгарские земли и от приезда в Оренбург под разными предлогами уклоняется, требуя, чтобы назначенное ему жалованье высылалось чрез посланных от него. Но от перекочевки киргизов ведения Аблая-султана на зюнгарския земли удерживал батыр Кулсара, выразивший готовность стараться в пользу России с тем, чтобы ему было назначено годовое жалованье, но при этом просил не сравнивать его с Кулякою-батыром, которого он старее.

Коллегия, по обсуждении этих обстоятельств, признала, что так как в Средней орде состоит владельцем хан Абулмамет, имеющий большую силу, то и нет никакой надобности настаивать на избрании в ханы султана Аблая, а нужно достигнуть, чтобы впредь избираемые ханы утверждались Высочайшею властью подобно тому, как это делается по отношению к Меньшей орде. Главная забота по отношению к Средней орде должна заключаться в том, чтобы орду эту удерживать от перехода в китайское подданство и чтобы иметь верные и точные сведе-

ния о всех сношениях с китайцами. Для этого, по «известному киргиз-кайсацкого народа лакомству», велено выдавать жалованье султану Аблаю и награждать подарками как его, так и батыров Кулсару и Куляка и чрез посылку надежных татар иметь постоянные сношения с султаном и батырами.

228. 1760. Окт. 2. Сборник указ. 1760 г., с. 186—187. Указ Коллегии иностранных дел, за № 904, о назначении жалованья братьям хана Нурали — султанам Эрали и Айчуваку.

Султан Эрали, оставшись недовольным на Оренбургского губернатора, подстрекал киргиз делать «воровские» набеги на пограничные места и остановил шедший в Оренбург бухарский караван. Вследствие этого губернатором был послан к Эрали толмач с обнадеживанием милостями для увещания. Эрали пропустил караван и письмом на имя губернатора просил о назначении годового жалованья, указывая на то, что жалованье назначено брату его хану Нурали и султану Аблаю, тогда как от них обоих никакой службы нет.

Коллегия признала возможным назначить Эрали годовое жалованье по 200 руб., но с тем, чтобы он об этом подал всеподданнейшее прошение. При этом Коллегия обратила внимание на то, что назначение Эрали жалованья могло огорчить брата его султана Айчувака, который, по «варварскому» его состоянию, сочтет себя обиженным и что поэтому необходимо назначить и ему жалованье, но не иначе как по всеподданнейшей от него просьбе.

249. 1761. Дек. 30. Сборник указ. 1762 г., с. 7—10. Указ Коллегии иностранных дел, за № 1031, с Высочайшими грамотами о выступлении Императора Петра III на прародительский престол.

Вследствие кончины, 25 декабря 1761 г., Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, в грамотах на имя хана Нурали и его братьев Эрали и Айчувака и султана Средней Орды Аблая, объявлено о вступлении на престол Императора Петра III. Грамоты эти приказано вручить хану и султанам, но принятия присяги не требовать, как и раньше не требовалось по «дикому и своевольному их состоянию», а стараться, чтобы они прислали, для «всеподданнейшего поклонения», депутации. По приезде же в Оренбург хана и султанов убедить их принять на верность присягу.

251. 1762. 14 янв. Сборник указ. 1762 г., с. 20. Указ Коллегии иностранных дел, за № 68, о назначении писарю при султане Аблае годового жалованья.

По представлению Оренбургского губернатора назначено писарю при султане Аблае исетскому татарину Мунасипу Мамметеву жалованье по 12 р. ввиду того, что он обещался сообщать и сообщал о поступках киргизских начальников. Жалованье велено выдавать секретно от киргиз, чтобы они не могли иметь подозрения на писаря.

Из указа видно, что жалованье выдавалось и писарям как при хане Нурали, так и при султане Айчуваке.

253. 1762. Марта 21. Сборник указ. 1762 г., с. 43—54. Указ Коллегии иностранных дел, за № 318, о мерах к спокойному содержанию киргизской орды.

Начальствовавший над войсками Сибирской линии генерал-майор Веймари представлял о том, что для уничтожения «безполезных склонностей и обычаев» киргизов и для содержания их в постоянной преданности России необходимо приложить старание к «изнеживанию» их и к обучению к лучшему и спокойнейшему житью, с тем чтобы незаметным образом «навести» некоторую скудость в скоте и лошадях, так как чем меньше у киргизов будет скота и лошадей, составляющих их главное довольство и богатство, тем меньше и опасности и беспокойств от них может быть. Для осуществления сего генерал-майор Веймарн предлагал, во-первых, чтобы кир-

гиз ничем не озлоблять и оказывать им всякое снисхождение и правосудие, дозволяя кочевать близ границы и пасти табуны; во-вторых, всех выбегающих от киргиз пленных возвращать им вместе с имуществом; в-третьих, знатнейшим киргизским старшинам, в недальнем от линии расстоянии, построить «хоромы», а для мелкого скота и лучших лошадей — крытые сараи и тем приучать их к таким постройкам, и, в-четвертых, для того, чтобы киргиз приучить к сенокошению, а скот и лошадей от трудного зимнего корма отвадить и «изнежить», заготовить сено для скота тех старшин, которые будут жить близ границ. Привыкнув к сенокосу, киргизы будут заняты работою, а привыкнув к лучшему житью и покою, они «изнежатся» и будут отвыкать от воровства и стараться искать защиты и покровительства у России. Лошади и скот, выращенный на сене, отвыкнет от зимней тебеневки, и тогда излишнее число скота «перевестись» может.

Коллегия нашла, что хотя по известному киргизскому «множеству» и «обыклости» к степному кочеванию и самому грубому их воспитанию, киргизы способами, указанными генерал-майором Веймарном, не только в короткое время, но даже в целые века «изнежены» быть не могут, тем не менее способы эти, в большей их части, признаны удобными в смысле удержания киргиз в русском подданстве и отвращения от китайцев. Поэтому Коллегия разрешила произвести необходимый расход на постройку «покоев» для султана Аблая и знатнейших старшин, особенно для Кулсары, на скотские дворы и на заготовление сена в первые два года с тем, чтобы на третье лето были высланы для обучения киргизов сенокошению — опытные косцы. В отношении освобождения выбегающих от киргизов пленников Коллегия высказала, что отказывать в приеме тем из пленных, которые пожелают принять св. крещение,— нельзя, так как это будет противно христианскому закону, «да и во всем свете такое обыкновение есть, что нигде и никому в принятии закона не отказывается». Поэтому Коллегия подтвердила прежний свой указ об отправлении пленных, желающих принять св. крещение, в Москву.

Распоряжение Коллегии о расходах на осуществление всех изложенных мероприятий подтверждено Коллегиею к исполнению указом Правительствующего Сената от 14 мая 1762 года за № 128.

255. 1762. 10 июля. Сборник указ. 1762 г., с. 67—70. Указ Коллегии иностранных дел, за № 778, с Высочайшими грамотами о вступлении на Всероссийский престол Императрицы Екатерины II.

Высочайшими грамотами на имя хана Нурали и братьев его султанов Эрали и Айчувака и Средней орды султана Аблая объявлено о вступлении 28 июня 1762 г. на престол Императрицы Екатерины II.

274. 1763. Авг. 2. Сборник указ. 1763 г., с. 107—108. Указ той же Коллегии, за № 73, с Высочайшими грамотами об определении оренбургским губернатором действительного статского советника Волкова.

Высочайшими грамотами на имя хана Нурали и султана Средней орды Аблая объявлено о последовавшем назначении оренбургским губернатором действительного статского советника Дмитрия Волкова.

Считаем не безынтересным привести здесь полный текст собственноручно написанного Императрицею Екатеринов II указа от 1 июня 1763 г.: «Мне кажется, легко можно ответствовать киргиз-кайсацкому хану на его доказательства о дозволении перейти со своим скотом Яик. Он признается за подданного России, следовательно, он послушен будет и не пойдет с своим скотом, где им заказано, понеже всякий российский подданный не смеет переходить где ему не позволено. А если у них корму для скота недовольно, то покупают за деньги, или выменяют на товар, или запасают на зиму, что и им советуется делать, и если бы они хотели порядочно селиться, то бы им удобнее было все нужное для человеческой жизни иметь, о сем Тевкелев имеет идеи, кажется, изрядные. Он советует пригласить их, дабы они дали одну крепость построить, и берется на то сам оных ветреных народов склонить, и как бы он интриг ни делал против Давыдова (бывшего тогда оренбургским губернатором), не худо б было, если бы вице-канцлер князь Голицын позвал его, Тевкелева, к себе и объявил бы ему, что я приказала с ним посоветовать о вышеписанном, а князю Александру Михайловичу, надобно в то свидание иметь великое терпение, понеже Тевкелев несколько «радотирует», и дабы он более говорил, надобно показать ему податливость входить в его представления. Он много полезного знает и весьма великую веру те народы к нему имеют, а после того разговора желаю знать мнения вице-канцлера и Коллегии иностранных дел, дабы можно было установить систематические обхождения с ними, что служить после может и с прочими народами, а по сю пору не видно, чтоб инако их вели, как du jour a la journée»*.

В исполнение этого указа князь Голицын вел перегеворы с генерал-майором Тевкелевым, который старался поставить на вид свои услуги, и когда ему предложено было изложить свое мнение по

* Обычно (*фр.*)

киргизским делам, Тевкелев просил сказать ему, будет ли он послан в Оренбург, и отказался изложить мнение о том случае, если назначение его не состоится. Из слов Тевкелева можно было понять, что он желает быть в Оренбурге главным командиром. Но Коллегия представляла, что такое назначение Тевкелева, как магометанина, не совсем прилично будет. Ее Величество, после доклада об этом, приказала оставить генерал-майора Тевкелева в покое и с ним ничего более по киргизским делам не рассуждать.

343. 1777. 23 нояб. Сборник указ. 1777 и 1778 гг., с. 126—127. Высочайший указ по по поводу отправления султаном Аблаем посланца к Высочайшему Двору.

Султан Аблай чрез Оренбургского губернатора ходатайствовал о разрешении ему прислать к Высочайшему Двору сына его в качестве посланца.

Ходатайство это уважено с тем, чтобы были приняты меры, которые бы убедили султана Аблая в необходимости признать себя со всею Среднею ордою вновь подданным России.

Такое требование поставлено потому, что с некоторого времени Аблай стал называть себя ханом Средней орды, не испросив Высочайшего утверждения на это звание и не заявив даже, по какому праву он сделался ханом, т. е. по выбору народа или по собственному произволу, надеясь на бессилие прочих старшин орды. Во всяком случае, так как в Меньшей орде хан Нурали испрашивал и получил Высочайшее утверждение на ханское достоинство, то было бы непристойно оставлять без утверждения хана и в Средней орде, а тем меньше дозволять сыну неутвержденного хана являться к Высочайшему Двору. Поэтому предписано, чрез особого способного нарочного, внушить Аблаю о том, чтобы он послал сына своего к Высочайшему Двору исключительно с просьбою об утверждении его, Аблая, в ханском звании. Но если все убеждения к сему, которые нужно предпринять главным образом ради преемников хана в Средней орде, не подействуют на Аблая по его невежеству, высокомерию или упрямству, то велено не отправлять сына его к Высычайшему Двору. В настоящее время уже нет надобности оказывать Аблаю особенных снисхождений потому, что опасность перехода Средней орды в китайское подданство миновала: орда эта останется независимою от китайцев, а по отношению к России *по крайней мере по наружности,* продолжает считаться под именем подданных.

При отправке сына султана Аблая велено иметь

предосторожность, чтобы свита при оном была немноголюдная.

344. 1778. 24 мая. Сборник указ. 1778 г., с. 43—45. Две Высочайшие грамоты об утверждении султана Аблая ханом Средней киргиз-кайсацкой орды.

Одною грамотою султан Аблай, согласно его прошению, доставленному Ее Величеству Государыне Императрице сыном его султаном Тугумом, утвержден ханом Средней орды, а другою грамотою, на имя султанов, биев, старшин и всего народа Средней орды, объявлено об этом утверждении.

346. 1778. 21 сент. Там же, с. 94—102. Высочайший указ на имя оренбургского губернатора с препровождением грамот об утверждении султана Аблая ханом Средней орды.

Из приложенного при указе в копии всеподданнейшего доклада Коллегии иностранных дел видно, что султан Аблай в прошении на Высочайшее имя, заявляя о том, что он выбран султанами и старшинами всех трех орд, просил об утверждении его в ханском достоинстве над тремя ордами. Но так как Большая и Малая орда совершенно независимы от Средней, что подтвердили и доставившие прошение Аблая, сын его Тугум и старшины, то Коллегия представляла об утверждении Аблая ханом одной Средней орды, тем более что для безопасности здешних границ признавалось полезным, чтобы киргизы никогда не состояли под одним главным управлением.

Хотя хан Малой орды Нурали и был утвержден ханом киргиз-кайсацким без указания орды, но это было сделано с тою целью, чтобы Нурали постарался привлечь к себе Среднюю орду; на деле же оказалось, что он не только в этом не успел, но и в своей Малой орде имеет не больше силы и власти, чем другие султаны и старшины, никакими наружными отличиями не подкрепленные. Доклад этот Высочайше утвержден 24 мая 1778 г.

С препровождением Высочайших грамот об утверждении Аблая в ханском достоинстве и изготовленных для него знаков этого достоинства: сабли, собольей шубы и лисьей шапки — предписано оренбургскому губернатору обряд возведения Аблая в ханское достоинство исполнить во всем применительно к тому, как было при утверждении в таком же достоинстве хана Нурали в 1749 г. Предложено стараться, чтобы Аблай прибыл для тор-

жества к Оренбургу или в другое какое-нибудь место Оренбургской губернии, а если он от этого уклонится, то поручить присутствовать при торжестве находящемуся на Сибирских линиях генералу. Но если Аблай — этот упрямый, но в своей стороне знаменитый «варвар»— откажется от приезда куда бы то ни было, то послать к нему способного штабс-офицера для присутствования при торжестве, причем поручить привести Аблая к присяге, которую он должен принять, как и прежде принимал хан Нурали, стоя на коленях, хотя, впрочем, на этом, во избежание «предосудительного шума» в народе, особенно не настаивать.

На будущее время указано, чтобы об утверждении в ханском достоинстве поступали прошения от старшин, участвовавших в выборах.

Все уступки Аблаю в отношении исполнения обряда утверждения в ханском звании сделаны из желания привлечь его на сторону России, чтобы он меньше был привержен к китайской стороне, с которою он в частых сношениях находится.

347. 1779. Октяб. 4. Сборник указ. 1779 г., с. 61—63. **Высочайший** указ оренбургскому губернатору по поводу уклонения султана Аблая от прибытия на торжество возведения его в ханское достоинство.

Все старания призвать хана Аблая в Петропавловскую крепость для принятия присяги на верность службы и для вручения ему Высочайшей грамоты и других знаков ханского звания оказались тщетными: он уклонился от поездки под разными пустыми предлогами, а с посланными к нему офицером и переводчиком обходился очень грубо и допустил их к себе только один раз.

По разведкам оказалось, что Аблай оставался приверженным Китаю, имел в орде и лично у себя в плену очень много русских людей, которых по требованиям не выдавал и дозволял грабить русских и азиатских купцов. Уклонившись от принятия присяги, Аблай пожелал сохранить за собою свободу действий, чтобы делать русским всякие «пакости».

Вследствие этого предписано не выдавать Аблаю грамоту и другие знаки на ханское достоинство, а чтобы этот «варвар» сильнее почувствовал негодование, вызванное его поступками, велено прекратить выдачу ему жалованья, которое он до сих пор получал по 300 руб. в год. Кроме того, чтобы умалить значение Аблая в орде,

предложено постараться поставить ему «соперника», поддерживаемого со стороны правительства удобными по состоянию киргиз пособиями.

До тех пор, пока дела в Средней орде будут находиться в таком положении, рекомендовано запретить русским ездить в орду во избежание опасности от «сей дичи», а по границам везде иметь крупную предосторожность от воровских покушений киргиз, с которыми в таких случаях управляться достаточным отпором, погонею и барантою.

В ЦАРСТВОВАНИЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

403. 1801. Марта 11. П.С.З. № 19773. О дозволении киргизскому народу кочевать между Уралом и Волгою и заводить по удобности в лесных местах селения.

По донесению о желании сына Нурали-хана Букея-султана вступить с подведомственным ему народом в подданство России и позволении навсегда кочевать между Уралом и Волгою последовало Высочайшее повеление: «Председательствующего в ханском совете киргиз-кайсацкой Малой орде Букея-султана, Нурали-ханова сына, принимаю к Себе охотно, позволяю кочевать там, где пожелает, и в знак моего благоволения назначаю ему золотую медаль с Моим портретом, которую носить на шее на черной ленте.

В ЦАРСТВОВАНИЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

420. 1805. Сент. 15. П.С.З. № 21915. Об отставке киргиз-кайсацкой Меньшой орды хана Айчувака и об избрании на место его старшего сына.

Хан Айчувак по глубокой старости уволен, согласно прошению в отставку, с пенсионом в 1000 руб., а на место его назначен избранный султанами, биями, старшинами и прочими уважаемыми людьми старший сын Айчувака — Джантюре, которого утверждение последовало, по прежнему обыкновению, 3 сентября 1805 года.

427. 1807. Окт. 11. П.С.З. № 22644. О бытии всем заставам по Уральской линии под ведомством Оренбургской таможни.

Все заставы по Уральской линии от Илецкого городка до Гурьева повелено подчинить ведомству Оренбургской таможни, изъяв из ведения Астраханской.

446. 1819. Янв. 18. П.С.З. № 27642, т. XXXVI. О вступлении в подданство России киргиз-кайсацкой Большой орды Юсупской волости султана Сюка с подвластным ему народом.

Султан Сюка Аблайханов с подвластными ему киргизами, в числе 55462 душ обоего пола (имевшими 802359 голов разного скота), по собственному желанию присягнул на подданство России. По этому случаю султан был произведен в чин 8 класса, сподвижники его получили разные награды и Высочайше разрешено султану Сюке прислать депутацию, а также построить на счет казны дом для него и мечеть.

454. 1822. Июня 22. № 29125. Учреждение для управления Сибирских губерний.

Сибирь разделена на Западную и Восточную. В состав Западной Сибири вошли губернии Тобольская и Томская и область Омская. Главное управление Западной Сибири, состоявшее из генерал-губернатора и Совета, находилось в Тобольске. В состав Омской области вошли кочевья киргиз-кайсаков Средней орды, коих, в отличие от прочих, велено называть сибирскими киргизами. Область разделена на внутренние округи: Омскую, Петропавловскую, Семипалатинскую и Усть-Каменогорскую и внешние по особым правилам. Распределение городов в Омской области было: средними признавались Семипалатинск и Петропавловск и малолюдными: Омск и Усть-Каменогорск.

К *кочующим* (2 разряда) инородцам причислены киргиз-кайсаки, управляемые по особому о них уставу.

455. 1822. Июля 22. № 29172. Высочайше утвержденный Устав о сибирских киргизах.

Кочевья залинейных киргизов Средней орды разделены на *аулы* (от 50 до 70 кибиток в каждом), из 10—12 аулов составлены *волости,* а из волостей, преимущественно одного рода или поколения, образованы *округа* (от 15 до 20 волостей в каждом). Аулы управлялись старшинами по выбору народа на 3 года, волости управлялись султанами наследственно, а для управления округами избирались на 3 года султанами из своей среды старшие султаны. В каждом округе был учрежден Окружной Приказ, в котором под председательством старшего султана присутствовали заседатели: два из русских чиновников, по назначению начальника области, и два из почетных киргизов, избранные биями и старшинами на 2 года.

В платеже податей была установлена 5-тилетняя льгота со дня издания закона, а затем киргизы должны были платить *ясак* по одной голове со ста штук скота, исключая верблюдов. Количество скота исчисляется раз в три года.

Судебные дела были разделены на уголовные и исковые. *Уголовными* считались: государственная измена, убийства и грабежи и баранта. Они решались в Окружном Приказе на правах уездного суда и поступали на ревизию областного суда. *Исковые* дела решались словесно, по обычаям, биями из почетных киргизов.

В отношении духовных дел сказано, что по сие время вера киргизов в сущности более языческая, нежели магометанская, а потому есть надежда на обращение многих в христианство. Областное начальство может испросить особенную в степь миссию, которая должна действовать одними увещаниями без малейшего принуждения.

460. 1824. Июля 24. № 29997. Об открытии в Сибири городов Колывани, Барнаула и Нарыма, а в киргизской степи первого внешнего округа и приказа под названием Кар-Каралинский.

Согласно Высочайше утвержденного 22 июля 1822 г. учреждения об управлении сибирских губерний, в киргизской степи открыт первый внешний округ, названный Кар-Каралинским, о чем и опубликовано во всеобщее сведение.

В ЦАРСТВОВАНИЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

466. 1826. Апреля 5. № 237. Собр. 2, т. 1. О переселении ссыльных евреев, в Омской области находящихся, во внутренние места Сибири и о воспрещении водворять в сей области ссыльных.

По заявлению генерал-губернатора Западной Сибири, евреи, проживавшие в Петропавловске, Семипалатинске и других местах на линии, имели тайное сношение с горными заводами и переводят за границу дорогие металлы. Вследствие сего Высочайше утвержденным положением Сибирского комитета постановлено: 1) предоставить генерал-губернатору поселившихся на линии ссыльных евреев, навлекших на себя основательное подозрение, переселять в другие места Сибири. Выселению подвергать и тех евреев, которые причислены в мещане и крестьяне и не будут приняты обществами, а также и

тех, которые хотя и приняты, но будут приличены в какой-либо недозволенной торговле и 2) предоставить генерал-губернатору строго наблюдать, чтобы не только евреи, но и вообще никакие ссыльные, не были в противность узаконениям, поселяемы на линии и чтобы евреи даже с паспортами вообще были не терпимы в городах, на линии лежащих.

480. 1831. Мая 20. № 4584. О порядке взимания ясака с сибирских киргизов в Кар-Каралинском и Кокчетавском округах.

Высочайше утвержденным положением Сибирского комитета разрешены некоторые вопросы, относящиеся к сбору ясака с сибирских киргизов двух внешних округов, в которых 5-тилетняя льгота окончилась.

1) У служилых киргизов: старших султанов, заседателей окружных приказов и султанов, управляющих волостями, освобождено от ясака определенное число голов скота.

2) Из особенного уважения к родам бывших ханов Валия и Букея повелено освободить от ясака *навсегда* по 1000 голов лошадей, 1500 быков и 1500 руб., как у нынешних их потомков, так и в будущем по прямой линии в роде каждого у старшего сына или у того, которого отец изберет своим наследником.

3) Если до наступления срока исчисления ясака случится в волости значительный падеж скота, то ясак взимать по числу наличного скота.

4) Султанам предоставить вносить ясак за тех только *теленгутов,* которые *принадлежат им лично,* а не в виде свободных киргизов, состоящих в их управлении.

491. 1833. Февр. 21. 2 П.С.З. № 5999. т. VIII. О наделении землями войска Уральского и киргизов Внутренней Букеевской орды.

Высочайше утвержденным определнием I Департамента Правительствующего Сената, согласно с заключением заинтересованных ведомств, определено: 1) назначить границу земель Уральского войска вдоль левого берега Большого Узеня, начиная от границы Саратовской губернии до озер Камыш-Самарских; и 2) все пространство между Малым и Большим Узенями, исключая мест, занятых по левому берегу Малого Узеня пятью форпостами (Таловский, Вербовский, Обинский, Мокринский и Глиняный — могущие служить *некоторым образом примером к оседлой жизни киргизов*), предоставить киргизам Букеевской орды для свободного в оных посе-

ления и кочевания, но не в собственность, а только для пользования и впредь до другого распоряжения, предоставя им, впрочем, право строить на Малом Узене мост для перехода скота их.

На землях, назначенных киргизам, существовала выстроенная неизвестно кем деревня, которую Сенат полагал наделить землею по 15 десятин на душу, если только в деревне окажтеся не менее 10 домов. Но Государь Император изволил найти оставление этого селения в кругу земель, назначенных киргизам, совершенно неудобным и повелел селение это снести.

В определении Сената заключаются следующие данные о Букеевских киргизах: Внутренняя орда, поселясь в назначенных для нее степях, сделалась весьма многолюдною и богатою скотоводством так, что ныне в оной до 42000 душ мужского пола, лошадей 500000, рогатого скота 100000 и овец 2 000 000. Следовательно,— говорится в определении,— она одна могла по роду своей жизни и занятий извлечь пользу из таких степей, которые для хозяйства оседлого вовсе неспособны; она доставляет оседлым жителям богатый источник промышленности меною своих степных произведений на хлеб и другие вещи, киргизам нужные.

492. 1833. Марта 9. № 6034. Об открытии в степи сибирских киргизов двух округов — Баян-Аульского и Уч-Булакского.

Разрешено открыть в лете 1833 г. два новых округа: *Баян-Аульский* — против Ямышевской крепости и *Уч-Булакский* — на юго-запад от Омской крепости.

По уставу 1822 г. предположено открыть восемь округов, из них открыто: 1) в 1824 году *Кар-Каралинский* на северо-запад от Аяузского, близ озера, принимающего речку Талды. 2) *Кокчетавский,* против Петропавловской крепости на речке Чагылыке; в 1831 г. 3) *Аяузский* — против Семипалатинской крепости, на реке Аяузе, впадающей в озеро Балкаш, и в 1832 г. 4) *Акмолинский* — против Омской крепости между верховьями реки Ишима и рекою Нурою.

496. 1834. Мая 29. № 7140. Об открытии Аман-Карагайской внешней округи, Омской области.

Согласно приговора киргизов дозволено открыть Аман-Карагайскую внешнюю округу со 2-й половины 1834 года.

497. 1834. Мая 29. № 7141. О свободе сибирских киргизов от рекрутства.

Прибывший в Петербург старший султан Акмолинского округа Худай-Мендин заявил, что некоторые киргизы сомневаются в том, свободны ли они от повинности рекрутской. Вследствие чего выдан лист с выпискою из законов о свободе от рекрутства для удостоверения, что сибирские киргизы были и будут навсегда свободны от рекрутства как теперь, так и тогда, когда, желая себе еще большего блага, станут прилежнее заниматься земледелием и другою промышленностью, или же поселятся по своей доброй воле в селениях и городах.

509. 1835. Ноябрь. 27. № 8628. О способах к призрению детей, привозимых киргизами на Оренбургскую и Сибирскую линии и оставляемых на меновых дворах.

Изданы следующие правила: 1) вменить в обязанность пограничных таможен и застав Сибирской и Оренбургской линий принимать во всякое время оставляемых киргизами детей, без всякого вознаграждения привозителей; 2) детей этих раздавать русским зажиточным людям для воспитания в христианской вере до 25-летнего возраста, когда воспитанников записывать в податное состояние или в казаки с 10-летнею льготою от податей; 3) если желающих взять на воспитание не найдется, то мальчиков отдавать в кантонисты, а девочек в заведение Общественного Призрения и 4) наблюдать, чтобы, под предлогом дозволенного призрения киргизских детей, не был вновь каким-либо образом допущен запрещенный торг детьми азиатцев.

515. 1835. Марта 5. Арх. Тург. обл. правл., д. № 51674, с. 717 и 721. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров. О проведении новой линии по границе Оренбургской губернии с киргизскою степью.

Часть Оренбургской линии, на пространстве между крепостями Орскою и Троицкою, велено перенести далее в киргизскую степь и все пространство между старою и новою линиями заселить на следующих основаниях:

1) Поселяне новой линии должны быть вместе с тем и защитники ее, а посему новую линию следует заселить исключительно казаками, не допуская к водворению на ней людей других сословий.

2) Заселение новой линии произвести постепенно, переводом на оную части жителей из малоудобных мест

теперь существующей линии, а равно из внутренних малоземельных станиц.

3) Казакам оренбургским, предполагаемым к переводу на новую линию, следует отвести 15-тиверстную полосу вдоль новой линии.

4) Сия полоса земли будет собственностью Оренбургского казачьего войска.

5) Землю, оставшуюся затем между новою и старою линиями, объявить собственностью казны, не вводя, однакоже, ее на первый случай в состав Оренбургской губернии, но оставив в распоряжение Пограничной Комиссии.

Примечание: оренбургский военный губернатор, по мере открывающейся возможности, какую-либо часть земель на пространстве между старою и новою линиями, заселять жителями извнутри России, обязан доводить о сем до сведения министра финансов с подробным объяснением: в каких местах те земли находятся и сколько, по его соображениям, может быть на них поселено жителей, дабы согласно с тем Министерство финансов могло учинить надлежащие распоряжения о заселении оных. Тогда уже земли сии поступают в казенное ведомство, на общем основании земель, внутри России находящихся, но до того все пространство между двумя линиями, согласно с предложением, в сей статье изъясненным, должно состоять в заведывании Оренбургской пограничной комиссии под непосредственным и главным управлением оренбургского военного губернатора.

6) Если на пространстве между обеими линиями пожелают остаться киргизы, то сие им разрешается на основаниях, указанных ниже в ст. 9.

7) Остающуюся за наделением казаков на новой линии землю следует отдавать в оброчное содержание по усмотрению оренбургского военного губернатора.

8) Если за переводом людей на новую линию останутся на старой линии и во внутренних станицах свободные земли, то и их отдавать в оброк по усмотрению оренбургского военного губернатора, употребляя получаемые от сего и от предыдущего пункта деньги на заведение новой линии, а по устройстве оной, обратив их в доход Оренбургского казачьего войска, исключая оброка с земель по старой линии, которые должны отойти тогда в казенное ведомство.

9) Киргизы, пожелающие оставаться между обеими линиями, будут вносить ежегодно определенное количе-

ство денег вместо платы за билеты, которые они должны бы иметь, живучи на земле, когда она сделается *внутреннею стороною*. Плата сия должна быть вносима соразмерно пространству земли, их кочевьем занимаемой. Вместе с тем постановить в непременную обязанность оренбургского военного губернатора, дабы все действия свои направлял к тому, чтобы со временем совершенно удалить киргизов за черту новой линии и исподволь приготовлял бы их к сей мере.

519. 1836. Дек. 20. 2 П.З.С., т. XI. № 9794. **Именной Высочайший указ, объявленный командиру Сибирского отдельного корпуса. Об уничтожении Омской азиатской школы.**

Высочайше повелено: Омскую азиатскую школу уничтожить, а 20 воспитанников, в ней находящихся, перевести в урочище Сибирского линейного казачьего войска в число 180 определенных штатом. В то же училище переданы книги и имущество азиатской школы и средства, отпускавшиеся из казны в сумме 1964 руб. 29 коп. в год. Два воспитанника азиатской школы, находившиеся в Казанском университете, оставлены до окончания курса казенными стипендиатами.

541. 1838. 6 апр. 2 П.С.З. № 11122. **Высочайше утвержденное положение об отдельном управлении сибирскими киргизами.**

В именном Высочайшем указе, данном Сенату, сказано, что образование в 1822 г. Омской области было предпринято в тех видах, чтобы посредством местного управления постепенно достигнуть между сибирскими киргизами того устройства, которое, в отношении этого многочисленного кочевого народа, предположено в учреждении о сибирских инородцах. Но Омское областное управление, по мере расширения круга его действий в степи, должно было в то время отвлекаться делами внутреннего управления, в ущерб главной своей задачи в отношении киргизов. Вследствие этого признано необходимым обратиться к другому, более соответствующему намерениям правительства порядку, именно к устройству отдельного управления сибирскими киргизами. В этих видах повелено: Омскую область упразднить, а входившие в состав оной города причислить: Омск и Петропавловск — к Тобольской губернии, а Семипалатинск и Усть-Каменогорск — к Бийскому уезду, Томской губернии, селения же и станицы распределить между уездами: Курганским, Ишимским и Бийским. Для общего управ-

ления сибирскими киргизами учредить отдельное управление под названием: *Пограничного управления сибирскими киргизами,* которое должно находиться, впредь до усмотрения, в г. Омске и состоять из пограничного начальника в чине генерал-майора, председателя пограничного управления в чине полковника или подполковника, 4 советников, в том числе 1 киргизского асессора, стряпчего казенных и уголовных дел и канцелярии по штату. Частное управление степными округами оставить на прежнем основании.

Из постановленных в то же время правил, относившихся к киргизской степи, обращают на себя внимание следующие: о скорейшем собрании, рассмотрении и представлении на утверждение киргизских законов и обычаев для руководства пограничному управлению (29 ст.), о закрытии по малолюдству Уч-Булакского округа (33 ст.) об устройстве при каждом приказе, на счет казны, лавок и базаров (ст. 35), о распределении киргиз, не принявших еще введенного устройства, по округам, соображаясь с родопроисхождением и кочевками их (36 ст.) и о склонении независимых киргизов подчиниться общему порядку, вводимому в степи, действуя в этом случае с благоразумием и мерами увещания (37 ст.).

544. 1838. Мая 31. Июня 7. № 11289. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров. О разграничении киргиз-кайсаков Сибирского и Оренбургского ведомств.

Граница между Оренбургскою и Сибирскою линиями, при генеральном межевании, была означена красным столбом, но залинейные земли оставались неразграниченными, каковое обстоятельство с 1818 года служило поводом к взаимным несогласиям обоих начальств. Вследствие этого, по Высочайшему повелению, генерал-губернатор Западной Сибири князь Горчаков 2-й вместе с председателем Оренбургской пограничной комиссии генерал-майором Генсом, обозрели спорные места и пришли к соглашению относительно границы между землями киргиз-кайсаков Оренбургского и Сибирского ведомств. Граница эта должна была начинаться у так называемого красного столба (между редутами Алабугским и Сибирским) и идти на юг на озеро Тымок и западный берег озера Шаврино к дуброве Рябовой и озеру Рябову, между озерами большого и малого Соболева до займища и озера Улу-Кульского (которому оставаться в Сибирском ведомстве). Далее черта границы идет к

западной оконечности дубровы Куя-Агач, между озерами Тоскабень и Яркуль до оз. Косакуль и реки Убгана. По течении этой реки черта идет до большого озера Джингиз-Куль, потом чрез самое озеро, далее по р. Верхней Абуге (Убагану) и речушек Бурыкты-кал, до ее источника, причем правый берег этих вод оставлен сибирским, а левый — оренбургским киргизам. Далее граница идет по хребту, отделяющему реки Тургай (их несколько), от вод, впадающих в р. Ишим до вершины реч. Карын-Солды-Тургай (в Оренбургском ведомстве), а оттуда до гор. Улу-Тау (отходящей в Сибирское ведомство) и от них в прямом направлении на юг до озера Телекуль, по местам, подробное определение которых отложено до окончания топографической рекогносцировки.

Так как проектированная по взаимному соглашению местных начальств граница определена в спорных местах с возможным уравнением выгод кочевых племен киргизов обоих ведомств, то военный министр полагал:

1) Проложить между киргизами Сибирского и Оренбургского ведомств границу по означенным выше пунктам и урочищам положительно до вершины реч. Карын-Солды-Тургая и примерно до озера Телекуль, до окончания рекогносцировки.

2) Отчислить к Оренбургскому ведомству из Аман-Карагайского округа те киргизские волости, которые, кочуя теперь на землях, отходящих к Оренбургскому ведомству, не пожелают при предстоящем разделе перейти на Сибирскую сторону, но с тем, чтобы после того воспретить всякий переход кочующих племен с одной стороны на другую.

Комитет Министров полагал представление военного министра утвердить, поднеся карты разграничения земель на Высочайшее благоусмотрение.

Государь Император на положение Комитета Министров Высочайше соизволил.

547. 1838. 25 ноябр. № 1177. Именной Высочайший указ, данный Сенату. О перемещении Главного Управления Западной Сибири из Тобольска в Омск.

В указе изложено: «Согласно с представлением генерал-губернатора Западной Сибири, рассмотренным в Министерстве внутренних дел и Военном, повелели Мы: Главное Управление Западной Сибири переместить из Тобольска в Омск».

573. 1844. Апреля 6. № 17807. Высоч. утвержд. мнение Гос. Совета «Об утверждении Кокбектинского Окружного Приказа».

Из кокбектинских киргизов, разделяющихся на 12 волостей, решено образовать отдельный округ под названием *Кокбектинский,* с присоединением к нему четырех волостей Аягузского округа, а именно: Мурун-Назаровской, Мурун-Куттумбетевской, Мурун-Кадыровской и Мурун-Каляджиненской. Для управления этим новым округом учрежден Окружный Приказ, который, а равно и служащие в нем, помещены в частных домах Кокбектинского селения, впредь до постройки казенных зданий. Входящим в состав Кокбектинского округа 12 волостям киргизов дарована 5-тилетняя льгота от платежа ясака.

575. 1844. Июня 14. № 17998. Высочайше утвержденное положение об управлении оренбургскими киргизами.

Для приведения управления Оренбургскими киргизами, или киргизами Малой орды в лучшее устройство, издано новое положение, которое поручено ввести в действие, в виде опыта, на пять лет, причем Внутренняя, или Букеевская киргизская орда, оставлена в зависимости от Оренбургской пограничной комиссии еще на один год со времени введения в действие нового положения. Согласно этого положения, управление оренбургскими киргизами, под главным заведыванием Министерства иностранных дел и под непосредственным начальством оренбургского военного губернатора, состояло из органов, действовавших в степи: 3 султанов-правителей, дистаночных начальников в числе 75 и неопределенного числа начальников аулов из киргизов. Пограничная комиссия состояла из председателя, товарища его, 4 советников, 4 заседателей из киргизов и канцелярии по штату. При комиссии сверх того состояли врач, ветеринарный лекарь с помощником, 1 фельдшер и 10 учеников фельдшерского искусства и оспопрививания из киргизов, обученных при Оренбургском военном госпитале. Для прививания предохранительной оспы и для подачи киргизам простейших медицинских пособий было назначено при султанах-правителях по одному фельдшеру из киргизов. Для заступничества за киргизов, при линии находящихся, по делам их с линейными жителями, назначено 6 попечителей из русских чиновников, преимущественно из отставных военных.

Занимаемые оренбургскими киргизами земли, состав-

ляющие, в виде особой области, часть Империи, состояли в ведении Министерства иностранных дел.

Пограничной комиссии были предоставлены права и обязанности Губернского правления и палат: Казенной, Государственных имуществ и Гражданского и Уголовного суда. Кроме того, Пограничной комиссии было вменено в обязанность озаботиться собранием и приведением в порядок киргизских обычаев, имеющих в орде силу закона, дабы составить из оных род особого свода для руководства при производстве и решении тех дел, которые должны разбираться и судиться на основании сих народных обычаев. Сей свод имеет быть потом представлен на рассмотрение и утверждение высшего правительства.

613. 1847. Фев. 4. 2 П.С.З., т. XXII, № 20885. Об учреждении при Оренбургской пограничной комиссии временного стола для производства дел по управлению Внутреннею киргизскою ордою.

За смертью хана Джангера Внутренняя орда была оставлена до времени в зависимости оренбургского военного губернатора и Пограничной комиссии, а для управления ордою учрежден Временный совет под председательством брата покойного султана Адиля Букеева из 3 членов: 2 султанов и 1 чиновника Министерства государственных имуществ. Киргизы обязаны платить установленные ханом Джангером *закят* и *сугум* без увеличения. Вследствие «умножения» дел в Пограничной комиссии, за смертью хана, учрежден особый временный стол для производства дел по управлению Внутреннею ордою.

639. 1850. Июля 3. № 24291. О предоставлении льготы и пособий казакам Оренбургского казачьего войска, переселенным в находящиеся в киргизской степи укрепления.

Переселенным в укрепления: Оренбургское (ныне г. Тургай), Уральское (г. Иргиз), Раимское, форт Карабутакский и Новопетровское, предоставлены следующие льготы и пособия: а) восьмилетняя льгота от службы и повинностей; б) выдача провианта казакам с семьями в течение 2-х лет; в) выдача денежного пособия казакам Новопетровского укрепления по примеру Оренбургского и Уральского укреплений по 65 руб. на семейство; г) права на промышленность и пользование земельными и другими угодьями наравне с казаками, поселенными на линии и д) льготы эти даны только 50 семействам в каж-

дом укреплении, и дальнейшее переселение повелено прекратить, впредь до выяснения средств и способов к устройству переселенцев.

645. 1851. Фев. 4. 2 П.С.З., т. XXVI, № 24898. О именовании Раимского укрепления, возведенного в киргизской степи при устье Сыр-Дарьи,— Аральским.

Возведенное при впадении реки Сыр-Дарьи в Аральское море Раимское укрепление повелено именовать *Аральским*.

673. 1853 .Авг. 31. 2 П.С.З., № 27536. Именной Высочайший указ, объявленный Воен. Министр., О именовании впредь фортом Перовским укрепления Ак-Мечеть, находящегося на правом берегу р. Сыр-Дарьи.

Государь Император Высочайше повелел соизволить: находящееся на правом берегу р. Сыр-Дарьи укрепление Ак-Мечеть именовать впредь фортом *Перовским*.

680. 1854. Мая 19. 2 П.С.З., т. XXIX, № 28255. Высочайше утвержденное положение об управлении Семипалатинской области.

Из частей, находящихся на левом фланге киргизской степи, именно: Кокбектинского и Аягузского внешних округов, Семиреченского края, земель, занимаемых киргизами, кочующими на внутренней стороне Сибирской линии по правую сторону р. Иртыша и городов: Семипалатинска, Усть-Каменогорска и Бухтарминского укрепления — образована особая область с наименованием *Семипалатинской*. В состав этой области, кроме перечисленных местностей, вошли станицы Копальская с принадлежащими к ней укреплениями и землями и Заилийские укрепления. С отделением левого фланга степи в состав Семипалатинской области правый фланг степи, состоящий из пяти округов, отделен в область сибирских киргизов, причем пограничный начальник переименован в военного губернатора, а Пограничное управление — в Областное правление сибирских киргизов. Семипалатинская область была разделена на округи: Семипалатинский внутренний, в состав которого вошли пространство, занимаемое киргизами, кочующими на внутренней стороне линии Сибирского войска по правую сторону р. Иртыша, города Семипалатинск и Усть-Каменогорск, Бухтарминское укрепление и селения по Иртышской линии от крепости Железинской до Мало-Нарымска

включительно; *Кокбектинский* и *Аягузский* внешние и *Копальский* военный округа. Город Семипалатинск возведен на степень областного, а станицы: Кокбекты, Аягуз и Копальская — на степень окружных городов, с назначением в первый полицеймейстера и в последние офицеров к исполнению обязанностей городничих. Областное управление состояло из военного губернатора, заведующего войсками во внешних округах области и Областного правления в следующем составе: председатель — товарищ военного губернатора, 5 советников (один из киргизов) и асессор. Кроме того при губернаторе, кроме канцелярии по штату, состояли областной землемер с 2 чертежниками и горный ревизор. Для заведывания прокурорскою частью в области назначался стряпчий казенных и уголовных дел. Областное правление исполняло обязанности губернского правления, казенной палаты и губернского суда. Управление внешними округами оставлено на прежнем основании, а управление Семипалатинским внутренним округом возложено на Окружной приказ, который образован из окружного военного начальника (он же председатель), старшего султана (товарищ председателя), 3-х русских и 1 киргизского заседателей. Кочевья киргизов разделены на волости и аулы. Аулы управлялись старшинами, а волости — султанами или почетными киргизами; те и другие по выбору народа на неопределенное число лет*. Дела гражданские, возникающие между киргизами, подлежали суду биев по народным обычаям. На неправильные решения биев приносились жалобы Окружному приказу, который для пересмотра дел созывал старших и почтеннейших биев (не мнее 3-х) или приступал к производству дел следственным порядком. Окружный приказ пользовался правами суда первой степени и все дела производил на русском и татарском языках. Киргизы внутреннего округа были обложены ясаком со скота: лошадей, рогатого и баранов с 60 голов по одной штуке, по ценам, утвержденным в 1852 г. для внешних округов.

Для пособия киргизам в случае голода, повальных болезней и падежа скота, для устройства домов и раз-

---

* Выборы производились в центре кочевий по большинству голосов *наличных*. Не могущим явиться, по болезни или другим причинам, дозволялось к известному сроку присылать письменные отзывы, которые и имели силу голоса. Но не явившийся лично или не присылавший письменного отзыва считался согласившимся на произведенный выбор (§ 87 полож. об упр. Семип. обл.).

ных общественных заведений, для наград и пособия, в видах поощрения к улучшению хозяйства и введению хлебопашеств, огородничества и ремесл и вообще для всех предметов по устройству киргизов составляется особый денежный капитал под названием *вспомогательного*. В капитал этот поступали: 1) сборы за билеты, выдаваемые киргизам на отлучки для работ и кочевания на казачьих землях; 2) штрафы за передержательство киргизов без билетов и с просроченными билетами и 3) двойные подати и пени за сокрытый от обложения скот.

Все земли, занятые округом внутренних киргизов, составляют собственность казны и потому на владение ими могут иметь право только те, которые таковое уже получили или получат впоследствии разрешение правительства. Для постоянного кочевья киргизам внутри линии назначались земли по удобности и определены границы их с землями крестьян и казаков по распоряжению главного местного начальства. Из земель, назначенных для внутреннего округа, отделяются удобные для земледелия, скотоводства и других заведений. Земли эти предназначаются для устройства селений как русских, так и киргизских. Каждому киргизу, который пожелает заниматься хлебопашеством или иметь другие на месте хозяйственные заведения, отводить для сего по 15 десятин на душу. Султанам же и волостным управителям отводится под хозяйственные заведения двойная пропорция. Отведенные на этом основании земли переходят в наследство как недвижимая собственность. Султаны, волостные управители и уважаемые в народе лица должны были первые подать пример к возделыванию земель, домоводству и хозяйственным заведениям. На отведенных им землях должны они стараться завести хлебопашество, буде представится возможнным садоводство, пчеловодство и проч. Пограничное начальство заботится, чтобы требования на земледельческие орудия могли быть удобно удовлетворяемы покупкою и меною на линии или в крестьянских селениях, а о киргизах, которые первыми разведут значительное хлебопашество, пчеловодство и проч., представлять для испрошения Высочайшей награды.

Если при размежевании казачьих земель за наделением казаков узаконенною пропорциею, окажутся между полками и станицами, по самой линии Иртыша, свободные участки, то оные, на расстоянии от сей реки вовнутрь земли за пять верст, не предоставляются киргизам, а

оставляются по примеру десятиверстной полосы на левом берегу, в особом распоряжении правительства для будущих оседлых заселений русских или киргизов, или для других, по усмотрению, заведений.

Копальский военный округ вверен был военно-окружному начальнику, на обязанность которого возложено сохранение в округе должного устройства, порядка, тишины и спокойствия и безопасность лиц, в округе водворенных.

Так как Копальская станица, по географическому и торговому положению и сосредоточении в ней многих караванных путей, служит складочным пунктом для товаров, отпускаемых в Китай и Коканд и привозимых оттуда, то из числа первых обязанностей на военно-окружного начальника возлагалось оказывать покровительство и защиту торговцам и их промышленности.

Военному губернатору области вменялось в обязанность употребить все благоразумие к истолкованию киргизам прямой их пользы, воздерживать и обуздывать их своеволие, поощрять к домообзаводству и хлебопашеству, не стесняя, впрочем, пастушеского их быта; для сего каждому роду и племени, к предупреждению взаимных споров, должны быть отводимы постоянные зимние и летние стойбища, и должно быть наблюдаемо, дабы заведенный порядок исполнялся в точности и неупустительно.

Все дела, могущие возникать у китайцев с русскими подданными Семипалатинской области, производятся военным губернатором чрез русских консулов в Чугучаке и Кульдже.

В ЦАРСТВОВАНИЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

711. 1855. Фев. 23. 2 П.С.З., т. XXX, № 29069. **Высоч. утвержд.** положение Сибирского Комитета. **О порядке избрания по киргизской степи в старшие султаны.**

Ст. 871, т. III уст. о служ. по выб. коч. инор. изложена в следующем виде:

Старший султан избирается на три года и утверждается, с одобрения военного губернатора, генерал-губернатором. Право быть избранными в старшие султаны предоставляется всем вообще султанам и лицам, пожалованным офицерскими чинами, ограничив, впрочем, число сих последних теми, кои прослужили не менее трех

лет заседателями Окружных приказов или волостными управителями. В число же избирателей, сверх лиц султанского происхождения, допускаются все вообще имеющие офицерские чины, а равно и те из почетных киргизов, кои прослужили в классных должностях, по выборам, девять лет, хотя бы они и не имели офицерских чинов. Заседатели от киргизов в Окружный приказ избираются биями и старшинами из почетных киргизов на два года с утверждения военного губернатора.

733. 1856. Сент. 7. 2 П.С.З., т. XXXI, № 30937. Высоч. утвержд. полож. Воен. Сов. О переселении из Оренб. казачьего войска 50 казачьих семейств в Уральское укрепление.

Для увеличения при Уральском укреплении * казачьего поселения предоставлено главному начальству Оренбургского края переселить в это укрепление из Оренбургского казачьего войска пятьдесят казачьих семейств из числа желающих благонадежных казаков и согласно Высоч. пов. 24 апреля 1853 г. не из магометан. Переселенцев этих водворять не вдруг, а постепенно, по мере хозяйственного обзаведения прежде прибывших. На расходы по переселению и на первоначальное обзаведение отпускать по 65 руб. на каждое семейство в безвозвратное пособие из сумм соединенного сбора с башкир, на счет коих содержатся степные укрепления Оренбургского края. Переселенцам этим даровать 8-летнюю льготу от службы и других повинностей, дозволив им наниматься на службу за казаков, которые ежегодно командируются из войска. В случае необходимости выдавать переселенцам заимообразно продовольствие.

736. 1856. Ноября 3. № 31095. Именной, объявленный Сенату. О переименовании пристава при киргизах Большой орды в начальники Алатауского округа и киргизах Большой орды и о штате управления сего начальника.

Пристав при киргизах Большой орды переименован в начальника Алатауского округа и киргизов Большой орды. По утвержденному одновременно штату управления, начальник Алатауского округа должен быть в чине полковника и ему ассигновано было на подарки киргизам 500 руб. В управлении его состояли: помощник, письмоводитель, депутат от киргизов и 2 толмача и по военной части адъютант и два писаря.

* Ныне р. Иргиз Тургайской области.

741. 1857. Марта 25. № 31649. Высоч. утвержд. полож. Сиб. Комит. Об увеличении русского населения в Семиреченском и Заилийском крае Западной Сибири.

Для упрочения нашей оседлости по границе с Китаем, в Семиреченском и Заилийском краях признано необходимым усилить там русское население на следующих основаниях:

1) Дозволить в Семиреченском и Заилийском округах поселиться охотникам из крестьян Западной Сибири, сверх водворенных уже там, еще до 300 семейств с зачислением их в казаки Сибирского линейного казачьего войска.

2) Означенным поселенцам даровать такие же льготы и пособия, какие Высочайшим повелением, последовавшим 8 февраля 1854 г., были предоставлены переселенцам на Урджар, Лепсу и за Или.

3) Сверх дозволенного устройства в киргизской степи постоялых дворов, разрешить в Семипалатинской области приселяться около тех пикетов, где местность то дозволит, охотникам, по вызову правительства, из сибирских крестьян и ссыльно-переселенцев, получивших право на свободное водворение в Сибири, с запискою тех и других в казаки Сибирского линейного казачьего войска. Приселения эти допускать на пикетах в таких размерах, чтобы при отводе приселяемых поземельных угодий не стеснять киргизов и чтобы общее число всех этих приселенцев в Семипалатинской области не превышало на первый раз 100 семейств.

762. 1858. Апр. 19. № 33029. Высоч. утвержд. полож. Сибирского Комитета. О выселении в киргизскую степь или другие отдаленные места Сибири самовольных переселенцев в Западную Сибирь из внутренних губерний, неблагонадежных к платежу податей.

Вследствие ходатайства генерал-губернатора Западной Сибири постановлено:

1) Самовольных переселенцев, которые будут вновь прибывать в Сибирские губернии, отправлять для водворения в киргизскую степь или другие отдаленные места Сибири, о чем и объявить во внутренних губерниях.

2) Из пришедших уже в Западную Сибирь самовольных переселенцев выселить в киргизскую степь только тех, которые не приобрели еще прочной оседлости в местах настоящего жительства.

3) Предоставить генерал-губернатору Западной Сибири определить: в каких случаях и при каких условиях

могут быть переселяемы в киргизскую степь старожилы Сибири, неблагонадежные к платежу податей по нерадению.

791. 1859. Апр. 12. 2 П.С.З. Высоч. утверж. полож. Сиб. Ком. О правилах касательно переселения в киргизскую степь крестьян за неплатеж податных недоимок.

Постановлено: переселению в киргизскую степь подвергать тех крестьян, над которыми будут предварительно выполнены указанные в законе меры побуждения к платежу недоимок и которые, после их побуждений, по лености и нерадению, не уплотят состоящей на них недоимки к 1 октября. Переселяемых в киргизскую степь крестьян исключать из оклада с зачислением в казачье войско и с водворением в тех пунктах киргизской степи, которые будут назначены главным местным начальством.

792. 1859. Апр. 14. № 34374. Высоч. утверж. полож. Ком. Мин. Об увеличении числа воспитанников в школе киргизских детей при Оренбургской Пограничной комиссии.

Бывший оренбургский и самарский генерал-губернатор генерал-адъютант Катенин заявил, что недостаток хорошо подготовленных к службе чиновников делается в киргизской орде весьма ощутительным, а исключительный прием в школу при Оренбургской Пограничной комиссии одних только киргизских детей имеет последствием то, что эти молодые люди приобретают в русском языке познания более теоретические, чем практические, почему предположение, что чрез них этот язык будет распространяться между степными киргизами, не может осуществиться. Кроме того, и по будущим служебным своим занятиям ученики киргизской школы встречали нужду преимущественно в знании русского разговорного языка. В устранение этих неудобств решено увеличить число учеников из киргизских детей до 40 и сверх того принимать 10 исключительно русских из детей чиновников и канцелярских служителей Пограничной комиссии. Принятие русских мальчиков обусловливалось необходимостью практического изучения киргизскими учениками русского разговорного языка. Мера эта вызвала новых расходов: единовременных на пристройку здания школ 6677 руб. и ежегодных 2960 руб.

807. 1859. Дек. 9. № 35223. Именной, объявленный Сенату. О переименовании степи Зауральских киргизов, именуемой Малою ордою, в область Оренбургских киргизов и о новом порядке управ. сею областью.

Государь Император, по положению Комитета Министров, Высочайше повелеть соизволил:

1) Именуемую ныне Малою Ордою степь Зауральских киргизов назвать областью Оренбургских киргизов.

2) Пограничную комиссию переименовать в Областное правление Оренбургскими киргизами с сохранением порядка делопроизводства на прежнем основании.

3) Председателя Пограничной комиссии переименовать в управляющего областью Оренбургских киргизов, а товарища его — в помощники управляющего.

4) Все права и обязанности Министерства иностранных дел по управлению Оренбургскими киргизами распространить на Министерство внутренних дел, поручив Областному правлению Оренбургскими киргизами доставлять, по прежнему, Азиатскому департаменту, только сведения о делах заграничных, о торговле с Средней Азиею и о меновой торговле по Оренбургской линии.

5) Управление киргизами, кочующими по Сыр-Дарьинской линии, оставить на прежнем основании, с тем чтобы чиновник Министерства иностранных дел, заведующий сими киргизами, действовал на точном основании данной ему означенным министерством инструкции.

809. 1860. Янв. 23 № 35370. Именной, объявленный Сенату Воен. Мин. О недозволении магометанам селиться массами между старою и новою Оренбургскими линиями, и об ограничении причисления магометан к Оренбургскому казачьему войску.

Вследствие представления Оренбургского и самарского генерал-губернатора Высочайше повелено: не дозволять магометанам селиться массами на землях между старою и новою Оренбургскими линиями и вследствие того, разрешенный Высочайшим повелением 14 августа 1848 г. (2 П. С. З., № 22497), прием в казаки башкир и вообще азиатцев ограничить причислением к Оренбургскому казачьему войску магометан лишь отдельными лицами и семействами, по уважительным причинам и по усмотрению генерал-губернатора.

810. 1860. Февр. 1. № 35404. Именной, объявленный Сенату министром юстиции. О именовании впредь города Аягуза «Сергиополем».

Государь Император, по представлению генерал-губернатора Западной Сибири, Высочайше соизволил повелеть: окружной город Семипалатинской области Аяуз именовать впредь *Сергиополь,* присвоив Аяузскому округу название *Сергиопольского.*

811. 1860. Фев. 9. № 35428. Высоч. утвержд. полож. Комитета Министров. Об учреждении школ в области Зауральских киргизов.

Оренбургский и самарский генерал-губернатор генерал-адъютант Катенин доносил, что, осматривая подведомственную ему степь Зауральских киргизов и беседуя с простыми и почетными из них, он нашел, что убеждение в пользе грамотности всеьма распространено в этом народе, несмотря на кочевой образ его жизни. Вследствие сего некоторые киргизы посылают детей своих учиться в Бухару, некоторые в магометанские мектебы (приходские училища) на Оренбургской линии; большинство же состоятельных ордынцев дает первоначальное образование своим детям чрез посредство домашних мулл.

Образование, даваемое в магометанских училищах, вращается на изучении тонкостей магометанского закона; а чем более знакомится магометанин с духом своей религии, тем сильнее развивается в нем невежественный фанатизм, презирающий и ненавидящий все немусульманское, препятствующий всякому гражданскому успеху и опасный в странах, находящихся под христианским управлением. Чтобы противодействовать вредному влиянию на киргизов, еще не зараженных магометанским фанатизмом, путем образования, получаемого детьми их в магометанских училищах и у магометанских мулл, распространяя в то же время русское влияние в степи, по мнению генерал-адъютанта Катенина, необходимо завести в ней школы от нашего правительства, из которых молодые киргизы выносили бы знание своей и русской грамоты, без примеси вредных нравственных начал. Что это возможно и что молодые киргизы, вышедшие из русских заведений, совершенно отличаются образом мыслей и направлением от товарищей своего детства, обучавшихся у мулл, свидетельствуется воспитанниками Оренбургского кадетского корпуса и школы для киргизских детей при Пограничной комиссии. Ввиду сего, по мнению

генерал-адъютанта Катенина, наступило уже время положить начало устройству русских школ в самой степи. На первое время признавалось достаточным открыть четыре школы — по одной в укреплениях Оренбургском, Уральском, в форте «Перовский» и в форте № 1. Впоследствии, когда перенесутся в степь ставки султанов-правителей, «удобно и прилично» будет завести школы и в этих ставках.

Упомянутые четыре школы решено устроить как можно проще, самым экономным образом, на следующих основаниях:

1) Штат каждой школы ограничить 25 воспитанниками-пансионерами из детей киргизов, с одним для них учителем (он же и смотритель школы).

2) Принимать в школы без различия происхождения и состояния, на первое время даже взрослых, так как последние нередко обращаются с просьбами о доставлении им средств учиться по-русски и так как в азиатских школах молодые люди остаются до 25 и 30 лет.

3) Курс учения ограничить чтением и письмом на киргизском и русском языках, первыми четырьмя правилами арифметики и переводами с киргизского языка на русский и обратно, с объяснением грамматических форм обоих языков.

4) Кроме воспитанников, из киргизов должны допускаться в школы, в качестве приходящих, и дети русских поселенцев при укреплениях.

На первоначальное обзаведение каждой школе требовалось от 575 до 725 руб. и на ежегодное содержание по 1803 руб. 50 коп.

Учителями в степные школы должны были избираться исключительно молодые киргизы, окончившие курс учения в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе или в школе для киргизских детей при Пограничной комиссии, и там, где окажется возможным, должность учителя школы может быть соединяема с должностью переводчика при укреплении. В последнем случае переводчикам выдавать по должности учителя содержание вместо 300 по 200 руб. в год.

Представление это, по рассмотрении в Комитете Министров, было Высочайше утверждено, и расход, исчисленный на устройство и содержание школ, повелено отнести на кибиточный сбор с киргизов.

837. 1861. Апреля 4. 2 П.С.З., т. XXXVI, № 36816. Высоч. утвержд. полож. Сиб. Ком. Об изменении порядка выбора волостных управителей в киргизской степи и в Семипалатинской обл.

По ходатайству бывшего генерал-губернатора Западной Сибири, Мин. вн. дел входил с представлением в Сибирский Комитет об изменении, по местным обстоятельствам, существующих правил о порядке выбора волостных управителей в киргизской степи.

Комитет положил: утвердить означенное представление его, Мин. внутр. дел, и приложенный к оному проект изменения закона о порядке выбора волостных управителей в киргизской степи.

Государь Император в журнале Комитета, в 4 день апреля 1861 г., Высочайше соизволил написать собственноручно: *«Исполнить».*

Проект изменения 929 и 930 ст. Уст. о служб. по выб., т. Ш св. зак., изд. 1857 г., о порядке выбора волостных управителей в киргизской степи.

1) В управители киргизских волостей избираются лица султанского происхождения, а также все имеющие офицерские чины, знаки отличия военного ордена, медали, почетные кафтаны, пожалованные при грамотах генерал-губернатора, и те из ордынцев, которые хотя не имеют никаких отличий, но пользуются особым уважением народа. Сии последние, в случае избрания их большинством голосов, определяются исправляющими должности управителей до того времени, когда приобретут знаки отличия, дающие право на утверждение их управителями.

2) Право избирателей предоставляется: всем султанам, лицам несултанского происхождения, имеющим чины, медали, почетные кафтаны, аульным старшинам, почетным биям, внесенным в списки окружных приказов, на основании 10 п. 194 ст. II т. учрежд. о Управ. сиб. инор. (3 изд.), и пяти зажиточнейшим киргизам из каждого аула, принимая в основание количество скота, показанное в исчислении для взноса ясака.

3) Не имеющий права избирателя не может быть избираем.

4) Выборы производятся в волостях, в присутствии старшего султана и участкового заседателя.

5) В отклонение всяких влияний на свободную подачу голосов производится баллотировка шарами.

6) В Окружных приказах ведутся верные списки для

каждой волости лицам, имеющим право участвовать в выборах.

843. 1861. Июня 6. № 37089. Высоч. утвержд. полож. Ком. Мин. Об учрежд. школы для киргизских мальчиков в г. Троицке.

Оренбургский и самарский генерал-губернатор Безак, во избежание неудобств, какие являлись для прилинейных киргизов, в особенности Восточной части, значительно опередивших в развитии Среднюю и Западную, по неимению на линии киргизских школ, за исключением учрежденной пр Областном правлении, тогда как в области зауральских киргизов еще в 1860 г. (Высоч. утвержденное положение Комитета Министров в феврале 1860 г. № 35428) были положены к открытию на кибиточный с киргизов сбор четыре школы, согласно с представлением к нему управляющего областью Оренбургских киргизов, сообщил на рассмотрение Министерства внутренних дел предположения об учреждении школы для киргизских мальчиков в городе Троицке.

845. 1861. Июля 25. № 37286. Высоч. утверж. полож. Ком. Министр., объявленное оренбургскому и самарскому генерал-губернатору. О развитии между оренбургскими киргизами оседлости и землепашества.

Согласно мнению оренбургского и самарского генерал-губернатора, управляющий Минист. внутр. дел, признавая и с своей стороны полезным развить между оренбургскими киргизами оседлость и землепашество, входил с представлением в Комитет Министров, полагая: 1) предоставить оренбургскому и самарскому ген.-губерн. право, в случае поступления просьбы, разрешать киргизам Оренбургской области заводиться прочною оседлостью и хлебопашеством в тех местностях, где он признает это возможным; причем внушать киргизам, что земли отводятся им только в пользование, а не в собственность; и 2) о всяком подобном разрешении доводить подробно до сведения Мин. вн. дел и, по возможности, в непродолжительном времени составить, по указаниям опыта, правила, на коих можно дозволять киргизам заводиться оседлостью.

Комитет, с своей стороны, признал необходимым не только не препятствовать, но и содействовать развитию оседлости и хлебопашества между оренбургскими киргизами, и что лучшим к тому поощрением было бы установление правил, обеспечивающих право пользования

землею; ибо отвод земли, как полагал генерал-адъютант Катенин, с условием, по требованию правительства, снести возведенную постройку и разделить удобренную пашню с посторонними лицами, без всякого вознаграждения, может удержать многих киргизов от необходимых при прочном водворении затрат и остановить в Зауральской степи успехи земледелия, возможные лишь при обеспеченном пользовании землею. Посему Комитет положил изъясненное заключение управляющего Министерством внутренних дел утвердить, разрешив отвод киргизам поземельных участков в бессрочное пользование с тем, чтобы генерал-губернатор сообщил вместе с проектом правил, составление коих на него возлагается, свои соображения о том, по прошествии какого льготного времени и в каком размере следует назначить возмездие за землю, на которой киргизы водворятся, и не представится ли впоследствии возможности означенные земли предоставить им приобрести в полную собственность.

Государь Император на положение Комитета Высочайше соизволил.

903. 1869. Марта 5. № 41870. Об упразднении управления Сыр-Дарьинской линии и образовании, вместе оного, управления Туркестанскою обл.

По случаю образования новой Туркестанской области управление Сыр-Дарьинской линии и должность командующего сею линиею упразднены, а вместо сего управления образовано управление Туркестанскою областью, с присвоением последнему, временно и впредь до издания нормального штата, того же самого штата, по которому содержалось управление Сыр-Дарьинской линии.

944. 1867. Июля 11. № 44831. Именной, данный Сенату. Об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства, в составе двух областей Семиреченской и Сыр-Дарьинской.

В Высочайшем указе изображено: признавая полезным изменить гражданское и военное устройство пограничных с Китаем и среднеазиатскими ханствами земель, входящих в состав генерал-губернаторств Оренбургского и Западно-Сибирского, повелеваем:

1) Учредить ныне же Туркестанское генерал-губернаторство из Туркестанской области, Ташкентского района, земель, занятых в 1866 году за Сыр-Дарьею, и ча-

сти Семипалатинской области, лежащей к югу от Тарбагатайского хребта.

2) Границами Туркестанского генерал-губернаторства постановить: а) с Западно-Сибирским генерал-губернаторством — Тарбагатайский хребет и его отроги до нынешней границы Семипалатинской области с областью сибирских киргизов, этою границею до озера Балхаша, далее другою по середине сего озера, и от него прямою линиею до реки Чу и сею последнею до слияния ее с р. Сарысу; и б) с оренбургским генерал-губернаторством от середины залива Перовский — на Аральском море — на гору Термембес, отсюда на урочище Терекли, далее на гору Каалмас, на урочище Музбиль, горы Ак-Кум и Чубар-Тюбе, на южную оконечность песков Муин Кум, и на урочище Мын-Булак до слияния рек Сары-Су и Чу.

3) Новое генерал-губернаторство разделить на две области: Сыр-Дарьинскую и Семиреченскую, установив между ними примерную границу по р. Кураготы.

4) Главное управление новообразуемым краем возложить на генерал-губернатора, а управление областями Сыр-Дарьинской и Семиреченской — на военных губернаторов; для местного же управления военными силами и учреждениями образовать из сих областей Туркестанский военный округ, вверив начальствование расположенными в нем войсками генерал-губернатору, с званием командующего войсками в округе, и военным губернаторам — с званием командующих войсками в областях.

5) С открытием областей Сыр-Дарьинской и Семиреченской существующие в них гражданские управления, впредь до утверждения общего положения о местном управлении краем, подчинить на прежнем основании военным губернатором сих областей по принадлежности.

965. 1868. Октяб. 21. № 46380. Именной. О преобразовании управления киргизскими степями Оренбургского и Сибирского ведомств и Уральским и Сибирским казачьими войсками.

Для устранения затруднений и неудобств в управлении киргизскими степями Оренбургского и Сибирского ведомств, равно как и Уральским и Сибирским казачьими войсками, Высочайше повелено:

1) Из областей Оренбургских и Сибирских киргизов и Семипалатинской, в настоящем их составе, из земель Уральского и Сибирского казачьих войск образовать 4

области: Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую и Семипалатинскую.

1870. Октяб. 19. 2 П.С.З., т. XLIV. № 48822. Высоч. утвержд. мнение Госуд. Сов. О водворении в Зайсанском крае двух поселений из казаков Сибирского казачьего войска, расположенных по Бийской линии, одно — на реке Джемини при вновь устроенном посту, а другое — в долине Верхней Бухтармы.

Государь Император, согласно мнению Государственного Совета, Высочайше повелеть соизволил: 1) предоставить командующему войсками Западного Сибирского военного округа водворить в Зайсанском крае два поселения (4 офицерских и 50 казачьих семейств) из казаков Сибирского казачьего войска, расположенных по Бийской линии, одно на реке Джемини при вновь устройном Зайсанском посту, а другое — в долине Верхней Бухтармы. 2) Колонизацию эту произвести, по преимуществу, посредством вызова охотников; если же таковых окажется недостаточное число,— то по жребию. 3) Казачьим семействам, изъявившим желание переселиться на собственный счет, без пособий от казны и без путевых денег, предоставить, по их желанию, право выбора поземельных участков как в долине Верхней Бухтармы, так и на реке Джемини, а переселяющимся с означенными пособиями отводить таковые по усмотрению начальства.

1005. 1871. Марта 29. № 49413. Высоч. утвержд. мнение Госуд. Сов. О разграничении земель между Уральским казачьим войском и букеевскими киргизами.

Граница между Уральским казачьим войском и букеевскими киргизами утверждена по линии, проектированной оренбургским генерал-губернатором, генерал-адъютантом Крыжановским, но с тем, чтобы южная оконечность этой линии была направлена по Курхайскому прорану, а не на Порохавинский бугор.

1065. 1874. Апр. 23. 2 П.С.З., т. XLVII., № 53418. Высоч. утвержд. мнение Госуд. Сов. О водворении на китайской границе новых казачьих поселений.

Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета, относительно водворения на китайской границе новых казачьих поселений, постановлено:

1) Предоставить командующему войсками Западного Сибирского военного округа водворять, в течение 1874 и 1875 годов, ежегодно по 50 казачьих семейств Сибирско-

го войска поселениями на китайской границе, избирая, по усмотрению своему, соответствующие пользе и удобствам такого водворения места в Зайсанском, Бухтарминском и Курчумском краях.

2) Колонизацию эту произвести на тех же основаниях, какие определены для первых поселений, водворенных в Зайсанском крае Высочайшими повелениями 19 октября 1870, 14 марта 1871 и 25 января 1872 годов, относительно наделения переселенцев поземельными участками и определения им льгот и пособий от казны и от войка.

3) Водворение новых поселений на китайской границе произвести посредством вызова желающих переселиться с пособиями от казны, а в случае недостатка таковых — назначением, по жребию, из части Сибирского казачьего войска, поселенной на Бийской линии, по усмотрению командующего войсками Западного Сибирского военного округа.

4) Единовременные расходы по выдаче пособия и кормовых денег переселенцам в течение 1874 и 1875 годов по 4000 руб. ежегодно, а всего 8000 руб., а также расходы по снабжению переселенцев провиантом и приварочными деньгами отнесены на счет казны.

В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

1223. 1882. Мая 18. № 886. Именной. О сосредоточении высшего надзора по управления областями Акмолинского, Семипалатинского и Семиреченского в лице генерал-губернат.

Упразднены должность Западно-Сибирского генерал-губернатора и Совет Главного Управления Западной Сибири с канцеляриею.

Учреждена должность степного генерал-губернатора, с канцеляриею при нем.

Местопребывание генерал-губернатора назначено в г. Омске. В состав Степного генерал-губернства включены области: Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская, с изъятием сей последней из ведения Туркестанского генерал-губернатора.

1380. 1893. Янв. 29. 9288. Высоч. утвержд.пол. Ком. Мин. Об открытии на р. Каркаре, Семиреченской обл., двухмесячной ярмарки, с освобождением торгующих на оной от платежа пошлин.

Государь Император Высочайше повелеть соизволил: открыть на р. Каркаре, Семиреченской области, двухмесячную ярмарку, с освобождением торгующих на оной от платежа пошлин.

1405. 1894. Мая 6. с. 622. Высоч. повеление. Об утверждении списка городских поселений Степного генерал-губернаторства, в коих вводится предусмотренное ст. 22 Высочайше утвержденного 11 июня 1891 г. городового положения, упрощенное городское общественное управление.

Упрощенное городское общественное управление введено в следующих городах:

Кокчетаве, Акмолинской области, Усть-Каменогорске, Семипалатинской области, Джаркенте, Пишпеке, Пржевальске, Копале и Лепсинске, Семиреченской области.

В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

1429. 1895. Февр. 8., с. 540. Высоч. повеление. О присвоении г. Николаевску, Тургайской области, прежнего названия этого поселения — Кустанай и о переименовании Николаевского уезда.

Государь Император Высочайше соизволил на присвоение г. Николаевску Тургайской области прежнего названия этого поселения — Кустанай и, вместе с тем, на переименование Николаевского уезда упомянутой области в Кустанайский уезд.

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ КИРГИЗ В 1916 ГОДУ

(Показание, данное 3 сентября 1916 г. т. Г. И. Бройдо прокурору Ташкентской Судебной палаты по делу о киргизском восстании 1916 г.)

Предисловие

В начале августа 1916 г., в связи с мобилизацией киргиз на тыловые работы, началось брожение широких киргизских масс. В несколько дней это брожение превратилось в восстание, охватившее почти все Семиречье.

По подозрению в участии в этом восстании я был «срочно сдан в нижние чины» по телеграфному распоряжению военного министра, в ведении которого находилось управление Туркестаном. На следующий же день по получении этого приказа я был направлен в Казалинск в 1-й Сибирский запасный стрелковый полк, в казармах которого я и пробыл до первых дней февральской революции.

По пути из Пишпека в Ташкент я был допрошен прокурором Ташкентской Судебной Палаты.

Ниже печатаемое мое показание, данное прокурору Адамову 3 сентября 1916 года, было направлено главным своим острием на выявление деятельности власти, провоцировавшей это восстание.

Официальная и либеральная дореволюционная Россия выдвигала разные объяснения этого восстания. Рисовали это движение, как националистически-религиозное движение, объясняли его происками Турции и т. п.

Некоторые либералы, как напр., Керенский, даже решались указывать на земельную политику Переселенческого Управления, которая, дескать, «слишком уж много» забрала у киргиз земли.

Но основное и главное — непосредственная деятельность власти, направленная на то, чтобы вызвать, провоцировать восстание для уничтожения человеческого материала Киргизии и для расчистки земли для новых колонизаций — это обстоятельство тщательно затушевывалось.

Уже после восстания в 16 г. приезжал в Казалинск

ген. Куропаткин и обещал местному казачьему населению наделы в Пржевальском уезде, в районах восстания.

В Переселенческом Управлении тщательно изыскивали новые земельные фонды для будущих инвалидов и подготовлялись к изысканию «земельки» русскому мужику, который должен был в результате войны поднять свой голос и оружие за землю.

Киргизское восстание и было одним из средства царских палачей, уже в 16 году искавших земли, чтобы заткнуть глотку революционизирующемуся крестьянину. Вырезать киргиз — спугнуть их в Китай и захватить новые земельные фонды — вот что ожидало царское правительство в результате своей провокационной работы.

Эту провокацию оно, конечно, могло осуществить на почве полной дезорганизации хозяйства и общественных отношений киргиз, проводимых систематически более чем полстолетия.

Но именно эта дезорганизация была доведена до таких пределов, когда немыслимо даже и восстание. Понадобился дьявольский провокационный план с мобилизацией, чтобы добиться восстания.

В истории колонизаторской политики империалистических держав этот прием не представляет собой ничего оригинального.

Систематическая работа по обезземелению трудящихся колоний, подавлению их общественной жизни, культуры, самодеятельности и, наконец, физическое уничтожение — все это являлось и по сей день является основой колониальной политики всех буржуазных государств, хотя бы прикрытых фиговым листком II Интернационала.

Работа компаний английских купцов два столетия тому назад в Индии в своей основе та же, что и политика современных тоже «рабочих», тоже «социалистических» правительств Англии, Франции и т. д. в Германии, Аравии, Персии, Китае.

Это систематическое угнетение колониальных народов в известный момент при благоприятных условиях превращается в политику физического уничтожения трудящихся зависимых народов.

В этом смысле политика российского империализма в Семиречьи (Джетысу) представляет собой особый интерес.

Она прошла все стадии мирового опыта империалистов в деле колонизаторской политики порабощения, физического и духовного уничтожения колонии.

Мое «показание» имело своей целью изобличить эту политику российского империализма на конкретном опыте джетысуйских киргиз и вскрывать все разнообразные формы деятельности империализма в отсталой колониальной стране.

Копия этого показания, посланная немногочисленным в то время сознательным революционерам среди киргиз Джетысу, должна была послужить агитационным средством, почти единственно возможным в то время в Джетысу.

Советская власть положила конец тому состоянию, в котором находились народы, населявшие «тюрьму народов»— царскую Россию.

Но империалистическая деятельность царской России оставила большое наследие унижения, отсталости хозяйственной и культурной бывших угнетенных народов, с которыми справиться можно будет лишь упорной работой советской власти в течение многих и многих годов.

Эта деятельность империалистов оставила в наследие общественное разложение, гниение, внесенное в хозяйство, общественные отношения, идеологию целых поколений, и лишь упорной длительной работой по организации и укреплению парторганизаций, союзов бедноты советской власти можно будет изжить это тяжелое наследие российского империализма.

Но чтобы бороться с этими результатами хозяйничания царских сатрапов — приказчиков российского империализма в Джетысу,— нужно изучать эту работу наших врагов — колонизаторов. Поскольку это мое «показание» 1916 г. и в настоящее еще время является материалом, содействующим этому изучению и облегчающим борьбу с еще живыми остатками колонизаторства, я считаю возможным его опубликование.

Г. И. Бройдо

1. Деятельность переселенческого управления и земельный вопрос в Семиречье

Устройство поселков в Семиреченской области началось немедленно после завоевания края. «Устроителями» являлись чины администрации, действовавшие по Времен. Правилам 68 и 83 годов. Вселение русского элемента производилось вначале исподволь и безболезненно для туземного населения. Администрация под руководством ген. Колпаковского действовала осмотрительно, внимательно относясь к вопросу об изъятии земли от киргиз. С другой стороны, переселение в Семиречье не носило массового характера, и в большинстве случаев поселки устраивались по добровольному соглашению с киргизскими обществами.

С образованием Переселенческого Управления (1905 г.) заселение края пошло быстрыми шагами вперед, но наряду с этим, благодаря полному игнорированию Переселенческим Управлением интересов туземного населения, такими же быстрыми шагами пошло вперед разрушение туземного хозяйства, в частности скотоводства.

Свою деятельность по образованию переселенческих запасных участков Управление основало на 1-м примечании к ст. 120 Степного Положения, в силу которого земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение Главного Управления Земл. и Землед». Из примечания к ст. 120 в связи с ст. 126 следовало, что под понятие «излишние земли» подходят лишь земли, оставшиеся по отводе кочевникам нужных им земель, т. е. по устроении их в поземельном отношении.

На практике выработался другой способ. Были выработаны для различных мест нормы наделения кочевого населения (от 30 до 60 десятин на кибитку, т. е. на хозяйство). С помощью этих норм и списков кибитковладельцев данной волости определялось количество земли, «подлежащее отчуждению» в данной волости, определялась площадь всей волости, и за вычетом из нее земли, подлежащей оставлению в пользовании киргиз, остальная признавалась излишней. Так определялись «излишки» в количественном отношении. Далее, производитель работ Переселенческого Управления командировался в данную волость для запроектирования в натуре переселенческого участка. Таким способом запроектировались лучшие земли. Проект этот утверждался Времен. Комис-

сией и по вступлении постановления в законную силу (месячный срок на обжалование в Областном Управлении) участок заселялся зарегистрированными в Переселенческом Управлении кандидатами на устройство. Таким же порядком (ст. 124—154 Правил о переселении на казенные земли, т. IX кн. 8) шло образование из киргизских земель оброчных статей, лесных дач, скотоводческих и хуторских участков. Неправильность такого способа изъятия и противоречивость его историческому смыслу закона отмечены ревизией Палена.

В нарушении правил о переселении Переселенческое управление пошло значительно дальше отмеченного.

Закон ограждал киргизское хозяйство, запрещая включать в образуемые участки «постоянные общественные угорья, к числу коих относятся: усадебные земли, пашни, огороженные поскотины, сады и душевые покосы». Переселенческое Управление вышло из того затруднения, установив денежное вознаграждение за изъятие земель, перечисленных в ст. 132. Денежное вознаграждение определялось в размерах, не могущих возместить наносимый изъятием ущерб. Так, например, цена одной десятины клеверного поля определялась в 15—25 рублей. Помимо всего, вопреки ясному смыслу ст. 133, предоставляющей смещаемым киргизам пользоваться 2 года своими землями, киргизы смещались немедленно. С другой стороны, причитающиеся им суммы за изъятые хозяйственные затраты выдавались через 3—5 лет после их смещения. Наряду с этим полная неопределенность в поземельном положении киргиз, неизвестность, какие земли будут изъяты в будущем году, заставляли киргиз воздерживаться от разработки новых земель, могущих по обработке их быть вновь отчужденными. Закон говорит об изъятиях их земель, входящих в состав волости. Основанием такого правила являлось то соображение, что волость, являясь хозяйственной единицей, должна и после изъятия оставаться таковой. Переселенческое Управление, в особенности за последние 6—7 лет, переступило через это правило, допустив из одной волости изъятия в большем количестве даже по сравнению с количественным исчислением «излишков». Производители работ Переселенческого Управления докладывали, что в такой-то волости излишков (т. е. количества земель, подлежащих изъятию у киргиз) нет, и что, несмотря на это, ими запроектирован переселенческий участок с предоставлением кир-

гизам данной волости земельной компенсации из другой киргизской волости. Этими землями (предоставленными в компенсацию) киргизы не пользовались, ибо у них не было средств к смещению киргиз других волостей, и это вызывало крупные недоразумения между киргизами обеих волостей.

Когда в Пишпекском уезде (в особенности в лучшей части его — от поселка Рыбачьего до границы Ауэлитинского уезда) не осталось волостей с излишними землями, Переселенческое Управление выработало план компенсаций на летнем пастбище (Джайлау) на Сусамыре... За земли, которыми возможно было пользоваться 2—4 месяца и притом лишь как пастбищем.

Следует отметить, что к такого рода компенсациям Переселенческое Управление перешло после образования на Сусамыре целого ряда громадных скотоводческих участков в виде оброчных статей и не приведя даже в известность количества оставшейся еще свободной земли, могущей быть пользованной в виде компенсации.

При этом Переселенческое Управление не указывало даже, какие именно земли на Сусамыре переходят в пользование обездоленной волости, ибо в большинстве случаев указать такие земли и невозможно было.

Какое значение такого рода компенсациям придавали сами члены Врем. Комиссии видно из того, что в заседаниях слова «компенсация на Сусамыре» для краткости заменялись (и вошли в обиход) словами «на небо».

Такого рода деятельность Пересел. Управления проявлялась не только в тех случаях, когда вынуждалась какими-либо планами заселения, которых у Переселен. Управления никогда и не было, но и во всех тех случаях, когда группа пришельцев путем самоуправства, населения и т. п. захватывала киргизскую землю. Против этих, так называемых, самовольцев не предпринималось никаких серьезных мер, и земельные права киргиз нарушались не только Переселенческим Управлением, но и частными лицами под покровительством Переселенческого Управления и администрации. В таком порядке (захватом) были легализованы и устроены Перес. Управлением большое количество поселков, как напр., Кассык, Санташ, Белогородское, Полтавский (Фольбаумский, бывш. «Свинячий поселок») и многие другие. Все жалобы киргиз на такого рода захваты оставались без всякого внимания, и, «устраивая» эти поселки, Перес.

Управление часто отбирало у окрестных туземцев воду, необходимую для хозяйства последних.

Плана заселения, как я уже говорил, никакого не было. Предписано было лишь как можно больше запроектировать десятин земли. И провожая на эти работы чинов Управления, завед. перес. делом Велецкий указывал то, количество десятин, какое они должны запроектировать для получения права двигаться по службе вперед.

Один их таких чинов, Мазуренко, дошел в своих «запроектированниях десятин» до того, что запроектировал для изъятия часть Китая. В результате бывали случаи, что командированные чины убеждались в полном обезземелении киргиз. Так, один из них по осмотре оставшейся у киргиз земли доложил, что на осмотренной им площади «он не обнаружил ни воды, ни земли», так как вся площадь представляла собой скалистые вершины гор.

Образование участков шло без какого-либо обследования, достойного такого названия, часто с неверными вычислениями площадей в сторону преувеличения. Это обстоятельство являлось следствием возложения на производителей работ обязательства за лето запроектировать громадное количество десятин (до сотни тысяч) незначительным составом землеустроительных партий и весьма низким уровнем личного состава.

Мне приходилось пересмотреть много проектов и убедиться, что под громким заглавием: «Статистическое, коммерческое, метеорологическое, агрономическое, геологическое и этнографическое обследование» помещается материал на 1,5—3 страницах. Это небрежное отношение к вопросу о целесообразности данного изъятия привело к тому, что вызвало к жизни целый ряд нежизненных и потерпевших крах проектов. Так, например, образованные на Сусамыре переселенческие участки, о которых было дано агрономическое заключение в том смысле, что там вызревает ячмень, через год после заселения опустели: там ничего не вызревало, и зимой поселки оказались снежными завалами, отрезанными от всего мира.

В отношении же вопроса о быте киргиз Перес. Управление не принимало никаких доводов: изъятия понимались в практике как экспроприация и только.

В казачьих станицах дело обстояло еще хуже. Нормальным наделом здесь считалось 30 дес. на душу, т. е.

100—150 десятин на семью, и для устроения казаков были изъяты громадные площади, не могущие быть ими обработаны и сдаваемые в аренду киргизам.

В целях казачьего устроения Войсковое Управление еще менее стеснялось вопросом киргизского землевладения, чем Переселенческое Управление. В 1915 г. по предложению генерала Фольбаума верненским казачьим станицам должна была быть образована земельная прирезка до пополнения первоначального надела казахов, сократившегося вследствие естественного прироста населения. Переселенческое Управление проектировало произвести эту прирезку с тем, чтобы как можно менее нарушить интересы таких киргизских хозяйств, которые уже носят характер земледельческого хозяйства. Генерал Фольбаум потребовал изъять у киргиз правильную площадь, прилегающую к наделу казахов, что вызывало необходимость в смещении 3.500 киргизских семейств, ведущих оседлое земледельческое хозяйство. 3.500 налаженных хозяйств подлежат уничтожению в интересах правильности фигуры площади земли, подлежащей прирезке казакам по воле губернатора Фольбаума. Вопрос, кажется, окончательного разрешения не получил, но, конечно, будет решен согласно проекта Фольбаума, несмотря на протесты даже некоторых чинов Переселенческого Управления.

Отдельные лица, снимая в аренду определенное количество земли, захватывают огромные площади путем неопределенных указаний в приговоре границ и прибавления слова «около» к числу десятин. При нежелании пропустить приговор администрация требует точных указаний, а при желании пропустить этого не замечает.

Деятельность Переселенческого Управления и характер тех элементов переселенцев, которых оно устроило, привели к тому, что киргизское хозяйство сильно упало. Ежегодно наблюдается все большее увеличение падежа скота от бескормицы (джут). Падение хозяйства и обеднение вызвали сильную потребность в деньгах и займах. В степи все более развивается в самых ужасных формах ростовщичество, которым еще более, чем узбекские купцы, занимаются русские переселенцы, принимающие характер настоящей кабалы.

Среди киргиз заметно стремление перейти в оседлое состояние; стремление это «поддерживается» центральными правительственными учреждениями, хотя бы в форме освобождения переходящих в оседлость киргиз от

уплаты налогов в течение 5 лет и половины в следующие 5 лет.

Заявление о переходе в оседлость превращается в новое основание для изъятий. Кочевая норма выше оседлой, которая, в свою очередь, ниже оседлой русской нормы. Норма эта для туземцев определена в Семиречьи Перес. Управ. в 4—5 дес. на душу. Притом количество потребной для киргиз земли уменьшается в случае обнаружения излишков; по обычному методу, изымаются до устройства киргиз новые излишки.

Когда вследствие деятельности Пер. Управления прекратилась, даже при самых широких толкований закона, всякая возможность дальнейшего процесса экспроприации, администрация провоцировала действия, оправдывавшие экспроприацию земель, как наказание.

II. Внутренний строй киргизской волости

Киргизы Семиреченской области представляют собой два племени: каракиргизы и казаки. Первые живут по левую сторону реки Чу, вторые — по правую. Племена эти искони состоят во враждебных отношениях и взаимная вражда существует по настоящее время. Племена эти делятся на роды. У каракиргиз главными являются: богу, солту, сарабагыш, джантай и др. Роды эти представляют собой остатки родового устройства киргиз, в каком их застало завоевание. Руководителями этих родов были у каракиргиз «манапы», а у казаков —«султаны».

Звание «манапа» было наследственным, и старший сын его наследовал. «Манап», по существу, являлся организатором жизни всего рода, он определял кочевья и время кочевок, под его руководством происходил суд, через него происходили соглашения с другими родами и сношения с правительственными учреждениями того государства, под властью коего в данный момент киргизы находились. У «манапа» почти никогда не бывало личного имущества, ибо имущество всего рода было в его распоряжении. В изображении целого ряда историков (Бартольда, бар. Мейендорфа, генерала Гродекова и др.) «манапы» изображены как деятельные организаторы жизни рода.

С завоеванием края, эти «манапы» являлись лицами, через посредство которых проводились все мероприятия

власти в крае. С введением административного деления на волости фигура манапа стала изменяться. В начале волость соответствовала роду. Дальнейшее административное деление пошло, однако, вразрез с делением на роды. Новое волостное деление искусственно включало в одну административную единицу части двух родов, закладывая, таким образом, бесконечную внутреннюю борьбу в волости.

С другой стороны, избирательное право внесло брешь в принцип наследственности в институт манапства.

Избирательная комбинация волостных управителей внесла деление на «партии»[1] в пределы волостей. Недовольные деятельностью одного волостного управителя выставляли из своей среды другого кандидата. «Партийная» борьба вызвала систему взяток — обращение за содействием к администрации, с помощью коей одна партия брала верх над другой и в период своего владычества всячески эксплуатировала партию побежденную. Порядок этот быстрыми шагами подвигался вперед и в настоящее время достиг своего апогея. В настоящий момент внутренняя жизнь волости представляется в следующем виде.

Одним из самых важных моментов жизни волости являются выборы. Аулы выбирают пятидесятников (представителей от 50), съезд пятидесятников волости — волост. упр., судей и других должностных лиц. Выборы происходят под наблюдением уездного нач. и при деятельном участии его переводчика. Каждая партия рядом предварительных действий обеспечивает себе большинство. К таким средствам, в первую очередь, относятся: приписка к волости фиктивных или временных кибитковладельцев под видом приселившихся из других или отделившихся от старых кибиток. Новые кибитки называются «отау», а купленные фиктивные голоса —«кызыл пут». От администрации наблюдающей зависит при проверке до выборов списков признать эти новые кибитки «отау» и включить их, или признать их «кызыл путами» и включить. Расследования фактически определенно производятся переводчиком и письмоводителем уезд. нач. Задолго до выборов производятся манипуляции по изменению состава аулов. Напр. в ауле числится 97 кибитковладельцев, имеющих право выбрать 2 пятидесятников.

---

[1] Группировки вокруг данного манапа киргизы называли «партия». Борьба фактически шла между манапами.

Партия А имеет 50 голосов, партия В — 47 голосов. Партия А избрала 2 своих представителей. Партия В представителей не имеет, 5 членов партии В из другого аула просят о причислении их к упомянутому аулу. Разрешение должно последовать от уездного начальника. Чем может руководствоваться уездный начальник в этом вопросе — неизвестно, так как с любой точки зрения обстоятельство является безразличным. Между тем, если по волости было 25 пятидесятников, причем у партии А было 13 пятидесятников, а у партии В — 12, то, если уездный нач. до выборов разрешит 5 киргизам перечислиться из одного аула в другой, то на выборах у партии А будет 11 пятидесятников, а у партии В — 13—14, и вол. упр., и судьи, и все должностные лица в этой волости будут из партии В.

Таким же средством является ходатайство о выделении части аула в самостоятельный. Аул насчитывает 97 кибитковладельцев. К партии А принадлежит 60 чел., к партии В — 37. Последние значения на выборах не имеют, но если они будут выделены в отдельный аул, то они получат право избрать одного пятидесятника и уменьшат на одного число пятидесятников партии А.

Вся эта хитрая механика является основой неимоверных поборов всей администрации.

Против кандидата, могущего победить на выборах, иногда членами противной ему партии, возбуждаются уголовные преследования в народном суде. Направить это дело, приостановить его или рассмотреть до выборов зависит от уездного нач. Часто случается, что народный судья, рассматривающий дела под наблюдением уезд. нач., приговаривает какого-нибудь богатого и почетного бая к 1 году тюрьмы за кражу лошади.

Этот процесс различного рода подготовительных действий к выборам начинается с момента окончания выборов вплоть до будущих выборов. Представители победившей партии и волостная администрация все время принимают меры к сохранению своего положения, представители противной группировки ведут разными способами борьбу за получение этой власти на будущих выборах. Арена борьбы — уездное управление, начиная с уезд. нач. и кончая последним джигитом. Действия всех заправил направлены к обращению благосклонности «начальства» на свою партию.

Мне неоднократно приходилось слышать от киргиз, что уезд. нач. принадлежат к партии А, но пристав пе-

решел в партию В. И всякий, самый серый киргиз любой волости всегда вам ясно и определенно ответит о всех джигитах, письмоводителях, приставах и переводчиках, уездных начальниках и их помощниках, к какой они принадлежат партии. В процессе уже самих выборов начинается усиленное одаривание всех могущих оказать влияние на исход выборов. Расходы эти принимают громадные размеры. Ново-Николаевская волость на выборах 14 г. израсходовала 30.000 руб. на дары и взятки во время выборов. Но нет ни одной самой захудалой волости, в которой выборы не обошлись бы в 2—3 тысячи. Немедленно по окончании выборов побежденная партия начинает принимать меры к аннулированию произведенных выборов путем обжалования их. Основаниями жалоб являются: указание на участие в выборах лиц, к волости не относящихся, обнаружение взяток, данных противной партией и т. д. По жалобам назначаются дознания, и от того, кто будет допрошен, лицо победившей партии или побежденной, зависит успех жалобы.

А избрание контингента допрашиваемых лиц лежит на завед. полицейской частью, который производит указанное дознание в зависимости от того, к какой он партии сам относится в момент производства выборов. Весьма часто за промежуток времени между выборами и производством дознания его «партийные» взгляды меняются. Естественно, возникает вопрос о причинах возникновения такого рода «партийной» розни и о целях, которые победители преследуют.

Старый тип манапа постепенно превратился в обыкновенного эксплуататора волости, это — кулак-мироед. Организация жизни волости вся перешла в руки администрации. Манап является приказчиком администрации в пределах администрации, в пределах волости тех или иных намерений членов администрации, которая за эти услуги предоставляет ему право бесконтрольной и самой беззастенчивой эксплуатации всей волости, в особенности бедноты. Манап через своих волостного управителя, судей и т. д. эксплуатирует побежденную партию, на нее возлагает уплату многочисленных незаконных поборов, с нее он получит даже те суммы, которые ему нужны будут для подготовки будущих выборов, для борьбы с кандидатами этой конкурирующей партии. Сила манапа в этой деятельности всецело определяется поддержкой администрации. Если завед. полицейской частью выйдет из партии этого манапа, то он моменталь-

но попадает под суд. Но манап, поддерживаемый членом администрации, может быть спокоен.

Убийство, учиненное им или человеком его партии, превратится в моментальную случайную смерть, с полицейским о том удостоверением. Если противная партия об этом убийстве донесет, то труп исчезает, и по произведенному дознанию выясняется, что жалобщики вырыли труп и бросили его в реку (будут «свидетели»), чтобы предотвратить возможность удостоверения ложности их жалобы; помимо этого будет установлено, что жалобщики написали эту жалобу «партийной вражды» (магическое слово всей Семиреченской администрации, в силу коего уезд. нач. по обнаружении «ложности» этой жалобы ликвидирует ее). Все незаконные поборы, по поводу которых была жалоба, таким же дознанием будут признаны результатом «партийной вражды» и т. д.

Заручившись содействием в смысле обеспечения безнаказанности своих действий, манап и его джигиты (т. е. судьи, вол. упр. и т. д.) эксплуатируют противную партию в следующих формах.

Лучшие покосы и выпасы представляются лицам своей партии за счет владельцев партии противной. Если какому-либо члену администрации нужна земля, то она будет ему предоставлена из земель противной партии. Пример: воинской нач. Писсаржевский ведет «в интересах и за счет казны» громадное хозяйство. У него пасется до 300 голов крупного скота: с помощью такого стада он ведет дело питания местной команды. Нужна земля. Обращается к одному из самых основательных, устойчивых (в смысле вспомоществования администрации) манапу Амиру Узбекову. Село Узбековское (свыше 500 кибиток) созывается на сход и постановляет сдать в аренду нач. Писсаржевскому около 300 десятин покоса, находящегося в 2—3 верстах от гор. Пишпека за 800 руб. Все обстоит, кажется, благополучно. Село Узбековское оседлое, и аренда проведена на сходе киргиз (а не выборных, как у кочевых) в присутствии не менее 2/3 всего состава. На самом деле, однако, надел сел. Узбек. состоит из 2-х частей: одна большая находится выше города, другая меньшая — ниже. На первой и лучшей сидят ашировцы, а на нижней сидит свыше 100 кибитковладельцев IV группы, относящейся не только к другой партии, но и к другому роду. Землевладение их ничего общего между собой не имеет, и они (т. е. IV гр.) хлопочут о том, чтобы выделить их в отдельное селение. При

устроении волости они даже просили об отдельном устроении и даже были выделены в отдельную (IV) группу. Но в самый момент устроения администрация нашла более удобным соединить эти 2 части, отделенные расстоянием в 8—10 верст другими владениями и состоящие из людей разных даже родов.

Эта меньшая группа искусственно и искусно отдается на съедение Амиру Узбекову и является той коровой, из коей Амир будет доить необходимое для разных чинов молоко. В указанном случае покосы (около 300 десятин) были нарезаны Писсаржевскому из земель IV группы, и киргизы остались абсолютно без сенокошения. На сходе киргиз IV группы не было, их не извещали (и никогда почти на сходе они не бывают), и узнали они об этом, когда солдаты приехали с сенокосилкой и косами. Жалоба, расследование. Дознанием устанавливается, что на осмотре приговора оказалось, что присутствовало законное число киргиз сел. Узбековского (в состав коего входит пристегнутая IV группа), и что в отмене приговора нет никаких оснований. Инцидент исчерпан. IV группа без покоса. Деньги в сумме 800 руб., если они и были получены, поступили в карман Узбекова, а не на общественные надобности, даже в том случае, если они каким-либо образом проведены на общие нужды. Из лиц партии Узбекова жаловаться никто не будет, ибо у него достаточно средств заставить молчать. Основной денежной операцией волостной администрации является сбор налогов и сумм на волостные расходы. Первые (налоги) взыскиваются общей администрацией не с самих плательщиков, а с того же Амира. Он к сроку аккуратно вносит всю сумму, причитавшуюся с сел. Узбековского, а затем идет взыскание, причем с противной партии будет взыскано дважды путем невыдач квитанции, или путем выдачи квитанции с указанием меньшей суммы. Жалобы уезд, начальнику и расследование завед. полицейской частью установят ложность ее и наличность «партийной вражды». Если будет отказано во вторичной уплате налога, то будет отобрана за 8 руб. лошадь и тут же за эту сумму продана лицу своей партии.

Но самые главные злоупотребления происходят с «волостными сборами» (джурчилик), которые далеко превосходят по размерам законный окладной сбор с киргиз. Никакой отчетности по этим суммам не ведется. Конечно, если завед. полицейской частью перейдет в противную партию, то путем производства дознания среди по-

вой «своей партии» он установит поборы, установит бесконтрольное расходование сумм и т. д., и волостное правление лишь в этом случае попадает под суд.

На противную партию возлагаются все натуральные повинности, а их очень много: а) выставление юрт для всех членов администрации, землемеров, межевиков, гидротехников, ботаников, агрономов, железнодорожников и других. Организации еще не осемиречившиеся, как напр., Управление по постройке ирригационных систем в долине р. Чу, платят деньги. Но кому? Волостному управлению, т. е. за юрты партии меньшинства получает партия большинства. Пусть не даст юрту лицо, у которого ее забирают. Попадает под суд или в административном порядке под арест на суток 30 за сопротивление властям.

За кормление многочисленных чиновников в степи уездная администрация обычно не платит вообще. На выборах к проезду уездного нач. приготовляются вина, консервы, маринады. Все это закупается по списку, составленному переводчиком уездного нач. или — его письмоводителем, которые могут услужливо разъяснить, что любит уездный нач. Уездный нач. приезжает со своей семьей, родственниками, знакомыми, двумя десятками всяких джигитов (с особой помпезностью происходит приезд Пржев. уездн. нач.); и за счет киргиз вся эта компания пьянствует целую неделю. Осмотрительные уездные начальники требуют счет. Один из волостн. упр. представил счет Пржев. уезд. нач. на несколько сот рублей. Уездный нач. строго просмотрел и, сказав: «Я не мог съесть на такую сумму», велел счет исправить. Он был исправлен в сумме 4. руб. 30 коп. В делах Переселенческого Управления мне пришлось видеть оправдательный документ производителя работ Мазуренко следующего содержания: «за все забранное Мазуренко и его техниками за такой-то период (несколько месяцев) сполна получено. Вол. упр. такой-то». Пристав Кутуков, сидя в долине Кебена, посылал киргиз в Верный то за коробкой сардинок, то за пивом и т. п. через снежные перевалы (будет верст 100). Для проезда всяческих чинов требуются лошади, их предоставляют киргизы. Вол. упр. отбирает их у лиц противной партии.

Дорожная повинность возлагается на лиц побежденной партии, и масса всяческих других обязанностей возлагается при поддержке администрации на лиц побеж-

денной партии: пожертвования, подношения, встреча солдат и т. д. и т. п.

Другой формой держания во власти побежденной партии является народный суд. Против непокорных или жалобщиков возбуждается уголовное преследование, чаще всего за кражу лошади. Решение производится в исполнение общей администрацией. Я был свидетелем такого дела: обвиняется киргиз в том, что он нагайкой избил другого и выбил ему глаз. За лишение его зрения народный суд его приговорил к уплате 400 руб. и какого-то количества лошадей. Я был «в заседании», видел потерпевшего,— на лице его было 2 одинаково красивых здоровых глаза. Я обратился к уездному нач. и указал на этот факт. Уезд. нач. (Фавицкий) очень возмутился, велел вызвать потерпевшего, убедился в правильности моего сообщения и велел исполнение решения приостановить. А через месяц я узнал, что по каким-то причинам уезд..нач. выдал ему для исполнения копию решения, и оно было исполнено.

Все чаще и чаще партия меньшинства, стремясь освободиться от такой кабалы, заявляет о своем желании перейти в оседлое состояние, ибо в этом случае они будут устроены самостоятельной административной единицей. Партия большинства чувствует, что дойная корова ускользает из их рук, и начинается вакханалия. Почти поголовно против всех уходящих бунтовщиков возбуждаются в нар. суде гражданские и уголовные дела. Прошение о переходе в оседлость посылается на отзыв уезд. нач., тот заведующему полицейской части. Отзыв такой: переход вызывается желанием освободиться от предъявленных в суде исков и обвинений, ибо по справкам оказалось, что как раз те, против коих они возбуждены, подписали прошение о переходе в оседлость. Помимо сего, дробление надела в виду смешанности землепользования является неудобным и т. д. и т. п. Канитель тянется до 3-х лет, и при переходе в оседлость масса эта представляет собой совершенно обедневших людей. Мне приходилось бывать во многих волостях. Повсюду отмечалась наличность желания перейти в оседлость и заявление, что они перейдут в оседлость и будут ждать устроения хотя бы 3 года, если только в административном порядке их отделят от кочевников (т. е. обыкновенно партии большинства).

Полной невозможностью получить удовлетворение лицам из меньшинства объясняется масса дел, направ-

ленных в порядке 277 статьи Уст. Суд. Уг., и дел по 940 ст. Уг., Лицо из покровительствуемой партии должно лицу из противной партии 200 руб. Их не получаст. Он обвиняет его в грабеже этих 200 руб. и направляет жалобу следователю. Или: по распоряжению манапа одному из его приближенных отдали дочь лица противной партии, не уплатив калыма. Он заявляет о насильственном отнятии и незаконном лишении свободы и т. п.

Для оформления судебных дел нар. суд и гарантии заимодавцев из покровительствуемой партии устанавливается оригинальный документ, под названием «урлухат»— расписка о краже следующего содержания: «я, нижеподписавшийся, у такого-то взял 100 руб. взаймы и обязуюсь их уплатить такого-то. Если я к сему сроку не уплачу, то повинен признать в нар. суде себя виновным в краже у заимодавца 3 лошадей». Я видел много таких расписок. Но поразительно, что я видел много решений бийских, основанных на «урлухате» и утвержденных уезд. нач. к исполнению. Полтора года тюрьмы и исполнительный лист на 100 руб.:— и это не случайно. На мои возражения мне отвечали: «раз подписал, надо исполнять. Ведь его никто не неволил подписать урлухат».

Но к помощи суда манапы не всегда прибегают. Часто они сами принимают меры. Один манап распорядился молодую женщину за неверность раздеть и посадить на раскаленную печку. Жалобы не последовало. Манап отнимает через волостное управление от своих подчиненных лошадей и женщин. Не помню о каком-то быв. зав. полиц. частью загорных волостей рассказывали, что, приезжая в волость, он требовал себе невинных девушек и насиловал их. Дошла жалоба до губернатора. Произведено через пристава дознание. Выяснилось, что «они делали это добровольно и получали деньги — по 3 руб». Удостоверено было расписками в Областное Правление о том, что он по просьбе отца такой-то получил обещанные за дочку 3 руб., и дело окончилось без всяких последствий для этого чиновника.

Все изложенное отнюдь не является основанием для заключения, что большинство волости благоденствует. По отношению к ней не предпринимается действий, слишком энергичных, а обычные формы эксплуатации идут при молчаливом согласии партии большинства, ибо переход в другую партию знаменует собой полное бесправие и окончательное разорение.

Таково внутреннее состояние волости, всю жизнь за-

нятой тайной и явной партийной борьбой, раздираемой интригами, ложными доносами, вымышленными делами, поборами, бесчинствами, покровительством со стороны администрации манапов, превратившихся в ростовщиков и эксплуататоров всего населения «бухары», «бичоры», т. е. бедноты.

В такой среде невозможна солидарность в каких-либо тайных действиях. Невозможно возникновение каких-либо тайных дел, о коих не знала бы администрация, ибо лица противной партии об этом сообщат.

III. Национальное и религиозное «лицо» киргизского народа

Дикие пастушеские племена киргиз никогда не представляли собой единого народа и никогда не были объединены как национальная или государственная организация.

Историками Туркестана (Пантусов, Гродеков и др.) удостоверено, что с XIV века киргизы были попеременно под владычеством китайцев, калмыков, сартов-коканцев, которые обыкновенно с помощью одного племени киргиз порабощали себе другие. Объединительных тенденций ни один из историков края не устанавливает, да этому всегда препятствовала племенная и родовая борьба, слагавшаяся путем деления на волости, уменьшении размера их и т. п., с годами еще более двинулась вперед.

Что касается религиозных влияний в киргизской среде, то необходимо отметить, что будучи всегда под властью какого-либо народа, более развитого, киргизы подчинялись тем или иным религиозным течениям, иногда вводимым в их среду принудительно.

Археология и памятники старины твердо устанавливают развитие в крае буддизма (изображение Будды в Арасане, каменные статуи в районе Токмака и т. д.).

В Семиречье открыто много кладбищ христиан-несторианцев, пришедших во времена гонений против них (в XIV в. из Сирии) Такими являются кладбища в селе Лебединском, на западном берегу Иссык-куля, недалеко от Токмака и др. На многих могильных памятниках христиан установлены тюркские имена, это свидетельствует о распространении христианства среди киргиз. На многих памятниках имеются тюркские имена и надписи, удостоверяющие, что покойник с тюркским именем занимал

значительную иерейскую должность. Встречаются киргизы в должности архиереев. Это обстоятельство указывает, что христианство получило среди киргиз значительное развитие. С завоеванием края коканцами вводится мусульманство. В Семиречье оно появилось не ранее XIV в. и, будучи вводимо принудительно, не встречало радушного приема. Официально все киргизы в настоящее время мусульмане. О степени развития мусульманства можно судить по тому, что во всей области нет ни одной киргизской мечети, кое-где встречаются на могилах глинобитные мулушки, никем никогда не посещаемые. Общих молений, служб у киргиз нет. Духовенства ни своего, ни пришлого у них почти нет.

Если об узбеках можно сказать, что мало есть лиц, которые не побывали или не считают нужным побывать в Мекке, то о киргизах приходится сказать, что во всей области вряд ли найдется 3 киргиза, которые побывали в Мекке. Влияние узбеков в этом или другом каком-либо отношении в киргизской среде не замечается и трудно наличность его предположить, так как узбек в сознании киргиз всегда выступает как угнетатель и ростовщик.

Грамотность среди киргиз очень мало развита: русскую грамоту знают несколько человек, а мусульманскую очень незначительный процент. Мне не приходилось встречать ни одной, даже богатой, юрты, владельцы коих знали бы хорошо мусульманскую грамоту, найти какие-либо книги и очень редко даже хотя бы коран.

Газет не читают, и принудительно выписываемые «Семиреченские Областные Ведомости» лежат без употребления у волостного писаря.

Частая смена религиозных влияний (язычество, буддизм, христианство) в лице тех или иных завоевателей, на основе пастушеского быта киргиз является причиной отсутствия каких-либо прочных, охватывающих массы, религиозных движений. Эти же причины на основе отсутствия в киргизском обществе «своего» торгового капитала является причиной невозможности и широкого национального движения.

IV. Администрация

Вышеописанная структура киргизского общества культивируется администрацией, для которой «партийная» борьба киргиз служит источником доходов.

Самый мелкий чин — стражник, переводчик и т. д.— это все состоятельные люди. Благосостояние это основано на сплошном взяточничестве. Формы его несколько отличны от обычной формы взяточничества. Разница в том, что в Семиречи чины администрации — члены «партии» и получают мзду в большинстве случаев от главарей партии. Это форма взяточничества 2-х крепко связанных между собой лиц гарантирует от каких-либо жалоб, но если таковая произойдет, то дознание о заведующем полицейской частью будет производить пристав и ничего не обнаружит, ибо в свою очередь все чины администрации связаны между собой неразрывными узами и выдать кого-либо значит — выдать себя. Пример: стражник заведующего полицейской частью Матвеев составил протокол на какого-то киргиза, последний откупился за 10 руб., и протокол, уже подписанный, был порван. Все происходило при свидетелях. Давший взятку киргиз подобрал несколько клочков, на коих была подпись составителя протокола и провинившегося киргиза. По поводу этого случая была направлена одна жалоба прокурору, другая — губернатору. Дознание поручается произвести тому же Матвееву. Производится — факт не подтверждается. Оказывается, что это была порвана неудачная редакция протокола и составлена другая, которую киргиз отказывался подписать (sic.). Одновременно с сим волостной управитель оказался провинившимся — «посажен на 7 суток под арест и представлен к увольнению». Губернатор решил вопрос в том же направлении. Жалобщик был из партии большинства.

Этот незначительный по лицам и суммам пример — является подтверждением, что вся администрация пойдет на что угодно для того, чтобы выгородить любого стражника, ибо он не мало мог бы рассказать об этом Матвееве. Произведя дознание, Матвеев кричал на жалобщика: «зачем так сделал, ты должен был по секрету мне сказать, а я бы заставил его отдать тебе 10 руб.; а то жаловаться прокурору? Да кто твой начальник, я или прокурор? Всякая жалоба, куда бы ты ее ни послал все равно придет ко мне, и я буду ее разбирать, а не губер-

натор и не прокурор. А теперь твой вол. упр. к черту, да и ты попадешь за ложный донос».

В данном случае вол. упр. представил Матвееву рапорт об увольнении писаря и о желании пригласить другого. Матвеев повременил с резолюцией на 3—4 недели, переговорив с «Алешкой»— писарем. За это время писарь ничего не делал и бумаг, входящих вол. упр.— не сообщал.

На основании сего Матвеев сообщает, что на целый ряд №№ нет ответа и что распоряжения его не исполняются, ввиду чего он просит сместить вол. упр., сообщив, конечно, противной партии, что он теперь будет поддерживать их, представит к назначению кандидата. Условия выговариваются и дальше идет, как по писанному.

В связи с войной возник новый источник злоупотреблений. Киргизы уплачивают с каждой юрты от 1—3 руб. в пользу Кр. Креста. Кибиток свыше 40.000 в Пишпекском уезде. Собрано официально с киргиз около 2 тыс. Ревиз. комис. Кр. Кр. обнаружено было еще около 20 тыс. руб. бывших в казначействе и 1.800 в депозите уездного нач-ка. Эта последняя сумма превратилась по другому отчету в 1.500 руб., а затем в 1.300 руб. Рассмотрев отчет за 1914 г. с документами, рев. ком. установила отсутствие целого ряда пожертвований, сведения о коих были в документах.

Акт этот был сокрыт вице-губерн. Осташкиным, не напечатавшим его в общем отчете по области и ограничившимся надписью на пишпекском отчете о том, что «отчет сей проверен. На подлинном подписи такие-то», производящей ложное впечатление, что все обстоит благополучно. Я сделал заявление в Семиреч. Упр. Кр. Кр. прокурору Вахрушеву. Было назначено чрезвычайное собрание, набравшее чрезвычайную комиссию для вторичной проверки. Акт резвизионной комиссии подтвердился, несмотря на то, что к этому времени кое-какие документы уже исчезли. 2 остальных члена комиссии сдались и заняли сторону, защищающую правление.

В упомянутом заявлении, посланном на имя прокурора, я обвинил правление, в том числе и председателя вице-губернатора Осташкина «в подлогах и злоупотреблениях». Никаких содействий со стороны прокурора не последовало, ни расследования, ни привлечения меня к ответственности. На чрезвычайном собрании обстоятельно были изложены наиважнейшие подлоги и злоупотреб-

ления, подтверждаемые документально и зафиксированные на бумаге. Тогда были предприняты следующие манипуляции. Целый ряд недостающих вещей были проданы (фиктивно) и составлены торг. листы. Продавал околодочный надзиратель Никонов, купил старший городовой Григорьев, присутствовал другой городовой или на одном торговом листе «князь» Евдокимов, писец уездного начальника. Целый ряд документов был исправлен, заменен, целый ряд исчез совершенно.

Был составлен новый отчет и созвано новое общее собрание. На этом собрании членами правления Панфиловым и Мурзабаевым были розданы созванной через А. Ю. толпе «чайханчиков»[1] по 5 руб., и их тут же на собрании записали действительными членами Кр. Кр. и роздали написанные карточки с фамилиями членов правления. Старых членов было около 40 и около 80 вновь испеченных По команде Мурзабаева, который по обращении председателя с вопросом, утверждает ли собрание отчет, скомандовал «тур»— встань, отчет был уже утвержден и весь «инцидент» о злоупотреблениях исчерпан.

Из злоупотреблений необходимо еще отметить различные «коммерческие» манипуляции, вроде скупки мезов и т. д. и процветание мордобоя. Пом. уездного нач. Фовицкий ударил одного узбека так, что тот умер. Был судим — 30 суток гауптвахты. Меньшиков и Кутуков пробили баранную перепонку — 7 суток гаупвахты второй и 3 дня ареста первый. Л. прозвали киргизы «чончол»— большой кулак. Неоднократно излагал он теорию мордобоя без следов. Нужно предварительно смочить руку. При производстве дознания — перед ним ставили таз с водой. Избиения в полицейском участке при Грибановском дошли до своего апогея. Били всех, без причин, и русских, и туземцев. Более всех отличался городовой Григорьев, близкий сотрудник во всех темных делах Грибановского. Произведен в околодочные надзиратели.

Целый ряд серьезных преступлений остается невыясненным и не обнаруженным, благодаря содействию администрации. Из моей практики мне известны 2 убийства. Оба трупа были спешно погребены, а впоследствии уже разрыты их могилы, благодаря появившимся слухам. В обоих случаях был медико-полицейский осмотр. В первом случае, в акте, составленном приставом Грибановским, труп был изображен следующими словами: «глаза закрыты, язык на месте, странгуляция на шее имеется». Через несколько дней по открытии могилы ока-

залось: «глаза открыты и выпячены, язык высунут, странгуляции нет». Очевидно, первый протокол был составлен без участия врача Шафоростова, его подписавшего, человека большого и доверявшего полиции. Второй протокол подписан им же.

В столь незначительном городке, как Пишпек, целый ряд серьезных преступлений остается необнаруженным. По одному делу, следствие по коему вел Барсуков, обвиняемый в убийстве по оглашении приговора. заявил, что за 300 руб. он условился идти в тюрьму, а не на каторгу. А настоящий виновник до сих пор гуляет по Пишпеку, и всем это известно.

Под присмотром полиции процветают игорные дома, уплачивающие определенное вознаграждение. Заместитель пристава Грибановского жаловался, что ему приходится выплачивать за кумарни по 100 руб. в месяц Грибановскому.

Подрядчики по постройке жел. дороги небезызвестного Л. требовали от киргиз приговора о том, что они уступают безвозмездно разработку камня и других строительных материалов на своих наделах. Киргизы обращались ко мне за разъяснением. Я объяснил, что они безвозмездно не обязаны уступать строительные материалы частному предприятию, каким является упр. Сем. ж. д. Подрядчики обратились к администрации. Путинцев и Грибановский вызвали представителей и «склоняли» их, чтобы киргизы сдали свое право за 5 копеек с куба.

Многочисленные жалобы на чинов администрации все остаются без всяких последствий для них, каковы бы серьезны ни были доказательства. И население в самых ужасных случаях не обращается с жалобами, а дает новые взятки. Другим путем сделать ничего нельзя. Мне припоминаются слова одного из чинов ревизии Палена, которому было поручено рассмотрение жалоб киргиз, признанных неосновательными: «Из 300 с лишком рассмотренных мною жалоб,— заявил он,— по коим я произвел расследование, не оказалось ни одной неосновательной, и за каждую их них лицо, на действия коего была принесена жалоба, подлежало преданию суду».

Такова та администрация, которая призвана управлять краем, равным по площади большому европейско-

му государству, таковы ее взаимоотношения с местным населением.

Следственная власть в Пишпеке, представленная М. С. Пацановским, всецело в руках у администрации. Следствие производится по плану, разработанному полицейским дознанием, самостоятельности в исследовании нет, собирания объективных данных нет. Если полиции угодно сокрыть преступление, то незаметно даже стремление преодолеть это препятствие (как, например, можно указать на дело Султана Муратова, погубленное в стадии предварительного следствия покорным принятием версии о самоповешении, несмотря на объективные данные, этому противоречащие).

V. Восстание

Война застает туземное население края забитым, покорным, обедневшим, изолгавшимся, без каких-либо интересов к общественному самоустройству, развращенным системой взяток, подкупа, эксплуатируемым манапами, поселенцами, самоуправство которых поощрялось администрацией.

Война вызвала новые поборы с киргизского населения. Наряду с добровольными взносами русским населением, которые составляли ничтожную величину, с киргиз выколачивали «пожертвования», за счет которых обогащались администрация низшая и высшая.

По Пишпекскому уезду за ноябрь и декабрь 14 года, по официальным отчетам Красного Креста, «поступило» от киргиз Пишпекского уезда около 30.000 рублей, около 1.000 шуб, около 10.000 пайнаков, конные чулки и т. п. Затем киргизы «обложили себя» в пользу Кр. Кр. налогами от 1—3 руб. с юрты. Отдельно от сего в большом количестве поступали пожертвования в Дамск. Кр. и друг. Общества. Киргизами представлены на нужды войск громадные партии юрт, много совершенно безвозмездно. Юрты эти перевозились к железной дороге чаще всего безвозмездно киргизами. Проходящим частям повсюду устраивались встречи и угощения за счет киргизского населения. На байгах, выборах устраивались сборы на нужды войны и собирались полицией значи-

тельные суммы. Село Ново-Николаевское доставило 90 лошадей.

Киргизы из каждой волости командировали рабочих для распашки, бороньбы, посева, уборки и обмолота на полях солдаток (русских). Кое-где рабочих не выставляли и платили каждой солдатке по 18—35 руб. на «вспомоществование». Обращение с этими «добровольными» рабочими, в особенности в сел. Самсоновской, было до того скверно, что даже администрации иногда приходилось солдаток убеждать, что они хотя бы должны были кормить этих добровольных рабочих.

Приказ о «реквизиции» (не мобилизации) на тыловые работы взрослого туземного населения является приказом, явно провоцирующим восстание. Ни один администратор, конечно, не мог думать о возможности его реализовать.

Самой маленькой мобилизацией среди русских предшествовала подготовка, разъяснение, сама мобилизация обыкновенно сопровождалась действиями, которые должны были обеспечить «спокойствие» и т. д. и т. п. Ничего подобного при объявлении «реквизиции киргиз» не произошло. Некоторые полицейские разъяснили киргизам об их работе на фронте следующим образом: «Вот, дескать, лежат в окопах «наши», а через поле немцы. Друг в друга стреляют, а вы между ними должны рыть канавы».

Постепенно стали с работы уходить киргизы, заявляя, что им надо идти домой, так как скоро им предстоит уход на войну. По такой причине стали уходить киргизы, работавшие на полях солдаток, заявляя, что теперь они тоже солдаты, и им самим надо справиться перед отъездом на своих полях. В некоторых случаях это вызывало неудовольствие солдаток, а в Самсоновке они даже обратились к администрации с объяснением, что киргизы бунт устроили, работать не хотят и просили вернуть их принудительно на работы.

Среди киргиз возникли планы ходатайствовать об отсрочке до 15 сентября, чтобы успеть снять урожай, возникал и проект просить о зачислении киргиз в казачьи войска с предоставлением им права на казачий надел и на такие же обязанности к войне, как у русских.

Через некоторое время после объявления реквизиции, когда все еще было спокойно, среди русского населения стали возникать кем-то пущенные слухи о предстоящих «бунтах» киргиз. Такие же слухи в отношении узбеков

возникли вскоре после бывшего в Пишпеке разгрома лавок, произведенного русскими солдатами. Слух этот был нелеп уже по самому количественному соотношению в Пишпеке узбеков и русских.

Приближалось время «реквизиции». Администрацией был дан приказ составить приговоры о представлении волостью на нужды войны такого-то количества рабочих, и в волостях волостные власти и манапы приступили к этой работе на основе испытанной практики «партии».

Сразу обнаружилась острая «партийная» борьба на почве такого составления списков, при которой громадное большинство рабочих определялось из партии меньшинства. Причем в первую голову записывались в список отсутствующие и, следовательно, лишенные возможности протестовать. Это обстоятельство сильно повлияло на уход киргиз в свои волости.

Сами манапы и вол. упр. увидали, что это слишком серьезный вопрос, чтобы провести его в обычном «партийном» порядке, и что масса не будет на эти несправедливости так же спокойно реагировать, как на другие.

Волостная власть, манапы стали съезжаться в уездные управления. Произошел целый ряд совещаний уездной администрации, на которых выяснилось, что по поводу составления списков масса возмущается. Уездной администрацией было разъяснено, что списки должны быть составлены, что таков приказ.

Впервые здесь один из дунганских вол. упр. (Ново-Николаевск) Булар Мегуй заявил, что он от составления списков отказывается и уехал. О происшествии был телеграфно извещен губернатор; от него получено было распоряжение заковать вол. упр. в кандалы и представить в Верный.

Между тем разъехавшиеся по своим волостям манапы и вол. упр. вернулись скоро в уезд. упр. и сообщили, что они боятся за свою жизнь, что за составление списков им угрожают смертью и что у многих из них и пятидесятников были отняты печати, дабы препятствовать им скрепить приговор; они указывали, что единственным правильным способом является явка киргиз призывного возраста в волостное присутствие, где вопрос должен быть решен путем жеребьевки и медицинского осмотра. «Мы являемся сюда,— говорили они,— вы угрожаете нам военным судом, если мы не представим списков: являться в волость — нам угрожают смертью, если мы списки будем оставлять, как нам быть?» Был выработан

текст телеграммы на имя Фольбаума с просьбой разрешить явиться в вол. пр. всем киргизам призывного возраста и решать вопрос о контингенте жеребьевкой и медиц. осмотром. Вся волостная администрация, все манапы сидели в Пишпеке и ждали ответа. Телеграмма была послана 2—3, ответ получен 5—6 отрицательный. Раз данное приказание должно быть исполнено. Хотя в положительном ответе ни киргизы, ни администрация не сомневались, однако, даже такое разочарование не вызывало какого-либо брожения, и вол. упр. лишь заявили, что они в таком случае для порядка требуют стражников и джигитов уездн. упр. 7-го числа выехал Меньшиков в Загорн. вол., с ним было несколько солдат и целая свита манапов и вол. упр. В таком же виде состоялся выезд по направлению Токмака исп. уезд. нач. Рымшевича (за несколько дней до событий Путинцев был уволен в отставку).

Таким образом, ясно было для всей киргизской массы, что администрация с солдатами, окруженная манапами по старинному порядку, выезжает для защиты партии большинства и, в частности, их манапов против «бухары»,— против народа. По обыкновению ответ губернатора быстро облетел степь. Мало того, Пишпекский уезд получил уже сведения о фактах, о происшествиях в Верн. уезде, где на почве несправедливого составления списков в одной из волостей был убит вол. упр., и куда был послан отряд (если не ошибаюсь, под командой Александрова), заставивший своими действиями киргиз впервые броситься бежать. Часть бежала на Курдайские горы, часть в долину Чу, около Самсоновки и Карабулака, разнося повсюду весть о жестокостях отрядов.

Эти движения толпы вносили страшное волнение (пассивное) в еще спокойно сидящие волости и сразу подняли слухи о том, что киргизы будут резать русских.

С другой стороны, эти бегущие толпы впервые стали захватывать лошадей (только лошадей, а не скот) для продолжения бегства, для чего были уведены лошади с почтовых станций на Вер. тракте. Там, где останавливались бегущие от карательных отрядов толпы, там и останавливались «беспорядки», волнения и увод лошадей. За Курдаем к западу все было спокойно. 7-го или 8-го получены были сведения о каких-то беспорядках на Курдае, о том, что почтовые станции ограблены и телеграфное сообщение прервано.

Слухи «о бунте» киргиз усиленно распространялись

администрацией, и русское население с этого момента начинает вооружаться, сначала индифферентно, а затем все более интенсивно. Создаются — фронт, баррикады и т. д. Такой же слух о том, что русские будут резать киргиз столь же интенсивно разносился по степи. Этому слуху переселенцы, очевидно, находили подтверждение в бегущих из Верн. у. киргиз и выводили из того обстоятельства, что посланы солдаты, а мирное население вооружается.

Отряд, посланный между тем на Курдай, явился на ст. Отар и узнал, что все лошади уведены, а ямщики поехали за ними в степь. Когда вернулись ямщики и привели лишь 8 лошадей, прапорщик, командовавший отрядом, приказал им выстроиться и расстрелял их (сообщение Курдайского старосты). Весть об этом быстро разнеслась среди близлежащих волостей, и киргизы этих волостей бросились бежать со скотом, женами и скарбом, а отряд стал «усмирять» их «волнение» расстрелами. Бегущими толпами уже кое-где в это время были предприняты меры к самозащите от образовавшихся почти повсюду крестьянских дружин, у киргиз появились палки, вилы, кое-где насаженные на древко железные части. Толпы с Курдая и Верненского тракта бросились к перевалам Александровского хребта: Шамшинскому под Токмаком и против Ивановки (названия не помню).

Быстро облетела весть об избиении и расстрелах мирных киргиз и началось паническое бегство в горы киргиз волостей, лежащих вдоль линии движения бегущих толп, а именно по линии к Ивановке, Токмаку, и через Кастек на Карабулак, Самсоновку. Насколько правильно такое заключение, видно из того, что в дальнейшем события разыгрываются у Самсоновки, Токмака и Ивановки, причем в селах, лежащих между этими пунктами, совершенно не было «осад», «нападения» и т. п., и далее к западу от Ивановки никаких событий не было.

Все это произошло мгновенно с 7 до 10 авг., и когда я 10 проезжал из Пишпека в Токмак, то от Покровки до Токмака долина была мертва, и ни одного киргиза встретить нельзя было, а русские поселки представляли собой вооруженный и укрепленный лагерь.

Известие о толпах в районе Самсоновки вызвало посылку карательного отряда в 100 штыков под руководством пристава Бакуревича, которому был Фольбаумом дан приказ «всех встречных киргиз уничтожать, а аулы сжигать», (сообщение Бакуревича инж. Веймару), «что

мы и сделали»,— добавил Бакуревич. Дело это производилось таким образом, что, по сообщению М. С. Волкова, со слов того же Бакуревича, киргизские девушки «театрально» расфранчивались и бросались со скал вниз головой на глазах у казаков...

Бакуревич через Кастек прошел на Токмак, а толпы киргиз, по отношению к которым решительно выполнялся приказ Фольбаума, бросились по направлению к Самсоновке. Другой отряд пошел из Верного к Курдаю, увеличивая панику и бегство. Целым рядом очевидцев устанавливается, что все эти дни по упомянутым трем направлениям происходила небывалая укочевка киргиз в горы. Ехали жены, дети, везли котлы, скраб, кошмы и т. п.

Бакуревич, между прочим, рассказал в присутствии инж. Веймара, мир. судей Волкова и Королевского и д-ра Цетровича, что в селе Михайловском (Карабулак) он нашел, что целая киргизская волость Карабулакская сдвинула свои юрты к русскому селу, заявив, что они будут вместе с крестьянами сражаться против киргиз, если те нападут. Это была счастливая мысль спастись от действий карательного отряда. Однако Бакуревич взял заложников и повез их с собой, но, рассказал он, «мои шутники потопили их по ошибке в Чу».

Карабулакская волость, несмотря на это, до сих пор спокойна.

Тогда же Бакуревич сообщил, что утром он воздвигнет виселицу для устрашения населения. На возражения, что при отсутствии военного суда этого делать нельзя, он заявил, что «мои ребята и без виселицы в таком случае обойдутся». На следующий день были «изловлены» 16 мирных жителей Токмака, давно порвавшие со степью, и убиты 13 на шерстомойке Милушева и тут же закопаны и 3 около бойни. Между прочим, был убит старик-киргиз, 20 лет проживший в Токмаке, сторож при читальне киргиз, его сын, служивший на почте, и гимназист-киргиз. Других не знаю. Этих 3-х убил некий Макаров, житель Токмака, без определенных занятий, сообщавший о своем деле в присутствии д-ра Цертовича. Он рассказал, что «уж больно мальчишка просил, чтобы его не резали, а расстреляли». В этот же день жены переселенцев стали ходить по дворам и спрашивать, нет ли во дворе работников-киргиз, убивая встретившихся киргиз.

С вечера казаки рассыпались по степи. Утром они

привели верблюдов с награбленным имуществом, которое открыто продавалось на базаре.

Когда я 16 выехал из Пишпека, то было в Пишпеке официально сообщено о том, что Токмак окружен и осажден 10.000 киргизами. На утро мы приехали в Токмак: нигде ни души, ни осады, ни киргиз.

В 11 часов 12 августа Бакуревич с сотней казаков выехал к Шамсинскому перевалу, где действительно была толпа, по словам Бакуревича, от 1.000—1.500 человек. Киргизы эти были уже вооружены дрекольями и пиками; по словам того же Бакуревича, у них было 3—5 ружей. Бой закончился убийством 300 киргиз (сообщение Бакуревича), одного казака, упавшего с лошади, раненым одним казаком. Ночью ждали нападения — его не было. Нападения или осады вообще нигде не удалось установить (при проверке многочисленных о сем слухов) до 28 августа. Так, например, в Самсоновке возвратившиеся 12 дружинников из Токмака, отправившиеся с Рымшевичем, сообщали что в Самсоновке «боев» нет, что осады нет, что киргизы не нападали на Самсоновку, но что Рымшевич каждое утро выступал в горы, где были толпы киргиз и там «с ними сражался». Дружинников этих было 7—10 человек, и они свободно переехали из Самсоновки в Токмак, не подвергаясь никаким нападениям.

Возвращаюсь назад. Шествие Рымшевича носило тот же характер, что и Бакуревича. С Токмака, имея вокруг себя манапов, он стал расстреливать уже на дороге к Самсоновке киргиз и всполошил киргиз по левому берегу от Токмака до Самсоновки. Вокруг Самсоновки он уничтожил мулушки и почетные могилы.

Такую же роль распространители паники и насильственных действий против киргиз взял на себя в Ивановке инж. Сыромятников, сорганизовавший добровольный карательный отряд, бродивший по горам и «ловивший киргиз» (дословное его выражение).

Этим же Сыромятниковым был отдан приказ о выселении русского сел. Санташ в Ивановку и Краснореченского сел. в Пишпек. Оригинально то, что село Краснореч., покинутое жителями, не имевшее баррикад и дружины, не подвергалось даже разграблению со стороны киргиз. То же о сел. Ст. Токмак, находившемся между Самсоновской и Токмаком. Слухи, как-то пускаемые в оборот и подтверждаемые официальными сообщениями администрацией, все время опережали события и почти

всегда оказывались ложными. 9-го стало известно от воинского начальника Писсаржевского, что Арасан отрезан: от публики, что все население перерезано. На Арасане было около 100 детей и женщин. Почти не было мужчин. Поехавшие 9-го на Арасан встречены были недоуменными взорами жен по поводу их неожиданного приезда. Вскоре приехали солдаты, передавшие приказание Писсаржевского «всех выселить».

Инж. Громашевский ночевал в одном караван-сарае с толпой киргиз человек в 300, никакому насилию не подвергся. Целый ряд лиц, работавших в горах, отмечают заметное движение киргиз в горы и полное отсутствие с их стороны каких-либо эксцессов. Партия землеустроителя Пирогова настолько близка была от вооруженной толпы киргиз, что сняла ее (снимок есть) — их не тронули.

Первым эксцессом со стороны киргиз было убийство Назарова, Долгополова и Фирингоф. Об обстоятельствах убийства первых двух (8-го) Депель и Копытовская (см. рапорт на имя нач. раб. по орошению) рассказывают, что Назаров с техниками и рабочими встретил толпу киргиз около Самсоновки и первый открыл стрельбу: у всех русских были ружья. Человек 40—50 киргиз было убито. После этого киргизы бросились на них. За исключением всех, успевших проскочить, Назаров и Долгополов — были убиты. Фитингоф была ранена ударом топорика в голову. Она пролежала около 3 дней на дороге, по которой ехали киргизы, и ее не добили. Это безусловно были уже обезумевшие от ужаса шествия Бакуревича киргизы, впереди его бежавшие через горные проходы. Может быть, что к ним уже присоединились и местные киргизы. Во всяком случае, кровь была уже ответом на убийства Бакуревича и других. Несколько жертв на Санташе (выше Ивановки) были ответом на действия ивановских добровольных карателей. 2—3 убийства в районе Токмака были ответом на действия Рымшевича и Бакуревича. Толпа уже была вооружена, ибо она воочию убедилась, что если будешь сидеть в юрте, убьют, сядешь на лошадь, бежать в горы — убьют, будешь вооружаться — убьют.

При таких условиях обезумевшей от ужаса и паники толпе ничего не остается делать, как защищаться, и эксцессы с отдельными лицами, застигнутыми в горах, являлись местью приведенной в ярость действиями администрации толпы.

На обратном пути из Токмака (13 авг.) в Дмитровке (24 версты) у Токмака и в 15 верстах от Ивановки, начальник Дмитровской дружины Семен Потапов сообщил, что прибежала вооруженная толпа киргиз человек 700. Дружинники выступили против них и хотели стрелять, но он их удержал и, оставив, пошел на переговоры. «Зачем вы вооружились?»— спросил он. «А зачем вы вооружились? Вы хотите нас всех перерезать?»— был ответ. Потапов: «Нет, мы вооружились, считая, что вы нас будете резать. Ведь вы бунтуете?» Кирг.: «Нет, мы так понимаем, что вы бунтуете». «Говорили мы с вами,— сообщил Потапов,— а у старшего их, как у малой детины — слезы бежали из глаз. Пожали друг другу руки и поехали в разные стороны».

Этот факт необычайно характерен для понимания «киргизского восстания», созданного взаимной паникой и вооружением друг против друга, разжигаемых действиями администрации и карательных отрядов.

13-го городовые в Пишпеке обходили дома и объявили общую мобилизацию. На сборном пункте (у казарм) Писсаржевский произнес следующее слово: «Вы все с этого момента мобилизованы, за критику действий властей будете подлежать военно-полевому суду. Из нас организуются карательные отряды, имеющие целью навести ужас на все туземное население. Как это надо будет сделать, вам будет разъяснено, а пока это является военной тайной. Каждый из вас обязан явиться вооруженным. Чтобы не было отговорок — нет ружья — возьмите вилы, если не хотите погибнуть. Положение серьезное. Все должны явиться на лошадях. Нет лошади — возьмите у соседа. Если не дает — сообщите его фамилию мне, он будет подлежать военному силу». В тот же день организовались дружины.

На следующий день уже была тревога. Колокольный звон, отовсюду скакали вооруженные дружинники. Оказалось... что застрял по дороге в Пишпек автомобиль, и пока его вытаскивали, собралась толпа киргиз, глазевших на это происшествие. 14-го в Беловодске приставом Грибановским было арестовано 138 киргиз и при бумаге и под охраной нескольких дружинников препровождены в уездное управление. Уезд. нач. до этого дня был пристав г . Пишпека Т. (бывший маркер, назначенный на эту должность ген. Фольбаумом), в этот день был назначен Путинцев. У Путинцева сидели инженеры: Васильев и Нефедов, когда явился кто-то и доложил, что

привели 35 киргиз из Беловодска арестованных. Прочтя бумагу, Путинцев сообщил, что препровождено 138. Оказалось, что арестованные были избиты по дороге в Сукулуке и Челоказаках, причем в живых осталось лишь 35 человек. Получив распоряжение куда-нибудь их поместить, пришедший ушел. И вот в тот самый вечер часов в 10—11 на церковной площади этим киргизам приказано было лечь, и они были городовыми и дружинниками все перебиты штыками под музыку из сада, не употребивши ни одного патрона. (Свидетели д-р Цертович и инж. Нефедов). Портной Шейнфель сообщил мне, что он был на дежурстве в качестве дружинника, пришел городовой и сказал: «смотри, чтобы никто не проходил, сейчас будем кончать киргиз». Другую партию пристав велел встретить за городом и там перебить, «чтобы не было шума».

С площади трупы (говорят, были и полуживые трупы) были вывезены по распоряжению пристава в степь, «где берут глины» и там закопаны. Солдат, бывший в карауле, рассказал помощнику прис. пов. Рубинштейну, что у уездн. упр. били и нескольких уже там убили: что пристав велел их увести на площади дать им отдохнуть, а через полчаса приехал на площадь спросил: «уже отдохнули?» и, получив утвердительный ответ, приказал вывезти трупы. Арык был запружен и кровь смыта.

Воинский нач. по этому поводу заявил, что об этой истории не надо говорить, так как придется установить версию, что они сделали попытку бежать. В тот же день 14-го в Беловодские вслед за арестованными явились киргизы с просьбами о том, чтобы арестованных освободили. На базаре было еще много любопытных. Образовалась толпа киргиз свыше 600 чел. Их окружили и ввели во двор вол упр.

Вся эта толпа без одного выстрела была перебита палками, поленьями, топорами. Нагруженные трупами и полуживыми людьми телеги проезжали через полуживых с целью их прикончить. В этот же день дружинники бросились в близлежащие волости и подвергли их полному разграблению, убив многих киргиз, обнаруженных в юртах. В аресте этой толпы принимал участие пристав Грибановский, который при избиении, согласно его заявлению, не присутствовал. Избивавшие лица известны, равно, как известно, что мещанин Полтавский участвовал в избиении в Пишпеке. Он заявил Цертовичу: «Надо было бы взять старые вилы, а то вчера новые вилы об-

ломал об этих киргиз». Не трудно установить и городовых, сопровождавших арестованных.

В районе Беловодска начались и со стороны киргиз кое-какие эксцессы. Повсюду начались грабежи. Из рапорта на имя воинского начальника производителя работ Лукашина видно, что 2 русских дружинника, вооруженных ружьями, явились в «мирную», еще не встревоженную волость и терроризуют население целой волости, отнимая имущество и угрожая смертью. Лукашин их обезоружил и выгнал. Толпа киргиз с ревом и плачем бросилась к нему, спрашивая, что они должны теперь делать?.

Самсоновцы выезжали в степь, пригоняли скот, напр., 600 баранов, 20 коров (см. рапорты Денель и Копытовской). На Курдае архангельцы занимались тем же. Во дворе воинск. нач. были лошади, бараны и скот, отнятый у «неприятеля». Был арестован субъект, который обирал киргиз под какими-то видами, полицией почему-то невыясненными.

Вокруг Пишпека 16—18 были воздвигнуты баррикады. Строили баррикады почти исключительно туземцы (около 600 чел), русских было не более 5—8%.

Когда узбеки явились к воинскому начальнику, прося записать их в дружины, и послали верноподданническую телеграмму с просьбой разрешить им вернуться в дружины (на имя нач. раб.), то жандармский полковник Косоротов стал подговаривать Лутина и купца Калинина послать телеграммы на имя нач. раб. от имени русского населения с просьбой не разрешать этого.

В Пишпеке оставшийся Путинцев был против «восстания», и беспорядков не было в 12 волостях, окружающих Пишпек, несмотря на то, что киргизы этих волостей в близких отношениях с киргизами, перебитыми в Беловодской волости.

Когда же Рышкевич в Токмаке получил известие, что он назначен руководить карательными действиями, то он снял фуражку, перекрестился и сказал: «Наконец мне дали поручение любимое, я же им покажу». Он сдержал обещание. 27-го он выехал из Пишпека в Ташкент. По пути все было спокойно и имело нормальный вид. В Мерке я был часов в 12 дня 28-го. Необходимо отметить несколько фактов, рисующих начало так наз. «восстания». Днем мужики с палками в руках загоняли свой скот, который никак не мог узнать хозяйских ворот.

Это явно был уже награбленный киргизский скот. По дороге из Мерке я встретил бегущих в горы киргиз с женами и скарбом. Далее встретили 3 солдат, только что отбивших у какого-то киргиза 3 верблюда, на которых они весело направлялись в Мерке. На первой станции (Луговое) у старосты станционного узнали, что сельский староста ударом кулака убил ямщика, стоящего около станции. «Если бы я быстро не загнал остальных киргиз во двор,— сказал он, то и другие мужики последовали бы ему примеру» (возвращались со схода). В то время как мы ждали лошадей, один из солдат (их было на станции 3) помочился в лицо лежавшему ямщику-киргизу. Такие факты были повсюду прелюдией к массовому грабежу и вмешательству вооруженной силы, препятствующей бегству в горы.

По дороге от офицеров мы узнали, что ночью того же дня «вспыхнуло восстание». Между прочим, в Мерке мы узнали, что все волости списки уже составили, за исключением 2 (Карагистанской и еще одной), где списки составляются. Из табели видно, что эти 2 волости должны были представить около 400 раб. По дороге из разговоров с встречными молодыми прапорщиками, полными энергии, мы имели право заключить в соответствии со всем уже пережитым, что «восстание» обеспечено. Киргизы будут убегать. В собравшиеся толпы будут стрелять. Через день они вооружатся, и тогда уже откроется полная основательность их «уничтожения» (термин этот стал официальным — см. объявление Писсаржевского).

Наряду с опасностями и серьезностью положения, описанного Писсаржевским, автомобили, реквизированные им для военных нужд в самый разгар военных действий, были употреблены: 3 автомобиля для доставки в Верный дочери губернатора, другой для доставки в Верный профессора-геолога, приехавшего для дачи заключения о возможности провести Верн. линию с точки зрения сейсмической безопасности. Шобдановцев (детей полковника милиции Шобдана), оказавшего большие услуги в покорении края, называет администрация главарями. Один из них, Саметдин, 8 августа был в управлении работ по орошению и просил у пом. нач. раб. Нефедова удостоверить список киргиз, занятых на работах уп-ния, как освобождаемых, согласно распоряжения ген-губен., от явки по реквизиции. Другой — Кемель: о нем известно, что он взял на свое попечение русских детей и жен-

щин, оставшихся на лесопильном заводе в долине Кебина.

Кстати: интересная черточка. За несколько дней до событий Токмакский пристав Байгулов под страхом серьезного наказания требовал от киргиз, работавших на постройке орошения около Токмака, чтобы они работы оставили, разъясняя что управление врет, что они будут освобождены от реквизиции, что на самом деле их собранных вместе прямо с работ возьмут и мобилизуют (см. рапорт Сыромятникова на имя нач. раб.). Этот же Байгулов еще до приезда Рымшевича был в районе Дж. Арык-Токмак. Что он там делал, неизвестно. Но он был с вооруженным отрядом.

Что увод лошадей не явился эксцессом исключительно против русских, видно из того, что лошади из табунов, принадлежащих туземцам, тоже были уведены (у Милушева, Енгалычева, Гали-Узбекова, Аминжанбаева). Лошадей захватывали, где бы и чьи бы не попадались для бегства от надвигающихся карательных отрядов.

Заключение

Из всего вышеизложенного с необходимостью устанавливается следующее:

1. Киргизы систематически работой различных органов правительства, в том числе Перес. Управления, были совершенно обезземелены, хозяйство их разорено. Однако это обстоятельство не было непосредственной причиной восстания, так как наряду с этим процессом разрушения хозяйства шла работа по дезорганизации их общественности, достигшей таких размеров, что у них невозможно ни одно, самое узкое секретное собрание, никакая подготовка к восстанию и т. д. Малейшие попытки стали бы известны администрации через «своих» киргиз, волости.

2. Причиной восстания не могли быть ни национальный, ни религиозный моменты, что мной было доказано на страницах 42—45 этого показания, ибо они значительно более слабо выражены, чем у узбеков, а среди них восстания не было.

3. Восстания против войны, как таковой, чем многим хотелось бы объяснить этот «бунт», не могло быть в силу хотя бы низкого уровня политического развития кир-

гиз, которые плохо даже знают, кто с кем воюет, и потому что они сами просили, чтобы их брали на тех же основаниях, что и русских.

4. Остается одно: восстание было результатом провокационной работы всей администрации, не исключая высшей (Ташкент и Семиречье), направленное к тому, чтобы вырезать киргизское население и очистить земли для дальнейшей колонизационной деятельности правительства. Нелепые и провокационные приказы, ложные разъяснения чинов администрации, натравливание русских поселенцев, организация из них отрядов, безнаказанность массовых убийств и бесчинств — все это было основание к массовому «уничтожению» киргиз. Действиями воинских отрядов и крестьянских дружин, вооруженных и организованных полицией, администрация края искусно расширяла район и остроту волнений, все более превращая киргизское население в неприятеля в глазах приходящих войск.

Ташкент, 3сентября 1916 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Из книги Мурада Аджи «Полынь половецкого поля» . 3
Афанасий Никитин. Хождение за три моря . . . 15
Из книги «Тарих-и Рашиди» *Мирза Мухаммад Хайдара* 19
Из книги И. Я. Златкина «История Джунгарского ханства 70
Из книги Айдера Маметова «Крымские татары» . . 94
Из книги «В сердце Азии. Памир. Тибет. Восточный Туркестан. Путешествие Свена Гедина в 1893—1897 годах» 103
Из очерка истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии «Туркестан — колония» П. Г. Галузо 110
Из «Материалов по истории Казахской ССР» (1785—1826 гг.,) Т. IV Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде в конце XVIII — нач. XIX в. . 117
Опись родов киргиз-кайсацкого народа. Из «Материалов о движении батыра Срыма и «Реформа» ген.-губ. О. А. Игельстрома (1785—1797 гг.) 171
От Петербурга до Семипалатинска. Из «Путешествий в Тянь-Шань в 1856—1857 годах» П. П. Семенова-Тянь-шанского. 183
Переселение илийских уйгур в Семиречье. Из работы *М. Кабирова* 244
Из «Обзора Семиреченской области за 1894 год» . 277
Из «Обзора Акмолинской области за 1895 год» . . 285
Из краткого исторического очерка «Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях». Сост. И. Крафт 325
Принятие киргизами русского подданства. Из «Сборника узаконений о киргизах степных областей» 361
Хронологический перечень изданных грамот, указов и узаконений по отношению казахов 418
В царствование Анны Иоанновны . . . —
В царствование Петра III 455
В царствование Екатерины II 457
В царствование Павла I 461
В царствование Александра I . . . . . —
В царствование Николая I 463
В царствование Александра II 476
В царствование Александра III 488
В царствование Николая II 489
Материалы к истории восстания киргиз в 1916 году . 490

Научно-популярное издание

ИЗ ИСТОРИИ КАЗАХОВ

Составители *С. Ешмухамбетов, С. Жекеев*

Редактор *Л. Степанова*
Художник *Н. Нурмуханбетов*
Художественный редактор *А. Р. Тленшиев*
Технический редактор *Р. И. Винокурова*

ИБ № 5060

Сдано в набор 22.09.98. Подписано в печать 22.02.99. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага тип. Печать высокая. Гарнитура «литературная». Усл. п. л. 27.72. Уч. изд. л. 28.8. Усл. кр.-отт. 28.14. Тираж 3000 экз. Зак. № 2181. Цена договорная.

ТОО «Жалын баспасы» Министерства культуры, информации и общественного согласия Республики Казахстан, 480009, г. Алматы, пр. Абая, 143.

Республиканское производственное объединение «Кітап» Министерства культуры, информации и общественного согласия Республики Казахстан, 480009, г. Алматы, пр. Гагарина, 93.